T 90/59
т1.

2007040211

Карачинской и Л. Шапркевичъ

1906 г.

Матусовой и Сошковичъ

1907.

Кароли

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

А. Галахова.

Изданіе тринадцатое.

ТОМЪ I.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для Гимназій, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ — для Духовныхъ Семинарій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

Составилъ

А. Галаховъ.

Изданіе тринадцатое, безъ перемѣнъ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

ПРОЗА.

(Пособіе при изученіи теоріи прозы).

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для Гимназій, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ — для Духовныхъ Семинарій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1870.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПИСАНІЯ И РАЗСКАЗЫ.

А. ОПИСАНІЯ.

Б. ПОВѢСТВОВАНІЯ.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

ОРАТОРСКАЯ РѢЧЬ.

А. ДУХОВНОЕ ОРАТОРСТВО.

Б. СВѢТСКОЕ ОРАТОРСТВО.

ОПИСАНІЯ И РАЗСКАЗЫ.

I. ОПИСАНІЯ.

1. Рейнскій водопадъ.

Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался... Долѣе часа стояли мы въ сей галереѣ, но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока), а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Карамзинъ.

2. Рейнскій водопадъ.

Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія; то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣетъ нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды: сверху видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она

падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою въ пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галереи, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа. И это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ: мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги—словомъ, картина неописанная.

Жуковскій.

3. Водопады Иматрскій и Нарвскій.

Рѣка Вокша, довольно широкая въ обыкновенномъ своемъ теченіи, втѣсняется здѣсь въ узкое русло и по отлогой покатости, наполненной камнями, съ шумомъ стремится на разстояніи четверти версты, доколѣ не находитъ себѣ пространнаго ложа. Утесистые, зеленые берега ея покрыты съ одной стороны лѣсомъ, съ другой англійскимъ садомъ; четыре малыя бесѣдки стоятъ по краямъ водоската; у его начала виденъ вдали лѣсистый островъ, внизу-же, противъ поворота рѣки, лежитъ не горѣ селеніе: такова Иматра.

Но дико и отрадно смотрѣть изъ нижней бесѣдки на шумное страданіе волнъ: съ какимъ ужасомъ скачутъ онѣ одна надъ другою, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ! съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинные плески, какъ сѣдые локоны, которые рветъ на себѣ терзаемый духъ этой бездны! и какъ наконецъ его измученныя дѣти, всѣ изрѣзанныя камнями, исторгшись изъ сего адскаго русла, одною широкою волною разстилаются по мягкому ложу. Если природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса,—она достигла цѣли и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склоняясь надъ бездною, жадно прислушиваетя къ дикому говору волнъ и будто хочетъ разобрать, въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій, тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа подъ печатію своего безмолвнаго величія.

Посѣтивъ въ началѣ весны Нарвскій водопадъ, я имѣю нынѣ случай сравнить его съ Иматрою. Обоими славятся окрестности нашей сѣверной столицы. Но воды Нарвы падаютъ однимъ широкимъ уступомъ, а воды Иматры тѣснятся по долгому скату. Первое впечатлѣніе Нарвы сильнѣе, какъ и самое паденіе, но скоротечно; впечатлѣніе Иматры продолжительно, какъ зрѣлище долгаго страданія. Одинаково слышенъ издали ревъ обоихъ; но въ Нарвѣ—это голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препоны, въ Иматрѣ—это вопль казни и мученій: все пусто и уныло окрестъ нея, какъ лобное мѣсто.

Напротивъ того, въ Нарвѣ есть жизнь и посреди бунтующей влаги: рука человѣческая воздвигла тамъ мельницу на острову, раздѣлившемъ водопадъ, и не вдалекѣ виденъ городъ съ его двумя замками. Казалось, самая рѣка такъ сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебныя племени положили на берегахъ ея. Одинокая башня рыцарей, вся въ развалинахъ, какъ ихъ орденъ, доселѣ грозится на многобашенный Иванъ-городъ, поставленный гранію грознаго царя на рубежѣ Меченосцевъ. Промежду нихъ съ шумомъ несется бурный потокъ, какъ пронеслись съ шумомъ великія событія сихъ твердынь, когда умолкла кровавая между ними бесѣда.

А. Муравьевъ.

4. Кивачъ.

Отсюда (*) до мѣста назначенія добираются водою вверхъ по рѣкѣ Сунѣ. Въ Вороновѣ ожидала насъ лодка съ шестью гребцами, крестьянами этой деревни. Рѣка Суна шириною отъ 20 до 60 саженъ; каменные берега ея, покрытые большею частію почвой, зелены и красивы, особенно правый, который, сколько я припомню, болѣе гористъ. На срединѣ пути есть пороги, которые пугаютъ нѣкоторыхъ боязливыхъ дамъ; но прежде чѣмъ онѣ успѣютъ ахнуть, лодка переѣзжаетъ черезъ порогъ съ едва замѣтнымъ колебаніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ позволяютъ берега, лодку тянутъ бичевою; напоръ воды такъ силенъ, что на веслахъ, противъ теченія, плыть чрезвычайно тяжело. За нѣсколько верстъ до водопада рѣка уже покрыта пѣною, плывущею отъ кипучей бездны. Версты за три до мѣста лодка начинаетъ дрожать. Это тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что по видимому къ тому нѣтъ никакой причины. Въ лѣсу тишина мертвая, вѣтеръ не шелохнется, шума водопада за поворотомъ рѣки да за лѣсомъ не слышно; а лодка дрожитъ. Значитъ, вода и самая почва сотрясаются отъ паденія громадной массы воды. Но вотъ вы слышите дикій шумъ. Шумъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивается, хотя водопада все еще не видно. Наконецъ, круто повернувъ по рѣкѣ, мы очутились почти передъ самымъ жерломъ его. Здѣсь, на самой водѣ, устроена платформа, на которую выходятъ изъ лодки—и предъ вами Кивачъ! Сначала, въ недоумѣніи, вы какъ будто не знаете, куда себя дѣвать. Прямо на васъ несется съ высоты шести или семи сажень водяная гора. Гора эта съ четырьмя уступами, изъ которыхъ послѣдній, самый большой и совершенно отвѣсный, падаетъ возлѣ васъ въ бездну. Огромнѣйшія деревья окружающаго дремучаго лѣса, сброшенныя сверху водопада, стоймя низвергаются въ эту бездну и совершенно скрываются въ ней; далеко отъ нея они снова поднимаются на поверхность воды. Бездна эта реветъ, клокочетъ, пѣнится и брызжетъ вверхъ, такъ что брызги взлетаютъ не только выше черныхъ скалъ, стоящихъ по бокамъ водопада, но даже выше растущаго на нихъ лѣса, а скалы эти возвышаются сажень на восемь надъ поверхностію воды. Растрескавшіяся мѣстами, онѣ чрезвычайно красивы; правая имѣетъ чрезвычайное сходство съ головой слона. Съ нижней площадки вы поднимаетесь вверхъ по чрезвычайно-удобной лѣстницѣ, идущей прямо по обрыву скалы, и входите въ прекрасный двухъ-этажный лѣтній домъ, устроенный по случаю посѣщенія водопада Государемъ Императоромъ. Въ немъ нѣсколько комнатъ, оклееныхъ красивыми обоями, даже кухня. Изъ этого павильйона выходите вы на балконъ. Передъ глазами вашими верхняя часть водопада, а нижняя подъ ногами. Это второй видъ водопада. Рѣка съ самаго верхняго уступа несется передъ вами и у вашихъ ногъ разсыпается въ безднѣ, орошая окрестныя скалы милліонами брызгъ.

Къ крайнему сожалѣнію, погода совершенно испортилась, когда мы прибыли на Кивачъ. Небо покрылось тучами, пошелъ дождь. Наступила темная ночь. Видъ Кивача измѣнился. Между черными скалами, посреди чернаго сосноваго лѣса, подъ тьмою ночи мчалась бѣлая снѣговая масса и разсыпалась внизу: это была уже не вода, а снѣговая рѣка, вся бѣлая отъ пѣны. Не смотря на дождь, я нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и не безъ ужаса смотрѣлъ на эту грозную природу. Ночная тьма висѣла надъ лѣсомъ, и грохотъ воды гремѣлъ въ тиши дикой природы.

Долго я любовался дикою ночью среди дремучаго лѣса. Наконецъ, мы легли спать, съ тѣмъ чтобы завтра утромъ отправиться назадъ; но я не могъ сомкнуть глазъ по совершенной непривычности положенія. Отъ паденія воды, скала и стоящее на ней зданіе сотрясались. Непо-

(*) Отъ села Воронова.

мѣрный шумъ, который отъ движенія воздуха, или отъ большаго или меньшаго напора воды нѣсколько измѣнялся; наконецъ, этотъ подземный гулъ, этотъ ужасающій голосъ бездны не давали покоя. Проворочавшись почти всю ночь, я очень обрадовался, когда на вершинахъ деревьевъ замѣтилъ первые лучи солнца. Я немедленно вышелъ на балконъ. День былъ чудный, свѣжій, послѣ вчерашняго дождя. Я слѣдилъ, какъ солнце, вставая, кралось съ вершинъ деревьевъ все ниже и ниже; наконецъ освѣтило верхнюю часть водопада и заиграло радугами въ брызгахъ, которые извергала бездна. Радуги эти переходили съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ солнечнаго движенія. Напившись чаю, мы переѣхали на ту сторону, то-есть на скалу, которая похожа на слоновую голову. На ея вершинѣ построенъ бельведеръ, изъ котораго третій видъ на водопадъ. Когда я взглянулъ внизъ, сердце у меня замерло. Вся рѣка была ниже насъ, а клокочущая бездна подъ ногами реветъ, крутится и высылаетъ прямо въ лицо столбъ водяной пыли. Съ ужасомъ я смотрѣлъ на эти мчащіяся массы воды, а между тѣмъ мои гребцы карабкались по отвѣсному берегу прямо надъ первымъ уступомъ водопада и сбрасывали туда огромныя деревья.

У Державина прекрасно и чрезвычайно вѣрно описанъ внѣшній видъ водопада.

Н. Дмитріевъ.

5. Очерки Швеціи.

Швеція, если судить по тому, что намъ удалось видѣть во время нашего путешествія, есть гранитное царство. Вездѣ слой земли, болѣе или менѣе тонкій, покрываетъ гладкую площадь гранитную, и вся поверхность этой площади усыпана обломками того же гранита, которые всѣ вообще имѣютъ круглую форму, подобно камнямъ, скопляющимся на днѣ быстрой рѣки, которая силой воды мчитъ ихъ и мало-по-малу округляетъ. Эти гранитные обломки, составляющіе нѣмое преданіе о какомъ-то давнишнемъ боѣ стихій, представляютъ явленія разительныя. Иногда посреди широкаго зеленаго поля лежитъ огромная скала, совершенно голая, слегка подернутая мохомъ, какъ желѣзо ржавчиною, и видно, что она откуда-то прикатилась, ибо не составляетъ продолженія той поверхности, на коей лежитъ, а только едва къ ней прикасается своею отдѣлившеюся отъ нея базою. Иногда множество гранитныхъ обломковъ лежитъ кучею, подобно зернамъ, вдругъ высыпавшимся изъ какого-то огромнаго сосуда. Иногда эти крупные и мелкіе обломки разсыпаны по плоскому мѣсту и составляютъ лабиринтъ скалъ, подобный Алупкинскому саду въ Крыму, съ тою только разницею, что здѣсь камни голы, зеленый плющъ ихъ не одѣваетъ и между ними не пробиваются лавры, а вмѣсто живописныхъ деревьевъ юга, обвитыхъ плющемъ и виноградомъ, торчатъ на ихъ голыхъ вершинахъ и бокахъ однообразныя ели и сосны и изрѣдка березы, которыхъ корни сквозь трещины гранита проникаютъ въ землю и, переплетаясь на поверхности камня, составляютъ для него какое-то чудное, кружевное покрывало. Промежутки между этими камнями покрыты пашнями, которыя, во время нашего путешествія, отъ долговременной засухи, не представляли большой надежды на богатую жатву.

Хижины поселянъ разсѣяны по полямъ и не составляютъ, какъ у насъ, отдѣльныхъ селеній. Въ нихъ вообще видна опрятность. Но архитектура ихъ не живописна и не имѣетъ никакого характера: крутыя кровли, соломенныя или тесовыя; стѣны, изъ обтесанныхъ бревенъ; довольно большія окна, отъ которыхъ внутри хижинъ должно быть всегда свѣтло и слѣдственно весело; и вообще всѣ стѣны, снаружи выкрашенныя темнокирпичною краскою, сберегающею ихъ отъ дѣйствія внѣшней температуры, отъ чего хижины мало отдѣляются отъ окружающаго ихъ ландшафта и тогда только бываютъ очень замѣтны, когда на нихъ

ярко свѣтитъ солнце. Жители этихъ хижинъ вообще красивой наружности. Они привѣтливы. Въ ихъ обращеніи чувствительно какое-то непринужденное доброжелательство и простодушіе, сколько можно судить объ этомъ тому, кто, не зная ихъ языка, не могъ съ ними завести разговора. Особенно между женщинами множество прекрасныхъ бѣлокурыхъ, съ голубыми, часто весьма выразительными, глазами. Это особенно было замѣтно въ городахъ: окна часто составляли рамы живыхъ картинъ, и въ каждой изъ этихъ рамъ являлась группа изъ пяти или шести лицъ, между коими всегда половина была прекрасныхъ.

Особенную красоту шведской природы составляютъ великолѣпныя озера, тамъ повсюду разсыпанныя. Зрѣлище, представляющееся на этихъ озерахъ, весьма сходно съ тѣмъ, которое представляетъ вся окружающая ихъ сторона. Вмѣсто зеленыхъ полей вообразите только равнину водъ, и вы увидите надъ водами тѣ же группы камней и скалъ, которыя являются между полями, составляя на сушѣ каменныя, покрытыя елями и соснами, возвышенія, отдѣльные голые или лѣсистые холмы, или просто отвалившіяся, Богъ знаетъ откуда, скалы, а посреди озера большіе и малые острова, то отлогія, то крутыя, то лѣсистыя, то голыя и торчащія изъ водъ скалы, или отдѣльныя, или набросанныя странными грудами. Эти озера прелестны; но ихъ нельзя сравнивать ни съ озерами Швейцаріи и Тироля, ни съ озерами Италіи.

Озеро Меларнъ самое живописное изъ большихъ озеръ Швеціи. Особенную прелесть даютъ ему излучины его гранитныхъ береговъ, покрытыхъ елями, соснами и березами, на крутыхъ и даже не разнообразныхъ, но придающихъ озеру какую-то оригинальную живописность тѣмъ, что они то стѣсняются—и озеро представляетъ тогда широкую рѣку между лѣсистыми берегами, то расходятся—и тогда передъ глазами прекрасная равнина водъ, усыпанная большими и малыми островами, которые своими живописными группами составляютъ отличительный характеръ Меларна передъ другими большими озерами Швеціи. При свѣтѣ солнца, особливо въ тихую погоду, эти острова составляютъ зрѣлище очаровательное. Иногда видишь густую рощу, которой вѣтви наклоняются до поверхности воды и которая подымается изъ озера огромною зеленою массою, скрывая отъ глазъ свое гранитное основаніе. Иногда разсыпана по водамъ группа гранитныхъ округленныхъ скалъ: иныя голы, иныя покрыты густымъ кустарникомъ, на иной торчитъ всего-на-все одна ель, какъ будто уцѣпившаяся за нее своими корнями, чтобы спастись отъ бури. Иногда совсѣмъ не видно гранита, а видно нѣсколько деревьевъ, выходящихъ изъ воды и какъ будто выросшихъ на влажной ея поверхности. Все это оживлено лодками и судами, коихъ распущенные паруса величаво поднимаются между группами малыхъ острововъ или прелестно бѣлѣютъ на темномъ грунтѣ лѣсистаго берега. Повсюду по берегамъ, входящимъ въ озеро длинными мысами или принимающимъ его въ себя глубокими заливами, мелькаютъ замки, церкви, крестьянскіе домы. *Жуковскій.*

6. Финляндія.

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно только въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, но гдѣ, также какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастіе. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное, военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма. Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль,

бури и непогоды царствуютъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна нерѣдко принимаетъ видъ мрачной осени. Куда ни обратишь взоры, вездѣ, воздѣ встрѣчаешь или воды или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитные, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлитіемъ океана. Въ концѣ апрѣля начинается весна: снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣной низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда и, по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю изъ тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера и поверхность соннаго озера пробудилась какъ отъ сна. Видишь-ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ! Сосѣдніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся природа является въ ужасномъ разстройствѣ. Сіи страшныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную миѳологію Скандинавовъ, которымъ божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество.

Лѣса финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предпріимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ вертепахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы; завываніе волковъ, ищущихъ добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени, или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, который стрѣлой протекаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ, быстро превозмогаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! Посмотри далѣе: огнь небесный или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ? опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ чернымъ облакомъ отъ сего огнища: все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волкъ жуетъ сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Какіе народы населяли въ древности землю сію? Гдѣ признаки ихъ бытія? Гдѣ слѣды ихъ? Время все изгладило; или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и исторія, начертавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и восточныхъ, молчитъ о народахъ сѣвера. Но существовали народы сіи—угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной природы или изгнанники изъ странъ счастливѣйшихъ: они населяли сіи пещеры, питались млекомъ звѣрей и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, побѣду надъ врагомъ, изъ черепа котораго (страшное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикія чада лѣсовъ выходили изъ логовищъ своихъ и пролагали путь по морямъ Гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицей, они идутъ войной на стада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ; они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую трапезу! Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и смерть и

жизнь, они не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изступленіи наполняютъ крикомъ лѣса—и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ.

Здѣсь царство зимы. Въ началѣ октярбя все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; иней падаетъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ утреннемъ морозѣ, блистаютъ радугою, отражая солнечные лучи тысячью пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ смотритъ на опустошенія зимы: едва явится— и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной стужи. Мѣсяцъ, въ теченіе всей ночи, изливаетъ сребряные лучи свои и образуетъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, обѣленныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище—сія необыкновенная тишина и въ воздухѣ и на землѣ! Повсюду безмолвіе! Робкая лань торопливо пробирается въ чащу, отрясая съ роговъ своихъ оледенѣлый снѣгъ; стадо тетеревей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ странника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

Но и здѣсь природа улыбается веселой, но краткой улыбкой. Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ утекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячу ручьевъ, тысячу водопадовъ: тогда природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ растительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво,—завтра все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно, быстрое, почти невѣроятное ихъ возрастаніе подало поводъ къ сему вымыслу. Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ велелѣпіи на концѣ озера, позлащеннаго внезапу румяными лучами. Пустынныя птицы радостно сотрясаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу; рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, растущихъ на отлогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера златыми чешуями, между тѣмъ какъ мелкіе жители влажной стихіи играютъ стадами у подошвы скалъ или близь песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умираютъ на гранитныхъ скалахъ, которыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жители сихъ прелестныхъ пустынь) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Стада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей летятъ въ сосѣднее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣтствуютъ вечернее солнце. Оно погружается въ безднѣ Ботническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пустынѣ. *Батюшковъ.*

7. Дорога.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! и какъ чудна она сама эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ.... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся. Какъ соблазнительно крадется дремóта и смежаются очи! и уже сквозь сонъ слышатся и «не бѣлы снѣги», и сапъ лошадей, и шумъ колесъ; и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся: пять станцій убѣжало назадъ, луна, невѣдо-

мый городъ, церкви съ старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечіями, темные бревенчатые и бѣлые каменные дома. Сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые, полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши, и нигдѣ ни души—все спитъ. Одинъ одинешенекъ, развѣ гдѣ нибудь въ окошкѣ брезжетъ огонекъ: мѣщанинъ ли городскій тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ—что до нихъ? А ночь! небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ въ недоступной глубинѣ своей такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся! но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься, и храпишь, и ворочается сербито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый къ углу сосѣдъ. Проснулся и уже опять передъ тобою поля и степи, нигдѣ ничего—вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель! какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчекъ, и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. Полегче! легче! слышится голосъ, телѣга спускается съ кручи: внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій какъ мѣдное дно передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ. Боже! какъ ты хороша, подъ часъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній! *Гоголь.*

8. Садъ.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохшій, казалось, одинъ освѣжалъ обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленный бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, сіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись,

Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ, отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искуству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному часто безъ толку труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелые массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности. *Гоголь.*

9. Африканская пустыня.

Африканскія пустыни, по чрезвычайной бѣдности растеній и животныхъ, имѣютъ видъ безжизненный и однообразный. Въ однихъ мѣстахъ онѣ представляютъ огромныя пространства, перерѣзанныя глубокими ущеліями, черными и сѣроватыми скалами, въ другихъ — ровную поверхность, покрытую глубокимъ, желтоватымъ пескомъ, и только въ нѣкоторыхъ, особенно счастливо расположенныхъ долинахъ, попадаются углубленія, наполненныя дождевою водою, а подлѣ растутъ финиковыя пальмы и разбросаны кусты мимозъ, подъ которыми Арабъ разбиваетъ свою палатку. Круглый годъ надъ этою однообразною поверхностію пылаетъ солнце. Такова общая картина пустыни, не даромъ сравниваемой съ моремъ. И въ самомъ дѣлѣ, она имѣетъ большое съ нимъ сходство: во время сильнаго сѣвернаго и восточнаго вѣтровъ, на ней подымаются и движутся песчаныя волны, будто на морѣ. Иногда песокъ поднимается вверхъ столбами, на подобіе морскихъ тифоновъ. Освѣщенные палящимъ солцемъ, они кажутся огненными, носятся съ удивительною быстротою по поверхности пустыни и наводятъ ужасъ на изумленнаго путешественника. Подобныя явленія бываютъ обыкновенно передъ наступленіемъ самума. Есть и другіе признаки приближенія этого страшнаго вѣтра, названнаго Арабами ядомъ: предъ наступленіемъ самума воздухъ дѣлается въ высшей степени удушливымъ, какъ передъ бурей; животныя, предчувствуя недоброе, выражаютъ безпокойство и боязливость; къ ночи зной усиливается; караванъ, застигнутый непогодою, спѣшитъ укрыться въ безопасное мѣсто, пока есть возможность, пока есть еще свѣтлыя звѣзды, указывающія дорогу. Но вотъ исчезла послѣдняя звѣздочка, и необозримая равнина покрылась густымъ туманомъ. Прошла ночь, на востокѣ появилось уже солнце, но его не видно за туманомъ, который дѣлается все гуще и гуще и наконецъ распространяетъ такой мракъ, что нѣтъ возможности различать предметы даже на разстояніи ста шаговъ. Вслѣдъ за этимъ подымается съ юга, или съ юго-запада, легкій, но довольно жгучій вѣтеръ. Мало по малу онъ усиливается до того, что въ состояіи сорвать путника съ верблюда. Караванъ долженъ остановиться, да и верблюды отказываютя продолжать путь: вытянувъ шею, фыркая и издавая жалобные вопли, бѣдныя животныя опускаются на землю. Арабы торопливо сносятъ мѣхи съ водою въ мѣста, защищенныя отъ вѣтра; сами же, какъ можно плотнѣе, закутываются въ плащи и укрываются за тюками. Въ караванѣ водворяется мертвая тишина, а между тѣмъ въ пустынѣ уже бушуетъ самумъ. Доски сундуковъ распадаются съ сильнымъ трескомъ; песокъ мелкій, какъ пыль, носится по поверхности густыми тучами, проникаетъ чрезъ всѣ отверстія, даже чрезъ сукно и, падая на тѣло человѣка, производитъ страшныя мученія: путешественники начинаютъ чувствовать головную боль, ды-

ханіе становится прерывистымъ, грудь волнуется, растрескавшіяся губы обливаются кровью, языкъ совершенно высыхаетъ, во всемъ тѣлѣ чувствуется страшный зной и зудъ, самая кожа трескается отъ жара и наполняется жгучимъ пескомъ, что еще увеличиваетъ страданіе путниковъ. Несчастные выбиваются изъ силъ, испускаютъ пронзительные вопли, которые доходятъ до бѣшеныхъ криковъ, потомъ мало по малу слабѣютъ и наконецъ совсѣмъ утихаютъ.—Прошла буря; но въ караванѣ, по прежнему, мертвая тишина. У немногихъ достало силъ перенести такія страшныя мученія и, можетъ быть, къ счастію, потому что оставшіеся въ живыхъ должны подвергнуться той же участи, вынеся еще цѣлый рядъ страданій. Представьте себѣ путника, пережившаго эту грозную бурю. Мало по малу приходитъ онъ въ себя, поднимается съ большими усиліями, и первая мысль, явившаяся въ его головѣ, это—мысль о жизни. Но жизни осталось въ немъ немного. Жажда сожигаетъ его внутренность. Онъ сбирается съ послѣдними силами, приползаетъ къ мѣхамъ съ надеждой найти въ нихъ воду, но не находитъ ни одной капли. Самумъ уничтожилъ все. Не видя вокругъ себя помощи, онъ рѣшается бѣжать отъ мѣста смерти, но и для этого не находитъ средствъ. Его верблюдъ палъ. Онъ пробуетъ идти, но, послѣ нѣсколькихъ шаговъ, на ногахъ дѣлаются раны, жгучій песокъ растравляетъ ихъ, нѣтъ силъ выносить мученія — и страдалецъ падаетъ на землю безъ всякой надежды на помощь, потому что каждый изъ его спутниковъ заботится только о себѣ: старается отыскать болѣе сильнаго верблюда и, захвативъ съ собою воды, если она есть, добраться до ближайшаго ручейка. Не каждому удается это. Иногда верблюдъ отстаетъ отъ прочихъ и, совершенно выбившись изъ силъ, падаетъ на землю, а путникъ одинъ, безпомощный, остается среди пустыни. Вокругъ себя онъ видитъ голую землю, вдали ему представляются мѣстечки, окруженныя водою, пальмовые лѣса, рѣки, покрытыя кораблями, однимъ словомъ, все, что соединяется съ мыслью о водѣ. Но всѣ эти видѣнія—обманъ, еще болѣе усиливающій страданія умирающаго. Проѣзжающій караванъ, найдя тѣло несчастнаго, считаетъ своею обязанностію предать его погребенію; но чаще это исполняетъ вѣтеръ. Въ пустынѣ нерѣдко можно встрѣтить кучи песку, изъ которыхъ торчатъ кости погибшаго. Арабъ, поравнявшись съ такимъ памятникомъ, творитъ краткую, но жаркую молитву объ избавленіи его отъ подобной участи.

Вотъ какую страшную картину представляетъ пустыня во время самума! Съ ея ужасами едва ли можетъ сравниться какое нибудь другое несчастіе. Но и ихъ заставляютъ на время забывать многія явленія, встрѣчаемыя только здѣсь, среди негостепріимной пустыни. Одно изъ нихъ представляетъ ночь. Солнце, совершивъ свой дневной путь, скрылось за горизонтомъ. Наступаетъ вечеръ, а вмѣстѣ съ нимъ начинаетъ дуть прохладный сѣверный вѣтерокъ. Все, утомленное дневнымъ жаромъ, возвращается къ жизни. Погонщики верблюдовъ затягиваютъ пѣсню, подъ ея звуки весело бѣгутъ животныя, побрякивая колокольчиками. Наступаетъ ночь, и караванъ останавливается для отдыха. На небѣ зажглись звѣзды, воздухъ чистъ и прозраченъ, повсюду глубокая тишина, кой-гдѣ только мелькаетъ огонекъ, а около него семья Арабовъ готовитъ свой скудный ужинъ, да изрѣдка слышится фырканье верблюда; между тѣмъ на небѣ показалась луна и освѣтила эту чудную картину. Тогда пустыня дѣлается въ полномъ смыслѣ величественною, и трудно представить человѣка, который бы не былъ пораженъ этою картиною, который бы не пожелалъ наслаждаться ею цѣлую жизнь. Напрасное желаніе! мракъ ночи разсѣевается, наступаетъ утро, и на безоблачномъ горизонтѣ показывается солнце въ видѣ красноватаго пятна. Чрезъ нѣсколько

часовъ воздухъ дѣлается томительно знойнымъ, и для бѣдныхъ путешественниковъ опять начинаются неизбѣжныя страданія. Куда ни обратится глазъ, вездѣ видитъ раскаленный песокъ, а вдали представляются великолѣпныя картины: огромныя рѣки, озера, деревья, цѣлые города; эти призраки то остаются на одномъ мѣстѣ, то приближаются, то удаляются; ихъ туземцы называютъ чертовымъ моремъ. Начинаются они съ 9-ти часовъ утра, въ полдень достигаютъ полной красоты и прекращаются въ три часа пополудни. Великолѣпны эти явленія; но ихъ великолѣпіе не можетъ заставить путника забыть о тѣхъ ужасныхъ лишеніяхъ, съ которыми онъ встрѣчается среди этого песчанаго моря, мертваго своихъ однообразіемъ. Не такъ разсуждаетъ Бедуинъ—постоянный житель пустыни. Онъ сильно привязанъ къ своей негостепріимной родинѣ, ни на что не промѣняетъ ее и готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы сохранить свою свободу. Такая же любовъ къ родинѣ замѣтна и въ животныхъ, населяющихъ пустыню, особенно въ газеляхъ. Обреченныя довольствоваться скудною пищею пустыни, но одаренныя за то особенною терпѣливостію, онѣ скоро хилѣютъ на чужбинѣ—и роскошная пища ея не замѣнитъ имъ тощей, но родной травы. Новая родина покажется имъ тѣсною въ сравненіи съ безграничною пустынею.

10. Кремль при лунномъ свѣтѣ.

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ кроткимъ своимъ свѣтомъ и небеса и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ; если хотите испытать этотъ неизъяснимо сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій: ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ, сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хотъ разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извощики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего замоскворѣчья какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко, вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ по прежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркой звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя: какъ стройно и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ! О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ ихъ скромныя гробницы,—какъ это все отрываетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще движенье и суета, люди или хлопочутъ о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно и все также живетъ, но только другою жизнію. Эти высокія стѣны, древнія башни

и царскіе терема не безмолвны: они говорятъ вамъ о быломъ, они воскрешаютъ въ душѣ вашей память о вѣкахъ давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ — и бѣдствія и славу вашихъ предковъ, ихъ страданія, ихъ частыя смуты и всегдашнюю вѣру въ Провидѣніе, которое, такъ быстро, такъ дивно возвеличивъ Россію, хранитъ ее, какъ избранное орудіе, для совершенія неисповѣдимыхъ судебъ своихъ. Здѣсь вы окружены древней русской святынею, вы бесѣдуете съ нею о небесной вашей родинѣ. Какъ прилипшій прахъ, душа ваша отрясаетъ съ себя всѣ земные помыслы. Мысль о безконечномъ даетъ ей крылья, и она возносится туда, гдѣ не станутъ уже дѣлить людей на поколѣнія и народы, гдѣ не будетъ уже ни вѣковъ, ни времени, ни плача, ни страданій. *Загоскинъ.*

11. Утро на берегахъ Женевскаго озера.

Теперь 4-е января (стараго стиля); день ясный и теплый; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; предъ глазами моими разстилается лазоревая равнина Женевскаго озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а только его чувствуешь: озеро дышитъ. Сквозь голубой паръ подымаются голубыя горы съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ какъ яркія искры; на горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, вьются полосы дыма; иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ невольно въ трепетъ, вдругъ раздастся звонъ часоваго колокола съ башни церковной; этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ, и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ: онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувство спокойствія: тамъ далекій лай собаки, тамъ скрипъ огромнаго воза, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть; есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера: каждый день смѣняетъ ее другая. *Жуковскій.*

12. Лѣсные голоса.

Лѣсъ все чаще и гуще покрывалъ пространство; въ воздухѣ уже повѣяло прохладой; сквозь нависшія тучи виднѣлись небеса, которыя начали окрашиваться розовымъ цвѣтомъ послѣднихъ лучей солнца. Сильная усталость показывала мнѣ, что пройденный мною путь былъ великъ, а лѣсъ былъ теменъ какъ ночь.

«Ау!» закричалъ я Семенычу, и прислушался. Отвѣта не было. Я опять остановился и громко крикнулъ: «ау!» Лѣсное эхо прокатилось подъ сводами деревьевъ, и когда послѣдніе отголоски его стихли въ воздухѣ, изъ дальней-дальней стороны лѣса, тихо, чуть слышно, поднялся голосъ и замеръ въ глубинѣ темнаго пространства.

Ясно, что старикъ былъ далеко. Я бросился на голосъ. Сухія вѣтви хрустѣли подъ ногами, лѣсъ становился такъ густъ и теменъ, что трудно было даже видѣть. Удвоивая шаги, я пробирался сквозь чащу, перелѣзалъ валежникъ, шелъ долго, шелъ неутомимо, наконецъ остановился и аукнулъ снова. Когда смолкло эхо, я весь обратился въ слухъ, но отвѣтомъ было одно мертвое молчаніе. Я собралъ всѣ свои силы и крикнулъ ау: громко аукнулось со мною эхо, и болѣе ничего! Мрачный, дремучій лѣсъ обступалъ меня кругомъ, и на небольшомъ клочкѣ неба, который ви-

денъ былъ сквозь сосенъ, мигала серебристая звѣздочка.

Читатель, конечно, пойметъ мое положеніе. Проживъ большую часть жизни въ городѣ, я, разумѣется, не имѣлъ никакой опытности для деревенской жизни, а особенно для такого положенія, въ которомъ находился теперь. Самая охота была не больше какъ шалость. Да и кому бы то ни было, пріятно ли остаться въ дремучемъ лѣсу на ночь, безъ всякой надежды вырваться? Даже собака, привыкшая больше къ старику, чѣмъ ко мнѣ, въ послѣднее время исчезла и не возвращалась. Это мнѣ окончательно подтвердило, что Григорій разошелся со мною, то есть или самъ заблудился, или слишкомъ далеко отошелъ отъ меня. Мнѣ стало ясно, что я ошибся въ направленіи, зашелъ въ Рамень, и въ этомъ дремучемъ лѣсу, гдѣ, по выраженію Григорья, и днемъ солнышко не свѣтитъ, долженъ буду остаться одинъ на всю ночь. Признаюсь, когда въ первый разъ мысль эта образовалась въ моей головѣ, холодный потъ выступилъ у меня на лбу, и сердце замерло. Я собралъ послѣднія силы и бросился впередъ, чтобы, пользуясь слабымъ свѣтомъ сумерекъ, найти хоть какую-нибудь тропу и быть-можетъ выбраться. Черныя лапы елей били меня по лицу, можжевельникъ обдиралъ платье и руки, каждый сукъ, ломавшійся подъ ногами, будилъ ночное эхо. Мнѣ пришло на мысль испытать послѣднее средство: выстрѣлами подозвать къ себѣ моего товарища. Но едва только мелькнула спасительная мысль въ головѣ, какъ тотчасъ же я долженъ былъ отказаться отъ нея: оказалось, что рога съ порохомъ не было на мнѣ. Продираясь сквозь чащу, я вѣроятно обронилъ его и остался съ однимъ только зарядомъ, который былъ въ ружьѣ. Естественно, что нельзя было тратить напрасно эту единственную защиту въ случаѣ опасности. Черезъ нѣсколько шаговъ медленнаго пути, я долженъ былъ совсѣмъ остановиться: дорогу пересѣкъ оврагъ, дно котораго чернѣло, но что тамъ было? лѣсъ, валежникъ, или вода—нельзя уже было видѣть; наступившая ночь все покрыла своимъ мракомъ. Въ страшномъ изнеможеніи и въ полномъ отчаяніи я упалъ на сырую замлю.

Не знаю, долго ли я лежалъ такимъ образомъ; не знаю, былъ ли я въ безпамятствѣ или спалъ послѣ сильной усталости. Будь все спокойно и тихо вокругъ, можетъ-быть я пролежалъ бы такъ и до утра: но въ томъ-то и дѣло, что въ этомъ дремучемъ, повидимому совершенно-молчаливомъ лѣсу, куда рѣдко попадаетъ человѣкъ, ни минуты не было спокойно. Я лежалъ еще въ совершенномъ безпамятствѣ, какъ вдругъ надъ головою моею раздался пронзительный крикъ птицы, вѣроятно схваченной какимъ-нибудь звѣремъ. Тихій лѣсъ внезапно огласился этими криками, такъ что я въ ужасѣ вскочилъ на ноги. Молчаніе водворилось снова, но не надолго. Возлѣ меня явно кто-то шевелился. Посреди тишины, на ломкой почвѣ лѣса, слышался шелестъ,—былъ ли то шагъ какого-нибудь звѣря, птицы, змѣи,—во всякомъ случаѣ положеніе было невыносимо. Эта приводящая въ отчаяніе неизвѣстность положенія была мучительна: я рѣшился, по крайней мѣрѣ, голосомъ отогнать невидимое, и кашлянулъ. Боже мой, какъ страненъ показался мнѣ собственный голосъ! Какъ сердито повторило его эхо! Но вдругъ не вдалекѣ отъ меня, въ оврагѣ послышался шумъ, который привелъ меня въ совершенный ужасъ. Тамъ ворочалось какое-то огромное животное; оно то тяжело дышало, то стонало очевидно могучею грудью. Разумѣется, мнѣ припомнились разсказы Семеныча о медвѣжьихъ охотахъ въ Рамени, и я долженъ былъ рѣшительно предпринять что-нибудь для собственной безопасности. Конечно, другаго нельзя было придумать ничего, какъ взлѣзть на дерево, что я и сдѣлалъ. Ощупью нашелъ я огромную сосну, сучья которой едва могъ достать руками, взлѣзъ на ея смолис-

тыя вѣтви, и выбравъ, сколько возможно поудобнѣе, мѣсто, сѣлъ такъ, что можно было прислониться къ дереву. Лѣсъ снова повелъ свои рѣчи. Страшный храпъ звѣря и его ворчаніе то замолкали, то вдругъ потрясали воздухъ. Посреди глубокой тишины внезапно раздался трескъ падающаго дерева; одряхлѣвшее и уже сгнившее на корню, оно падало отъ собственной тяжести, какъ будто нарочно выбравъ для своей смерти эту торжественную минуту ночи. Тишина возвращалась снова, но непонятный, неизвѣстно отъ чего происшедшій взлетъ птицы, оглашалъ лѣсъ хлопомъ крыльевъ. Испуганныя птицы вскрикивали въ разныхъ мѣстахъ разными голосами, и снова все умолкало. Чьи-то явные шаги хрустѣли внизу лѣса: осторожно, молчаливо, мѣрно шелъ кто-то подъ вѣтвями, но кто-неизвѣстно. Лѣсъ точно испугался невѣдомаго пришельца и смолкъ въ гробовую тишину. Неизвѣстный шелъ, мракъ застилалъ все, и видѣть идущаго было невозможно; а между тѣмъ мысль: *не видитъ ли онъ меня*, ворочалась на душѣ. Шаги медленно, тихо проходили, сердито молчалъ надъ ними лѣсъ, и опять все утихало. Только величавый шумъ, подобный шуму морскихъ волнъ, вдругъ проносился сверху: это порывъ вѣтра прошелъ по громаднымъ деревьямъ и покачалъ ихъ вѣковыя вершины. Признаюсь, каждый трескъ сука, каждый крикъ птицы наводилъ ужасъ на непривычное сердце. Всѣ эти звуки, совершенно обыкновенные днемъ, были совсѣмъ иные ночью, въ глубинѣ Рамени, въ этомъ страшномъ глухомъ уединеніи. И вой звѣря, и стонъ вѣтра, и трепетъ листа какъ-то иначе звучали— отъ чего? отъ сумрака ночи или отъ испуганнаго воображенія, я не знаю. Какъ-то страненъ, чуждъ уху былъ каждый шелестъ листа, каждое движеніе насѣкомаго. Когда умолкло все дневное, тогда-то лѣсъ и повелъ свои рѣчи, поднялъ свои таинственные, невѣдомые голоса. И каждый изъ нихъ грозилъ мнѣ бѣдою. Но изъ всѣхъ этихъ голосовъ, пронзительныхъ какъ крикъ заѣденной птицы, шумныхъ какъ вопли вѣтра, таинственныхъ какъ ночной ходъ невѣдомаго существа, страшнѣе всего былъ тотъ голосъ, которому я не знаю имени: это голосъ молчанія, голосъ невыразимой безпробудной тишины. Выдавались минуты, которыя, конечно, казались часами, когда подъ черною гущей лѣса воцарялась невообразимая тишина. Не ворочалась травка, спалъ червякъ, не шепталъ листокъ, не хрустѣлъ верескъ, не дохнулъ вѣтеръ — точно какъ окаменѣло все это лѣсное царство. Молчаніе охватывало кругомъ. Кто-то невѣдомый беззвучно бесѣдовалъ съ вами, охватывалъ своими безплотными объятіями. Звуки хоть и пугали, но все-таки намекали на жизнь, напоминали знакомое; но это страшное молчаніе выводило рядъ призраковъ, рой лѣсныхъ духовъ. Они-то и вели бесѣду этимъ грознымъ молчаніемъ. Тоска овладѣвала сердцемъ; мракъ томилъ глаза; хотѣлось что-нибудь увидѣть, успокоить глазъ на чемъ-нибудь знакомомъ. Кругомъ мракъ. Я взглянулъ на небо: часть его была видна сквозь сосновыя лапы, но и тамъ было неспокойно: густыя тучи безпрестанно закрывали его поверхность; то мохнатымъ звѣремъ, то неуклюжимъ великаномъ ползли онѣ по этому пространству и безпрестанно закрывали свѣтившіяся звѣздочки.

Но къ какому положенію не привыкнетъ человѣкъ, какія силы не покоритъ эта сильнѣйшая изъ всѣхъ силъ вселенной! По истеченіи времени, не знаю какого, не такъ уже сильно пугали меня храпъ и стоны звѣря, шелестъ оборвавшейся бѣлки и вообще этотъ ночной ходъ природы, той же самой благодатной природы, которая такъ весело сіяетъ днемъ. Привыкъ нѣсколько глазъ къ этой безпредметной темнотѣ, освоилось ухо съ страшнымъ молчаніемъ. Тучи перестали ползать по небу, но на мѣсто двухъ звѣздъ появилась одна, которая горѣла такъ ярко, потомъ начала

бѣлѣть. Лѣсъ былъ также теменъ, но какъ будто побѣлѣе стали небеса; звѣздочки опять не стало. И на темныхъ пространствахъ лѣса стало что-то обозначаться: одно было черно какъ ночь, другое уже не такъ черно. Будто головы огромныхъ звѣрей выставились вокругъ и качали косматыми гривами. Небесный клочокъ сдѣлался еще бѣлѣе. Кто-то свистнулъ въ вышинѣ, смолкъ и опять свистнулъ. Въ лѣсу показались неясныя краски, на небесахъ утренняя синева. Послышался иной свистъ въ другомъ мѣстѣ, потомъ въ третьемъ. Бѣлыя легкія облачка заалѣли. Лѣсъ уже пѣлъ тысячами голосовъ—въ вѣтвяхъ, въ травѣ, въ воздухѣ. Звѣрь стоналъ въ оврагѣ. Облака вспыхнули огнемъ и улетѣли. Въ сосновыя вѣтви проскользнулъ лучъ великаго свѣтила, и заигралъ въ слезкѣ росы, лежавшей на листѣ травки. Подскочилъ заяцъ и сталъ глодать молодую осину, но, увидѣвъ меня, умчался въ чащу. Что-то брякнуло вдали, что-то похожее на человѣческій голосъ коснулось уха. Я притаилъ дыханіе и слушалъ. Лучи солнца засвѣтились пятнами на зеленой травкѣ, и благотворная теплота разлилась постепенно.

Осмотрѣвъ ружье, я пошелъ къ оврагу, въ которомъ теперь все молчало. Непроходимо ломный валежникъ покрывалъ его дно, чернымъ звѣремъ глядѣлъ оттуда пень, покрытый черноземомъ. Но гдѣ же тотъ, который пугалъ въ молчаніи ночи? А вонъ онъ! Звѣрь этотъ смотрѣлъ на меня вовсе не грозно, а съ мольбой о спасеніи: это была лошадь, завалившаяся въ ломъ и почти издыхающая. Не имѣя силы помочь ей, я отвернулся и пошелъ по лѣсу. Что-то опять прозвонило вдали; смолкло; кажется, пѣсня? Да, это пѣсня! Ближе, яснѣе—сердце забилось живѣе, пѣсня звучала сильнѣе, звонъ колоколки все ближе, можно было различить и напѣвъ пѣсни. Я бросился на голосъ, и скоро межъ деревъ замелькалъ кто-то. По довольно торной дорогѣ верхомъ на лошади ѣхалъ молодой парень. Разумѣется, что съ этимъ всадникомъ я выбрался изъ лѣсу. *Н. Дмитріевъ.*

13. Лѣсъ и степь.

Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ, für sich, какъ говаривали въ старину. Но положимъ, вы не родились охотникомъ: вы все таки любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату.... слушайте.

Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо: на темносѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только что проснувшихся бѣлыхъ гусей, молча и медленно, перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ—стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли, лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга. Вы ѣдете—ѣдете мимо церкви, съ горы на-право, черезъ плотину; прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лице воротникомъ шинели: вамъ дремлется. Лошади скучно шлепаютъ ногами по лужамъ, кучеръ посвистываетъ. Но вотъ вы отъѣхали версты четыре—край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгарается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу; въ оврагахъ клу-

Гипербола

бятся пары; жаворонки звонко поютъ; передразсвѣтный вѣтеръ подулъ, и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая съ бѣлой церковью; вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете. Живѣе, кони, живѣе! крупной рысью впередъ! версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто; погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ на встрѣчу. Вы взобрались на гору... какой видъ! рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пахучіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль—не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышитъ грудь, какъ бодро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханіемъ весны!

А лѣтнее, іюльское утро? Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ! Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ—васъ такъ и обдастъ накопившимся теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и кашки; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца; кой-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь. Вы поздоровались съ нимъ, отошли—звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой... небо темнѣетъ по краямъ; колючимъ зноемъ пышетъ неподвижный воздухъ. «Гдѣ-бы, братъ, тутъ напиться?» спрашиваете вы у косаря.—«А вонъ въ оврагѣ колодезь».—Сквозь густыя кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага; точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ; дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые сучья; большіе серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытаго мелкимъ, бархатнымъ мохомъ. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнуться. Вы въ тѣни, вы дышите пахучей сыростью, вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ. Но что это? вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ: ужъ не громъ ли? Вы выходите изъ оврага—что за свинцовая полоса на небосклонѣ? зной ли густѣетъ? туча ли надвигается? Но вотъ слабо сверкнула молнія: э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце: охотиться еще можно. Но туча растетъ: передній ея край вытягивается рукавомъ, наклоняется сводомъ. Трава, кусты, все вдругъ потемнѣло... Скорѣй! вонъ, кажется, виднѣется сѣнной сарай... скорѣе!... Вы добѣжали, вошли... Каковъ дождикъ! каковы молніи! Кой-гдѣ сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сѣно. Но вотъ солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ, какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ, какъ пахнетъ земляникой и грибами!

Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полнеба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особенно прозраченъ, словно стеклянный; вдали ложится мягкій паръ, теплый на видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потоками жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни. Солнце сѣло, звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката. Вотъ оно блѣднѣетъ; синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ; воздухъ па-

ливается мглою. Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро идете вы, не смотря на усталость. А между тѣмъ наступаетъ ночь; за двадцать шаговъ уже не видно: собаки едва бѣлѣютъ во мракѣ. Вонъ надъ черными кустами край неба смутно яснѣетъ: что это? пожаръ? Нѣтъ, это выходитъ луна, а вонъ внизу, направо, уже мелькаютъ огоньки деревни. Вотъ наконецъ и ваша изба. Сквозь окошко видите вы столъ, покрытый бѣлой скатертью, горящую свѣчу, ужинъ.

А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя, висячія вѣтви березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ какъ боецъ подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью: онъ идетъ къ запаху ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ.... Лѣсъ глохнетъ.... неизъяснимая тишина западаетъ въ душу; да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ и зашумѣли верхушки словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кой-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ—собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ.

И какъ этотъ же самый лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьевъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе, золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами: высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышитъ грудь, а на душу находитъ странная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память; давнымъ-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображенье рѣетъ и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ. Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всей своей душею владѣетъ человѣкъ. И ничто кругомъ ему не мѣшаетъ—ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму.

А осенній, ясный, немножко холодный утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ, когда низкое солнце ужъ не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго, небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долинъ, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья? когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, тихо вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ, вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней?

Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять; птица, выпорхнувъ у васъ изъ подъ ногъ, тотчасъ же исчезаетъ въ бѣловатой мглѣ непо-

движнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева—оно не шелохнется, оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, ровно разлитый въ воздухѣ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите — лѣсъ превращается въ высокую гряду полыни на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ—всюду туманъ.... Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется—клочекъ блѣдно-голубаго неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ, золотисто-желтый лучъ ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу... и вотъ опять все заволоклось. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ наконецъ восторжествуетъ и послѣднія волны согрѣтаго тумана то скатываются и разстилаются скатертями, то взвиваются и исчезаютъ въ голубой нѣжно-сіяющей вышинѣ! *И. Тургеневъ.*

14. Роща.

Жара заставила насъ наконецъ войти въ рощу; я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Касьянъ присѣлъ на толстый конецъ срубленной березы. Я глядѣлъ на него. Листья слабо колебались въ вышинѣ и ихъ жидкозеленоватыя тѣни тихо скользили взадъ и впередъ по его щедушному тѣлу, кое-какъ закутанному въ темный армякъ, по его маленькому лицу. Онъ не поднималъ головы. Наскучивъ его безмолвіемъ, я легъ на спину и началъ любоваться мирной игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ, свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стекляно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень; гдѣ-нибудь, далеко, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеса, какъ будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака... и вотъ вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, обагренные солнцемъ, все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимется свѣжее, трепещущее лепетаніе, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби. Вы не двигаетесь—вы глядите, и нельзя выразить словами, какъ радостно и тихо и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите—та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную какъ она сама; какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія; и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины. *И. Тургеневъ.*

15. Изъ Путешествія въ Арзерумъ.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за десять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это снѣжныя вершины кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, на-скоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились

и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липами, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, красивость....

Признаюсь, Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія: мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А. Р., прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ.

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется *оказіей*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двуколесныхъ арабъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрипъ нагайскихъ арабъ, выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почетномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы встарину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими современъ графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная лѣсистая гора; за нею находилась крѣпость; кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ большой Кабардѣ. Легкій одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока; внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ

которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различали и пастуха, можетъ быть, русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и састарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояло на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченная на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ, аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба *мирныхъ* Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили Крымскихъ Татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи св оихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго Черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно однакожъ надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ Корана, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно въ замѣну слова живаго выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты.

Мнѣ предстоялъ переходъ чрезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Перники до Гумровъ считается 27 верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная; казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь перестал и тучи

разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было, не лежу-ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что, слава Богу, былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни, и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія.

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай! сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ: я все еще находился въ Россіи!

А. Пушкинъ.

16. Изъ Путешествія къ св. мѣстамъ.

а) Воспоминанія древности.

Богатое поприще поэзіи и славы открылось мнѣ скоро по выходѣ изъ Дарданеллъ. Великія воспоминанія древности соединились въ одно мѣсто, чтобы еще болѣе говорить воображенію, воспламененному пѣснями Омира. Корабль помчался на югъ, между завѣтнымъ Тенедосомъ и противоположнымъ ему берегомъ Трои. На западѣ возставали изъ моря огненный Лемносъ и утесъ исполинскій Имбра, брошенный въ виду пролива; самая гора Аѳонская подымаетъ иногда изъ утреннихъ тумановъ священное чело свое, которому жаждутъ поклониться путники, и радуется солнцу, какъ бы вытекающему изъ Дарданеллъ. Взоры мои были обращены къ полямъ Иліады; они искали прибрежныхъ кургановъ Аякса и Ахилла и водъ Симоиса, и жадно приникли къ дальнимъ развалинамъ Александровой Трои, еще раскинутымъ на поморіи въ замѣнъ иліонскихъ. Легкія высоты синимъ амфитеатромъ возставали за ними — быть можетъ, высоты Калликолонны, на которыя стекались боги Омира возбуждать своимъ присутствіемъ витязей, коихъ страстями распалялись сами и, бурные, вторгались въ битву, вооруженные своимъ всесокрушительнымъ безсмертіемъ:

Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ и людей и безсмертныхъ
Съ неба, внизу колебалъ Посейдонъ необъятную землю,
Горы тряслись: отъ подошвы богатой потоками Иды,
Все до вершины ея—и Пергамъ съ кораблями—дрожало.
Въ царствѣ глубокой, подземныя тьмы Айдоней возмутился:
Блѣденъ, съ престола сбѣжалъ онъ и громко воскликнулъ, чтобъ свыше
Твердой земли не пронзилъ Посейдонъ сокрушитель, чтобъ оку

Смертныхъ людей и боговъ неприступный Аидъ не открылся,
Страшный, мглистый, пустой и безсмертнымъ самимъ ненавистный.

Былъ вечеръ, и усталыя облака ложились около Иды, какъ птицы, слетающіяся къ обычному своему пріюту; одно запоздавшее еще носилось надъ дивнымъ полемъ брани и оттѣняло на немъ одинокій, высокій холмъ. Я привѣтствовалъ холмъ сей именемъ Ахилла. Мнѣ казалось, что на его вершинѣ долженъ былъ стоять, въ мрачномъ величіи, роковой витязь, выражая въ пѣсняхъ судьбу свою:

От Скироса въ даль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ,
Брегъ увидитъ незнакомый
И зеленый холмъ на немъ.
Кормчій юношѣ укажетъ,
Полный думы, на курганъ:
Вотъ Ахилловъ гробъ! онъ скажетъ,
Тамъ вблизи былъ Грековъ станъ!
Вкругъ ужъ пусто, смолкли бои,
Тихи Ксанѳъ и Симоисъ,
И уже вкругъ башенъ Трои
Плющъ и терній обвились....
Обойдешь долину брани:
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужъ стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ.
Вспомяни тогда Ахилла!....

Свѣжій вѣтеръ и темная ночь отвлекли меня отъ Иліона; однѣ только широкія волны, съ шумомъ преслѣдуя корабль, бѣгущій отъ Тенедоса, напоминали шипѣніе Лаокоона; огни мелькали на берегахъ, но уже не стана и флота Ахеянъ, сторожившихъ Трою, какъ еще недавно на тѣхъ же водахъ суда русскія стерегли другую столицу, которую нѣкогда хотѣлъ воздвигнуть Константинъ на самыхъ остаткахъ Иліона. Какой отголосокъ славы на разстояніи тридцати вѣковъ!

Въ сумракѣ вечера и съ утреннею зарей дважды видѣли мы синіе края Митилены, и пѣснію Сафы помянулъ я ея отчизну. Воинственная Псара и очаровательный сокрушенный Хіосъ въ то же время предстали взорамъ: одна, отторгшаяся отъ порабощенныхъ острововъ Азіи, духомъ своихъ островитянъ, чтобы стать гранію греческой свободы; другой, упоенный сладкимъ воздухомъ Анатоліи, дремлющій въ нѣгѣ и рабствѣ. Но путь нашъ лежалъ внѣ острововъ азіатскаго берега, по широкому протоку Архипелага, какъ бы оставленному для распутія битвъ и торговли. Постепенно возставало изъ волнъ, по лѣвой сторонѣ бѣгущаго корабля, все безчисленное семейство Эгейскихъ утесовъ, и прежде другихъ Икарія, давшая нѣкогда имя цѣлому морю, въ память бѣдствія Икара.

Бурная ночь и бурное море встрѣтили насъ въ виду Патмоса, какъ бы таинственные стражи Апокалипсиса, и во мракѣ пронеслись мы мимо смежныхъ другъ другу острововъ: Фурки, Леро и Калимно....

б) Голгоѳа.

Многихъ обманываетъ громкое имя—гора Голгоѳа, ибо въ сущности она едва заслуживаетъ названіе холма. Когда-же при самомъ входѣ представляется взорамъ малая двухъ-ярусная церковь, втѣснившаяся въ обширное преддверіе храма, невольно исторгается вопросъ: гдѣ гора? Но нижній ярусъ сей церкви не ископанъ, какъ подземелье, подъ Голгоѳою, а верхній не стоитъ на ея вершинѣ: оба только пристроены къ утесу, ибо Елена, желая вмѣстить его въ объемъ святилища, сняла съ верху всю землю и отвѣсно обсѣкла его до самаго мѣста, гдѣ водруженъ былъ на немъ крестъ. Такимъ образомъ въ нижнюю церковь проникла разсѣлина треснувшей во время голгоѳскихъ ужасовъ скалы; большая-же часть Голгоѳы внѣ храма, но она—вся утаена отъ взоровъ приникшими къ ней зданіями Коптовъ и монастыремъ Авраама. Съ правой стороны нижняго придѣла, во имя Предтечи, находятся двѣ пріемныя келліи для поклонниковъ греческихъ и вмѣстѣ трапеза братій. Внутри-же самой церкви стоитъ во мракѣ гробница Мельхиседе-

ка. Хотя нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы здѣсь былъ погребенъ сей великій царь Салима и таинственный родомъ священникъ Бога Вышняго, однако же преданіе прилично помѣстило его могилу у подножія холма, на которомъ принесъ себя въ жертву избранный Богомъ быть во вѣки первосвященникомъ по чину Мельхиседека. Черепъ грѣшника Адама, во ужасѣ исторгшійся изъ-подъ креста, когда дрогнула Голгоѳа смертію втораго невиннаго Адама; гробъ царя Салимскаго, чей санъ изобразилъ спасительное архіерейство Христа, и престолъ исподній Предтечи, подъ самымъ мѣстомъ закланія проповѣданнаго имъ въ пустынѣ агнца: таковы три воспоминанія, поражающія душу во мракѣ святилища, которыя невольно повергаютъ къ подножію креста сокрушенное онымъ наслѣдіе праотцевъ — грѣхъ.

Еще двѣ другія гробницы стояли нѣкогда въ преддверіи сей церкви, близкія сердцу очарованіемъ человѣческой славы: гробницы Годфрида и Балдуина, многія столѣтія покоившихся подъ освобожденною ими Голгоѳою, доколѣ вражда Грековъ, во время послѣдняго пожара, не нарушила ихъ послѣдняго пріюта, извергнувъ, какъ недостойныя, кости королей изъ храма. Тщетно въ послѣдствіи католики домогались отыскать ихъ останки: Греки давали все тотъ-же отвѣтъ, что, въ общемъ разрушеніи храма, они не имѣли времени думать о прахѣ двухъ Франковъ. Но обрушенный сводъ Голгоѳы не могъ бы сокрушить костей внутри каменныхъ гробницъ. Я видѣлъ въ сокровищницѣ латинскій мечъ Годфрида, тщательно скрываемый ими отъ хищничества Арабовъ, простой, но могучій, съ кедровою крестнообразною рукоятью, заржавѣвшій сокрушитель стѣнъ іерусалимскихъ; видѣлъ и его огромныя шпоры, знаменія рыцарства, которымъ онъ достигъ до своей терновой короны, ибо онъ не хотѣлъ вѣнчаться златомъ тамъ, гдѣ терновый вѣнецъ былъ удѣломъ Богочеловѣка. Я хотѣлъ поклониться богатырскому праху двухъ королей: мнѣ показали только его прежнее мѣсто. Извергнуты кости, но сколь велика ихъ слава, когда и у самаго подножія Голгоѳы она еще можетъ тревожить сердце!

Два всхода, изъ 17 ступень каждый, устроены для Грековъ и католиковъ на Голгоѳу. Они не существовали до пожара и одна только узкая лѣстница приводила прежде изъ задней галереи собора къ мѣсту распятія, ибо наружное крыльцо придѣла св. Елены давно уже задѣлано Арабами. Съ сѣверной стороны Голгоѳы двѣ малыя двери ведутъ въ верхнія келліи Грековъ; помостъ ея выстланъ желтымъ мраморомъ; есть кое-гдѣ на стѣнахъ и низкихъ сводахъ остатки мозаиковъ; двойная арка раздѣляетъ на два придѣла святилище. Въ правомъ стоитъ алтарь католиковъ, и предъ нимъ мраморный на полу четвероугольникъ означаетъ мѣсто, гдѣ простерли Спасителя на крестъ, гдѣ вонзили въ Него нечестивые гвозди. Въ лѣвомъ придѣлѣ воздвигнутъ греческій престолъ искупленія на обсѣченномъ уступѣ первобытной скалы. Его осѣняетъ большое распятіе и за нимъ горитъ множество лампадъ, возжигаемыхъ всѣми народами на поприщѣ ихъ спасенія. Подъ симъ дивнымъ престоломъ круглое въ камнѣ отверстіе, обложенное позлащенною бронзою, знаменуетъ страшное мѣсто, гдѣ вознесенъ былъ на крестѣ за насъ Сынъ Божій, и подлѣ — трещина ужаснувшейся Голгоѳы! Чье надменное чело не коснется скалы подъ навѣсомъ сего престола? чьи суетныя уста не прильнутъ къ сей вѣчно памятной бронзѣ? и чьи слезы сладко и горько не потекутъ въ искупительное отверстіе камня, какъ-бы къ самому корню креста, чтобы освѣжить и возрастить въ собственномъ сердцѣ его напечатлѣнный образъ? Покаянныя мысли о грѣхѣ, мольба о спасеніи, вздохи и порывы къ испустившему послѣдній вздохъ свой на крестѣ, весь ужасъ дрогнувшей Голгоѳы и померкшаго солнца, и вся радость разбойника, перваго наслѣдника рая — такова буря духовная,

потрясающая на Голгоѳѣ бренное естество человѣка!

И что всѣ сіи чувства въ сравненіи тѣхъ, которыя нѣкогда обуревали сердца на семъ алтарѣ вселенной, въ часъ приношенія предопредѣленной жертвы? Два дѣвственныхъ лица, одни достойныя по чистотѣ своей изображать все племя смертныхъ близь искупительнаго креста, стоятъ по сторонамъ его: и гдѣ, если не здѣсь, въ сіе мгновеніе, трогательнѣе мать сія, даже до креста вѣрная божественному Сыну, рожденіе коего воспѣли ей ангельскіе хоры и котораго смерть она въ ужасѣ видитъ, посреди поруганій, не понимая еще въ пронзенной душѣ своей всей глубины таинства, для коего избрана была орудіемъ! Но и съ вершины страдальческаго древа, угасающіе взоры Сына отрадно покоятся на двухъ предметахъ дольней своей любви. Они облегчаютъ Ему тяжкую жертву сладостнымъ чувствомъ, что въ ихъ лицѣ весь міръ ея достоинъ, и имъ во взаимное утѣшеніе отдаетъ Онъ послѣднія нѣжныя чувства человѣческой своей природы, соединяя ихъ узами духовнаго родства. Скорбящій духомъ о грѣхѣ вселенной, взывающій въ смертной борьбѣ къ забывшему Его Отцу, Онъ находитъ еще довольно силы и любви въ сокрушенномъ сердцѣ, чтобъ взглядомъ и рѣчію подкрѣпить отчаянныхъ у подножія своего креста, и состраданіе есть Его послѣднее чувство предъ торжественнымъ глаголомъ: «совершишася!» разбившимъ столько гробовыхъ оковъ.

А. Муравьевъ.

---

17. Нагасаки.

Такъ это Нагасаки! слышалось со всѣхъ сторонъ, когда стали на якорь на второмъ рейдѣ въ виду третьяго, и всѣ трубы направились на мѣстность, среди которой мы очутились. Въ Нагасаки три рейда: одинъ очень открытъ съ моря и защищенъ съ двухъ сторонъ. Тамъ налѣво, на срытомъ холмѣ, строится батарея, и, кажется, по замѣчанію нашихъ артиллеристовъ, порядочная. Но городъ, конечно, не весь виденъ, говорили мы; это, вѣроятно, только часть и самая плохая — предмѣстье; тутъ все домишки да хижины: гдѣ же зданія, дворцы, храмы, о которыхъ пишетъ Кемпферъ и другіе, особенно Кемпферъ, насчитывая ихъ невѣроятное число? Должно быть, за мысомъ.

Но какіе виды вокругъ! что за перспектива вдали! Вотъ стоишь при входѣ на второй рейдъ, у горы Паппенберга, и видишь море, но за то видишь только профиль мыса, заграждающаго видъ на Нагасаки, видишь и узенькую бухту Кибачъ всю. Передвинешься на средину рейда: море спрячется, за то вдругъ раздвинется весь заливъ на-лѣво, съ островами Кагена, Катакасима, Каменосима, и видишь мысъ en face, а берегъ направо покажетъ свои обработанныя террасы, какъ зеленую лѣстницу, идущую по всей горѣ, отъ волнъ до облаковъ. Мы стали прекрасно. Вообразите огромную сцену, въ глубинѣ которой, верстахъ въ трехъ отъ васъ, видны высокіе холмы, почти горы, и у подошвы ихъ куча домовъ, съ бѣлыми известковыми стѣнами, черепицами или деревянными кровлями. Все это лежитъ на берегу полукруглой бухты. Отъ бухты идетъ проливъ, широкій, почти какъ Нева, съ зелеными, холмистыми берегами, усѣянными хижинами, батареями, деревнями, кедровникомъ и нивами. Декорація бухты, рейда со множествомъ лодокъ, страннаго города съ кучей сѣренькихъ домовъ, проливъ съ холмами, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ холмахъ, все такъ гармонично, живописно и обдуманно, такъ непохоже на игру природы, что сомнѣваешься, не нарисованъ ли весь этотъ видъ, не взято-ли все цѣликомъ изъ волшебнаго балета?

Что за заливцы, уголки, пріюты прохлады и лѣни, образуютъ узоръ береговъ въ проливѣ! Вонъ тамъ идетъ глубоко въ холмъ ущелье, темное, какъ коридоръ, лѣсистое и такое узкое, что, кажет-

ся, ежеминутно грозитъ раздавить далеко запрятавшуюся туда деревеньку. Тутъ маленькая, обстановленная деревьями бухта, сонное затишье, гдѣ всегда темно и прохладно, гдѣ самый сильный вѣтеръ чуть-чуть рябитъ волны; тамъ безпечно отдыхаетъ вытащенная на берегъ лодка, уткнувшись однимъ концемъ въ воду, другимъ въ песокъ. На-лѣво широкій и длинный заливъ, съ извилинами и углубленіями; по срединѣ его Паппенбергъ и Каменосима, двѣ горы-игрушки, покрытыя ощетинившимся лѣсомъ, какъ будто двѣ головы съ взъерошенными волосами. Ихъ обтекаютъ со всѣхъ сторонъ миніатюрные проливы, а вдали видна отвѣсная скала и море. На-право идетъ высокій холмъ, съ отлогимъ берегомъ, который такъ и манитъ взойти на него по этимъ зеленымъ ступенямъ террасъ и грядъ, не смотря на запрещеніе Японцевъ. Потомъ идетъ рядъ низенькихъ, капризно брошенныхъ холмовъ, изъ-за которыхъ глядятъ серьезно и угрюмо довольно высокія горы, отступивъ немного, какъ взрослые изъ-за дѣтей. Далѣе проливъ, теряющійся въ морѣ: по свѣтлой поверхности пролива чернѣютъ разбросанные камни, на послѣднемъ планѣ синѣетъ мысъ Номо. Проливъ отдѣляетъ Нагасакскій берегъ отъ острова Кагена, который, въ свою очередь, отдѣляется другимъ проливомъ отъ острова Ивосима, а тамъ чисто — море и больше ничего. Вездѣ уступы, мыски, или отставшія отъ берега, обросшія зеленью и деревьями, глыбы земли; мѣстами группы зелени и деревьевъ лѣпятся на окраинахъ утесовъ, точно исполинскіе букеты цвѣтовъ. Тутъ вдругъ, подлѣ отвѣсной каменной скалы, гладь и ясность воды. Вездѣ перспектива, картина, артистически обдуманная прихоть. Но съ страннымъ чувствомъ смотрю я на эти игриво-созданные, смѣющіеся берега; непріятно видѣть этотъ сонъ, почти отсутствіе движенія: люди появляются рѣдко, животныхъ не видать — я только разъ слышалъ собачій лай. Нѣтъ людской суеты, мало признаковъ жизни. Поэтому, какъ ни обработаны холмы, а они смотрятъ впустѣ лежащими землями или какъ будто брошенными, передъ приходомъ непріятеля, мѣстами. Кромѣ караульныхъ лодокъ, другія робко и торопливо скользятъ вдали у береговъ, съ двумя-тремя голыми гребцами, съ слюнявымъ мальчишкой или остроглазой дѣвчонкой. Такъ-ли должны быть населены эти берега? Куда спрятались жители? зачѣмъ не шевелятся они толпой на этихъ берегахъ? отъ чего не слышно ихъ пѣсенъ, не видно трудовъ и игръ? Да отъ чего они голые? Отъ чего тутъ нѣтъ храмовъ, дворцовъ? Зачѣмъ по этимъ широкимъ водамъ не снуютъ взадъ и впередъ пароходы, а тащится какая-то неуклюжая большая лодка, завѣшенная синими, бѣлыми, красными тканями? Оттуда слышенъ однообразный звукъ бумъ-бумъ-бумъ японскаго барабана; это Физенскій или Сатсумскій князья объѣзжаютъ свои владѣнія. Вы знаете, что Японія раздѣлена на удѣлы, которые всѣ зависятъ отъ Сіогуна: платятъ ему дань и содержатъ войска. Городъ Нагасаки принадлежитъ ему, а кругомъ лежатъ владѣнія князей. Зачѣмъ же, говорю я, такъ пусты и безжизненны эти прекрасные берега, зачѣмъ такъ скучно смотрѣть на нихъ, до того, что и выйти не хочется? Скоро-ли же все это заселится, оживится? Мы спрашиваемъ объ этомъ здѣсь у Японцевъ: за тѣмъ и пришли, да вотъ не можемъ добиться отвѣта. Чиновники говорятъ, что надо спросить у губернатора, губернаторъ пошлетъ въ Едо, къ Сіогуну, или Кубо, къ намѣстнику, а тотъ пошлетъ въ Міако, къ Даири, или Микадо.

—

Насталъ вечеръ, затеплились звѣзды, и въ добавокъ между ними появилась комета. Мы наблюдаемъ ее уже третій вечеръ, едва успѣвая ловить на горизонтѣ: такъ рано скрывается она. Насъ издали, саженяхъ во ста отъ фрегата и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, окружали караульныя лодки, ярко освѣщенныя разноцвѣтными огнями, въ

большихъ круглыхъ, крашеныхъ фонаряхъ изъ рыбьей кожи. На нѣкоторыхъ были даже смоляныя бочки. Съ послѣднимъ лучемъ солнца, по высотамъ загорѣлись огни и нитями опоясали вершины холмовъ, унизали берега, словомъ, нельзя было нарочно зажечь иллюминаціи великолѣпнѣе, въ честь гостей, какую Японцы зажгли изъ страха, что вотъ сейчасъ, того гляди, нападутъ на нихъ. Вездѣ перекликались караульные, лодки ходили взадъ и впередъ. Гребцы гребли, стоя, съ крикомъ: оссильянъ, оссильянъ! чтобы дружнѣе работать. По горамъ, въ лѣсу, огни точно звѣзды плавали, опускаясь и подымаясь по скатамъ холмовъ: вдругъ исчезнутъ въ чащѣ, тамъ опять появятся; видно было, что вездѣ разставлены люди, что на насъ смотрѣли тысячи глазъ, сторожили каждое движеніе.

Все мало по малу утихало на нашихъ судахъ; пробили зорю, сыграли гимнъ: коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ; матросы улеглись. Многіе изъ насъ и чаю не пили, не ужинали, все смотрѣли на берега и на ихъ огражденія въ водѣ, на иллюминацію, на лодки, толкуя, предсказывая успѣхъ или неуспѣхъ дѣла, догадываясь о характерѣ этого народа. Потомъ одинъ за другимъ разбрелись; я остался и вслушивался въ трескъ кузнечиковъ, въ тихій плескъ волнъ, смотрѣлъ на игру фосфорическихъ искръ въ водѣ и на дальнія отраженія береговыхъ огней въ зеркалѣ залива. Здѣсь уже не было буруна, наводящаго тоску на душу, какъ на Бонинъ-Сима; только зарница ярко играла надъ холмами. И я ушелъ, окинувъ послѣдній разъ взглядомъ огненныя точки и нити по горамъ и по водѣ. Я легъ, но долго еще мерещились мнѣ женоподобные, присѣдающіе Японцы, ихъ косы, кофты, и во снѣ преслѣдовалъ долетавшій до ушей крикъ: оссильянъ, оссильянъ!

18. Гибралтаръ.

Трудно представить себѣ что нибудь величавѣе вида Гибралтара: это громадная скала, разсѣвшаяся на-трое. На серединномъ и самомъ высокомъ отдѣлѣ ея гордо вѣетъ англійскій флагъ; южный отдѣлъ образуетъ легкій скатъ, оканчивающійся мысомъ, называющимся *Punto de Europa*—это крайній пунктъ Европы; сѣверный отдѣлъ—высокая, перпендикулярно поднимающаяся изъ моря скала. Всѣ три отдѣла прорыты подземными батареями; рядъ плавающихъ бочекъ обозначаетъ передъ гаванью линію англійскихъ владѣній, за которою стояли нѣсколько англійскихъ военныхъ кораблей. Дожидаясь на набережной, пока исполнены будутъ всѣ формальности для полученія вида на прожитіе, разсматривалъ я густую толпу, толкущуюся у порта. Тутъ были англичане, шотландцы, итальянцы, жиды, испанцы, мавры, негры, мулаты; все это толпится вмѣстѣ въ своихъ національныхъ одеждахъ. Особенно бросаются въ глаза мавры, по ихъ живописной одеждѣ, но еще болѣе по необыкновенно-гордому спокойствію ихъ бѣлыхъ, матовыхъ, прекрасныхъ лицъ, съ лоснящимися черными бородами, которыя ярко оттѣнялись на ихъ бѣлыхъ какъ снѣгъ тюрбанахъ и бурнусахъ. Африканскіе жиды носятъ какую-то полувосточную, полуевропейскую одежду, похожую на бурнусы, только съ рукавами; вмѣсто тюрбановъ у нихъ на головахъ кожаныя ермолки и на ногахъ черныя туфли, тогда какъ у магометанъ желтыя. На востокѣ черный цвѣтъ есть цвѣтъ презрительный. Англичане перенесли на эту африканскую землю не только свою цивилизацію, но и всѣ свои лондонскія привычки. Въ этомъ отношеніи Гибралтаръ очень любопытенъ: это Англія и Испанія лицемъ къ лицу, западъ и востокъ, дѣятельность сѣвера и южный сибаритизмъ, промышленность и фантазія, цивилизація и природа. Люди среднихъ вѣковъ пренебрегаютъ всѣми усовершенствованіями своихъ сосѣдей, оставаясь вѣрными своей лѣни. Переселенцы Англіи принесли сюда всю свою терпѣливую дѣятельность, всю свою угрюмость, обыкновенную у людей, жадныхъ

къ прибыли. Представьте, что модный сезонъ здѣсь тоже бываетъ лѣтомъ, какъ въ Лондонѣ, не смотря на африканскій жаръ здѣшняго лѣта. У англичанъ внѣшнія формы жизни составляютъ родъ какого-то фатума, противъ котораго все безсильно. Подъ этимъ пламенѣющимъ небомъ, они настроили себѣ дома на англійскій манеръ, перетащили сюда весь свой лондонскій комфортъ и вмѣстѣ съ нимъ всѣ англійскіе предразсудки. Я никогда не забуду той нѣги, которая разлилась по всему моему существу, когда, столько мѣсяцевъ живя въ грязныхъ испанскихъ фондахъ, я въ Гибралтарѣ увидалъ себя въ превосходной англійской гостинницѣ, чистой, съ прекрасной постелью и исполненной всѣхъ самыхъ мелочныхъ удобствъ, повидимому излишнихъ, но удивительно способствующихъ къ изящному ощущенію жизни. Улицы Гибралтара похожи на улицы всѣхъ маленькихъ англійскихъ городовъ: дома безъ балконовъ, у оконъ англійскія зеленыя рѣшетки, но на каждомъ шагу поражаютъ васъ слѣды самой высокой цивилизаціи и торговой дѣятельности. Множество сигарныхъ фабрикъ (отсюда контрабанда снабжаетъ сигарами всю Испанію, которая, владѣя Гаванною, держитъ табакъ на откупу и ради дешевизны продаетъ табакъ прескверный: настоящихъ гаванскихъ сигаръ очень трудно достать внутри Испаніи), винные погреба, портерныя лавки, магазины, книжныя лавки... я не знаю, чего нельзя найти на этомъ маленькомъ клочкѣ земли. Между магазинами встрѣчаются лавки мавровъ; молчаливо, съ трубками сидятъ они на подушкахъ, передъ низкими столиками, на которыхъ разложены произведенія Африки: шерстяныя и шелковыя женскія покрывала, розовое масло и другія ароматическія эссенціи. Иногда негры подаютъ имъ кофе въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ. Эта смѣсь высокой сѣверной цивилизаціи съ восточными нравами придаетъ Гибралтару особенный характеръ. Прибавьте къ этому, что воскресенье соблюдается здѣсь съ такою же точностію, какъ въ Лондонѣ. Протестантская нетерпимость принуждаетъ даже и жидовъ на этотъ день запирать свои лавки. Театра здѣсь нѣтъ; но офицеры гарнизона составили изъ себя труппу, даютъ по временамъ представленія и берутъ за входъ по піастру. Женскія роли играются молодыми офицерами. Предразсудки сословій, столь сильные въ лондонскомъ обществѣ, перенесены и на эту дѣвственную почву. Жены офицеровъ, напримѣръ, рѣшили, что здѣсь высшее общество не должно быть смѣшаннымъ, и потому принимаютъ въ свой кругъ только офицеровъ и иностранцевъ. Между англійскими купцами есть люди съ отличнымъ умомъ и образованностію, но они видятся только между собою. Мнѣ случилось быть въ высшемъ обществѣ Гибралтара, состоящемъ изъ офицеровъ и ихъ семействъ: оно было невыносимо скучно; разговоръ вертѣлся только около предметовъ, касающихся службы и повышеній; притомъ дисциплина преслѣдуетъ ихъ даже въ самыхъ гостиныхъ; этикетъ страшный. Чтобъ понять, сколько смѣшнаго въ этомъ напыщенномъ этикетѣ, въ этихъ домашнихъ церемоніяхъ, надобно ихъ видѣть не въ Лондонѣ, гдѣ они сглаживаются кипящею дѣятельностію и тонутъ въ страшной массѣ народонаселенія, а здѣсь, въ такомъ маленькомъ гнѣздышкѣ, какъ Гибралтаръ. Возлѣ испанскихъ нравовъ, проникнутыхъ врожденнымъ изяществомъ, это придуманное, сочиненное изящество англичанъ, ихъ такъ называемая фашіонабельность, кажется смѣшною каррикатурою и пошлостью.

Превосходное шоссе вьется до самой вершины серединной скалы. Эта дорога представляетъ рядъ удивительныхъ картинъ: сквозь широкія разсѣлины проглядываютъ то мягкія линіи береговъ Испаніи, то берега Африки, съ ихъ острыми, рѣзкими очертаніями горъ, то голубая влага океана. Безпрестанно попадаются домики, уютные, красивые, чистые: это окрестность Лондона, перенесенная подъ африканское небо, на дикую скалу. Шоссе усажено по обѣимъ сторонамъ олеандрами

и густыми кустами ерани. Вокругъ нескончаемые бастіоны, батареи, часовые; изъ каждаго куста олеандра и ерани торчитъ солдатъ; куда ни взглянешь, вездѣ пушки. Съ вершины скалы открывается видъ поразительнаго величія: берега Африки до Тетуана и дальше—цѣпь горъ, постепенно возвышающихся до Атласа, котораго снѣговыя вершины теряются въ небѣ. Отсюда видны вмѣстѣ Испанія до Малаги, Средиземное море, океанъ, узкій проливъ Гибралтара; внизу суда кажутся раковинами, люди едва замѣтными муравьями. Въ формахъ этого пейзажа нѣтъ той гармоніи, къ какой мы привыкли въ европейскихъ пейзажахъ: эта несоразмѣрность, эта необъятность странно дѣйствуютъ на непривычный глазъ, но въ то же время пробуждаютъ чувство какого-то необъятнаго могущества. И все отсюда равно ярко, прозрачно безъ границъ; очертанія неуловимы для зрѣнія; глаза свободно уходятъ въ безконечную лазурную даль; земля, небо, море—все тонетъ въ золотисто-лазурномъ свѣтѣ; нѣтъ ни линій, ни тѣней. При закатѣ солнца чудный видъ становится еще великолѣпнѣе: горы Африки покрываются пурпурно-лиловымъ паромъ, и снѣговыя вершины Атласа на темно-голубомъ небѣ свѣтятся розовыми переливами. Эта оторванная скала Гибралтара явно есть слѣдствіе одного изъ величайшихъ переворотовъ земли и, безъ сомнѣнія, теперешняя Африка прежде составляла одинъ материкъ съ Европой. Но когда это было?

Вся скала прорыта подземными галереями: это укрѣпленія Гибралтара. Для обозрѣнія ихъ нужно особенное позволеніе губернатора, но въ немъ никогда не отказываютъ; только надобно просить черезъ консула. Не знаю, правда ли, но мнѣ говорили люди, по видимому знающіе военное дѣло, что всѣ эти подземныя батареи не имѣютъ той важности, какую имъ приписываютъ, потому что при продолжительной стрѣльбѣ они до такой степени наполняются дымомъ, что артиллеристамъ нѣтъ возможности выносить его; даже при ученьяхъ случается съ ними отъ этого обморокъ. Кромѣ того линіи батарей лежатъ слишкомъ высоко, такъ-что трудно расчитывать на вѣрные выстрѣлы. На вершинѣ скалы стоитъ сторожевой домикъ; онъ порученъ шотландскому сержанту, который обязанъ наблюдать въ морѣ и извѣщать гавань сигналами объ идущихъ корабляхъ. На склонѣ скалы, обращенномъ къ Испаніи, живутъ обезьяны: это единственное мѣсто въ Европѣ, гдѣ эти животныя водятся въ дикомъ состояніи. Они укрываются въ маленькихъ пещеркахъ и разсѣлинахъ, кормятся молодыми отростками низкихъ пальмъ, которыя по ту сторону горы растутъ во множествѣ. Мнѣ удалось ихъ видѣть только разъ, съ дюжину: они быстро цѣплялись по скаламъ, прыгали; сержантъ говорилъ, что иногда они появляются толпами штукъ въ 40 и 50. Гибралтарскія обезьяны желто-сѣраго цвѣта и безъ хвостовъ, величиною четверти въ три, точно такія же, какія водятся въ сѣверной Африкѣ и которыхъ я видалъ въ Кадиксѣ на рынкѣ. Въ Гибралтарѣ подъ большимъ штрафомъ запрещено ловить ихъ или убивать.

В. Боткинъ.

19. Ночь на Везувіи.

Сумракъ палъ. Я зажегъ мой факелъ и пожелалъ пустынникамъ доброй ночи. Черезъ нѣсколько минутъ, я былъ уже у самой крути горы. Отсюда кажется, что вершины можно достигнуть менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Дорога крута, ноги тонутъ въ сыпучей золѣ; но я шагаю съ энергіею отъявленнаго туриста и оставляю проводника далеко за собою. Чтобъ подвинуться впередъ на шагъ, надо шагнуть три раза. Это работа Сизифа. Энергія, съ какою вы пошли на приступъ, скоро ослабѣваетъ, вашъ посохъ медленнѣе и глубже упирается въ сугробы золы и скорій. Опытный проводникъ держится пословицы: «тише ѣдешь, дальше будешь». Окрутивъ себя длиннымъ кушакомъ, онъ человѣколюбиво предлагаетъ мнѣ концы

его, въ намѣреніи взять меня на буксиръ. Я щекотливо отказываюсь. Между-тѣмъ сумракъ густѣетъ, но какой сумракъ! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаются, что такого колера на палитрѣ не существуетъ.

Мы подвигались впередъ весьма не прытко. Я оглянулся: за мною двигалась черная фигура, и надъ нею отблескомъ моего факела сверкалъ штыкъ: это былъ королевскій жандармъ, геній-хранитель путешественниковъ. Нѣсколько человѣкъ стражи постоянно живутъ у подножія горы. Онъ сталъ увѣрять меня, что тутъ не безопасно, что недавно одинъ Англичанинъ (въ Италіи всѣ чудеса случаются съ Англичанами), отставшій отъ своего проводника, наткнулся на ножи бандитовъ... За эту импровизацію я подалъ гренадеру нѣсколько грановъ и послалъ его спать. Глубокія волны пепла и шлаковъ были намъ единственною помѣхою. Вѣтеръ потушилъ мой факелъ. Я продолжалъ подыматься посреди глубокаго мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ; но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда не ступишь на вершину, или, точнѣе, на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами волкана. Посереди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается коническій холмъ: это кратеръ, это голова волкана съ вѣчно-открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій, настоящій гиперборейскій вѣтеръ, дующій здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина волкана — самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная, нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ, на ребрахъ конуса блещутъ два широкіе потока, яркіе какъ растопленное золото: это раскаленная лава. Поэты вакхической школы то и дѣло сравниваютъ свое воображаемое шампанское съ потоками лавы, плещущей будто бы черезъ край жерла. Поэтическая вольность! безсовѣстная ложь!

Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора волкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины сіяли кровавымъ огнемъ, и изъ нихъ съ свистомъ вырывался густой, желтый дымъ; почва раскалялась до-бѣла и, расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы,—вотъ лава! Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтерь оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ какъ жаръ, пышащій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались... Я старался вонзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленнаго желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвесть глазъ отъ этого невиданнаго зрѣлища, — вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла... Багровые шары высоко взлетѣли къ небу, посреди огненнаго дождя пепла: это раскаленные камни, кубы фута въ два величиною, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться Брошенныя вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ-же самомъ направленіи въ жерло или на закраины его. Нѣсколько секундъ волканъ дрожалъ подъ моими ногами, и снова все погрузилось въ мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкало, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы;

мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ ея таинственныя силы: я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко... Ни удушливые газы, ни сѣрнистый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конусъ, до края широкой бездны; но колебавшаяся подъ моими ногами кора кратера и новые взрывы волкана остановили меня на полупути. По скользкимъ сугробамъ золы я скатился назадъ на площадку, ошеломленный, черный, опаленный... Я видѣлъ православный римскій фейерверкъ la girandola. Никакой фейерверкъ не можетъ быть эффектнѣе жирандолы: все цвѣтные букеты крутящихся огней, густые снопы ракетъ, при громѣ пушекъ, поднимаются съ громады Адріанова мавзолея и отраженіемъ своимъ льются въ темныя волны Тибра. Но колоссальный фейерверкъ Везувія, эти вихри подземныхъ огней, вырывающіеся изъ пропасти съ громомъ и землетрясеніемъ, поражаютъ своимъ страшнымъ величіемъ, не одни глаза; нѣтъ, эта картина потрясаетъ восторгомъ и ужасомъ самую твердую душу: наслажденіе чисто-юпитеровское.

Я провелъ ночь на волканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожатый разнѣжился, лежа въ теплой золѣ, и заснулъ, какъ убитый. Я, сидя на грудѣ камней, припоминалъ суевѣрныя сказанія Діона Кассія. Везувій укрощался не надолго; при каждомъ новомъ взрывѣ, яркимъ заревомъ обливались горы Сомма и Оттаяно, которыя въ своихъ основаніяхъ соединены съ волканомъ, хотя вершины ихъ отдѣлены одна отъ другой глубокими долинами. Отважные геологи нашли причины полагать, что эта группа горъ, въ незапамятныя времена, составляла чудовищную единицу, въ родѣ Этны. Но доказать, что 3=1, задача крайне трудная. Покуда мы знаемъ только то, что Везувій, относительно величины, занимаетъ средину между Этной, которая давно удостоилась миѳологической славы, и безвреднымъ волканомъ Стромболи, который, какъ потухающій маякъ, дымится на одномъ изъ Липарскихъ островов. Во всякомъ случаѣ, Везувій всегда дѣйствовалъ такъ блистательно, что успѣлъ помрачить славу всѣхъ существующихъ волкановъ.

Я глядѣлъ внизъ. Подъ яркимъ блескомъ итальянской луны, море сверкало, и ясно обозначалось бѣлѣющееся зданіями полукружіе береговъ Неаполя; ночные огни, и неподвижные и перебѣгающіе одинъ за другимъ, постепенно погасали. Утро было близко. Звѣзды блѣднѣли; на востокѣ, за темной стѣной Аппенинъ, бѣлесоватая полоса яснѣла и яснѣла. Воздухъ становился неизъяснимо прозраченъ, небеса были фіалковаго цвѣта. Вдали, утесистые берега Сорренто, скалы Капри сбрасывали съ себя ночныя покрывала и являлись въ полномъ блескѣ цвѣтистыхъ утреннихъ нарядовъ. Не помню ни одной картины, не знаю ни одной страницы, гдѣ бы эти магическіе эффекты были выражены удовлетворительно.

Свѣжій разсвѣтный вѣтерокъ вызвалъ десятки латинскихъ парусовъ на голубыя зыби залива. До меня долеталъ шопотъ пробуждавшихся селеній, вмѣстѣ съ утреннимъ ароматомъ лимонныхъ садовъ. Морской вѣтерокъ заколыхалъ фестоны виноградныхъ лозъ, сплетенные съ вѣтвями тополей, казавшихся отсюда легкими тирсами. Солнце, поднявшееся надъ мертвой Помпеей, разсыпало свои искры по волнамъ. Въ минуту горизонтъ былъ потопленъ золотистымъ паромъ; воздухъ наполнился благоуханіемъ; все въ природѣ, казалось, готовилось къ какому-то языческому торжеству. Волканъ трепеталъ и бормоталъ, какъ сивилла на своемъ треножникѣ. Румяное облачко, ночевавшее на сосѣдней горѣ, подплывало къ вершинѣ Везувія... Я воображалъ, что сейчасъ зароюсь въ розовый пухъ,—и былъ окутанъ густымъ, холоднымъ туманомъ... Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ тучѣ, подарили меня лихорадкой. Потомъ я видѣлъ, какъ обманчивая кокет-

ка, улетая, таяла въ воздухѣ на первыхъ лучахъ солнца.

Вожатый, выжимая мой плащъ, указывалъ мнѣ на прежнее, истощившееся жерло, которое, нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ путешественникъ, подражатель Эмпедокла, избралъ себѣ могилой. Везувій и тутъ перещеголялъ старуху Этну. Этна выкинула обратно однѣ сандаліи агригентскаго философа; Везувій швырнулъ цѣлымъ французомъ. Передъ трагической кончиной глаза чужеземца были обращены на очаровательную діораму Неаполя. Счастливецъ хотѣлъ поглядѣть на Неаполь и потомъ умереть; онъ помнилъ неаполитанскую пословицу: Yedi Napoli e pòi mori!

В. Яковлевъ.

20. Анзерскій скитъ.

Въ Анзерскомъ скиту насъ посадили опять въ линейку, чтобы везти на Голгоѳу, во Іисусо-Голгоѳскій скитъ, до котораго считають $6^1/_2$ верстъ; на второй верстѣ началась эта высокая, словно сахарная голова, гора, чрезвычайно крутая, вулканическаго вида. Дорога побѣжала винтомъ между высокими деревьями, въ виду озеръ, разлившихся у подошвы горы. Словно поставленная на облакахъ, бѣлѣлась надъ нашими головами скитская церковь далеко-далеко наверху. Здѣсь первоначально жилъ Елеазаръ, а послѣ него іеросхимонахъ Іисусъ, водрузившій здѣсь крестъ и положившій такимъ образомъ первое основаніе скита въ 1712 году. По завѣщанію его, въ скиту воспрещено употребленіе рыбы и молочной пищи, кромѣ субботы и воскресенья, и установлено неусыпное чтеніе псалтиря. Братіи здѣсь жило въ то время восемь человѣкъ.

Видъ съ горы и съ скитской колокольни поразителенъ: море протянулось во всей своей пустынности и ушло въ безграничную даль океана. Неоглядная даль эта сливается съ ближайшей стороны съ бойкою, богатою лѣсною и луговою растительностію острова,—съ другой, дальней, ограничивается группою острововъ Муксалмскихъ. На нихъ пасется монастырскій скотъ. Между Большими и Малыми Муксалмами разливалась Салма съ необыкновенною быстротою теченія, усиленною еще, сверхъ того, присутствіемъ пороговъ. Пороги эти носятъ названіе Желѣзныхъ Воротъ, трудно одолимыхъ гребнымъ карбасомъ въ сухую воду и едва доступныхъ, по быстротѣ теченія, при приливѣ, или полой водѣ, по-туземному. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ этихъ воротъ, съ одного берега на другой перекинутъ мостъ для перехода скота и оленей. За Муксалмами выясняется группа острововъ Заяцкихъ съ бѣлою церковью, и вотъ, правѣе ихъ и ближе, весь зеленый и огромный Соловецкій, и опять громадная, неоглядная масса воды, сверкающей на полномъ свѣтѣ полуденнаго лѣтняго солнца. Вотъ на морѣ этомъ чернѣетъ корга, едва незаливаемая прибылой водой, та корга, на которой ловятъ монахи морскихъ звѣрей по осенямъ и зимамъ. Съ колокольни, на которой вѣчно ходитъ круговой вѣтеръ, хотя бы подъ горою и на морѣ была полная тишь и гладь, глазъ бы не оторвалъ отъ всего, что рисуется и красуется внизу. Гора Голгоѳа до того высока, что видна съ моря верстъ за 50, по словамъ туземцевъ, и до того своеобразна, что чаекъ, одолѣвающихъ крикомъ внизу въ Анзерскомъ скиту, въ здѣшнемъ Голгоѳскомъ не могли прикормить. Не водятся здѣсь также и голуби, и только вороны да орлы способны прилетать сюда вить гнѣзда и кормиться отъ сытной и обильной братской трапезы.

Въ Голгоѳскомъ скиту не служатъ молебновъ; служатъ только однѣ панихиды.

На обратномъ пути, въ Анзерскомъ скитѣ намъ предложили варенцу и сливокъ, которыхъ здѣсь, по словамъ монаховъ, въ изобиліи.

— Тяжелы были времена для обители въ запрошедшіе годы, разсказывалъ мнѣ анзерскій монахъ. Въ скиту нашемъ стекла дрожали отъ пальбы непріятельскихъ пушекъ. Страшный дымъ стоялъ все вре-

мя надъ монастыремъ; думали уже мы, что случился пожаръ и загорѣлась какая-либо изъ башень. Дымъ, стоявшій все время надъ монастыремъ, минутъ черезъ пятнадцать разносило вѣтромъ и сердца наши испытывали веліе веселіе, радовались надеждою. Пришедшіе изъ обители монахи сказывали на другой день, что гроза миновала и молитвами преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы, Савватія и Германа Соловецкихъ, Елеазара Анзерскаго и Іисуса Голгоѳскаго обитель спаслась и только испытала нѣкоторыя поврежденія.

Поврежденія эти, сохраненныя еще на мой проѣздъ, состояли въ неисправимыхъ поврежденіяхъ архангельской гостинницы. Одно ядро прошибло крышу и опалило образъ у дверей холоднаго собора, другое пробило въ одномъ мѣстѣ стѣну; многія расшибли церковныя и келейныя окна. Всѣ эти ядра, собранныя въ значительномъ числѣ, показывали богомольцамъ выставленными по прилавку на соборной паперти. Пушки, изъ которыхъ стрѣлялъ монастырь, отецъ-архимандритъ Александръ предполагалъ позолотить и выставить при входѣ въ св. ворота. Также позолочены были и тѣ ядра, изъ которыхъ одно упало въ соборной церкви и не разорвалось, и другое, засѣвшее въ соборной главѣ и чуть не брошенное внизъ по неосторожности кровельщикомъ, впослѣдствіи, когда поправлялись главы и кровля.

Вотъ что можно услышать отъ соловецкихъ монаховъ, съ присоединеніемъ того, что осталось въ воспоминаніяхъ самого отца-архимандрита Александра (теперь епископа архангельскаго и холмогорскаго) о недавнемъ бомбардированіи монастыря англичанами.

Эскадра англійская, какъ извѣстно, останавливалась около Заяцкихъ островов. Отсюда отправлены были въ монастырь парламентеры съ просьбою снабдить ихъ пароходы баранами. Архимандритъ отказалъ. Англичане высадились на одинъ изъ Заяцкихъ островов, и именно на тотъ, гдѣ паслись въ то время бараны; часть ихъ была поймана, не давался долго одинъ козелъ, но когда былъ пойманъ, лизалъ руки у враговъ, своихъ владѣтелей. За такую ласковость англичане отпустили козла, не взявши его съ собою. Монастырю, во всякомъ случаѣ, угрожала опасность. Англичане, державшіеся той системы, чтобы не стрѣлять и не начинать ссоры съ беззащитными селеніями, сожгли въ то же время Пушляхту и Кандалакшу, только послѣ того, когда видѣли, что жители выбѣжали съ ружьями и стрѣляли по нимъ. Англичане знали, что монастырь—сильная крѣпость, что въ крѣпости этой есть нѣкоторое количество инвалидной команды, есть пушки и боевые снаряды, и есть, сверхъ всего, огромный запасъ провизіи. Къ тому же изъ монастыря полученъ былъ отказъ въ снабженіи мясомъ. Архимандритъ зналъ, что бомбардированіе неизбѣжно. Незадолго до него, командиръ эскадры поручилъ заяцкому монаху, отправлявшемуся въ монастырь, передать настоятелю подарокъ. Подарокъ этотъ была штуцерная пуля со всѣмъ припасомъ.

— Попенялъ я имъ, что посылаютъ пулю, разсказывалъ этотъ монахъ. «Послали бы вы, я говорю, отцу-архимандриту ружье англійское, хорошее». А пусть, говорятъ, пріѣдетъ самъ—подаримъ! «А мнѣ подарите ружье?» спрашивалъ я. Тебѣ, говорятъ, не надо ружья. Подавая мнѣ пульку, командиръ, переглянувшись съ другимъ, стоявшимъ рядомъ, усмѣхнулся.

Собралъ отецъ-архимандритъ совѣтъ изъ монашествующей братіи и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи ѣхать для личныхъ переговоровъ съ непріятелями. Одни отсовѣтовали, другіе утверждали въ этомъ намѣреніи. Отецъ Александръ рѣшился на послѣднее и, благословивши и распростившись со слезами съ братіею, сѣлъ въ монастырскій карбасъ, управленіе которымъ довѣрилъ онъ самому опытному кормщику, а въ помощь ему выбралъ

самыхъ сильныхъ изъ всего количества штатныхъ монастырскихъ служителей.

При холодномъ, противномъ вѣтрѣ, противъ котораго съ трудомъ держался баркасъ и едва спасала теплая двойная одежда, ѣхалъ отецъ Александръ до непріятельскихъ пароходовъ. И только на разсвѣтѣ (отправившись послѣ вечерень) онъ могъ достигнуть до нихъ. Выкинутъ былъ парламентерскій флагъ; съ парохода непріятельскаго спущена была шлюпка для переговоровъ. Настоятель соглашался на нихъ только въ такомъ случаѣ, когда увидѣлъ, что на шлюпку вскочило много.

— Отчего ты не давалъ намъ барановъ? спрашивалъ переговорщикъ.

— Оттого, что вы враги наши, отвѣчалъ архимандритъ.

— Мы бы тебѣ заплатили деньги.

— Денегъ мнѣ вашихъ не надо, потому что я монахъ и не нуждаюсь въ деньгахъ. Я всѣмъ обезпеченъ отъ обители.

— Мы тебя возьмемъ въ плѣнъ и увеземъ съ собою.

— Въ плѣнъ вы меня взять не смѣете, потому что я подъ парламентерскимъ флагомъ пріѣхалъ къ вамъ; да и что вамъ во мнѣ, и зачѣмъ вы меня такъ далеко повезете?...

— Далъ бы ты намъ барановъ, мы бы васъ не трогали...

— Дать я вамъ всего этого не могу, да и не позволитъ братія.

— А если самъ захочешь?

— Самъ не хочу и не дамъ, и братіи не позволю, потому что мы, хотя и монахи, но принадлежимъ своему отечеству, любимъ его и молимся за своего государя.

— Ну, такъ мы будемъ стрѣлять...

— А мы будемъ молиться...

— Стрѣлять мы будемъ завтра.

— Стало-быть, такъ я и знать буду и также точно скажу и братіи. Поѣду и приготовлюсь по обрядамъ церкви.

Оставивъ англичанъ съ положительнымъ отказомъ, отецъ-архимандритъ собралъ всю братію и приказалъ ей, исповѣдью и причащеніемъ св. таинъ, приготовиться къ завтрашнему дню. На другой день, въ самый день бомбардированія, причастился и самъ и, не дожидаясь начала пальбы, началъ литію для того, чтобы обойти вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Лишь только потянулось шествіе по стѣнамъ и не совершило еще и половины крестнаго хода, раздался оглушительный громъ отъ пальбы, завизжали пули, нѣкоторыя изъ нихъ носились надъ головами богомольцевъ, незначительная часть которыхъ успѣла пробраться на то время въ монастырь. И вдругъ—одно мгновеніе, которое, по словамъ очевидцевъ, неизгладимо останется въ ихъ памяти—раздался сзади шествія страшный крикъ и почти всѣ задніе ряды повалились ничкомъ на землю. Оказалось, что ядро прошибло стѣну и пролетѣло надъ головами богомольцевъ, не сдѣлавъ имъ особеннаго вреда. Въ то же время другое ядро ударило въ соборную главу и влетѣло въ церковь, другое пробило кровлю и попалило образъ. Гулъ и пальба не прекращались долго, даже и въ то время, когда крестный ходъ вернулся въ соборъ. Наконецъ все стихло; архимандритъ совершилъ благодарственное молебное пѣніе. Англійская эскадра отправилась въ Кемь... При этомъ присовокупляютъ, что во время пальбы на монастырскомъ дворѣ не видали убитою ни одной чайки.

С. Максимовъ.

21. Осень.

Осень, глубокая осень! Сѣрое небо, низкія, тяжелыя, влажныя облака; голы и прозрачны становятся сады, рощи и лѣса. Все видно насквозь въ самой глухой древесной чащѣ, куда лѣтомъ не проникалъ глазъ человѣческій. Старыя деревья давно облетѣли, и только молодыя отдѣльныя березки сохраняютъ еще свои увядшіе желтоватые листья, блистающіе золотомъ, когда тронутъ ихъ косые лучи невысокаго осенняго солнца. Ярко выступаютъ сквозь красноватую сѣть

березовыхъ вѣтвей вѣчно-зеленыя, какъ-будто помолодѣвшія ели и сосны, освѣженныя холоднымъ воздухомъ, мелкими, какъ паръ, дождями и влажными ночными туманами. Устлана земля сухими, разновидными и разноцвѣтными листьями: мягкими и пухлыми въ сырую погоду, такъ что не слышно шелеста отъ ногъ осторожно ступающаго охотника, и жесткими, хрупкими въ морозы, такъ что далеко вскакиваютъ птицы и звѣри отъ шороха человѣческихъ шаговъ. Если тихо въ воздухѣ, то слышны на большомъ разстояніи осторожные прыжки зайца и бѣлки и всякихъ лѣсныхъ звѣрковъ, легко различаемые опытнымъ и чуткимъ ухомъ звѣролова.

Синицы всѣхъ родовъ,—не улетающія на зиму,—кромѣ синицы придорожной, которая скрылась уже давно—пододвинулись къ жилью человѣческому, особенно синица Московка, называемая въ Петербургѣ новгородской синицей, въ оренбурской же губерніи—бѣскомъ. Звонкій, пронзительный ея свистъ уже часто слышенъ въ домѣ сквозь затворенныя окна. Снигири также выбрались изъ лѣсной чащи и появились въ садахъ и огородахъ, и скрипучее ихъ пѣнье, не лишенное какой-то пріятной мелодіи, тихо раздается въ голыхъ кустахъ и деревьяхъ.

Еще неулетѣвшіе дрозды, съ чоканьемъ и визгами, собравшись въ большія стаи, улетаютъ въ сады и уремы, куда манятъ ихъ ягоды бузины, жимолости и, еще болѣе, красныя кисти рябины и калины. Любимыя ими ягоды черемухи давно высохли и свалились; но онѣ не пропадутъ даромъ: всѣ будутъ подобраны съ земли жадными гостями.

Вотъ шумно летитъ станица черныхъ дроздовъ и прямо въ паркъ. Одни разсядутся по деревьямъ, а другіе опустятся па землю и распрыгаются во всѣ стороны. Сначала притихнутъ часа на два, въ тихомолку удовлетворяя своему голоду, а потомъ, насытясь, набивъ свои зобы, соберутся въ кучу, усядутся на нѣсколькихъ деревьяхъ и примутся пѣть, потому что это пѣвчіе дрозды. Хорошо поютъ не всѣ, а, вѣроятно, старые; иные только взвизгиваютъ; но общій хоръ очень пріятенъ: изумитъ и обрадуетъ онъ того, кто въ первый разъ его услышитъ, потому что давно замолкли птичьи голоса, и въ такую позднюю осень не услышишь прежняго разнообразнаго пѣнья, а только крики птицъ и то большею частью дятловъ, снигирей и бѣсковъ.

Рѣка приняла особенный видъ, какъ-будто измѣнилась, выпрямилась въ своихъ изгибахъ, стала гораздо шире, потому что вода видна сквозь голые сучья наклонившихся ольховыхъ вѣтвей и безлистные прутья береговыхъ кустовъ, а еще болѣе потому, что пропалъ отъ холода водяной цвѣтъ и что пребрежныя водяныя травы, побитыя морозомъ, завяли и опустились на дно. Въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ, имѣющихъ глинистое и особенно песчаное дно, вода посвѣтлѣла и стала прозрачна какъ стекло; но рѣки и рѣчки припруженныя, текущія медленно, получаютъ голубовато-зеленый, непріятный, какъ-будто мутный цвѣтъ. Впрочемъ, это оптическій обманъ; вода въ нихъ совершенно свѣтла, но дно покрыто осѣвшею шмарою, мелкимъ, зеленымъ мохомъ, или коротенькимъ водянымъ шелкомъ—и вода получаетъ зеленоватый цвѣтъ отъ своей подкладки, точно какъ хрусталь или стекло, подложенное зеленой фольгой, кажется зеленымъ. Весной (лѣтомъ это не замѣтно) вода мутна сама по себѣ, да и весеннее водополье покрываетъ дно новыми слоями ила и земли, на поверхности которыхъ еще не образовался мохъ; когда же, по слитіи полой воды, запрудятъ пруды, сонныя воды такихъ рѣкъ цвѣтутъ безпрестанно, а цвѣтъ, плавая массами и клочьями по водяной поверхности, наполняетъ въ то же время мелкими своими частицами (процессомъ цвѣтенія) всю воду и дѣлаетъ ее густою и мутною, отчего и незамѣтно отраженіе зеленаго дна.

Вотъ такую-то осень люблю я, не только какъ охотникъ, но какъ страстный

любитель природы во всѣхъ ея разнообразныхъ измѣненіяхъ.

С. Аксаковъ.

22. Воды.

Все хорошо въ природѣ, но вода—красота всей природы. Вода жива: она бѣжитъ или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы и, смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два большія паденія воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло—и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не ростутъ они; но, видно, вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

Иногда на такихъ горныхъ родникахъ, падающихъ съ значительной высоты, ставятъ оренбургскіе поселяне нехитрыя мельницы-колотовки, какъ ихъ называютъ, живописно прилѣпляя ихъ къ крутому утесу, какъ ласточка прилѣпляетъ гнѣздо къ каменной стѣнѣ. Весь небольшой потокъ захватывается жолобомъ или колодою, то есть выдолбленною половинкою толстаго дерева, которую плотно упираютъ въ бокъ горы; изъ колоды струя падаетъ прямо на водяное колесо—и дѣло въ шляпѣ: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, ни кауза... а колотовка постукиваетъ да мелетъ себѣ помаленьку и день и ночь. Нѣтъ мелева—отодвигается колода въ сторону, и потокъ снова летитъ внизъ по крутизнѣ горы, мгновенно собирая въ одинъ густой звукъ раздробленный шумъ своего паденія. Мельничная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинномъ неуклюжемъ срубѣ или кривыхъ, неровныхъ стойкахъ. Все дрянно, плохо, косо, чуть липнетъ. Нѣтъ признака искусной, правильной руки человѣка, ничто не разнорѣчитъ съ природой, а напротивъ, дополняетъ ее... Но какія же паровыя машины втягиваютъ водяныя жилы на горныя высоты, тогда какъ вода, по свойству своему, занимаетъ самое низкое мѣсто на земной поверхности? Удовлетворительно не объясняетъ этого явленія и современная наука. Иногда такой ключъ бьетъ изъ средины горы, а всего чаще изъ ея подошвы. Но есть родники совсѣмъ другаго рода, которые выбиваются изъ земли въ самыхъ низкихъ болотистыхъ мѣстахъ и образуютъ около себя ямки или бассейны съ водой, бòльшей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ нихъ текутъ «ручьи». Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только на днѣ: вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собою песокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, онѣ опускаются и устилаютъ дно родника ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ, относительно силы ключа, то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камешками, ворочается со дна до верху, кипитъ и клокочетъ какъ котелъ на огнѣ. И горные ключи и низменные болотные родники бѣгутъ ручейками: иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь, бывало, журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или навѣсъ густой травы—пахнётъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжею сыростью, и наконецъ увидишь бѣгущую во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій лѣтній день для усталаго охотника!

Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному лугу или долочку. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ: вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность; не такъ и холоденъ: солнечные лучи прогрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей «попикаетъ», то есть уходитъ въ землю и, пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною.

Изъ многихъ такихъ ручейковъ составляются «рѣчки.» Одна бѣжитъ по глубокому лѣсному оврагу, наливая попадающіяся на пути ямки и рытвины и образуя изъ нихъ небольшіе омуточки. Сломленныя бурею и подмытыя весеннею водою, деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе и, запруженная какъ будто плотиною, она разливается маленькимъ прудкомъ, прибывая до тѣхъ поръ, пока найдетъ себѣ боковой выходъ, или, перевысивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать чрезъ него излишнюю, безпрестанно накоплявшуюся воду, легкимъ шумомъ нарушая тишину лѣсной пустыни. Всякая птица держится около воды, а рябчики, какъ говорятъ охотники, любятъ, сидя на деревьяхъ, дремать подъ тихое журчанье лѣсной рѣчки, въ которой завелись уже и кутема, и пеструшка, и выпрыгиваютъ по вечернимъ и утреннимъ зарямъ на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошекъ и сумеречныхъ бабочекъ. Мнѣ случалось заходить въ такіе лѣсистые, глухіе овраги, и не скоро уходилъ я: тамъ, наверху, еще жарко, лѣтнее солнце клонится къ западу; ярко освѣщены имъ до половины нагорныя деревья; вѣтерокъ звучно перебираетъ листьями, а здѣсь, внизу, густая тѣнь, сумерки, прохлала, тишина.

Другая рѣчка бѣжитъ по ровной долинѣ или по широкому лугу. Извилистые берега ея обростаютъ мѣстами лозникомъ, вербою и ольхою, а мѣстами одною осокою и другими береговыми травами; дно ея ровно и гладко, и глубина почти вездѣ одинакова. Около такой небольшой рѣчки, смотря по мѣстности и почвѣ, нерѣдко бываютъ довольно большія болота, поддерживаемыя родниками и поросшія камышемъ, таловыми кустами и мелкими деревьями. На такихъ рѣчкахъ строятъ, если случаются берега повыше, незатѣйливыя мельницы на одинъ поставъ, рѣдко на два. Небольшіе пруды ихъ, распространяя кругомъ мокроту и влажность, не только поддерживаютъ прежнія, но даже производятъ новыя болота и мочежины, новые пріюты приволья для всякой дичи.

Есть особенный видъ рѣкъ, которыя, по объему текущей воды, должно причислить къ рѣчкамъ, хотя при первомъ взглядѣ онѣ могутъ показаться гораздо большей величины: это—рѣки «степныя». Онѣ состоятъ изъ цѣпи омутовъ (по-московски, бочаговъ) или небольшихъ озеръ, очень глубокихъ и необыкновенно прозрачныхъ, соединяющихся между собой «перекатами», то-есть мелкою рѣчкою, иногда даже ручейкомъ. Всегда поросшія особенною породой мягкаго камыша и водяными лопухами, растущими и цвѣтущими на всякой глубинѣ, онѣ бѣгутъ на перекатахъ довольно быстро, но въ омутахъ почти непримѣтно никакого теченія. Очень рѣдко по берегамъ ихъ растетъ мелкій кустарникъ. Если взглянуть на такую рѣку, извивающуюся по степи, съ высокаго мѣста, что случается довольно рѣдко, то представится необыкновенное зрѣлище: точно на длинномъ безконечномъ снуркѣ, прихотливо перепутанномъ, нанизаны синіе яхонты въ зеленой оправѣ, перенизанные серебрянымъ стеклярусомъ: текущая вода блеститъ, какъ серебро, а неподвижные омуты синѣютъ въ зеленыхъ берегахъ какъ яхонты.

Нѣсколько рѣчекъ, большей или меньшей величины, постепенно впадаютъ одна въ другую. Обильнѣйшая водою по праву, а счастливѣйшая иногда безъ всяка-

го права, поглощая въ себѣ имена другихъ, удерживаетъ свое собственное и продолжаетъ теченіе уже многоводною и сильною «рѣкою.» Густая, разнообразная и обширная урема почти обыкновенно разростается на ея берегахъ.

Смотря по возвышенной или низменной мѣстности, окрестности такой рѣки бываютъ сухи или болотисты. Въ послѣднемъ случаѣ, необозримые, безконечные камыши, проросшіе кустами и лѣсомъ, съ озерами болѣе или менѣе глубокими, представляютъ самыя благонадежныя, просторныя и крѣпкія мѣста для вывода и укрывательства съ молодыми всякой птицѣ и преимущественно водяной дичи.

Иногда рѣка на большое пространство протекаетъ дремучими ненаселенными лѣсами и получаетъ особенный, уединенный, дикій и вмѣстѣ важный и торжественный образъ. Берега ея не измяты ни чьимъ прикосновеніемъ; изрѣдка забредетъ на нихъ охотникъ, но не оставитъ слѣдовъ своихъ надолго: сильная растительность, происходящая отъ избытка влаги, сейчасъ поднимаетъ смятыя травы и цвѣты. Свободно и могуче обростаютъ берега ея широколистною и узкою осокою, аиромъ, палочникомъ и крупными незабудками; а по всѣмъ затишьямъ, необыкновенной величины темно-зеленые, круглые лопухи плаваютъ уединенно на длинныхъ стебляхъ своихъ, однообразно двигаясь теченіемъ рѣки. Водяная птица какъ-будто боится уединенія, и утки перестаютъ жить и водиться на рѣкахъ, когда онѣ слишкомъ далеко углубляются въ лѣсную глушь. Рыба и земноводный звѣрь остаются ихъ хозяевами. Въ пустынномъ безмолвіи и мракѣ катятся вольныя многоводныя струи, и только вѣтви наклонившихся или упавшихъ въ воду столѣтнихъ деревъ, противясь теченію, производятъ неумолкаемый, но тихій и глухой ропотъ. Плеснется большая щука, переплываетъ рѣку норѣшина (норѣчина), нырнетъ выхухоль—и только; но и тотъ слабый шумъ скоро поглощается общимъ безмолвіемъ. Смотрится только въ воду разнообразное чернолѣсье: липа, осина, береза и дубъ, кладя то справа, то слѣва, согласно стоянію солнца, прямыя или косыя тѣни свои на поверхность рѣки.

Изъ слiянія многихъ такихъ полноводныхъ рѣкъ составляются большія рѣки «средней величины», какъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстная Ока, Бѣлая въ Оренбургской губерніи и множество другихъ, изъ нихъ-то, наконецъ, образуются рѣки «первой величины», какъ Волга и Кама, изъ которыхъ послѣдняя немногимъ меньше первой, своей побѣдительницы. Не смотря на огромное различіе въ обиліи и силѣ водъ, и тѣ и другія рѣки имѣютъ одинъ уже характеръ: русло ихъ всегда песчано, всегда углублено; сбывая лѣтомъ, вода обнажаетъ луговую сторону, и рѣка катитъ свои волны въ широкоразметанныхъ желтыхъ пескахъ, перебиваемыхъ косами разноцвѣтной гальки: слѣдовательно настоящіе берега ихъ голы, безплодны и по-моему не представляютъ ничего пріятнаго, отраднаго взору человѣческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по теченію, сторона нерѣдко богата живописными, величественными видами, но на нихъ хорошо смотрѣть издали, на полотнѣ или на бумагѣ. У всякаго есть своя особенность; моя состоитъ въ томъ, что я не люблю большихъ рѣкъ, и громадныхъ, утесистыхъ ихъ береговъ, и песчаныхъ, печальныхъ отмелей луговой стороны. Мнѣ даже страшно смотрѣть на необъятную массу воды, такъ самовластно отдѣляющую меня отъ противоположнаго берега, черезъ которую безъ опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури — ужасное зрѣлище! Я не разъ видалъ ихъ въ грозѣ и гнѣвѣ. Желтые, бурые водяные бугры съ бѣлыми гребнями, и потопляемыя, какъ щепки, суда—живы въ моей памяти. *С. Аксаковъ.*

23. Лѣсъ.

Я сказалъ о водѣ, что она «краса природы;» почти то же можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса—хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ: прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ.

Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта, и проч., называются «краснымъ лѣсомъ» или «краснолѣсьемъ». Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что, вмѣсто листьевъ, онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однѣхъ сосенъ, называется «боромъ». Всѣ остальныя породы деревъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются «чернымъ лѣсомъ» или «чернолѣсьемъ». Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитникъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчной однообразной и мрачной зелени, его песчаной или глинистой почвы, можетъ быть оттого, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолистнымъ чернолѣсьемъ и тучнымъ черноземомъ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ прожилъ я большую половину своего вѣка, сосна—рѣдкость. Итакъ я стану говорить объ одномъ чернолѣсьѣ.

По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или «колками», гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами (какъ сказалъ Гоголь); высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ, но его мало растетъ въ знакомыхъ мнѣ уѣздахъ Оренбургской губерніи, и не достигаетъ онъ тамъ своего огромнаго роста. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могуще-

ства и долголѣтія. Осина и по наружному виду, и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревъ. Незамѣчаемая никѣмъ, трепетно-листная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью: золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

«Зарость» или «поросль», то-есть молодой лѣсъ, пріятенъ на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела, но въ немъ мало тѣни: онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревъ посохнетъ отъ тѣсноты и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ расти не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые «темные лѣса»; но подъ словомъ старый не должно разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ, незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, не смотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою. Мнѣ нерѣдко случалось въ торопяхъ вскочить на такой древесный трупъ и — провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣснаго царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами: «лѣшими» и «лѣсными дѣвками», также какъ рѣчные и озерные омута — «водяными чертовками»; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо: деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по-своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски — и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яица и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ. Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и

теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по-моему, очень пріятный запахъ груздей, потому-что они родятся семьями, «гнѣздами», и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называемыя почему-то «горлянками», и «бѣлки-летяги»: послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между переднею и заднею лапою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево на весьма большое разстояніе. Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вышло, что я застрѣлилъ «звѣря въ летъ». Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устроивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостики, кобчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики «ауканьемъ» и «хохотомъ» лѣшаго?

Изъ всего растительнаго царства дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и наконецъ многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду; но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ. Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большаго подрубленнаго дерева. Въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ-будто задумается куда упасть, и наконецъ начнетъ склоняться на одну сторону сначала медленно, тихо, и потомъ съ возрастающей быстротою и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!.. Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты—и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка.

С. Аксаковъ.

II. ПОВѢСТВОВАНІЯ.

24. Битва на Куликовомъ полѣ.

6-го сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ или идти далѣе. Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою,

дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и, къ одобренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и, сказалъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ!» 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ; блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже, даруй побѣду государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ добрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію, сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностью служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку; усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ князя», говорили они, «смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды». Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь позади, могу ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ». Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію; громогласно читая псаломъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила», первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ, знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ десятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: «теперь наше время!» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей

внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска, свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ христіанскій!» и бѣжалъ въ слѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?» Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ, но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «Государь! ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ, простиралось до двухсотъ тысячъ. Князья бѣлозерскіе, Ѳедоръ и сынъ его Іоаннъ, тарусскіе Ѳедоръ и Мстиславъ, дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные бояре: Симеонъ Михайловичъ, сынъ тысячскаго Николай Васильевичъ, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество, а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости его и другаго Сергіева священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близь монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

Карамзинъ.

25. Іоаннъ III.

Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ, безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя пра-

вила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Онъ не только учредилъ единовластіе до времени, оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ, истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставилъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасная гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки, въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ-бы земнымъ богомъ для Россіянъ, которые въ его времена начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку Іоанну Васильевичу Четвертому, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти къ трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться.

Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ, какъ государь, на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе; она не плѣняетъ насъ, подобно великодушной смѣлости, но успѣхами медленными, какъ-бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? Славу. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, кото-

рое нынѣ съ любовостію и гордію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ сцѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій Длугошъ въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казиміровa. Нѣмецкіе, шведскіе историки шестагонадесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба, безъ сомнѣнія, велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками; призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества.

Карамзинъ.

26. Покореніе Казани.

Приступая къ описанію достопамятной осады казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста—и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною.

Казанскіе вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры. Но народъ въ пылу геройства не чувствовалъ своей слабости; и какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то онъ исчислялъ безуспѣшные приступы наши къ его столицѣ и говорилъ: «не въ первый разъ увидимъ Москвитянъ подъ стѣнами, не въ первый разъ побѣгутъ восвояси, и будемъ смѣяться надъ ними!» Таково было расположеніе царя и народа въ Казани.

10 августа, государь съ 250,000 воиновъ былъ уже на луговой сторонѣ Волги. Строго запрещено было чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ государева слова, и 23 августа въ часъ разсвѣта войско двинулось. Всѣ наблюдали устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ—и полки стали, ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ, славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ.

Россіяне обступали Казань. 7000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по на-

веденному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана. Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрипѣли, отворились ворота и 15,000 Татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили, сломили ихъ. Юные князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью: побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью.

Весь городъ былъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ: не было пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо ста пятидесяти тяжелыхъ орудій. Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удалиться отъ стана: князь Япанча, опасный татарскій наѣздникъ, стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ. Сей опасный наѣздникъ держалъ Россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ думу, положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи.

Александръ имѣлъ 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ; однимъ словомъ, истребили Япанчу. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію, хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ, изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ.

Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ предъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умоляли Казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили Татарамъ: «Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему». Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ на своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ, и кричали: »лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!» Сіе остервененіе удивило Россіянъ и государя. Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, Іоаннъ велѣлъ служащему въ его войкѣ искусному нѣмецкому размыслу, то-есть инженеру, дѣлать подкопъ. Мурза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа, близь рѣки Казанки, и ходятъ туда подземнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣтъ подкопать его.

Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые рылись въ землѣ десять дней, услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою, вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороху и дали знать государю. 5 сентября рано Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ въ его глазахъ съ громомъ и трескомъ разорвало землю: тайникъ, часть городской стѣны, множество людей, бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту Россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ, ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа.

6 сентября Іоаннъ поручилъ князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный Казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ нимъ были бояре Данило Романовичъ и Захарія Яковлевъ. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней и, въ слѣдъ за смѣлыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ.

Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе къ арскому городу мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ казанскіе вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые. Россіяне плавали въ изобиліи; брали что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенья, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще не мало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ—куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною припасовъ, такъ что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Луговые Черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ. Полкъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости, отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемымъ чародѣйству. Очевидецъ, князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ россійскій, производили вѣтеръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту бояръ, государь велѣлъ привезти изъ Москвы царскій животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана—и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни и войско ободрилось.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, Россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню вышиною въ шесть саженъ; ночью подвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ царскимъ воротамъ, поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и цѣлую дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра и возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ. Казанцы укрывались въ ямахъ, копали себѣ

землянки подъ тарасами; подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, пищалей затинныхъ, и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи. Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою. Князь Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что инженеры кончили дѣло, что 48 бочекъ зелія уже въ построенномъ вновь подкопѣ. Казанцы стояли на стѣнахъ, Россіяне передъ ними. Звучали только бубны и трубы непріятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: «Да будетъ едино стадо и единъ Пастырь», грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башень, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и падали на городъ; священное служеніе прервалося въ церкви.

Раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: «съ нами Богъ!» полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: «Алла, Алла!», призывали Магомета и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменьшилось: многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: они кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ свою литургію, причастясь святыхъ таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Но сія побѣда не была еще рѣшена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные сверху стѣнъ и башень, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ христіанами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ, вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ. Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки; и самые чиновники, коимъ приказалъ государь идти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть.

Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ-бы мертвые или раненые; и изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани, относили въ станъ и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ. Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и по-

тѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: сѣкутъ! сѣкутъ! Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе. «Съ нимъ были», пишетъ Курбскій, «великіе синклиты, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искуствѣ».

Государь взялъ святую хоругвь и сталъ предъ царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, какъ буря, грянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступили до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные абызы, сеиты, моллы и первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили Россіянъ не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами.

Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ дворцѣ царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота... тутъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья еще бились усильно; наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота къ нижней части города. Гонимые, тѣснимые Казанцы по трупамъ своимъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода, князь Дмитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. «Слушайте», сказали Казанцы: «доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша; отдаемъ вамъ и царя, живаго, неуязвленнаго: ведите его къ Іоанну, а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу».

Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго престарѣлаго вельможу, или карача, именемъ Заніета, и двухъ мамичей, или совоспитанниковъ царскихъ, и начали снова стрѣлять. Татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ; они стояли, ибо не страшились смерти; спѣшили къ густому, темному лѣсу; остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для Россіянъ. Государь послалъ князя Симеона Микулинскаго, Михаила Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса: воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненые.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча перестала, но кровь лилась; раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ. Дворъ царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми отъ крѣпости до Казанки; далѣе, на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей.

Карамзинъ.

27. Блестящее властвованіе Годунова.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его—величіемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ—недолго.

Первые два года его царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка, или съ ея возстановленія; она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами

и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ царскаго вѣнчанія и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости,—отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя,—другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли русской ни каплею крови и наказывая преступниковъ только ссылкою. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклитъ, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; духовенство, честимое царемъ набожнымъ, однимъ словомъ всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея, какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. Итакъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ, любила своего вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ ономъ!

Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ въ извѣстные дни и часы выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя; являлся рѣдко и только въ пышности недоступной. Но, убѣгая людей—какъ бы для того, чтобы лицемъ монарха не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова—онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или мысляхъ и, недовольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о государѣ и государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, на трапезахъ и вечерахъ, за часами, о душевновъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи «слуги Божія, царя, Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, самодержца всей восточной страны и сѣверной; о царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и церкви подъ скиптромъ единаго христіанскаго вѣнценосца въ мірѣ, чтобы всѣ иные властители предъ нимъ уклонялись и рабски служили ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы Россіяне всегда съ умиленіемъ славили Бога за такого монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Борисова дома возрасли благословеніемъ небеснымъ и непрерывно осѣняли оную до скончанія вѣковъ!» То есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ небомъ Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника... Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайнымъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ: ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на

*

стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать; чтобы предупредить злые умыслы, возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, дворянства, вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Карамзинъ.

28. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.

Все благопріятствовало юному герою: довѣренность царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла—избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе.

Князь Михаилъ служилъ царю и царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва-ли плѣняясь и славою; не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то она, въ награду за свои великодушныя усилія, должна имѣть царя лучшаго, не Василія, который предалъ государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ и едва на главѣ слабой удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію; а мысль о новомъ царѣ была мыслію о князѣ Михаилѣ—и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную. Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова, измѣнилъ Василію и загладилъ измѣну важными услугами, не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани, думный дворянинъ Ляпуновъ вдругъ и торжественно, именемъ Россіи, предложилъ царство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достойнымъ вѣнца, а Василія осыпая укоризнами. Сію грамоту вручили князю Михаилу послы рязанскіе; не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ, и представить царю. Послы упали на колѣни, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялись въ вѣрности къ Василію. Еще болѣе милосердый, нежели строгій, князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, надѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отечества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы: сказали Василію, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и царство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево сердце, но еще имѣли нужду въ героѣ, и злоба таилась.

Въ то время, когда всякій часъ былъ дорогъ, чтобы совершенно избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей, смятенныхъ ужасомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ; когда всѣ друзья отечества изъявляли князю Михаилу живѣйшую ревность, а князь Михаилъ—живѣйшее нетерпѣніе царю идти въ поле—минуло около мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества, но въ дѣятельныхъ проискахъ злобы личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ успѣхахъ, низкіе душею, трепетавъ за себя болѣе, нежели за отечество, и мысля, что все труднѣйшее уже сдѣлано, что остальное легко и не превышаетъ силы ихъ собственнаго ума или мужества, ближніе царедворцы въ тайныхъ думахъ немедленно начали внушать Василію, сколь юный князь Михаилъ для него опасенъ, любимый Россіею до чрезмѣрности, явно уважаемый болѣе царя и ясно въ цари готовимый единомысліемъ народа и войска. Славя героя, многіе дворяне и граждане дѣйствительно говорили нескромно, что спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею; многіе нескром-

но уподобляли Василія Саулу, а Михаила Давиду. Общее усердіе къ знаменитому юношѣ питалось и суевѣріемъ; какіе-то гадатели предсказывали, что въ Россіи будетъ вѣнценосецъ именемъ Михаилъ, назначенный судьбою умирить государство: «чрезъ два года благодатное воцареніе Филаретова сына оправдало гадателей», пишетъ историкъ чужеземный; но Россіяне относили мнимое пророчество къ Скопину и видѣли въ немъ если не совмѣстника, то преемника дяди его, къ особенной досадѣ любимаго Василіева брата, Димитрія Шуйскаго, который мыслилъ, вѣроятно, правомъ наслѣдія уловить державство; ибо шестидесятилѣтній царь не имѣлъ дѣтей, кромѣ новорожденной дочери Анастасіи. Князь Димитрій, духомъ слабый, сердцемъ жестокій, былъ первымъ наушникомъ и первымъ клеветникомъ: не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ Василію, что Михаилъ въ заговорѣ съ народомъ, что хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ царь, отдавъ Шведамъ Кексгольмъ безъ указа государева. Еще Василій ужасался или стыдился неблагодарности: велѣлъ умолкнуть брату, даже выгналъ его съ гнѣвомъ; ежедневно привѣтствовалъ, честилъ героя, но медлилъ снова ввѣрить ему войско. Узнавъ о навѣтахъ, князь Михаилъ спѣшилъ изъясниться съ царемъ; говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи, зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для отечества. Василій слушалъ не безъ внутренняго смятенія, ибо собственное сердце его уже волновалось завистію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастія вѣрить добродѣтели, но успокоилъ Михаила ласкою; велѣлъ ему и думнымъ боярамъ условиться съ генераломъ Делагарди о будущихъ воинскихъ дѣйствіяхъ; утвердилъ договоръ выборгскій и калязинскій; обѣщалъ немедленно заплатить весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагарди въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга: дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали идти къ Смоленску и неохотно участвовали въ пирахъ московскихъ. 23 апрѣля князь Димитрій Шуйскій давалъ обѣдъ Скопину. Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Димитріева, княгиня Екатерина — дочь того, кто жилъ смертоубійствами: Малюты Скуратова — явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу... и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ христіанина и предалъ свою душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества!... Москва въ ужасѣ онѣмѣла.

Сію внезапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду, и народъ, въ первомъ движеніи, съ воплемъ ярости устремился къ дому князя Димитрія Шуйскаго; дружина царская защитила и домъ и хозяина. Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоцѣнной, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ; ибо одна скоропостижность, а не родъ Михаиловой смерти (напоминавшей Борисову), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, лѣтописцы говорятъ единственно, что Москва оплакивала князя Михаила столь же неутѣшно, какъ царя Ѳеодора Іоанновича: любивъ Ѳеодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ вѣнценосцевъ Рюрикова племени, она страшилась неизвѣстности въ будущемъ жребіи государства; а кончина Михаилова, столь неожиданная, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва небеснаго: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную

гибель, среди преждевременнаго торжества, вдругъ лишивъ ее защитника, который одинъ вселялъ надежду и бодрость въ души, одинъ могъ спасти государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго. Россія имѣла государя, но Россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ и мыслію, что князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о героѣ; ихъ считали притворствомъ и взоры подданныхъ убѣгали царя въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы державнаго; дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши вѣнценосцы—въ Архангельскомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя, стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ! Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ россійскимъ, лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и милость безпримѣрную, увѣтливость, смиреніе ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нѣжнаго сердца. Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ.

Карамзинъ.

29. Василій Іоанновичъ Шуйскій.

Если всякаго вѣнценосца избраннаго судятъ съ большею строгостію, нежели вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства для царствованія мирнаго и непрекословнаго надлежало имѣть новому самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, вслѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ — лицемѣромъ, а не героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцарясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ; но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею, обагренный единственно кровію ненавистною и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи самозванца и хитрость, и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и вѣру! Безъ сомнѣнія, уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился, однакожъ, разумомъ мужа думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ; съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, не сановитъ и лицемъ смуглъ, имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ вельможа, снискивать любовь гражданъ честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для своихъ современниковъ сла-

бость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушенія, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Васильевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть державства несчастнаго, условленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ иногда бываетъ не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ государства.

Карамзинъ.

30. Патріархъ Ермогенъ и Прокопій Ляпуновъ.

Россія, казалось, ждала только сего происшествія (*), чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благодарныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ, въ крайности уничиженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные Провидѣніемъ начать великое дѣло и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ, старецъ ветхій, но адамантъ церкви и государства—патріархъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею и духомъ, стремительный на пути закона и беззаконія—Ляпуновъ рязанскій. Первому надлежало увѣнчать свою добродѣтель, второму примириться съ добродѣтелію. Ляпуновъ враждовалъ, Ермогенъ усердствовалъ несчастному Шуйскому: новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ, и не безмолвствовали, когда, нарушая договоръ, гетманъ овладѣлъ столицею, Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а Ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ царствѣ. Ляпуновъ зналъ все, что дѣлалось въ королевскомъ станѣ, гдѣ находился его братъ, въ числѣ дворянъ, съ Филаретомъ и Голицинымъ. Сей человѣкъ дерзкій и лукавый, извѣстный Захарія, одинъ изъ главныхъ виновниковъ Василіева низверженія, въ личинѣ измѣнника пировалъ съ вельможными панами, грубо смѣялся надъ послами, винилъ ихъ въ упрямствѣ, но обманывалъ Ляховъ: наблюдалъ, вывѣдывалъ и тайно сносился съ братомъ, какъ ревностный противникъ Владиславова царствованія. Такъ и нѣкоторые изъ пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемѣрно изъявляли доброжелательство къ Сигизмунду и были милостиво уволены имъ въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней его видамъ: думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Васильевъ, архимандритъ Евфимій и келарь Авраамій; но возвратились единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство гетманово или Сигизмундово. Уже Ермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ духовенствомъ и чиновниками областей убѣждали ихъ не терпѣть насилія иноплеменниковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастало, и какъ скоро услышали Москвитяне о смерти Лжедимитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога, вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться душами и головами для изгнанія Ляховъ. Тщетно Сигизмундъ, уже знавъ, вѣроятно, о гибели самозванца и лишась предлога оставаться въ Россіи, будто бы для его истребленія, писалъ (отъ 13 декабря) къ боярамъ, что «Владиславъ скоро будетъ въ Москву, а войско королевское идетъ противъ калужскаго злодѣя»: Россія уже не хотѣла Владислава! Дума, въ своемъ отвѣтѣ, благодарила Сигизмунда за милость, требуя, однакожъ, скорости и прибавляя, что Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы; но патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, если не

(*) Овладѣніе Калугою и взятіе Марины подъ стражу.

крестится въ нашу вѣру и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ державы московской. Ермогенъ сказалъ—столица и государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею Ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи и копья: начали вооружаться. Городъ сносился съ городомъ; писали и наказывали другъ къ другу словесно, что пришло время стать за вѣру и государство. Особенное дѣйствіе имѣли двѣ грамоты, всюду разосланныя изъ Москвы: одна къ ея жителямъ отъ уѣздныхъ Смолянъ, другая отъ Москвитянъ ко всѣмъ Россіянамъ. Смоляне писали: «Обольщенные королемъ, мы ему не противились. Что же видимъ? гибель душевную и тѣлесную. Святыя церкви разорены; ближніе наши въ могилѣ или въ узахъ. Хотите ли такой же доли? Вы ждете Владислава и служите Ляхамъ, угождая извергамъ Салтыкову и Андронову; но Польша и Литва не уступятъ своего будущаго вѣнценосца вамъ, оставленнымъ измѣнами. Нѣтъ, король и сеймъ, долго думавъ, рѣшились взять Россію безъ условій, вывести ея лучшихъ гражданъ и господствовать въ ней надъ развалинами. Возстаньте, доколѣ вы еще вмѣстѣ и не въ узахъ; поднимите и другія области, да спасутся души и царство! Знаете, что дѣлается въ Смоленскѣ: тамъ горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ щитомъ Богоматери и разитъ сонмы иноплеменниковъ!» Москвитяне писали къ братьямъ во всѣ города: «не слухомъ слышимъ, а глазами видимъ бѣдствіе неизглаголанное. Заклинаемъ васъ именемъ Судіи живыхъ и мертвыхъ: возстаньте и къ намъ спѣшите! Здѣсь корень царства, здѣсь знамя отечества, здѣсь Богоматерь, изображенная Евангелистомъ Лукою; здѣсь свѣтильники и хранители церкви, митрополиты Петръ, Алексѣй, Іона! Извѣстны виновники ужаса, предатели студные; къ счастію, ихъ мало; немногіе идутъ во слѣдъ Салтыкову и Андронову, а за насъ Богъ, и всѣ добрые съ нами, хотя и не явн до времени: святѣйшій патріархъ Ермогенъ, прямый учитель, прямый наставникъ, и всѣ христіане истинные! Дадите ли насъ въ плѣнъ и въ латинство?» Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Романовъ, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно для избавленія Москвы отъ Ляховъ, по мысли Ляпунова и благословленію Ермогена.

Что же сдѣлало такъ называемое правительство, боярская дума, свѣдавъ о семъ движеніи, признакѣ души и жизни въ государствѣ истерзанномъ? Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захаріи; велѣло посламъ, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно королю; велѣло Шеину впустить Ляховъ въ Смоленскъ; выслало даже войско съ княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта во Владимірѣ. Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота боярская не скрѣплена патріархомъ и не хотѣли повиноваться; дали тайно знать и смоленскому воеводѣ, чтобы онъ не исполнилъ указа думы, и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ королевскимъ панамъ: «исполните прежде договоръ гетмановъ», длилъ время въ сношеніяхъ съ ними и ждалъ избавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близь Владиміра встрѣтило и разбило Куракина. Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть думы, доколѣ признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпуновъ, остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ вельможъ синклита богоотступниками, преданными славѣ міра и враждебному западу, не пастырями, а губителями христіанскаго стада. Таковы дѣйствительно были Салтыковъ и клевреты его;

не таковы Мстиславскій и другіе, единственно запутанные въ ихъ сѣтяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ отечеству безъ умѣнія избрать для него лучшее въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ: страшась народныхъ мятежей болѣе, нежели государственнаго униженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили гетману, вѣрили Сигизмунду, не вѣрили только добродѣтели своего народа и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу тремъ изъ мужей думныхъ, князьямъ Андрею Голицыну, Воротынскому и Засѣкину, которые не таили своего единомыслія съ Ермогеномъ, обличали предательство или заблужденіе другихъ бояръ и были отданы подъ стражу въ видѣ крамольниковъ.

Уже Москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ Ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый, какъ было предъ гибелію разстриги. Кричали на улицахъ: «мы по глупости выбрали Ляха въ цари, однакожъ не съ тѣмъ, чтобы идти въ неволю къ Ляхамъ; время раздѣлаться съ ними!» Въ грубыхъ насмѣшкахъ давали имъ прозваніе хохловъ, а купцы за все требовали съ нихъ вдвое. Уже начались ссоры и драки. Госѣвскій требовалъ отъ своихъ благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ, ни сѣделъ съ коней; ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имѣли вездѣ лазутчиковъ, осматривали на заставахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ, и находили въ нихъ иногда скрытое оружіе. Высылали конныя дружины на дороги, перехватали тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними и что патріархъ есть глава его; что Москвитяне надѣются не оставить ни одного Ляха живаго, какъ скоро увидятъ войско избавителей подъ своими стѣнами. Не взирая на то, Госѣвскій еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, ни обезоружить стрѣльцовъ и гражданъ, ни свергнуть патріарха; довольствовался угрозами, сказавъ Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ. Болѣе наглости оказали злодѣи россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Ермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. «Не велю», отвѣтствовалъ патріархъ, «если увижу крещеннаго Владислава въ Москвѣ и Ляховъ выходящихъ изъ Россіи; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ данной королевичу присяги». Салтыковъ, въ бѣшенствѣ, выхватилъ ножъ; Ермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «сіе знаменіе противъ ножа твоего, да взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника!» И, взглянувъ на печальнаго Мстиславскаго, примолвилъ тихо: «твое начало! ты долженъ первый умереть за вѣру и государство; а если плѣнишься кознями сатанинскими, то Богъ истребитъ корень твой на землѣ живыхъ и самъ умрешь какою смертію?» Предсказаніе исполнилось, говоритъ лѣтописецъ: ибо Мстиславскій никакъ не хотѣлъ одобрить народнаго возстанія и писалъ отъ имени синклита грамоту за грамотою къ королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не измѣняетъ Владиславу, а держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Иванъ-городъ и Псковъ, обольщенные генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть царемъ шведскаго принца; что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе Магометово, умышляютъ предаться шаху Аббасу; что области низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустынь сибирскихъ возмущены Ляпуновымъ, но что немедленное прибытіе королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь королевскую. Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а са-

мого короля съ войскомъ, отвѣтствуя ему за успѣхъ, то есть за порабощенiе Россiи обманомъ и насилiемъ.

—

Битвы начались. Дѣлая вылазки, осажденные дивились несмѣтности Россiянъ и еще болѣе умнымъ распоряженiямъ ихъ вождей, то есть Ляпунова, который въ битвѣ 9 апрѣля стяжалъ имя львообразнаго стратига: его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые, Россiяне кидались пѣшiе на всадниковъ, рѣзались человѣкъ съ человѣкомъ и, втѣснивъ непрiятеля въ крѣпость, ночью заняли берегъ Москвы рѣки и Неглинной. Ляхи тщетно хотѣли выгнать ихъ оттуда; нападали конные и пѣшiе, имѣли выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схваткахъ, но видѣли уменьшенiе только своихъ: въ многолюдствѣ осаждающихъ уронъ былъ незамѣтенъ. Россiяне надѣялись на время; Ляхи страшились времени, скудные людьми и хлѣбомъ. Госѣвскiй желалъ прекратить безполезныя вылазки, но сражался иногда невольно, для спасенiя кормовщиковъ, высылаемыхъ имъ тайно, ночью, въ окрестныя деревни; сражался и для того, чтобы имѣть плѣнниковъ для размѣна. Извѣстивъ короля о сожженiи Москвы и приступѣ Россiянъ къ ея пепелищу, онъ требовалъ скораго вспоможенiя, ободрялъ товарищей, совѣтовался съ гнуснымъ Салтыковымъ и еще испыталъ силу души Ермогеновой. Къ старцу ветхому, изнуренному добровольнымъ постомъ и тѣснымъ заключенiемъ, приходили наши измѣнники и самъ Госѣвскiй съ увѣщанiями и съ угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. Отвѣтъ Ермогеновъ былъ тотъ же: «пусть удалятся Ляхи!» Грозили ему злою смертiю; старецъ указалъ имъ на небо: «боюсь единаго тамъ живущаго!» Невидимый для добрыхъ Россiянъ, великiй iерархъ сообщался съ ними молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества и тайно, изъ глубины сердца, пылавшаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословенiе вѣрнымъ подвижникамъ.

—

Но станъ московскiй представлялся уже не Россiею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаянiи укрывались! Одинъ Россiянинъ былъ душею всего и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшiй измѣнникамъ и злодѣямъ россiйскимъ, тотъ, на кого атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго властителя, извергъ Заруцкiй, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренiя Михаилова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные уставали въ ожиданiи его выхода, какъ бы царскаго. Хищники, имъ унижаемые, пылали злобою и замышляли убiйство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непрiятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушенiе обратилось ему въ славу. 20 казаковъ, кинутыхъ воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близь Угрѣшской обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ московскiй. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервенѣнiе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ, въ порывѣ негодованiя, сѣлъ на коня и выѣхалъ на рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Казаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть; напротивъ, убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленiи, гдѣ въ слѣдующiй день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россiи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился или одумался; занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ

враговъ или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ атаманомъ-тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ казаковъ въ одинъ день и часъ. Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ, увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища казаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, а врагами Россіи»; свидѣтельствовался Богомъ, говорилъ съ твердостію, смыкалъ уста и буйныхъ, не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между нимъ и ножами, ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пережить такого убійства и великодушно пріялъ смерть отъ извергъвъ—жертва единственная, но драгоцѣнная въ честь герою своего времени, главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ христіанскаго погребенія и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ или малодушнымъ и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго стратига и властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали; грабительства и смертоубійства возобновились не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые казаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ поляковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами. Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переяславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными главами оставались тушинскій лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

Карамзинъ.

31. Петръ I въ Сардамѣ.

Къ сѣверозападу отъ Амстердама, за морскимъ заливомъ Эй, въ прибрежныхъ деревняхъ и мѣстечкахъ Зандландскихъ, въ Сардамѣ, Когѣ, Остъ-Заненѣ, Вестъ-Заненѣ, Зандикѣ, въ концѣ XVII столѣтія процвѣтало обширное кораблестроеніе, съ дѣятельною торговлею, впослѣдствіи утратившее прежній блескъ. Тамъ было не менѣе 50 частныхъ верфей, на которыхъ работы производились днемъ и ночью, и суда строились съ такою быстротою, что въ пять недѣль поспѣвалъ корабль, готовый выйти въ море. Многочисленныя фабрики и заводы, въ видѣ несмѣтнаго множества вѣтряныхъ мельницъ, изготовляли все необходимое для сооруженія и оснастки судовъ. Занландскія деревни кипѣли народомъ; и когда мастеровые возвращались съ работъ, матери уводили дѣтей съ улицъ изъ опасенія, чтобы не задавили ихъ шумныя толпы рабочихъ. Торговля хлѣбомъ, лѣсомъ, судами обогащала многія семейства; въ числѣ ихъ особенно сла-

вились домы Кальфа, Блума, Сальма, Грота, Лувена, Сема, Нена, Гофта, Роса.

Въ Занландскихъ мѣстечкахъ, впрочемъ, строились преимущественно суда купеческія и китоловныя; корабли военные, также купеческіе большаго размѣра, ходившіе въ Остъ-Индію и Вестъ-Индію, сооружались въ самомъ Амстердамѣ, на двухъ обширныхъ верфяхъ, въ вѣдѣніи адмиралтейства и Остъ-индской компаніи. Но сардамскіе плотники, работавшіе въ Москвѣ, Архангельскѣ и Воронежѣ, такъ много наговорили Петру о своей отчизнѣ, что только тамъ, на берегахъ Зана, онъ надѣялся найти все, чего желала его душа и, не останавливаясь въ Амстердамѣ, куда прибылъ вечеромъ 7 августа, продолжалъ путь на эммерикскомъ ботѣ, черезъ заливъ Эй, къ Сардаму, или, по нынѣшнему выговору, къ Зандаму. Онъ взялъ съ собою только шесть волонтеровъ, въ томъ числѣ царевича имеретійскаго, Гаврилу и Александра Меншиковыхъ; прочихъ же спутниковъ высадилъ въ Амстердамѣ. Вскорѣ наступившая ночь принудила его остановиться въ Остъ-Занскомъ Овертомѣ; на другой день рано утромъ ботъ пошелъ далѣе.

Часу въ 6 подъѣзжая къ Форзану, въ Керкеракѣ, царь замѣтилъ стараго знакомаго, кузнеца Геррита Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ, а теперь на лодкѣ ловившаго угрей, и кликнулъ его. Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, увидѣвъ россійскаго монарха въ одеждѣ голландскаго плотника, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холстинныхъ шараварахъ, съ лакированною шляпою на головѣ, и еще болѣе изумился, когда великій царь московскій изъявилъ намѣреніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его смиренной хижинѣ, съ условіемъ никому о томъ не сказывать. Тщетно отговаривался кузнецъ бѣдностію и тѣснотою своего жилища: онъ долженъ былъ уступить непреклонной волѣ царя и согласился отвести ему заднюю отдѣльную половину своего дома, которую нанимала вдова какого-то поденьщика. Кистъ побѣжалъ впередъ уговаривать вдову очистить квартиру для новаго жильца, въ чемъ и успѣлъ за 7 гульденовъ. Царь между тѣмъ зашелъ въ гербергъ, подъ вывѣскою Выдры. День былъ воскресный; народъ толпился на улицахъ. Русская одежда царскихъ спутниковъ возбудила общее вниманіе, и праздная толпа обступила гостинницу съ распросами. «Мы простые плотники, ищемъ работы», велѣлъ сказать Петръ любопытнымъ и отправился къ Кисту.

Деревянный домикъ, подъ черепичною кровлею, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразчатою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ въ западной, наиболѣе уединенной части Сардама, на Кримпѣ — вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

Нетерпѣливо ждалъ онъ рабочей поры, и въ понедѣльникъ, рано утромъ, накупивъ въ лавкѣ вдовы Якова Ома плотничныхъ инструментовъ, записался корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра Михайлова, на верфи Линста Рогге, въ Бейтензанѣ. Ежедневно, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся онъ на работу и, потрудившись до поту лица, заходилъ въ какой-нибудь гербергъ подкрѣпить свои силы, или посѣщалъ семейства сардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву. Въ потомствѣ ихъ доселѣ сохранились преданія, переходя изъ рода въ родъ, что́ дѣлалъ и говорилъ царь московскій. У Маріи Гитмансъ, матери Томаса Іосіаса, женщины бѣдной, но радушной, онъ выпилъ стаканъ джину; у жены Яна Ренсена обѣдалъ; Антѣ Метье, спросившей о своемъ мужѣ, сказалъ: «онъ добрый мастеръ, я хорошо знаю его, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль». «Развѣ и ты плотникъ?» возразила недовѣрчивая Голландка. «Да, и я плотникъ», отвѣчалъ Петръ. Чаще другихъ навѣщалъ онъ

вдову искуснаго мастера Класа Муша, умершаго въ Москвѣ. Незадолго предъ тѣмъ она получила, по смерти мужа, отъ имени россійскаго государя въ подарокъ 500 гульденовъ и, догадавшись, что московскій гость не простой плотникъ, просила его сказать, при случаѣ, его царскому величеству, что сердце ея преисполнено живѣйшей признательности за щедрую милость, утѣшившую ее въ горькомъ вдовствѣ. Петръ съ удовольствіемъ согласился передать слова ея царю московскому и охотно остался у нея обѣдать.

Сохранились также преданія о посѣщеніи имъ во время прогулокъ по Сардаму разныхъ фабрикъ и заводовъ: самымъ тщательнымъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, разспрашивалъ мастеровыхъ иногда болѣе, чѣмъ могли они или хотѣли объяснить ему; нерѣдко слышалъ грубые отвѣты; часто самъ брался за дѣло и въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. Такъ, на бумажной мельницѣ, подъ вывѣскою Повара, приглядѣвшись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и похвалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку. Съ такимъ же любопытствомъ онъ осматривалъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальни и другія мельницы, наполнявшія занландскія деревни; въ Зандикѣ даже помогалъ рабочимъ въ строеніи крупчатки для купца Кальфа. Она существуетъ до сихъ поръ, подъ именемъ de Grootvorst (великій князь).

Любимая прогулка его была водою. На другой день по пріѣздѣ въ Сардамъ, онъ купилъ у корабельнаго маляра Гарменсона за 40 гульденовъ, съ придачею кружки пива, которую распилъ съ продавцемъ въ гербергѣ близъ Овертома, небольшой яликъ и весело катался на немъ по Зану, по каналамъ и по заливу Эй.

Устряловъ.

---

32. Петръ I въ Амстердамѣ.

На остъ-индской верфи Петръ трудился четыре мѣсяца съ половиною; такимъ образомъ не въ Сардамѣ, гдѣ пребываніе его ограничилось одною недѣлью, а въ Остенбургѣ, на славнѣйшей изъ голландскихъ верфей, изучалъ онъ искусство кораблестроенія. Первыя три недѣли прошли въ приготовленіи матеріаловъ; 9-го сентября онъ заложилъ, подъ руководствомъ Геррита Класа Поля, фрегатъ 100 футовъ длиною, во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла, и на другой день написалъ въ Москву къ патріарху слѣдующія строки: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся: что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисусъ Христа побѣдителями, а христіанъ тамо будущихъ свободителями, благодатію его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану».

Ничѣмъ не отличаясь отъ простыхъ плотниковъ, онъ послушно исполнялъ всѣ приказанія своего мастера. Когда посѣтилъ верфь какой-то знатный Англичанинъ, пріѣхавшій нарочно изъ Ло посмотрѣть царя, и мастеръ, чтобы указать его посѣтителю, крикнулъ державному плотнику: «Питеръ, тиммерманъ сардамскій! что же ты не пособишь своимъ товарищамъ?» переносившимъ въ то время тяжелое бревно, Петръ безпрекословно подставилъ свое плечо подъ дерево и помогъ перенести его въ назначенное мѣсто. И долго въ послѣдствіи разсказывали Голландцы своимъ дѣтямъ и внукамъ, передавая преданія изъ рода въ родъ, какъ видали они царя, работавшаго на верфи, какъ утомленный трудомъ, отирая потъ съ своего чела, садился онъ на обрубокъ дерева и, опустивъ топоръ между ногъ, дружелюбно бесѣдовалъ съ своими товарищами, охот-

не разговаривалъ и съ сторонними посѣтителями, если только называли его просто: Pieter timmerman; но отворачивался и не отвѣчалъ ни слова, когда привѣтствовали его: Государь, или Ваше Величество. Впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не любилъ продолжительныхъ разговоровъ, и, отдохнувъ нѣсколько минутъ, возвращался къ дѣлу.

Потрудившись на верфи, неутомимый царь принимался за другую работу: каждая почта приносила ему груду бумагъ изъ Москвы; бояре-правители, ближніе люди, кумпанцы, корабельщики извѣщали его о дѣлахъ важныхъ и неважныхъ, испрашивали разрѣшенія по разнымъ предметамъ; иногда писали одни привѣтствія; нерѣдко увѣдомляли только о своемъ здравіи или въ шутливомъ тонѣ разсказывали о своихъ пирушкахъ и попойкахъ. Царь отвѣчалъ имъ съ первою отходившею почтою по пятницамъ; если же не успѣвалъ, просилъ не покручиниться, «потому что», писалъ онъ къ Виніусу, «иное за недосугомъ, иное за отлучкою, а иное за Хмѣльницкимъ не исправишь».

Письма его самаго разнообразнаго содержанія. Они свидѣтельствуютъ, что, окруженный толпою грубыхъ рабочихъ, обтесывая бревна и доски, прилаживая корабельныя снасти, царь зорко слѣдилъ за современными дѣлами Европы, часто предавался думамъ о любезной ему Россіи и, возвратившись съ верфи, въ часы ночной тишины, дрожащею отъ усталости рукою, торопливо и кратко, но всегда сильно и рѣзко, изъявлялъ московскимъ правителямъ свою волю, свои виды, желанія и надежды.

Устряловъ.

33. Лудовикъ IX.

Мы привыкли разумѣть подъ именемъ среднихъ вѣковъ тысячелѣтіе, отдѣляющее паденіе Западной Римской имперіи, отъ открытія Новаго Свѣта и начала реформаціи. Но идеи и формы, составляющія характеристическую особенность средняго вѣка, принадлежатъ не всѣмъ отдѣламъ этого обширнаго періода. Феодализмъ, рыцарство, общины, борьба папской и императорской власти, готическіе соборы, поэзія трубадуровъ и миннезенгеровъ, однимъ словомъ, главныя явленія, въ которыхъ вполнѣ сказалось внутреннее содержаніе средневѣковой исторіи, составляющія какъ бы цвѣтъ и плодъ ея, развились большею частію не ранѣе XI и отцвѣли къ концу XII-го столѣтія. Пять предшествующихъ вѣковъ можно назвать періодомъ образованія, приготовленія отличительныхъ формъ средневѣковой жизни; два послѣдніе вѣка, XIV и XV, представляютъ намъ эпоху разложенія: они служили переходомъ къ новой исторіи.

Нетрудно будетъ угадать общій характеръ того общества, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, взглянувъ на него съ его наружной стороны. Перенеситесь мыслію въ любое изъ государствъ тогдашней Европы, бросьте на него хоть бѣглый взглядъ, и вы тотчасъ поймете, что война составляетъ главное занятіе, почти исключительную заботу всего населенія. Начнемъ съ городовъ, этихъ средоточій дѣятельной жизни и промышленности для народовъ древняго и новаго міра. Средневѣковой городъ обнесенъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ. На колокольнѣ, или башнѣ, стоитъ недремлющій сторожъ, озирающій безпокойными глазами окрестности. Отдѣльные домы похожи на крѣпости. Черезъ улицы, на ночь протягиваются цѣпи. Это обиліе предосторожностей обличаетъ вѣчную опасность, постоянную возможность нападенія. Врагъ грозитъ отвсюду. Когда его нѣтъ внѣ города, купившаго деньгами или кровью минутный покой у сосѣднихъ бароновъ, тогда онъ подымается внутри стѣнъ: цехи воюютъ съ патриціями, одна часть общины идетъ на другую. Переходя отъ городскаго къ сельскому населенію, мы встрѣтимъ тѣ же явленія. Почти каждый холмъ, каждая крутая возвышенность увѣнчана крѣпкимъ замкомъ, при постройкѣ ко-

тораго, очевидно, не удобство жизни, не то, что мы теперь называемъ комфортомъ, а безопасность была главной цѣлью. Воинственный характеръ общества рѣзко отразился на этихъ зданіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ желѣзнымъ доспѣхомъ, составляли необходимое условіе феодальнаго существованія. Къ высокимъ башнямъ господскаго замка робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и покровительства, хижины вилланов. Даже обители мира, монастыри, не всегда представляли надежное убѣжище своимъ жителямъ. Подобно городу и замку, монастырь былъ часто окруженъ укрѣпленіями, свидѣтельствовавшими, что святое назначеніе мѣста недостаточно защищало его противъ хищности окрестныхъ владѣльцевъ или наемныхъ дружинъ, которыя въ мирное время обращались въ разбойничьи шайки. Внутреннее содержаніе соотвѣтствовало наружному виду. Въ средневѣковой Европѣ не было народовъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, а были враждебныя между собою сословія, которыхъ начало восходитъ къ эпохѣ распаденія Западной Римской имперіи и занятія ея областей германскими племенами. Изъ пришельцевъ образовались почти исключительно высшіе, изъ покореннаго или туземнаго населенія низшіе классы новыхъ государствъ. Насильственное основаніе этихъ государствъ провело рѣзкую черту между ихъ составными частями. Граждане французской общины принимали къ сердцу дѣла нѣмецкихъ или италіянскихъ городовъ; но у нихъ не было почти никакихъ общихъ интересовъ съ феодальною аристократіею собственнаго края. Въ свою очередь, баронъ рѣдко унижалъ себя сознаніемъ, что въ городѣ живутъ его соотечественники; онъ стоялъ неизмѣримо выше ихъ, и едва ли съ большимъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на беззащитнаго и безправнаго виллана. При такихъ особенностяхъ быта, у каждаго сословія должно было развиться собственное воззрѣніе на всѣ жизненные отношенія и высказаться въ литературѣ. Рыцарскія эпопеи проникнуты этимъ исключительнымъ духомъ. Возьмите любой романъ каролингскаго или прочихъ цикловъ: вы увидите, что въ немъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста героямъ другаго сословія, кромѣ феодальнаго. То же самое можно сказать о рыцарской лирикѣ. Она поетъ не простую, доступную каждому человѣческому сердцу любовь, а условное чувство, развившееся среди искусственнаго быта, понятное только рыцарю, да еще можетъ быть горожанамъ южной Франціи и Италіи. За то среди городскаго населенія процвѣтала своя, непріязненная феодализму, литература. Здѣсь-то родилась сказка (fabliau), въ которой язвительный и сухой умъ горожанина осмѣивалъ не одни только идеи и доблести, составлявшія какъ бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще всѣ идеалы, всѣ поэтическія стороны средняго вѣка. Въ труверахъ можно узнать праотцевъ Рабле и Вольтера. Была, повидимому, одна сфера, гдѣ усталый раздоромъ и войною умъ находилъ покой и примиреніе. Мы говоримъ о наукѣ, выросшей подъ сѣнью западныхъ монастырей и носящей названіе схоластики. Это имя, означающее собственно науку среднихъ вѣковъ, не пользуется большимъ почетомъ въ наше время. Подъ нимъ привыкли разумѣть пустыя, лишенныя живаго содержанія діалектическія формы. Не такова была схоластика въ эпоху своей юности, когда она выступила на поле умственныхъ битвъ столь же смѣлая и воинственная, какъ то общество, среди котораго ей суждено было совершить свое развитіе. Заслуга и достоинство схоластики заключаются именно въ ея молодой отвагѣ. Бѣдная положительнымъ знаніемъ, она была исполнена вѣры въ силы человѣческаго разума и думала, что истину можно взять съ бою, какъ феодальный замокъ, что для смѣлой мысли нѣтъ ничего невозможнаго. Не было вопроса, предъ которымъ она оробѣла бы; не было задачи, предъ которой она сознала бы свое безсиліе. Она,

разумѣется, не рѣшила этихъ вопросовъ и задачъ, поставленныхъ роковою гранью нашей любознательности, но воспитала въ европейской наукѣ благородную пытливость и крѣпкую логику, составляющія ея отличительныя примѣты и главное условіе ея успѣховъ. Вотъ права схоластики на вѣчную признательность новыхъ поколѣній, хотя намъ нечему болѣе учиться въ огромныхъ фоліантахъ, которые содержатъ въ себѣ труды средневѣковыхъ мыслителей.

Изъ короткой характеристики, которую я имѣлъ честь вамъ представить, вы легко поймете, что раздраженная и взолнованная дѣйствительностью мысль не обрѣтала покоя и въ той области, гдѣ, по-настоящему, должны разрѣшаться всѣ противорѣчія нашего существованія, въ ясномъ сознаніи ихъ примиряющаго закона. Въ наукѣ шла та же борьба, что и въ жизни. Въ концѣ XI столѣтія уже начался споръ между реалистами и номиналистами, отозвавшійся вскорѣ въ богословіи и получившій впослѣдствіи великое значеніе. Въ XIII вѣкѣ, т. е. въ эпоху, о которой мнѣ предстоитъ сегодня бесѣдовать съ вами, этотъ споръ перешелъ на другую почву. Парижскій университетъ, отстаивая логическій элементъ въ средневѣковой наукѣ, велъ ожесточенную борьбу съ мистическими стремленіями францисканцевъ и доминиканцевъ. О направленіи тогдашняго мистицизма можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ сочиненій генерала францисканскаго ордена, Іоанна Пармскаго. Онъ произноситъ безусловный приговоръ надъ свѣтскимъ государствомъ, надъ семействомъ, надъ собственностью, надъ внѣшнею дѣятельностью, и призываетъ всѣхъ къ жизни исключительно созерцательной, дабы скорѣе свершились земныя судьбы человѣка. Папа долженъ былъ положить конецъ этимъ преніямъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они находили сочувствіе внѣ школы, въ народныхъ массахъ, жадно принимавшихъ всякое новое ученіе, толкуя его сообразно своимъ понятіямъ. Въ началѣ XIII столѣтія подавлена была ересь Албигенская. Та же участь постигла нѣмецкихъ Штедингковъ и разнообразныя, но равно враждебныя Западной Церкви секты, возникшія во Фландріи и въ Италіи. Папство одолѣло, опираясь на свѣтскія власти; но побѣжденныя ереси продолжали существовать втайнѣ, не отказывались отъ своихъ надеждъ и ждали только удобнаго случая, дабы возстать съ свѣжею силою. Неужели этому хаотическому, но исполненному безконечной энергіи, міру суждено было истощить свои силы въ безвыходныхъ борьбахъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ? Отдѣльный человѣкъ и цѣлое общество равно нуждаются въ порядкѣ и законѣ; для нихъ равно невыносимо безначаліе въ области несвязанныхъ никакимъ единствомъ явленій. Такое единство пытались дать средневѣковому міру вожди его: императоръ и папа. Поставленные развитіемъ исторіи и глубокимъ сознаніемъ нравственныхъ потребностей своего времени во главѣ общественнаго мнѣнія западной Европы, намѣстники св. Петра стремились къ одной цѣли съ преемниками Карла Великаго. Но каждая изъ этихъ властей требовала себѣ первенства и главной роли въ задуманномъ дѣлѣ. Къ прежнимъ раздорамъ присоединился новый, котораго причиною была неосуществимая потребность мира и порядка. Ни римскимъ папамъ, ни германскимъ императорамъ не суждено было удовлетворить этой потребности, высказавшейся также и въ крестовыхъ походахъ. Это движеніе носитъ двоякій характеръ: съ одной стороны, оно было вызвано преобладаніемъ религіознаго чувства; съ другой, современнымъ состояніемъ европейскаго общества. Всѣ тогдашнія сословія съ равнымъ жаромъ устремились въ страну, освященную земною жизнію Искупителя, и каждое несло съ собою свои надежды. Каждое изъ нихъ думало осуществить на той священной почвѣ свой политическій идеалъ. Горожане и вилланы уходили отъ феодальнаго гнета; барона

манила возможность создать чистое феодальное государство, не стѣсняясь обломками историческихъ учрежденій, уцѣлѣвшихъ въ Европѣ; идеаломъ клерика, возложившаго на себя знаменіе крестоносцевъ, было ѳеократическое государство, не удавшееся Григорію VII. Цѣли эти не были достигнуты. Горько обманутые въ своихъ надеждахъ, народы запада перестали думать о завоеваніи Азіи и устремили свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы. Если бы Европу XIII столѣтія могла привести къ единству одна геніяльная личность, то задача была бы скоро рѣшена. Въ такихъ личностяхъ не было недостатка. Вспомните о послѣднемъ императорѣ изъ дома Гогенштауфеновъ, о Фридрихѣ II. Эта странная, можно сказать, страдавшая избыткомъ силъ личность не нашла себѣ мѣста въ современной ей обстановкѣ. Ни по идеямъ, ни по взгляду на жизнь, Фридрихъ не принадлежалъ тому поколѣнію, среди котораго жилъ, и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ протягивалъ руку людямъ новаго времени. Отсюда произошли всѣ его неудачи. Великій законодатель, мыслитель, воинъ, поэтъ, стоялъ внѣ своей эпохи, былъ въ ней представителемъ только идей отрицательныхъ, враждебныхъ средневѣковому порядку вещей. Современники ненавидѣли и любили его страстно, но всѣмъ безъ изъятія былъ онъ непонятенъ, всѣмъ равно внушалъ недовѣріе и страхъ. Я приведу здѣсь одинъ многознаменательный примѣръ. Послѣднее войско, которое Фридрихъ велъ въ 1250 г. противъ Рима, состояло большею частію изъ Арабовъ и другихъ магометанскихъ наемниковъ. Надобно однако прибавить, что и римскіе первосвященники въ борьбѣ съ императорами не всегда употребляли средства, дозволенныя христіанскому пастырю.

Среди этихъ воинственныхъ и бурныхъ поколѣній суждено было дѣйствовать Лудовику IX. Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Лудовика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и славы? Въ великихъ ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ, употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другаго рода. Позвольте мнѣ разсказать вамъ одно, исполненное дивной красоты, средневѣковое сказаніе. Это сказаніе о святой чашѣ (Graal). У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня чаша: изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за тайною вечерею; въ нее же пролилась Божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству, однимъ словомъ, высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ средняго вѣка. Таковы должны быть блюстители «граля». Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей. Въ стремленіи приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ тампліеровъ, страннопріимцевъ и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но всякій орденъ есть общество, слѣдовательно нѣчто без-

личное, отвлеченное, и потому нравственная мысль среднихъ вѣковъ не могла быть вполнѣ удовлетворена военно-духовными братствами, въ которыхъ отдѣльная личность постоянно стояла ниже возлагаемыхъ на нее требованій и какъ бы оправдывала собственную немощь заслугами цѣлаго ордена. Съ другой стороны намъ извѣстно, какъ рано измѣнили эти ордена своему первоначальному назначенію и поддались искушеніямъ политическаго могущества и свѣтскихъ наслажденій. Примѣромъ могутъ служить тампліеры. Идеалу средневѣковой доблести суждено было воплотиться въ лицѣ Лудовика IX.

Лудовикъ былъ воспитанъ умною и строгою матерью своею Бланкою Кастильскою. Всѣ четыре сына ея получили одно воспитаніе; но природныя наклонности взяли верхъ, и юноши вступили въ жизнь съ разными характерами. У нихъ была, впрочемъ, одна общая черта, состоявшая въ глубокомъ благочестіи. Но у Карла Анжуйскаго даже это высокое свойство обнаружилось въ какой-то жестокой и мрачной формѣ. Современники, почти единогласно, говорятъ о его задумчивомъ и суровомъ нравѣ. По словамъ Дж. Виллани, онъ почти не спалъ, мало ѣлъ и никогда не улыбался. Между памятниками, изображающими время и личность Лудовика IX, особенно замѣчательны два, изъ которыхъ я заимствовалъ большую часть подробностей предлагаемой вамъ характеристики. Я говорю здѣсь о «запискахъ Жуанвиля» и «жизни св. Лудовика», написанной духовникомъ королевы Маргариты. Главная прелесть и оригинальность Жуанвилевыхъ разсказовъ заключается въ рѣзко выдающейся противоположности между повѣствователемъ и его героемъ. Жуанвиль былъ храбрый рыцарь и, по тогдашнему времени, довольно начитанный человѣкъ, съ простымъ и даже нѣсколько прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Тѣмъ поразительнѣе для внимательнаго читателя тотъ поэтическій отпечатокъ, которымъ, вѣроятно, безъ воли и вѣдома автора, отличается его сочиненіе. Жуанвиль простодушно разсказываетъ все видѣнное имъ въ бытность его при Лудовикѣ; но поэзія предмета согрѣла его фразу, сообщила ей красоту и порою возвышенность, какихъ не было въ природѣ самого повѣствователя. Я думаю, что отношенія короля къ сенешалу Шампаніи нельзя лучше объяснить какъ слѣдующимъ анекдотомъ. Однажды Лудовикъ, поучая бесѣдою вѣрнаго служителя, спросилъ у него: что бы ты предпочелъ, смертный грѣхъ или проказу? Лучше тридцать грѣховъ чѣмъ проказу, поспѣшно отвѣчалъ рыцарь, къ крайней печали благочестиваго государя. Жуанвиля нельзя, однако, упрекнуть въ недостаткѣ религіознаго чувства, но онъ былъ не въ состояніи подняться до той высоты, на какой стоялъ причисленный западной церковью къ лику святыхъ король французскій. Читая дошедшія до насъ біографіи послѣдняго, нельзя не спросить себя: гдѣ находилъ онъ время для управленія государствомъ? Ежедневно посѣщалъ онъ всѣ божественныя службы, проводилъ значительную часть дня въ одинокой и горячей молитвѣ, немилосердно бичевалъ себя, читалъ творенія святыхъ отцевъ, охотно бесѣдовалъ съ учеными богословами и вообще съ людьми, посвятившими себя наукѣ. Онъ повѣрялъ имъ свои сомнѣнія и требовалъ отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, смущавшихъ его душу. Но не въ однѣхъ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ высказывалось глубоко-религіозное настроеніе этой души. Нужно ли говорить о его щедрости къ бѣднымъ, о его частыхъ посѣщеніяхъ больницъ, выстроенныхъ имъ храмахъ? Не безъ ужаса разсказываютъ современники о бѣдствіяхъ, поразившихъ крестоносцевъ въ Египтѣ. Испорченные, отвратительные видомъ и запахомъ трупы умершихъ отъ язвы воиновъ остались бы непогребенными на чужой землѣ, ибо испуганное духовенство отказывало имъ въ послѣднемъ христіанскомъ обрядѣ. Король собственнымъ примѣромъ пристыдилъ малодушныхъ и заставилъ ихъ исполнять тяжкій долгъ, присутствуя лично при каждомъ отпѣваніи. Тѣла умершихъ братій не внушали

ему омерзенія. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какъ сильно свирѣпствовала въ средніе вѣка страшная болѣзнь, которую называютъ проказою. Люди, пораженные этимъ недугомъ, навсегда отлучались отъ общества; церковь разрывала, посредствомъ особеннаго обряда, ихъ связи съ остальнымъ міромъ; жилища, гдѣ ихъ обыкновенно содержали, были предметомъ общаго страха. Но Лудовикъ не раздѣлялъ и въ этомъ случаѣ общаго чувства: онъ ходилъ за прокаженными и собственными руками омывалъ ихъ язвы. Я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ такого рода, но боюсь, что вамъ трудно будетъ выслушать безъ содроганія простое описаніе этихъ дѣлъ царственнаго подвижника. За то западные народы предупредили римскаго первосвященника и еще при жизни Лудовика назвали его святымъ. Слава его не ограничилась, впрочемъ, западною Европою; она проникла на востокъ: послы изъ Арменіи приходили въ лагерь крестоносцевъ и просили о дозволеніи видѣть короля.

Посмотримъ на Лудовика IX съ другой стороны. Мы увидимъ, что вся жизнь его, во всѣхъ ея направленіяхъ, проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды. Поставленный среди воинственныхъ поколѣній, для которыхъ высшею цѣлью дѣятельности была военная слава, Лудовикъ не любилъ войны. Онъ не отличался той блестящею, безъ нужды вызывавшею опасности отвагою, которая составляла одну изъ принадлежностей рыцарства: его мужество было спокойное и холодное; оно вытекало изъ обдуманнаго убѣжденія и не было слѣдствіемъ страсти. Первыя войны свои онъ велъ съ Англичанами и мятежными вассалами. Лудовикъ одолѣлъ и тѣхъ и другихъ, возстановилъ нарушенныя права свои, но довольствовался непосредственнымъ результатомъ побѣды и не подумалъ о распространеніи власти или владѣній. Еще менѣе могла соблазнить его возможность отмстить врагамъ. Съ раннихъ лѣтъ мысль его была занята войнами въ Палестинѣ, гдѣ христіанскому рыцарю открывалось поприще вполнѣ достойное его подвиговъ. Я не буду повторять всѣмъ извѣстныхъ подробностей о его крестовыхъ походахъ, но есть черты, которыхъ нельзя пропустить, потому что онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на характеръ великаго короля. Въ то время, когда бѣдствія крестоносцевъ въ Египтѣ достигли до высочайшей степени и не было болѣе спасенія войску, запертому между Ниломъ и Мамелюками, Лудовикъ отказался отъ предложеннаго ему средства возвратиться одному въ крѣпкую Даміету, гдѣ его ожидала совершенная безопасность. Въ плѣну у Мамелюковъ, среди ужасовъ и страданій всякаго рода, онъ одинъ изъ всѣхъ французскихъ рыцарей сохранилъ полное спокойствіе и ясность духа. Вскорѣ послѣ пораженія крестоносцевъ, Мамелюки возстали на своего султана, убили его и съ дикими воплями бросились къ своимъ плѣнникамъ. Одинъ изъ убійцъ показалъ Лудовику вырванное у погибшаго султана сердце и спросилъ: что дашь ты мнѣ за сердце врага твоего? Король молча отвернулся. Прочіе христіане думали, что насталъ ихъ послѣдній часъ и готовились къ смерти. Жуанвиль откровенно признается, что не могъ принести должнаго покаянія, потому что не могъ отъ страха припомнить ни одного грѣха. «По той же причинѣ не помню я ничего изъ сказаннаго мнѣ тогда конетаблемъ кипрскимъ», прибавляетъ простодушный біографъ Лудовика IX. Есть сказаніе, достовѣрность котораго подлежитъ сомнѣнію, но любопытное, какъ выраженіе народной мысли. Въ Европѣ разнесся слухъ, что Мамелюки, убивъ своего султана, предложили его мѣсто Лудовику IX. На возвратномъ пути съ востока, галера, на которой плылъ французскій король, потерпѣла значительныя поврежденія и подвергалась большой опасности. На помощь ей подоспѣла другая галера. Король прежде всего спросилъ: есть ли на новомъ суднѣ мѣсто и для другихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ остался на поврежденной галерѣ. Я знаю, сказалъ онъ, что, спасши меня и семейство

*

мое, вы не будете заботиться объ остальныхъ моихъ спутникахъ. Понятно, почему народъ заживо называлъ его святымъ. Послѣднее военное предпріятіе его было направлено противъ Туниса. Лудовикъ былъ боленъ и такъ слабъ еще до начала похода, что едва могъ держаться на конѣ. Жуанвиль часто долженъ былъ носить его на рукахъ. Но несчастія, испытанныя въ Египтѣ, произвели, по видимому, неизгладимое впечатлѣніе на храбраго сенешала: онъ не принималъ участія въ африканскомъ походѣ и не былъ свидѣтелемъ кончины Лудовика, умершаго подъ стѣнами Туниса. Сказаннаго мною будетъ, полагаю я, достаточно для опредѣленія характера, какой носила военная дѣятельность Лудовика IX. Онъ былъ рыцарь въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ значеніи этого слова, и полагалъ конечною цѣлью войны торжество истинной вѣры и возстановленіе нарушеннаго права.

Политическая дѣятельность Лудовика IX не разъ подвергалась не только нареканію, но и насмѣшкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта дѣятельность не можетъ не показаться странною, если мы будемъ разбирать ее съ точки зрѣнія обыкновеннаго житейскаго благоразумія, опредѣляющаго достоинство поступковъ ихъ непосредственнымъ успѣхомъ или неудачею. Внукъ Филиппа Августа началъ съ того, что усумнился въ законности своихъ правъ и подвергъ ихъ строгому испытанію. Предшественники его не могли быть очень разборчивы въ выборѣ средствъ и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ къ утвержденію своей власти. Лудовикъ предложилъ себѣ вопросъ: на какомъ основаніи Капетинги владѣли землями, перешедшими къ нимъ отъ другихъ владѣльцевъ? Болѣе всего тревожило его сомнѣніе относительно областей, отнятыхъ его дѣдомъ у Іоанна Безземельнаго. Онъ положилъ конецъ этой внутренней тревогѣ договоромъ 1258 года, по которому добровольно возвратилъ сыну Іоаннову, Генриху III, четыре богатыя провинціи. На возраженія своихъ совѣтниковъ Лудовикъ отвѣчалъ, что онъ отказывается отъ этихъ провинцій, потому что онѣ незаконно ему достались, и для того, чтобы Генрихъ былъ ему настоящимъ ленникомъ. Чтобы понять глубокій смыслъ этого отвѣта, надобно составить себѣ ясное понятіе о родѣ отношеній, существовавшихъ между феодальнымъ господиномъ и его вассаломъ. Ленная связь состояла не изъ однихъ юридическихъ условій, но заключала въ себѣ чисто нравственное начало обоюдной вѣрности и любви. Отсюда происходили частыя нарушенія этой связи, которую Лудовикъ хотѣлъ поднять до ея высшаго духовнаго значенія. Разумѣется, что такое идеальное стремленіе не могло быть всѣми понято по достоинству и встрѣтило много порицателей среди общества, привыкшаго къ насилію. Стоитъ заглянуть въ пѣсни трувера Рютбефа. Даже въ глазахъ простаго народа, кротость благочестиваго государя принимала иногда видъ слабости. Ты не король, а монахъ, сказала однажды Лудовику женщина, получившая отказъ на какую-то незаконную просьбу. Жители возвращенныхъ Генриху III областей не могли простить Лудовику этой уступки и долго не признавали установленнаго въ честь его западною церковью праздника. Замѣчательно также враждебное отношеніе къ нему скептической, проникнутой античными стихіями Италіи. Граждане Флоренціи явно обнаружили неприличную христіанамъ радость при полученіи извѣстій о пораженіи и плѣнѣ крестоносцевъ подъ Мансурою. Но огромное большинство европейскаго населенія глубоко чтило Лудовика, хотя, вѣроятно, не въ состояніи было вполнѣ оцѣнить всю чистоту и все безкорыстіе его намѣреній.

Лудовикъ IX обратилъ особенное вниманіе на судебное устройство Франціи. Нигдѣ не обнаруживались такъ ясно недостатки феодальнаго государства, какъ въ этой сферѣ. Коренное, основанное на глубокомъ раздѣленіи сословій начало средневѣковаго суда было очень просто: каждый долженъ быть судимъ судомъ своихъ перовъ, т. е. людей, равныхъ ему по происхожденію. Дѣла вассаловъ разбира-

лись при дворѣ ихъ леннаго господина и подъ его предсѣдательствомъ, судомъ, составленнымъ изъ перовъ, истца и отвѣтчика. Но бароны неохотно исполняли эту часть своихъ феодальныхъ обязанностей и уклонялись отъ судебныхъ съѣздовъ, сопряженныхъ съ разными неудобствами и даже опасностію. Недовольный приговоромъ подсудимый нерѣдко вызывалъ на поединокъ не только противника, но свидѣтелей и судей. Большая часть тяжбъ рѣшалась судебнымъ поединкомъ, который взялъ верхъ надъ всѣми другими доказательствами. Лудовикъ запретилъ прибѣгать къ этому средству въ собственныхъ и въ церковныхъ владѣніяхъ. Власть феодальныхъ судовъ была ограничена опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, которые исключительно подлежали разбору судовъ королевскихъ. Сверхъ того лица, недовольныя рѣшеніемъ мѣстныхъ феодальныхъ судовъ, получили право жалобы, т. е. апеляціи въ суды королевскіе. Если бы кто-нибудь изъ первыхъ Капетинговъ задумалъ такое нововведеніе, то встрѣтилъ бы упорное, вѣроятно неодолимое сопротивленіе. Исчисленныя мною мѣры Лудовика не вызвали однако сильнаго противодѣйствія, потому что онъ лично внушалъ неограниченное довѣріе и никто не подозрѣвалъ его въ честолюбивыхъ расчетахъ, въ намѣреніи усилить власть свою къ ущербу другихъ. Въ тѣсной связи съ судебнымъ поединкомъ находилось право феодальной войны. Когда два владѣльца ссорились между собою и начинали войну, то въ ней обыкновенно принимали участіе всѣ ихъ родственники и друзья. Такимъ образомъ, мелкая распря, вспыхнувшая на одномъ концѣ Франціи, немедленно отозвалась на другомъ. Король постановилъ, приводя, кажется, въ исполненіе мысль, принадлежавшую его дѣду, чтобы отнынѣ между поводомъ къ войнѣ и ея началомъ протекало 40 дней (la quarantaine du roi); нарушитель постановленія подлежалъ наказанію, какъ государственный измѣнникъ. Этимъ не ограничился законодатель: онъ предоставилъ каждому члену феодальнаго сословія право обращаться прямо къ верховной власти въ случаѣ предстоящей ему борьбы съ противникомъ, болѣе сильнымъ или богатымъ. Разумѣется, такой переворотъ въ укоренившихся привычкахъ средневѣковой аристократіи не могъ совершиться разомъ; для этого нужно было много времени и много усилій; но Лудовикъ IX подалъ примѣръ, отъ котораго не отступали болѣе его преемники. Его постановленія относительно судебныхъ поединковъ и частныхъ войнъ легли въ основаніе позднѣйшаго законодательства. Помощниками Лудовика въ этихъ преобразованіяхъ были пользовавшіеся его особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ ученые юристы. Преобразованія, которыхъ они были виновниками, конечно, не входили въ виды короля, думавшаго только объ облагороженіи и прочнѣйшемъ утвержденіи феодальныхъ учрежденій большею правдою и нравственностію. Онъ зналъ, что рыцари плохіе судьи и замѣнялъ ихъ, по возможности, людьми, изучавшими право, какъ науку. Послѣдствія обнаружились уже по смерти Лудовика. Выведенные имъ на поприще практической дѣятельности юристы составили цѣлое сословіе, непріязненное идеямъ и формамъ средняго вѣка. Они противопоставили строго-логическія и общеприложимыя опредѣленія римскаго права мѣстнымъ и своенравнымъ обычаямъ, которые развились въ основанныхъ Германцами государствахъ западной Европы. Они засудили средневѣковое папство въ лицѣ Бонифація VIII, духовное рыцарство въ тампліерахъ. Феодальное дворянство и община равно испытали ихъ вліяніе. Судьба французскихъ юристовъ XIV и XV столѣтій не лишена нѣкотораго трагическаго величія и поэзіи. Стараясь создать крѣпкую и стройную монархію, по образу Римской имперіи, они должны были вести постоянную и жестокую борьбу съ непривыкшими подчинять себя государственнымъ цѣлямъ силами феодально-общиннаго міра. Почти каждый новый король принужденъ былъ жертвовать вѣрнѣйшими совѣтниками своего предшественника ненависти вассаловъ, смутно понимавшихъ

что дѣло шло о ихъ независимости. Но упраздненныя такимъ образомъ мѣста въ совѣтѣ и судахъ королевскихъ недолго оставались порожними. Сынъ казненнаго клерка смѣло садился на мѣсто отца и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и направленіи, не заботясь, повидимому, о предстоявшей ему участи. Людовикъ IX не могъ предвидѣть политическаго значенія, какое получили впослѣдствіи юристы Римскаго права, и дорожилъ только ихъ судебною дѣятельностью. Не считаю нужнымъ повторять вамъ слишкомъ извѣстный разсказъ Жуанвиля о томъ, какъ король, окруженный мужами опытными въ наукѣ права, самъ рѣшалъ тяжбы своихъ подданныхъ и произносилъ приговоры подъ знаменитымъ Венсенскимъ дубомъ. Король и правда сдѣлались въ то время однозначащими словами для Франціи. Въ цѣломъ государствѣ, кромѣ его, не было нелицепріятнаго судьи, потому что онъ стоялъ одинъ внѣ или, лучше сказать, выше всякихъ корыстныхъ стремленій. Идея монархической власти облекалась въ нравственное сіяніе неподкупнаго правосудія.

Мы видѣли глубоко-религіозное настроеніе Людовиковой души. Можно бы подумать, что слѣдствіемъ такого настроенія была излишняя уступчивость сословію, которое въ западной Европѣ нерѣдко теряло изъ виду свое священное призваніе и предавалось чисто мірскимъ исканіямъ и помысламъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ королей французскихъ не оказывалъ большаго уваженія къ духовенству и не хранилъ такъ бережно его права, какъ Людовикъ IX; но съ другой стороны немногіе умѣли такъ твердо отстаивать права свѣтской власти. Въ спорѣ между императоромъ и папою Людовикъ громко порицалъ послѣдняго. Когда французскіе епископы жаловались ему, что отлученіе отъ церкви не производитъ достаточнаго дѣйствія, онъ отвѣчалъ: не отлучайте отъ церкви ради корыстныхъ расчетовъ и страстей вашихъ, и тогда я буду готовымъ исполнителемъ вашихъ приговоровъ. Для всякаго другаго государя, кромѣ Св. Людовика, распри съ духовенствомъ могли быть въ то время опасны. Къ чести папъ надобно сказать, что они почти всегда были на сторонѣ благочестиваго короля противъ честолюбивыхъ епископовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ извѣстій о такъ называемой прагматической санкціи, которою Людовикъ будто бы опредѣлилъ духовныя отношенія Франціи къ Римскому двору. Вопросъ о подлинности этого акта еще не рѣшенъ окончательно. Но допустивъ даже подлогъ, нельзя не признать, что въ этомъ памятникѣ высказалось только общественное мнѣніе о томъ, какъ поступалъ бы Людовикъ IX при разграниченіи правъ своихъ съ правами папы и духовенства.

Но отчего же, среди столь обширной и богатой результатами дѣятельности, это благородное лице носитъ почти постоянное выраженіе внутренней глубокой грусти? Въ дружескихъ разговорахъ Людовика съ Жуанвилемъ, въ бесѣдахъ его съ учеными, которыми онъ любилъ окружать себя, въ дошедшихъ до насъ словахъ его молитвы—часто слышится скорбный голосъ души, недовольной дѣйствительностію, не обрѣтшей въ ней удовлетворенія своимъ требованіямъ. Нигдѣ это чувство не высказалось такъ просто, какъ въ слѣдующихъ словахъ духовника королевы Маргариты. Позвольте мнѣ привести это мѣсто въ подлинникѣ; я боюсь испортить его переводомъ: «Li benoiez rois désirroit merveilleusement grâce de larmes, et se compleignoit à son confesseur de ce que larmes li défailloient, et li disoit débonnérement, humblement et privéement, que quant l'on disoit en la litanie ces moz: Biau sire Diex, nous te prions que tu nous doignes fontaine de larmes, li sainz rois disoit devotement: O sire Diex, je n'ose requerre fontaine de larmes; ainçais me souffisissent petites gouttes de larmes à arouser la sécheresse de mon coeur....Et aucune fois reconnut-il à son confesseur privéement que aucune fois li donna à nostre sir larmes en avoison: les quelles, quant li les sentait courre per sa face souef (doucement), et entrer dans sa bouche, elles li semblaint si savoureuses et très douces, non pas seulement au cuer, mès à la bouche.» Недо-

вольный міромъ, Лудовикъ нѣсколько разъ обнаруживалъ намѣреніе отказаться отъ власти и искать покоя въ стѣнахъ монастыря. Но жизнь, которую онъ велъ во дворцѣ своемъ, была такъ чиста и строга, что могла служить достойнымъ образцемъ для тогдашняго духовенства. Государственная дѣятельность не тяготила Лудовика, ибо онъ, по преимуществу, былъ мужемъ долга и подвига. Въ отношеніяхъ его къ семейству раскрывались, не внесенныя нами въ эту краткую характеристику, свойства нѣжной и любящей души, которой суждено было совмѣстить всѣ добродѣтели государя, рыцаря, инока и простаго гражданина.

Скорбь Св. Лудовика исходила изъ сознанія непрочности того міра, на поддержаніе котораго онъ употребилъ лучшія свои силы. Онъ не могъ не чувствовать несостоятельности средневѣковыхъ формъ жизни. Поддерживая одной рукою разлагавшійся порядокъ вещей, Лудовикъ IX другою закладывалъ зданіе новой гражданственности. Собственнымъ чувствомъ права и введеніемъ въ суды юристовъ, проникнутыхъ идеями римскаго законодательства, онъ убилъ феодальную неправду. Святостію жизни и нравственною чистотою онъ осуществилъ самый возвышенный изъ нравственныхъ идеаловъ средняго вѣка, но чрезъ это самое укрѣпилъ монархію, полное развитіе которой было несовмѣстно съ сохраненіемъ средневѣковыхъ учрежденій, потому что за ними каждое сословіе укрывало свои корыстныя и исключительныя притязанія. Народъ привыкъ видѣть въ королѣ верховнаго, чуждаго всякаго пристрастія, судью. Въ великія эпохи своей исторіи, во дни блестящихъ торжествъ и тяжелыхъ испытаній, французскіе короли называли себя не даромъ сынами Св. Лудовика. Его дѣломъ было нравственное значеніе Французской монархіи. Предшественники его дѣйствовали силою и искусствомъ; къ этимъ двумъ орудіямъ онъ присоединилъ третье—право. Онъ внушилъ къ монархическому началу довѣріе, котораго долго не могли поколебать ни грѣхи, ни несчастія его преемниковъ. Читая нѣкоторые изъ законодательныхъ памятниковъ его царствованія и смотря на нихъ съ современной намъ точки зрѣнія, нельзя иногда не удивиться жестокости наказаній, опредѣленныхъ за проступки, которые нынѣ караются только общественнымъ презрѣніемъ. Но въ такихъ случаяхъ Лудовикъ IX былъ вѣренъ основному началу всей своей дѣятельности: онъ смотрѣлъ на государство какъ на христіанскую общину и не давалъ въ немъ мѣста грѣху. Въ сферѣ науки онъ допускалъ споръ и разногласіе, самъ посѣщалъ аудиторіи Парижскаго университета и охотно слушалъ лекціи и пренія знаменитыхъ наставниковъ. Но споръ съ еретиками, обличеніе ихъ словомъ, предоставлялъ онъ исключительно ученымъ; мірянинъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ, по его мнѣнію, дѣйствовать однимъ мечемъ, не подвергая своего беззащитнаго ума ненужному искушенію.

Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимуществено на распутіяхъ народной жизни въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но не рѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былаго. За то за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Большее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники. Къ числу такихъ принадлежитъ Лудовикъ IX. Онъ былъ завершителемъ средневѣковой жизни, осуществленіемъ ея чистѣйшихъ идеаловъ. Но ни тѣмъ, ни другимъ, ни поборникамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ не дано совершить ихъ подвига во

всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ нежданный и невѣдомый имъ выводъ. Счастливъ тотъ, кто носитъ въ себѣ благое убѣжденіе и можетъ заявить его внѣшнимъ дѣломъ! На великихъ и на малыхъ, незамѣтныхъ простому глазу, дѣятеляхъ лежитъ общее всѣмъ людямъ призваніе трудиться въ потѣ лица. Но они несутъ отвѣтственность только за чистоту намѣреній и усердіе исполненія, а не за далекія послѣдствія совершеннаго ими труда. Онъ ложится въ исторію, какъ таинственное сѣмя. Восходъ, богатство и время жатвы принадлежатъ Богу. Не будемъ же ставить въ вину Лудовику IX его заблужденіе. Думая поддержать феодальное государство, онъ влагалъ въ него несродныя ему начала и готовилъ великую монархію Лудовика XIV. Онъ не докончилъ своего личнаго дѣла и не видалъ его завершенія, подобно тѣмъ средневѣковымъ зодчимъ, которые завѣщали новому времени недостроенные, полные чудной и таинственной красоты, готическіе соборы.

Грановскій.

34. Германикъ и Агриппина старшая.

Старѣйшая Агриппина двойными узами связана была съ Августовымъ домомъ. Внука Августа, по матери, она причислялась ему въ родство еще по своему мужу, который былъ сынъ пасынка его, Друза. Послѣ славнаго имени основателя дома, имя Друза было самое популярное и любимое какъ въ войскѣ, такъ и въ народѣ. Отъ него та же самая популярность перешла и къ сыну его Германику, наслѣдовавшему отъ отца мужество и талантъ полководца. Личныя доблести Германика еще болѣе возвышали цѣну его наслѣдственной славы. Въ мысляхъ многихъ Римлянъ не было лица болѣе достойнаго чести быть по смерти Августа преемникомъ его власти. Внѣшнее положеніе Агриппины, очевидно, было таково, что не оставляло ей ничего болѣе желать въ настоящемъ и сверхъ того еще сулило очень завидную будущность. Было чѣмъ польститься женскому самолюбію. Но Агриппина носила въ груди гордый и неукротимый духъ, который былъ выше мелкой суетности и тщеславія. Развратъ, который рано проникъ въ семью Августа, тоже нисколько не коснулся ея. Не смотря на близость порока, она сохранила древнюю строгость нравовъ и честь женщины ничѣмъ не была въ ней опозорена: женственная стыдливость осталась лучшимъ ея украшеніемъ и послѣ замужства. Какъ истая Римлянка, она гордилась своимъ материнскимъ плодородіемъ и ничѣмъ столько не смирялся этотъ неукротимый отъ природы духъ, какъ любовію ея къ мужу, отца ея дѣтей. Побуждаемая тою преданностію, которою обыкновенно сопровождается женская любовь, она не поколебалась оставить Римъ, чтобы слѣдовать за своимъ мужемъ на военномъ его поприщѣ, и не разлучалась съ нимъ даже въ самомъ лагерѣ.

Здѣсь, среди военнаго римскаго стана, на предѣлахъ Германіи, въ первый разъ знакомитъ насъ Тацитъ съ Германикомъ и женою его Агриппиною. Постъ, который занималъ мужъ ея, постъ главнаго начальника военныхъ римскихъ силъ, расположенныхъ по Рейну, былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ въ имперіи. Опасность всегда была вблизи — то со стороны свободныхъ Германцевъ, которые рѣдко оставляли въ покоѣ римскую границу, то со стороны самыхъ легіоновъ, въ которыхъ новый духъ необузданнаго своеволія ослабилъ древнюю дисциплину и каждую минуту могъ угрожать опаснымъ взрывомъ. Этотъ взрывъ дѣйствительно послѣдовалъ между германскими легіонами, когда дошло сюда извѣстіе о смерти Августа. Духъ непокорности и буйства быстро разлился по всему лагерю. Ветераны требовали себѣ отставки, молодые солдаты выдачи жалованья; многіе находили случай очень благопріятнымъ, чтобы отмстить центуріонамъ, въ которыхъ ненавидѣли представителей строгой дисциплины стараго римскаго строя. Наконецъ не было недостатка и въ такихъ голосахъ, которые нагло утверждали, что отъ германскихъ

легіоновъ зависитъ участь всего римскаго міра, что имъ одолжена республика своими побѣдами и что ихъ именемъ должны гордиться самые императоры: первое гласное выраженіе того погибельнаго духа, который, впослѣдствіи укоренившись во всемъ римскомъ войскѣ, подорвалъ главныя основанія римскаго могущества и былъ одною изъ самыхъ видныхъ причинъ паденія имперіи. Отсутствіе Германика, который въ то время занятъ былъ производствомъ ценза въ Галліи, внушало еще болѣе дерзости мятежникамъ. Отъ словъ скоро перешли къ дѣлу. Еще верхнегерманскіе легіоны колебались въ недоумѣніи, какъ нижніе открыто подняли знамя бунта. Центуріоны первые сдѣлались жертвою неистовства своихъ подчиненныхъ. Избитые, измученные разными терзаніями и почти безъ дыханія, одни изъ нихъ нашли свою смерть въ волнахъ Рейна, другіе просто за валомъ, куда они, наконецъ, выброшены были изъ лагеря. За тѣмъ слѣдовала очередь трибуновъ и другихъ военныхъ чиновъ: имъ также не оказано было никакой пощады. Устранивши такимъ образомъ ближайшихъ своихъ начальниковъ, солдаты также своевольно взяли потомъ на себя всѣ распоряженія по лагерю. Никто не командовалъ, и однако всѣ движенія производились съ рѣдкимъ единодушіемъ: вѣрный знакъ—замѣчаетъ историкъ—что возстаніе достигло уже тѣхъ опасныхъ размѣровъ, гдѣ оно становится неодолимою силою.

По первому слуху объ этихъ происшествіяхъ Германикъ летѣлъ къ взбунтовавшимся легіонамъ. Благородное сердце его было выше всѣхъ искушеній властолюбія; между подданными Тиберія, можетъ быть, не было человѣка, болѣе ему преданнаго; самъ, свободный отъ всякаго упрека, онъ стыдился за свои мятежные легіоны и за нихъ мучился совѣстію. Германикъ, какъ видно, слишкомъ отсталъ отъ своего вѣка и тѣмъ избѣжалъ его заразы. Прибывши въ лагерь, онъ думалъ еще подѣйствовать на мятежниковъ своимъ примѣромъ, своимъ авторитетомъ, всего же болѣе своимъ популярнымъ именемъ. Но передъ крамолою безсильно оказалось даже слово любимаго вождя. Когда онъ, желая говорить войску, велѣлъ ему построиться въ ряды, приказаніе его хотя и было исполнено, но медленно и съ явною неохотою. На рѣчи его объ уваженіи, должномъ памяти Августа, и о побѣдахъ и тріумфахъ Тиберія, отвѣчали или молчаніемъ, или ропотомъ; на упреки въ нагломъ нарушеніи военной дисциплины—обнаженіемъ старыхъ ранъ и знаковъ, оставшихся отъ побоевъ. Въ слѣдъ за тѣмъ послышались громкія жалобы на обременительныя работы, на неисправную плату жалованья. Ропотъ скоро превратился въ ужасающій вопль. Забыто было всякое уваженіе къ вождю: отъ него требовали денегъ, а ему предлагали самую имперію. Послѣдняя дерзость возмутила чистую душу Германика: онъ вдругъ соскочилъ съ трибунала, какъ если бы его коснулась зараза преступленія. Но ему противоставили оружіе и грозились даже убить его, если онъ сдѣлаетъ еще шагъ впередъ. Тогда Германикъ самъ обнажилъ мечъ и занесъ его на себя, съ готовностью скорѣе умереть, чѣмъ нарушить свои обязанности. Ближайшіе къ цезарю люди успѣли остановить его руку, но въ то же время слышались голоса, которые насмѣшливо одобряли его покушеніе, и одинъ солдатъ даже поднесъ ему свой собственный мечъ, говоря, что онъ «будетъ гораздо поострѣе его». Эта наглая выходка, впрочемъ, неодобрительно была принята самими мятежниками, а друзья Германика, пользуясь тою минутою, успѣли отвести его въ ставку.

Послѣ этого несчастнаго опыта нельзя было и думать о томъ, чтобы укротить возстаніе силою. Мѣры строгости были здѣсь болѣе неприложимы. Зло, которое было уже такъ велико, возрасло бы вдвое, если бы мятежъ сообщился и верхнимъ легіонамъ. Съ другой стороны настояла опасность отъ Германцевъ, которые, пользуясь этимъ случаемъ, легко могли возобновить свои нападенія на римскую границу. Вынужденный крайностью своего положенія, Германикъ долженъ былъ согласиться на всѣ требованія мятежнаго войска. Буря улег-

лась, волненіе успокоилось, но подъ обманчиво-спокойною наружностію продолжалъ тлѣть опасный огонь, и достаточно было лишь перваго повода, чтобы снова раздуть его въ цѣлый пожаръ. Дѣйствительно, при одномъ только извѣстіи о приближеніи легатовъ, посланныхъ отъ сената къ германскимъ легіонамъ, возстаніе вскрылось вновь съ необузданною силою. Добытое насиліемъ казалось столько непрочнымъ самимъ похитителямъ, что ихъ пугала самая мысль о томъ, что оно можетъ быть опять потеряно. Подозрѣніе, подсказанное страхомъ, скоро превратилось въ общее убѣжденіе. Среди глубокой ночи цезарь пробужденъ былъ отъ сна неистовыми кликами вооруженной толпы, которая спѣшила овладѣть императорскимъ знаменемъ (vexillum), чтобы потомъ выставить его какъ знамя бунта. Всякое сопротивленіе было бы совершенно безполезно; подъ угрозою смерти онъ еще разъ долженъ былъ уступить мятежникамъ. Легаты, которые въ это время пробирались къ Германику, были перехвачены на пути и потерпѣли разныя оскорбленія. Самая жизнь ихъ была бы въ опасности, если бы они не успѣли спастись счастливымъ бѣгствомъ. Лишь глава посольства, Мунацій Планкъ, счелъ бѣгство недостойнымъ Римлянина и своего званія и искалъ себѣ убѣжища подъ самыми орлами. Но и этотъ священный символъ потерялъ свой прежній характеръ въ глазахъ буйныхъ легіонаріевъ. Уже готово было совершиться неслыханное злодѣйство: римскіе воины едва не обагрили святыни своего лагеря кровію римскаго же легата. Только чрезвычайной твердости и невѣроятнымъ усиліямъ знаменосца обязаны были Римляне тѣмъ, что имя ихъ спасено было отъ этого крайняго безчестія.

Лишь поутру слѣдующаго дня волненіе нѣсколько поуспокоилось и Германикъ могъ обратить къ мятежникамъ свой краснорѣчивый укоръ и выговорить имъ все, что было въ ихъ поведеніи безчестнаго и позорнаго. Его выслушали по привычкѣ, но рѣчь не произвела желаемаго дѣйствія. Состояніе лагеря попрежнему не представляло ничего удовлетворительнаго, ничего успокоивающаго. Тогда друзья цезаря обратились къ нему съ своими упреками. Никто не взялъ на себя смѣлости прямо упрекнуть его въ недостаткѣ энергіи среди самаго лагеря мятежныхъ легіоновъ: всякій по себѣ понималъ, что передъ этою бурею разнузданныхъ страстей была безсильна всякая энергія. Но медлительность вождя и упорная настойчивость, съ которою онъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить къ вѣрнымъ легіонамъ, оставался среди мятежниковъ, каждую минуту подвергая свою собственную жизнь опасности, казались друзьямъ его менѣе извинительными. Они не безъ основанія дали замѣтить Германику, что пребываніе его въ лагерѣ мятежниковъ вело лишь къ уступкамъ на ихъ требованія и что каждая такая уступка была важною ошибкою съ его стороны. По ихъ мнѣнію, отправившись къ верхнимъ легіонамъ, онъ нашелъ бы между ними не только вѣрную защиту себѣ, но и крѣпкое содѣйствіе противъ бунта тѣхъ, которые измѣнили своему долгу. Какъ видно, однако, всѣ эти побужденія отнюдь не дѣйствовали на Германика: ему невыносима была мысль бѣжать отъ своего же войска, съ которымъ онъ привыкъ дѣлить труды и опасности. Оставалась еще одна чувствительная струна, и совѣтники Германика, повидимому близко къ сердцу принимавшіе всѣ его интересы, не замедлили затронуть ее, въ надеждѣ побѣдить его непреклонность. «Если ужъ ты самъ мало дорожишь жизнію», говорили они ему, «то зачѣмъ-же удерживаешь при себѣ своего малолѣтняго сына, жену беременную, здѣсь, среди этой разъяренной толпы, для которой нѣтъ больше ничего священнаго? По крайней мѣрѣ ихъ сохранить обязанъ ты своему роду и отечеству». Агриппина, неразлучная съ своимъ мужемъ, въ самомъ дѣлѣ находилась въ это время въ лагерѣ. Страхъ близкой опасности и соединенное съ нимъ душевное безпокойство также мало были знакомы ей, какъ и самому Германику. Чувство долга вмѣстѣ съ наслѣдственною гордостью придавали мужественный характеръ ея рѣшимости. На по-

слѣдній совѣтъ преданныхъ друзей Германика, обращенный столько-же къ ней, сколько и къ ея мужу, она, съ своей стороны, отвѣчала съ обычнымъ достоинствомъ и напомнила совѣтникамъ, что она также ведетъ родъ свой отъ Августа и не разучилась смотрѣть прямо въ лицо опасности. Германикъ былъ непоколебимъ относительно самого себя и нисколько не хотѣлъ измѣнить своего прежняго рѣшенія, но онъ не былъ болѣе равнодушенъ къ участи жены и сына. Въ немъ пробудилась нѣжная заботливость отца, мужа; вмѣстѣ съ нею ему стало доступно и чувство опасенія не за себя, а за любимую семью. Наконецъ онъ и самъ понялъ необходимость удалить ее сколько возможно скорѣе изъ лагеря. Еще ему предстояла борьба съ любовію жены, которой мужественная преданность противилась необходимости разлуки; еще у него самого недоставало рѣшимости, чтобы разстаться съ тѣми, которыхъ присутствіе въ лагерѣ было для него вмѣстѣ одобреніемъ и отрадою. Но послѣ нѣкотораго раздумья, онъ въ слезахъ обратился къ Агриппинѣ, обнялъ ее, какъ мать будущаго дитяти, и выразилъ ей свое прямое желаніе, чтобы она для своей безопасности оставила лагерь и вмѣстѣ съ сыномъ отправилась въ землю Тревировъ. Болѣе покорная своему долгу, чѣмъ другимъ побужденіямъ, Агриппина не противорѣчила.

Наступило довольно печальное зрѣлище. Беременная жена цезаря, вождя римскихъ легіоновъ, взявъ на руки малолѣтняго сына, готовилась бѣжать изъ лагеря своего мужа, какъ изъ непріятельскаго стана. Вмѣсто всякой свиты ее сопровождали плачущія жены друзей Германика, которыя также удалялись вмѣстѣ съ нею. Не менѣе живо отражалась печаль и на лицахъ присутствовавшихъ, которые были свидѣтелями ихъ отправленія. Лагерь въ самомъ дѣлѣ принялъ видъ города, захваченнаго непріятелемъ. Женскіе голоса покрывали въ немъ другіе, но вмѣсто словъ и рѣчей слышались больше жалобный плачъ и рыданія. Для Германика это была едва ли не самая непріятная минута въ жизни.

Легіонаріи нѣкоторое время оставались совершенно равнодушны къ тому, что происходило въ центрѣ лагеря, около ставки цезаря; но наконецъ громкіе вопли и рыданія привлекли также и ихъ вниманіе. Толпами выдвигаясь впередъ, они также любопытствовали знать, что бы значили эти вопли, о чемъ бы такъ плакали. Узнавши причину, они, повидимому, нисколько не тронулись; но ихъ поразилъ видъ этихъ женщинъ, столько знаменитыхъ своимъ именемъ и происхожденіемъ, которыя должны были теперь, не только безъ всякой почетной свиты, но даже и безъ военнаго прикрытія, однѣ отправляться къ народу не очень надежной вѣрности. Легіонаріямъ стало стыдно: они какъ-будто почувствовали упрекъ совѣсти. Тогда вспомнились имъ великія для Римлянина имена Августа, Агриппы, Друза; память о нихъ внушала еще болѣе уваженія къ Агриппинѣ, которой женскія добродѣтели хорошо были извѣстны каждому солдату въ войскѣ Германика. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній суровыя сердца легіонаріевъ, еще недавно буйныхъ и неукротимыхъ, раскрылись для жалости. Имъ наконецъ стало жаль этого мальчика, сына Агриппины, который увидѣлъ свѣтъ среди лагеря, росъ между ними и котораго они въ шутку привыкли называть Калигулой, потому что часто видали на ногахъ его солдатскія калиги. Мысль о томъ, что онъ вмѣстѣ съ матерью долженъ будетъ жить между ненавистными Тревирами, довершила остальное. И вотъ тѣ же самые солдаты, которые незадолго передъ тѣмъ имѣли наглость издѣваться надъ своимъ благороднымъ вождемъ, когда онъ, въ минуту глубокаго сокрушенія и не желая пережить честь римскаго имени, готовъ былъ занести на себя руку, шли теперь къ нему, чтобы заставить его взять назадъ согласіе на отъѣздъ жены изъ лагеря; другіе въ то же время бросились прямо къ Агриппинѣ и, остановивъ ее на пути, умоляли ее остаться, не ѣхать далѣе. Странное превращеніе! Его, впрочемъ, нельзя

объяснить сполна, если не предположить, что Агриппина, независимо отъ своего именинположенія, своимъ личнымъ характеромъ успѣла внушить къ себѣ глубокое уваженіе и даже привязанность легіонаріямъ. Не она начальствовала легіонами, но легіоны какъ-бы воодушевлялись ея присутствіемъ.

Между Римлянами того времени, можетъ быть, не было человѣка благодушнѣе Германика, но благодушіе отнюдь не исключало въ немъ твердости. Самъ мало доступный увлеченію страсти, онъ, впрочемъ, еще менѣе поддавался увлеченію другихъ. Тамъ особенно, гдѣ дѣло касалось чести римскаго имени и римскаго войска, онъ былъ непреклоненъ въ своихъ рѣшеніяхъ, недоступенъ никакому искушенію. Въ солдатахъ, которые пришли къ нему просить за Агриппину, онъ видѣлъ тѣхъ же крамольныхъ легіонаріевъ, которые едва не наложили рукъ на римскаго легата. Напомнивъ имъ въ сильной рѣчи все ихъ неистовство и оскорбленія, высказавъ имъ еще разъ все свое негодованіе, какъ Римлянина и человѣка, на поступки, столько недостойные римскаго имени, цезарь, въ заключеніе своихъ словъ, также изъявилъ желаніе примиренія съ легіонами, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они сами отдѣлили отъ себя зачинщиковъ и выдали ихъ на судъ ему: въ такомъ только случаѣ соглашался онъ признать ихъ раскаяніе и не сомнѣваться болѣе въ ихъ твердомъ намѣреніи возвратиться къ своему долгу. На этотъ разъ голосъ вождя не встрѣтилъ себѣ ни малѣйшаго противорѣчія. Духъ крамолы погасъ въ жару новаго увлеченія и ужъ легіонарій думалъ о томъ, какъ бы вновь добытою славою покрыть самую память послѣдняго преступленія. «Накажи виновныхъ, прости только слабымъ и веди насъ противъ непріятеля», было отвѣтомъ Германику; «мы просимъ тебя лишь о томъ, чтобы ты не отсылалъ отъ себя жены и возвратилъ намъ питомца легіоновъ». Германикъ обѣщалъ имъ послѣднее, но относительно Агриппины не хотѣлъ измѣнить своего намѣренія, ссылаясь на ея беременность и зимнее время; остальное же, говорилъ онъ, пусть они исполнятъ сами.

Надобно было имѣть много воли и присутствія духа, чтобы обратить подобный вызовъ къ войску, въ которомъ только-что остылъ мятежный жаръ, потому что это значило вызывать его на добровольный судъ и казнь себѣ. Между тѣмъ расчетъ Германика оказался очень вѣренъ: слово его произвело желаемое дѣйствіе. Возвратившаяся преданность вождю выразилась въ легіонаріяхъ нетерпѣливымъ желаніемъ совершенно очистить себя въ глазахъ его. Открылось зрѣлище, которое съ избыткомъ должно было вознаградить Германика за всѣ тяжелыя ощущенія, незадолго предъ тѣмъ испытанныя имъ среди римскаго лагеря. Прежде чѣмъ послѣдовалъ особый приказъ, главные зачинщики мятежа были перевязаны самими же солдатами и въ такомъ видѣ приведены на судъ къ легату перваго легіона. Приговоръ и самое исполненіе также вполнѣ соотвѣтствовали чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, среди которыхъ они происходили. Легатъ присутствовалъ больше для формы, собственно же судъ и расправа производимы были всею массою легіонаріевъ. Построившись въ ряды, они съ обнаженными мечами стояли передъ военнымъ форумомъ. Трибунъ съ возвышенія провозглашалъ виновнаго, и если никто не подавалъ голоса въ пользу его, онъ тутъ же падалъ подъ смертоносными ударами своихъ товарищей. Даже самъ цезарь нисколько не вмѣшивался въ эту расправу: воины производили ее по добровольному побужденію, какъ бы обрадовавшись случаю, что могутъ въ мѣру своего преступленія показать и свою ревность къ возстановленію порядка—и очистительныя жертвы падали одна за другою. Говоря словами римскаго историка, они сами ожесточились противъ себя и исполнились ненависти къ своему собственному дѣлу. Лишь по окончаніи добровольныхъ казней цезарь снова вступилъ во всѣ права вождя и могъ заняться необходимыми мѣрами, чтобы искоренить въ римскомъ ла-

герѣ всѣ оставшіяся сѣмена неудовольствія и безпорядка.

Впрочемъ, по возстановленіи мира между германскими легіонами, Агриппина не скрывается вовсе отъ глазъ исторіи. Черезъ нѣсколько времени потомъ, въ тѣхъ же самыхъ странахъ ей еще разъ досталась довольно трудная роль, которая была вовсе не по силамъ женщины, и она исполнила ее съ достоинствомъ и честію. Германикъ не любилъ бездѣйствія. И постъ, ему ввѣренный, и тяжелая для римскаго сердца память объ истребленіи Варовыхъ легіоновъ, которые остались неотомщенными, и горячее рвеніе легіоновъ германскихъ, нетерпѣливо желавшихъ омыть непріятельскою кровію свой недавній позоръ—все призывало его къ тому, чтобы, ни мало не медля, переступить Рейнъ и открыть походы противъ Германцевъ, которые, съ своей стороны, тоже готовили вторженіе въ римскія земли. Первый походъ удался очень счастливо. Ударъ направленъ былъ противъ Марсовъ, заселявшихъ въ то время земли по обѣимъ берегамъ рѣки Эмса. Германикъ налетѣлъ на нихъ орломъ въ то самое время, какъ они, не предчувствуя никакой бѣды, по своему обычаю весело отправляли какой-то народный праздникъ. Поля ихъ были опустошены на большомъ пространствѣ, жилища сожжены и даже знаменитое германское святилище, Танфана, сравнено съ землею. Сосѣдніе народы поднялись-было, чтобы отмстить Римлянамъ за опустошеніе дружественной земли и заградить имъ обратный путь Рейну; но искусныя распоряженія Германика и рьяное мужество легіоновъ обратили въ ничто ихъ усилія. Не менѣе благопріятно было начало втораго похода, предпринятаго противъ Хаттовъ. Застигнутые въ расплохъ, они также испытали всѣ ужасы чужеземнаго нашествія. Спасся лишь тотъ, кто бѣжалъ въ лѣсъ или въ горы; прочіе, особенно женщины и дѣти, были избиты на мѣстѣ или отведены въ плѣнъ. Но война съ Хаттами неизбѣжно влекла за собою другую войну—съ Херусками. Еще живъ былъ Арминій, побѣдитель Вара; съ нимъ жива была въ Херускахъ и прежняя ненависть къ римскому имени. Уже Германикъ, покончивъ съ Хаттами, думалъ вести свое войско обратно къ Рейну, какъ явились послы отъ Сегеста, Арминіева однополеменника и вмѣстѣ стараго его соперника, который изъ личныхъ видовъ искалъ себѣ опоры въ Римлянахъ. Не подать ему скорой помощи значило допустить до рѣшительнаго перевѣса воинственной партіи между Херусками, которая, имѣя во главѣ своей Арминія, хотѣла съ Римлянами войны. Итакъ продолженіе войны въ томъ и другомъ случаѣ было неизбѣжною необходимостью. Впрочемъ и не въ свойствахъ Германика было уклоняться отъ подобныхъ вызововъ. Обстоятельства ускорили рѣшимость, и цезарь, еще разъ повернувъ назадъ свое войско, быстрымъ ударомъ вырвалъ Сегеста, со всѣмъ его «родомъ» и со множествомъ кліентовъ, изъ рукъ противной партіи. Между плѣнниками, захваченными при этомъ случаѣ, находилась и беременная жена Арминія, по имени Туснельда. Дочь Сегеста, она вступила въ союзъ съ Арминіемъ противъ воли отца, который обрекалъ ея руку другому, и была вся исполнена глубокой преданности своему мужу. Для Арминія не могло быть потери болѣе чувствительной. Но несчастія не убивали въ немъ духа: они лишь изощряли его неукротимую энергію. Мысль о томъ, что беременная жена его, свободная Германка, должна работать на Римлянъ, и что, можетъ быть, та же участь ожидаетъ даже будущій плодъ ея, была для него безпокойнымъ жаломъ, которое тревожно возбуждало всѣ его душевныя силы и держало ихъ въ напряженномъ состояніи. Волнуемый этою злою мыслію, Арминій безъ устали носился по всей странѣ, всюду возбуждая къ отмщенію, призывая весь народъ Херусковъ къ оружію. «Знамена римскія», говорилъ онъ между прочимъ, «которыя посвятилъ я отеческимъ богамъ, до-сихъ поръ еще висятъ въ священныхъ рощахъ Германцевъ. Пусть Сегестъ обработываетъ покоренный берегъ; настоящіе Германцы никогда непро-

стять себѣ того, что видали когда-то между Эльбою и Рейномъ римскую сѣкиру и римскую тогу». На призывъ Арминія отозвались не только Херуски, но и сосѣдніе народы. Огонь ненависти къ римлянамъ, никогда совершенно непогасавшій, вспыхнулъ теперь всеобщимъ пожаромъ, быстро разлился по окрестнымъ германскимъ лѣсамъ и уже достигалъ до самаго Рейна. На правомъ берегу его только одни Хауки обѣщали цезарю свое содѣйствіе, но и тѣ едва ли были надежны. Въ порывѣ единодушнаго увлеченія народныя силы сѣверо западной Германіи снова становились подъ славное знамя воинственнаго шефа Херусковъ и ужъ заранѣе готовили вождю Римлянъ печальную долю его неосторожнаго предшественника, котораго имя осталось символомъ несчастій римскаго оружія на землѣ свободныхъ Германцевъ.

Но Германикъ не привыкъ блѣднѣть передъ лицомъ опасности. Близость ея, напротивъ, какъ-будто вдохновляла его спокойное и всегда вѣрное себѣ мужество. Онъ шелъ исполнить свой долгъ, долгъ вождя римскихъ легіоновъ, который обязанъ былъ побороть всѣми силами враговъ имперіи, и по мѣрѣ того, какъ возрастала опасность вокругъ него, въ немъ самомъ зрѣла новая мысль о прекрасномъ подвигѣ, которая, нисколько не роняя его достоинства, какъ римскаго патріота, еще болѣе говоритъ въ пользу его, какъ человѣка. Вражда Германцевъ готовила цезарю участь Вара и для того старалась заманить его въ мѣста, уже видѣвшія разъ истребленіе римскихъ легіоновъ: его влекло туда же непреодолимое желаніе почтить память погибшихъ воиновъ и вождя, отправить по нихъ тризну на самомъ мѣстѣ ихъ гибели и подъ могильными насыпями сокрыть ихъ истлѣвающія кости. Собравъ у рѣки Эмса свои легіоны и вспомогательныя когорты, цезарь отсюда повелъ ихъ, черезъ землю Бруктеровъ, въ тейтобурскій лѣсъ. Путь открывалъ Цецина, неустрашимый легатъ цезаря, оберегая отъ тайной засады, наводя мосты, асыпая топи. Прочіе шли по слѣдамъ его, каждую минуту готовясь увидѣть тяжелое для римскаго сердца зрѣлище. Вотъ наконецъ показались и эти печальныя мѣста, свидѣтели истребленія столькихъ храбрыхъ. Пять лѣтъ прошло послѣ несчастнаго событія, но еще легко было узнать линіи перваго стана Варовыхъ легіоновъ. Немного далѣе, полуобрушенный валъ съ заросшимъ рвомъ обозначали то мѣсто, гдѣ укрѣпились уцѣлѣвшіе отъ перваго нападенія. По всему пространству разбросаны были бѣлѣвшіяся кости Римлянъ, какъ кто бѣжалъ или кто гдѣ сопротивлялся. Тутъ же лежали обломки стрѣлъ, остовы лошадей, а неподалеку, въ густотѣ деревъ, стояли жертвенники, на которыхъ трибуны и центуріоны, взятые въ плѣнъ, преданы были закланію. Грусть объяла сердца храбрыхъ, когда они увидѣли передъ собою эту жалкую картину. Духъ мести въ то же время загорался въ душахъ ихъ. Но напередъ должно было отдать послѣдній долгъ погибшимъ. Тогда однимъ печальнымъ хоромъ Римляне собрали разбросанныя кости и начали насыпать надъ ними могильный курганъ. Германикъ положилъ первый кусокъ дерна — на память усопшимъ, въ одобреніе трудившимся. Никто не приходилъ возмущать Римлянъ въ этомъ занятіи, и они могли довести его до конца по своему желанію.

Оставалось еще увѣнчать это прекрасное дѣло послѣднимъ вѣнцомъ — смирить дерзость варваровъ, гордыхъ воспоминаніемъ о пораженіи римскихъ легіоновъ. Спѣша завершить свой подвигъ, Германикъ дѣйствительно повелъ далѣе, во глубину тейтобурскаго лѣса, свои легіоны, горѣвшіе нетерпѣніемъ встрѣтить непріятеля. Встрѣча не замедлила послѣдовать: Арминій стоялъ неподалеку съ полками Херусковъ и ихъ союзниковъ, выжидая, съ своей стороны, только удобнаго случая къ нападенію на Римлянъ. Германикъ предупредилъ его, устремивъ свое легкое войско на германскій лагерь. Но воодушевленіе свободныхъ Германцевъ на этотъ разъ, по-крайнѣ-мѣрѣ, не уступало римскому. Арминій, вдохновленный своею ненавистью, умѣлъ сообщить жаръ ея и своимъ

сподвижникамъ. Бодро выдержавъ первое нападеніе, онъ потомъ обратилъ ударъ на самихъ нападающихъ. Тайная засада, подоспѣвъ вовремя, дала ему средства не только возстановить равновѣсіе, но и начать наступательное движеніе противъ Римлянъ. Всадники дрогнули первые; за ними поколебались и вспомогательныя когорты, посланныя имъ на подкрѣпленіе. Топкая болотистая мѣстность, на которую Германцы навели Римлянъ, еще болѣе увеличивала смятеніе въ рядахъ послѣднихъ. Только стойкость легіоновъ, которые наконецъ введены были въ дѣйствіе, могла удержать порывистый напоръ варваровъ и остановить нападеніе. Но послѣ первой удачи Германикъ долженъ былъ отказаться отъ всякой надежды вырвать изъ ихъ рукъ побѣду. Довольно было и того, что онъ могъ отступить, хотя съ урономъ, но безъ потери военной чести. Едва прекратился бой, какъ Германикъ благоразумно думалъ уже о томъ, чтобы, пользуясь нерѣшимостью враговъ, вовремя перевести свое войско на лѣвый берегъ Рейна и тѣмъ спасти его отъ новыхъ потерь. Мысль о возмездіи онъ по необходимости отлагалъ до другаго, лучшаго времени. Участь всего войска зависѣла отъ быстроты отступленія. Присутствіе духа и соединенная съ нимъ умная распорядительность никогда не оставляли Германика. Съ поля битвы онъ тотчасъ же отвелъ войско къ Эмсу и тамъ, для большаго удобства при отступленіи, раздѣлилъ его на три части. Легіоны, для большей безопасности и скорѣйшаго возвращенія на мѣсто, были посажены на суда; часть конницы должна была пробираться берегомъ моря; остальныя войска поручено было вѣрному Цецинѣ вести кратчайшими путями прямо къ Рейну, съ приказаніемъ переправиться чрезъ Эмсъ близъ урочища «Длинные мосты».

Германцы недолго оставались въ нерѣшимости. Отступленіе Римлянъ внушило имъ увѣренность въ побѣдѣ. Не теряя болѣе времени, Арминій началъ преслѣдованіе. Войска, ввѣренныя Цецинѣ, казались ему самою вѣрною добычею: противъ нихъ обратилъ онъ всѣ свои усилія. Цецина посѣдѣлъ въ походахъ, видѣлъ въ своей военной жизни много невзгодъ и превратностей, но никогда еще положеніе его не было такъ затруднительно. Онъ долженъ былъ безостановочно подвигаться впередъ и въ то же время исправлять обветшавшій мостъ, переводить черезъ него войско и отбиваться отъ непріятеля, который шелъ по пятамъ его, тѣснилъ его со всѣхъ сторонъ. По обѣимъ сторонамъ узкаго пути, которымъ проходилъ Цецина, лежали обширныя топи; примыкавшіе къ нимъ наклонные лѣса были наполнены германскими воинами, которые далеко обошли Римлянъ и каждую минуту готовы были заслонить имъ дорогу. Пока наводили мостъ, Цецина нашелся принужденнымъ стать у рѣки лагеремъ, сколько можно укрѣпиться въ немъ и выдерживать оттуда натискъ непріятеля. Въ одно и то же время производились работы и продолжалось сраженіе; клики сражающихся и работающихъ мѣшались между собою. Легко вооруженный и привыкшій дѣйствовать на скользкой тинистой почвѣ, Германецъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ выгоды. Наступившая темнота нѣсколько остановила успѣхи варваровъ, но они нашли другое средство вредить Римлянамъ — свели всю воду, стекавшую съ окрестныхъ возвышеній, къ той низменности, на которой римскій легатъ расположился лагеремъ, и затопили произведенныя работы. Надобно было запереть легіонами выходы изъ боковыхъ воротъ, чтобы дать возможность хотя тяжелому войску и раненымъ переправиться на другую сторону рѣки. Ночь прошла въ страшномъ безпокойствѣ. Въ то время, какъ Германцы веселыми кликами и пѣснями оглашали всю окрестность, Римляне, какъ тѣни, бродили среди своего лагеря, едва освѣщеннаго тусклыми огнями. Зловѣщій сонъ смутилъ самого вождя среди кратковременнаго покоя. Казалось ему, будто онъ видѣлъ Квинтилія Вара, какъ онъ поднялся изъ болота, весь облитый кровью, и звалъ его къ себѣ. Цецина ясно слышалъ зовъ Вара, но не послушался и даже от-

толкнулъ его руку, когда онъ протянулъ ее легату. Разсвѣтъ слѣдующаго дня немного принесъ утѣшенія. Легіоны, выдвинутые наканунѣ къ лѣсамъ, неизвѣстно почему, оставили свои мѣста. Арминій только того и ждалъ, чтобы возобновить нападеніе. Оно было такъ стремительно, что даже Цецина былъ сброшенъ съ коня и только твердость перваго легіона спасла его отъ плѣна. Лишь къ вечеру, и то съ большими усиліями, выбрались легіоны на открытое мѣсто, гдѣ почва не разступалась болѣе подъ ногами. Здѣсь они снова хотѣли укрѣпиться, но не нашлось достаточно орудій, чтобы, какъ слѣдуетъ, сдѣлать насыпь и обвести валъ около стана. Притомъ не было ни ставокъ для рядовыхъ, ни перевязокъ для раненыхъ: все это осталось въ рукахъ непріятеля. Каждый кусокъ, который приходилось дѣлить для утоленія голода, былъ покрытъ грязью или, что еще хуже, кровью. Распространившійся мракъ ночи на всѣхъ навелъ нѣмой ужасъ: никто послѣ того не чаялъ себѣ и полнаго дня жизни. Вдругъ разнузданный конь, сорвавшись съ привязи, промчался по лагерю. Этого случая было достаточно, чтобы распространить между Римлянами всеобщую тревогу. Напуганному воображенію тотчасъ представилась мысль о новомъ нападеніи со стороны Германцевъ. Паническій страхъ овладѣлъ войскомъ, прежде нежели могло быть сдѣлано какое-нибудь предостереженіе. Всѣ, кто только могъ, въ одно мгновеніе устремились впередъ, ища себѣ выхода изъ лагеря въ противоположномъ направленіи отъ воображаемой опасности: только въ бѣгствѣ каждый думалъ найти свое спасеніе. Напрасны были всѣ усилія вождя—то угрозами, то просьбами остановить бѣгущихъ. Тогда, въ полномъ отчаяніи, Цецина легъ поперегъ самаго выхода, чтобы тамъ, гдѣ больше не дѣйствовали ни авторитетъ, ни увѣщанія, хотя собственнымъ тѣломъ заградить дорогу оробѣвшему войску. Это подѣйствовало. Принужденные шагать черезъ тѣло своего вождя, чтобы выдти изъ лагеря, бѣглецы опомнились. Стыдъ восполнилъ имъ на этотъ разъ недостатокъ мужества. Между тѣмъ центуріоны успѣли убѣдиться, что опасность была только мнимая, и спокойствіе въ лагерѣ было скоро возстановлено.

Послѣдовавшее затѣмъ дѣйствительное нападеніе Германцевъ Римляне выдержали уже изъ своего лагеря. Ободренные словами своего вождя, они стояли твердо и успѣли отбить натискъ варваровъ. Послѣ того имъ оставалось только перейти Рейнъ, чтобы быть въ совершенной безопасности. Но здѣсь-то и предстояло имъ самое сильное испытаніе. Въ то время, какъ они уже были такъ близко къ своей цѣли, одно обстоятельство едва не лишило ихъ вовсе возможности ея достиженія. Лѣвый берегъ Рейна, гдѣ отрядъ Цецины надѣялся найти себѣ вѣрное убѣжище и успокоиться послѣ всѣхъ трудовъ и лишеній, готовился по-своему къ его пріему. Тамъ уже распространилась молва о пораженіи Римлянъ и всѣ съ ужасомъ ожидали вторженія, по ихъ слѣдамъ, Германцевъ въ Галлію. Робость и малодушіе заразительны. Чтобы только отвратить отъ себя бѣду варварскаго нашествія, жители лѣваго берега, въ томъ числѣ самыя войска, готовы уже были разрушить мостъ на рѣкѣ и не допустить даже своихъ до переправы черезъ нее. Этою мѣрою отрядъ Цецины обрекался на совершенную гибель. Изнуренное труднымъ, усиленнымъ походомъ, истощивъ всѣ припасы и упавъ духомъ, зарейнское войско не могло долго выдерживать нападеній Германцевъ, которые были у него, такъ-сказать, на плечахъ, и такъ или иначе должно было сдѣлаться ихъ жертвою, если бы не нашло свободнаго перехода на другую сторону. И безъ того духъ римскаго войска все еще былъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ погибели Варовыхъ легіоновъ: что же было бы, когда бы это несчастіе повторилось еще разъ надъ отрядомъ Цецины? Губительная мѣра, которая должна была разорвать всякое сообщеніе праваго берега съ лѣвымъ въ самомъ важномъ пунктѣ, казалось, была неотвратима. Германикъ еще не возвратился, и безъ него никто не имѣлъ довольно духа, чтобы воспротивить-

ся подобному распоряженію. По счастію, Агриппина оставалась съ войсками на лѣвомъ берегу Рейна. Чуждая всякихъ ложныхъ притязаній, скромная до безвѣстности, пока дѣло не касалось ея лично, она въ случаѣ нужды способна была принять на себя самую трудную роль по обстоятельствамъ времени и иногда даже замѣнить собою своего мужа. На этотъ разъ Цецина и его войско, почти уже обреченные гибели, ей одолжены были своимъ спасеніемъ. Воспринявъ на себя, за отсутствіемъ Германика, всю власть вождя, Агриппина вмѣстѣ съ тѣмъ взяла на себя и всю его отвѣтственность и, вопреки общему мнѣнію, рѣшительно воспретила разрушеніе моста. По словамъ Плинія, которыя находимъ у Тацита, она стояла при входѣ на мостъ и сама принимала возвращавшіеся легіоны, свидѣтельствуя имъ свою признательность, восхваляя ихъ подвиги, раздавая однимъ одежду, другимъ перевязки на раны. Въ послѣдствіи самъ Тиберій, узнавши о поступкѣ Агриппины и давая ему ложный толкъ, говорилъ, что полководцамъ больше ничего не остается дѣлать, когда женщина беретъ на себя ихъ обязанности.

Кудрявцевъ.

35. Іоаннъ Грозный.

Въ то время, какъ одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими, очень не лестными именами, другіе хотѣли отнять у него всякое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противоположныя мнѣнія проистекли изъ обычнаго стремленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ; умъ человѣческій не любитъ живаго многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатковъ въ предметѣ любимомъ и достоинствъ въ предметѣ, возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лице добромъ — и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить ни одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ: если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются, во что бы то ни стало, оправдать своего героя; и на оборотъ, въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признать никакого достоинства.

Такъ случилось и съ Іоанномъ IV: явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо при ихъ совершеніи царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ— Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, по видимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной; такое стремленіе, въ глазахъ Іоанна, есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестію его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренности — самовольство, самоуправство; говоритъ, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностію. Вотъ эти знаменитыя мѣста: «Вы ль растлѣнные или я, что я хотѣлъ вами владѣть, а вы не хотѣли подъ моею властію быть, и я за то на васъ гнѣвался?

Больше вы растлѣнны, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послу-

шины, но и мною владѣли, и всю власть съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничего не владѣлъ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею увerткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: «Ты говоришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ дальнихъ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь; но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то за чѣмъ же такъ дѣлали? Если же дѣлали, то за чѣмъ, своею властію сдѣлавши, на насъ вину вскладываете?» Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринятъ не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: «Когда мы съ крестоносною хоругвію всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ казанскій, и получивъ, неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ, побѣду, возвращались домой; то какое доброхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю». Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ: «когда мы двинулись»; потомъ Іоаннъ говоритъ ясно, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: «Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинскаго съ товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? такъ ли покоряются прегордыя царства? Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ,— и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было больше пятнадцати тысячъ, по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты: когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благопріятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль, и о побѣдѣ мало заботились: побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться. Для этого своего возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ много было пролитія христіанской крови. На приступѣ, еслибъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во время». Какъ согласить эти слова: «я посылалъ, еслибъ я васъ не удержалъ», съ словами: «вы государились, а я ничѣмъ не владѣлъ?» Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ: они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т. е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Каза-

ни, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь «совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта шурей своихъ». Слѣдовательно Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда, въ 1555 году, царь выступилъ противъ крымскаго хана и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ Татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться; но храбрые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить Татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т. е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что, когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра и къ митрополиту и къ царю. Это — посланіе Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина: «государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи, и всему освященному собору, Благовѣщенскій попъ Селиверстишко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ, государю, Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ: государь святый митрополитъ! священникъ Семенъ про Матюшку мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутрени: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина; Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали жъ. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ, и самъ толкуетъ, только не по существу, развратно: и мы то государю сказали жъ. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ, чтобъ онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣтилъ; но тогда царь и государь скоро въ Коломну поѣхалъ и то дѣло позалеглось. А про Артемья, бывшаго троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: но до троицкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избирали къ Троицѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго нрава и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его Порфирій приходилъ къ благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семенъ мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія къ себѣ, дважды, трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ духовной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и благоразсуднымъ смысломъ, ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать». Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ. Когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы — дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя

ему одно имя царя! Всего страннѣе предполагать, чтобъ человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля шведскаго и особенно относительно Баторія: непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся мы и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искуственныхъ укрѣпленій и сдерживаній, и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому, противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые, по степени образованія своего, болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV-го, мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III-го, потомокъ Всеволода III-го; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его въ началѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣпился въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаніемъ, что походъ предпринятъ для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ, но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ: сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена, такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III, самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ. Таковы были всѣ эти московскіе или вообще сѣверные князья-хозяева, собиратели земли.

Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставлять Іоанна героемъ въ началѣ его поприща и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ: то болѣе чѣмъ странно желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна; болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями? Можно ли оправдать человѣка нравственною слабостію, неумѣньемъ устоять противъ искушеній, неумѣньемъ совладѣть съ порочными наклонностями своей природы? Безпорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь; но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ падшимъ въ борьбѣ, но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства къ защитѣ: въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими

страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: «я знаю, что я золъ», говорилъ онъ; но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему. Мы не можемъ не уступить ему большихъ дарованій и большой, возможной въ то время начитанности; но эти дарованія, эта начитанность не оправданіе, а обвиненіе ему. Его жестокости хотятъ оправдать суровостію нравовъ времени: дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; мы видѣли, что борьба между старымъ и новымъ шла уже давно и давно уже она приняла такой характеръ, который не могъ содѣйствовать умягченію нравовъ, не могъ пріучить къ осторожному обхожденію съ жизнію и честію человѣка; дѣйствительно, жестокость нравовъ выражается и въ письменныхъ памятникахъ того времени: требуя установленія наряда, прекращенія злоупотребленій, указывали на жестокія средства, какъ на единственно способныя прекратить зло. Такъ, напримѣръ, въ очень распространенномъ въ древности сказаніи Ивана Пересвѣтова «о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣлъ сожещи книги греческія», строгій судъ и жестокія казни султана прославляются какъ достойныя подражанія: «Магметъ султанъ учалъ говорити: аще не такою грозою великій народъ угрозити, ино и правду въ землю не ввести». Но возможность найти оправданіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе для историческаго лица; да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на русское общество XVI вѣка: оно было основано на другомъ началѣ, чѣмъ то общество, которымъ управлялъ Магметъ султанъ; оно было способно выставить человѣка, который указалъ Іоанну требованія этого основнаго начала; русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основнаго начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторіею, въ слѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филиппoвыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво; но онъ не сознаnъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ; надобно было отучать отъ этого: но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не сознаnъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда, или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами, и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слово оправданія такому человѣку: онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій: своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами,—выросъ Грозный.

С. Соловьевъ.

36. Суворовъ.

Чтобы постигнуть личность столь оригинальную и своеобразную, необходимо прослѣдить, какъ постепенно развился этотъ необыкновенный характеръ. Съ са-

маго малолѣтства и во всю жизнь Суворовъ шелъ своимъ особымъ путемъ, не тѣмъ, который былъ обычною колеею большинства. Онъ не былъ съ колыбели записанъ въ полкъ, какъ большая часть баричей того времени; казалось даже, онъ и не рожденъ былъ для военнаго поприща: малорослый, сухощавый, онъ былъ ребенкомъ слабаго сложенія. Отецъ его, хотя самъ заслуженный генералъ, предназначалъ своего сына къ службѣ гражданской, и потому заставлялъ его съ малолѣтства учиться языкамъ и наукамъ. Юноша показывалъ и охоту къ ученію, и способности. Онъ былъ ума бойкаго, живаго, и равно обнаруживалась въ немъ необыкновенная твердость характера. Попадавшіяся ему книги прочитывалъ онъ съ жадностію; особенно же пристрастился къ Плутарху и Корнелію Непоту: такое чтеніе настроило душу его къ высокимъ помысламъ, вселило въ нее честолюбіе и любовь ко славѣ. Десятилѣтній Суворовъ мечталъ уже, какъ бы сдѣлаться великимъ мужемъ. Изъ всѣхъ родовъ славы, болѣе всѣхъ плѣнила его слава воинская: и вотъ онъ принялся читать усердно походы Александра Македонскаго, Цезаря, Карла XII; началъ изучать фортификацію по какимъ-то старымъ отцовскимъ книгамъ; во что бы ни стало, захотѣлъ онъ быть воиномъ. Родитель его, послѣ многихъ возраженій, уступилъ явной наклонности сына и на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ записалъ его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ (семеновскій). Вскорѣ затѣмъ, на пятнадцатомъ году, Суворовъ поступилъ въ тотъ же полкъ уже на дѣйствительную службу рядовымъ и девять лѣтъ несъ солдатскую лямку, постепенно проходя всѣ низшія званія: капрала, унтеръ-офицера и сержанта. Только въ 1754 г., на двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, Суворовъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, поручикомъ въ армію: въ эти лѣта многіе изъ его сверстниковъ были уже генералами или по-крайней-мѣрѣ полковниками.

Такое начало служебнаго поприща имѣло весьма важное значеніе въ жизни Суворова. Проживъ долго вмѣстѣ съ солдатами, онъ совершенно сроднился съ ихъ бытомъ, съ ихъ привычками, съ ихъ языкомъ. Всѣмъ извѣстно, что Суворовъ и въ высшихъ чинахъ велъ жизнь спартанскую: не иначе спалъ, какъ на соломѣ или на сѣнѣ; вставалъ съ зарею; довольствовался пищею самою простою; одѣвался весьма легко, даже зимою; ненавидѣлъ всякую роскошь; избѣгалъ званыхъ обѣдовъ, пировъ; изгонялъ все, что только могло нѣжить тѣло и размягчать душу. Придворную жизнь, общество женщинъ, городскія увеселенія считалъ онъ вредными для воина. Настоящая сфера его была въ лагерѣ, на бивакѣ, въ походѣ. Пріучившись съ молодыхъ лѣтъ къ такому строгому образу жизни, Суворовъ, можно сказать, передѣлалъ даже натуру свою: здоровье его укрѣпилось; съ виду щедушный и слабый, онъ однако же выносилъ лучше другихъ и утомленіе, и непогоду, и лишенія всякаго рода.

Конечно, не безъ умысла Суворовъ старался во внѣшней своей жизни примѣняться къ солдатскому быту. Но какъ ошибались тѣ, которые почитали его въ самомъ дѣлѣ простымъ, невѣжественнымъ солдатомъ, одареннымъ только какимъ-то инстинктомъ военнымъ! Суворовъ получилъ еще въ родительскомъ домѣ такое приготовительное образованіе, какого не получали обыкновенно военные люди того времени. Тогда существовало еще въ полной силѣ то повѣрье, что для военной службы учиться не нужно, ибо невѣжество не считалось недостаткомъ. Суворовъ, напротивъ того, вынесъ изъ дома родительскаго уваженіе къ наукѣ и жажду знанія; не успѣвъ кончить начатое воспитаніе, онъ дополнялъ его въ послѣдствіи самоучкою. Уже въ чинѣ офицерскомъ, въ свободное отъ службы время, вмѣсто обыкновенныхъ развлеченій праздной молодости, запирался онъ въ свою комнату, прилежно учился и много читалъ. Этой любви къ наукѣ Суворовъ не измѣнилъ во всю жизнь свою и точно также, какъ во дни юности, благоговѣлъ всегда предъ великими историческими именами, которыя поставилъ себѣ

въ идеалъ. Можно даже сказать, что военный геній Суворова, не смотря на всю оригинальность свою, выработался подъ вліяніемъ классическихъ впечатлѣній.

Занятія умственныя, конечно, не мѣшали Суворову съ первыхъ лѣтъ службы обратить на себя вниманіе начальниковъ примѣрнымъ усердіемъ и точностію въ исполненіи своихъ обязанностей: какъ прежде былъ онъ солдатомъ самымъ исправнымъ въ полку, такъ потомъ и офицеромъ самымъ ревностнымъ; онъ считался, какъ говорится, «служакою». Одаренный отъ природы необыкновенною энергіею и силою воли, Суворовъ принимался за все съ жаромъ, съ любовью, и ничего не дѣлалъ на половину. Службѣ предался онъ вполнѣ, всею душею, и строгое выполненіе обязанностей своихъ доводилъ до педантизма. Поэтому на него преимущественно возлагались служебныя порученія, требовавшія распорядительности и точности. Еще сержантомъ былъ онъ посыланъ за границу, съ депешами въ Варшаву и Берлинъ. Спустя два года по производствѣ въ офицеры (1756), онъ состоялъ оберъ-провіантмейстеромъ, потомъ генералъ аудиторъ - лейтенантомъ; за тѣмъ, въ 1758 г., когда русскія войска выступили въ походъ въ Пруссію, Суворовъ, въ чинѣ премьеръ-маіора, формировалъ третьи баталіоны въ Лифляндіи и Курляндіи и былъ комендантомъ въ Мемелѣ. Выпросивъ дозволеніе отправиться въ дѣйствующую армію, онъ былъ немедленно же назначенъ въ должность генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго при генералѣ Ферморѣ. Первые опыты Суворова собственно на боевомъ поприщѣ были при занятіи Кроссена и въ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ. Въ послѣднія кампаніи семилѣтней войны онъ состоялъ въ отрядѣ генерала Берга и командовалъ самъ отдѣльными легкими отрядами. Генералъ Бергъ отозвался о подполковникѣ Суворовѣ, какъ объ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, «быстромъ при рекогносцировкѣ, отважномъ въ битвѣ и хладнокровномъ въ опасности». Въ этихъ партизанскихъ наѣздахъ впервые обнаружились и, быть можетъ, зародились тѣ свойства Суворова, которыя въ послѣдствіи составляли главныя отличительныя черты всѣхъ его военныхъ дѣйствій: предпріимчивость, энергія, рѣшимость, находчивость.

Присланный въ 1762 г. изъ Пруссіи въ Петербургъ съ донесеніями къ императрицѣ, Суворовъ тутъ въ первый разъ имѣлъ случай представиться Екатеринѣ Великой. Тогда же онъ произведенъ былъ въ полковники, въ астраханскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Новой Ладогѣ, и командовалъ имъ въ продолженіи шести лѣтъ. Онъ бывалъ съ полкомъ въ столицѣ для занятія карауловъ, участвовалъ въ учебномъ лагерѣ и маневрахъ подъ Царскимъ Селомъ и такимъ образомъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ, какъ отличный и умный полковой командиръ. Но Суворову не довольно было репутаціи исправнаго штабъ-офицера: съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ немъ кипѣло пламенное честолюбіе; во что бы ни стало, хотѣлъ онъ достигнуть славы и знаменитости и давно придумывалъ средства къ тому. Наконецъ одно случайное обстоятельство, какъ говорятъ, навело его на мысль: разъ императрица Екатерина въ разговорѣ выразилась, что всѣ великіе люди имѣли въ себѣ что-нибудь особенное, чѣмъ отличались отъ людей обыкновенныхъ. Замѣчаніе это запало глубоко въ умѣ Суворова: онъ заключилъ, что одни достоинства и заслуги не могутъ проложить пути къ извѣстности; что надобно прежде всего дать замѣтить себя чѣмъ-нибудь особеннымъ, отдѣлиться отъ большинства людей; однимъ словомъ, что надобно сдѣлаться оригинальнымъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно всего вѣроподобнѣе объяснить начало тѣхъ странностей, которыми, дѣйствительно, Суворовъ успѣлъ скоро обратить на себя общее вниманіе; начавъ съ легкихъ шутокъ, приговорокъ, мало по малу сдѣлался онъ вполнѣ чудакомъ: и въ разговорѣ, и въ письмѣ, и въ походкѣ, и въ самой службѣ. От-

бросивъ общепринятыя внѣшнія формы приличія, Суворовъ ничего не дѣлалъ какъ другіе люди: говорилъ отрывисто, какими-то загадочными фразами, употреблялъ свои особыя выраженія, кривлялся, дѣлалъ разныя ужимки, ходилъ припрыгивая. Примѣняясь къ солдатскому быту, онъ довелъ до крайности свой спартанскій образъ жизни: вставая съ зарею, бѣгалъ по лагерю въ рубашкѣ, кричалъ пѣтухомъ, обѣдалъ въ восемь часовъ утра; притворялся, будто не можетъ выносить зеркалъ, боясь увидѣть въ нихъ самого себя. Въ одеждѣ своей Суворовъ также не соблюдалъ общей формы; часто въ лѣтній жаръ являлся даже передъ войсками вовсе безъ мундира, только въ рубашкѣ и холщевомъ нижнемъ платьѣ; иногда же носилъ бѣлый китель съ краснымъ воротникомъ. Головной уборъ его состоялъ обыкновенно изъ маленькой каски съ чернымъ перомъ. Въ зимнее время, въ самые холодные дни имѣлъ онъ только лѣтній плащъ, который слылъ подъ названіемъ родительскаго; шубы никогда не носилъ, даже въ глубокой старости. Командуя полкомъ, онъ самъ училъ кантонистовъ ариѳметикѣ, сочинялъ для нихъ учебники, въ церкви пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостолъ.

Въ обращеніи съ подчиненными Суворовъ создалъ себѣ совершенно свою особую систему: строгій къ каждому въ исполненіи обязанностей служебныхъ, онъ въ то же время не боялся сближаться съ солдатами, шутилъ съ ними, забавляя ихъ своими прибаутками. Говоря съ подчиненными, требовалъ отъ нихъ находчивости и смѣлости, отвѣтовъ быстрыхъ и точныхъ; слово «не знаю» было строго запрещено. Вдругъ обращался онъ къ солдату или офицеру съ какимъ-нибудь страннымъ, нелѣпымъ вопросомъ, и немедленно же надобно было отвѣчать ему, хотя бы такою же нелѣпостію: кто отвѣтитъ остро, умно, тотъ молодецъ, разумникъ; кто смутится, замнется, тотъ «немогузнайка». Обыкновенныя фразы вѣжливости, приличія, отвѣты неопредѣленные, уклончивые преслѣдовалъ онъ особыми своими терминами: «лживка, лукавка, вѣжливка», и проч.

Даже въ обученіи своего полка Суворовъ позволялъ себѣ разныя странности: вдругъ соберетъ его ночью, по тревогѣ, и поведетъ въ походъ; водитъ нѣсколько дней сряду; переходитъ чрезъ рѣки въ бродъ и вплавь; держитъ войска въ строю на морозѣ или въ сильный жаръ. Разъ, проходя мимо какого-то монастыря, въ окрестностяхъ Новой Ладоги, вдругъ велѣлъ онъ полку своему атаковать эту мирную обитель и штурмовалъ стѣны по всѣмъ правиламъ. На Суворова жаловались за эти проказы, но все прощалось чудаку.

Дѣйствительно, Суворовъ своими странностями вполнѣ достигъ предположенной цѣли: о немъ, разумѣется, начали говорить въ Петербургѣ; безчисленные анекдоты о его продѣлкахъ дошли до самой императрицы. Государыня, зная уже Суворова какъ умнаго человѣка и отличнаго полковаго командира, милостиво улыбнулась, слыша о его проказахъ. Проницательный взглядъ Екатерины умѣлъ открыть въ Суворовѣ истинныя достоинства подъ комическою маскою, которую онъ на себя надѣлъ. Всякаго другаго подобная маска сдѣлала бы смѣшнымъ шутомъ: Суворовъ, напротивъ того, умѣлъ заслужить общее уваженіе и въ особенности солдатамъ внушилъ неограниченную къ себѣ любовь; они звали его не иначе, какъ отцомъ роднымъ. Всѣ подчиненные, которымъ случалось быть въ близкихъ отношеніяхъ къ Суворову, дѣлались почти фанатическими приверженцами его. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ Суворова, въ его рѣчахъ, даже въ его шуткахъ и проказахъ, подъ самою странною оболочкою всегда просвѣчивалъ особый оригинальный умъ: здравый, прямой, но вмѣстѣ съ тѣмъ иронической, даже съ примѣсью нѣкоторой своего рода хитрости,—тотъ именно родъ ума, который такъ свойственъ русскому чело-

вѣку. И въ самомъ дѣлѣ, Суворовъ по природѣ былъ, можно сказать, типомъ человѣка русскаго: въ немъ выразились самыми яркими красками всѣ отличительныя свойства нашей національности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во внѣшней своей жизни старался онъ систематически подражать пріемамъ русскаго простолюдина и солдата: онъ строго соблюдалъ всѣ ихъ привычки и обычаи, умѣлъ превосходно поддѣлываться подъ солдатскій языкъ, примѣняться къ ихъ образу мыслей. Будучи христіаниномъ въ душѣ, Суворовъ исполнялъ и въ наружности всѣ церковные обряды, держалъ въ точности посты, крестился, проходя мимо церкви, клалъ земные поклоны предъ иконами. Однимъ словомъ, всѣ дѣйствія его проникнуты были русскимъ духомъ. Вотъ почему именно самыя странности и причуды его возбуждали такое сочувствіе въ русскихъ солдатахъ, и даже обратились въ послѣдствіи въ народную легенду. Въ этомъ же заключается и вся тайна того дивнаго нравственнаго вліянія, которое Суворовъ имѣлъ на войска.

Странности и шутки Суворова имѣли еще и другое значеніе. Получивъ самое простое воспитаніе, проведши юность въ казармахъ, вмѣстѣ съ солдатами, онъ неизбѣжно чувствовалъ бы себя въ неловкомъ положеніи, находясь въ высшемъ кругу столицы или среди пышнаго двора Екатерины: сколько ударовъ пришлось бы вытерпѣть его самолюбію и гордости! Вмѣсто того, онъ поставилъ себя на такую ногу, что подъ кровомъ шутки или поговорки высказывалъ всѣмъ, даже надменнымъ вельможамъ, такія злыя истины, которыхъ не перенесли бы они отъ другаго. Въ особенности бичевалъ онъ своими сарказмами низость и угодливость, мелкое тщеславіе, высокомѣріе, чванливость, барскую спѣсь. Правда, онъ нажилъ тѣмъ много враговъ; но что ему было до того, когда императрица благоволила и покровительствовала? Рѣшившись надѣть на себя маску, Суворовъ не могъ уже потомъ сбросить ее и продолжалъ во всю жизнь разыгрывать странную роль; онъ выдерживалъ ее такъ вѣрно, что въ послѣдствіи даже трудно было отличить въ немъ искуственную личину отъ природной своеобразности характера.

Впрочемъ должно замѣтить, что въ послѣдствіи, достигнувъ высшихъ чиновъ, Суворовъ умѣлъ вполнѣ, когда было нужно, измѣнять свое обычное поведеніе: въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, при торжествахъ, церковныхъ обрядахъ, также въ разговорахъ съ иностранными дипломатами и генералами, онъ совершенно отбрасывалъ свои странности, принималъ видъ серьезный; говорилъ дѣльно, сохраняя всѣ наружныя приличія; удивлялъ часто ясностію своихъ сужденій и вѣрностію взгляда. Въ немъ были какъ-будто двѣ натуры: въ кабинетѣ за дѣлами слушалъ онъ внимательно доклады, полагалъ резолюціи, отдавалъ приказанія, не позволялъ себѣ никакихъ шутокъ; но лишь только дѣла были кончены, вдругъ превращался совсѣмъ въ инаго человѣка: вспрыгивалъ быстро со стула, вскрикивалъ «кушъ», «кушъ», и тогда начиналъ по обыкновенію шутить и дѣлать всякія проказы. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ, хоть, можетъ быть, и вымышленный, о томъ, какъ Потемкинъ, видѣвшій всегда Суворова такимъ страннымъ чудакомъ и долго недовѣрявшій ни уму его, ни дарованіямъ, долженъ былъ наконецъ перемѣнить свое убѣжденіе. Разсказываютъ, будто бы императрица Екатерина, умѣвшая лучше оцѣнить истинныя достоинства Суворова, призвала его однажды въ свой кабинетъ и завела съ нимъ разговоръ о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, между тѣмъ какъ Потемкинъ спрятанъ былъ за ширмами: услышавъ основательныя, глубокомысленныя сужденія Суворова, Потемкинъ не могъ удержать своего изумленія, вышелъ изъ-за ширмъ и сказалъ съ нѣкоторымъ упрекомъ: «какъ худо зналъ я васъ до сихъ поръ, Александръ Васильевичъ; отчего же вы не всегда такъ говорите,

какъ теперь?» Но Суворовъ въ то же мгновеніе перемѣнился, началъ опять шутить и съ обычными своими ужимками отвѣчалъ сильному временщику: «этотъ языкъ берегу я только для одной матушки-царицы».

Д. Милютинъ.

37. Царевна Софія.

Никакой монастырь не могъ быть скромнѣе и благочестивѣе царскихъ теремовъ, гдѣ, въ глубокомъ уединеніи, частію въ молитвѣ и постѣ, частію въ занятіяхъ рукодѣліемъ и въ невинныхъ забавахъ съ сѣнными дѣвушками, проводили дни благовѣрныя царевны, дочери Михаила и Алексѣя. Никогда посторонній взоръ не проникалъ въ ихъ хоромы: только патріархъ и ближніе сродники царицы могли имѣть къ нимъ доступъ. Самые врачи приглашались развѣ въ случаѣ тяжкаго недуга и не должны были видѣть лица больной царевны. Въ церковь онѣ выходили скрытыми переходами и становились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ были никѣмъ незримы. Если же отправлялись въ святыя обители, внѣ дворца, для молитвы, или въ окрестныя дворцовыя села, что случалось, впрочемъ, рѣдко, то выѣзжали въ колымагахъ и рыдванахъ, отовсюду закрытыхъ, съ завѣшенными тафтою стеклами. Не было при дворѣ ни одного праздника или торжества, на которые являлись бы царевны. Только погребеніе отца или матери вызывало ихъ изъ терема: онѣ шли за гробомъ въ непроницаемыхъ покрывалахъ. Народъ зналъ ихъ единственно по имени, возглашаемому въ церквахъ при многолѣтіи царскому дому, также по щедрымъ милостынямъ, которыя онѣ приказывали раздавать нищимъ. Ни одна изъ нихъ не испытала радостей любви, и всѣ онѣ умирали безбрачными, большею частію въ лѣтахъ преклонныхъ. Выходить царевнамъ за подданныхъ запрещалъ обычай; выдавать ихъ за принцевъ иноземныхъ мѣшали многія обстоятельства, въ особенности различіе вѣроисповѣданія, и послѣ неудачнаго сватовства Вольдемара, графа шлезвигъ-голштейнскаго, на Иринѣ Михаиловнѣ, которой онъ, впрочемъ, и не видалъ, проживъ въ Москвѣ полтора года, не было болѣе предложеній отъ жениховъ иноземныхъ. Такимъ образомъ отшельницы міра, съ самаго младенчества недоступныя никакимъ надеждамъ или желаніямъ, выходившимъ изъ круга жизни повседневной, нисколько незнакомыя съ дѣлами государственными и вовсе неспособныя давать имъ какое-либо направленіе, царевны никогда, ни въ какомъ случаѣ не являлись на поприщѣ политическомъ, и менѣе всего можно было ожидать бури изъ ихъ тихаго терема. Вышло иначе.

Послѣ Ѳеодора въ царскомъ семействѣ осталось девять царевенъ: двѣ дочери царя Михаила—Анна и Татьяна, и семь дочерей царя Алексѣя, въ томъ числѣ шесть отъ перваго брака: Евдокія, Марѳа, Софія, Екатерина, Марія, Ѳеодосія, и одна отъ втораго брака, Наталія. Анна и Татьяна Михайловны достигали уже лѣтъ преклонныхъ (первой было за 50, второй за 45) и думали только о спасеніи души: старшая, дѣйствительно, вскорѣ постриглась и скончалась инокинею, подъ именемъ Анфисы. Изъ дочерей царя Алексѣя отъ перваго брака, однѣ уже увядали, другія были въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и во всемъ блескѣ юности; но давно сироты безъ отца, безъ матери, строгимъ обычаемъ осужденныя на жизнь затворницъ, онѣ могли знать о другой, лучшей жизни, украшенной радостями любви, только по сказкамъ своихъ нянюшекъ, могли иногда робко мечтать о прекрасныхъ царевичахъ, между тѣмъ, имѣя предъ глазами примѣръ тетокъ и сестеръ живыхъ и усопшихъ, едва ли надѣялись на иную участь и безропотно покорялись судьбѣ, за исключеніемъ, однакожъ одной, царевны Софіи Алексѣевны.

Вопреки общему мнѣнію, некрасавица собой, нестройная станомъ отъ излишней тучности, съ лицомъ суровымъ, она

казалась нѣсколькими годами старѣе, чѣмъ была дѣйствительно, и въ 25 лѣтъ смотрѣла пожилою женщиною. Грудь ея пылала властолюбіемъ и сладострастіемъ; въ головѣ таились отважные замыслы; ей душно было въ скромномъ теремѣ: ее плѣняла завидная участь принцессъ, жившихъ на свободѣ, располагавшихъ судьбою царствъ, и героинею ея воображенія была греческая царевна Пульхерія, которая, какъ гласили ей хронографы, взявши власть изъ слабыхъ рукъ брата своего, Ѳеодосія, такъ долго и славно царствовала въ Византіи. Софія захотѣла быть русскою Пульхеріею.

Бойкая на словахъ, хитрая, вкрадчивая, съ смиреннымъ благочестіемъ на лицѣ, съ неукротимыми страстями въ сердцѣ, она умѣла болѣе всѣхъ сестеръ своихъ заслужить любовь и довѣренность Ѳеодора, ежедневно бывала у него въ Верху, не отходила отъ скорбнаго одра, когда братъ страдалъ недугами, сама подавала ему лекарства и утѣшала его сладкими рѣчами. Тамъ она сблизилась съ первыми, наиболѣе сильными вельможами, любимцами царя: съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, съ бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ, бесѣдовала съ ними о дѣлахъ, удивляла ихъ и умомъ и твердостію души и, по всей вѣроятности, не мало участвовала въ послѣднихъ государственныхъ распоряженіяхъ Ѳеодора. Тѣмъ прочнѣе, тѣмъ крѣпче надѣялась она утвердить свое вліяніе по кончинѣ его, когда, по всѣмъ расчетамъ, долженъ былъ вступить на престолъ единоутробный братъ ея, Іоаннъ, и тѣмъ горестнѣе, тѣмъ досаднѣе было для нея воцареніе Петра, устранявшее ее отъ всякаго участія въ дѣлахъ государственныхъ. Съ растерзанною душей появилась она въ Архангельскомъ соборѣ въ день погребенія Ѳеодора и успѣла обратить на себя общее вниманіе Москвы: не было ни одной сестры ея въ церкви; ей самой не назначили мѣста въ торжественной процессіи; она рѣшилась придти безъ зова. Мало того: когда, по внесеніи гроба въ соборъ, царица Наталія Кирилловна, отдавъ послѣднее лобзаніе усопшему, возвратилась вмѣстѣ съ сыномъ въ царскія палаты, Софія осталась до конца печальнаго обряда. Народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на благочестивую любовь сестры, вовсе не подозрѣвая, что въ эти священныя минуты, предъ алтаремъ Всевышняго, она, быть можетъ, не столько молилась о упокоеніи души усопшаго брата, сколько обдумывала планъ, какимъ бы образомъ вырвать кормило правленія изъ рукъ ненавистной мачихи.

Устряловъ.

38. Паденіе и кончина Меншикова.

Не во дворецъ, гдѣ на парадномъ одрѣ лежало бездыханное тѣло супруги Петра Великаго, но въ чертоги Меншикова спѣшили явиться царедворцы и вельможи, военные и духовные чиновники, мая 7-го 1727 года. Меншикову не спалось. Онъ всталъ въ пять часовъ утра, надѣлъ свой великолѣпный мундиръ, всѣ ордена и безпокойно смотрѣлъ на съѣздъ поклонниковъ въ его переднюю. Явясь среди нихъ, какъ верховный властитель, онъ велѣлъ имъ ѣхать во дворецъ и тамъ ожидать его прибытія. Въ дворцовой залѣ собрались: герцогъ голштинскій, супруга его, великія княжны Елисавета и Наталія, женихъ Елисаветы епископъ любскій, канцлеръ Головкинъ, адмиралъ Апраксинъ, Д. М. Голицынъ, Остерманъ, Сапѣга, Минихъ, А. Г. Долгорукій, Юсуповъ, С. А. Салтыковъ, три архіепископа, невскій архимандритъ и 24 военные и гражданскіе чиновники. Дворецъ окружали гвардія и народъ, сошедшійся толпами. Послѣ всѣхъ пріѣхалъ Меншиковъ, ввелъ съ собою в. кн Петра Алексѣевича, показалъ присутствовавшимъ запечатанное завѣщаніе императрицы, распечаталъ его и велѣлъ совѣтнику Степанову читать вслухъ. Безмолвно выслушали всѣ волю императрицы. Она передавала престолъ внуку су-

пруга своего; хотя по материнской любви и желала бы отдать его дочерямъ своимъ, но «видитъ, что лицу мужескаго пола удобнѣе перенесть тяжесть правленія». Императоръ долженъ былъ до шестнадцати лѣтъ находиться подъ опекою герцогини Анны и великой княжны Елисаветы, супруговъ ихъ и тайнаго совѣта, членами коего назначены были, кромѣ герцога голштейнскаго, епископа любскаго, Анны и Елисаветы, Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Остерманъ, Д. М. Голицынъ и В. Л. Долгорукій. Въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ должны были рѣшаться всѣ государственныя дѣла. Въ случаѣ смерти императора до совершеннолѣтія и безъ наслѣдниковъ, престолъ переходилъ герцогинѣ Аннѣ и ея наслѣдниковъ: въ случаѣ кончины ея безъ наслѣдникамъ—великой княжнѣ Елисаветѣ; при ея бездѣтной кончинѣ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ и уже послѣ нея переходилъ въ родъ царя Іоанна. За уступленіе правъ на престолъ племяннику, обѣ принцессы награждались выдачею на приданое каждой по 300,000 рублей, по милліону рублей кромѣ того, и, пока будутъ жить въ Россіи, получая ежегодно по 100,000 рублей. Императрица подтверждала правителямъ Россіи стараться о доставленіи герцогу голштинскому его роднаго наслѣдія и наслѣдства шведскаго престола. Самою замѣчательною статьею была слѣдующая: «За отличныя услуги, оказанныя покойному супругу нашему и намъ самимъ княземъ Меншиковымъ, мы не можемъ явить большаго доказательства нашей къ нему милости, какъ возводя на престолъ россійскій одну изъ его дочерей, а потому приказываемъ, какъ дочерямъ нашимъ, такъ и главнѣйшимъ нашимъ вельможамъ, содѣйствовать къ обрученію императора съ одной изъ дочерей князя Меншикова и, коль скоро достигнутъ они совершеннолѣтія, къ сочетанію ихъ бракомъ. «Желаю», говорила императрица, «чтобы всегда было согласіе въ семействѣ нашемъ, и надѣюсь, что наслѣдникъ нашъ употребитъ на то все свое стараніе. Въ противномъ случаѣ, лишаемъ мы его нашего благословенія».

Съ притворною покорностью выслушали всѣ завѣщаніе и, послѣ поздравленія императора, онъ самъ, принцессы Анна, Елисавета, Наталія, герцогъ голштинскій, Меншиковъ и всѣ присутствовавшіе подписали слѣдующій протоколъ: «1727 года, мая 7-го дня, ея императорскаго величества блаженной и высокодостойной памяти тестаментъ, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, при присутствіи е. и. в. и какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, слушанъ и во всемъ по тому исполнять должны и повинны». Объявили народу о восшествіи на престолъ императора и, при шумныхъ восклицаніяхъ народа и войска, велѣно всѣхъ приводить къ присягѣ. Въ манифестѣ, немедленно обнародованномъ, сказано, что императоръ принимаетъ престолъ по уставу и тестаменту бабки своей. Народъ радовался, надѣясь, что юный государь оправдаетъ славное имя, имъ носимое; говорили о красотѣ, объ умѣ его.

Милостей объявлено не было, хотя первымъ дѣломъ императора были награды Меншикову: въ день восшествія на престолъ онъ былъ пожалованъ адмираломъ, а черезъ пять дней генералиссимусомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Сыну его дано званіе оберъ-каммергера и пожалованъ андреевскій орденъ. Будущему тестю императора казалось уже неприличнымъ исправлять должность петербургскаго генералъ-губернатора. Онъ передалъ ее Миниху. Мая 16 происходило погребеніе императрицы Екатерины, и Меншиковъ перевезъ въ свои великолѣпные чертоги императори. Не въ опустѣлыхъ императорскихъ дворцахъ, но въ домѣ Меншикова находился дворъ, толпились сановники. Меншиковъ спѣшилъ исполненіемъ воли императрицы, и мая 25, при многочисленномъ съѣздѣ гостей, громѣ пушекъ и роскошномъ пирѣ, совершено было обрученіе императора съ дочерью Меншикова, княжною Маріею. Она считалась первою красавицею при дворѣ. Шестнадцати лѣтъ, Марія была

высока ростомъ, стройна, съ черными огненными глазами, необыкновенно бѣла, и яркій румянецъ игралъ на щекахъ ея. Женихъ и невѣста казались грустными во время священнаго обряда. Замѣтили, что императоръ даже ни однажды не взглянулъ на свою невѣсту. Сердце Маріи было растерзано. Она не могла забыть своего прежняго жениха, юнаго Сапѣгу, съ которымъ разлучило ее честолюбіе отца. Ѳеофанъ обручилъ императора и княжну Меншикову драгоцѣнными перстнями, которые цѣнили каждый въ 20,000 рублей. На эктеніи провозгласили невѣсту «благочестивѣйшею государынею Маріею Александровною». При звукахъ музыки всѣ присутствовавшіе цѣловали руку будущей императрицы. Велѣно было возглашать имя ея на эктеніяхъ вмѣстѣ съ именемъ императора.

Мая 27-го, преслѣдуя своихъ низверженныхъ враговъ, Меншиковъ объявилъ народу о винахъ и наказаніяхъ Дивіера и Толстаго, съ ихъ «сообщниками», называя ихъ «мятежниками и общаго мира и тишины ненавистниками, подлежавшими смертной казни и помилованными не по винѣ ихъ». Строго запрещалось о наслѣдствѣ престола разсуждать и толковать, и въ разсужденія объ императорской фамиліи входить. На высотѣ почестей былъ Меншиковъ и думалъ уже не о противникахъ, а объ умноженіи богатствъ, власти, титуловъ и почестей. Въ день именинъ императора, іюня 29-го, невѣста его, сестра ея и тетка получили орденъ св. Екатерины. Ингерманландскій, любимый Меншикова полкъ былъ переведенъ на житье къ чертогамъ правителя, на Васильевскій островъ, который велѣно именовать Преображенскимъ.

Невѣстѣ императора составленъ штатъ. Онъ былъ многочисленъ, состоя изъ оберъ-гофмейстерины, двухъ статсъ-фрейлинъ, двухъ камморъ-фрейлинъ, двухъ гофъ-фрейлинъ, гофмейстера 4-го класса, двухъ каммергеровъ 6-го, четырехъ каммеръ-юнкеровъ 8-го класса, четырехъ гофъ-юнкеровъ, каммеръ-пажа, трехъ пажей, гофъ-хирурга, лекаря, мундшенка, священника, шести пѣвчихъ и восьмидесяти трехъ служителей обоего пола. Отпускать на жалованье имъ и содержаніе двора императорской невѣсты велѣно по 34,000 руб. ежегодно. На конюшнѣ ея опредѣлено содержать 24 цуговыхъ и 25 верховыхъ лошадей, и для прогулокъ по водѣ назначены штраххоутъ, баржа и верейка. Штатъ самого Меншикова составлялъ болѣе 200 человѣкъ чиновниковъ и служителей. Тщеславіе правителя Россіи было столь велико, что онъ велѣлъ внести въ календарь на 1728 годъ дни рожденія его самого, жены и дѣтей его въ одну роспись со днями рожденія особъ императорскаго семейства. Онъ могъ гордиться и считать себя всесильнымъ, ибо воля его была единственнымъ закономъ. Вопреки завѣщанію императрицы, опекуномъ императора, удаленнаго отъ всѣхъ въ домъ Меншикова, былъ одинъ Меншиковъ. Тайный совѣтъ, собираясь въ назначенные дни, слышалъ только приказанія Меншикова и скоро совсѣмъ пересталъ собираться. Меншиковъ самовластно объявлялъ указы именемъ императора. Разсердясь на Ягушинскаго, Меншиковъ безъ суда выслалъ его изъ столицы. Тесть Ягушинскаго, канцлеръ Головкинъ, осмѣлился просить за него. «Не хочешь ли, я и тебя пошлю къ зятю?» вспыльчиво отвѣчалъ Меншиковъ. Апраксинъ посланъ былъ въ Архангельскъ строить корабли. «Я уничтожу тебя!» вскричалъ Меншиковъ, когда однажды Остерманъ вздумалъ противорѣчить ему. Только герцогъ голштинскій и епископъ любскій осмѣливались возвышать голосъ и не скрывали негодованія, видя нестерпимую надменность любимца счастія. Судьба вскорѣ избавила Меншикова отъ одного изъ нихъ, жениха великой княжны Елисаветы: онъ заболѣлъ и скончался іюня 20-го. Поступки Меншикова съ супругомъ великой княгини Анны Петровны сдѣлались между тѣмъ столь высокомѣрны, что герцогъ началъ опасаться

своеволія гордаго вельможи и рѣшился оставить Россію. Меншиковъ даже не выдавалъ денегъ, назначенныхъ герцогу на содержаніе, и отнялъ у него владѣніе островомъ Эзелемъ, подареннымъ ему императрицею Екатериною. Раздоръ кончился отъѣздомъ герцога и супруги его изъ Петербурга, іюля 25-го. Они рѣшились удалиться въ Голштинію и основали тамъ до времени пребываніе въ Килѣ. Съ ними отправился Бассевичъ, предвидѣвшій гибель безразсуднаго любимца счастія. Меншиковъ не предвидѣлъ ничего. Уже не только прежніе товарищи, ему льстили европейскіе государи.

Стараясь укрѣпить союзъ съ Россіею, императоръ Карлъ VI пожаловалъ Меншикову княжество Козельское въ Силезіи и предложилъ младшей дочери его супружество съ принцемъ ангалтъ-дессаускимъ, называя Меншикова въ письмѣ своемъ «высокорожденнымъ, любезнымъ дядею».Ища дружбы Меншикова и также льстя его честолюбію и удовлетворяя корыстолюбіе, король прусскій подарилъ ему помѣстье Рюгенъ въ Пруссіи и прислалъ сыну его орденъ Чернаго Орла и патентъ на чинъ капитана прусской гвардіи. Французское правительство обѣщало Меншикову орденъ Св. Духа. Меншиковъ не оставлялъ видовъ на Курляндію и король польскій уже не смѣлъ спорить. Правитель Россіи (ибо полновластнымъ правителемъ ея сдѣлался Меншиковъ, по удаленіи герцога голштинскаго, при безмолвіи тайнаго совѣта) подтвердилъ союзъ съ Австріею договоромъ іюля 30-го, гдѣ назначено было содержаніе войскъ, какія обѣщала Россія присылать на помощь императору. Съ герцогомъ голштинскимъ также подтвердили, наканунѣ отъѣзда его (іюля 24-го), договоръ, обѣщая ему помощь для возвращенія голштинскаго наслѣдства и удержанія за нимъ шведскаго престола. За то герцогъ долженъ былъ согласиться на полученіе въ годъ содержанія только по 100 тысячъ гульденовъ, съ полученіемъ притомъ милліона рублей, въ восемь лѣтъ. Двѣсти тысячъ обѣщали ему заплатить немедленно, но Меншиковъ медлилъ платежемъ, пока герцогъ не подарилъ ему 60,000 руб. и не заплатилъ еще 25,000 рублей какого-то стараго долга. Графъ Маврицій саксонскій все еще не хотѣлъ уступать Меншикову Курляндію, не смотря на отказъ короля польскаго. «Я занимаю столь почетное мѣсто въ войскахъ короля французскаго», говорилъ онъ, «что не могу прикрывать трусости ни изъясненіями, ни уклончивостію!» Раздраженный Меншиковъ велѣлъ Ласси идти изъ Риги съ пятью полками и изгнать изъ Митавы дерзкаго противника. Маврицій объявилъ Ласси, что будетъ защищаться à la Charles XII (какъ Карлъ XII въ Бендерахъ), въ домѣ, гдѣ онъ жилъ въ Митавѣ. Ласси окружилъ домъ. Будущій герой Фонтенуа видѣлъ безполезность сопротивленія, бѣжалъ и укрылся на островѣ Устмайтенскаго озера, близъ Голдингена (островъ названъ былъ послѣ того Маврицiевымъ, Moritz-holm). Полковникъ Функъ осадилъ его тамъ. Маврицій все еще не хотѣлъ уступать и предлагалъ Меншикову ежегодный платежъ съ Курляндіи по 40,000 ефимковъ. Меншиковъ ничего не слушалъ. Оставалось приняться за оружіе. Всѣ, сопровождавшіе Маврицiя, отказались, и самъ онъ едва спасся переодѣтый, пѣшкомъ достигъ Виндавы и отсюда въ лодкѣ переплылъ въ Данцигъ. Имѣніе его было захвачено. Выборъ Маврицiя въ герцоги былъ уничтоженъ Курляндцами, и герцогская корона готовилась Меншикову. Возводя на россійскій престолъ старшую дочь, отдавая другую за владѣтельнаго государя, онъ хотѣлъ также пріискать невѣсту сыну, и выбралъ сестру императора, в. к. Наталію Алексѣевну. Пора было положить предѣлъ властолюбцу. Но кто могъ осмѣлиться?

Меншиковъ видѣлъ окрестъ себя совершенное, безмолвное повиновеніе. Не щадили ни поклоновъ, ни лести. «Въ Александрѣ видимъ мы возрожденнаго Петра!» восклицалъ Ѳеофанъ Прокопо-

вичъ въ своемъ торжественномъ привѣтствіи Меншикову. Самыя тайныя развѣдыванія не открывали слѣда ни заговора, ни злоумышленія. Меншиковъ удалилъ отъ императора всѣхъ прежде бывшихъ при немъ людей. Старый дядька, Семенъ Мавринъ, находившійся при императорѣ съ 1719 года, возбудилъ особенно гнѣвъ правителя и былъ сосланъ въ Сибирь. Окруживъ императора своими преданными людьми и заботясь при томъ о воспитаніи его, Меншиковъ опредѣлилъ къ нему наставникомъ академика Гольдбаха, поручивъ надзоръ за ученіемъ Остерману. Вѣроятно, онъ боялся хитраго дипломата и потому придалъ ему въ товарищи отъявленнаго врага его, князя А. Г. Долгорукаго, который казался до того преданнымъ, что Меншиковъ позволилъ даже находиться при императорѣ сыну князя, И. А. Долгорукову, замѣшанному въ дѣлѣ Девіера. Получивъ прощеніе Меншикова, И. А. Долгорукій былъ опредѣленъ въ штатъ невѣсты императора, но находился при особѣ императорской, вмѣстѣ съ оберъ-каммергеромъ, сыномъ Меншикова. Меншикову доносили о каждомъ словѣ, каждомъ движеніи императора, обо всѣхъ, кто съ нимъ разговаривалъ, и даже о предметѣ каждаго разговора. Только при самомъ Меншиковѣ, или при довѣренныхъ людяхъ его, позволяли императору видаться съ теткою, великою княжною Елисаветою, и сестрою, великою княжною Наталіею. Три полка готовы были взяться за оружіе по знаку Меншикова, когда за одно неосторожное слово виновному грозила участь Девіера и Толстаго. Меншиковъ, конечно, помнилъ о ненависти къ нему всѣхъ, но онъ не опасался безсильныхъ враговъ. Правило невѣрное, и невѣрность его доказалъ примѣръ Меншикова. Казалось, всѣ предосторожности были имъ приняты, но всевластный правитель Россіи палъ, когда почиталъ счастіе свое прочнымъ и нерушимымъ. Заговора противъ него не было, но ненависть соединяла всѣхъ въ одинъ тайный и общій заговоръ. Врагъ не только не измѣнялъ врагу своему, но готовъ былъ помогать ему, если только дѣло шло о гибели Меншикова. Остерманъ тайно сблизился съ А. Г. Долгорукимъ, и Голицынъ сдружился съ Минихомъ. Но первымъ и самымъ опаснымъ непріятелемъ Меншикова былъ юный императоръ.

Императору Петру II, при вступленіи его на престолъ, было только двѣнадцать лѣтъ; но, прекрасный и величественный, онъ былъ необыкновенно высокаго роста, мужественъ не по лѣтамъ и казался юношею пятнадцатилѣтнимъ. Въ разговорѣ показывалъ онъ большое остроуміе, былъ добръ и уменъ, хотя воспитаніе его было пренебрежено. Онъ хорошо, однакожъ, говорилъ понѣмецки и былъ ловокъ въ танцахъ, верховой ѣздѣ и другихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Не видимъ особенной любви къ нему великаго дѣда его. Съ началомъ царствованія Екатерины, казалось, совершенно забыли его. При небрежномъ воспитаніи, страсти юнаго монарха развивались рано, когда жизнь и отношенія его при дворѣ пріучили его къ робости, усиливая желаніе жить на своей волѣ. Воцареніе ввергло его только въ большую зависимость. Онъ видѣлъ себя окруженнымъ прислужниками Меншикова, не смѣя даже видѣться съ тѣмъ, кого любилъ. Вмѣсто забавъ, его заставляли учиться. Планъ ученія его составленъ былъ Остерманомъ. Ѳеофанъ написалъ особенное наставленіе объ ученіи императора закону Божію. Каждый день будили его въ шесть часовъ утра. Кромѣ среды и пятницы, когда положено было ему присутствовать въ тайномъ совѣтѣ, онъ занимался по четыре и по пяти часовъ, учась закону Божію, исторіи, географіи, математикѣ, музыкѣ, танцамъ; отдыхъ, гулянье, игра въ воланъ и на биліардѣ, стрѣлянье въ цѣль и травля зайцевъ опредѣлялись въ положенные дни и часы. Въ полдень императоръ обѣдалъ, въ семь часовъ ужиналъ, въ восемь ложился спать. День начинался молитвою и оканчивался чтеніемъ Священнаго Писанія.

Шумные пиры и забавы были удалены. Императоръ безпрерывно видѣлъ окрестъ угрюмыя лица учителей и приставниковъ. Невѣсту свою, не любившую его, онъ не терпѣлъ уже за то одно, что она была дочь Меншикова и прежде него обручена другому. Онъ не могъ не знать и о тайной любви ея къ Сапѣгѣ. Наканунѣ обрученія, улучивъ минуту, со слезами бросился юный Петръ на колѣни передъ сестрою и теткою, просилъ ихъ избавить его отъ ненавистнаго брака. Скучая всегда, за учебнымъ столомъ, при условныхъ забавахъ, среди дѣлъ совѣта, гдѣ сидѣлъ безмолвнымъ слушателемъ приказовъ Меншикова, онъ былъ лишенъ средствъ показать даже свѣтлыя стороны своего характера. Потомство не должно забыть письма, писаннаго имъ въ день восшествія на престолъ къ сестрѣ его: «Если Богу угодно было назначить меня государемъ», говорилъ онъ, «долгомъ моимъ поставляю я быть государемъ добрымъ и управлять справедливо и богобоязненно, помогать несчастнымъ и бѣднымъ, слушать голоса невинно угнетаемыхъ и, какъ императоръ Веспасіанъ, никого не отпускать отъ себя печальнымъ».

По крайней мѣрѣ, хотя изъ корыстныхъ видовъ, Меншиковъ заботился о его образованіи; но другіе, не думая обращать ко благу добрыя наклонности юнаго Петра, видѣли въ немъ только орудіе мести Меншикову и средство возвыситься послѣ его паденія. Начали тѣмъ, что стали усиливать отвращеніе императора къ Меншикову и его семейству тайными наговорами. За дѣло усердно взялся И. А. Долгорукій, о которомъ мы уже говорили, другъ императора, юноша старше его только тремя годами, но испытанный въ свѣтскомъ разгульѣ, прекрасный собою, остроумный, кипѣвшій пылкими страстями, жадный наслажденій и отважный до безразсудства. Онъ находилъ время передавать своему державному другу опыты жизни, обольщать его воображеніе и представлять Меншикова препятствіемъ всему. Указывая на гордость правителя Россіи, Долгорукій изъявлялъ императору опасеніе, что злой и угрюмый опекунъ мыслитъ даже о престолѣ, но, прибавлялъ онъ, найдутся люди, готовые защитить своего монарха. Тщательно просилъ онъ, паче всего, хранить тайну. Слова молодаго царедворца не погибли втунѣ. Императоръ жадно слушалъ его. Главное орудіе гибели Меншикова было готово—остальное рѣшилъ нечаянный случай, коимъ поспѣшили воспользоваться.

Ослѣпленный гордостію и обремененный дѣлами, не замѣчая тайныхъ происковъ, Меншиковъ изумился рѣшимости императора при одномъ маловажномъ событіи. Купцы петербургскіе поднесли императору 1,000 червонцевъ въ подарокъ, въ день какого-то праздника. Императоръ велѣлъ отнести блюдо съ червонцами къ сестрѣ. Меншиковъ встрѣтилъ посланнаго; услышавъ о распоряженіи императора, гнѣвно упрекалъ, что не спросили его, и, говоря, что императоръ еще слишкомъ молодъ для такихъ распоряженій, велѣлъ отнести деньги къ себѣ. На другой день, при свиданіи съ сестрою, видя, что она ничего не говоритъ, императоръ сказалъ ей шутя, что за вчерашній подарокъ можно бы поблагодарить его. «Я никакого подарка не получала», отвѣчала она. Дѣло объяснилось. Императоръ оскорбился. Меншиковъ явился самъ и на вопросъ, какъ смѣлъ онъ запретить исполненіе приказа императорскаго, началъ отвѣчать горделивыми упреками, говоря, что деньги должно беречь и употреблять на полезное. Петръ молчалъ, скрывая гнѣвъ. «Я не себѣ ихъ взялъ и, если угодно, дамъ вамъ милліонъ отъ себя»! сказалъ ему Меншиковъ. Тогда императоръ потерялъ терпѣніе, топнулъ ногою и вскричалъ: «Я покажу тебѣ, что я твой императоръ, и ты долженъ мнѣ повиноваться»! Онъ вышелъ, не дожидаясь отвѣта Меншикова, изумленнаго необыкновенною смѣлостью дер-

жавнаго воспитанника; въ первый разъ, по кончинѣ Петра Великаго, Меншиковъ услышалъ голосъ государя. Но опасеніе Меншикова не продолжалось. Юный императоръ снова безпрекословно повиновался ему. Враги правителя спѣшили успокоить его подозрѣнія, представляли ему этотъ поступокъ Петра лишь дѣтскою прихотью. Меншиковъ всему повѣрилъ. Чрезъ нѣсколько дней императоръ отправился, съ своимъ дворомъ, въ Петергофъ на лѣтнее житье. Здѣсь спѣшили окружить его забавами, увеселяли охотою, назначали пиры, балы, концерты. Ученіе было брошено. Что жъ дѣлалъ между тѣмъ Меншиковъ? Онъ хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за императоромъ, но внезапно заболѣлъ. Болѣзнь его оказалась столь опасною, что врачи даже отчаялись въ его жизни. Забывая суету міра, Меншиковъ помышлялъ только о смерти и даже составилъ два завѣщанія. Въ одномъ, семейномъ, поучалъ онъ благонравію своихъ домашнихъ, приказывалъ сыну учиться, быть вѣрнымъ государю, и просилъ прощенія у всѣхъ, кого обидѣлъ. Въ другомъ, государственномъ, онъ просилъ императора слушаться Остермана и правителей государства, беречься наушниковъ, хранить свое здоровье и не предаваться излишнимъ забавамъ, поступая, какъ прилично царю, чего достигнуть можно только ученіемъ и добрыми совѣтами людей опытныхъ. Напоминая объ услугахъ своихъ, попеченіяхъ о немъ, Меншиковъ просилъ милости своему сиротѣющему семейству и обрученной невѣстѣ императора. Особенными письмами просилъ онъ также Остермана, Апраксина, Головкина и Голицына о милости и покровительствѣ вдовѣ и сиротамъ своимъ.

Въ часы смертной болѣзни правитель Россіи сознавалъ ничтожность величія и суетность гордости, но сознаніе продолжалось только до выздоровленія. Меншиковъ началъ оправляться и забылъ всѣ благія помышленія. Какъ ни скрывали отъ него образъ жизни императора въ Петергофѣ, онъ узналъ, встревожился, не предполагая однакожъ никакой опасности. При императорѣ были приверженцы и сынъ Меншикова, юноша благонравный, умный, хорошо учившійся. Отецъ упрекалъ его однажды за неохоту къ танцованію. «Еще успѣю узнать науку скомороха», отвѣчалъ онъ, «а сперва надобно научиться полезному». Но могъ-ли тринадцатилѣтній мальчикъ видѣть и понять тайныя козни людей, окружавшихъ императора? Слыша о выздоровленіи Меншикова, враги его спѣшили дѣломъ, собирались, совѣтовались, продолжали внушеніе императору объ опасности отъ честолюбія Меншикова. Душею всѣхъ замысловъ сдѣлался Остерманъ, и дѣятельнымъ помощникомъ его былъ И. А. Долгорукій. Слушая совѣты ихъ, но еще болѣе увлекаясь забавами, императоръ со страхомъ помышлялъ о возвращеніи въ неволю и изумился, когда Остерманъ и князь А. Г. Долгорукій согласно предложили ему избавить себя и отечество отъ опаснаго гордеца. Еще страхъ и опасеніе тревожили враговъ Меншикова. Они не смѣли дѣйствовать явно. Меншиковъ казался столь могущественнымъ, и на что не могъ онъ отважиться, когда увидѣлъ бы власть, исторгаемую изъ рукъ его! Не опытомъ ли борьбы съ нимъ былъ указъ, отъ имени императора (іюля 26-го), коимъ предписано было отобрать повсюду списки съ указовъ и манифестовъ, изданныхъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича? Меншиковъ не спорилъ, какъ, за нѣсколько времени прежде (іюля 3-го), онъ не спорилъ противъ освобожденія и объявленія царицею бабушки императора, Евдокіи Лопухиной. Но, опасаясь Евдокіи, онъ не допустилъ ее въ Петербургъ. Съ почестью перевезли Евдокію изъ Шлиссельбурга въ Москву, гдѣ отвели для жительства ея кремлевскій дворецъ и составили ей штатъ, съ выдачею на содержаніе двора ея по 60,000 рублей. Гофмейстеромъ двора царицы Евдокіи назначенъ былъ генералъ-майоръ Измай-

ловъ. Но враги Меншикова напрасно боялись, что правитель Россіи приметъ немедленно строгія мѣры, стараясь обезопасить себя. Ослѣпленіе Меншикова предало его въ руки враговъ беззащитнымъ. До того считалъ онъ себя недоступнымъ на высотѣ величія, что, оправясь отъ болѣзни, поѣхалъ не въ Петергофъ, а прямо въ свой загородный дворецъ Ораніенбаумъ, пригласивъ на освященіе церкви, вновь построенной тамъ, во имя св. Пантелеймона, императора и его приближенныхъ. Приглашеніе представили приказомъ: юный Петръ рѣшился не послушаться повелѣнія. Множество гостей съѣхалось въ Ораніенбаумъ сентября 3-го; Апраксинъ, Головкинъ, Голицынъ, Нарышкинъ и всѣ знатнѣйшіе люди были въ числѣ ихъ, но императоръ не явился. Меншиковъ скрылъ досаду, великолѣпно отправилъ свой праздникъ и забылся до того, что въ церкви сталъ на мѣсто, приготовленное императору. Весь день палили изъ пушекъ и, повидимому, безпечно и весело пировали всѣ на послѣднемъ праздникѣ правителя...

Пиръ смолкъ. Гости разъѣхались. На другой день утромъ Меншиковъ спѣшилъ въ Петергофъ и изъявилъ сильный гнѣвъ, услыша, что императора нѣтъ въ Петергофѣ и что онъ отправился на отдаленную охоту. Меншиковъ оставался въ Петергофѣ цѣлый день, ночевалъ тамъ, но императора не было. На другой день явился Остерманъ. Меншиковъ вспыльчиво началъ выговаривать ему, что за императоромъ не смотрятъ, губятъ его здоровье и, удивленный, услышалъ угрюмые и твердые отвѣты Остермана, дотолѣ раболѣпнаго. Раздраженный противорѣчіемъ, онъ осыпалъ Остермана упреками и самъ поспѣшилъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ явился еще повелителемъ, былъ въ сенатѣ и совѣтѣ, запретилъ казначею совѣта Кайсарову выдавать деньги безъ его приказа, но не посмѣлъ ничего возразить, когда съ удивленіемъ узналъ, что Миниxъ перевелъ ингерманландскій полкъ съ Васильевскаго острова въ казармы на адмиралтейскую сторону. Не было болѣе стражи у правителя. Онъ показался смущеннымъ и съ недоумѣніемъ услышалъ, сентября 6-го, приказъ, коимъ велѣно было приготовить императору комнаты въ лѣтнемъ дворцѣ, приставить тамъ караулъ гвардейцевъ и совѣту собираться, со дня пріѣзда императорскаго, во дворцѣ, а не въ домѣ Меншикова. Недоумѣніе не продолжилось, ибо къ Меншикову явился С. А. Салтыковъ, забралъ мебель и вещи императора и привезъ вещи сына Меншикова. Не зная, что думать и дѣлать, Меншиковъ явился въ совѣтъ, засталъ тамъ только Д. М. Голицына и Степанова и, ничего не говоря имъ, уѣхалъ домой. Вечеромъ пушечная пальба возвѣстила Петербургу о прибытіи императора. На другой день, 8-го сентября, повелѣно исполнять указы только за собственноручнымъ подписаніемъ императора и «никакихъ указовъ или писемъ, о какихъ дѣлахъ они ни были бы, отъ князя Меншикова или кого-либо другаго, не слушать и не исполнять». Салтыковъ еще разъ явился къ Меншикову, уже съ запрещеніемъ выѣзжать изъ дома. Меншиковъ былъ до того пораженъ, что казался безчувственнымъ и ничего не понимающимъ. Принуждены были пустить ему кровь. Чертоги его опустѣли. Только два любимца его, Волковъ и Фаминцынъ, остались ему вѣрны и пробыли съ нимъ весь день. Меншиковъ совершенно упалъ духомъ, отправилъ жену и дочь, невѣсту императора, во дворецъ и велѣлъ имъ «упасть въ ноги императору и молить о помилованіи». Ихъ не допустили къ императору, и со слезами воротились онѣ домой. Меншиковъ рѣшился писать. «Мнѣ сказанъ арестъ», говорилъ онъ въ своемъ письмѣ императору, «и хотя никакого умышленнаго погрѣшенія въ совѣсти моей передъ В. И. В. не нахожу, понеже все чинилъ ради лучшей пользы В. И. В., въ чемъ

свидѣтельствуюсь нелицемѣрнымъ судомъ Божіимъ, но, можетъ быть, В. И. В. или сестрицѣ вашей учинилъ что забвеніемъ или невѣдѣніемъ, или въ моихъ В. И. В. представленіяхъ для пользы вашей. Въ таковомъ моемъ невѣдѣніи и недоумѣніи всенижайше прошу, за вѣрныя мои В. И. В. извѣстныя службы, всемилостивѣйшаго прощенія, и дабы В. И. В. изволили повелѣть меня отъ ареста освободить, памятуя реченіе Спасителя: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. Предаю все на всемилостивѣйшее В. И. В. разсужденіе и обѣщаю мою В. И. В. вѣрность даже до гроба моего. Сказанъ мнѣ также указъ ни въ какія дѣла не вступаться, почему всенижайше прошу В. И. В. повелѣть, для моей старости и болѣзни, меня отъ всѣхъ дѣлъ уволить вовсе». Оправдываясь въ повелѣніи своемъ Кайсарову о невыдачѣ денегъ безъ его приказа тѣмъ, что учинилъ то, дабы напрасныхъ расходовъ не было, «если В. И. В. изволите о томъ въ другую силу разсуждать», прибавлялъ Меншиковъ, «и въ томъ моемъ недоумѣніи прошу милостиваго прощенія». Другое письмо послано было къ сестрѣ императора. Оба возвращены нераспечатанныя. Изумительную перемѣну увидѣли въ падшемъ правителѣ Россіи. Дотолѣ тревожный, отчаянный, вдругъ явился онъ тихимъ, кроткимъ, молился, даже казался спокойнымъ, и съ христіанскимъ терпѣніемъ, безъ жалобъ и тщетныхъ усилій, рѣшился испить чашу бѣдствій; онъ предвидѣлъ, что глубока и горька будетъ она. Не тогда ли въ первый разъ сказалъ онъ слова, которыя потомъ часто повторялъ среди мерзлыхъ тундръ сибирскихъ: «Богъ смирилъ меня!» Сентября 9-го присланъ былъ къ Меншикову гвардейскій офицеръ, съ указомъ императора въ слѣдующихъ словахъ: «указали мы кн. Меншикова послать въ Раненбургъ и велѣть ему тамъ жить безвыѣздно, и послать съ нимъ офицера и капральство солдатъ отъ гвардіи, которымъ и быть при немъ; чиновъ его всѣхъ лишить и кавалеріи взять, а имѣнію его быть при немъ». Меншиковъ выслушалъ приговоръ и былъ спокоенъ. «Я ожидалъ, что у меня возьмутъ знаки отличій и нарочно сложилъ ихъ всѣ въ этотъ ящикъ», сказалъ онъ, отдавая ордена свои офицеру: «вотъ они—возьми ихъ! можетъ быть, и ты будешь нѣкогда облеченъ ими. Научись изъ моего примѣра, какъ мало служатъ они къ нашему счастію!» У дочери его взяли обручальный перстень императора. Пользуясь дозволеніемъ сохранить имѣніе свое, хотя выѣхать изъ Петербурга велѣно было немедленно, Меншиковъ наскоро собрался и на другой день поѣхалъ изъ столицы, съ большою свитою, днемъ. Онъ сидѣлъ въ богатой каретѣ, весело кланяясь народу, собравшемуся толпами по тѣмъ улицамъ, гдѣ ѣхалъ Меншиковъ. Поѣздъ его составляло множество каретъ и повозокъ, и прислуга его была столь многочисленна, что изгнаніе Меншикова болѣе походило на отъѣздъ знатнаго вельможи въ свои помѣстья, нежели на ссылку человѣка, уже лишеннаго чиновъ.

Не знаемъ, чего хотѣли враги его, допуская такой выѣздъ: боялись ли они сильнаго впечатлѣнія, или нарочно расположили постепенно мщеніе Меншикову, дабы тѣмъ мучительнѣе была расплата съ ними! Предполагать, что великодушно хотѣли они дозволить ему дожить вѣкъ въ изгнаніи, невозможно. Кажется, что многое можно было приписать даже тому, что партіи, согласныя только на гибель Меншикова, тѣмъ упорнѣе возобновляли вражду между собою; едва упалъ онъ, надзирали онѣ другъ за другомъ, противорѣчили одна другой, не смѣли дѣйствовать рѣшительно. Заключаемъ такъ изъ немногихъ наградъ, какія получили тогда Долгорукіе: только отцу любимца государева данъ былъ андреевскій орденъ (22-го октября). Минихъ былъ даже удаленъ отъ званія петербургскаго генералъ-губернатора, и вмѣсто него опредѣлили

*

стараго фельдмаршала Сапѣгу, пріѣхавшаго изъ Варшавы: едва только узналъ онъ объ удаленіи Меншикова, — ему надобно было оправдаться въ прежней дружбѣ съ падшимъ временщикомъ. Опалъ и казней не было. Пострадали только два любимца Меншикова, Волковъ и Фаминцынъ: перваго лишили александровскаго ордена, другаго чиновъ. Люди, погубленные Меншиковымъ, не были возвращены: П. А. Толстой оставался въ Соловецкомъ монастырѣ; И. И. Бутурлинъ не былъ возвращенъ изъ его деревеньки; Дивіеръ и Писаревъ томились въ Сибири; вызвали только Нарышкина. Не боялись-ли умножить число людей, жадно стремившихся дѣлить власть, вырванную у Меншикова? охотниковъ явилось довольно.

Когда Меншиковъ былъ низложенъ, лишенъ чиновъ, орденовъ и изгнанъ изъ столицы, предположенный союзъ дочери его съ императоромъ разрушился самъ собою, хотя ничего не было о томъ объявлено; но и самое осужденіе правителя Россіи совершилось безъ изслѣдованія и суда. Не болѣе соблюдали формы, когда положили лишить его богатства. Около Твери догналъ Меншикова офицеръ, которому велѣно было отобрать все находившееся при Меншиковѣ имѣніе, служителей и экипажи, пересадить Меншикова и семейство его въ рогожныя кибитки и вести подъ стражею, не позволяя дорогою говорить ни съ кѣмъ, даже съ женою и дѣтьми. Горестно улыбнулся Меншиковъ, услышавъ приказъ. «Исполняй, что тебѣ велѣно», сказалъ онъ посланному: «чѣмъ болѣе у меня отнимутъ, тѣмъ менѣе будетъ мнѣ заботъ. Скажи тѣмъ, которые возьмутъ отнятое у меня, что они болѣе меня сожалѣнія достойны!» Когда посадили его въ повозку, онъ засмѣялся и сказалъ: «Здѣсь еще мягче сидѣть, нежели въ каретѣ». По прибытіи въ Раненбургъ, городъ Рязанской губерніи, выстроенный Меншиковымъ, заключили его въ тамошнемъ дворцѣ его, и прислужникъ Долгорукихъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Плещеевъ, явился допрашивать преступника. Меншиковъ оставался подъ крѣпкою стражею. Имѣніе его было всюду описано и забрано. Многое тайно захватили себѣ Долгорукіе, но за всѣмъ тѣмъ оказалось у Меншикова до десяти милліоновъ рублей билетами лондонскаго и амстердамскаго банковъ, до четырехъ милліоновъ наличными деньгами, болѣе милліона въ бриліантахъ, пудъ золота въ слиткахъ, полтора пуда серебра въ разныхъ вещахъ, кромѣ трехъ серебряныхъ сервизовъ, каждый въ 24 дюжины тарелокъ, и множество мебели, экипажей и дорогихъ утварей.

Народъ радовался паденію Меншикова. «Прешла и погибла суетная слава гордаго Голіаѳа», говорили при дворѣ. «Сокрушила его сильная Божія десница, и всѣ мы теперь ничего не боимся!» Но если не зналъ народъ, при дворѣ знали и видѣли, что Меншикова уже замѣнили другіе.

Надъ Меншиковымъ учредили судъ. Смѣло отвѣчалъ онъ на обвиненіе въ томъ, что его умыслами судимъ былъ отецъ императора, царевичъ Алексѣй, и что онъ дерзалъ думать о родственномъ союзѣ съ императорскимъ домомъ. «Въ первомъ», говорилъ Меншиковъ, «была воля императора Петра Великаго, и царевичъ Алексѣй былъ осужденъ не мною, но отцемъ и государственнымъ судомъ, а на второе была воля императрицы Екатерины и согласіе августѣйшаго жениха». Обвиняли его въ погибели многихъ знатныхъ людей (хотя не думали возвратить имъ не только почестей, но даже и свободы), въ присвоеніи казенныхъ денегъ, оскорбленіи голштинскаго герцога, даже небываломъ замыслѣ возмутить войско и завладѣть престоломъ. Доказательствъ ни на что не предъявляли, но судъ тянулся. 24-го марта, когда императоръ съ дворомъ прибылъ для коронованія въ Москву, подброшено было къ Спасскимъ воротамъ письмо самое плутовское, наполненное лживыми внушеніями, доброхотствуя князю Менши-

кову, «который за многія важнѣйшія къ государю, государству и народу преступленія смертной казни достоинъ былъ, однакожъ по милосердію только посланъ въ ссылку». Такъ объявили о письмѣ, обѣщая награду тому, кто откроетъ сочинителя его. Виновнаго искали строго, и обвиненіе пало на духовника Евдокіи. Несчастный былъ жестоко наказанъ. Видя, что у Меншикова находятся еще защитники, поспѣшили безъ отсрочекъ окончить судъ.

Опредѣлено было сослать Меншикова и семейство его въ Сибирь. Изъ обширныхъ областей сибирскихъ выбрали такую, гдѣ жизнь была цѣпью лишеній и страданій—Березовъ, остяцкое селеніе, заброшенное въ глубину сѣверныхъ тундръ, близь устья Оби, на рѣкѣ Сосвѣ, въ тысячѣ верстахъ къ сѣверу за Тобольскомъ. Свояченицу Меншикова постригли и отправили въ монастырь, и 2-го іюля по Окѣ повезли Меншикова, жену его, сына и двухъ дочерей въ мѣсто ссылки. Всѣ они были одѣты въ убогія платья, сѣрые зипуны ссыльныхъ. Поручикъ Крюковъ и двадцать Преображенцевъ провожали ихъ. Меншикову позволили взять съ собою десять человѣкъ служителей и опредѣлили ему на содержаніе по пяти рублей въ день. Жена Меншикова не перенесла невыносимаго горя: она выплакала глаза, ослѣпла, дорогою умерла на Волгѣ и была похоронена въ селеніи Услонѣ, близь Казани. Современники согласно говорятъ о добродѣтеляхъ подруги Меншикова, которую любили Петръ Великій и Екатерина, называли «любезною невѣстушкою» и, препоручая въ свое отсутствіе дѣтей своихъ, просили «не оставлять ихъ попеченіемъ». Изъ Казани повезли Меншиковыхъ въ телѣгахъ, а далѣе въ лубочныхъ пошевняхъ. На одной станціи съѣхался съ ними офицеръ, возвращавшійся изъ путешествія, которое совершилъ онъ съ Берингомъ. Меншиковъ, въ величіи временщика, отправлялъ Беринга изъ Петербурга въ 1725 году Какъ изумился путешественникъ, увидя въ старикѣ, обросшемъ бородою, одѣтомъ въ сѣрый зипунъ—Меншикова, узнавъ въ молодой дѣвушкѣ, прикрытой овчиннымъ тулупомъ, дочь его, невѣсту императора! Меншиковъ долго и хладнокровно разговаривалъ съ офицеромъ, разсказывалъ о своемъ паденіи и тогда только заплакалъ, когда вспомнилъ объ участи, ожидавшей дѣтей его.

Съ тѣхъ поръ, какъ бѣдствіе постигло его, Меншиковъ вполнѣ оправдывалъ девизъ свой: Virtute dux, comite fortuna (добродѣтель вождь, счастіе спутникъ). Христіанское смиреніе и великодушное терпѣніе его не гибли ни подъ какими ударами рока. Когда въѣзжалъ онъ въ Тобольскъ, его встрѣтилъ узникъ, одинъ изъ сосланныхъ имъ въ Сибирь чиновниковъ, и началъ бранить. «Если брань приноситъ тебѣ удовольствіе, брани меня, другъ мой!», кротко отвѣчалъ ему Меншиковъ. Другой ссыльный бросилъ грязью въ дѣтей его. «Въ меня бросай», сказалъ ему Меншиковъ, «я могъ быть передъ тобою виноватъ, а не они!» Мѣстомъ ссылки Меншикова была дикая пустыня, гдѣ земля оттаиваетъ лѣтомъ только на четверть аршина, и морозы зимою доходятъ до 40°; весны нѣтъ, лѣто продолжается мѣсяцъ, и ночь въ теченіи семи мѣсяцевъ тянется по девятнадцати часовъ, замѣняя солнце сѣверными сіяніями. По прибытіи на мѣсто, Меншиковъ, съ вѣрными спутниками, которые рѣшились раздѣлить несчастную участь своего боярина, срубилъ себѣ домикъ и при немъ построилъ часовню, самъ работая топоромъ. Пока онъ занимался устройствомъ жилища, одна изъ дочерей его взяла на себя занятіе по кухнѣ, другая мыла бѣлье. Каждое утро начиналось и каждый вечеръ оканчивался молитвою. Меншиковъ былъ необыкновенно бодръ и здоровъ, но судьба готовила ему послѣдній ударъ: старшая дочь его занемогла и умерла на рукахъ его. Онъ утѣшалъ ее въ минуту кончины, говорилъ ей о жизни за гробомъ, но, когда скончалась она, преклонился на трупъ ея и зары-

далъ горько. Черезъ минуту былъ онъ снова бодръ, сталъ на колѣни и громко запѣлъ: со святыми упокой! Самъ онъ сколотилъ гробъ дочери изъ кедроваго дерева, вырубилъ ей могилу въ мерзлой землѣ и своими руками предалъ общей матери несчастную невѣсту императора. Болѣзнь другихъ дѣтей, при одрѣ коихъ сидѣлъ онъ день и ночь, быстро разрушала его здоровье, но не силы души, великой въ бѣдствіи. Въ памяти умиралъ онъ, говорилъ съ дѣтьми, просилъ прощенія въ томъ, что увлекъ ихъ въ бѣдствіе, умолялъ ихъ всегда хранить добродѣтель и скончался 22-го октября 1729 года. Онъ заказалъ похоронить себя подлѣ дочери. Могилы ихъ донынѣ показываютъ въ Березовѣ немногимъ странникамъ, навѣщающимъ негостепріимные берега Ледовитаго моря. Жилища Меншикова нѣтъ слѣдовъ. Часовня, имъ построенная, сгорѣла въ 1808 году.

Истребляя повсюду память Меншикова, велѣно было вездѣ снять гербы его. Случайно уцѣлѣлъ донынѣ одинъ изъ нихъ на его петербургскихъ палатахъ (гдѣ помѣщается нынѣ 1-й кадетскій корпусъ). Бастіонъ петербургской крѣпости, называвшійся «Меншиковскимъ», велѣно именовать бастіономъ императора Петра II. Но мелкой зависти враговъ не истребить памяти человѣка необыкновеннаго, товарища и друга Петра Великаго, съ нимъ бывшаго въ Сардамѣ и подъ Полтавою, побѣдителя при Калишѣ и Тонингемѣ, полководца мужественнаго и министра умнаго. Прощая слабости Меншикова, потомство помнитъ только заслуги его, и — какой дивный урокъ могила его и могила дочери его въ мерзлыхъ тундрахъ Березова!

Не внимали уроку современники, и когда въ Березовѣ умиралъ Меншиковъ, дерзкою рукою возводилъ на престолъ царскій дочь свою честолюбецъ, смѣнившій Меншикова въ преступныхъ замыслахъ, не помышляя, что ему суждена участь горше участи врага его: хоть умереть спокойно позволили Меншикову, а Долгорукіе лишены были отрады даже и въ часъ смерти, погибая подъ топоромъ палача.

Н. Полевой.

39. Сперанскій въ Великопольѣ.

Сельцо Великополье, съ принадлежавшими къ нему деревнями Жадовою и Родіоновою, всего 84 души съ 1420 десятинами земли, послѣ умершей Маріанны Злобиной досталось въ наслѣдство ея племянницѣ, дочери Сперанскаго. Маленькое, но прекрасное это имѣніе, нѣкогда вотчина славнаго фельдмаршала графа Миниха, лежитъ въ 9-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Новгорода, близь устья Большой Вишеры и въ сосѣдствѣ съ древнею обителью Саввы Вишерскаго. Господскій домъ стоялъ посреди обширнаго тѣнистаго сада, отдѣлявшагося отъ рѣки небольшою лужайкою. Изъ оконъ открывался видъ на Вишеру, которая обвивала усадьбу какъ бы серебрянымъ поясомъ, на противуположный ея берегъ, довольно крутой, и на многочисленные монастыри и церкви, окружающіе Новгородъ. Наперекоръ предположеніямъ петербургской публики и даже нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ, опасавшихся, что дозволеніе изгнаннику поселиться въ такой близи отъ столицы есть только первый шагъ къ милости, за которымъ тотчасъ послѣдуетъ полное ея возвращеніе, Сперанскому суждено было провести въ этомъ скромномъ, хотя и привѣтномъ уголкѣ — почти два года. Впрочемъ, самъ онъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, едва ли и разсчитывалъ на лучшее: напротивъ, понимая страхъ своихъ непріятелей, онъ думалъ только о томъ, какъ бы избѣгнуть всякаго внѣшняго шума и затаиться въ своемъ уединеніи. «Для меня — писалъ онъ Масальскому 3 декабря 1814 — вся сила въ томъ, чтобъ забыли о бытіи моемъ на семъ свѣтѣ», и далѣе прибавлялъ: «я живу по-прежнему, не принимая никого; хотя многіе вызывались и самъ вице-губернаторъ дѣлалъ мнѣ предло-

женія посѣтить меня здѣсь, но я до времени уклонился». Вообще, наученный горькимъ опытомъ, Сперанскій въ то время уже иначе смотрѣлъ на свѣтъ, нежели въ годы своего счастія. «Я никогда—писалъ онъ 6 января 1815 — не удивляюсь худымъ поступкамъ людей и, напротивъ, всякое добро отъ нихъ для меня неожиданно». Довѣрчивость его къ человѣчеству на минуту ослабла и онъ какъ бы съ радостною надеждою ждалъ часа покончить со всѣмъ земнымъ. Въ томъ же самомъ письмѣ мы находимъ слѣдующія строки, въ отвѣтъ на поздравленіе его съ днемъ рожденія: «такъ-то, мой любезный другъ, время течетъ и все сближается въ вѣчности. Мысль сія должна быть главнымъ нашимъ поздравленіемъ при вступленіи въ новый годъ: ибо никогда не должно забывать, что мы всѣ въ дорогѣ и возвращаемся въ наше отечество, кто съ котомкою на плечахъ, кто на рѣзвой четвернѣ, но всѣ войдемъ въ одни ворота.....»

Въ самомъ началѣ пребыванія своего въ Великопольѣ, Сперанскій располагалъ было, какъ новый Цинциннатъ, приняться самъ за соху: «начинаю входить въ экономію —писалъ онъ Масальскому (22 декабря 1814): — прошу покорно меня, какъ новичка, надѣлить книгами, какія вы сами признаете по сей части нужнѣйшими и полезнѣйшими. Я знаю, что ихъ на нашемъ языкѣ много; но ни объ одной не имѣю понятія». Потомъ, въ первыхъ дняхъ 1815 года, онъ опять писалъ: «съ новаго года я принялся поближе за здѣшнюю экономію и учусь ей съ удовольствіемъ. Вы увидите, что черезъ годъ я буду говорить о ней съ вами какъ профессоръ». Но, вопреки этимъ предсказаніямъ, хозяйство, состоявшее менѣе чѣмъ изъ сотни крестьянъ, безъ фабричныхъ заведеній, не могло долго его занимать. Онъ скоро возвратился къ прежнимъ своимъ вкусамъ и весь предался наукѣ и воспитанію своей дочери. Послѣднее требовало большаго и прилежнаго труда, потому что въ Нижнемъ и Перми къ нему сдѣланъ былъ только приступъ. Врагъ всякаго педантизма и даже слишкомъ большой учености въ женщинахъ, Сперанскій не столько преподавалъ дочери, въ обыкновенномъ значеніи этого слова, сколько читалъ съ нею, въ особенности же разговаривалъ. Эти разговоры были всего важнѣе. Его современники помнятъ еще, какою возвышенностію отличались его бесѣды; съ какою пластическою ясностію онъ излагалъ предметы самые отвлеченные; какую логику и убѣдительность имѣли его доводы; какая, наконецъ, точность и вмѣстѣ поэзія была въ его выраженіяхъ. При урокахъ и въ сообществѣ такого наставника, дочь его не могла не выдти одною изъ просвѣщеннѣйшихъ и вообще примѣчательнѣйшихъ, въ умственномъ развитіи, женщинъ. И такою точно впослѣдствіи и была Елисавета Михайловна, которая, за исключеніемъ изящныхъ искусствъ, никогда ни у кого не училась, кромѣ своего отца. Онъ часто заставлялъ ее читать и декламировать лучшихъ поэтовъ, иногда даже испытывать собственныя свои силы въ стихосложеніи; но, встрѣчая съ одобрительною улыбкою написанное ею, удерживалъ дѣвушку легкою ироніею, а по временамъ и строгою критикою, отъ того, чтобы она свои слабые стихотворенія не приняла въ самомъ дѣлѣ за поэзію. Никто—и это подтвердятъ, по собственному опыту, остающіеся еще въ живыхъ ученики Сперанскаго—не умѣлъ лучше его обуздывать суетное тщеславіе и въ то же время поощрять и оживлять всякое благородное стремленіе къ совершенствованію. Сверхъ дочери, онъ въ Великопольѣ усердно занимался еще другимъ, любезнымъ ему существомъ. У него гостила тамъ довольно долго г-жа Вейкардъ съ дочерью, тогда молоденькою дѣвушкою, тою самою Сонюшкою, которую онъ, въ перепискѣ съ ея матерью, называлъ «l'enfant de mon coeur», и о которой, въ позднѣйшихъ его письмахъ къ дочери, такъ много строкъ, дышащихъ теплотою искрення-

го чувства. Съ этою «Сонюшкою» Сперанскій, и прежде и послѣ, постоянно переписывался по-французски, единственно для образованія ея слога, возвращая полученныя отъ нея письма съ своими поправками. Во время ея гощенія въ Великопольѣ, онъ успѣлъ также пройти съ нею полный курсъ Закона Божія по лютеранскому вѣроисповѣданію, и въ такой степени, что дѣвушка, явясь въ Петербургѣ на конфирмацію, не только не потребовала никакого дальнѣйшаго приготовленія, но даже удивила пастора своими свѣдѣніями.

Собственныя ученыя занятія Сперанскаго въ Великопольѣ были и многочисленны и разнообразны. Знавъ прежде, изъ новѣйшихъ языковъ, только французскій и англійскій, онъ въ изгнаніи, частію въ Перми, но особенно въ деревнѣ, еще болѣе усвоилъ себѣ послѣдній и началъ учиться—одинъ, безъ учителей, преимущественно по Библіи—языку еврейскому. Сверхъ того, сохранилось множество написанныхъ имъ въ Великопольѣ разсужденій содержанія юридическаго, философическаго, богословскаго и частію мистическаго, которыя онъ набрасывалъ на бумагу по мѣрѣ того, какъ мысль зараждалась въ его умѣ, или была возбуждаема чтеніемъ. Это — отрывки, не состоящіе ни въ какой взаимной между собою связи, но имѣющіе, почти всѣ, своеобразное достоинство, какъ по содержанію, такъ и по изложенію. Большая ихъ часть еще находится въ рукописи и ожидаетъ просвѣщеннаго издателя. Но всего усидчивѣе занимался Сперанскій въ деревнѣ патристикою. Найдя въ сосѣдственной обители св. Саввы Вишерскаго довольно полное собраніе примѣчательнѣйшихъ твореній отцевъ церкви, онъ углубился въ нихъ всею пытливостію своей души и, по собственному его выраженію,—«отъ гоненій человѣческихъ уходилъ на небо». Вотъ какъ, позже (19-го января 1817), онъ давалъ отчетъ въ этихъ занятіяхъ князю А. Н. Голицыну: «Въ Перми, и потомъ наиболѣе въ деревнѣ, составилъ я избранныя мѣста изъ твореній Таулера. Сочинитель сей, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстенъ; множество отрывковъ изъ него въ разныхъ мѣстахъ у насъ напечатано, но нигдѣ нѣтъ въ цѣлости, можетъ быть отъ того, что онъ, по высотѣ его понятій, часто паритъ подъ облаками и скрывается почти изъ виду. Избранныя мѣста всѣ вразумительны. Они составляютъ книгу немного менѣе Подражанія. Отъ сей работы родилась у меня другая. Я рѣшился, въ деревенскомъ уединеніи, пройти всѣ творенія св. отцевъ, начиная отъ перваго вѣка. Выписывая и замѣчая то, что казалось мнѣ наиболѣе свойственнымъ нашему вѣку и потребностямъ нашего времени, я не дошелъ еще и до средины, имѣвъ уже кипы записокъ, но ничего совершеннаго и довольно выработаннаго, чтобъ представить публичному чтенію. Одна только выписка подъ названіемъ: избранныя мѣста изъ бесѣдъ св. Макарія Великаго, кажется мнѣ довольно оконченною. Я составилъ ее изъ перевода покойнаго архимандрита Моисея и жалѣлъ, что не имѣлъ при себѣ подлинника».

Во внутренней домашней жизни нашего отшельника въ Великопольѣ было два періода: одинъ, пока находилась при немъ его теща, другой—послѣ ея удаленія. Характеръ г-жи Стивенсъ, еще болѣе раздражавшійся отъ несчастій, постигшихъ ее и ея зятя, въ деревенскомъ уединеніи сдѣлался несноснѣе чѣмъ когда-либо и приводилъ въ отчаяніе весь домъ. Страшась дурнаго вліянія этого характера на свою дочь, вѣроятно и самъ потерявъ всякое терпѣніе, Сперанскій рѣшился отправить тещу въ Кіевъ, къ ея племянницѣ, жившей тамъ въ замужествѣ за докторомъ Бунге. Въ апрѣлѣ 1815-го г-жа Стивенсъ выѣхала изъ Великополья почти противъ своей воли, но зять сдѣлалъ для нея все, что только позволяли небогатыя его средства. «Вамъ извѣстно,—писалъ онъ Масальскому — что я давно желалъ разстаться съ Елисаветою Андреевною. Послѣ многихъ усилій успѣлъ

я, наконецъ, дѣло сіе привесть къ концу. Послѣ завтра она отправляется, и навсегда уже, въ Кіевъ..... Я даю ей порядочное содержаніе, т. е. на первый годъ наличными впередъ 5000 руб., а въ послѣдующіе буду ей доставлять отъ 2000 до 3000. Никакія жертвы для меня тутъ не страшны. Такимъ образомъ вы найдете здѣсь одну хозяйку, Лизу (его дочь), и эта хозяйка рада будетъ вамъ душевно: ибо никогда не раздѣляла она ни чувствъ, ни правилъ первой». Г-жа Стивенсъ недолго, впрочемъ, пользовалась вспомоществованіемъ своего зятя: она умерла, въ Кіевѣ, въ началѣ 1816 года. «Ея уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ,—писалъ тогда Сперанскій Цейеру—миръ ея праху. Мнѣ пишутъ, что, за нѣсколько дней до кончины, она глубоко покаялась и съ искреннимъ сокрушеніемъ говорила о своемъ прошедшемъ—тѣмъ болѣе мы должны примириться съ ея памятью».

Внѣшнихъ развлеченій въ Великопольѣ было немного. Хозяинъ, сколько изъ осторожности, столько и по всегдашней привычкѣ, продолжалъ вести образъ жизни самый уединенный, никого къ себѣ не приглашалъ и самъ ни къ кому не ѣздилъ. Хотя уже не было никакой явной преграды свободному къ нему доступу, но пользовались этимъ правомъ весьма немногіе, большею частію только тѣ, которые и съ начала его опалы открыто выражали свою пріязнь къ нему, не боясь, внѣшними ея изъявленіями, повредить себѣ и своей будущности. Кромѣ Цейера и г-жи Вейкардтъ, которые нѣсколько разъ гостили въ Великопольѣ; губернатора Сумарокова, однажды тамъ обѣдавшаго; вице-губернатора Муравьева, иногда пріѣзжавшаго съ сыномъ своимъ Николаемъ (бывшимъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, графомъ Амурскимъ), тогда еще ребенкомъ; наконецъ Масальскаго и Могилянскаго, являвшихся по хозяйственнымъ дѣламъ, Великополье лишь изрѣдка видѣло нѣсколько петербургскихъ гостей: Лубяновскаго, Аверкина, Лазарева, сенатора Захара Яковлевича Карнѣева, Ѳедора Петровича Львова и пр. Еще разнообразилось нѣсколько уединеніе Великопольскаго помѣщика сближеніемъ его съ названною выше обителью Саввы Вишерскаго. Сперанскій очень часто ѣздилъ туда, лѣтомъ въ лодкѣ, а зимою въ простыхъ деревенскихъ саняхъ парою, иногда даже и въ одну лошадь. При входѣ въ церковь, онъ, по старинному обычаю православныхъ, самъ давалъ свѣчнику деньги и, перекрестившись, кланялся на всѣ стороны; становился всегда за правый крилосъ и тамъ слушалъ службу съ видимымъ вниманіемъ. Тогдашній строитель Іоасафъ, изъ дворянской фамиліи Бороздиныхъ, прежде гвардейскій офицеръ, былъ человѣкъ съ нѣкоторымъ образованіемъ, но почти дѣтски простосердечный. Какъ духовный отецъ Великопольской семьи, онъ, при исповѣдяхъ дочери, очень простодушно обвинялъ себя въ тѣхъ же слабостяхъ, въ которыхъ она сама ему каялась, и предостерегалъ ее, молоденькую дѣвушку, наиболѣе противъ собственныхъ своихъ пороковъ, именно обжорства и сластолюбія, да еще наклонности—къ крѣпкимъ напиткамъ! Раскаяніе нерѣдко доводило его до слезъ, и тогда онъ не скрывалъ, какъ, при всемъ уваженіи къ христіанскимъ добродѣтелямъ отца Петра, тяготится безпрестаннымъ его присмотромъ. Этотъ отецъ Петръ былъ человѣкъ совсѣмъ другихъ свойствъ. Аскетъ, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ, съ длинною и рѣдкою бородою, съ огненнымъ взглядомъ, онъ наложилъ на себя обѣтъ не отходить ни на минуту отъ своего начальника и слѣдовалъ за нимъ повсюду, какъ бы олицетворенная его совѣсть. Впалыя его щеки представляли разительную противоположность съ полнымъ и веселымъ лицомъ отца Іоасафа. Онъ говорилъ мало, но смыслъ его рѣчей былъ необыкновенно глубокъ; ѣлъ еще менѣе, довольствуясь, вмѣсто обѣда, однимъ сухимъ хлѣбомъ, и подъ рясою своею втайнѣ носилъ вериги. Этотъ

суровый инокъ успѣлъ, кажется, прико-вать къ себѣ особенное вниманіе Сперанскаго, всегда увлекавшагося всѣмъ таинственнымъ и необычайнымъ. «Настоятель Саввы Вишерскаго въ отлучкѣ, писалъ онъ Цейеру. Разговоръ, заведенный мною на дняхъ случайно, съ заступающимъ его мѣсто отцемъ Петромъ, вразумилъ меня, что они вовсе не чужды высшимъ степенямъ созерцательной молитвы. Гдѣ почерпнули они эту тайну? Такъ-то справедливо, что безпритязательное простосердечіе идетъ исполинскими шагами даже и по пути знаній. Часто, пресмыкаясь по землѣ, оно головою касается неба». Оба инока, Іоасафъ и Петръ, были обычными посѣтителями Великополья; но кромѣ того Сперанскій нерѣдко приглашалъ къ себѣ и остальную братію, иногда для служенія молебновъ и панихидъ, иногда просто для бесѣды. Съ этими гостями своими онъ обходился ласково и почтительно и никого изъ нихъ не отпускалъ отъ себя, не надѣливъ по возможности, такъ что въ монастырѣ не было ему другаго имени, какъ «отецъ и кормилецъ нашъ». Монахамъ очень также нравилось, что онъ обновилъ церковь въ своемъ помѣстьѣ и поставилъ въ ней новый иконостасъ, а вмѣсто деревянной колокольни построилъ каменную. Во всемъ, здѣсь разсказанномъ, видно сердце бывшаго государственнаго секретаря, но видна также и обыкновенная смѣтливость его ума. Какъ прежде въ Перми, какъ послѣ въ Пензѣ, Сибири и между близкими къ нему въ Петербургѣ, такъ точно онъ умѣлъ заставить полюбить себя и въ Вишерской обители. Не меньшая любовь окружала его также и въ домѣ и между крестьянами. Пережившіе (въ 1847 г.) свидѣтели жизни Сперанскаго въ Великопольѣ изображали его человѣкомъ набожнымъ, благочестивымъ, необыкновенно снисходительнымъ и добрымъ; «мы—говорили они—все еще продолжаемъ его помнить и благословлять его память». Любя общественное богослуженіе, онъ для своихъ домочадцевъ былъ примѣромъ домашней молитвы и трудолюбія. Вспомнимъ, что то время, по понятію объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крѣпостнымъ, рѣзко отличалось отъ позднѣйшаго и только очень немногіе владѣльцы заботились о нравственности и благосостояніи своихъ людей. Теперь, напримѣръ, странно слышать, что Сперанскій возбуждалъ удивленіе и частію неудовольствіе сосѣдей, давая своимъ дворовымъ, кромѣ пищи, одежды и обуви, отъ $2^{1}/_{2}$ до 5-ти руб. ежемѣсячнаго жалованья и даря приближеннѣйшимъ, въ дни ихъ именинъ, по 25-ти руб.; тогда это казалось неумѣстнымъ баловствомъ. Попечительность свою онъ распространялъ и на крестьянъ: бѣдныхъ безденежно снабжалъ скотомъ и лошадьми и всѣхъ вообще, въ болѣзни, лекарствами, деньгами и пр. Случалось, что во время прогулокъ по полямъ онъ находилъ работниковъ, спящихъ на голой землѣ; тогда, если было по близости сѣно, онъ тотчасъ бралъ его въ охапку и бережно клалъ имъ подъ головы, «чтобъ они не простудились». Мужики, видно, высоко это цѣнили, потому что болѣе тридцати лѣтъ хранили о томъ преданіе. Такое же отеческое общеніе между Великопольскимъ помѣщикомъ и крестьянами было и при всѣхъ другихъ случаяхъ. Баринъ, по словамъ ихъ, запрещалъ имъ пить на работѣ холодную воду, высылая изъ своего дому квасъ; заказывалъ употреблять горячіе напитки не во время и безъ нужды, и грозилъ, если въ томъ его не послушаютъ, тяжелымъ отвѣтомъ на судѣ Божіемъ; повторялъ имъ, почасту, о мирѣ и согласіи между собою и съ сосѣдями; вообще наставлялъ ихъ какъ жить «по христіански и по крестьянски»; наконецъ, встрѣчаясь съ ними, самъ первый кланялся, чтобъ нѣсколько смягчить грубость ихъ нравовъ. Человѣколюбіе свое онъ распространялъ и на чужихъ: такъ прохожіе по большой Московской дорогѣ, заходя въ его усадьбу, всегда находили тамъ пріютъ, пищу и посильное вспоможеніе.

Баронъ М. Корфъ.

40. Подвиги Мстислава-удалаго.

Оставалась надежда на Мстислава. Новгородцы обратились къ нему. Неизвѣстно, гдѣ застали его. 11-го февраля 1216 г. онъ явился въ Новгородъ и тотчасъ заковалъ намѣстника Ярославова и его дворянъ. Онъ пріѣхалъ на Ярославовъ дворъ, на вѣче, цѣловалъ крестъ и сказалъ: «либо возвращу новгородскихъ мужей и Новгородскія волости, либо голову повалю за Новгородъ!»—«На жизнь и на смерть съ тобою!» отвѣчали Новгородцы.

Мстиславъ отправилъ къ Ярославу посломъ священника Юрія изъ церкви Іоанна на Торжищѣ. Ярославъ уже слышалъ о томъ, что Мстиславъ идетъ выручать Новгородъ, и послалъ сто человѣкъ природныхъ Новгородцевъ, своихъ сторонниковъ, не допускать Мстислава до Новгорода. Прибытіе посла отъ Мстислава показало Ярославу, что замыселъ его не удался. «Сыну! — говорилъ этотъ посолъ отъ имени своего князя — отпусти мужей моихъ и гостей, удались изъ Новаго-Торга и возьми со мною любовь». Ярославъ отпустилъ священника безъ мира и приказалъ засѣкать дороги и загораживать путь по рѣкѣ Тверцѣ. Тутъ пришло къ нему извѣстіе, что отрядъ Новгородцевъ, посланный имъ съ тѣмъ, чтобы не допустить Мстислава до Новгорода и, если можно, поймать его, самъ передался Мстиславу. Въ досадѣ Ярославъ собралъ за городомъ Торжкомъ Новгородцевъ, которыхъ подозрѣвалъ въ нерасположенности къ себѣ, приказалъ своей дружинѣ перековать ихъ и отправилъ по разнымъ городамъ. Ихъ имущества и лошади были розданы Ярославовымъ дворянамъ. Число такихъ узниковъ лѣтописецъ простираетъ до двухъ тысячъ. Число это, вѣроятно, преувеличено, какъ вообще числа въ нашихъ лѣтописяхъ являются въ преувеличенномъ видѣ.

Пришла вѣсть объ этомъ въ Новгородъ. Мстиславъ велѣлъ звонить на вѣче на Ярославомъ дворѣ, явился посреди Новгородцевъ и сказалъ:

«Пойдемте, братья! поищемъ мужей своихъ, вашу братью; возвратимъ волость вашу. Да не будетъ Новый-Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ; но гдѣ святая Софія, тутъ Новгородъ. И въ многомъ Богъ и въ маломъ Богъ и правда!»

Мстиславъ былъ не одинъ съ Новгородцами. По его призыву, стали на помощь великому-Новгороду Псковичи съ княземъ Владиміромъ, братомъ Мстислава; двинулись и Смольняне съ княземъ Володиміромъ Рюриковичемъ. На счастье Новгороду, въ самой Суздальской Землѣ происходилъ тогда раздоръ между дѣтьми умершаго Всеволода — Константиномъ и Юріемъ; послѣдній былъ меньшимъ братомъ; вопреки обычаю старѣйшинства, по волѣ отца, онъ сѣлъ во Владимірѣ старѣйшимъ княземъ надъ всею Суздальскою Землею. Мстиславъ объявилъ, что идетъ не только искать управы съ Ярославомъ, но и установлять рядъ въ Суздальской Землѣ, какъ недавно, по волѣ своей и Великаго-Новгорода, установилъ рядъ въ Южной Руси.

Новгородское ополченіе выступило въ походъ 1-го марта 1216 г. и черезъ два дня нѣсколько знатныхъ особъ убѣжало къ Ярославу. Эти люди присягали недавно Мстиславу, и потому лѣтописецъ называетъ ихъ крестопреступниками; они постарались забрать съ собою и свои семьи, которымъ безъ того могло быть худо отъ народнаго негодованія. Новгородцы взяли Зубцовъ и стали на Волгѣ. Тутъ къ нимъ присоединились Смольняне. Мстиславъ послалъ отъ себя, отъ союзныхъ князей, отъ всего Великаго-Новагорода предлагать Ярославу миръ и управу.

Ярославъ отвѣчалъ: «Не хочу мира! идите, когда пришли». Между-тѣмъ его люди работали засѣки по рѣкѣ Тверцѣ.

Новгородцы, услышавъ гордый отвѣтъ, кричали: «къ Торжку! къ Торжку!»

«Нѣтъ, отвѣчалъ имъ Мстиславъ:

коли пойдемъ на Торжокъ, то опустошимъ Новгородскую волость; пойдемте лучше на Тверь, въ зажитье».

Ополченіе двинулось къ Твери; стали жечь и грабить. Это заставило Ярослава выйти изъ Торжка къ Твери. Новгородцы, преданные ему, въ числѣ сотни человѣкъ, отправлены были въ переднюю сторожу. Мстиславъ провѣдалъ объ этомъ и послалъ противъ нихъ своихъ Новгородцевъ подъ начальствомъ Яруна. Мстиславовы Новгородцы разсѣяли Ярославовыхъ.

Послѣ того Мстиславъ отправилъ смоленскаго боярина Явольда со Смольнянами и Псковичами къ Константину ростовскому и приказалъ опустошать край по Волгѣ, а самъ съ Новгородцами шелъ на саняхъ по льду. На этомъ пути они сожгли городки Шесну и Дубну; Псковичи и Смольняне взяли городокъ Коснятинъ; все Поволжье страдало отъ огня. Константинъ ростовскій послалъ къ союзникамъ бояръ и отрядъ ратниковъ. «Князь Константинъ кланяется вамъ и радуется вашему приходу; вотъ вамъ въ помощь пятьсотъ мужей ратныхъ, а ко мнѣ пришлите моего шурина Всеволода», говорили посланные отъ своего князя. Новгородцы отправили къ нему его шурина Всеволода и продолжали идти по Волгѣ. Но скоро ледъ сталъ таять; они побросали сани, сѣли на лошадей и поѣхали къ Переяславлю; разнесся слухъ, что Ярославъ тамъ. 9-го апрѣля, у Городища на рѣкѣ Сарѣ, пришли къ нимъ Ростовцы съ княземъ Константиномъ. Союзники отрядили Псковичей къ Ростову, а сами всѣмъ ополченіемъ подошли къ Переяславлю. Ярослава тамъ не было. Взятый въ плѣнъ подъ городомъ человѣкъ сказалъ, что Ярославъ ушелъ къ брату Юрію во Владиміръ, и тамъ готовится большое ополченіе.

Въ самомъ дѣлѣ, вступленіе новгородскаго ополченія въ Суздальскую Землю всѣхъ расшевелило, все на дыбы поставило. Вся сила Суздальской Земли вооружилась: изъ селъ погнали земледѣльцевъ; кто конный, кто пѣшій, кто съ оружіемъ, кто съ простой дубиной—шли оборонять свой край. Пристали къ нимъ Муромцы и Городчане; были между ними бродники—сбродныя шайки степей Восточной Руси, первообразъ казаковъ; многочисленное ополченіе стало на рѣкѣ Гзѣ. «Сыны на отцовъ, отцы на дѣтей, братья на братьевъ, рабы на господъ поднялись!» говоритъ лѣтописецъ. Этими словами онъ намекаетъ на то, что въ ополченіи суздальскомъ были Новоторжцы и даже Новгородцы, а съ ополченіемъ Новгорода и его союзниковъ Ростовцы выступали подъ стягомъ князя Константина.

Мстиславъ съ Новгородцами и Володиміръ со Псковичами стояли близь Юрьева, а Константинъ съ Ростовцами на рѣкѣ Липицѣ, когда завидѣли они полки суздальскіе, стоявшіе на берегахъ рѣки Гзы. Мстиславъ послалъ къ Юрію новгородскаго сотскаго, Ларіона.

«Кланяемся тебѣ—говорилъ онъ отъ лица Мстислава и Великаго-Новгорода:—съ тобой нѣтъ намъ обиды. Обидѣлъ насъ Ярославъ».

— «Мы одинъ братъ съ Ярославомъ», отвѣчалъ Юрій. Посолъ обратился къ Ярославу.

«Отпусти нашихъ новгородскихъ мужей и Новоторжцевъ; отдай назадъ новгородскія волости, что ты занялъ—Волокъ; возьми съ нами миръ и цѣлуй намъ крестъ, и не станемъ проливать крови».

— «Не хочу мира, отвѣчалъ Ярославъ: у меня есть мужи! далеко вы зашли, а вышли, какъ рыбы, на сухо!»

Этотъ гордый тонъ показывалъ, что Ярославъ считалъ заранѣе дѣло Новгородцевъ проиграннымъ въ срединѣ Суздальской Земли: Ярославъ надѣялся на ожесточеніе народа и готовность къ отпору.

Мстиславъ послалъ еще разъ посольство къ Юрію.

«Князь Юрій! (была теперь такова посольская рѣчь). Мы пришли не кровь проливать, а управиться между собою. Мы единое племя; дай старѣйшинство брату своему Константину и посади его

во Владимірѣ, а вамъ вся Суздальская Земля».

— «Отвѣчай братьямъ моимъ, Мстиславу и Владиміру—сказалъ Юрій: если отецъ нашъ не управилъ насъ съ Константиномъ, то какъ же вы хотите управить? Дѣлайте то, зачѣмъ пришли; а брату Константину такъ скажите: когда насъ одолѣешь, тогда вся земля тебѣ!»

Князья суздальскіе учредили пиръ и вмѣстѣ совѣтъ. Нѣкоторые изъ старыхъ бояръ смущались тѣмъ, что противники требуютъ дѣйствительно того, что, по понятіямъ, освященнымъ старыми обычаями, считалось справедливымъ. Они говорили своимъ князьямъ:

«Лучше бы вамъ, господа, сотворить миръ съ братіею и положить старѣйшинство на Константинѣ, а не уповать на силу; у васъ много полковъ... а если правда будетъ за ними?»

Другіе, младоумные, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, были не такого мнѣнія; между ними отличался одинъ, по имени Андрей Станиславовичъ; онъ говорилъ:

— «Не бывало никогда того, ни при нашихъ прадѣдахъ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ въ Суздальскую Землю со ратью и вышелъ изъ нея цѣлъ!»

Послѣдній совѣтъ понравился больше. Въ войскѣ Юрія развѣвалось семнадцать, у Ярослава тринадцать стяговъ; у перваго гремѣло сорокъ трубъ и сорокъ бубенъ, у другаго шестьдесятъ тѣхъ и другихъ: это придавало и охоты и надежды; Суздальцы показывали негодованіе и жажду мести.

— «Сѣдлами закидаемъ Новгородцевъ!» кричали они. Князья говорили имъ такую ободрительную рѣчь:

«Вотъ примемъ товаръ въ руки. Вамъ будутъ и брони, и кони, и платья, а человѣка живаго кто возьметъ, тотъ самъ будетъ убитъ! Всѣхъ бейте—никому пощады не давайте! Хоть и золотое оплечье на комъ увидишь,—убей; не оставимъ живаго никого! А кто изъ полку убѣжитъ, и того, кого мы поймаемъ, вѣшать или распинать!»

Они послали въ станъ противниковъ, вызвали на бой и указывали для этого мѣсто у Липицъ. Война эта имѣла видъ судебнаго поединка, гдѣ спорныя стороны повѣряли рѣшеніе своего дѣла суду Божію; сходились на бой на опредѣленное заранѣе мѣсто и въ уставленное время, а до боя не боялись ни засады, ни нападенія. Союзники получили вызовъ вечеромъ и дали знать тотчасъ Константину и Ростовцамъ. Союзники опасались, какъ кажется, чтобы Константинъ не покинулъ некстати общаго дѣла; съ обѣихъ сторонъ еще разъ утвердили союзъ крестнымъ цѣлованіемъ.

Пошли къ Липицѣ уже ночью. Суздальскіе полки также потянулись въ походъ. Всю ночь непріязненныя войска шли такъ близко другъ отъ друга, что Суздальцы могли слышать, какъ ихъ противники играли на трубахъ, били въ бубны и кричали. На Суздальцевъ, если вѣрить лѣтописи, напалъ переполохъ, когда вмѣстѣ съ трубною игрою раздался дружный крикъ ихъ непріятелей. Князья хотѣли-было бѣжать и за малымъ остановились.

Новгородцы и союзники дошли до Липицы. Стало разсвѣтать. Враговъ, сдѣлавшихъ вызовъ, тамъ не было; а имъ бы первымъ, какъ вызвавшимъ, слѣдовало стать на мѣстѣ боя. Вмѣсто того, чтобъ остановиться на полѣ, которое сами выбрали и указали противникамъ, Суздальцы перешли лѣсъ и стали по другой его сторонѣ. Новгородцы и ихъ союзники должны были въ свою очередь пройти черезъ лѣсъ, и очутились на горѣ, называемой Юрьевой; внизу, въ кругломъ оврагѣ, среди зарослей протекалъ ручей, по имени Тунегъ, а на другой сторонѣ оврага была гора, называемая Авдова: тамъ стояло суздальское ополченіе. Внизу Суздальцы успѣли уже набить кольевъ и заплести плетень.

Враждебныя полчища созерцали другъ друга при утреннемъ весеннемъ солнцѣ. Битва не начиналась. Въ обоихъ вой-

скахъ играли на трубахъ: заохочивали ратниковъ къ предстоящей борьбѣ. Мстиславъ сохранилъ видъ, что вышелъ на брань только по крайней необходимости; что упрямство суздальскихъ князей всему виною, а не драчливость его; еще третій разъ отправилъ онъ къ соперникамъ посольство; и говорило оно такія рѣчи:

«Дайте миръ; а не дадите мира, то сойдите отсюда,—мѣсто здѣсь не для битвы: вы сами звали на Липицы, тамъ ровное поле; зачѣмъ же сами стали не тамъ? Либо вы отступите подалѣе—на ровное мѣсто, и мы къ вамъ перейдемъ; либо мы отступимъ на Липицы, а вы къ намъ придите!»

Юрій съ гордостью отвѣчалъ: «Мира не принимаю; вы прошли черезъ нашу землю, — такъ развѣ не перейдете черезъ эту заросль? Ступайте, ступайте черезъ болота и черезъ дебри: свиньямъ обычно ходить по дебрямъ и корнямъ, и въ грязяхъ валяться!»

Послѣ такого отвѣта, Мстиславъ вызвалъ охотниковъ—удалую молодежь, и пустилъ открывать битву. Молодцы спустились въ оврагъ; съ противоположной горы также соскочили въ оврагъ суздальскіе молодцы; началась схватка. Бились очень усердно, говоритъ современникъ, къ тому же тогда сдѣлалось очень холодно. Такъ день прошелъ. Войско Мстислава досадовало, что враги уклоняются отъ боя.

«Пойдемте, стали говорить тогда въ станѣ, пойдемте къ Владиміру: враги услышатъ, такъ поневолѣ пойдутъ на бой!»

Такъ и рѣшили. Рано утромъ, на другой день, войска стали сниматься. Суздальцы замѣтили въ непріятельскомъ станѣ суету и закричали: «Они бѣгутъ! бѣгутъ!» Толпы Суздальцевъ стали сходить съ горы, думая ударить Новгородцамъ и ихъ союзникамъ въ тылъ.

Тутъ ростовскій князь сказалъ Мстиславу:

— «Когда мы пойдемъ мимо ихъ, они насъ въ тылъ возьмутъ; а люди мои не дерзки на бой: разойдутся въ города!»

Въ самомъ дѣлѣ, тогда только-что прибылъ изъ Ростова Владиміръ псковскій и извѣщалъ, что Ростовцы, какъ увидѣли, что ихъ городъ оставленъ безъ ратныхъ людей, то стали безпокоиться, чтобъ непріятели не напали на нихъ и не сожгли города. Ростовцы въ отрядѣ князя Константина роптали. Отдаляться отъ Ростова, не одержавши побѣды, казалось опасно. Тогда Мстиславъ, выѣхавъ съ князьями передъ войско, громко кричалъ:

«Братья! гора намъ не можетъ помочь; гора и не побѣдитъ насъ. Воззрите на силу честнаго креста и на правду! пойдемте къ нимъ!»

Одушевленные его словами, союзные князья поскакали по своимъ полкамъ и устанавливали ратныхъ въ боевой порядокъ. Суздальцы увидѣли, что противники ихъ остановились, и сами стали устанавливаться.

Сталъ Володиміръ смоленскій со Смольнянами съ края, въ срединѣ Новгородцы съ Мстиславомъ и Псковичи съ своимъ княземъ, а на другомъ краѣ Ростовцы съ Константиномъ. У него были славные витязи: Александръ Поповичъ со слугою своимъ Торопомъ, Добрыня Резаничъ по прозванію Золотой Поясъ, да Нефедій Дикунъ. Напротивъ Псковичей, на другой горѣ, стоялъ Ярославъ съ своими полками: въ ряду ихъ были и бѣжавшіе Новгородцы и Новоторжцы; съ ними стояли Муромцы, бродники и Городчане; противъ Новгородцевъ въ срединѣ стояла вся Суздальская Земля, съ княземъ владимірскимъ, а противъ Константина и Ростовцевъ— его меньшая братія.

Мстиславъ, проѣхавъ передъ рядами Новгородцевъ и Псковичей, говорилъ:

«Братья! мы вошли въ землю сильную; воззримъ же на Бога и станемъ крѣпко; не озирайтесь назадъ: побѣжавши, не уйдемъ; забудемъ, братія, и женъ, и дѣтей, и дома свои; идите на бой— какъ кто хочетъ: кто на конѣ, кто пѣшій!»

На коняхъ трудно было сражаться,

потому-что надобно было сходить въ оврагъ, а потомъ лѣзть на гору.

«Мы на коняхъ не поѣдемъ, сказали Новгородцы: мы на коняхъ не хотимъ умирать; мы пойдемъ пѣшіе, какъ отцы наши бились на Колокшѣ».

Въ порывѣ удальства, они сбросили съ себя и сапоги, и верхнее платье, и босые бросились съ крикомъ. Ихъ примѣру послѣдовали и Смольняне.

Съ противной горы первые сбѣжали пѣшкомъ Ярославовы люди. Смольняне прибавили шагу и опередили Новгородцевъ; за ними прибѣжали Новгородцы; предводитель ихъ, Иворъ Михайловичъ, поѣхалъ верхомъ, чтобы его видѣли ратные, но конь подъ нимъ споткнулся, Иворъ упалъ въ заросли. Новгородцы, въ пылу военной охоты, опередили его, сцѣпились съ непріятелемъ въ оврагѣ, начали вырывать у Суздальцевъ изъ рукъ дубины и топоры; потомъ подоспѣли къ нимъ Смольняне, но съ противной горы спустились еще свѣжія силы. Закипѣла схватка; Мстиславъ увидѣлъ, что молодцы зашли далеко; удалой князь закричалъ своимъ:

«Не дай Богъ выдавать добрыхъ людей!»

Тогда всѣ полки съ крикомъ дружно бросились внизъ, перескочили черезъ оврагъ, быстро вскочили на гору, единодушно ударили на суздальское ополченіе. Суздальцы попятились, побѣжали и Юрій, и Ярославъ, и муромскіе князья. Но то была хитрость. Они покинули свои коши, съ надеждою, что Новгородцы и ихъ союзники начнутъ грабить обозъ, и тутъ можно будетъ оборотиться и ударить на нихъ. Но Мстиславъ догадался въ чемъ дѣло.

«Братья! закричалъ онъ: не пристойте корысти, а пристойте бою! А не то они обратятся на насъ и изомнутъ насъ!»

Рать повиновалась. Бросились вслѣдъ за врагами. Самъ Мстиславъ трижды проѣхалъ сквозь полки Юрьевы и Ярославовы, поражая ратниковъ топоромъ, который у него висѣлъ на рукѣ, привязанный паворозкою. Вдругъ, не узнавъ удалаго князя, налетѣлъ на него Александръ Поповичъ ростовскій, силенъ и славенъ богатырь, и готовился онъ разсѣчь его мечемъ, но удалой князь закричалъ: «я князь Мстиславъ!»—«Князь, не дерзай, говоритъ ему богатырь: а стой, да смотри! Когда ты — голова — убитъ будешь, куда дѣться другимъ!» Суздальцы увидѣли, что хитрости ихъ не удаются; Новгородцы не останавливались надъ кошами и преслѣдовали Суздальцевъ. Главное суздальское войско побѣжало; обратился по слѣдамъ его и Ярославъ къ своимъ кошамъ и все пошло въ разсыпную. Тогда много пало ихъ подъ ударами топоровъ новгородскихъ и смоленскихъ; много ихъ утонуло во время побѣга; пятьдесятъ человѣкъ въ плѣнъ попалось. Лѣтописецъ насчитывалъ убитыхъ 9,233, а Новгородцевъ только 5 чел. Счеты баснословные, какъ въ большей части чиселъ, приводимыхъ лѣтописцами. Въ Никоновской лѣтописи поставлено число убитыхъ 17,200, а новгородцевъ и ихъ союзниковъ—550. Между Новгородцами погибъ тогда славный богатырь Іевъ Поповичъ со слугою своимъ Несторомъ; Мстиславъ оплакивалъ ихъ. Несомнѣнно, что суздальцы были тогда разбиты на-голову. Побѣда эта произошла 21-го апрѣля въ четвертокъ второй недѣли послѣ пасхи.

Бѣглецы скрывались каждый въ своемъ городѣ: кто бѣжалъ въ Переяславль, кто въ Суздаль, кто въ Юрьевъ. Князь Юрій прибѣжалъ во Владиміръ, въ полдень. Въ городѣ оставались, говоритъ лѣтописецъ, одни попы, чернецы, женщины и дѣти,—все народъ невоинственный; какъ они увидѣли бѣгущихъ, то сначала обрадовались: думали, что это возвращаются побѣдители. Но какъ только вбѣжали Владимірцы въ свой городъ, тотчасъ закричали: «Твердите городъ!» И тогда вмѣсто веселья сдѣлался плачъ. Усилился этотъ плачъ ввечеру, когда сходились съ несчастнаго побоища раненые воины, и всю ночь потомъ сходились они въ городъ.

На другое утро князь собралъ вѣче. «Братья Володимірцы, говорилъ онъ имъ: затворимся въ городѣ, станемъ отъ нихъ отбиваться!»—«Съ кѣмъ затворимся, княже Юріе? возразили ему: братья наша избита; другіе въ плѣнъ взяты; да и тѣ, что прибѣжали съ бою, безъ оружія; съ кѣмъ станемъ на бой?»

«Я все это знаю, сказалъ Юрій: прошу васъ только не выдавайте меня ни Константину, моему брату, ни Мстиславу; лучше я самъ по своей волѣ выйду изъ города».

Володимірцы обѣщали. Союзники цѣлый день простояли на побоищѣ и уже на другой отправились ко Владиміру. Они подошли къ нему въ воскресенье 29-го апрѣля и объѣхали его кругомъ.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ загорѣлся княжескій дворъ. Новгородцы представляли, что наступаетъ удобный случай взять городъ; но Мстиславъ не пустилъ ихъ на приступъ. Во вторникъ ночью, часу въ десятомъ, опять сдѣлался пожаръ. Горѣло до разсвѣта. Смольняне просились идти на приступъ. Князь ихъ, Владиміръ, не дозволилъ. Лѣтописецъ не говоритъ, что было причиною этихъ пожаровъ: были-ли это случайные пожары, или зажигательства внутри въ пользу осаждающихъ, или же пожаръ произошелъ отъ метанія огня черезъ стѣну. Послѣ этого послѣдняго пожара, князь Юрій прислалъ къ союзникамъ съ челобитьемъ:

«Потерпите сегодня, завтра я выйду изъ города.»

Утромъ князь Юрій вышелъ съ сыновьями въ непріятельскій лагерь и, поклонившись Мстиславу и смоленскому князю, сказалъ:

«Кланяюсь, братія! а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ!»

Мстиславъ съ товарищами разсудили такъ:

Князю Константину слѣдуетъ вступить во Владиміръ, а Юрію вѣдать Городецъ. Сейчасъ изготовили ладьи и посады, сѣли въ нихъ дружины княжескія и люди. Одна ладья ожидала Юрія съ его женой. Юрій въ послѣдній разъ помолился въ церкви Богородицы и плакалъ у отеческаго гроба.

— «Суди Богъ, сказалъ онъ, брату моему Ярославу; это онъ довелъ меня до сего!»

И онъ сѣлъ въ ладью съ княгинею. Отправился съ нимъ и владыка. И потянулась за князьями вереница судовъ съ изгнанниками на новоселье. Сборы ихъ, видно, были невелики.

Между тѣмъ гонецъ бѣжалъ извѣщать Константина ростовскаго и звать его на столъ. Константина ожидала торжественная встрѣча: священническій чинъ со крестами; бояре и люди должны были выказывать радость: Константинъ одарилъ ихъ щедро. По обряду посадили его на столѣ, и всѣ Владимірцы цѣловали крестъ новому князю.

Упрямый и жестокій Ярославъ съ побоища убѣжалъ въ Переяславль и въ первомъ порывѣ досады приказалъ перековать всѣхъ Новгородцевъ и Смольнянъ, какихъ можно было найти въ городѣ по торговымъ и другимъ дѣламъ и засадилъ однихъ въ погреба, другихъ въ тѣсныя и душныя избы. По извѣстію лѣтописца, полтораста человѣкъ задохлось; число, быть можетъ, преувеличенное, какъ и число убитыхъ. 29-го апрѣля союзники пошли на него въ Переяславль. Вмѣстѣ съ ними отправился съ своимъ полкомъ и Константинъ. Не допуская враговъ до города, Ярославъ, 3-го мая, вышелъ самъ изъ Переяславля и добровольно явился къ брату своему Константину.

— «Я въ твоей волѣ,—сказалъ онъ:— но не выдавай меня Мстиславу».

Въ среду, на другой день, прибылъ Мстиславъ до того мѣста, куда впередъ дошелъ Константинъ. Онъ согласился примириться, но потребовалъ, чтобы дочь его, жена Ярослава, пріѣхала къ нему, и чтобы всѣ задержанные Новгородцы, которые еще не успѣли задохнуться отъ духоты, были выпущены на свободу и доставлены къ нему. Ярославъ долженъ былъ исполнить требованія по-

бѣдителя. Мстиславъ не отпустилъ своей дочери къ мужу и, наказавъ его презрѣніемъ, уѣхалъ.

Эта побѣдоносная война утвердила за Новгородомъ то великое нравственное значеніе, которое уже прежде доставлено было ему Мстиславомъ. Прежде Новгородцы установили рядъ въ Южной Руси, рѣшали споры южныхъ князей и судьбу правленія ихъ областей; теперь они распоряжались судьбою суздальскаго края и принуждали признать приговоръ, изреченный ихъ выборнымъ княземъ надъ вопросомъ о правѣ на княженіе, претендовавшее быть главою русской удѣльной федераціи; вмѣстѣ съ тѣмъ эта война показала, что Новгородцы умѣютъ заставить уважать неприкосновенность и цѣльность своей областной самостоятельности.

Мстиславъ недолго оставался въ Новгородѣ. Въ 1218 году онъ снова и уже навсегда попрощался съ нимъ. Созвавъ вѣче на Ярославскомъ дворѣ, удалой князь сказалъ вольнымъ дѣтямъ Великаго-Новгорода:

«Кланяюсь святой Софіи, и гробу отца моего, и вамъ! Хочу поискать Галича и васъ не забуду! Дай Богъ лечь близь отца моего у святыя Софіи!»

Онъ уѣхалъ въ Галичъ; и не привелъ его Богъ ни увидѣть Новгорода, ни костямъ его лечь подъ сводами св. Софіи.

Н. Костомаровъ.

41. Гастингская битва.

Гарольдъ находился въ Йоркѣ. Онъ былъ раненъ и отдыхалъ отъ трудовъ, когда запыхавшійся гонецъ извѣстилъ его, что Вильгельмъ Нормандскій высадился и водрузилъ свое знамя на землѣ англо-саксовъ. Гарольдъ немедленно пустился къ югу съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ и на походѣ объявлялъ и разсылалъ повелѣнія всѣмъ правителямъ областей вооружить войска и вести ихъ къ Лондону. Западныя ополченія пришли вскорѣ; сѣверныя, по дальности разстоянія, опоздали. Однакожъ можно было ожидать, что въ непродолжительномъ времени всѣ силы страны соберутся вокругъ англійскаго короля. Одинъ изъ тѣхъ норманновъ, въ пользу которыхъ было допущено изъятіе изъ закона о всеобщемъ ихъ изгнаніи и которые теперь стали шпіонами и тайными слугами завоевателя, предупредилъ герцога, чтобъ онъ былъ наготовѣ, потому что, черезъ четыре дня, сынъ Годвина приведетъ съ собою сто тысячъ человѣкъ. Нетерпѣливый Гарольдъ не выждалъ четырехъ дней: онъ не могъ преодолѣть желанія поскорѣе вступить въ бой съ чужестранцами, особенно, когда узналъ, что они во всѣхъ отношеніяхъ разоряютъ окрестную страну. Надежда защитить отъ бѣдствій хотя нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, можетъ быть желаніе попытать противъ норманновъ непредвидимое и внезапное нападеніе въ родѣ того, которое ему удалось противъ норвежцевъ, побудило Гарольда спѣшить къ Гастингсу съ войскомъ вчетверо слабѣйшимъ противъ силъ герцога Нормандскаго.

Но станъ Вильгельма зорко охранялся отъ нечаяннаго нападенія, и передовые его караулы охватывали большое пространство. Конные отряды, отступая передъ непріятелемъ, извѣстили о приближеніи короля саксовъ, который, говорили они, мчится, какъ бѣшеный. Видя неудачу намѣренія внезапно ударить на непріятеля, саксъ былъ вынужденъ умѣрить свою запальчивость; онъ остановился въ семи миляхъ отъ лагеря норманновъ и, вдругъ измѣнивъ планъ дѣйствія, для отраженія нападеній норманновъ устроилъ окопы и сталъ ихъ ожидать за рвами и палисадами. Шпіоны, говорившіе по-французски, были посланы въ заморское войско для развѣдокъ о силѣ и диспозиціи непріятеля. По возвращеніи, они разсказывали, что въ лагерѣ Вильгельма болѣе священниковъ, нежели у англичанъ воиновъ. Они приняли за священниковъ всѣ тѣ лица въ нормандской арміи, которыя имѣли бри-

тыя бороды и коротко остриженные волосы, тогда какъ англичане, по своему обычаю, носили длинные волосы и бороду. При этомъ разсказѣ, Гарольдъ не могъ удержаться отъ улыбки. «Тѣ, которыхъ вы видѣли въ такомъ значительномъ числѣ», сказалъ онъ, «не священники, а храбрые воины, готовые показать намъ, чего они стоятъ». Многіе изъ саксонскихъ предводителей совѣтовали королю избѣгать сраженія и отступить на Лондонъ, опустошивъ всю между-лежащую страну, чтобъ переморить чужестранцевъ голодомъ. «Чтобъ я опустошилъ страну, которая мнѣ довѣрена въ охраненіе! Да это было бы предательство», отвѣчалъ Гарольдъ, «и я скорѣе долженъ пытать счастія въ бою съ малымъ числомъ моихъ людей, съ моею храбростью и моимъ правымъ дѣломъ».

Герцогъ Нормандскій, по совершенно противоположному характеру, во всѣхъ обстоятельствахъ не пренебрегалъ никакими средствами и ставилъ выгоду выше личной своей гордости; поэтому онъ воспользовался неблагопріятнымъ положеніемъ противника, чтобъ возобновить свои требованія. Монахъ, по имени Домъ Гюгъ Мегро, явился къ королю саксонскому и отъ лица Вильгельма предложилъ ему выбрать и выполнить одно изъ трехъ слѣдующихъ предложеній: или отказаться отъ королевства въ пользу нормандскаго герцога, или принять посредничество папы и положиться на его рѣшеніе, которому изъ двухъ быть королемъ, или наконецъ рѣшить этотъ вопросъ поединкомъ. Гарольдъ отвѣчалъ строптиво: «Я не отрекусь отъ королевскаго титла, не хочу посредничества папы и не принимаю поединка». Не смотря на эти положительные отказы, Вильгельмъ опять послалъ своего нормандскаго монаха и далъ ему наставленіе въ слѣдующихъ словахъ: «Ступай, скажи Гарольду, что если онъ будетъ вѣренъ своему прежнему договору со мною, то я оставлю ему всѣ земли за рѣкою Гумберомъ, а брату его Гурту дамъ всю страну, бывшую въ управленіи Годвина; если же онъ станетъ упорствовать противъ моихъ предложеній, то скажи ему, передъ его дружиной, что онъ лжецъ и клятвопреступникъ, что какъ онъ, такъ и всѣ его сообщники отлучены отъ церкви приговоромъ папы, и булла объ этомъ отлученіи у меня въ рукахъ».

Домъ Гюгъ Мегро произнесъ эти слова передъ Гарольдомъ съ нѣкоторою торжественностію, и нормандская лѣтопись упоминаетъ, что при словахъ: «отлучены отъ церкви», англійскіе предводители переглянулись между собою, какъ-бы при видѣ большаго бѣдствія. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: «Мы должны сражаться, какъ бы велика ни была предстоящая намъ опасность: дѣло идетъ не о томъ только, чтобъ подчиниться новому королю, какъ бы по смерти нашего короля; нѣтъ, дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ. Герцогъ Нормандіи отдалъ наши земли своимъ баронамъ, своимъ рыцарямъ, всѣмъ своимъ воинамъ и большая часть изъ нихъ уже поклялись ему въ вѣрности за эти земли. Всѣ они захотятъ своихъ долей, если ихъ герцогъ станетъ нашимъ королемъ; онъ самъ долженъ будетъ отдать имъ наши имущества, нашихъ женъ, нашихъ дочерей, потому что все имъ заранѣе обѣщано. Они пришли не для того только, чтобъ разорить насъ, но чтобъ разорить также и наше потомство, чтобъ отнять у насъ землю нашихъ предковъ; а что станется съ нами, куда пойдемъ мы, когда у насъ не будетъ болѣе отечества?» Англичане положили единодушною клятвою не заключать ни мира, ни перемирія, ни договора съ пришельцами и умереть или выгнать норманновъ.

На эти безполезные переговоры былъ потраченъ цѣлый день. Это былъ восьмнадцатый со времени побѣды надъ норвежцами близъ Йорка. Спѣшный походъ Гарольда на югъ поставилъ другіе отряды войскъ въ невозможность поспѣть въ его лагерь. Эдвинъ и Моркаръ, оба правителя сѣвера, были еще въ Лондонѣ

или на дорогѣ къ Лондону; къ Гарольду присоединялись только волонтеры, поодиночкѣ и малыми отрядами, поселяне и горожане, наскоро вооруженные, монахи, покидавшіе свои монастыри и спѣшившіе на зовъ отчизны. Въ числѣ этихъ послѣднихъ прибылъ Леофрикъ, аббатъ большаго Петерборугскаго монастыря, близь Эли, и аббатъ гидскій, изъ окрестности Винчестера. Онъ привелъ двѣнадцать монаховъ изъ своего монастыря и двадцать воиновъ, вооруженныхъ на его счетъ. Часъ сраженія наступалъ. Двое младшихъ братьевъ Гарольда, Гуртъ и Леофвинъ, заняли свои мѣста при немъ. Гуртъ хотѣлъ убѣдить старшаго брата не участвовать въ сраженіи, а отправиться въ Лондонъ за новыми подкрѣпленіями, пока его приверженцы будутъ отражать нападенія нормановъ. «Гарольдъ», говорилъ молодой человѣкъ, «ты не можешь отречься отъ того, чтобы, по насилію или добровольно, ты не клялся герцогу Вильгельму надъ мощами святыхъ: зачѣмъ же тебѣ идти въ бой, имѣя на себѣ преступленіе клятвы? Для насъ, не клявшихся ни въ чемъ, война вполнѣ законна: мы защищаемъ свою родину. Оставь насъ сражаться теперь однихъ. Если не устоимъ, ты намъ поможешь; если умремъ, ты за насъ отмстишь». На эти братскіе совѣты Гарольдъ отвѣчалъ, что долгъ запрещаетъ ему уклоняться отъ сраженія, тогда какъ его соотечественники жертвуютъ жизнью. Увѣренный въ себѣ и въ своемъ правѣ, онъ расположилъ войска къ сраженію.

На мѣстности, которая съ тѣхъ поръ и донынѣ называется *мѣстомъ битвы*, ряды англо-саксовъ занимали длинную гряду холмовъ, укрѣпленныхъ палисадами и ивовыми плетнями. Въ ночь 13 октября, Вильгельмъ объявилъ норманамъ, что на другой день будетъ сраженіе. Священники и монахи, прибывшіе въ большомъ числѣ вмѣстѣ съ завоевателями, въ надеждѣ, какъ и тѣ, на добычу, собрались на пѣніе молебновъ, а воины занялись приготовленіемъ къ бою своего оружія. Оставшееся за тѣмъ время они употребили на исповѣдь въ грѣхахъ и причащеніе. Въ противоположномъ войскѣ ночь прошла совсѣмъ въ другихъ занятіяхъ: саксы шумно веселились и пѣли старинныя народныя пѣсни, опоражнивая, вкругъ своихъ огней, рога, полные пива и вина.

Поутру, въ нормандскомъ лагерѣ, епископъ байёскій, братъ по матери герцогу Вильгельму, служилъ обѣдню и благословлялъ войска, вооруженный панцыремъ подъ своимъ епископскимъ облаченіемъ; потомъ онъ сѣлъ на великолѣпнаго бѣлаго коня, взялъ начальническій жезлъ и распорядился построеніемъ кавалеріи. Армія раздѣлилась на три атакующія колонны: въ первой были воины изъ графствъ Булони и Понтіё, а также большая часть авантюристовъ, пришедшихъ воевать за плату; во второй были союзники бретанскіе, мансойскіе и пуатуанскіе; надъ третьей колонной, состоявшей изъ норманскаго рыцарства, начальствовалъ лично самъ Вильгельмъ. Впереди и по флангамъ этихъ боевыхъ отрядовъ шла многочисленными рядами пѣхота, легко вооруженная, съ длинными деревянными луками и стальными самострѣлами; одѣты они были въ кафтаны на толстой подкладкѣ. Герцогъ ѣхалъ на конѣ, приведенномъ ему изъ Испаніи богатымъ норманомъ, бывшимъ на богомольѣ у святаго Іакова въ Галиціи. Онъ надѣлъ себѣ на шею наиболѣе уважаемыя изъ тѣхъ мощей, надъ которыми клялся Гарольдъ; а освященное папой знамя несъ при немъ молодой человѣкъ, по имени Тустенъ ле-Бланъ. Прежде, нежели войска тронулись, Вильгельмъ сказалъ имъ такую рѣчь:

«Старайтесь хорошо сражаться и всѣхъ ихъ бейте на смерть. Если побѣдимъ, всѣ будемъ богаты. Что добуду я, добудете вы; если завоюю я, завоюете вы; если я возьму землю, она будетъ ваша. Знайте, однакожъ, что я пришелъ сюда не затѣмъ только, чтобъ взять то, что мнѣ слѣдуетъ, но и для того, чтобъ

*

отмстить англичанамъ за ихъ вѣроломство, клятвопреступленія и измѣны. Они умертвили датчанъ, мужчинъ и женщинъ, въ ночь святаго Брикія. Они замучили спутниковъ моего родственника Альфреда и погубили его самого. Пойдемъ же и, съ Божіею помощью, накажемъ ихъ за всѣ сдѣланныя имъ злодѣянія».

Вскорѣ войско подошло на видъ саксонскаго лагеря, на сѣверо-западъ отъ Гастингса. Сопровождавшіе его священники и монахи отдѣлились и взошли на недальній холмъ, чтобы молиться и смотрѣть на сраженіе. Норманъ Тайлеферъ выскакалъ впередъ войсковаго строя и запѣлъ знаменитую по всей Галліи пѣсню Карломана и Роланда. Распѣвая, онъ игралъ своимъ мечемъ, высоко его подбрасывалъ и ловилъ на лету правою рукою; норманы вторили его припѣвамъ или кричали: Боже помоги намъ! Боже помоги намъ!

По сближеніи войскъ въ мѣру полета стрѣлы, стрѣлки начали пускать стрѣлы, а арбалетчики—свои четырегранки; но большая часть этого метательнаго оружія засѣдала въ высокой оградѣ саксонскихъ укрѣпленій. Пѣхотинцы, вооруженные копьями, и кавалерія подошли къ укрѣпленіямъ и пытались ворваться въ ворота. Англо-саксы, всѣ пѣшіе вокругъ своего знамени, водруженнаго въ землю, составляли за своими палисадами сплошной и твердый строй; они встрѣтили нападающихъ топорами, однимъ размахомъ разсѣкая копья и прорубая желѣзныя кольчуги. Норманы не успѣли ни разрушить палисадовъ, ни ворваться въ укрѣпленія и, утомленные безполезнымъ нападеніемъ, отступили къ колоннѣ Вильгельма. Герцогъ опять выдвинулъ своихъ стрѣлковъ и велѣлъ имъ, вмѣсто прицѣльной стрѣльбы, стрѣлять навѣсно, для того, чтобы ихъ метательное оружіе, перелетая черезъ укрѣпленія, поражало непріятелей сверху. Тогда многіе англичане были ранены, и большею частью въ лицо. Стрѣла пронзила Гарольду глазъ; но онъ продолжалъ начальствовать и сражаться. Возобновилось нападеніе пѣшихъ и конныхъ норманов, при крикахъ: Божія Матерь, помоги! Боже, помоги! Норманы были опять отбиты и, отступая отъ однихъ воротъ, попали къ крутому оврагу, прикрытому кустарниками и высокой травой: лошади ихъ тамъ оступались, они падали стремглавъ въ оврагъ, и многіе погибли. Мгновенный ужасъ распространился въ заморскомъ войскѣ. Разнесся слухъ, что герцогъ убитъ: началось бѣгство. Вильгельмъ бросился на бѣгущихъ и грозно пересѣкъ имъ дорогу; онъ поражалъ бѣглецовъ своимъ копьемъ и, снявъ шлемъ, кричалъ имъ: «Я здѣсь, смотрите на меня, я живъ, и, Богъ поможетъ, мы побѣдимъ».

Всадники возвратились къ укрѣпленіямъ, но не могли ни отбить воротъ, ни сдѣлать пролома: тогда герцогъ прибѣгнулъ къ хитрости, чтобъ выманить англичанъ изъ ихъ укрѣпленій и разстроить ихъ ряды; онъ велѣлъ тысячному отряду всадниковъ произвести нападеніе и удариться въ бѣгство. Видя это безпорядочное отступленіе, саксы потеряли хладнокровіе: они бросились въ погоню, повѣсивъ на шеи свои топоры. Въ нѣкоторомъ разстояніи, другой отрядъ, нарочно подготовленный, присоединился къ мнимымъ бѣглецамъ, которые тотчасъ повернули лошадей и со всѣхъ сторонъ встрѣтили ударами копій и мечей нестройно бѣжавшихъ англичанъ, которымъ тѣмъ труднѣе было обороняться, что они бились огромными топорами, подымая ихъ обѣими руками. Въ это время былъ сдѣланъ проломъ въ укрѣпленіи: туда ворвались всадники и пѣшіе, и пошла рукопашная свалка. Подъ Вильгельмомъ убита лошадь; король Гарольдъ и оба его брата пали мертвыми къ подножію своего знамени, которое было вырвано и замѣнено хоругвью, присланною изъ Рима. Остатки англійскаго войска, безъ вождя и безъ знамени, продолжали борьбу до ночи, такъ что сражающіеся въ темнотѣ узнавали своихъ только по языку.

Тогда кончилось это отчаянное со-

противленіе. Товарищи Гарольда разсѣялись и большею частію погибли на дорогахъ отъ ранъ и боеваго изнуренія. Нормандскіе всадники преслѣдовали ихъ неотступно и никому не давали пощады. Норманы провели ночь на мѣстѣ битвы. Поутру, съ разсвѣтомъ дня, Вильгельмъ выстроилъ свои войска и велѣлъ сдѣлать перекличку всѣмъ людямъ, переплывшимъ съ нимъ море; выкликали по спискамъ, составленнымъ передъ отплытіемъ изъ стоянки при Сен-Валери. Значительное ихъ число лежало мертвыми и умирающими вмѣстѣ съ побѣжденными. Счастливцы, оставшіеся въ живыхъ, для первой добычи за побѣду, обобрали убитыхъ непріятелей. Перебирая трупы, они нашли между ними тринадцать въ монашескихъ одеждахъ подъ воинскимъ вооруженіемъ: это былъ аббатъ Гиды и двѣнадцать его монаховъ. Названіе ихъ монастыря было внесено первымъ въ черную книгу завоевателей.

Матери и жены воиновъ, пришедшихъ изъ окрестностей сражаться и умереть при своемъ королѣ, собрались отъискивать и хоронить тѣла своихъ родныхъ. Тѣло короля Гарольда оставалось довольно долго на мѣстѣ битвы; никто не рѣшался просить о выдачѣ этого трупа. Наконецъ Гита, вдова Годвина, превозмогая свою горесть, послала къ Вильгельму просить дозволенія отдать послѣднюю почесть ея сыну. Нормандскіе историки говорятъ, что она предлагала золота на вѣсъ его тѣла. Но герцогъ жестко отказалъ, говоря, что человѣкъ, солгавшій противъ своей вѣры и закона, не стоитъ другой могилы, какъ въ прибрежномъ пескѣ. Потомъ, если вѣрить стариннымъ преданіямъ, онъ смягчился на просьбы монаховъ Вильтгамскаго аббатства, основаннаго и обогащеннаго Гарольдомъ. Два саксонскіе монаха, Осгодъ и Айльрикъ, посланные аббатомъ вильтгамскимъ, просили и получили дозволеніе похоронить въ своей церкви останки ихъ благодѣтеля. Они пошли къ громадѣ обнаженныхъ мертвыхъ тѣлъ, тщательно разсматривали одно за другимъ и не могли отличить того, котораго искали: такъ былъ онъ обезображенъ. Не надѣясь успѣть въ своихъ розыскахъ, они обратились къ женщинѣ, которую любилъ Гарольдъ еще прежде, нежели былъ выбранъ королемъ, и просили ее принять участіе въ ихъ печальномъ трудѣ. Имя ея было Эдиѳь; ее прозвали красавица-лебяжья шея. Она согласилась идти за монахами на розъискъ и нашла трупъ любимаго человѣка.

Всѣ эти событія разсказаны лѣтописцами англо-саксонскаго племени съ такимъ уныніемъ и отчаяніемъ, которыя трудно передать. Они называютъ день этой битвы днемъ горькимъ, днемъ смерти, днемъ, обагреннымъ кровью храбрыхъ. «Англія, что скажу я о тебѣ», восклицаетъ историкъ элійской церкви, «что разскажу я слѣдующимъ поколѣніямъ? что ты лишилась своего народнаго короля и подпала власти иностранца; что твои дѣти бѣдственно погибли; что твои правители и совѣтники побѣждены, ограблены, умерщвлены». Долго спустя послѣ этого бѣдственнаго сраженія, народное суевѣріе видѣло слѣды свѣжей крови на мѣстѣ боя; кровавыя пятна, говорили, показываются, лишь только дождь смочитъ землю, на высотахъ къ сѣверо-западу отъ Гастингса.

Немедленно послѣ своей побѣды, герцогъ Вильгельмъ далъ обѣтъ построить на этомъ мѣстѣ монастырь во имя Святой Троицы и святаго Мартина, покровителя гальскихъ воиновъ. Исполненіе этого обѣщанія не замедлилось, и главный алтарь новаго монастыря былъ воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло и было сокрушено знамя короля Гарольда. Окружность внѣшнихъ стѣнъ была назначена по холму, который храбрѣйшіе изъ англичанъ устлали своими тѣлами, и вся окрестная мѣстность, на которой происходили ужасы битвы, отдана въ собственность этому аббатству, названному по-нормански Аббатствомъ Баталіи (Abbaye de la Bataille).

Монахи изъ большаго Мармутіесскаго монастыря близь Тура прибыли и основались въ новомъ монастырѣ для молитвы по убитыхъ въ сраженіи.

Говорятъ, что когда началась закладка строенія, архитекторы убѣдились въ невозможности добыть воды на этомъ мѣстѣ и пришли къ Вильгельму съ этимъ непріятнымъ извѣстіемъ. «Работайте, работайте», возразилъ весело завоеватель, «если Богъ продлитъ мнѣ вѣку, то у монаховъ Баталіи будетъ больше вина, чѣмъ чистой воды въ любомъ христіанскомъ монастырѣ. *А. Тьери.*

42. Карлъ V въ монастырѣ Сенъ-Юста.

Поселясь въ Юстѣ, Карлъ устроилъ свою жизнь сообразно съ жизнію монашествующей братіи, на сколько это позволяло его слабое здоровье. Онъ, впрочемъ, вовсе не имѣлъ намѣренія ограничить себя условіями жизни простыхъ монаховъ. Свита его состояла изъ пятидесяти человѣкъ, преимущественно фламандцевъ. Число это не должно казаться большимъ, потому что дворы многихъ испанскихъ грандовъ того времени были гораздо многолюднѣе. Онъ учредилъ, однакожь, такія должности, которыя были гораздо свойственнѣе дворцу, нежели монашеской келіи: таковы, напримѣръ, майоръ-домъ, милостынникъ, хранитель королевскихъ нарядовъ, хранитель драгоцѣнныхъ камней, камергеры, два часовыхъ мастера, нѣсколько секретарей, докторъ, духовникъ, кондитеры, повара, булочники, пивовары и множество слугъ. Многіе изъ нихъ были, кажется, не совсѣмъ довольны тихою жизнью въ Юстѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ письма Квихады, императорскаго майоръ-дома, пользовавшагося большимъ довѣріемъ Карла. «Спальня его величества», пишетъ онъ, «довольно хороша; но видъ изъ нея очень бѣденъ: нагіе утесы и нѣсколько чахлыхъ деревьевъ; садъ умѣренной величины; въ немъ разбросаны померанцовыя деревья; дороги почти непроходимы; кромѣ ручья, вытекающаго изъ горъ, вовсе нѣтъ воды... Жалкая страна!» Низенькія, пасмурныя комнаты онъ находитъ весьма неудобными для императора, одержимаго болѣзнью. «Что касается монаховъ», пишетъ секретарь Гастелу, «то они должны благодарить Бога, что его величество терпитъ ихъ здѣсь; а это не такъ легко, потому что они пренесносный народъ». По всему видно, что придворные Карла, дѣлившіе съ нимъ уединеніе, охотно промѣняли бы тихую монашескую жизнь на веселые пиры въ Брюсселѣ.

Почтенный пріоръ монастыря, въ разговорахъ съ императоромъ, величалъ его обыкновенно титуломъ *Paternidad*, пока одинъ изъ монаховъ не присвоилъ ему титула *Magestaad*. Дѣйствительно, на этотъ титулъ Карлъ имѣлъ полное право, потому что все еще былъ императоромъ. Отреченіе его отъ императорской короны, послѣдовавшее вскорѣ послѣ отреченія отъ испанскаго престола, было недѣйствительнымъ, такъ какъ сеймъ не могъ собраться въ то время, когда посланникъ его, принцъ Оранскій, находился въ Ратисбонѣ, весною 1557 года; притомъ война, начатая Филиппомъ съ Франціей, требовала, чтобы Карлъ отсрочилъ свое отреченіе, такъ что только 28 февраля 1558 года во Франкфуртѣ Карлъ окончательно сложилъ съ себя достоинство германскаго императора, хотя, впрочемъ, сохранилъ императорскій титулъ.

Современники сохранили намъ точныя свѣдѣнія объ образѣ жизни Карла. Каждое утро, если здоровье позволяло ему выходить, онъ слушалъ обѣдню въ монастырской церкви, а послѣ обѣдни обѣдалъ часто въ монастырской трапезной. Онъ самъ разрѣзывалъ себѣ кушанье; но руки, ослабленныя подагрой, не всегда повиновались ему. При обѣдѣ, кромѣ доктора, съ соболѣзнованіемъ видѣвшаго, какъ его паціентъ, не отличавшійся воздержаніемъ, нарушаетъ діэту, присутствовалъ любимецъ Карла, ученый фламандецъ фан-Мале. Бесѣда сокращала

длинную и медленную церемонію обѣда. Иногда разговоръ обращался на вопросы естественной исторіи, въ которой императоръ имѣлъ довольно основательныя свѣдѣнія; иногда между собесѣдниками начинался споръ, и тогда духовникъ долженъ былъ разрѣшать его.

Послѣ обѣда, длившагося часа два, Карлъ слушалъ отрывки изъ любимѣйшихъ богословскихъ сочиненій. Въ молодости онъ съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ жизнь Людовика XI, написанную Коминомъ. Принципъ этого государя: «Qui nescit dissimulare, nescit regnare», довольно близко подходилъ къ характеру Карла. Но теперь онъ искалъ надежнаго пути къ спасенію, и потому приказывалъ читать себѣ сочиненія св. Бернарда и еще чаще св. Августина, а вечеромъ слушалъ проповѣдь одного изъ монаховъ. Для этой цѣли были переведены въ Юстъ три или четыре ученѣйшіе іеронимита, которые поочередно произносили проповѣди въ монастырской церкви. Если же случалось, что императоръ не могъ присутствовать въ церкви, то приглашалъ къ себѣ своего духовника, патера Жуана де-Регла, и бесѣдовалъ съ нимъ о предметахъ религіозныхъ. Карлъ былъ чрезвычайно точенъ въ исполненіи всѣхъ религіозныхъ обязанностей. Если болѣзнь иногда мѣшала ему строго соблюдать эти обязанности, то онъ замѣнялъ ихъ бичеваніемъ и иногда, особенно великимъ постомъ, сѣкъ себя такъ жестоко, что вся плеть покрывалась кровью. Филиппъ съ благоговѣніемъ говорилъ о набожности отца, которую онъ завѣщалъ сыну.

Возраставшая заботливость о собственномъ спасеніи внушила Карлу строгость къ другимъ. Замѣтивъ, что нѣкоторые молодые монахи, долѣе чѣмъ нужно, разговариваютъ съ женщинами, приходившими къ монастырю, Карлъ объявилъ, что всякая женщина, которая подойдетъ къ монастырскимъ воротамъ ближе, чѣмъ на два выстрѣла, будетъ наказана стами ударами плети. Разсказываютъ, будто одинъ монахъ, выведенный изъ терпѣнія наставленіями набожнаго Карла, однажды гнѣвно сказалъ ему: «Вамъ мало того, что всю жизнь ворочали міромъ, теперь хотите повернуть къ верху дномъ бѣдный монастырь!»

Страстный любитель музыки и пѣнія, которымъ католическая церковь дала мѣсто въ своихъ церемоніяхъ, Карлъ находилъ въ церковной службѣ и эстетическое наслажденіе. Онъ самъ пѣлъ хорошо; его чистый, звучный голосъ нерѣдко слышался изъ отвореннаго окна его спальни, откуда онъ слушалъ церковную службу, когда болѣзнь мѣшала ему выходить. Въ церкви становился онъ въ рядъ монаховъ и пѣлъ вмѣстѣ съ ними. Его ухо не могло перенести фальшивой ноты: услышавъ невѣрный звукъ, императоръ переставалъ пѣть и вполголоса дѣлалъ довольно грубыя замѣчанія, которыя соглашались съ привычками стараго воина, но мало шли къ настоящему положенію императора.

Время, свободное отъ религіозныхъ обязанностей, посвящалъ онъ другимъ занятіямъ, къ которымъ чувствовалъ постоянную склонность, но отъ которыхъ отвлекали его государственныя обязанности. Карлъ проводилъ довольно долгое время въ саду, ухаживая за молодыми растеніями; въ дурную же погоду занимался механическими работами. Еще за нѣсколько лѣтъ до прибытія въ Юстъ, живя въ Германіи, онъ весьма искусно устроилъ повозку, приспособленную къ его положенію; теперь же пригласилъ въ Юстъ знаменитаго инженера Торріано, прославившагося гидравлическими сооруженіями въ Толедо, и, пользуясь его свѣдѣніями въ механикѣ, сдѣлалъ нѣсколько деревянныхъ статуй, которыя представляли солдатъ, исполняющихъ разные военные пріемы. Современники и позднѣйшіе историки много говорятъ о маленькихъ деревянныхъ птицахъ, которыя могли вылетать и влетать въ окна императорскаго дома, что приводило въ крайнее удивленіе безхитростную монашествующую братію. Но ничто не возбуждало въ ней такого изумленія, какъ

маленькая ручная мельница, которая въ одинъ день доставляла столько муки, что ея достаточно было одному человѣку на цѣлую недѣлю и даже больше. Добрые монахи были убѣждены, что въ изобрѣтеніи этой чудесной мельницы участвовала нечистая сила. Въ послѣдствіи это обстоятельство было одною изъ причинъ преслѣдованія, которому инквизиція подвергла несчастнаго механика.

Устройство часовъ также обращало на себя вниманіе императора: въ его комнатахъ было нѣсколько часовъ, которые своимъ мѣрнымъ стукомъ нарушали ничѣмъ невозмущаемую тишину. Современники сохранили одинъ весьма замѣчательный анекдотъ о часахъ. Карлъ всегда заботился, чтобы всѣ часы шли совершенно одинаково. Регулируя двое изъ нихъ, онъ наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и воскликнулъ: «Если эти бездушныя машины не могутъ совершенно походить другъ на друга, то не глупо ли требовать, чтобы всѣ люди одинаково понимали вопросы религіи?» Это восклицаніе, въ которомъ проглядываетъ духъ вѣротерпимости, неизвѣстный въ XVI вѣкѣ, могло бы послужить тэмой для серьезныхъ размышленій Филиппу II, начинавшему свое царствованіе страшными auto-da-fe и убѣжденному, что костры и пытки будутъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для поддержанія чистоты католицизма. Въ саду Юста еще очень недавно можно было видѣть остатки солнечныхъ часовъ, устроенныхъ Торріано, по которымъ Карлъ съ точностью могъ измѣрять медленно влачившееся время.

Не смотря на все отвращеніе къ праздныхъ церемоніаламъ и вовсе не желая принимать у себя посѣтителей, привлекаемыхъ въ Юстъ единственно любопытствомъ, Карлъ, однакожъ, не могъ не допустить къ себѣ нѣсколькихъ грандовъ, имѣнія которыхъ лежали въ окрестностяхъ Юста. Они явились къ своему старому королю съ искреннимъ желаніемъ выразить ему свою преданность. Но никто изъ нихъ не доставлялъ ему столько удовольствія, какъ Франциско Борджа, герцогъ гандійскій, причисленный въ послѣдствіи римско-католическою церковью къ лику святыхъ. Подобно Карлу, онъ занималъ блестящее положеніе въ свѣтѣ и такъ же, какъ онъ, убѣдился въ суетѣ мірской славы. Еще въ молодости удалился онъ отъ свѣта и вступилъ въ іезуитскую коллегію. По приглашенію императора, онъ нерѣдко пріѣзжалъ въ Юстъ и бесѣдой своею доставлялъ удовольствіе Карлу. Старые друзья вспоминали былыя времена и, сравнивая ихъ съ своимъ настоящимъ положеніемъ, радовались, что заблаговременно посвятили себя служенію Богу.

Двѣ сестры императора, вдовствующія королевы французская и венгерская, провожавшія его изъ Нидерландовъ въ Испанію, посѣтили его въ Юстѣ. Но трудности путешествія и самая жизнь въ уединенномъ убѣжищѣ императора не могли внушить имъ желанія продлить свое пребываніе тамъ или повторить визитъ.

Въ это время никто не возбуждалъ въ Карлѣ такого глубокаго участія, какъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, жившій въ семействѣ его майоръ-дома, Квихады, поселившемся въ сосѣдней деревнѣ Куакосъ. Этотъ мальчикъ былъ не кто другой, какъ донъ-Жуанъ Австрійскій, будущій герой Лепанто. Онъ былъ побочный сынъ Карла; но до смерти императора никто не зналъ этой тайны, кромѣ одного Квихады, который ввелъ его въ монастырь въ качествѣ своего пажа. Мальчикъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ признаки благороднаго, открытаго и смѣлаго характера; онъ служилъ утѣшеніемъ для своего больнаго духомъ и тѣломъ отца и поддерживалъ въ немъ сердечныя привязанности, которыя заглушила бы холодная атмосфера затворнической жизни.

Воины, возвращавшіеся съ поля битвы, могли быть увѣрены, что императоръ приметъ ихъ ласково и даже будетъ радъ имъ. Онъ охотно слушалъ разсказы о состояніи дѣлъ государственныхъ, разспрашивалъ объ арміи, объ ея орга-

низаціи, входилъ въ малѣйшія подробности. Продолжительный разговоръ съ однимъ офицеромъ, прибывшимъ изъ Нидерландовъ, по имени Спиноса, доказываетъ, какое живое участіе принималъ онъ въ дѣлахъ правленія вообще и особенно въ военномъ дѣлѣ.

Обыкновенно говорятъ, что Карлъ V, отказавшись отъ престола, заживо схоронилъ себя. «Безучастіе его въ дѣлахъ правленія было такъ полно», говоритъ одинъ изъ его біографовъ, «какъ будто онъ никогда не принималъ въ нихъ участія»; «разрывъ его съ внѣшнимъ міромъ былъ совершенный», утверждаетъ другой современникъ: «никакой переворотъ, никакая война, ни золотыя горы, вывезенныя изъ Индіи, не могли бы поколебать его спокойствія». Мнѣніе это въ высшей степени неосновательно: императоръ не только сохранилъ интересъ къ дѣламъ правленія, но даже имѣлъ на нихъ вліяніе. Филиппъ былъ такъ благоразуменъ, что во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ политики полагался на сужденіе своего отца, искушеннаго продолжительнымъ опытомъ; мало того, въ Филиппѣ, котораго привязанность къ власти и сану достигла невѣроятныхъ размѣровъ, нашлось столько самоотверженія, что, при началѣ войны съ папой и Франціей, онъ просилъ императора оставить Юстъ и помочь ему не только совѣтомъ, но и дѣломъ. Принцесса Іоанна, дочь Карла, бывшая въ то время регентшей, вела съ нимъ постоянную переписку, сообщая ему свѣдѣнія объ управленіи. Устранясь отъ отвѣтственности за административныя мѣры, предпринимаемыя Филиппомъ, онъ такъ заботился объ ихъ успѣхѣ, какъ будто онѣ были предначертаны имъ самимъ. «Пишите подробнѣе», говоритъ одинъ изъ секретарей Карла въ письмѣ къ секретарю совѣта регентши: «его величество желаетъ знать всѣ подробности событій». Самый живой интересъ возбудила въ немъ война съ папой, начатая Филиппомъ тотчасъ по вступленіи его на престолъ. Карлъ не раздѣлялъ сомнѣній Филиппа, который никакъ не могъ помириться съ необходимостью объявить войну главѣ католицизма, и смѣло утверждалъ, что эта война—правая война во всѣхъ отношеніяхъ. Однажды, когда ему принесли письма, онъ нетерпѣливо воскликнулъ, отчего въ нихъ нѣтъ извѣстія о смерти Павла или Караффы. Онъ былъ очень недоволенъ перемиріемъ, заключеннымъ Альбою съ папой, и сожалѣлъ, что сложилъ съ себя правленіе. Неудовольствіе его возрасло еще болѣе, когда ему прочитали мирный трактатъ: онъ былъ до того взволнованъ, что, какъ замѣчаетъ его секретарь, это могло имѣть дурное вліяніе на его здоровье.

Съ такимъ же участіемъ слѣдилъ онъ за ходомъ французской войны. Его столько же огорчила потеря Кале, сколько обрадовала сен-кентенская побѣда, послѣ который онъ ожидалъ, что Филиппъ двинетъ свои побѣдоносныя войска къ Парижу. По словамъ Брантома, всякій разъ, когда получались извѣстія съ театра войны, онъ спрашивалъ: «что, Филиппъ въ Парижѣ?» И всегда сердился, услышавъ отвѣтъ отрицательный. Видно, онъ мало зналъ характеръ своего сына!

Въ то же время Карлъ вступилъ въ переговоры съ Наваррой и вслѣдъ за тѣмъ началъ дипломатическія сношенія съ португальской регентшей, своею сестрою. Цѣль послѣднихъ состояла въ томъ, чтобъ внукъ его, донъ-Карлосъ, признанъ былъ наслѣдникомъ португальской короны въ случаѣ смерти юнаго короля, двоюроднаго брата принца Астурійскаго. Мысль соединить подъ одинъ скипетръ два народа, принадлежащіе одному племени, говорящіе однимъ языкомъ, имѣющіе одинаковыя учрежденія, была завѣтной мыслью Карла, котораго даже въ монастырѣ не оставлялъ духъ властолюбія. Но ему не было суждено привести въ исполненіе этотъ давно задуманный планъ. Какъ бы онъ былъ счастливъ, еслибъ могъ предвидѣть, что этотъ планъ будетъ исполненъ Филиппомъ!

Финансовые вопросы особенно при-

влекали къ себѣ вниманіе монашествующаго императора. «Во всѣхъ своихъ письмахъ къ вашей сестрѣ, регентшѣ», пишетъ онъ къ сыну, «я прошу ее заботиться особенно о финансахъ, стараюсь объяснить ей, какъ важно для васъ, если финансы находятся въ хорошемъ состояніи». Онъ постоянно отъискивалъ новые источники дохода, опасаясь, чтобъ недостатокъ средствъ не заставилъ Филиппа прекратить военныя дѣйствія. Этотъ фактъ, кажется, доказываетъ, что тѣ писатели, которые утверждаютъ, будто Филиппъ удерживалъ деньги, назначенныя Карлу, ошибаются. Карлъ опредѣлилъ себѣ сперва шестнадцать тысячъ дукатовъ, а потомъ увеличилъ эту сумму до двадцати тысячъ, которыя и уплачивались ему по частямъ. Мнѣніе это составилось, вѣроятно, вслѣдствіе того, что эти деньги выдавались не всегда своевременно: въ Испаніи акуратность казалась бы чудомъ!

Злоупотребленія нѣкоторыхъ членовъ севильскаго комитета торговли возмущали императора. «Я долго не хотѣлъ писать къ вамъ», говоритъ онъ въ письмѣ своемъ къ регентшѣ кастильской, «полагая, что гнѣвъ мой пройдетъ. Но я ошибся въ ожиданіи. Я постоянно узнаю о новыхъ злоупотребленіяхъ.... Еслибъ не болѣзнь, я давно бы поѣхалъ въ Севилью и разсчитался бы съ этими негодями». «Его величество», пишетъ секретарь его Гастелу, «приказалъ мнѣ распорядиться, чтобъ виновные были заключены въ кандалы и среди бѣла-дня отправлены въ Химанказъ; онъ приказалъ помѣстить ихъ не въ комнатахъ, а въ подвалахъ, и потомъ казнить. Гнѣвъ императора былъ такъ силенъ, что онъ именно такими словами выразилъ свою волю, и потому, надѣюсь, вы извините меня, что письмо мое нѣсколько рѣзко». Севильскій комитетъ торговли обязанъ былъ принимать въ государственную казну золото, привозимое изъ Индіи частными лицами, и выдавать векселя. Нѣкоторые купцы, недовольные этимъ обезпеченіемъ, по соглашенію съ членами комитета, утаивали часть золота и обращали его въ свою собственность. Отсюда правительство понесло значительный убытокъ, что и было главной причиной неудовольствія императора. При всемъ спокойствіи характера, Карлъ всегда былъ склоненъ къ внезапнымъ взрывамъ гнѣва, и монастырская жизнь не изгладила въ немъ этого недостатка.

Хорошій климатъ, правильная жизнь при отсутствіи безпокойствъ, соединенныхъ съ заботами правленія, такъ благодѣтельно подѣйствовали на Карла, что, въ первые десять мѣсяцевъ по прибытіи въ Юстъ, здоровье его значительно улучшилось. Припадки подагры становились рѣже и слабѣе. Но весною 1558 года старая болѣзнь возвратилась съ новою силою. «Я не въ состояніи былъ прослушать ни одной проповѣди во весь постъ», писалъ онъ къ Филиппу. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ не могъ взять въ руки пера. Духъ его былъ подавленъ физическимъ страданіемъ, къ которому вскорѣ присоединилось и нравственное: въ февралѣ 1558 года онъ узналъ о смерти своей сестры, Элеоноры, вдовствующей королевы французской и португальской.

Между Карломъ и его двумя сестрами господствовала самая искренняя привязанность. Нравственныя достоинства королевы Элеоноры внушили Карлу такую глубокую привязанность къ ней, что, узнавъ объ ея смерти, онъ былъ такъ огорченъ, какъ потерею собственнаго дитяти. «Она была истинная христіанка», говорилъ онъ своему секретарю—и слезы текли по щекамъ его: «мы всегда любили другъ друга. Она была старше меня только пятнадцатью мѣсяцами, и я, вѣроятно, не проживу болѣе пятнадцати мѣсяцевъ». Предсказаніе его сбылось гораздо раньше.

Около этого времени правительство обратило вниманіе на распространеніе протестантизма, находившаго во многихъ городахъ Испаніи значительное число приверженцевъ. Религіозная не-

терпимость была въ такой же мѣрѣ свойственна Карлу, какъ и другимъ государямъ, происходившимъ изъ кастильской линіи. Пока онъ былъ на тронѣ, наслѣдственная ненависть его къ еретикамъ смягчалась политическими цѣлями; но, послѣ отреченія, всѣ эти цѣли смѣнились одною цѣлью—спасеніемъ души, и онъ далъ полную волю своему врожденному чувству нетерпимости. Въ письмѣ (отъ 3 мая 1558 года) къ дочери своей Іоаннѣ онъ говоритъ: «Скажите отъ меня великому инквизитору, чтобъ онъ не забывалъ своей обязанности и топоромъ пресѣкъ зло, прежде чѣмъ оно успѣетъ распространиться далѣе. Я убѣжденъ въ вашей ревности; жду, что накажете виновныхъ—всѣхъ безъ изъятія, и накажете со всею строгостью, какой требуетъ великость преступленія». Спустя три недѣли, онъ опять писалъ къ дочери: «Еслибъ я не былъ увѣренъ, что вы исполните долгъ свой—разомъ остановите усиливающееся зло, казните виновныхъ, я не въ силахъ былъ бы долѣе оставаться въ монастырѣ: я самъ принялъ бы средства противъ еретиковъ». Голосъ Карла, раздававшійся изъ уединеннаго монастыря среди пустынныхъ горъ, не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: вліяніемъ своимъ и настойчивостью онъ навлекъ на себя тяжкую отвѣтственность за тѣ ужасы, которыми ознаменовалось вступленіе его сына на испанскій престолъ.

Около половины августа, припадки подагры усилились и сдѣлались весьма опасны. Это было приписано простудѣ; однакожъ было бы основательнѣе сказать, что причиной болѣзни Карла была невоздержность: по прежнему на столѣ его появлялись тѣ блюда, которыя могутъ быть полезны только совершенно здоровому человѣку, и онъ ѣлъ ихъ съ такимъ аппетитомъ, какъ въ то время, когда цѣлые дни проводилъ на конѣ. При немъ всегда находился докторъ, который возставалъ противъ поведенія своего паціента; но паціентъ, къ несчастію, не считалъ нужнымъ слѣдовать его совѣтамъ: паштеты, откормленные каплуны и другія кушанья въ этомъ родѣ имѣли для него слишкомъ большую прелесть, и онъ не въ силахъ былъ отъ нихъ отказаться.

Усилившаяся болѣзнь внушила ему предчувствіе приближающейся смерти, которое онъ высказалъ прежде въ разговорѣ съ своимъ секретаремъ. Мрачныя размышленія привели его къ странной мысли—приготовить все необходимое къ погребенію и сдѣлать репетицію этой печальной церемоніи. Въ половинѣ августа пригласилъ онъ къ себѣ своего духовника и, сообщивъ ему свою мысль, спросилъ его мнѣніе. Сговорчивый патеръ не нашелъ ничего предосудительнаго; напротивъ, находилъ намѣреніе императора похвальнымъ и назидательнымъ. На другой день послѣ этого совѣщанія, стѣны монастырской капеллы покрылись черной драпировкой, зажжены сотни восковыхъ свѣчъ, которыя, однакожъ, не могли разсѣять густаго мрака. Монахи, одѣтые въ траурныя ризы, и всѣ придворные императора въ глубокомъ траурѣ собрались у высокаго катафалка, поставленнаго по срединѣ церкви. Началась похоронная служба. Во время заунывнаго пѣнія монаховъ, многіе изъ присутствующихъ плакали, представляя себѣ картину смерти своего государя. Самъ императоръ, одѣтый въ глубокій трауръ, со свѣчею въ рукѣ, стоялъ среди зрителей своихъ собственныхъ похоронъ. Когда церемонія кончилась, онъ передалъ свѣчу въ руки духовника, въ знакъ того, что предаетъ душу свою въ руки Всевышняго.

Такъ разсказываетъ объ этомъ печальномъ фарсѣ монастырская хроника, которая, безъ всякаго измѣненія, повторялась всѣми послѣдующими историками до настоящаго времени, пока историческая критика не заподозрила этого факта, основываясь на томъ, что ни одинъ изъ приближенныхъ Карла, жившихъ въ Юстѣ, не упоминаетъ о немъ. До насъ дошли письма императорскаго доктора, майоръ-дома и секретаря, отправленныя изъ Юста тридцать перва-

го августа (въ день, когда, по словамъ хроники, Карлъ отправлялъ свои похороны) и перваго сентября; но ни въ одномъ изъ этихъ писемъ не говорится о необыкновенномъ событіи, которое должно было произвести на всѣхъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе.

Достовѣрно только то, что если репетиція похоронъ и была, то не тридцать перваго августа, потому что въ этотъ день у Карла была горячка, отъ которой уже не суждено было ему вылечиться и о которой докторъ его сообщаетъ весьма подробныя свѣдѣнія: нельзя поэтому предположить, чтобъ онъ умолчалъ о сценѣ, которая должна была имѣть дурное дѣйствіе на нервы больнаго.

Однакожъ эта сцена записана однимъ изъ членовъ братства іеронимитовъ, жившимъ тогда въ Юстѣ, и притомъ записана со всѣми подробностями. Разсказчикъ говоритъ о сердечномъ сокрушеніи, испытанномъ имъ самимъ и всѣми остальными свидѣтелями похоронъ еще живаго человѣка. Этотъ же разсказъ повторенъ съ тѣми же подробностями эскуріальскимъ пріоромъ, имѣвшимъ полную возможность собрать свѣденія отъ очевидцевъ. Наконецъ онъ подтвержденъ нѣсколькими писателями, жившими около того времени; а они могли удостовѣриться въ истинѣ разсказа. Дѣйствительно, всѣ лица, подтверждающія этотъ фактъ, находились въ такихъ условіяхъ, что еслибъ разсказъ былъ безоснователенъ, то существованіе его никакъ нельзя было бы объяснить недоразумѣніемъ съ ихъ стороны. Правда, монастырскія лѣтописи не всегда вѣрно передаютъ подробности записанныхъ ими событій, особенно если событія касаются чести ихъ ордена; но какую цѣль могъ имѣть лѣтописецъ Монастыря Св. Юста, сочиняя такую странную и въ существѣ своемъ пустую исторію?

Сомнѣніе наше основывается исключительно на томъ фактѣ, что въ письмахъ, посланныхъ изъ Юста въ тотъ день, когда, по свидѣтельству монастырской хроники, исполненъ былъ обрядъ похоронъ, нѣтъ никакихъ подтвержденій. Однакожъ должно принять во вниманіе, что выдумать необыкновенный фактъ и передать невѣрно дѣйствительно случившееся событіе—двѣ вещи разныя; сверхъ того извѣстно, что монахи-лѣтописцы, равно какъ и другіе историки XVI вѣка, не отличаются хронологическою точностью, и потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что церемонія похоронъ была исполнена нѣсколькими днями раньше, чѣмъ показываетъ хроника. Случилось такъ, что съ восьмнадцатаго по двадцать седьмое августа до насъ не дошло ни одного письма изъ Юста. По крайней мѣрѣ, я не только не имѣлъ въ рукахъ писемъ, относящихся къ этому времени, но даже не знаю, чтобы кто нибудь цитировалъ ихъ. Если современемъ такое письмо откроется, то въ немъ, вѣроятно, будетъ намекъ и на похороны; молчаніе же лицъ, писавшихъ въ послѣднихъ числахъ августа и въ началѣ сентября, легко объясняется тѣмъ, что со дня этой репетиціи протекло уже довольно много времени, и болѣзнью императора, которая въ глазахъ ихъ была болѣе важнымъ событіемъ. Недоумѣніе, возникающее при изслѣдованіи этого факта, можетъ быть разсѣяно не иначе, какъ предположеніемъ, что монастырскій лѣтописецъ сдѣлалъ невольную ошибку.

Въ характерѣ и поведеніи Карла находимъ черты, не только не противорѣчащія разсказу монаха, но, напротивъ, подтверждающія его. Наклонность къ умственному затменію была въ крови кастильскихъ государей, и ни въ комъ не проявлялась она такъ рѣзко, какъ въ Іоаннѣ, матери Карла V. Нѣкоторые признаки упадка умственныхъ способностей проглядываютъ въ поступкахъ Карла еще до отреченія его. Папа Павелъ IV, узнавъ о намѣреніи императора отречься отъ престола и поселиться въ монастырѣ, сказалъ, что Карлъ съ ума сошелъ. Хоть мы и не можемъ согласиться съ этимъ, слишкомъ рѣз-

кимъ мнѣніемъ папы, однакожъ въ нѣкоторыхъ поступкалъ Карла не можемъ не замѣтить признаковъ помѣшательства. Пристрастіе его, напримѣръ, къ похороннымъ церемоніямъ подтверждаетъ наше мнѣніе: онъ искалъ случая исполнить гдѣ нибудь этотъ печальный обрядъ и пользовался смертью не только своихъ родственниковъ, но даже частныхъ людей, занимавшихъ какую либо важную должность. Погребальныя церемоніи сдѣлались празднествами въ Сен-Юстѣ съ того времени, какъ поселился тамъ Карлъ. Онѣ имѣли для него особенную прелесть. Это напоминаетъ его мать, Іоанну, которая возила съ собою нѣсколько лѣтъ тѣло своего умершаго мужа. Отпраздновавъ похороны своихъ родителей и жены, что заняло нѣсколько дней, Карлъ возъимѣлъ наконецъ намѣреніе прорепетировать церемонію и своего собственнаго погребенія. Эта странная мысль покажется намъ еще болѣе вѣроятной, если вспомнимъ, что постоянныя размышленія о загробной жизни и приготовленія къ смерти должны были сильно раздражить его больное воображеніе.

Тринадцатаго августа Карлъ заболѣлъ; въ слѣдующіе дни болѣзнь постоянно усиливалась и симптомы постоянно становились опаснѣе. Въ монастырской хроникѣ также есть нѣсколько подробностей объ этой болѣзни, о которыхъ умалчиваютъ письма. Вечеромъ тридцать перваго августа Карлъ приказалъ принести къ себѣ одинъ изъ портретовъ своей жены, находившихся въ его коллекціи, и долго всматривался въ ея прекрасное лицо, «какъ будто просилъ ее», замѣчаетъ іеронимитъ, «приготовить ему мѣсто въ горнихъ селеніяхъ, куда отлетѣла ея чистая душа». Потомъ, насмотрѣвшись вдоволь на другое произведеніе Тиціана, онъ приказалъ принести знаменитую картину этого художника «Gloria», находившуюся въ алтарѣ монастырской капеллы, откуда, вмѣстѣ съ останками императора, она была перенесена въ Эскуріалъ. Карлъ такъ долго и пристально всматривался въ эту картину, что привелъ въ недоумѣніе врача, который всѣми средствами старался удалять отъ него все могущее раздражать его нервы. Недоумѣніе врача еще болѣе увеличилось, когда Карлъ пришелъ въ себя и, обратясь къ нему, сказалъ, что очень боленъ. У него была горячка; пульсъ ударялъ быстро и сильно. Докторъ открылъ ему кровь; но кровопусканіе не имѣло никакихъ послѣдствій. Регентша Іоанна, узнавъ объ опасной болѣзни отца, послала въ Юстъ своего доктора; но никакіе врачи и никакія земныя лекарства не могли помочь больному. Скоро не осталось сомнѣнія, что эта болѣзнь будетъ его послѣднимъ страданіемъ на землѣ.

Карлъ узналъ объ этомъ почти съ радостью и сказалъ, что уже давно желалъ этого. Первымъ дѣломъ его было пересмотрѣть длинное завѣщаніе, написанное за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Девятаго сентября онъ значительно дополнилъ его. Здѣсь онъ говорилъ преимущественно о тѣхъ лицахъ, которыя раздѣляли съ нимъ монастырское заключеніе. О сынѣ своемъ, донѣ-Жуанѣ Австрійскомъ, Карлъ не сказалъ въ завѣщаніи ни слова, но передалъ волю свою Филиппу черезъ майоръ-дома Квихаду, съ которымъ долго бесѣдовалъ за нѣсколько дней до смерти. Филиппъ въ точности исполнилъ волю отца въ отношеніи къ своему брату.

Въ дополненіи къ завѣщанію находимъ мы одинъ пунктъ, достойный особеннаго вниманія. Заклиная сына повиноваться его волѣ, Карлъ убѣждалъ его преслѣдовать еретиковъ безъ пощады и исключеній и поддерживать инквизицію: въ ней императоръ видѣлъ вѣрнѣйшее средство къ достиженію святой цѣли— истребленія еретиковъ. «Такъ поступай, сынъ мой» заключалъ онъ, «и Богъ благословитъ тебя во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ». Это были послѣднія слова умирающаго императора къ сыну, и они упали на плодородную почву.

Девятнадцатаго сентября силы Карла до того ослабѣли, что духовникъ его

нашелъ необходимымъ совершить надъ нимъ обрядъ послѣдняго мѵропомазанія. Карлъ пожелалъ, чтобъ этотъ обрядъ былъ надъ нимъ исполненъ по тѣмъ же правиламъ, какъ надъ монахами, и, несмотря на слабость, повторялъ за духовникомъ акаѳистъ, семь покаянныхъ псалмовъ и нѣсколько мѣстъ изъ св. писанія. На другой день онъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься, что дѣлалъ довольно часто во время болѣзни. Духовникъ замѣтилъ ему, что послѣ мѵропомазанія это вовсе не необходимо. «Можетъ быть», отвѣчалъ Карлъ, «но это—хорошее напутствіе для человѣка, который собирается въ дальній путь». Изнуренный болѣзнью, императоръ стоялъ на колѣняхъ во все время обряда. Его глубокое, искреннее раскаяніе тронуло всѣхъ окружавшихъ его.

Во время болѣзни Карлъ искалъ утѣшенія въ св. писаніи и особенно въ псалмахъ, которые ежедневно ему читали. При немъ, по приглашенію маіордома, находилось постоянно нѣсколько лицъ. Между ними былъ Бартоломе де-Карранса, въ послѣдствіи архіепископъ толедскій, примасъ Испаніи, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ возстановленіи католицизма въ Англіи въ правленіе Маріи; но подъ конецъ жизни онъ самъ сдѣлался жертвой инквизиціи. Даже немногія слова, сказанныя имъ въ утѣшеніе умирающему императору, были замѣчены духовникомъ его, перетолкованы и послужили основаніемъ къ обвиненію его въ ереси.

Двадцать перваго сентября, около двухъ часовъ пополуночи, императоръ, долгое время не произносившій ни слова, воскликнулъ: «Теперь пора!» Его посадили на постели, въ правую руку подали ему зажженную свѣчу, а лѣвой онъ старался удержать серебряное распятіе, которое держала въ рукахъ его супруга въ часъ его смерти. Карлъ тогда же приказалъ Квихадѣ сохранить это распятіе и подать ему въ минуту кончины. Оно нѣсколько времени лежало у него на груди, и архіепископъ толедскій, взявъ его и держа предъ Карломъ, который пристально смотрѣлъ на этотъ святой символъ, сталъ читать псаломъ *De profundis*. Когда архіепископъ кончилъ, императоръ сдѣлалъ слабое усиліе поцѣловать крестъ, но силы ему измѣнили—онъ упалъ на подушку, воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Ay Iesus!» и умеръ. Быть можетъ, опасаясь сдѣлаться жертвой наслѣдственной болѣзни, Карлъ постоянно молился, чтобы при смерти сохранить сознаніе, и молитва его была услышана. *Прескотъ.*

43. Вильгельмъ Оранскій.

И тѣломъ и духомъ онъ казался старше другихъ людей того же возраста. Дѣйствительно, можно было бы сказать, что онъ никогда не былъ молодъ. Его наружность знакома намъ почти такъ же хорошо, какъ и его полководцамъ и совѣтникамъ. Ваятели, живописцы и медальеры употребили все свое искуство, чтобы передать его черты потомству; а черты его были таковы, что художникъ не могъ не потрафить ихъ, и таковы, что, увидѣвши разъ, нельзя было никогда ихъ забыть. При его имени намъ тотчасъ представляется худощавый и хилый станъ, высокій и широкій лобъ, носъ, загнутый на подобіе орлинаго клюва, глаза, въ блескѣ и зоркости не уступавшіе орлинымъ, многодумное и нѣсколько угрюмое выраженіе лица, твердо и нѣсколько сурово сжатыя губы, блѣдныя и впалыя щеки, глубоко изборожденныя недугомъ и заботами. Этотъ задумчивый, строгій и торжественный видъ едва ли могъ бы принадлежать счастливому или веселому человѣку. Но онъ несомнѣннымъ образомъ показываетъ способность, которой подъ силу самыя трудныя предпріятія, и мужество, которому ни по чемъ превратности счастья и опасности.

Природа щедро одарила Вильгельма качествами великаго правителя, а воспитаніе развило эти качества въ необыкновенной степени. Съ крѣпкимъ при-

роднымъ смысломъ и рѣдкою силою воли, онъ, когда умъ его только что началъ пробуждаться, очутился круглымъ сиротою, главою большой, но подавленной и упавшей духомъ партіи, наслѣдникомъ обширныхъ и безграничныхъ притязаній, возбуждавшихъ страхъ и отвращеніе олигархіи, которая тогда господствовала въ Соединенныхъ провинціяхъ. Простой народъ, искренно привязанный въ теченіе столѣтія къ его дому, всякій разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, заявлялъ несомнѣннымъ образомъ, что считалъ его законнымъ своимъ главою. Искусные и опытные министры республики, смертельные враги его фамиліи, являлись каждый день свидѣтельствовать ему притворное почтеніе и наблюдать за развитіемъ его ума. Они тщательно подмѣчали первыя проявленія его честолюбія и записывали каждое сказанное имъ неосторожное слово. Онъ не имѣлъ при себѣ ни одного совѣтника, на котораго могъ бы положиться. Едва исполнилось ему пятнадцать лѣтъ, какъ подозрительное правительство удалило изъ его дома всѣхъ слугъ, преданныхъ его интересамъ, или мало-мальски пользовавшихся его довѣріемъ. Онъ протестовалъ съ энергіей, необыкновенной въ его лѣта, но протестъ оказался безплоднымъ. Внимательные наблюдатели видѣли, какъ слезы не разъ закипали въ глазахъ молодаго государственнаго плѣнника. Его отъ природы нѣжное здоровье разстроилось на время отъ душевныхъ волненій, причиненныхъ безотраднымъ положеніемъ. Такія положенія смущаютъ и разслабляютъ слабыхъ, но вызываютъ наружу всю силу сильныхъ. Окруженный ловушками, въ которыхъ обыкновенный юноша погибъ бы, Вильгельмъ научился ступать бережно и въ то же время твердо. Задолго до возмужалости онъ уже умѣлъ хранить тайны, отдѣлываться отъ любопытства сухими и осторожными отвѣтами и скрывать всѣ страсти подъ неизмѣнною личиною важнаго спокойствія. Между тѣмъ въ свѣтскомъ и ученомъ отношеніи онъ сдѣлалъ мало успѣховъ. Манеры голландской аристократіи того времени не отличались изяществомъ, которое доведено было до совершенства между французскими дворянами и которое, въ нѣсколько меньшей степени, украшало собою англійскій дворъ; а манеры Вильгельма были совершенно голландскія. Даже соотечественники считали его нелюбезнымъ. Иностранцамъ онъ часто казался грубымъ. Въ сношеніяхъ съ людьми вообще онъ обнаруживалъ непривычку или пренебреженіе къ тѣмъ тонкостямъ обхожденія, которыя удвоиваютъ цѣну милости и смягчаютъ горечь отказа. Онъ мало интересовался литературою или наукою. Открытія Ньютона и Лейбница, стихотворенія Драйдена и Буало были неизвѣстны ему. Драматическія представленія утомляли его; онъ охотно отворачивался отъ сцены, чтобъ поговорить о государственныхъ дѣлахъ въ то время, какъ Орестъ безумствовалъ, или въ то время, какъ Тартюфъ жалъ руку Эльмиры. У него былъ талантъ къ сарказму, и онъ нерѣдко, совершенно безсознательно, обнаруживалъ природное краснорѣчіе, правда, неуклюжее, но сильное и оригинальное. У него, однако, не было ни малѣйшаго поползновенія прослыть остроумцемъ или ораторомъ. Его вниманіе исключительно устремлялось на тѣ занятія, которыя образуютъ энергическихъ и проницательныхъ дѣловыхъ людей. Съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ онъ слушать бесѣды о важныхъ дипломатическихъ, финансовыхъ и военныхъ вопросахъ. Геометрію зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для постройки равелина или горнверка. Языки, благодаря своей удивительно сильной памяти, зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для умѣнья понимать и вести, безъ посторонней помощи, всякаго рода разговоръ и переписку. Голландскій языкъ былъ его природнымъ языкомъ. Онъ понималъ по-латини, по-итальянски и по-испански. Онъ говорилъ и писалъ по французски, по-англійски и по-нѣмецки,

неизящно, правда, и неправильно, но бѣгло и вразумительно. Никакое другое качество не могло имѣть болѣе важнаго значенія для человѣка, жизнь котораго должна была пройти въ составленіи великихъ союзовъ и въ командованіи разноплеменными арміями.

Одинъ разрядъ философскихъ вопросовъ былъ навязанъ его вниманію обстоятельствами и, кажется, интересовалъ его болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ общаго строя его характера. Между протестантами Соединенныхъ провинцій, какъ и между протестантами нашего острова, существовали двѣ великія религіозныя партіи, которыя почти вполнѣ совпадали съ двумя великими политическими партіями. Представители муниципальной олихархіи были арминіяне и въ глазахъ простаго народа почти ничѣмъ не отличались отъ папистовъ. Принцы Оранскіе, напротивъ, покровительствовали кальвинистскому духовенству и не малою долею популярности обязаны были своему рвенію о догматахъ предопредѣленія и неизмѣнной благодати, рвенію, не всегда просвѣщенному знаніемъ и не всегда умѣренному гуманностью. Вильгельмъ съ дѣтства тщательно былъ обученъ богословской системѣ, которой держалась его фамилія, и относился къ этой системѣ съ пристрастіемъ, превосходившимъ даже то чувство, какое обыкновенно питаютъ люди къ своей наслѣдственной вѣрѣ. Онъ много размышлялъ о великихъ загадкахъ, которыя обсуживались на Дортрехтскомъ соборѣ, и нашелъ въ суровой и непреклонной логикѣ Женевской школы нѣчто такое, что соотвѣтствовало его уму и характеру. Тому примѣру нетерпимости, который подавали нѣкоторые изъ его предшественниковъ, онъ никогда не подражалъ. Ко всякому гоненію питалъ онъ рѣшительное отвращеніе, которое заявлялъ не только тамъ, гдѣ заявленіе очевидно требовалось политическими соображеніями, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по видимому, интересы его выиграли бы отъ притворства или молчанія. А между тѣмъ его богословскія мнѣнія были еще рѣшительнѣе, чѣмъ мнѣнія его предковъ. Догматъ о предопредѣленіи былъ краеугольнымъ камнемъ его религіи. Вильгельмъ не рѣдко объявлялъ, что, если бы ему пришлось отказаться отъ этого догмата, онъ долженъ былъ бы отказаться съ нимъ отъ всякой вѣры въ верховный Промыслъ и сдѣлаться просто эпикурейцемъ. За исключеніемъ этого единственнаго пункта, вся жизненная сила его могучаго духа съ раннихъ поръ обратилась отъ умозрительныхъ къ практическимъ вопросамъ. Способности, необходимыя для веденія важныхъ дѣлъ, созрѣли у него въ тотъ періодъ жизни, когда онѣ едва начинаютъ расцвѣтать у обыкновенныхъ людей. Со временъ Октавія міръ не видѣлъ такого примѣра скороспѣлой политической мудрости. Искусные дипломаты изумлялись, слушая меткія замѣчанія семнадцатилѣтняго принца о государственныхъ дѣлахъ, и еще болѣе изумлялись, видя, что этотъ юноша даже тамъ, гдѣ отъ него можно было ожидать сильной пылкости, сохранялъ, подобно имъ, невозмутимое хладнокровіе. Восемнадцати лѣтъ онъ засѣдалъ между отцами отечества, серьезный, осторожный и разсудительный, подобно самому маститому изъ нихъ. Двадцати одного года, въ періодъ унынія и страха, онъ былъ поставленъ во главѣ управленія. Двадцати трехъ лѣтъ, онъ славился во всей Европѣ какъ воинъ и политикъ. Онъ попралъ внутреннія факціи, сдѣлался душею могущественной коалиціи и съ честью подвизался на полѣ битвы противъ нѣкоторыхъ изъ величайшихъ полководцевъ того времени.

Личныя его наклонности были наклонностями скорѣе воина, нежели государственнаго человѣка; но онъ, подобно прадѣду своему, молчаливому принцу, который основалъ Батавскую республику, занимаетъ гораздо болѣе высокое мѣсто между государственными людьми, нежели между воинами. Исходъ сраже-

ній, разумѣется, не можетъ быть безошибочнымъ мѣриломъ способностей полководца; и особенно несправедливо было бы прилагать это мѣрило къ Вильгельму, такъ какъ ему почти всегда приходилось сражаться противъ полководцевъ, которые были вполнѣ мастерами своего дѣла, и противъ войскъ, которыя въ дисциплинѣ далеко превосходили его войска. Однако есть основаніе думать, что онъ, какъ боевой генералъ, отнюдь не могъ равняться даже съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые далеко уступали ему въ умственныхъ способностяхъ. Тѣмъ, кому онъ довѣрялъ, онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ благородною откровенностью человѣка, который совершилъ великія дѣла и который легко могъ признать за собою нѣкоторые недостатки. По его словамъ, онъ никогда не готовился къ военному званію. Онъ былъ еще мальчикомъ, когда его поставили во главѣ арміи. Между его офицерами не было ни одного, способнаго обучить его ратному дѣлу. Собственныя его ошибки и послѣдствія ихъ были единственными его уроками. «Я отдалъ бы, воскликнулъ онъ однажды, добрую часть моихъ имѣній за то, чтобъ прослужить нѣсколько кампаній подъ начальствомъ принца Конде, прежде чѣмъ мнѣ пришлось командовать противъ него». Очень можетъ быть, что обстоятельство, помѣшавшее Вильгельму достичь особеннаго искусства въ стратегіи, имѣло вообще благопріятное дѣйствіе на энергію его ума. Если его битвы не были битвами великаго тактика, за то онѣ дали ему право называться великимъ человѣкомъ. Никакое злополучіе ни на минуту не могло лишить его твердости или полнаго присутствія духа. Его пораженія исправлялись съ такою изумительною быстротою, что, прежде чѣмъ враги его успѣвали отслужить благодарственный молебенъ, онъ уже снова готовъ былъ къ бою; сверхъ того, неудачи никогда не лишали его уваженія и довѣрія его солдатъ. Этимъ уваженіемъ и довѣріемъ онъ не мало обязанъ былъ личной своей храбрости. Храбрость въ той степени, которая необходима, чтобы солдатъ не опозорился въ теченіе кампаніи, имѣется или, при надлежащей выучкѣ, можетъ явиться у огромнаго большинства людей. Но храбрость, какою обладалъ Вильгельмъ, представляетъ дѣйствительно рѣдкое явленіе. Онъ былъ испытанъ всяческими испытаніями: войною, ранами, тяжкими и гнетущими недугами, бушующими морями, крайней и постоянною опасностью отъ руки убійцъ, опасностью, которая потрясала очень крѣпкіе нервы, опасностью, которая жестоко поколебала даже адамантовую твердость Кромвеля. Однако никто никогда не могъ открыть такого предмета, котораго бы принцъ Оранскій боялся. Его совѣтники съ трудомъ могли уговорить его принимать предосторожности противъ пистолетовъ и кинжаловъ заговорщиковъ. Старые моряки изумлялись спокойствію, которое онъ сохранялъ среди ревущихъ буруновъ у опаснаго берега. Въ бою храбрость его обращала на себя вниманіе даже между десятками тысячъ храбрыхъ воиновъ, вызывала благородное одобреніе у непріятельскихъ армій и никогда не заподозрѣвалась даже несправедливостью враждебныхъ факцій. Во время первыхъ своихъ кампаній онъ подвергался опасности какъ человѣкъ, искавшій смерти, всегда былъ первымъ при нападеніи и послѣднимъ при отступленіи, съ мечемъ въ рукѣ, дрался въ самой густой толпѣ и, не взирая ни на пулю, засѣвшую въ его рукѣ, ни на кровь, струившуюся по его кирасѣ, стойко держался на мѣстѣ и махалъ шляпою подъ самымъ жаркимъ огнемъ. Друзья заклинали его беречь жизнь, безцѣнную для его родины. Знаменитѣйшій его противникъ, великій Конде, послѣ кровопролитнаго сраженія при Сенефѣ, замѣтилъ, что принцъ Оранскій во всѣхъ отношеніяхъ велъ себя какъ старый генералъ, за исключеніемъ того, что подвергался опасности какъ молодой новобранецъ. Вильгельмъ не признавалъ себя виновнымъ въ безраз-

судной отвагѣ. Онъ говорилъ, что былъ всегда на опасномъ мѣстѣ по чувству долга и по холодному расчету требованій общественной пользы. Войска, которыми онъ командовалъ, были мало привычны къ войнѣ и боялись рукопашной схватки съ опытными французскими солдатами. Нужно было, чтобы ихъ вождь показалъ имъ, какъ выигрываются сраженія. И дѣйствительно, не разъ случалось, что битва, казавшаяся безнадежно проигранною, оканчивалась успѣшно, благодаря неустрашимости, съ какою онъ собиралъ свои разстроенные батальоны и собственноручно убивалъ трусовъ, подававшихъ примѣръ бѣгства. Иногда, впрочемъ, онъ какъ будто находилъ какое-то странное удовольствіе рисковать собою. Замѣчено было, что расположеніе его духа никогда не бывало такъ хорошо, а манеры такъ граціозны и развязны, какъ среди шума и кровопролитія битвы. Даже въ забавахъ искалъ онъ упоенія опасностью. Карты, шахматы и бильярдъ не доставляли ему никакого удовольствія. Охота была любимымъ его развлеченіемъ, и чѣмъ болѣе было въ ней риску, тѣмъ болѣе она ему нравилась. Онъ иногда заставлялъ своего коня дѣлать такіе скачки, что отважнѣйшіе его товарищи не рѣшались слѣдовать за нимъ. Самыя смѣлыя англійскія забавы считалъ онъ, кажется, изнѣженными и тосковалъ въ большомъ виндзорскомъ паркѣ по дичи, которую привыкъ травить въ гельдернскихъ лѣсахъ: по волкамъ, дикимъ кабанамъ и огромнымъ оленямъ съ рогами о шестнадцати вѣтвяхъ.

Отважность его духа была тѣмъ замѣчательнѣе, что тѣлосложеніе его было необыкновенно нѣжно. Съ дѣтскаго возраста онъ былъ слабъ и болѣзненъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ къ недугамъ его присоединилась жестокая оспа. Онъ страдалъ одышкой и имѣлъ расположеніе къ чахоткѣ. Его слабая грудь изнемогла отъ постояннаго хриплаго кашля. Онъ не могъ уснуть, не подложивши подъ голову нѣсколькихъ подушекъ, и почти не могъ дышать въ мало-мальски нечистомъ воздухѣ. Его часто мучили жестокія головныя боли. Напряженіе силъ быстро утомляло его. Доктора постоянно поддерживали надежды его враговъ, то и дѣло назначая срокъ, далѣе котораго, по всѣмъ сколько-нибудь достовѣрнымъ соображеніямъ медицинской науки, невозможно было, чтобы его разстроенный организмъ могъ выдержать. Однако, въ теченіе всей жизни Вильгельма, которая была однимъ продолжительнымъ недугомъ, сила его духа ни разу, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, не переставала поддерживать его страждущее и немощное тѣло.

Природа надѣлила его пылкими страстями и живою впечатлительностью; но свѣтъ и не подозрѣвалъ силы его чувствъ. Отъ взоровъ толпы его радости и печали, симпатіи и антипатіи скрывались личиною флегматическаго хладнокровія, вслѣдствіе чего онъ прослылъ за самаго холоднаго изъ людей. Тѣ, которые приносили ему хорошія вѣсти, рѣдко могли подмѣтить въ немъ признаки удовольствія. Тѣ, которые видѣли его послѣ пораженія, тщетно искали на его лицѣ слѣдовъ огорченія. Онъ хвалилъ и бранилъ, награждалъ и наказывалъ съ суровымъ спокойствіемъ могокскаго вождя; но тѣмъ, которые хорошо его знали и близко его видѣли, извѣстно было, что подъ ледяною оболочкою постоянно пылалъ жестокій огонь. Гнѣвъ рѣдко лишалъ его способности самообладанія. Но когда ему случалось дѣйствительно разгнѣваться, первый взрывъ его страсти былъ ужасенъ. Почти нельзя было тогда подступать къ нему. Впрочемъ, въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ только онъ приходилъ въ себя, онъ немедленно давалъ тѣмъ, кого оскорбилъ, такое полное удовлетвореніе, что у нихъ чуть не рождалось желанія, чтобы онъ снова пришелъ въ бѣшенство. Его расположеніе было такъ же стремительно, какъ и его гнѣвъ. Кого онъ любилъ, того любилъ онъ со всею энергіею сильной души. Когда смерть разлучала его

съ предметомъ любви, немногочисленные свидѣтели его отчаянія трепетали за его разсудокъ и жизнь. Для очень небольшаго кружка задушевныхъ друзей, на вѣрность и скромность которыхъ онъ могъ безусловно полагаться, онъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ, непохожимъ на того сдержаннаго и стоическаго Вильгельма, котораго толпа считала лишеннымъ человѣческихъ чувствъ. Онъ былъ ласковъ, радушенъ, откровененъ, даже обходителенъ и шутливъ, охотно просиживалъ за столомъ цѣлые часы и принималъ живое участіе въ веселой бесѣдѣ.

Маколей.

44. Аристидъ.

Аристидъ былъ другомъ Клисѳена, который далъ Аѳинамъ новое государственное устройство послѣ изгнанія тирановъ. Но образцемъ для него и предметомъ удивленія, изъ всѣхъ государственныхъ людей, былъ Ликургъ Лакедемонскій; потому онъ принялъ сторону аристократіи и нашелъ себѣ такимъ образомъ противника въ Ѳемистоклѣ, сынѣ Неокла, защитникѣ простаго народа.

Воспитываясь вмѣстѣ, они, по мнѣнію нѣкоторыхъ, уже съ самаго дѣтства стали чувствовать взаимную непріязнь. Въ часы занятій и отдохновенія, посреди серьезныхъ бесѣдъ и шутокъ, они равно сталкивались и ссорились. Это соперничество вскорѣ ярко очертило характеръ каждаго изъ нихъ. Ѳемистоклъ былъ ловокъ, смѣлъ, хитеръ, готовъ броситься на все съ неудержимымъ пыломъ. Аристидъ былъ одаренъ твердымъ характеромъ, непоколебимъ въ своей преданности правдѣ и даже въ шутку не позволялъ себѣ никогда ни лжи, ни лести, ни притворства.

Ѳемистоклъ тотчасъ примкнулъ къ одной гетеріи и такимъ образомъ пріобрѣлъ себѣ не малую поддержку и значеніе. Когда однажды замѣтили ему, что онъ достигнетъ власти надъ Аѳинянами, если только будетъ справедливъ ко всѣмъ и безпристрастенъ, Ѳемистоклъ отвѣчалъ: «я никогда не рѣшусь занять такое мѣсто, которое мнѣ не дастъ средствъ доставить моимъ друзьямъ болѣе выгодъ, чѣмъ постороннимъ». Аристидъ, напротивъ, остался одинъ и шелъ, можно сказать, въ своей политической жизни своимъ собственнымъ путемъ: во-первыхъ потому, что не желалъ ни сдѣлать, въ угожденіе друзей, какую-нибудь несправедливость, ни оскорбить ихъ своимъ отказомъ; во-вторыхъ, онъ сознавалъ, что могущество, основанное на поддержкѣ друзей, многихъ увлекаетъ къ несправедливымъ поступкамъ. Потому онъ избѣгалъ такихъ отношеній и полагалъ, что гражданинъ не долженъ имѣть другой поддержки, кромѣ привычки всегда говорить и поступать правдиво и честно.

Между тѣмъ Ѳемистоклъ стремился слишкомъ смѣло къ преобразованіямъ. Онъ перечилъ Аристиду во всѣхъ его намѣреніяхъ, разрушалъ всѣ его мѣры. Аристидъ поставленъ былъ въ необходимость также противодѣйствовать видамъ Ѳемистокла, отчасти для собственной защиты, отчасти для того, чтобы подорвать его значеніе, которое съ каждымъ днемъ выростало вмѣстѣ съ народною любовью. Лучше, полагалъ онъ, иной разъ пожертвовать общественнымъ благомъ, чѣмъ допускать постоянное торжество мнѣній Ѳемистокла и этимъ усиливать его значеніе.

Одинъ разъ онъ рѣшился даже оспаривать предложеніе, клонившееся прямо къ пользѣ государства, потому только, что оно исходило отъ Ѳемистокла. Онъ успѣлъ его отвергнуть, но, выходя изъ собранія, не могъ не высказать, что для блага гражданъ слѣдовало бы его и Ѳемистокла бросить на дно Баратрона.

Въ другой разъ онъ предложилъ народу законъ, который вызвалъ сильныя возраженія и споры. Онъ одолѣлъ противодѣйствіе и уже предсѣдатель народнаго собранія сталъ собирать голоса, какъ Аристидъ, самъ убѣдившись среди преній въ неудобствахъ закона, взялъ

свое предложеніе назадъ. Часто онъ дѣлалъ свои предложенія чрезъ другихъ, чтобы Ѳемистоклъ изъ зависти не препятствовалъ приведенію въ исполненіе полезныхъ плановъ. Посреди превратностей политической жизни онъ выказывалъ удивительную твердость. Онъ не становился высокомѣренъ отъ почестей и всегда безропотно и съ спокойствіемъ духа примирялся съ неудачами, питая убѣжденіе, что слѣдуетъ отдавать себя на служеніе отечеству не ради славы, не изъ-за денегъ и не ожидая награды, ни благодарности. За то, когда однажды послышались въ театрѣ стихи Эсхила, относящіеся къ Амфіараю:

«Не казаться, но быть справедливымъ хочетъ онъ,
Глубокія борозды производитъ онъ въ умѣ своемъ и
Созрѣваютъ въ нихъ мудрые совѣты», —

взоры всѣхъ зрителей обратились на Аристида, потому что онъ обладалъ въ высшей степени всѣми этими качествами.

Ради справедливости онъ умѣлъ устоять не только противъ дружбы и чувства пріязни, но и противъ гнѣва и ненависти. Разсказываютъ, что однажды онъ изобличалъ передъ судомъ одного изъ своихъ противниковъ; едва только онъ изложилъ свои обвинительные пункты, какъ судьи, не желая болѣе выслушивать оправданій подсудимаго, потребовали, чтобы тотчасъ приступили къ опредѣленію приговора. Аристидъ вскочилъ съ своего мѣста и сталъ вмѣстѣ съ обвиненнымъ просить судей, чтобы они не нарушали законныхъ правъ подсудимаго и выслушали его. Въ другой разъ ему приходилось быть судьею двухъ гражданъ: «Противникъ мой — сказалъ одинъ изъ нихъ — не разъ оскорблялъ тебя самого, Аристидъ». Мой другъ — отвѣчалъ Аристидъ — ты высказывай только свои собственныя жалобы: я разбираю теперь твою, а не мою тяжбу.

Избранный въ званіе главнаго казначея общественныхъ доходовъ, онъ изобличалъ въ весьма важныхъ злоупотребленіяхъ не только архонтовъ, состоявшихъ тогда на службѣ, но и архонтовъ прежнихъ лѣтъ, и особенно Ѳемистокла,

Который, правда, былъ уменъ, но больно на руку нечистъ.

Поэтому, когда Аристидъ представилъ отчетъ въ своемъ управленіи, Ѳемистоклъ собралъ противъ него сильную партію, обвинилъ его, какъ говоритъ Идоменей, въ утайкѣ общественныхъ денегъ и подвергъ его судебному приговору. Но такъ какъ первѣйшіе и лучшіе изъ гражданъ были возмущены такою клеветою, то Аристида не только освободили, но еще настояли на его избраніи въ то же званіе и на слѣдующій годъ. Тогда Аристидъ притворился, что онъ раскаявается въ прежнемъ образѣ дѣйствій; онъ сдѣлался снисходительнѣе и сталъ угождать тѣмъ, которые расхищали общественную казну, не изобличалъ больше ихъ злоупотребленій и не просматривалъ ихъ счетовъ съ прежнею строгостію. Набивъ свои карманы общественными деньгами, они стали осыпать Аристида похвалами, начали дѣятельно хлопотать, чтобы народъ избралъ его въ ту же должность и на третій годъ. Передъ самымъ избраніемъ Аристидъ обратился къ Аѳинянамъ съ упреками: «когда я управлялъ казною, сказалъ онъ, честно и добросовѣстно, въ меня бросали грязью. А съ тѣхъ поръ, какъ всю общественную казну я отдалъ въ руки грабителей, я сдѣлался достойнымъ удивленія гражданиномъ. И потому честь, которую вы хотите сегодня оказать мнѣ, сильнѣе заставляетъ меня краснѣть, чѣмъ обвиненіе, которому я подвергся въ прошломъ году. Сердечно скорблю объ васъ: въ вашихъ глазахъ тотъ заслуживаетъ болѣе чести, кто угождаетъ безчестнымъ людямъ, нежели кто сберегаетъ общественную казну». Эта рѣчь и приведенныя въ ней улики противъ лихоимцевъ тотчасъ зажали ротъ тѣмъ изъ гражданъ, которые только что оглашали воздухъ шумными одобреніями и побуждали народъ къ избранію Аристида. Достойнѣйшіе же граждане осыпали его заслуженными и искренними похвалами.

Вскорѣ послѣ этого Датисъ, посланный Даріемъ будто бы для отомщенія Аѳинянамъ за сожженіе города Сардеса, а въ сущности для порабощенія всей Геллады, высадился у Мараѳона со всею своею арміею и началъ опустошать страну. Аѳиняне назначили для войны десять полководцевъ. Первымъ изъ нихъ по своему значенію былъ Мильтіадъ, вторымъ по своей славѣ и своему вліянію — Аристидъ. Мильтіадъ предложилъ дать сраженіе; Аристидъ, согласившись съ мнѣніемъ Мильтіада, оказалъ послѣднему не малое содѣйствіе. Каждый полководецъ командовалъ поочередно по одному дню; когда наступила очередь Аристида, онъ уступилъ главное начальство Мильтіаду, показавъ тѣмъ, что подчиняться и повиноваться умнымъ людямъ не постыдно, а скорѣе благородно и благоразумно. Этимъ средствомъ онъ подавилъ соперничество вождей и убѣдилъ ихъ согласиться, чтобы у всей арміи былъ одинъ только вождь, но достойнѣйшій. Онъ подкрѣпилъ такимъ образомъ Мильтіада, который почувствовалъ себя сильнѣе вслѣдствіе ввѣреннаго ему полновластія, ибо остальные вожди, отказавшись отъ своей очереди, вступили подъ его начальство.

Въ послѣдовавшей за тѣмъ битвѣ пострадалъ центръ аѳинскаго войска. Здѣсь противъ Леонтійской и Антіохійской филъ непріятель защищался особенно долго и упорно. Ѳемистоклъ и Аристидъ, находясь на одной боевой линіи другъ подлѣ друга, вступили въ славное соперничество, ибо одинъ принадлежалъ къ Леонтійской филѣ, а другой къ Антіохійской. Аѳиняне обратили варваровъ въ бѣгство и отбросили ихъ къ кораблямъ. Замѣтивъ, однако, что флотъ непріятельскій не направился къ островамъ, но противъ воли пригонялся вѣтромъ и водою къ берегамъ Аттики, они стали опасаться, чтобы городъ не былъ застигнутъ въ расплохъ. Поэтому девять филъ тотчасъ же двинулись поспѣшнымъ маршемъ къ Аѳинамъ и прибыли туда въ тотъ же день; а Аристидъ съ своею филою остался въ Мараѳонѣ для охраненія плѣнныхъ и военной добычи. И въ этомъ случаѣ онъ выполнилъ съ честію возложенныя на него надежды. Повсюду разсыпаны были золото и серебро; въ палаткахъ и на захваченныхъ корабляхъ лежали грудами разныя платья и другія драгоцѣнныя вещи. Аристидъ самъ не польстился на нихъ и другимъ не далъ до нихъ дотронуться, кромѣ тѣхъ немногихъ, которые успѣли тайкомъ воспользоваться добычею. Къ такимъ принадлежитъ, между прочимъ, и факелоносецъ Калліасъ. По его длиннымъ волосамъ и головной повязкѣ, одинъ изъ варваровъ принялъ его, вѣрно, за царя, потому что, какъ разсказываютъ, бросился къ его ногамъ, потомъ взялъ его за руку и указалъ ему на груду золота, зарытую въ ямѣ. При этомъ случаѣ Калліасъ показалъ себя весьма жестокимъ и несправедливымъ человѣкомъ, ибо, воспользовавшись сокровищемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ несчастнаго жизни, чтобы онъ не могъ разсказать объ этомъ другимъ. Поэтому-то, говорятъ, потомки Калліаса получили у комиковъ прозвище «ямныхъ скрягъ»—насмѣшливый намекъ на мѣсто, откуда Калліасъ извлекъ свое золото.

Тотчасъ послѣ этого Аристидъ получилъ званіе перваго архонта. Димитрій Фалерейскій говоритъ, что Аристидъ носилъ это званіе незадолго передъ своею смертію, послѣ Платейской битвы; однако въ общественныхъ спискахъ вслѣдъ за архонтомъ Ксантиппидомъ, при которомъ была одержана надъ Мардоніемъ Платейская побѣда, посреди длиннаго ряда именъ архонтовъ ни разу не встрѣчается имени Аристида. Но имя его записано непосредственно за Фаниппомъ, при которомъ была одержана Мараѳонская побѣда.

Изъ всѣхъ качествъ Аристида особенно была замѣтна народу его справедливость, потому что плоды ея долговѣчны и ощущаются всѣми. Поэтому на долю его, человѣка бѣднаго и простаго званія, выпало прозвище *Справедливаго*, выше

котораго не существуетъ прозвища ни для царей, ни даже для боговъ. Боги обладаютъ, какъ я полагаю, тремя отличительными свойствами: безсмертіемъ, могуществомъ и нравственнымъ совершенствомъ. Послѣднее свойство, т. е. нравственное совершенство, есть самое высокое и самое божественное изъ всѣхъ свойствъ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣчность есть принадлежность и пространства и стихій. Землетрясеніе, молнія, стремительный ураганъ и бурный потокъ также имѣютъ страшную силу. Но справедливость и святость суть свойства боговъ потому, что они обладаютъ разумомъ и мыслію. Отсюда и троякое чувство, которое люди питаютъ обыкновенно къ богамъ, а именно: удивленіе, страхъ и благоговѣніе. Удивляются богамъ и превозносятъ ихъ потому, что они непреходящи и вѣчны; страхъ и боязнь внушаютъ боги своей силой и своимъ всемогуществомъ; но любовь, благоговѣніе и почитаніе воздаются имъ за ихъ справедливость. Не смотря однако на то, люди болѣе всего добиваются безсмертія, къ которому природа ихъ неспособна, и ищутъ могущества, которое большею частію зависитъ отъ случая. Нравственное же совершенство, единственное изъ божественныхъ благъ, намъ предоставленное, отстраняютъ на послѣднее мѣсто, не понимая, что тотъ, кто обладаетъ могуществомъ и счастіемъ, можетъ уподобить жизнь свою божественной только посредствомъ справедливости.

Судьба Аристида была такова, что его прозвище «справедливаго», сначала возбуждавшее любовь, напослѣдокъ вызывало только ненависть; въ особенности съ тѣхъ поръ, когда Ѳемистоклъ распространилъ въ народѣ мнѣніе, что Аристидъ отнялъ у судовъ ихъ значеніе, самъ разбирая и рѣшая всѣ дѣла и этимъ непримѣтно присвоилъ себѣ монархическую власть, не нуждаясь для своей поддержки въ тѣлохранителяхъ. Народъ въ своемъ гордомъ сознаніи пробужденомъ побѣдами, не зналъ уже границъ своему высокомѣрію и не могъ сносить, чтобы кто-нибудь выдвигался изъ толпы извѣстностію и славою. Со всѣхъ концевъ стеклись въ городъ обитатели Аттики и подвергли Аристида суду остракизма, называя свою завистъ къ его славѣ опасеніемъ тиранніи.

Осужденіе посредствомъ остракизма не было наказаніемъ за какое-нибудь безнравственное дѣйствіе. Изъ приличія называли этотъ судъ ограниченіемъ или обузданіемъ высокомѣрія и подавляющаго могущества. Но въ сущности это названіе служило оправданіемъ той народной зависти, которая не имѣла, правда, вредныхъ и гибельныхъ послѣдствій, но выражала свое неудовольствіе тѣмъ, что изгоняла на десять лѣтъ лице, ее оскорбившее. Когда же это средство стали примѣнять и къ людямъ ничтожнымъ и безнравственнымъ, тогда оно вышло изъ употребленія. Самый послѣдній изъ подвергнувшихся изгнанію былъ Гиперболъ. Говорятъ, что изгнаніе Гипербола случилось по слѣдующему поводу. Двое самыхъ вліятельныхъ аѳинскихъ гражданъ, Алкивіадъ и Никій, стояли во главѣ двухъ враждебныхъ партій. Народъ замышлялъ подвергнуть остракизму одного изъ нихъ. Тогда обѣ партіи вступили въ переговоры, соединились силами и устроили дѣло такъ, что изгнанъ былъ Гиперболъ. Народъ приведенъ былъ этимъ въ негодованіе: онъ сознавалъ тогда глубокое униженіе и паденіе самого учрежденія, и потому совсѣмъ отказался отъ него и отмѣнилъ его навсегда.

Судъ остракизма производился вообще слѣдующимъ образомъ. Всякій бралъ черепокъ, надписывалъ на немъ имя того гражданина, котораго онъ хотѣлъ изгнать и относилъ его на то мѣсто площади, кругомъ котораго сведена была плотная деревянная ограда. Потомъ архонты сводили счетъ всему количеству черепковъ, и если оно не доходило до шести тысячъ, то приговоръ не имѣлъ послѣдствій. Вслѣдъ за тѣмъ откладывали особо каждое имя, и тотъ, чье имя оказы-

валось на большемъ числѣ черепковъ, провозглашался изгнаннымъ на 10 лѣтъ, не лишаясь однако права пользованія своимъ имуществомъ.

Разсказываютъ, что, во время суда надъ Аристидомъ, одинъ изъ простолюдиновъ, не умѣвшій даже писать, обратился къ Аристиду, какъ къ первому попавшемуся ему человѣку, подалъ ему черепокъ и попросилъ его написать на немъ имя Аристида. Послѣдній съ удивленіемъ спросилъ: «что же тебѣ сдѣлалъ дурнаго Аристидъ?» Ничего, отвѣчалъ тотъ—«я его и знать не знаю; но мнѣ досадно, что всѣ его величаютъ справедливымъ!» Услышавъ это, Аристидъ не сказалъ ему больше ни слова, написалъ свое имя и возвратилъ черепокъ. Оставляя городъ, онъ поднялъ руки къ небу и обратился къ богамъ съ мольбою, которая не походила на мольбу Ахиллеса. Онъ просилъ ихъ, да не пошлютъ они Аѳинамъ такихъ дней, которые бы заставили народъ снова вспомнить объ Аристидѣ.

Аристидъ, распространивши владычество своего города на такое обширное пространство, самъ однако остался въ прежней бѣдности. До самой могилы онъ цѣнилъ славу, пріобрѣтенную этою бѣдностію, не менѣе славы своихъ подвиговъ. Доказательствомъ можетъ служить слѣдующее:

Факелоносецъ Калліасъ былъ съ нимъ въ родствѣ; враги Калліаса обвинили его предъ судомъ, требуя его казни. Изложивши обстоятельно всю сущность обвиненія, они выставили на видъ судьямъ еще особенный, не относившійся къ дѣлу доводъ. «Вы знаете, говорили они, что Аристидъ, сынъ Лизимаха, пользуется всеобщимъ уваженіемъ Геллады. Но какъ думаете, какую онъ долженъ вести жизнь дома, если посреди людей онъ является въ такомъ хитонѣ? Не естественно ли, что человѣкъ, такъ явно страдающій отъ холода, у себя дома переноситъ и голодъ и всякаго рода нужду? А этотъ человѣкъ—родственникъ Калліаса! богатѣйшій между Аѳинянами, Калліасъ можетъ равнодушно смотрѣть, какъ Аристидъ съ своею женою и дѣтьми нуждается во всемъ, тогда какъ онъ однако былъ ему часто полезенъ и столько разъ защищалъ его передъ вами своимъ вліяніемъ!» Калліасъ увидѣлъ, что это обвиненіе въ особенности обезпокоило и раздражило судей. Поэтому онъ призвалъ Аристида и попросилъ его засвидѣтельствовать передъ ними, что онъ предлагалъ ему очень часто подарки, и очень значительные, даже умолялъ его принять ихъ, но Аристидъ всегда отказывался, говоря, «что его бѣдность приноситъ ему больше чести, чѣмъ Калліасу его богатство». Много можно найти людей богатыхъ, которые пользуются своимъ богатствомъ хорошо; многіе имъ злоупотребляютъ. Труднѣе встрѣтить человѣка, который бы переносилъ бѣдность съ благороднымъ терпѣніемъ, но стыдятся ея только тѣ, которые недовольны своимъ положеніемъ. Когда Аристидъ подтвердилъ слова Калліаса, между слушателями не нашлось ни одного, который, уходя домой, не предпочелъ бы скорѣе быть бѣднымъ подобно Аристиду, чѣмъ богатымъ, какъ Калліасъ. Вотъ что разсказываетъ ученикъ Сократа, Эсхилъ. Платонъ утверждаетъ даже, что между всѣми, такъ называемыми великими и знаменитыми мужами аѳинскими, собственно одинъ только Аристидъ заслуживаетъ истиннаго уваженія: ибо Ѳемистоклъ, Кимонъ и Периклъ наполнили городъ разными портиками, богатствами и излишними украшеніями; Аристидъ же въ своей гражданской дѣятельности руководствовался нравственными идеями.

И въ отношеніи къ Ѳемистоклу Аристидъ выказалъ замѣчательное добродушіе. Ѳемистоклъ былъ его противникомъ въ продолженіи всей его общественной дѣятельности; по его усиліямъ онъ даже подвергся изгнанію. Аристидъ могъ воспользоваться случаемъ и отмстить своему врагу въ то время, когда Ѳемистоклъ подвергся суду народному, но онъ не обнаружилъ при этомъ никакой зло-

бы. Алкмеонъ, Кимонъ и многіе другіе выступили обвинителями и преслѣдователями Ѳемистокла,—одинъ только Аристидъ ничего не предпринялъ и ничего не сказалъ дурнаго. Онъ точно также не хотѣлъ пользоваться несчастіемъ своего противника, какъ прежде не завидовалъ его счастію.

Плутархъ.

45. Фонъ-Визинъ.

Всѣ свидѣтельства, на кои сослаться можно, всѣ преданія, сохранившіяся до насъ о Фонъ-Визинѣ, удостовѣряютъ насъ, что онъ былъ характера пріятнаго, разговора живаго и остраго, любезности веселой и увлекательной, надежный въ дружбѣ, въ поведеніи прямой, чистосердечный, безкорыстный и незлопамятный. «При самомъ остромъ и бѣгломъ умѣ» (писалъ ко мнѣ Петръ Васильевичъ Мятлевъ), «онъ никогда и никого умышленно не огорчалъ, кромѣ тѣхъ, кои сами вызывали его на поприще битвы на словахъ». Онъ имѣлъ много дарованій сценическихъ: хорошо передразнивалъ и читалъ съ большимъ искуствомъ. Кажется, онъ въ дружескихъ обществахъ игрывалъ или собирался играть роль Стародума въ своемъ Недорослѣ. Всѣ лица были завербованы; одна роль Скотинина была не замѣщена. Можетъ быть, не находилось охотниковъ; къ тому-же и авторъ искалъ въ актерѣ тѣлесныхъ способностей, приличныхъ сей роли, болѣе матеріальной, нежели духовной. Наконецъ встрѣчается онъ съ молодымъ Р. и, любуясь ростомъ его и широкимъ лбомъ, восклицаетъ съ радостію: вотъ мой Тарасъ Скотининъ! Впрочемъ тутъ не должно искать эпиграммы, тѣмъ болѣе, что Р. былъ человѣкъ остроумный и образованный: это просто былъ крикъ артиста. Физіономія Фонъ-Визина была значительна и глаза яркости почти нестерпимой. Сію быстроту и знойность глазъ сохранилъ онъ до конца жизни, уже истощенной и полуувядшей. Онъ былъ очень общежителенъ: любилъ быть съ людьми дома и въ гостяхъ, хорошо ѣсть и хорошо кормить. Гастрономическія расположенія его не ослабли и въ болѣзни: въ путевыхъ запискахъ своихъ всегда отмѣчалъ онъ съ рачительностію, гдѣ хорошо пообѣдалъ или худо поужиналъ, и по отмѣткамъ его видно, что онъ судилъ о послѣднемъ неравнодушно и развѣ только въ этомъ отношеніи бывалъ злопамятенъ. Мы обозрѣли связи его съ сослуживцами; литературныя связи его были не менѣе почетны: Державинъ, Домашневъ, президентъ Академіи Наукъ и самъ заслужившій извѣстность пріятными дарованіями, Богдановичъ, Козодавлевъ, бывшій въ послѣдствіи министромъ, но тогда еще скромный искатель счастія у алтарей музъ, актеръ Дмитревскій, который искуствомъ и образованностію своею возвысилъ у насъ актерское званіе, и еще нѣсколько другихъ литераторовъ были ему пріятелями. Жаль, что ничего не дошло до насъ изъ сихъ бесѣдъ, которыя, вѣроятно, особенно Фонъ-Визинъ оживлялъ веселостію своею, комическими разсказами и вспышками бѣглаго остроумія. Можно представить себѣ, какъ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, передавая другъ другу надежды свои на успѣхи русской литературы и вообще народнаго просвѣщенія или частные планы свои для приведенія сихъ надеждъ въ исполненіе, совѣтовались они между собою, критиковали свои произведенія, спорили и соглашались или, вѣроятно, оставались каждый при своемъ мнѣніи, безъ злобы смѣялись о ближнемъ и о себѣ; какъ въ семъ дружескомъ и просвѣщенномъ ареопагѣ судимы были Водопадъ Державина, новый отрывокъ Душеньки, Росславъ Княжнина; какъ Фонъ-Визинъ, долго слушая выходки сего классическаго Нормандца, наконецъ спрашиваетъ автора: когда-же выростетъ твой герой? онъ все твердилъ: я Россъ, я Россъ, пора-бы ему и перестать расти!—и какъ Княжнинъ отвѣчаетъ ему: мой Росславъ совершенно выростетъ, когда твоего Бри-

гадира произведутъ въ генералы! Или можно себѣ представить, какъ, при чтеніи сатиры на Фонъ-Визина, въ которой онъ названъ кумомъ Минервы, отражаетъ онъ стрѣлу въ самого насмѣшника и говоритъ: можетъ быть, только, навѣрное, покумились мы съ нею не на крестинахъ автора; то представляемъ себѣ, какъ въ этой пріятельской бесѣдѣ въ лицѣ Фонъ-Визина вдругъ оживаетъ Сумароковъ съ своею живостію, съ своими замашками физическими и умственными: олицетворенный покойникъ бѣсится на Тредьяковскаго, сравниваетъ строфу свою съ строфою Ломоносова или жалуется на московскую публику, которая въ театрѣ щелкаетъ орѣхи въ то самое время, когда Димитрій Самозванецъ произноситъ свой монологъ—но, къ сожалѣнію нашему, весь умъ этихъ бесѣдъ выдохся, всѣ искры остроумія ихъ погасли во мракѣ забвенія. У насъ нѣтъ говоруновъ, разсказщиковъ, нѣтъ гостинныхъ рапсодовъ, передающихъ веселыя преданія старины; у насъ нѣтъ и разговора; карты вытѣснили и заступили всѣ другія забавы общежитія. Скорѣе найдешь человѣка, готоваго вспомнить масти и козыри игры, которая сдана ему была во время-оно Фонъ-Визинымъ или графомъ Марковымъ, нежели острое слово, слышанное имъ отъ того или другаго. Кто достоинъ былъ имѣть друзей, тотъ долженъ былъ имѣть и непріятелей, или по крайней мѣрѣ противниковъ. Одна тусклая посредственность остается незамѣченною: ни блескъ на ней не отражается, ни сама она не отражаетъ отъ себя блеска, для многихъ ослѣпительнаго. Вѣроятно, Фонъ-Визинъ имѣлъ недоброжелателей и на поприщѣ успѣховъ своихъ по службѣ, но имена ихъ намъ неизвѣстны. Изъ литературныхъ противниковъ его всѣхъ извѣстнѣе Александръ Семеновичъ Хвостовъ, выступившій въ бой противъ него съ сатирою. Но бой былъ неравенъ: броня, которою одѣтъ былъ творецъ Бригадира и Недоросля, ограждала его отъ ломкихъ и не всегда острыхъ стрѣлъ наѣздника, болѣе отважнаго, нежели опаснаго. Говорятъ, что сей вызовъ на брань былъ началомъ нѣкоторыхъ перепалокъ: мы имѣли въ рукахъ отвѣтъ прозою, написанный будто Фонъ-Визинымъ; но не нашли въ немъ ни веселости, ни замысловатости, свойственныхъ его сатирическому уму, и потому полагаемъ, что онъ написанъ не имъ, а какимъ-нибудь безкорыстнымъ и добровольнымъ его защитникомъ. Во всякомъ случаѣ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ, чтобы Фонъ-Визинъ подъ своимъ именемъ выходилъ на полемическое поприще. Кажется, въ числѣ литературныхъ непріятелей его былъ и князь Горчаковъ, извѣстный въ поэзіи нашей сатирами и другими мелкими стихотвореніями; впрочемъ, наравнѣ съ Хвостовымъ, котораго онъ превосходилъ дарованіемъ, онъ ознаменовалъ себя болѣе рукописною, нежели печатною славою. По крайней мѣрѣ въ Ноэлѣ его, писанномъ въ подражаніе французскимъ, есть куплетъ и на автора нашего:

Но только лишь ввалился
Фонъ-Визинъ, вздернувъ носъ, и проч.

Въ послѣдніе годы жизни своей Фонъ-Визинъ охотно обращался къ духовнымъ размышленіямъ и не стыдился смиренія и раскаянія своего; напротивъ, онъ любилъ обнаруживать оныя. Исповѣдь его и размышленія по случаю смерти Потемкина носятъ живые отпечатки сего расположенія. Разсказываютъ, что онъ уже въ болѣзненномъ состояніи своемъ, сидя однажды въ московской университетской церкви, говорилъ университетскимъ питомцамъ, указывая на себя: «Дѣти! возьмите меня въ примѣръ: я наказанъ за свое вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслію!» Въ доказательство, что сіе смиреніе духа не было въ немъ ни ханжествомъ, ни робкимъ уныніемъ, должно прибавить, что онъ и въ самое то время сохранилъ по возможности живость мыслей и веселость разговора. Вѣроятно даже, что и нѣкоторыя изъ

мелкихъ сатирическихъ статей его принадлежатъ сей эпохѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинныя заслуги Фонъ-Визина въ литературѣ основаны на двухъ комедіяхъ его. Переводы его заслуживали вниманіе отъ современниковъ: нынѣ они могутъ быть любопытны для изслѣдованія языка, для изученія переворотовъ, послѣдовавшихъ въ исторіи русскаго слога; могутъ служить поощреніемъ и уликою нынѣшнимъ писателямъ, слишкомъ пренебрегающимъ переводами, которыхъ впрочемъ не замѣняютъ они оригинальными твореніями. Многимъ писателямъ должно вѣрить на слово, что они писатели. Кто-то выдавалъ себя за музыканта. «Да вы сами играете-ли на какомъ-нибудь инструментѣ?» спросили его.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но дядя мой сбирался учиться играть на флейтѣ!— У насъ иной литераторъ въ правахъ своихъ съ родни этому дядѣ и племяннику. Фонъ-Визинъ былъ, напротивъ того, писатель довольно дѣятельный, не смотря на то, что у него много времени было отнято службою, путешествіями и болѣзнію. И самыя отдѣльныя, такъ сказать, бѣглыя сочиненія его достойны замѣчанія. Одно изъ первыхъ въ этомъ родѣ по старшинству времени есть Слово на выздоровленіе великаго князя Павла Петровича, говоренное въ 1771 году. Болѣзнь наслѣдника и единаго преемника русскаго престола была въ то время не только общею горестію, но и важною государственною опасностію; выздоровленіе-же его было залогомъ спокойствія и радостію отечества. Участвуя въ общемъ торжествѣ, Фонъ-Визинъ участвовалъ еще и въ частномъ, столь близкомъ сердцу графа Панина, царственнаго наставника. Слово сіе читано было съ жадностію и восхищеніемъ отъ одного конца Россіи до другаго. Впечатлѣніе, произведенное имъ, было такъ сильно, что И. И. Дмитріевъ, спустя болѣе пятидесяти лѣтъ, помнилъ еще наизусть начало сей рѣчи, слышанной имъ въ дѣтствѣ на семейномъ чтеніи. Конечно, успѣхъ сего творенія много заимствованъ отъ обстоятельствъ и сочувствія, съ которымъ дѣлили радость автора; силы краснорѣчія, движенія, ораторскаго достоинства въ немъ мало, но вообще оно написано хорошо. Слогъ его не имѣетъ тяжелой плодовитости и академической напыщенности слога Ломоносова; онъ приближается уже нѣсколько къ общему слогу. Можетъ быть, слуху, въ то время еще не очень опытному, нравились и сіи стихотворческія накладки, которыми облѣпливалъ онъ свою прозу; вотъ образчики этому: обращаясь къ Россіи, говоритъ онъ: «Велико счастіе твое, но и напасть ужасная грозила. Воспомяну о ней, да больше ощутимъ, колико небеса Россію защищаютъ». Чѣмъ это не стихи изъ Россіады? Между тѣмъ встрѣчается въ сей рѣчи и достоинство мыслей, которое никогда не старѣется. «Любовь народа есть истинная слава государей. Будь властелиномъ надъ страстями своими, и помни, что тотъ не можетъ владѣть другими со славою, кто собою владѣть не можетъ. Внимай единой истинѣ и чти лесть измѣною. Тамъ нѣтъ вѣрности къ государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ». Упомянемъ здѣсь, что Его Высочество и въ дѣтствѣ своемъ и послѣ благоволилъ къ своему панегиристу; часто допускалъ его къ себѣ до самой его болѣзни, совершенно раздѣлялъ съ наставникомъ своимъ чувства благосклонности и уваженія къ нему.

Во всеобъемлющей заботливости своей о прививкахъ просвѣщенія, Екатерина, подобно Петру, соображаясь съ вѣкомъ и поломъ своимъ, не оставляла безъ вниманія ни одного средства размножать у насъ успѣхи образованности, пріохочивать къ нимъ общество и дать умамъ благонамѣренное направленіе. Можно сказать въ семъ отношеніи, что какъ Петръ былъ плотникъ и преобразователь, такъ Екатерина была законодательница и журналистъ. Собесѣдникъ—ея Саардамъ. Сіе періодическое собраніе, издаваемое въ 1782 году подъ руководствомъ

председательницы Академіи Наукъ княгини Дашковой, оживляемо было вѣнценосною сотрудницей не однимъ только покровительствомъ, но и дѣятельнымъ участіемъ. Нельзя безъ особеннаго вниманія, безъ благодарности, безъ живѣйшаго ощущенія различныхъ чувствъ, читать и нынѣ сей памятникъ золотаго вѣка литературы нашей. Разсматривая его въ отношеніи чисто изящномъ, найдемъ въ немъ соединеніе именъ, коими наиболѣе гордятся лѣтописи словесности нашей: Державина, Хераскова, Богдановича, Княжнина, М. Н. Муравьева, Капниста. Въ отношеніи философическомъ сіе изданіе не менѣе, если не болѣе, замѣчательно и важно. Въ сравненіи съ нимъ многіе изъ современныхъ журналовъ нашихъ не болѣе, какъ ученическія упражненія въ словесности, и то еще подъ руководствомъ учителя, плохо знающаго свою грамоту. Фонъ-Визинъ былъ также одинъ изъ соучастниковъ его. Опыты русскихъ синонимовъ, Поученіе, говоренное въ Духовъ день, и Вопросы его Собесѣднику, возбудившіе, такъ сказать, политическую полемику его съ императрицею, любопытны и занимательны до высшей степени. Въ семъ послѣднемъ произведеніи (должно сказать безъ лести къ царственной тѣни) превосходство не на сторонѣ автора нашего. Екатерина уже и тѣмъ побѣдила противника своего, что, не отклонившись отъ состязанія съ нимъ, отвѣчала на вопросы его, изъ коихъ нѣкоторые могли казаться довольно неумѣстными. Если Фонъ-Визинъ въ вопросахъ своихъ оказалъ смѣлость, то повинное письмо его, по сему случаю писанное, умно и благородно.

Нѣсколько лѣтъ послѣ сего Фонъ-Визинъ и самъ собирался издавать журналъ. Намѣреніе его не состоялось, но до насъ дошло нѣсколько статей, приготовленныхъ имъ для сего журнала. Кисть творца Недоросля оказывается во многихъ изъ нихъ.

Фонъ-Визинъ показалъ примѣръ, какъ писать нравственныя и сатирическія статьи для простолюдиновъ. Его Поученіе — статья образцовая въ своемъ родѣ. Оно не по направленію своему, совершенно чуждому политики, но по искусству въ отдѣлкѣ и по приноровкѣ къ понятіямъ простонароднымъ подходитъ къ лучшимъ памфлетамъ Курье, знаменитаго виноградаря. Въ Придворной грамматикѣ много остроумія, но есть нѣсколько и натяжекъ. Письмо о планѣ Россійскаго Словаря отличается большимъ искуствомъ въ критикѣ и эпиграмматическимъ остроуміемъ. Нельзя безпрекословно согласиться со всѣми замѣчаніями автора, напримѣръ, что всѣ пословицы, гдѣ есть Сенюшки и Фили, весьма низки умомъ и выраженіемъ, и желательно, чтобъ онѣ вовсе были забыты!—какъ будто пословицамъ, симъ апоѳегмамъ народнымъ, должно имѣть складъ и чопорность академическихъ фразъ или щегольство свѣтскихъ привѣтствій! Но, не смотря на то, сей критическій отрывокъ весьма замѣчателенъ; въ немъ авторъ входитъ въ состязаніе съ другимъ знаменитымъ критикомъ, Болтинымъ. Жаль, что неизвѣстны намъ подлинныя примѣчанія Болтина на планъ Словаря Россійской Академіи. Сіи критическіе взгляды на языкъ народа весьма драгоцѣнны, особливо у насъ, гдѣ вообще всѣ болѣе или менѣе говорятъ по наслышкѣ. Нельзя не пожалѣть также о краткости написанной Фонъ-Визинымъ Жизни графа Н. И. Панина, но и въ настоящемъ видѣ прочтешь ее не безъ участія и съ уваженіемъ къ государственному мужу, и съ благодарностію къ признательному біографу. Намъ сказывали за вѣрное, что авторъ написалъ эту жизнь первоначально на французскомъ языкѣ. Читая ее въ рукописи одному изъ своихъ пріятелей, замѣтившему невѣрность въ какой-то подробности, онъ сказалъ ему, что эта невѣрность умышленная, дабы приписали это сочиненіе иностранцу. Достовѣрно то, что сей біографическій отрывокъ въ первый разъ показался въ печати на французскомъ языкѣ; переведенный съ него, онъ напечатанъ въ 1787 году

Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, не знавшимъ, что онъ переводчикъ Фонъ-Визина; а авто-переводъ, напечатанный нынѣ, отыскапъ уже послѣ въ бумагахъ покойнаго Фонъ-Визина. Къ сему-же отдѣленію сочиненій его можно причислить и Выборъ гувернера, комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, которая не была и не можетъ быть на театрѣ за совершеннымъ недостаткомъ дѣйствія. Читая ее, можно подумать, что она служила основаніемъ Недорослю; но между тѣмъ извѣстно, что она написана послѣ. Странно, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ—и подражалъ слабо. Но и въ семъ произведеніи, какъ далеко ни отстоитъ оно отъ двухъ прежнихъ комедій и даже Разговора у княгини Халдиной и другихъ нравственно-сатирическихъ очерковъ его, пробивается иногда дарованіе Фонъ-Визина. По времени, оно изъ самыхъ послѣднихъ, а можетъ быть, и послѣднее сочиненіе автора, уже приближавшагося къ концу страдальческой жизни своей: въ этомъ отношеніи оно драгоцѣнно. Разсматривая автора сихъ отдѣльныхъ статей со стороны нравственной и философической, должно сказать съ уваженіемъ, что онъ вездѣ руководимъ былъ просвѣщеннымъ патріотизмомъ: благонамѣренные виды его на нѣкоторые запросы высшей гражданственности показываютъ, что онъ размышлялъ объ устройствѣ и потребности общества, обращалъ вниманіе на изслѣдованіе предметовъ, которые вообще были еще довольно чужды современнымъ ему писателямъ.

Кн. Вяземскій.

46. Крыловъ.

Открытіе Императорской Публичной Библіотеки послѣдовало въ 1812 году. Ея директоромъ назначенъ А. Н. Оленинъ. Должности библіотекарей и помощниковъ ихъ поручены лицамъ, преимущественно извѣстнымъ въ литературѣ, что и послѣ соблюдаемо было нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ здѣсь соединились: переводчикъ Иліады Гнѣдичъ, знатокъ славянской филологіи Востоковъ, первый въ Россіи библіографъ Сопиковъ, переводчикъ Ифигеніи и Федры Расина Лобановъ. Въ этотъ же кругъ введены были послѣ баронъ Дельвигъ и Загоскинъ. Сюда Оленинъ пригласилъ и Крылова. Сопиковъ, прежде нѣсколько лѣтъ занимавшійся книжною торговлею, какъ человѣкъ опытный и знавшій все, что касалось до русскихъ книгъ, назначенъ былъ библіотекаремъ по русскому отдѣленію, а Крыловъ помощникомъ его. Давній поощритель музы поэта, Брейткопфъ, котораго жена была начальницею санктпетербургскаго училища ордена св. Екатерины, также поступилъ на службу въ Библіотеку. Удивились и обрадовались другъ другу старые знакомцы, нежданно очутившись за однимъ дѣломъ. Въ первыхъ своихъ воспоминаніяхъ они воскресили прошлое. Дошла очередь и до Кофейницы. Крылову любопытно было взлянуть на рукопись дѣтства своего. Къ счастію, Брейткопфъ сохранилъ эту драгоцѣнность. Онъ въ цѣлости передалъ ее знаменитому автору. Для жительства служащихъ отведены квартиры черезъ домъ отъ главнаго зданія Библіотеки. Съ этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года не перемѣнилъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Въ 1816 году, когда вышелъ въ отставку Сопиковъ, умершій въ 1818 году, Крыловъ занялъ его должность и квартиру (въ среднемъ этажѣ, на углу, къ Невскому проспекту). Тутъ прожилъ онъ до послѣдней отставки своей почти тридцать лѣтъ. Украшеніемъ пріемной комнаты былъ его портретъ, во весь ростъ масляными красками, написанный тоже въ 1812 году профессоромъ Академіи Художествъ Волковымъ на 44 году жизни поэта.

День учрежденія Библіотеки долгое время праздновалъ былъ публичнымъ собраніемъ и чтеніемъ разныхъ новыхъ произведеній русскихъ литераторовъ. Въ

первый годъ Крыловъ прочиталъ здѣсь для публики свою басню Водолазы. Имя и талантъ его становились уже народными. Сосредоточивъ дѣятельность свою на обработываніи одного рода поэзіи, онъ явственнѣе отдѣлился отъ прочихъ писателей и утвердилъ за собой общее, выгодное для себя мнѣніе. Въ первый годъ службы его въ Библіотекѣ императоръ Александръ Павловичъ приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, 1500 руб. асс. пенсіи изъ Кабинета его императорскаго величества. Спустя восемь лѣтъ, эта монаршая милость была удвоена. Неприхотливому, одинокому человѣку теперь не о чемъ было заботиться. Онъ и погрузился въ свою поэтическую лѣнь.

Одна и та же лѣстница, мимо Крылова, вела на верхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и равныя отношенія къ гостепріимному дому Олениныхъ тѣсно связали поэтовъ, хотя во многомъ великая была разница въ ихъ личности. Умомъ своимъ, всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнію недѣятельною и неопрятною, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія. Это впрочемъ не мѣшало каждому изъ нихъ сознавать въ другомъ истинное его достоинство. Они вѣрили вкусу одинъ другаго и взаимно совѣтовались въ сомнительныхъ случаяхъ. Гнѣдичъ выше всего ставилъ здравый смыслъ и несомнѣнный талантъ Крылова, который цѣнилъ благородное предпріятіе своего товарища, его добросовѣстность въ исполненіи важнаго дѣла и самую начитанность, пріобрѣтенную имъ въ впродолженіи долголѣтняго труда. Несходство духовное отражалось и на ихъ чтеніи стиховъ. У Гнѣдича экзаметры его текли изъ устъ медленно, глухо, размѣренно и принимали въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ выраженіе заученное. Но вообще эта метода, созданная Гнѣдичемъ, не была ни смѣшна, ни противоестественна. Она обличала въ немъ страстнаго художника, который возвелъ свое искуство на высокую степень обработанности. Крыловъ же басни свои какъ бы не читалъ, а пересказывалъ со всею граціею простодушія и безъискуственности. Въ голосѣ его слышались всѣ переливы самыхъ предметовъ, такъ что чтеніе его можно было принять за продолженіе самаго разговора, которымъ онъ занималъ до тѣхъ поръ свое общество.

Служащіе въ Императорской Публичной Библіотекѣ обыкновенно дежурятъ по очереди, оставаясь въ ней цѣлыя сутки. Крыловъ никогда не добивался, чтобы получить льготу въ этой обязанности, хотя легко могъ дойти до того и, конечно, былъ въ правѣ не только по своему таланту, но и по лѣтамъ своимъ. Обязанность дежурства тяготила каждаго библіотекаря въ лѣтніе жары, когда ни читателей, ни важныхъ дѣлъ не было. Гнѣдичъ видимо становился тогда нетерпѣливымъ и приходилъ въ дурное расположеніе духа. Чтобы освѣжиться отъ духоты комнатъ, онъ выходилъ на просторный дворъ и прохаживался въ тѣни. Ежели изъ знакомыхъ приходилъ кто къ нему и спрашивалъ, не дежурный ли онъ, Гнѣдичъ не отвѣчалъ словами, а только пальцемъ показывалъ на аннинскій свой крестъ на шеѣ, заставляя тѣмъ понять утвердительный свой отвѣтъ. Но Крыловъ былъ терпѣливѣе. Онъ преспокойно усаживался съ ногами на диванѣ и убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ. Нельзя однакоже сказать, чтобы онъ не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностямъ службы. Для удобнѣйшаго размѣщенія по безостановочной вы-

дачѣ брошюръ, которыхъ въ русскомъ отдѣленіи въ новѣйшее время оказалось гораздо болѣе, нежели книгъ, Крыловъ придумалъ фигуры въ формѣ толстыхъ книгъ и разложилъ въ нихъ по авторамъ летучія издѣлія книжной промышленности. Особенно началъ хлопотать онъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники баронъ Дельвигъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими онъ былъ обязанъ смышленности и трудолюбію Сопикова. Это однакоже не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности, они кое-какъ несли вмѣстѣ общее бремя.

Домашняя жизнь Крылова еще болѣе въ немъ выказывала особенностей. Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, которыя всѣ выходили окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая, влѣво отъ нея, оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола; даже трудно было отыскать бумаги съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ, сигара поминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя, иногда съ пѣсенкой, изъ кухни черезъ залу, приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ господиномъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая разныхъ зеренъ по обѣимъ сторонамъ оконницъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостиннаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, на нихъ стоявшія, и все, что ни попадалось на глаза въ комнатахъ, носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ девятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по Академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ перевода Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 году. Ѣдучи по утру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и хотѣлъ было, ложась спать, позаняться, но такъ держалъ неосторожно передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она куда-то сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ объ его посѣщеніи. Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надобно было отправляться обѣдать въ Англійскій клубъ. Подремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, а иногда возвращался прямо домой.

Къ постороннимъ посѣтителямъ, съ которыми не былъ связанъ искренно, литераторы ли были то, или другаго рода люди, Крыловъ вообще оказывалъ большую вѣжливость. Никогда не любилъ онъ входить въ споръ, хотя бы кто говорилъ ему совершенно противное убѣжденіямъ его. Онъ зналъ, что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ. Давно сдѣлавшись равнодушнымъ къ литературѣ, Крыловъ машинально соглашался со вся-

кимъ, что бы кто ни говорилъ. Это многихъ ободряло продолжать самыя нелѣпыя начинанія. Между тѣмъ проницательность и чувство изящнаго у Крылова всегда ощутительны были въ высшей степени. Когда принесли ему показать въ первый разъ Ламартина Méditations poétiques, онъ долго ихъ листовалъ, перечитывалъ, въ иныхъ мѣстахъ останавливался и наконецъ произнесъ сквозь зубы: «да, стихи довольно густы». При появленіи въ свѣтъ Пушкина Руслана и Людмилы почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму:

«Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы;
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка».

То, что называется у насъ находчивостью ума, Крыловъ часто показывалъ самымъ неожиданнымъ и оригинальнымъ образомъ. Разъ выпросилъ онъ у Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное изданіе Описанія Египта, которое составлено во время кампаніи Наполеона. Поутру за своимъ кофе, чтобы разглядѣть все яснѣе, онъ сидѣлъ у окна на стулѣ, который вмѣстѣ съ столикомъ стоялъ на придѣланномъ тутъ возвышеніи. Положивъ передъ собой огромную книгу и разогнувъ ее такъ, что одна половина была на столикѣ, а другая на окнѣ, онъ, поддерживая лѣвой рукою корешокъ, любовался прелестными гравюрами, приложенными къ тексту. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его столъ покачнулся, какъ будто соскользнувши съ возвышенія. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, Крыловъ въ торопяхъ схватился правою рукою за блюдечко чашки съ кофе. Чашка опрокинулась на книгу, и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ одно мгновеніе онъ бросился въ кухню, которая только узенькимъ коридоромъ отдѣлялась отъ залы, гдѣ произошла бѣда. Схвативъ ушатъ съ бывшею въ немъ водою, онъ втащилъ его въ залу и, кинувъ на полъ разогнутую книгу, сталъ поливать ее изъ ушата. Служанка, все это видѣвшая, но ничего не понявшая, опрометью бросилась на верхъ къ Гнѣдичу, призывая его къ Крылову и давая чувствовать намеками, что баринъ ея не въ своемъ умѣ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Гнѣдичъ, немножко всегда театральный: «Вхожу. На полу море. Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу воду. Я кричу въ ужасѣ. Онъ продолжаетъ». Опорожнивъ ушатъ, Крыловъ разсказалъ о случившейся бѣдѣ и изъяснилъ, что безъ воды не было никакого способа свести съ листовъ пятна кофе. И въ самомъ дѣлѣ, когда просушилъ онъ книгу, на ней ничего не осталось, кромѣ желтенькой полоски на краяхъ страницъ.

Къ славѣ своей Крыловъ не былъ нечувствителенъ. Онъ, при всей осторожности своей и наружномъ хладнокровіи, съ большимъ чувствомъ и какъ бы съ умиленіемъ разсказывалъ о слѣдующемъ. Однажды лѣтомъ шелъ онъ по какой-то улицѣ, гдѣ передъ домами были разведены садики. Онъ издали замѣтилъ, что за одною отгородкою играли дѣти, и съ ними была дама, вѣроятно, мать ихъ. Прошедши это мѣсто, случайно взглянулъ онъ назадъ — и видитъ, что дама брала дѣтей поочередно на руки, поднимала ихъ надъ заборчикомъ и глазами своими указывала на Крылова каждому изъ нихъ. Изъ другаго происшествія, которое сначала польстило его самолюбію, а послѣ укололо его, онъ всегда выводилъ нравоученіе, какъ смѣшно полагаться на свою извѣстность. Крыловъ зашелъ когда-то въ лавку Королева, что прежде была подъ англійскимъ магазиномъ. Ему хотѣлось полакомиться устрицами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Тамъ увидѣлъ онъ много подобныхъ себѣ гастрономовъ и въ томъ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Р***.

Расплачиваясь за устрицы и не сомнѣваясь, чтобы его тамъ не знали, этотъ господинъ спросилъ у лавочника, можетъ ли онъ повѣрить ему на слово, такъ какъ теперь у него недостаетъ нѣсколько денегъ, чтобы все заплатить по ихъ счету. Купецъ извинялся, что не имѣетъ чести знать его, и, обращаясь къ Крылову, прибавилъ: «вотъ если угодно поручиться за васъ Ивану Андреевичу, то я съ удовольствіемъ повѣрю». — А какъ же меня знаешь ты? спросилъ Крыловъ.— «Помилуйте, Иванъ Андреевичъ, отвѣчалъ добродушно лавочникъ, да васъ, я думаю, всякій мальчишка на каждой улицѣ знаетъ». Возвращаясь домой, Крыловъ зашелъ передъ окнами своей квартиры въ лавку гостиннаго двора, чтобы купить нотной бумаги: «за деньгами», сказалъ онъ, «пришлите ко мнѣ на домъ; я живу здѣсь въ двугъ шагахъ отъ васъ; вѣдь вы меня знаете: я Крыловъ». — Какъ можно знать всѣхъ людей на свѣтѣ, проговорилъ купецъ и взялъ съ прилавка бумагу: много живетъ здѣсь народу.

Свою извѣстность Крыловъ по скромности изъяснялъ и тѣмъ, что у всякаго изъ насъ въ обществѣ гораздо болѣе (какъ говорилъ онъ) такихъ людей, которые знаютъ насъ, нежели такихъ, которыхъ мы знаемъ. Въ собраніяхъ, на прогулкахъ, въ Библіотекѣ, даже у себя на дому, часто онъ принужденъ былъ, улыбаясь, раскланиваться или говорить по пріятельски съ такими людьми, которыхъ, конечно, когда нибудь видалъ, но ни имени, ни мѣста службы совсѣмъ онъ теперь не помнилъ. При свиданіяхъ съ иными сочинителями онъ благодарилъ ихъ за присылку сочиненій, между тѣмъ какъ приношенія послѣдовали совершенно отъ другихъ лицъ. Иногда, казалось, онъ и не вѣрилъ во свое великое призваніе, приписывая успѣхи свои стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ. Въ посланіи своемъ къ Оленину, написанномъ въ 1826 году, онъ отъ полноты души говоритъ:

Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь,
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь,
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что, на меня
Щедротъ Монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ,
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта.

Крыловъ не бывалъ за границею. Если бы пришлось ему покороче ознакомиться съ новою жизнію, какъ знать, удержалъ ли бы онъ неизмѣнное настроеніе ума своего, который всегда стремился къ пріобрѣтенію только практической мудрости и который такъ легко отклонялъ крайности, вѣрно усматривая вездѣ златую средину? Поѣздка въ чужіе края разъ и его едва не соблазнила. Въ 1828 году Крыловъ очень выгодно продалъ одно изданіе басенъ своихъ и вдругъ почувствовалъ себя богачемъ. Онъ сталъ уговаривать Гнѣдича собраться съ нимъ вмѣстѣ въ путешествіе. Но другъ отсовѣтовалъ ему на шестомъ десяткѣ жизни подвергаться хлопотамъ дальней дороги и разлукѣ съ милою родиной. Въ стихахъ Гнѣдича, по этому случаю написанныхъ, много истины, меланхоліи и граціи. Крыловъ согласился остаться дома. Но имъ овладѣла другая прихоть. Онъ рѣшился издержать лишнія деньги на убранство своихъ комнатъ. И вотъ онѣ украшены богатою мебелью и разными дорогими тканями. Изъ магазиновъ и съ фабрикъ наставили ему вездѣ серебра, бронзы, фарфору, хрусталю и алебастровыхъ вещей. Англійскіе ковры разостланы на полу. Въ буфетѣ очутились модные сервизы и прочія принадлежности роскоши. Устроившись, Крыловъ назначилъ день и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ семейство Оленина съ общими ихъ друзьями. Удовольствовавшись первымъ и послѣднимъ опытомъ суетности, Крыловъ почувствовалъ, что это не прибавило ему счастія, что привычкамъ его нужны только спокойствіе

и поэтическая лѣнь. Онъ безъ вниманія и заботливости оставилъ дорогія свои вещи. Голуби по прежнему стали располагаться въ обновленныхъ его комнатахъ и всему сообщили видъ знакомаго имъ жилища. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, кабинетъ Крылова рукою искуснаго художника сохраненъ для потомства. Великая княгиня Марія Николаевна приказала перенести его на картину, которая и находится у ея высочества.

Безпечность и празднолюбіе Крылова происходили болѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенія душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля въ немъ сохранились до послѣднихъ дней его. Когда-то пріобрѣлъ онъ для украшенія жилища своего нѣсколько картинъ. Въ послѣдствіи онъ охладѣлъ ко всему. За чистотою и порядкомъ смотрѣть было некому. Отъ пыли, густымъ слоемъ вездѣ ложившейся, позолоту на нижней части рамъ выѣло у всѣхъ картинъ. Изъ нихъ одна висѣла въ средней комнатѣ надъ диваномъ, гдѣ случалось сидѣть и хозяину. Сперва картина держалась на двухъ гвоздикахъ. Послѣ одинъ изъ нихъ выпалъ и она повисла бокомъ. Долго ее всѣ видѣли въ этомъ положеніи. Что же отвѣчалъ Крыловъ, когда начинали его предостерегать, чтобы не досталось головѣ его отъ картины? «Ежели дѣйствительно придется ей упасть, то рама, по косвенному положенію своему, должна въ паденіи описать кривую линію, и слѣдовательно она минуетъ мою голову». Въ 1818 году разговорились однажды у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ языковъ. Крыловъ не былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не вспоминалъ никто. Между тѣмъ Крыловъ, сравнительно съ прежнимъ, рѣже видался съ Гнѣдичемъ, давая знать ему при встрѣчахъ, что пустился снова играть въ карты. Чрезъ два года, у Оленина же онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями экзамена, который Гнѣдичъ долженъ произвесть ему въ греческомъ языкѣ. Раскрываютъ въ Иліадѣ одно мѣсто, другое, третье, и такъ далѣе. Крыловъ все объясняетъ свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивленіе, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіи двухъ лѣтъ, достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичъ провелъ половину жизни своей! Но Крыловъ не собрался извлечь изъ этого никакой выгоды ни себѣ, ни обществу: онъ удовольствовался тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Правда, онъ купилъ всѣхъ греческихъ классиковъ и прочелъ ихъ отъ доски до доски. На чтеніе ихъ онъ употреблялъ всѣ свои вечера передъ сномъ. Потому-то греческія книги у него уставлены были подъ кроватью, откуда легко было доставать ему всякую, какъ только въ постели приходила ему охота къ чтенію. По окончаніи экзамена, онъ охладѣлъ къ греческимъ классикамъ и не дотрогивался до нихъ нѣсколько лѣтъ. Разъ какъ-то онъ протянулъ было подъ кровать руку за Эзопомъ, но тамъ уже не осталось никого изъ Грековъ. Служанка Крылова, замѣтивъ, что эти пыльныя книги никогда не читаются, и подумавъ, что, какъ безполезныя, нарочно и брошены онѣ подъ кровать, вздумала употреблять ихъ каждый разъ на подтопку, когда приходила топить печь въ спальнѣ. Она-то ихъ и перевела. Замѣчательно, что Крыловъ, самъ собою свободно выучившійся по гречески, чувствовалъ во всю жизнь отвращеніе отъ латинскаго языка и всегда говорилъ, что ни изъ чего бы не рѣшился когда нибудь учиться по латини.

Тяжело подымаясь съ мѣста на какое нибудь дѣло и по большей части проводя время въ неподвижности, Кры-

ловъ бывалъ всегда проворенъ и даже съ постели вскакивалъ одѣваться, когда ему сказывали, что гдѣ нибудь видѣнъ пожаръ. Это было для него занимательнѣйшее зрѣлище. Онъ не пропустилъ ни одного изъ большихъ пожаровъ въ городѣ и о каждомъ сохранилъ самое живое воспоминаніе. Въ разсказахъ объ этихъ случаяхъ онъ былъ живъ и даже краснорѣчивъ, особенно когда вспоминалъ о пожарѣ, бывшемъ здѣсь близь взморья на Невѣ, гдѣ горѣли камели. Безъ сомнѣнія, отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его басняхъ всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно точны и оригинально хороши.

Плетневъ.

47. Петръ I.

Императоръ Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недостатки, занятія его по дѣламъ государственнымъ и частнымъ, которымъ онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являетъ что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда неустающей дѣятельности, которыя не могутъ не возбудить удивленія.

Начинаю описаніемъ его наружности. Петръ Первый былъ слишкомъ 2 аршинъ 11 вершковъ и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Заандамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лице круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, въ биржѣ въ 1701 году, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна и, бросивъ вверхъ, кортикомъ прорубилъ оную на воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ и потомъ между ладоньми сплющилъ большую серебряную же чашу. Въ Амстердамѣ, въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ останавливалъ рукою мельничныя крылья, чтобъ лучше разсмотрѣть механизмъ нѣкоторыхъ частей. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою-нибудь мыслію или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при россійскомъ дворѣ, а именно цесарскій посолъ графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у царя два часа на переговорахъ, ибо долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность: но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Сѣрикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою тотъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и, вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь не-

охотно разставался съ сею простотою и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Людовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ оставляли отличительную черту людей лучшаго общества. Пріѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣрѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоящій изъ кафтана безъ галуновъ, манишки безъ манжетъ, короткаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной портупеи черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у Парижанъ въ моду подъ названіемъ: habit du tzar. Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ: «Смотри, Катенька», сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, «слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата».

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности; и могъ ли онъ жить расточительно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ новгородской губерніи? Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить сіи деньги, но не могъ забыть этой издержки и, угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ Голландцевъ, всякій разъ почти съ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика. «Мнѣ мотать не изъ чего», говаривалъ онъ въ другое время; «жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ отдать въ нихъ отчетъ Богу». Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье, и въ 1723 году давалъ персидскому послу Измаилъ-Бегу отпускную аудіенцію въ томъ самомъ голубомъ кафтанѣ съ серебряными нашивками по борту, въ которомъ 1717 года явился въ первый разъ къ французскому королю Людовику XV.

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками—однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ, 25 мая 1723 года, удивилъ онъ петербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ на встрѣчу князю Г. Ѳ. Долгорукову и графу А. Г. Головкину, которые, пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными Европейцами. Петръ, остановившись въ 4-хъ верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ

столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ передъ всѣми изъявилъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и утонченной образованности.

Та же простота, какую наблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. Указомъ отъ 30-го декабря 1701 года обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами было замѣнено поклономъ. Бывало, если на улицѣ кто-нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался передъ государемъ, онъ подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: «чего ты?» и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ: «эхъ, братъ», продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: «у тебя свои дѣла, у меня мои; ступай своей дорогой».

Въ Петербургѣ царь былъ то же, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при чемъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у инаго. Случалось-ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ дубинки, отправлялс къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ: приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много и любилъ изъясняться аллегоріями. Считалъ Эзопа однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ и часто въ отвѣтъ на длинныя разсужденія прочитывалъ одну изъ его басенъ. Отправляясь въ походъ противъ Турокъ въ 1711 году, просилъ онъ содѣйствія у римскаго императора Карла VI, который подавалъ въ томъ надежду царю, но не обѣщалъ ничего положительнаго. Когда походъ подъ Прутомъ былъ конченъ, императорскій посолъ встрѣтилъ Петра въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его отъ имени своего государя съ тѣмъ, что онъ такъ счастливо избавился отъ опасности. Петръ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спросилъ у него, знаетъ ли онъ по латини,—и послѣ утвердительнаго отвѣта, взявъ со стола Эзопа, пріискалъ ему басню о Козлѣ и Лисицѣ, сошедшихся у колодца, подалъ ее посланнику и, сказавъ ему: «теперь желаю вамъ доброй ночи», вышелъ изъ комнаты. Часто видали его на улицахъ, идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ,—иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Но, обращаясь открыто со всѣми, онъ того-же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто вздумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. «За признаніе прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія», повторялъ онъ часто: «лучше грѣхъ явный, нежели тайный».

Онъ любилъ правду даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною. «Князь Яковъ въ сенатѣ», отзывался онъ о Долгорукомъ, «прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лице».

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ лѣтняго сада, зимою въ зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время С.-Петербургскія Вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣлан-

ные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по латини, по нѣмецки и по голландски и понималъ французскій языкъ, хотя и не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростію въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ Адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ бранденбургскому посланнику фонъ-Принцу пріемную аудіенцію въ 4 часа утра. Аудіенція сія была, вѣрно, единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворцѣ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военнаго корабля. Фонъ-Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видавъ царя, принужденъ былъ отправиться въ слѣдъ за нимъ въ Адмиралтейство. «Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ», сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взбираться на гротъ-мачту, и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія, подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. За то государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 6 марта 1711 года, отправляясь въ прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галереѣ Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или въ хорошую погоду въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій — и богатый и неимущій, и знатный вельможа и человѣкъ простаго званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, черезъ окошечко, всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ, вилка съ зелеными костяными черенками; и дежурному деньщику вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класть предъ царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ.

Петръ не терпѣлъ многочисленной

прислуги и вообще называлъ лакеевъ шпіонами, которые худо слышатъ, а еще хуже разсказываютъ слышанное. Дежурный деньщикъ служилъ государю, императрицѣ и великимъ княжнамъ. Онъ находился при царѣ безотлучно днемъ и ночью, былъ довѣренною его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Вообще Петръ ѣлъ мало, не былъ разборчивъ въ пищѣ и не терпѣлъ причудъ въ другихъ.

Откушавъ, обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, что должно переводить въ С.-Петербургскія Вѣдомости; потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцемъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда во время торжественныхъ обѣдовъ онъ для этого вставалъ изъ-за стола, приказавъ однакожъ гостямъ не расходиться прежде его возвращенія. Въ четыре часа входилъ онъ въ токарную или въ кабинетъ; сюда приходили къ нему по дѣламъ: канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ и Остерманъ, генералъ-прокуроръ Ягушинскій, генералъ-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ, графъ П. А. Толстой, сенаторъ князь Я. Ѳ. Долгорукій, князь Меншиковъ, генералъ-полицмейстеръ Девіеръ, или другой кто нибудь изъ его министровъ. Одни только князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ государь всегда провожалъ до двери кабинета; всѣ прочіе, даже сама императрица Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ тотъ день на мысль, и, удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

Ничто не поселитъ въ насъ столько уваженія къ памяти Петра, сколько сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей или иногда въ мирномъ кругу немногихъ, искренно преданныхъ царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его труды. По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному, вы можете судить, сколько занятія сіи были разнообразны; но, не смотря на это разнообразіе, всѣ имѣли одну постоянную, неизмѣнную цѣль. Хотите-ли знать ее? «Трудиться надобно, братецъ», говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ: «я и царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобы показать вамъ примѣръ и хотя бъ подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству».

Площадь, извѣстная нынѣ подъ именемъ Царицына луга, усажена была во время Петра деревьями въ нѣсколько аллей. Между деревьями разбросаны были небольшіе домики съ тесовыми крышами, принадлежавшіе собственно Петру. Въ одномъ изъ нихъ содержался слонъ и два льва, привезенные въ Петербургъ, въ 1714 году, изъ Персіи тамошнимъ нашимъ посланникомъ Волынскимъ; въ другомъ поставленъ былъ славный готторпскій глобусъ, имѣвшій до 14 футовъ въ діаметрѣ и подаренный Петру Первому, въ 1715 г., правителемъ герцогства голштинскаго; въ третьемъ домикѣ находились математическіе инструменты, нѣсколько минераловъ, небольшой физическій и анатомическій кабинеты. Тутъ въ одномъ углу стоялъ токарный станокъ; въ другомъ лежали мѣдныя доски, съ приборомъ для рѣзанія на мѣди и гравированія; въ третьемъ модели различныхъ машинъ; на полу разбросаны были орудія, необходимыя для плотника, столяра, слесаря. Здѣсь, послѣ краткаго отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ, государь проводилъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ за работою.

Море было любимою стихіею Петра. Одинъ голландскій шкиперъ сказалъ ему, когда государь объявилъ, что предпринимаетъ катанья по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: «нѣтъ, царь,

ты не забудешь: я чаю, ты и во снѣ командуешь флотомъ». Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ или построены на морскомъ берегу, или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. Онъ утверждалъ, что морской воздухъ есть лучшее для него лекарство отъ болѣзней, и если случалось ему занемогать въ приморскомъ городѣ, то приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, стоявшихъ въ гавани. Въ Петергофѣ онъ говаривалъ, что ему душно во дворцѣ и въ садахъ, и всегда ночевалъ въ Монплезирѣ, омываемомъ водами Финскаго залива. Домикъ сей, построенный на голландскій образецъ, напоминалъ ему время его молодости, его воспитанія: на стѣнахъ развѣшены были картины работы Адама Сило, учителя его въ теоріи кораблестроенія; онѣ представляли виды голландскихъ приморскихъ городовъ, и между прочимъ на одной изображенъ былъ самъ царь на верфи остъиндской компаніи въ Амстердамѣ. Движимый сею страстію къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣскольку часовъ съ зрительною трубою въ Монплезирѣ или въ Екатерингофскомъ подзорномъ дворцѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу, выѣзжалъ на встрѣчу тѣмъ, которыя приходили къ Кронштадту, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по талеру или по кронѣ. Онъ позволялъ иноземнымъ шкиперамъ свободный къ себѣ доступъ: охотно слушалъ разсказы объ ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія по Балтійскому морю, и не разъ, за кружкою вина, съ глиняною трубкою въ зубахъ, проводилъ цѣлые вечера въ таковыхъ бесѣдахъ. Долго находившись въ Голландіи, государь свелъ тамъ знакомство со многими корабельщиками: они привозили ему въ подарокъ сыръ, императрицѣ полотно и пряники для малолѣтнихъ великихъ князей Петра Петровича и Петра Алексѣевича. Царь съ своей стороны заботился о томъ, чтобы имъ въ Петербургѣ доставить всевозможное удовольствіе.

Занимаясь утромъ на адмиралтейской верфи практикою кораблестроенія, онъ вечеромъ трудился надъ теоріею: перечитывалъ съ капитанъ-лейтенантомъ Мухановымъ, составленныя симъ послѣднимъ правила навигаціи; чертилъ на бумагѣ изображенія различныхъ судовъ; сравнивалъ ихъ размѣры; вычислялъ степень сопротивленія воды и степень глубины, потребной для разнаго рода кораблей. Ѳ. А. Мухановъ учился въ чужихъ краяхъ, вмѣстѣ съ Петромъ, мореходному искуству и столько успѣлъ въ ономъ, что прозванъ былъ русскимъ Голландцемъ. Петръ говаривалъ, что онъ лучше понимаетъ оснастку корабля, но въ наукахъ, которыя нужны для моряка, уступаетъ преимущество Ѳедору. Однажды, когда они перечитывали вмѣстѣ навигацію сего послѣдняго, вышелъ у нихъ споръ, который положено было рѣшить на морѣ. Мухановъ командовалъ 50-пушечнымъ фрегатомъ Арондель. Въ назначенный для состязанія день приглашены были на корабль всѣ флагманы и нѣкоторые знатнѣйшіе вельможи. Русскій Голландецъ одержалъ верхъ, и Петръ въ благодарность подарилъ корабль образомъ Спаса, а въ память того, что ночевалъ въ тотъ день въ каютѣ Муханова, отдалъ ему съ себя рубашку.

Я никогда не кончилъ бы, если-бы захотѣлъ исчислять всѣ роды упражненій императора Петра I, если-бы вздумалъ подробно разсказывать, какъ онъ ткалъ въ Утрехтѣ на фабрикахъ Моллема полотно, ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера, неподалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ, и бралъ за пудъ по алтыну, какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ, и т. п. Довольно, если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми бы онъ не занимался или, по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Здѣсь упомяну еще о занятіяхъ, которымъ онъ особенно посвящалъ свои досуги въ послѣдніе годы своей жизни, а именно

о токарномъ искуствѣ и о вырѣзываніи на мѣди.

Токарное искуство любилъ онъ столько, что въ каждомъ изъ дворцевъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату государь называлъ мѣстомъ отдыха и, чтобы избавиться отъ безпокойныхъ посѣтителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: «кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не только посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное». Здѣсь производились всѣ государственныя тайны; здѣсь, вручая инструкціи отправляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливалъ онъ милости на достойныхъ и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому-нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ провиниться въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, призывалъ его къ себѣ, запиралъ двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ семъ случаѣ не какъ императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ надобно исправлять. Никто не зналъ никогда о семъ исправленіи: потерпѣвшій наказаніе выходилъ изъ токарной съ веселымъ лицемъ, и государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобы не дать постороннимъ примѣтить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть и обходился съ нимъ, какъ будто бы ничего не бывало.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были: государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ, въ 1716 году, командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко; тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лице, въ глазахъ блистали радостныя слезы, слова лились рѣкою и одна мысль быстро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ пристрастныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменьщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, проведшаго челнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній. Самъ изобрѣталъ и вырѣзывалъ большую часть медалей, при немъ вычеканенныхъ, и всегда составлялъ прозрачныя картины фейерверковъ, коими оканчивалъ свои праздники. Картины сіи относились къ политическимъ происшествіямъ того времени, изображали въ иносказательномъ видѣ или побѣды россійскаго оружія или успѣхи Русскихъ въ просвѣщеніи и гражданской образованности.

Корниловичъ.

48. Обученіе царскихъ дѣтей въ древней Руси.

Дѣти государя начинали учиться грамотѣ съ пяти лѣтъ. Въ это время царевичи съ рукъ мамы поступали на попеченіе дядьки, или, по древнему выраженію, кормильца-боярина, «честью великаго, тиха и разумна». Ему поручалось береженіе и наученіе царевича,

то есть главный надзоръ вообще за воспитанiемъ.

Въ учители государю выбирали, по выраженiю Котошихина, людей учительныхъ, тихихъ и не бражниковъ. Выборъ падалъ почти всегда на подьячихъ или дьяковъ; въ то время они, конечно, были лучшими учителями чтенiя и лучшими каллиграфами. Такъ учителемъ царя Алексѣя Михайловича былъ дьякъ Василiй Прокофьевъ, а учителемъ Петра Великаго — Никита Зотовъ; и тотъ и другой сначала были подъячими. Чистописанiю учили обыкновенно подьячiе посольскаго приказа, въ которомъ процвѣтала тогда наша старинная, весьма искусная и весьма вычурная каллиграфiя. Царя Алексѣя Михайловича училъ писать подъячiй посольскаго приказа Григорiй Львовъ, а царя Ѳеодора Алексѣевича—подъячiй же Панфилъ Тимоѳеевъ.

Ученье начиналось, разумѣется, съ азбуки, которыя до XVII столѣтiя были рукописныя. Къ сожалѣнiю, мы ничего не знаемъ о составѣ этихъ древнѣйшихъ азбукъ, потому что ни одной изъ нихъ до сихъ поръ не удалось намъ видѣть. Сохранившiяся во множествѣ азбуки каллиграфическiя, или собственно прописи, безъ сомнѣнiя, во многомъ отличались отъ букварей; не знаемъ также положительно, въ какое именно время въ XVII ст. появились у насъ азбуки или буквари печатные. До сихъ поръ самою первою по времени изданiя можетъ считаться азбука, изданная въ 1634 году Василiемъ Бурцовымъ и передѣланная имъ, можетъ быть, изъ грамматики или собственно азбуки, изданной въ Вильнѣ въ 1621 году. Годъ изданiя этого букваря совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, въ которое царевичъ Алексѣй Михайловичъ, достигнувъ пятилѣтняго возраста, началъ учиться грамотѣ; можно было бы даже предполагать, что первоначальное обученiе царевича было одною изъ побудительныхъ причинъ къ изданiю этого букваря. Но мы знаемъ, что, годомъ раньше, дѣдушка царевича, патрiархъ Филаретъ Никитичъ, благословилъ его въ 1633 году, вѣроятно, при самомъ началѣ ученiя, «азбукою, большая печать, на столбцѣ—указъ, сверху рѣчь золочена». Судя по выраженiю «на столбцѣ», можно думать, что эта азбука была напечатана на одномъ листкѣ, столбцомъ, и содержала въ себѣ только буквы и склады. Другое извѣстiе 1642 года указываетъ на подобную же азбуку большой печати, которая была не на столбцѣ, а книгою, потому что ее въ это время переплетали.

Какъ бы то ни было, все это еще библiографическiй вопросъ, и мы пока должны остановиться на азбукѣ Бурцова, какъ болѣе извѣстной. Здѣсь мы разсмотримъ второе ея изданiе, вышедшее въ 1637 году.

Въ предисловiи эта азбука названа лѣствицею къ изученiю часовника, псалтири и прочихъ божественныхъ книгъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что «Руссiи сынове младые дѣти, первiе почнинаютъ учитися по сей составнѣй словеньстѣй азбуцѣ, по ряду, словамъ, и потомъ, узнавъ писмена и слоги и изучивъ сiю малую книжицу азбуку, начинаютъ учити часовникъ и псалтырю и прочая книги. И преже тiи самiи младыя дѣти младенцы быша и отъ матерень сосецъ млеко ссаху и питахуся. По возращенiи же тѣлеси къ твердѣй и дебелѣй пищи прикасахуся и насыщевахуся. Тако же и нынѣ начинающе учитися грамотѣ, первѣе простымъ словесемъ и слогамъ учатся, потомъ же, яко же и выше рѣхомъ, яко по лѣствицѣ къ прежереченнымъ тѣмъ книгамъ и къ прочимъ божественнымъ догматамъ касаются на ученiе и на чтенiе простираются». Самый составъ этой азбуки вполнѣ соотвѣтствуетъ религiозному направленiю древней нашей грамотности. Поэтому и самое заглавiе собственно къ азбукѣ, то есть предъ началомъ буквъ, выражено здѣсь въ слѣдующихъ весьма знаменательныхъ словахъ: «Начальное ученiе человѣкомъ,

хотящимъ разумѣти божественнаго писанія». Не ясно ли отсюда, что русскій человѣкъ до Петра Великаго признавалъ грамотность только въ той мѣрѣ, въ какой она могла служить средствомъ къ достиженію главной цѣли тогдашняго образованія, то есть къ изученію вѣры и книгъ св. писанія?

Предисловіе азбуки заключается стихотворнымъ обращеніемъ къ дѣтямъ: «Вы же, младыя отрочата, слышите и разумѣйте и зрите сего:

Сія зримая книжица,
По реченному алфавитица,
Напечатана бысть по царскому велѣнію
Вамъ младымъ дѣтемъ къ наученію...
Ты же, благоумное отроча, сему внимай
И отъ нижнія степени на вышнюю восступай,
И не лѣностнѣ и нерадивѣ учися
И дидаскала (учителя) своего всегда блюдися...

Послѣ разныхъ учительныхъ наставленій, стихотвореніе снова обращается къ дѣтямъ и говоритъ:

Первіе начинается вамъ отъ дидаскала сей зримый азъ,
Потомъ и на прочая пойдетъ вамъ указъ.

За тѣмъ слѣдуютъ буквы, склады, названія буквъ, числа до 10,000, знаки надстрочныя и знаки препинанія также съ ихъ названіями; далѣе расположены по алфавиту образцы измѣненія глаголовъ, глаголы и имена, сходныя по начертанію, но различныя по смыслу, который получаютъ они отъ ударенія; склоненія именъ, преимущественно тѣхъ, которыя въ церковномъ языкѣ пишутся подъ титлами. Все это составляетъ значительную часть букваря и вполнѣ соотвѣтствуетъ тому требованію, какое представлялъ еще въ началѣ XVI столѣтія архіепископъ Геннадій, говоря, чтобъ азбука была истолкована совсѣмъ да и подтительныя слова. Потомъ слѣдуетъ азбука толковая, то есть изреченія, относящіяся къ ученію и жизни Христа Спасителя, расположенныя въ алфавитѣ по своимъ начальнымъ буквамъ. Такъ, напримѣръ, буква *а* начинается текстомъ: «азъ есмь всему міру свѣтъ», и проч.

Послѣ толковой азбуки помѣщены заповѣди и другія статьи, составляющія краткое катехизическое ученіе о вѣрѣ, за которыми слѣдуютъ выписки изъ св. писанія, притчи и наставленіе Товіи своему сыну. Азбука оканчивается сказаніемъ, «како св. Кириллъ философъ состави азбуку», и послѣсловіемъ, гдѣ означено и время изданія азбуки.

Другая редакція азбуки, напечатанной въ 1679 году въ Верхней, то есть дворцовой, типографіи, имѣетъ многія отличія отъ этой, первой. Въ началѣ, послѣ такъ называемаго выхода, то есть обозначенія времени изданія книги, и послѣ стихотворнаго предисловія, въ ней находятся «благословенія отрокомъ во училище учитися священнымъ писаніямъ идущимъ», то есть молитвы, которыя давались іереемъ при началѣ ученія и послѣ которыхъ, по выраженію букваря, «отходитъ съ миромъ отрочя во училище, іерей же во своя си». Потомъ, послѣ буквъ, складовъ и именъ подъ титлами въ алфавитѣ: ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій и т. д., слѣдуютъ опять молитвы: Царю Небесный, Отче нашъ, псаломъ: Помилуй мя, Боже, Слава въ вышнихъ Богу, Символъ вѣры и проч. Далѣе «Бесѣда о православнѣй вѣрѣ, краткими вопросы и отвѣты удобнѣйшаго ради познанія, дѣтемъ христіанскимъ: странный вопрошаетъ, православный же отвѣщаетъ»; десять заповѣдей и прочія катехизическія статьи, о которыхъ мы упоминали выше. Молитвы: отъ сна возставъ, утренняя, предъ обѣдомъ, по обѣдѣ, предъ вечерею, по вечери и на нощь. Далѣе знаки ударенія и препинанія, опять молитва ко Пресвятѣй Богородицѣ, числа, и наконецъ привѣтства къ родителю и къ благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, воскресеніе, сошествіе Св. Духа и на новое лѣто. Привѣтства эти однакожъ не столько любопытны, какъ бы слѣдовало ожидать: всѣ они заключаются въ однѣхъ только реторическихъ фразахъ.

Букварь оканчивается увѣщаніемъ въ стихахъ о пользѣ наказанія.

Кромѣ того, при этой редакціи букваря находится Измарагдъ, или Стоглавъ о вѣрѣ св. Геннадія, патріарха константинопольскаго, состоящій изъ ста параграфовъ катихизическаго содержанія, и Тестаментъ, или Завѣтъ Василія, царя греческаго, къ сыну его Льву Философу, съ стихотворнымъ увѣщаніемъ къ читателю и съ послѣсловіемъ, подъ заглавіемъ: «Тупографомъ Избранное». Въ этомъ послѣсловіи, кромѣ историческихъ свѣдѣній о царѣ Василіи, обозначено и содержаніе его Завѣта, который «воистину достоинъ всякому или царю, или князю, или властелину, или домовиту ко управленію житія своего, и чадъ своихъ, вящще же страстей своихъ». Двѣ эти статьи, Стоглавъ и Тестаментъ, составляютъ какъ бы особыя книжки, каждая съ особою цыфраціею страницъ; Тестаментъ же имѣетъ свой особенный выходъ, изъ котораго видно, что онъ изданъ мѣсяцемъ позже букваря, именно въ январѣ 1680 года; букварь же изданъ въ декабрѣ 1679 года. Но, судя по внѣшнимъ признакамъ, по шрифту, бумагѣ, и проч., обѣ эти статьи, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ описанному нами букварю.

Вотъ составъ древнихъ печатныхъ букварей, по которымъ учились наши предки до Петра Великаго.

Характеръ древней педагогіи былъ таковъ, что нельзя было выучиться читать, не выучивъ вмѣстѣ съ тѣмъ наизусть и всего содержанія азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повтореніе задовъ, безъ твердаго знанія которыхъ нельзя было и заглянуть въ новую страницу. Ученье происходило обыкновенно вслухъ и на распѣвъ, какъ слѣдовало читать во время церковной службы, что также можетъ свидѣтельствовать, что первоначальною цѣлью книжнаго ученія было собственно приготовленіе церковнослужителей. Да и вообще и въ самомъ гражданскомъ быту церковныя книги въ то время иначе и не читались, какъ на распѣвъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенныхъ тоническихъ удареній. Въ древнихъ рукописныхъ псалтиряхъ встрѣчается даже особенный указъ, или правило, какъ читать псалтирь. «Зри, внимай», говорится въ этомъ указѣ, разумѣй, разсмотряй, памятуй какъ псалтырь говорити. Первое, что говориши; второе, всяко слово договаривати; третіе, на строкахъ ставитися; четвертое, умомъ разумѣти словеса, что говориши; пятое, пословицы знати да и памятовати, какъ которое слово говорити: сверху слово ударити голосомъ, или прямо молвити, слово поставити. А всякое слово почати духомъ: ясно, чисто, звонко; кончати духомъ, потомужъ, слово чисто, звонко, равнымъ голосомъ, ни высоко, ни ниско, ни слабѣти словомъ, ни на силу кричати, ни тихо, ни борзо, а часто отдыхати, а крѣпко по три или по четыре строки духомъ; а равно строкою говорити. А весь сей указъ умомъ, да языкомъ, да гласомъ сдержится и красится во всякомъ человѣцѣ и во всякихъ пословицахъ книжныхъ. А умъ и гласъ и языкъ требуетъ помощи сея— молитвы, воздержанія и чистоты».

Тотъ же характеръ преподаванія съ твердымъ заучиваньемъ наизусть переходилъ съ азбуки на часовникъ и потомъ на псалтирь. Дѣти обыкновенно такъ выучивали эти книги, что могли свободно читать ихъ наизусть. По свидѣтельству Крекшина, Петръ Великій «книжное ученіе толико имѣя въ твердости, что все евангеліе и апостолъ наизусть могъ прочитати».

Въ народномъ быту первоначальное ученіе оканчивалось псалтиремъ; въ быту же государей дѣти послѣ псалтиря учили «апостольское дѣяніе» и наконецъ евангеліе. Такъ царь Алексѣй Михайловичъ въ началѣ сентября 1635 года, послѣ азбуки, на седьмомъ уже году, началъ учить часовникъ, за этимъ почти чрезъ шесть мѣсяцевъ слѣдовалъ псалтирь, потомъ чрезъ три мѣсяца апостольское дѣяніе.

При такомъ характерѣ древней педагогіи, безъ сомнѣнія, выучиться грамотѣ было не совсѣмъ легко: это былъ такой сухой и тяжелый трудъ, о которомъ въ настоящее время едва ли можно составить надлежащее понятіе. Старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она сухимъ и суровымъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и съ розгою въ другой. Въ старинной педагогіи наказаніе вообще признавали неразлучнымъ спутникомъ науки. Азбука Бурцова начинается даже изображеніемъ «Училища», гдѣ одинъ изъ учениковъ стоитъ на колѣняхъ предъ строгимъ дидаскаломъ, который готовится наказать его розгою. Азбука 1679 года заключается увѣщаніемъ вообще о пользѣ наказанія въ отроческихъ лѣтахъ. Мы приводимъ здѣсь это любопытное увѣщаніе вполнѣ, какъ образчикъ древняго стихосложенія.

Хощеши чадо благъ разумъ стяжати,
Тщися во трудѣхъ выну пребывати.
Временемъ раны нужда есть терпѣти,
Ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти.
Розги малому, бича большимъ требѣ,
А жезлъ подрастшимъ при нескудномъ хлѣбѣ.
Та орудія глупыхъ исправляютъ,
Плоти цѣлости ничтоже вреждаютъ.
Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ
И волю злую въ благу прелагаетъ.
Учитъ Господу Богу ся молити
И рано въ церковь на службы ходити.
Бичъ возбраняетъ скверно глаголати
И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнивыя къ дѣлу понуждаетъ,
Рождшихъ слушати во всемъ поучаетъ.
А злобы творцы страхомъ спасаетъ,
Егда болѣзнми душу проницаетъ.
Не вредитъ костей, тѣлу болѣзнь родитъ,
Но злыя нравы отъ юныхъ отводитъ.
Душу ото огня вѣчно сохраняетъ,
Въ небесную же радость водворяетъ.
Ты убо, отче, такожде и мати,
Научитеся чада поучати,
Аще хощете утѣху имѣти,
А не срамъ за ня въ старости терпѣти.
Не на плотскую красоту чадъ зрите,
Но души красны да будутъ, смотрите.
Красота плоти многихъ погубляетъ,
А язва тая душу удобряетъ.
Лѣпота душу велми есть спасенна,
Создавшему ю Богу возлюбленна.
Ту же обычно ученіе вводитъ,
А умный дѣтищъ въ чести множѣй ходитъ.
Вы же, о чада! трудъ честный любите,
Еже полезно тою ся держите,
Знающе, яко аще ся труждати
Тяжко, по легко труды плодовъ жати.
И раны, яже добро содѣваютъ,
Вамъ не мерзостны въ дѣтствѣ да бываютъ
Цѣлуйте розгу, бичь и жезлъ любзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ:
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ.
Дѣлеса злая весьма отрѣвайте,
Ко добрымъ сердца ваша прилагайте.
Сіе же слово за даръ благъ возмите,
Не злословьте ми, благословите:
Иже вамъ благихъ всяческихъ желаю,
Конча, къ благости всяцѣй увѣщаю.

Въ то время, когда проходили этотъ курсъ словеснаго ученія, дѣти, обыкновенно лѣтъ семи, садились учиться писать. Скорописныя азбуки, которыя служили въ этомъ случаѣ руководствомъ, были писаны всегда столбцомъ, свиткомъ изъ нѣсколькихъ склеенныхъ листковъ. Въ составъ ихъ входили сначала прописныя и строчныя буквы, выписанныя съ особеннымъ тщаніемъ и искуствомъ, съ разными вычурными украшеніями; каждая буква, для обозначенія различныхъ почерковъ, писалась во множествѣ образцовъ, начиная съ самыхъ большихъ и оканчивая самыми малыми. Каждый рядъ буквъ начинался вычурною и нерѣдко весьма красивою заставкою, то есть большою прописною буквою, въ которой травы и узоры переплетались съ изображеніями птицъ и звѣрей. Въ нѣкоторыхъ азбукахъ помѣщалась также азбука толковая, то есть разныя изреченія и апоѳегмы, расположенныя въ алфавитѣ по начальнымъ буквамъ, но содержаніемъ своимъ эта азбука совершенно отличается отъ толковой азбуки, находящейся въ букварѣ Василья Бурцова, въ которой, какъ мы сказали ужъ, всѣ изреченія относятся только къ ученію и жизни Спасителя. Здѣсь же эти апоѳегмы касаются вообще правоученія. Такъ напримѣръ, подъ буквою *ж* читаемъ: «Желаемъ христіане

спастися, желаемъ и неправду дѣлать»; подъ буквою *ф*—«Фараоновыхъ твореній не чини, и другихъ на то не учи»; подъ буквою *х*—«Храни свѣщу твою отъ вѣтру, сирѣчь душу отъ лѣности»; подъ буквою *отъ*—«Отврати лице твое отъ жены чужія и много съ нею не бесѣдуй»; подъ буквою *ш*—«Шатанія и плясанія діавольскаго удаляйся: плясаніе бо уподобися смертному убивству»; подъ буквою *кси*—«Ксаноъ и философъ былъ, а у раба своего Есопа въ пострамленіи много находился», и пр.

Послѣ буквъ слѣдовали прописи и склады; подъ этимъ заглавіемъ помѣщены также нѣкоторыя апоѳегмы и даже загадки, собственно книжныя.

Кромѣ чтенія и письма, въ составъ первоначальнаго обученія входило также и церковное пѣніе. Царь Алексѣй Михайловичъ на восьмомъ году «началъ учити Охтой, Октоихъ, или Осмогласникъ, заключающій въ себѣ вседневныя церковныя службы, а на десятомъ году «страшное» пѣнье, то есть стихи и пѣсни страстной седмицы. Его учили пѣвчіе дьяки Лука Ивановъ, Иванъ Семіоновъ, Михайла Осиповъ. Въ казнѣ царевича хранились кромѣ того, «стихирали и тріоди знаменныя», то есть церковной службы пѣсни и стихиры, писанныя подъ знамя, подъ крюками или крюковыми нотами. Эти стихирали и тріоди церевичъ, безъ сомнѣнія, также разучивалъ или, по старому, распѣвалъ при помощи пѣвчихъ дьяковъ. Извѣстно также, что Петръ Великій особенно любилъ церковное пѣніе, которому учился, безъ сомнѣнія, въ отроческихъ лѣтахъ. Въ оружейной палатѣ и теперь еще сохраняется нѣсколько нотныхъ книгъ, по которымъ государь пѣвалъ въ дворцовыхъ церквахъ на клиросѣ.

Начальное обученіе царевенъ велось въ томъ же порядкѣ и въ такомъ же объемѣ, но только съ тою разницею, что ихъ обучали женщины—учительницы-мастерицы. Учительница состояла въ дворовомъ штатѣ царицы и получала въ годъ по окладу жалованья восемь рублей и кормовыхъ по шести денегъ на день. Въ 1632 году, царевну Татьяну Михайловну обучала грамотѣ мастерица Марья. Въ концѣ XVII-го столѣтія, въ 1675—1691 г., учительницами были Варвара Льгова и Ѳедора Петрова. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ въ 1634 году шестилѣтней царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ турской кафтанъ, какъ она государыня начала учить часы, то есть часовникъ.

Въ расходныхъ запискахъ 1643 года упомянуто, что семилѣтняя царевна Татьяна Михайловна 19 іюня слушала молебенъ—въ ту пору, какъ ей государынѣ начали учить заутреню.

Вотъ полный курсъ начальнаго обученія, существовавшій у нашихъ предковъ до начала XVIII-го столѣтія. Онъ заключалъ въ себѣ, какъ мы видѣли: 1) словесное, то есть чтеніе, 2) письмо и 3) пѣніе, и былъ распространенъ въ совершенномъ единообразіи по всѣмъ сословіямъ московскаго государства, начиная съ грамотнаго земледѣльца и восходя къ первому боярину.

Дальнѣйшее образованіе въ гражданскомъ быту не составляло уже существенной, неизбѣжной потребности и принадлежало, такъ сказать, къ роскоши: поэтому оно не имѣло еще ничего опредѣленнаго и всегда условливалось большею или меньшею любознательностью лица, которое, не удовлетворяясь первоначальнымъ курсомъ книжнаго ученія, само ужъ избирало тотъ или другой путь своего самообразованія, тѣ или другія книги для удовлетворенія своей любознательности. Впрочемъ, въ царскомъ быту описанное начальное обученіе было пополняемо другими предметами, имѣвшими чисто гражданскій и притомъ практическій характеръ. Дѣти государя, проходя описанный курсъ ученія, въ то же время знакомились посредствомъ картинокъ съ отечественною исторіею и со многими предметами вседневной жизни, то есть съ полезными занятіями селянина, ремесленника, промышленника и проч.

И. Забѣлинъ.

49. Мазепа.

Ни одинъ гетманъ малороссійскій не пользовался такою довѣренностію московскаго правительства, какъ умный, образованный, любезный старикъ Иванъ Степановичъ Мазепа. Царь Петръ вполнѣ полагался на его приверженность къ себѣ, не вѣрилъ доносамъ на него, и дѣйствительно, по свидѣтельству самыхъ близкихъ къ гетману людей, онъ былъ вѣренъ царю. Въ 1705 году Мазепа стоялъ обозомъ подъ Замостьемъ; сюда тайкомъ пробирается къ нему изъ Варшавы Францишекъ Вольскій съ секретными «прелестными» предложеніями отъ польскаго короля Станислава Лещинскаго. Мазепа спокойно выслушиваетъ Вольскаго, но, выслушавъ, немедленно сдаетъ его подъ караулъ царскому чиновнику Анненкову, велитъ подвергнуть пыткѣ, потомъ въ оковахъ отправляетъ въ Кіевъ, къ тамошнему воеводѣ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, а письма пересылаетъ къ царю. Но вотъ вѣрность гетмана подвергается искушенію: въ Дубнѣ, гдѣ онъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ, получаетъ онъ длинное письмо отъ наказнаго гетмана, прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, стоявшаго съ своимъ и кіевскимъ полками подъ Гродно на службѣ царской; гетманъ кличетъ писаря Орлика и велитъ читать ему письмо; Орликъ читаетъ горькія жалобы: подробно описывалъ Горленко обиды, поношенія, уничиженія, досады, коней разграбленіе и смертные побои казакамъ отъ великороссійскихъ начальныхъ и подначальныхъ людей: «меня, наказнаго гетмана», пишетъ Горленко, «съ коня спихнули, изъ-подъ меня и изъ-подъ прочихъ начальныхъ людей кони на подводы забраны!» Тотъ же курьеръ, который привезъ письмо отъ Горленка, подалъ другое отъ полковника Ивана Черныша, также находившагося въ Гроднѣ; Орликъ распечаталъ и нашелъ копію съ царскаго указа, которымъ будто бы приказывалось кіевскому и прилуцкому полкамъ идти въ Пруссію для наученія и устроенія ихъ въ драгунскіе регулярные полки. Выслушавъ письма, Мазепа сказалъ: «Какого же намъ добра впередъ надѣяться за наши вѣрныя службы, и ктожъ былъ бы такой дуракъ, какъ я, чтобы до сихъ поръ не приклонился къ противной сторонѣ на такія предложенія, какія прислалъ ко мнѣ Станиславъ Лещинскій?» Скоро послѣ этого пріѣзжаетъ самъ Горленко въ Дубно къ Мазепѣ и объявляетъ, что притворился больнымъ изъ страха, чтобъ его не послали съ полками въ Пруссію и не устроили въ драгуны: «Я бы вѣдь этимъ возбудилъ противъ себя ненависть цѣлаго войска», говорилъ Горленко, «всѣ бы стали говорить, что отъ меня пошло начало регулярнаго строя у насъ; вотъ я и притворился больнымъ и отпросился у генерала Рена въ отпускъ будто домой, подаривъ ему за это коней добрыхъ да 300 ефимковъ.

Въ то время, какъ гетманъ смущенъ былъ разсказами и жалобами Горленка, краковскій воевода князь Вишневецкій прислалъ звать его къ себѣ въ Бѣлую Криницу, просилъ быть крестнымъ отцемъ у его дочери; крестною матерью была мать князя, княгиня Дольская. Нѣсколько дней пировалъ Мазепа на крестинахъ и, возвратившись въ Дубно, велѣлъ Орлику написать благодарственное письмо княгини Дольской и послать къ ней ключъ цыфирный для будущей переписки. Отвѣтъ не замедлилъ; черезъ нѣсколько дней приносятъ отъ княгини маленькое письмецо, написанное цыфрами: «я уже послала, куда слѣдуетъ, съ извѣстіемъ о истинной пріязни вашей милости», писала княгиня. Въ 1706 году, будучи въ Минскѣ, Мазепа получилъ отъ Дольской другое маленькое письмо цыфирью съ извѣстіемъ, что какой-то король посылаетъ къ нему письмо. Когда Орликъ разобралъ письмо, то Мазепа засмѣялся и сказалъ: «Глупая баба! хочетъ чрезъ меня царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя отъ короля Августа, принялъ въ свою протекцію Станислава и помогъ ему утвердиться на

польскомъ престолѣ, а онъ обѣщаетъ помочь государю въ войнѣ шведской; я объ этомъ ея дурачествѣ уже говорилъ государю, и его величество посмѣялся». Но долго притворяться было нельзя передъ Орликомъ; въ Кіевъ пришло третье письмо отъ Дольской: княгиня писала прямо, чтобы Мазепа начиналъ преднамѣренное дѣло и былъ бы надеженъ на скорую помощь отъ цѣлаго шведскаго войска; былъ бы также увѣренъ, что всѣ желанія его исполнятся, на что присланы будутъ къ нему ручательства королей шведскаго и польскаго. Когда Орликъ разобралъ письмо, Мазепа вскочилъ съ постели въ страшномъ гнѣвѣ и началъ кричать: «Проклятая баба обезумѣла! прежде меня просила, чтобы царское величество принялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь другое пишетъ; бѣснуется баба, хочетъ меня, искусную и ношенную птицу, обмануть; погубила бы меня баба, еслибъ я далъ ей прельстить себя; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертваго и, отплывая отъ одного берега, другаго не достигнуть. Станиславъ и самъ не надѣется царствовать въ Польшѣ, республика польская раздвоена; какой же можетъ быть фундаментъ безумныхъ прельщеній этой бабы? Состарѣлся я, служа вѣрно царскому величеству, и нынѣшнему, и отцу его, и брату; не прельстили меня ни король польскій Янъ, ни ханъ крымскій, ни донскіе казаки; а теперь, при концѣ вѣка моего, баба хочетъ меня обмануть». Мазепа сжегъ письмо Дольской и велѣлъ Орлику написать отвѣтъ: «Прошу вашу княжескую милость оставить эту корреспонденцію, которая меня можетъ погубить въ житіи, гонорѣ и субстанціи; не надѣйся, не помышляй о томъ, чтобъ я, при старости моей, вѣрность мою царскому величеству повредилъ». Дольская, дѣйствительно, пріостановила переписку на цѣлый годъ.

Но въ 1706 году случилось много событій, которыя возобновили переписку между кумомъ и кумою. Пріѣхалъ царь Петръ въ Кіевъ. Гетманъ задалъ въ честь его большой пиръ; вино развязало языкъ царскому любимцу Меншикову, который послѣ стола взялъ гетмана за руку, посадилъ подлѣ себя на лавку и, наклонясь къ нему, сказалъ на ухо, но такъ громко, что стоявшая подлѣ старшина могла все слышать: «Гетманъ Иванъ Степановичъ! пора теперь приниматься за этихъ враговъ». Старшина и полковники, видя, что любимецъ царскій хочетъ вести тайный разговоръ съ гетманомъ, хотѣли было отойти прочь, но Мазепа далъ имъ знакъ рукой, чтобъ остались, и отвѣчалъ Меншикову также на ухо, но громко, чтобы всѣ могли слышать: «Не пора!» Меншиковъ сказалъ на это: «Не можетъ быть лучшей поры, когда здѣсь самъ царское величество съ главною своею арміей».— «Опасно будетъ», отвѣчалъ Мазепа, «не кончивъ одной войны съ непріятелемъ, начинать другую, внутреннюю».—«Ихъ ли, враговъ, опасаться и щадить», продолжалъ шумный Меншиковъ: какая въ нихъ польза царскому величеству? Ты прямо вѣренъ государю, но надобно тебѣ знаменіе этой вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и будущіе государи знали и имя твое ублажали, что одинъ такой былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа, который такую пользу государству Россійскому учинилъ». Въ это время государь поднялся съ своего мѣста и пресѣкъ разговоръ. Проводивши царя, Мазепа отвелъ старшину и полковниковъ во внутреннюю комнату и спросилъ: «Слышали все? вотъ всегда мнѣ эту пѣсню поютъ, и на Москвѣ, и на всякомъ мѣстѣ; не допусти имъ только, Боже, исполнить то, что думаютъ». Между полковниками начался сильный ропотъ.

До сихъ поръ самъ гетманъ лично еще не былъ задѣтъ; но вотъ опять является таже искусительница, княгиня Дольская: приходитъ письмо изъ Львова цыфирью; княгиня описываетъ, какъ она была у кого-то воспріемницей вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Борисомъ Петрови-

чемъ Шереметевымъ, за столомъ сидѣла между нимъ и генераломъ Реномъ и въ разговорѣ съ послѣднимъ случайно упомянула имя Мазепы съ похвалою. Ренъ на ея слова отозвался такъ же хорошо о гетманѣ и прибавилъ: «Сжалься, Боже, надъ этимъ добрымъ и разумнымъ господиномъ! Онъ бѣдный не знаетъ, что князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ яму подъ нимъ роетъ и хочетъ, отставя его, самъ быть гетманомъ въ Украйнѣ». Шереметевъ будто бы подтвердилъ слова Рена; Дольская спросила: «Для чего же никто изъ добрыхъ пріятелей не предупредитъ гетмана?» «Нельзя», отвѣчалъ Шереметевъ: «мы и сами много терпимъ, да, дѣлать нечего, молчимъ». Когда Орликъ кончилъ разборъ этой цыфири, Мазепа сказалъ: «Знаю я и самъ очень хорошо, что̀ они о васъ и обо мнѣ думаютъ: хотятъ меня уконтентовать княженіемъ римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область отобрать и воеводъ или губернаторовъ съ нихъ поставить; а когда бы воспротивились, за Волгу перегнать и своими людьми Украйну населить. Сами вы слышали, какъ Меншиковъ мнѣ на ухо говорилъ: пора теперь за этихъ враговъ приняться! Слышали вы и то, какъ тотъ же Александръ Даниловичъ публично просилъ себѣ черниговскаго княжества, а чрезъ это стелетъ онъ путь къ гетманству». Соединивъ такимъ образомъ свое дѣло съ общимъ, перекинувши свой страхъ на всю старшину, Мазепа распространился о собственныхъ обидахъ: «Вотъ», говорилъ онъ: царь послалъ Меншикова съ кавалеріей на Волынь, а мнѣ приказалъ идти за нимъ слѣдомъ и что̀ его свѣтлость повелитъ—исполнять. Не обидно бы еще мнѣ было, если бы меня отдали подъ команду Шереметеву или другому какому-нибудь великоименитому и отъ предковъ заслуженному человѣку, а то Меншикову! Тотъ же Александръ Даниловичъ уговорился выдать за племянника моего Войнаровскаго сестру свою; я нѣсколько лѣтъ дожидался, не сваталъ невѣсты племяннику, а когда наконецъ напомнилъ Меншикову объ уговорѣ, то онъ отвѣчалъ: теперь уже нельзя, потому что царское величество самъ хочетъ жениться на моей сестрѣ». Во сколько все это было справедливо? во сколько самъ царь входилъ въ планы своего честолюбиваго любимца и во сколько былъ способенъ подчиняться его желаніямъ? Этихъ вопросовъ не задалъ ни Мазепа, ни Орликъ; никто изъ нихъ не предложилъ вопроса: «Что же, развѣ Меншиковъ получилъ черниговское княжество? развѣ царь женился на его сестрѣ?» «Свободи меня, Господи, отъ ихъ господства», покончилъ Мазепа свои жалобы и велѣлъ Орлику написать Дольской отвѣтъ съ благодарностію за пріязнь и предостереженіе.

А между тѣмъ для Малороссіи наступила тяжелая пора: страшный врагъ былъ близко; началось сильное движеніе, шли партіи рекрутъ, мчались начальные люди, тянулись длинные обозы, въ Кіевѣ спѣшили укрѣпленіями. Полковники безпрестанно приходили къ гетману съ жалобами: приставы у крѣпостнаго строенія казаковъ палками по головамъ бьютъ, уши шпагами обсѣкаютъ; казаки, оставивши домы свои, сѣнокосы и жнитво, терпятъ на службѣ царской зной и всякаго рода лишенія, а тамъ великороссійскіе люди домы ихъ грабятъ, разбираютъ и палятъ, женъ и дочерей насилуютъ, коней и скотину и всякіе пожитки забираютъ, старшину бьютъ смертными побоями. Сильнѣе всѣхъ раздавались голоса полковниковъ миргородскаго Апостола и прилуцкаго Горленка: «Очи всѣхъ на тя уповаютъ», говорилъ миргородскій Мазепѣ: «не дай, Боже, надъ тобою смерти! тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ». Прилуцкій говорилъ еще сильнѣе: «Какъ мы за душу Хмѣльницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украйну отъ ига лядскаго освободилъ: такъ, напротивъ, и мы и дѣти наши въ вѣчные роды душу и ко-

сти твои будемъ проклинать, если насъ по смерти своей въ такой неволѣ оставишь».

Въ 1707 году царь созвалъ въ Жолквѣ военный совѣтъ. Гетманъ войска запорожскаго былъ на совѣтѣ и возвратился мрачнѣе тучи: къ царю на обѣдъ не поѣхалъ, дома цѣлый день не ѣлъ; что такое тамъ было на совѣтѣ, никто не зналъ: Мазепа никому ничего не разсказывалъ, сказалъ только: «Еслибъ я Богу такъ вѣрно и радѣтельно служилъ, то получилъ бы наибольшее мздовоздаяніе, а здѣсь хотя бы въ ангела премѣнился, не могъ бы за службу и вѣрность мою никакой получить благодарности». На другой или на третій день приносятъ къ Мазепѣ бумагу: то былъ приказъ отъ Меншикова къ полковнику компанейскому Танскому, чтобы тотъ шелъ къ нему съ полкомъ. Мазепа въ бѣшенствѣ вскочилъ съ мѣста и закричалъ: «Можетъ ли быть большее поруганіе, посмѣяніе и уничиженіе моей особѣ! всякій день князь Меншиковъ со мною видится, всякій часъ со мною разговариваетъ и, не сказавши мнѣ объ этомъ ни одного слова, безъ моего вѣдома и согласія посылаетъ приказанія людямъ, мнѣ подчиненнымъ! И кто же тамъ Танскому, безъ моего указа, выдастъ мѣсячныя деньги и провіантъ? и какъ онъ можетъ безъ моей воли идти куда нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу жалованье? А еслибы пошелъ, то я бы его велѣлъ какъ пса разстрѣлять. Боже мой! Ты видишь мою обиду и уничиженіе!» Въ это время, какъ нарочно, является іезуитъ Зеленскій съ предложеніями перейти на сторону непобѣдимаго короля шведскаго; Мазепа начинаетъ съ нимъ тайныя совѣщанія; искусная, ношенная птица, гетманъ недоволенъ Москвой, но боится Петра, боится въ то же время и Карла, не надѣется, чтобы Петръ сладилъ съ нимъ, и хочетъ пробраться между двухъ огней, не обжегшись.

А между тѣмъ ропотъ полковниковъ усиливался все больше и больше. Возвратившись въ Кіевъ, Мазепа получилъ царскій указъ объ устройствѣ казаковъ въ пятаки, на подобіе слободскихъ полковъ; между полковниками только и было разговору, что выборъ пятаковъ — ступень къ преобразованію казаковъ въ драгуны и солдаты; начался сильный ропотъ; недовольные собирались у обознаго Ломиковскаго, особенно же у полковника миргородскаго, и совѣтовались какъ бы предупредить бѣду, защитить свои вольности. Мазепа не принималъ никакого участія въ этихъ совѣщаніяхъ. 16 сентября 1707 года, поздно вечеромъ, къ нему принесли письмо отъ Дольской и вмѣстѣ письмо отъ польскаго короля Станислава Лещинскаго. Прочтя это письмо, Мазепа отъ страха выронилъ его изъ рукъ и закричалъ: «Проклятая баба! погубитъ меня!» Долго сидѣлъ онъ послѣ того, молча, въ глубокомъ раздумьѣ; наконецъ началъ говорить Орлику: «Съ умомъ борюся, посылать ли это письмо къ царю или нѣтъ? завтра объ этомъ посовѣтуемся, а теперь ступай въ свою квартиру и молись Богу, да, яко же хощетъ, устроитъ вещь; можетъ, твоя молитва пріятнѣе Богу, чѣмъ моя, потому что ты по-христіански живешь. Богъ з етъ, что я не для себя дѣлаю, а для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ». Мазепа и Орликъ жили въ Печерскомъ монастырѣ. Орликъ, возвратившись на свою квартиру, взялъ два рубля денегъ и вышелъ, чтобы раздать старцамъ и старицамъ, нищимъ и калѣкамъ, которые лежали въ кущахъ на улицѣ и жили въ богадѣльняхъ печерскихъ: писарь надѣялся этимъ добрымъ дѣломъ умилостивить Бога, чтобъ онъ спасъ его отъ страшной бѣды и отвратилъ сердце Мазепы отъ лукаваго предпріятія. Старцы и старицы сначала поднимали брань, когда онъ толкался въ ихъ кущи: они вовсе не надѣялись получить милостыни въ такое позднее время, а скорѣе боялись воровства; но потомъ успокоивались, слыша ласковыя, не воровскія слова, отворяли двери и принимали милостыню,

На другой день рано поутру Орликъ пришелъ къ Мазепѣ и засталъ его сидящимъ въ концѣ стола, и передъ нимъ крестъ съ животворящимъ древомъ; увидавши Орлика, гетманъ сталъ говорить: «Такъ какъ вчера дѣло мое черезъ присылку письма отъ Лещинскаго открылось передъ тобою, то передъ всевѣдущимъ Богомъ протестуюся и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, не для большаго обогащенія и не для иныхъ какихъ-нибудь прихотей, но для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны, бѣдной Украйны, всего войска запорожскаго и народа малороссійскаго, для повышенія и расширенія правъ и вольностей войсковыхъ, хочу, при помощи Божіей, такъ сдѣлать, чтобы вы ни отъ московской, ни отъ шведской стороны не погибли. А еслибъ я для какихъ-нибудь приватныхъ моихъ прихотей дерзнулъ это сдѣлать, то побей меня, Боже и невинная страсть Христова, на душѣ и на тѣлѣ». Сказавши это, Мазепа поцѣловалъ крестъ и потомъ опять обратился къ Орлику: «Крѣпко я надѣюсь, что ни совѣсть твоя, ни добродѣтель, ни природная кровь шляхетская не допуститъ тебя измѣнить мнѣ, пану своему и благодѣтелю, однако, для лучшей конфиденціи, присягни». Орликъ присягнулъ, но не могъ удержаться, чтобы не сказать: «Если викторія будетъ при Шведахъ, то вельможность ваша и мы всѣ будемъ счастливы; если же при царѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ». — «Яйца курицу не учатъ», отвѣчалъ Мазепа: «или я дуракъ, что прежде времени отступлю безъ крайней нужды? тогда передамся Шведамъ, когда увижу, что царское войско не будетъ въ состояніи оборонять не только Украйны, но и своего государства отъ шведской потенціи. Я говорилъ въ Жолквѣ царю: если король шведскій и Станиславъ съ войсками своими раздѣлятся, и первый пойдетъ въ государство московское, а другой въ Украйну, то мы не можемъ обороняться нашимъ войскомъ слабымъ, истощеннымъ частыми походами; я просилъ царя, чтобъ оставилъ намъ на помощь хоть 10,000 своего регулярнаго войска; чтожъ онъ мнѣ отвѣчалъ? не только десяти тысячъ, и десяти человѣкъ не могу дать: обороняйтесь сами, какъ можете! Это меня и заставило послать ксендза тринитара, кепеллана княгини Дальской, въ Саксонію, чтобы тамъ, видя какую ни есть мою къ себѣ инклинацію, по-непріятельски съ нами не поступали. Однако же вѣрность мою къ царскому величеству буду продолжать до тѣхъ поръ, пока не увижу, съ какою потенціею Станиславъ къ границамъ украинскимъ придетъ и какіе будутъ прогрессы шведскихъ войскъ въ государствѣ московскомъ, и если не въ силахъ будемъ защищать Украйны и себя, то зачѣмъ же сами въ погибель полѣземъ и отчизну погубимъ?»

Мысль, что сношенія его съ непріятелемъ, по неосторожности Станислава, извѣстны хотя одному человѣку на Украйнѣ, Орлику, тревожила Мазепу; на присягу послѣдняго онъ не вполнѣ полагался и потому хотѣлъ еще дѣйствовать угрозами: «Смотри, Орликъ», говорилъ онъ генеральному писарю: «додержи мнѣ вѣрность; знаешь ты, въ какой я милости у царя, не промѣняютъ тамъ меня на тебя; я богатъ, а ты бѣденъ, а Москва гроши любитъ; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь». Угроза дѣйствовала на Орлика; съ другой стороны связывала данная Мазепѣ клятва; постоянно приходилъ также на мысль покойный Мокріевичъ, который, будучи, подобно Орлику, генеральнымъ писаремъ, обвинилъ гетмана Демьяна Многогрѣшнаго въ измѣнѣ, и какую потомъ за это получилъ честь? Гетманъ Самойловичъ лишилъ его писарской должности, его вытѣснили изъ Украйны, и вездѣ, во все продолженіе жизни, былъ онъ укоряемъ и поносимъ отъ мірскихъ и духовныхъ лицъ, особенно отъ архіепископа черниговскаго, Лазаря Барановича, который, гдѣ бы ни встрѣтилъ Мокріевича, въ церкви или

въ гостяхъ, прямо въ лице ему и всѣмъ вслухъ называлъ Іудою, предателемъ пана своего, ехиднинымъ порожденіемъ; а когда антидоръ ему давалъ, то обыкновенно говорилъ: «и Христосъ Іудѣ хлѣбъ далъ, и по хлѣбѣ внидѣ въ онъ сатана». Наконецъ Орлику приходило въ голову и то, что, по великороссійскому уложенію, доносчику первый кнутъ. Въ то время, какъ онъ колебался такимъ образомъ, рѣшилось дѣло Кочубея, и Мазепа получилъ сначала въ царскомъ письмѣ къ нему, а потомъ въ публичныхъ грамотахъ, милостивое обнадеживаніе, что не будетъ дано вѣры никакимъ клеветамъ на непорочную вѣрность гетмана, и всякій клеветникъ восприметъ достойную казнь. Это царское обнадеживаніе окончательно отвратило Орлика отъ мысли о доносѣ.

Мазепа полагалъ свое спасеніе въ хитрости, тайнѣ, выжиданіи; но старшина не давала ему покою, торопя къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Въ Бѣлой Церкви пришли къ нему обозный Ломиковскій, полковники миргородскій, прилуцкій и лубенскій, и объявили, чтобъ онъ промышлялъ о своей и общей безопасности, обѣщая стоять до крови за него и за свои права и вольности, въ чемъ и клятву дали; Мазепа, съ своей стороны, присягнулъ имъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ присягнулъ Орлику въ Печерскомъ монастырѣ. Вотъ почему, когда царь требовалъ нѣсколько разъ, чтобы гетманъ арестовалъ давно уже подозрительнаго ему полковника миргородскаго, Мазепа не исполнялъ этого требованія, всячески защищая полковника. Мазепа все еще надѣялся, что туча пройдетъ мимо, Украйна останется внѣ военныхъ дѣйствій, и ему не нужно будетъ рѣшиться на страшный шагъ прежде, чѣмъ успѣхъ ясно обозначится на той или другой сторонѣ. Но вотъ приходитъ вѣсть, что Карлъ XII отъ Смоленска повернулъ къ Украйнѣ. «Дьяволъ его сюда несетъ!» сказалъ при этомъ Мазепа: «всѣ мои интересы перевернетъ, войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю ея руину и на погибель нашу». Ожиданія сбылись: приходитъ царскій указъ, чтобы гетманъ шелъ съ войскомъ для соединенія съ генераломъ Инфлянтомъ, посланнымъ для пожженія въ Стародубскомъ полку некрѣпкихъ городковъ, селъ, гуменъ и мельницъ. Но Мазепа, и безъ того подозрительный, а теперь знавшій за собой страшное дѣло, понялъ указъ иначе: онъ подумалъ, что его хотятъ приманить къ Инфлянту и прибрать къ рукамъ. Онъ велѣлъ полковникамъ миргородскому, прилуцкому и лубенскому собраться къ обозному Ломиковскому и послалъ къ нимъ Орлика съ вопросомъ: какъ думаютъ, идти ли ему на соединеніе съ Инфлянтомъ? Всѣ отвѣчали единогласно, что не идти; напротивъ, пусть немедленно же посылаетъ къ шведскому королю съ прошеніемъ о протекціи и старается соединиться съ нимъ на границахъ, чтобы не допустить войскъ великороссійскихъ въ Украйну; притомъ они просили гетмана объявить имъ, чего имъ надѣяться отъ шведской протекціи и на какомъ фундаментѣ заложилъ онъ всю эту махину. Мазепа осердился за эту просьбу и при первомъ свиданіи сказалъ имъ: «Зачѣмъ вамъ объ этомъ прежде времени знать? положитесь на мою совѣсть и на мой подлый разумишко; не бойтесь, онъ васъ не сведетъ съ хорошей дороги; у меня одного, по милости Божіей, больше разума, чѣмъ у васъ всѣхъ; у тебя, Ломиковскій, разумъ уже устарѣлъ, а у тебя, Орликъ, онъ еще молодъ; а къ королю шведскому, самъ знаю, когда посылать». Потомъ вынулъ изъ шкатулки универсалъ короля Станислава, принесенный Заленскимъ, и велѣлъ Орлику читать; всѣ были довольны обѣщаніями королевскими.

Между тѣмъ положеніе гетмана, вслѣдствіе его выжиданій, затруднялось все больше и больше. Изъ Глухова, гдѣ находился дворъ, приходило къ нему письмо за письмомъ, чтобы, сдавъ команду надъ войскомъ какому-нибудь вѣрному

человѣку, самъ пріѣзжалъ въ Глуховъ; но эти призывы Мазепа считалъ западней, тѣмъ болѣе, что изъ Польши дали ему знать, что тамъ всѣмъ извѣстно о его сношеніяхъ съ королемъ Станиславомъ. Чтобы не ѣхать въ Глуховъ, онъ притворился больнымъ. Однажды вечеромъ, осенью 1708 года, онъ послалъ Орлика къ Ломиковскому, у котораго собрались полковники, спросить, посылать ли къ шведскому королю или не посылать. Ломиковскій, отъ имени всѣхъ, отвѣчалъ жалобами на медленность и нерадѣніе гетмана: «Не смотря на наши частыя предложенія и просьбы», говорилъ обозный, «онъ не снесся съ королемъ на границахъ и этою своею медленностію впровадилъ всѣ силы россійскія въ Украйну на разореніе и всенародное кровопролитіе; а теперь, когда уже Шведы подъ носомъ, невѣдомо для чего, медлитъ». Самолюбивый Мазепа, считавшій себя умнѣе всѣхъ, сильно разсердился на эти нареканія: «Знаю я, что все это переговариваетъ лысый чортъ Ломиковскій», сказалъ онъ возвратившемуся Орлику: «позови ихъ ко мнѣ!» Старшины пришли: «Вы не совѣтуете», встрѣтилъ ихъ Мазепа, «а только обо мнѣ переговариваете, чортъ васъ побери! Я, взявши Орлика, поѣду ко двору царскаго величества, а вы хоть пропадайте». Старшины молчали; Мазепа поуспокоился и спросилъ: «посылать къ королю или нѣтъ? — «Какъ же не посылать!» отвѣчали всѣ: «нечего откладывать!» Мазепа тутъ же велѣлъ позвать Быстрицкаго, заставилъ его при всѣхъ присягнуть на секретъ, Орлику велѣлъ написать ему инструкцію къ графу Пиперу на латинскомъ языкѣ, аптекарь гетманскій перевелъ ее на нѣмецкій языкъ, и съ этимъ переводомъ, безъ подписи, безъ печати, Быстрицкій отправился на другой день въ шведскій лагерь. Въ инструкціи Мазепа изъявлялъ великую радость о прибытіи королевскаго величества въ Украйну, просилъ протекціи себѣ, войску запорожскому и всему народу освобожденія отъ тяжкаго ига московскаго, объяснялъ стѣсненное свое положеніе и просилъ скорой присылки войска на помощь, для переправы котораго обѣщалъ приготовить поромы на Деснѣ, у пристани Макошинской. Быстрицкій возвратился съ устнымъ отвѣтомъ, что самъ король обѣщалъ поспѣшить къ этой пристани въ будущую пятницу, то-есть 22 октября. Мазепа, въ тревожномъ ожиданіи стоялъ въ Борзнѣ, откуда послалъ въ Глуховъ войсковаго канцеляриста Болбота какъ будто съ письмами, а въ самомъ дѣлѣ навѣдаться, какъ о немъ тамъ разумѣютъ. Когда Болботъ возвратился, то Мазепа объявилъ всей старшинѣ, что одинъ изъ министровъ царскихъ, а другой изъ канцеляріи, истинные его пріятели, предостерегали его, чтобы не ѣздилъ ко двору, а старался бы о безопасности собственной и всего народа малороссійскаго, ибо царь, видя шаткость на Украйнѣ, задумалъ о гетманѣ и о всемъ народѣ что-то недоброе. Но это была ложь: послѣ, въ Бухарестѣ, Болботъ, готовясь постричься въ монахи, объявилъ Орлику, что онъ въ Глуховѣ ничего подобнаго не слыхалъ; напротивъ, князь Григорій Ѳеодоровичъ Долгорукій велѣлъ сказать Мазепѣ, чтобы ничего не опасался и какъ можно скорѣе пріѣзжалъ въ Глуховъ, предлагая и душу и совѣсть свою въ закладъ, что царь никакого сомнѣнія въ его вѣрности не имѣетъ и не слушаетъ никого, кто на него наноситъ.

Прошло 22 октября: о королѣ шведскомъ не было слуха. 23-го пріѣзжаетъ въ Борзну Войнаровскій и объявляетъ, что ушелъ тайкомъ отъ Меншикова, который завтра будетъ въ Борзнѣ къ обѣду, и что какой-то нѣмецкій офицеръ говорилъ другому въ квартирѣ его, Войнаровскаго: «Сжалься, Боже, надъ этими людьми: завтра они будутъ въ кандалахъ». Мазепа «порвался какъ вихрь»; въ тотъ же день поздно вечеромъ былъ уже въ Батуринѣ; на другой день рано переправился черезъ Сеймъ, вечеромъ

прибылъ въ Коропъ, гдѣ переночевалъ, и на другой день, 24 числа, раннимъ утромъ переправился черезъ Десну, а ночью, за Орловкой, достигъ перваго шведскаго полка, стоявшаго въ деревнѣ на квартирахъ. Отсюда отправилъ къ королю Ломиковскаго и Орлика, а за ними отправился и самъ.

Мы видѣли, какъ неохотно рѣшился Мазепа объявить себя въ пользу Шведовъ прежде рѣшительнаго перевѣса на ихъ сторонѣ. Когда онъ узналъ о взятіи и сожженіи Батурина Меншиковымъ, то сказалъ: «Злые и несчастливые наши початки! Знаю, что Богъ не благословитъ моего намѣренія; теперь всѣ дѣла инако пойдутъ, и Украйна, устрашенная Батуринымъ, будетъ бояться стать съ нами за одно».

Предвидѣніе «искусной, ношенной птицы» сбылось; Украйна, устрашенная не Батуринымъ, но мыслію о союзѣ съ Поляками и Шведами, не стала за одно съ Мазепою, и при Полтавѣ Карлъ XII проигралъ первенствующее значеніе Швеціи на сѣверѣ, а Мазепа гетманство малороссійское. *С. Соловьевъ.*

50. Воспоминаніе объ А. С. Шишковѣ.

Въ переулкѣ съ Литейной, называемомъ Форштадскимъ, противъ лютеранской кирки, стоялъ небольшой каменный двухъ-этажный домикъ (вѣроятно стоитъ и теперь), оконъ въ восемь, какого-то зеленоватаго цвѣта, весьма скромной наружности: это былъ собственный домъ Александра Семеныча Шишкова. Мы въѣхали подъ него въ ворота и поднялись во второй этажъ, по темной, узкой и нечистой лѣстницѣ. Не спрашивая о хозяинѣ, К—въ ввелъ меня изъ прихожей въ столовую и остановился у дверей кабинета, поглядѣлъ въ замочную скважину и сказалъ: «дядя тутъ; не пишетъ, а что-то читаетъ: вѣрно ждетъ насъ». Онъ хотѣлъ отворить дверь, но я удержалъ его, чтобъ перевесть духъ. Сердце билось у меня, какъ голубь въ клѣткѣ, и дыханіе стѣснялось. Черезъ минуту мы вошли. Кабинетъ былъ маленькій голубой, съ двумя окошками въ переулокъ: между ними помѣщался большой письменный столъ, загроможденный книгами и бумагами; на окошкахъ стояли банки съ сухимъ кіевскимъ вареньемъ и конфектами, а на столѣ — большая стеклянная банка, почти наполненная до верху восковыми шарами и шариками. Вокругъ на горкахъ и на полу лежало много книгъ и тетрадей. Все было въ пыли и безпорядкѣ, какъ называютъ и теперь порядокъ въ кабинетѣ ученаго, серьезно занятаго дѣломъ человѣка.

Александръ Семенычъ былъ въ шелковомъ полосатомъ шлафрокѣ съ поясомъ, съ голою шеей и грудью; на ногахъ у него были кожаные, истасканные ичиги (спальные сапоги); онъ имѣлъ средній ростъ, сухощавое сложеніе, волосы сѣдые съ желтиной; лице у него было поразительно блѣдно; темнокаріе, небольшіе глаза, очень живые, проницательные, воспламеняющіеся мгновенно, выглядывали изъ-подъ нависшихъ бровей; общее выраженіе физіономіи казалось сухо, холодно и серьезно, когда не было одушевлено улыбкой, — самой пріятной и добродушной. Онъ не вдругъ увидѣлъ насъ, но, увидѣвъ, положилъ книгу, всталъ и сказалъ мнѣ: «Я радъ, что вы встрѣтились и подружились съ К—мъ. Вы оба русскіе люди, будете вмѣстѣ служить и ходить ко мнѣ, я стану толковать съ вами и что-нибудь читать, и хорошее и худое; худаго больше, но есть и хорошее. Вотъ я сейчасъ читалъ поэму «Петръ Великій»; ее всѣ журналы будутъ бранить, я напередъ знаю, а въ ней есть такія красоты, какихъ немного у Державина, да и у Ломоносова». Онъ сѣлъ на свои кресла передъ столомъ, и мы сѣли безъ приглашенія на ближайшіе стулья. Онъ взялъ книгу и принялся читать съ самаго начала, съ посвященія, въ которомъ особенно нравились ему стихи:

Изъ чащи лавровой, цвѣтущей при Полтавѣ,
Гордящейся Петромъ, восходитъ къ небесамъ
Безсмертный памятникъ его безсмертной славѣ.
Кто чтитъ достоинства, достопочтенъ и самъ.

Чтеніе его было тихо, однообразно, но естественно, произношеніе чисто и явственно, но въ тоже время съ какимъ-то стариковскимъ бормотаньемъ и процѣживаньемъ словъ сквозь зубы; онъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ и небольшими жестами правой рукой. Сначала мнѣ не нравилось чтеніе; но скоро я прислушался, привыкъ къ его недостаткамъ или особенностямъ, и оно такъ увлекало меня внутренней силою и теплотою, что князь Шихматовъ показался мнѣ великимъ поэтомъ, а Шишковъ такимъ чтецомъ, при которомъ мнѣ не должно и читать. Читая, Шишковъ не рѣдко останавливался и восклицалъ: «Какое великолѣпіе! какая красота! какое знаніе языка славянскаго, то есть русскаго! Вотъ что значитъ, когда стихотворецъ начитался книгъ Священнаго Писанія! А между тѣмъ при слѣдующихъ стихахъ», продолжалъ онъ:

«Не сломятъ вѣки, ни стихіи,
Ни ковы всѣхъ наземныхъ бѣдъ,

сейчасъ остановятся и скажутъ: что это за наземныя бѣды? ужъ не навозныя ли? Подумаютъ, что это слово выдумано Шихматовымъ: неправда, оно точно въ этомъ смыслѣ употреблено въ Священномъ Писаніи. Ну что можетъ быть лучше этихъ выраженій:

Не терпитъ сердце нѣмоты;
Приди, витійство простоты,
И смѣлость мнѣ вдохни, природа!

или, напримѣръ:

Какъ зимній дымъ бѣлѣютъ мраки,
И утро съ розовымъ лицемъ,
Гоня зловидные призраки,
Блистая златомъ, багрянцемъ,
Дыша живительной прохладой,
Бѣлитъ и горы и поля.
Сребромъ усыпанна земля
Всемѣстной полнится отрадой:
Насталъ пріятный первый шумъ,
Преторглась цѣпь нощнаго плѣна,
И путникъ, преклонивъ колѣна,
Вперилъ къ востоку взоръ и умъ.
Се солнце, искра славы Бога,
Изъ безднъ исходитъ, какъ женихъ
Младый отъ брачнаго чертога.

Это все красоты первоклассныя: или заимствованныя изъ книгъ Священнаго Писанія, или составленныя по ихъ духу. Да покажите мнѣ, много ли такихъ красотъ найдется у нашихъ знаменитыхъ писателей. А вотъ попадется слово, котораго значеніе не поймутъ въ стихѣ:

Богатствъ дражайшіе дары,

и станутъ смѣяться: дражайшій даръ, какъ уморительно смѣшно! а ничего смѣшнаго нѣтъ. Дражайшій значитъ драгоцѣннѣйшій, это превосходная степень, а потому стихъ:

Богатствъ дражайшіе дары,

значитъ дары, которые драгоцѣннѣе богатствъ. Напередъ знаю, что наши безграмотные журналисты подымутъ на смѣхъ слѣдующіе превосходные стихи, красоты выраженія которыхъ всѣ почерпнуты изъ Священнаго Писанія:

Течетъ, исполнь красы и мира,

или:

Такъ завпсть, поучась въ крамолѣ,

или:

И къ смерти прилагаютъ смерть,

или:

Отъ скалъ сложенныя громады.

Пожалуй, иной литераторъ подумалъ, что *отъ* поставлено ошибкой вмѣсто *изъ*. Или:

Трясется онъ отъ основаній,

или:

Пасутся сочностію травъ,

и неисчетное множество тому подобныхъ превосходныхъ выраженій. И не мудрено: они не смыслятъ корня русскаго языка, то есть славянскаго. Далѣе:

Утѣха взору и гортани,
Висятъ червленные плоды.

Какъ хороши эти два стиха! Это прелесть, а пожалуй, не поймутъ слово «червленные» и подумаютъ, что это червивые. Шихматовъ говоритъ, что весенніе вѣтерки:

На воздухъ разсыпаютъ сладость,
Окравъ душистые шипки,

и это превосходно, но большая часть читателей не поймутъ словъ: «окравъ» и «шипки»; а между тѣмъ, какое живописное изображеніе, что вѣтерки, пролетая по цвѣтамъ, похищаютъ, окрадываютъ ихъ душистые, распускающіеся шипки, то есть цвѣточныя распуколки, и такимъ образомъ наполняютъ сладостнымъ благовоніемъ воздухъ. — Ну, послушайте, какое великолѣпное описаніе кораблестроенія:

Туда, по волѣ человѣка,
Корнисты сѣвера сыны,
Надменны долготою вѣка,
Стеклись съ кремнистой вышины,
И тамъ искуствомъ искривленны,
Да съ бурями воюютъ вновь....

Послѣдній стихъ такъ многозначителенъ, что я не знаю ему равнаго. Я также ничего не знаю лучше, во всѣхъ мнѣ извѣстныхъ литературахъ, слѣдующаго описанія спуска корабля:

При звукахъ радостныхъ, громовыхъ,
На брань отъ пристани спѣша,
Вступаетъ въ царство волнъ суровыхъ;
Дубъ — тѣло, вѣтръ — его душа,
Хребетъ его—въ утробѣ бездны,
Высоки щоглы — въ небесахъ;
Летитъ на легкихъ парусахъ,
Отвергнувъ весла безполезны;
Какъ жилы напрягаетъ спасть,
Вмѣщаетъ силу съ быстротою
И, гордъ своею красотою,
Надъ моремъ воспріемлетъ власть.

Тутъ есть такіе три стиха (4, 5, и 6), которымъ должны позавидовать и древніе и новые стихотворцы».

Чтеніе въ такомъ родѣ, замѣчанія и разсужденія Шишкова продолжались часа два. К — въ и я слушали и молчали, изъявляя только по временамъ наше полное согласіе съ мнѣніями и выводами хозяина, хотя нѣкоторыя похвалы и казались намъ преувеличенными. Вдругъ дверь въ кабинетъ изъ столовой нѣсколько отворилась и рѣзкій женскій голосъ сказалъ: «Александръ Семенычъ! Тебѣ давно пора въ адмиралтейство! Тебя тамъ сегодня ждутъ. Ты обѣщалъ быть въ двѣнадцать часовъ, а теперь половина втораго».—«Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчалъ онъ просительнымъ тономъ, вотъ только прочту нѣсколько куплетовъ». —Тотъ же женскій голосъ, тономъ неумолимой гувернантки, возразилъ: «это мученію и конца не будетъ. Ѳедоръ! подавай одѣваться Александру Семенычу»... И Ѳедоръ вошелъ съ платьемъ. Шишковъ дочиталъ только куплетъ, положилъ книгу и сказалъ: «Вы у насъ обѣдаете. Я скоро ворочусь: мнѣ хочется показать вамъ въ этой поэмѣ одно славное мѣсто и объяснить, откуда Шихматовъ заимствовалъ его красоты. Ступайте теперь къ женѣ». Мы вышли. Я былъ озадаченъ. Хотя я увлекался чтеніемъ и горячими чувствами Шишкова, хотя многіе стихи, на которыхъ онъ останавливался, точно были хороши и я восхищался ими, но не всѣ объясненія красотъ «Петра Великаго» показались мнѣ удовлетворительными; притомъ мнѣ было какъ-то больно, что онъ не обратилъ особенно на меня ни малѣйшаго вниманія: я забылъ, что наканунѣ признавалъ себя совершенно его недостойнымъ. Странно мнѣ показалось и то, что К—въ, говорившій о дядѣ заочно съ благоговѣніемъ, обращался съ его личностью какъ-то слишкомъ запросто; голосъ же жены Шишкова (какъ я догадался), въ которомъ не было замѣтно никакого уваженія, а напротивъ, слышалась привычка повелѣвать, поселилъ во мнѣ сильное предубѣжденіе противъ этой женщины, не смотря на то, что К—въ уже успѣлъ сказать мнѣ, что она добрѣйшее существо въ мірѣ. Подъ такимъ впечатлѣніемъ вошелъ я въ гостиную, гдѣ Дарья Алексѣевна (такъ звали жену Шишкова) сидѣла за рабочимъ столикомъ у окошка; она приняла меня очень просто и ласково, хотя вообще обращеніе ея было сухо; попросила сѣсть возлѣ

себя и, не переставая усердно что-то шить, расспросила обо всемъ, до меня и моего семейства касающемся, со всѣми мельчайшими подробностями. Узнавъ, что со мною живетъ братъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, она настоятельно потребовала, чтобъ я на другой же день привезъ его къ ней, прибавя: «изъ вашихъ словъ я вижу, что вы хорошій братъ и неохотно оставляете его одного дома, а потому всегда привозите его къ намъ съ собой; у насъ воспитываются двое родныхъ племянниковъ Александра Семеныча, а потому вашему брату будетъ не скучно. Я сама занимаюсь воспитаніемъ племянниковъ и строго смотрю за ихъ нравственностью. Я увѣрена, что вашъ братъ мальчикъ неиспорченный. Мы обѣдаемъ въ половинѣ четвертаго. Милости прошу обѣдать хоть всякій день, или хоть вмѣстѣ съ К—мъ, который, съ двумя своими родственниками, обѣдаетъ у насъ три раза въ недѣлю. Сегодня же непремѣнно прошу обѣдать съ нами. И такъ прощайте покуда».

Мы вышли. Уже былъ третій часъ. Мы предполагали часу въ первомъ уѣхать отъ Шишкова и отправиться въ «Коммиссію составленія законовъ»; но теперь было уже поздно и мы рѣшились совсѣмъ не являться туда, а пошли гулять по Литейной, въ ожиданіи времени обѣда. Тутъ К—въ многое объяснилъ мнѣ и много разсказалъ такого, что мнѣ нужно было знать предварительно. Между прочимъ онъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я понравился его дядѣ и теткѣ (въ послѣдствіи мы всегда ихъ такъ звали). Я захохоталъ: «да помилуй, возразилъ я, онъ не сказалъ со мною ни одного слова».—Но К—въ увѣрялъ, что это ничего не значитъ; что онъ хорошо знаетъ своего дядю; что еслибъ я ему не полюбился, то онъ не продержалъ бы насъ слишкомъ два часа; что, говоря и читая, онъ все относился ко мнѣ и смотрѣлъ на меня, и что онъ изъ выраженія глазъ его замѣтилъ, что я пришелъ ему по сердцу. «Что же касается до тетки, прибавилъ онъ, то я не видывалъ, чтобы она къ кому-нибудь была такъ съ перваго разу благосклонна, какъ къ тебѣ». Хотя, по моему, очевидность тому противорѣчила, но я не могъ не повѣрить К—ву, въ искренности котораго невозможно было сомнѣваться. Тутъ узналъ я, что дядя его, этотъ разумный и многоученый мужъ, ревнитель цѣлости языка и русской самобытности, твердый и смѣлый обличитель торжествующей новизны и почитатель благочестивой старины, этотъ открытый врагъ слѣпаго подражанья иностранному — былъ совершенное дитя въ житейскомъ быту; жилъ самымъ невзыскательнымъ гостемъ въ собственномъ домѣ, предоставя все управленію жены и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ него происходило; что онъ зналъ только ученый совѣтъ въ адмиралтействѣ, да свой кабинетъ, въ которомъ коптѣлъ надъ словарями разныхъ славянскихъ нарѣчій, надъ старинными рукописями и церковными книгами, занимаясь корнесловіемъ и сравнительнымъ словопроизводствомъ; что, не имѣя дѣтей и взявъ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, отдалъ ихъ въ полное распоряженіе Дарьѣ Алексѣевнѣ, которая, считая всѣ убѣжденія супруга патріотическими бреднями, наняла къ мальчикамъ французагувернера и помѣстила его возлѣ самаго кабинета своего мужа; что родные жены (Хвостовы), часто у ней гостившіе, сама Дарья Алексѣевна и племянники, говорили при дядѣ всегда по-французски... Я разинулъ ротъ отъ удивленія! Такое несходство слова съ дѣломъ казалось мнѣ непостижимо. Что долженъ былъ я подумалъ о Шишковѣ? Въ истинности его убѣжденій сомнѣваться было невозможно: и такъ, это жалкая слабость характера?... но мнѣ не хотѣлось допустить такой мысли—и крѣпко смутилась моя молодая голова! Признаюсь, смущало меня и то, что у православнаго Шишкова жена лютеранка!...

Дядя вообще былъ не ласковъ въ обращеніи, и я не слыхивалъ, чтобы онъ сказалъ кому-нибудь изъ домашнихъ любезное привѣтливое слово; но съ попугаемъ своимъ, изъ породы какаду, съ своимъ Попинькой, онъ былъ такъ нѣженъ, такъ дѣтски болтливъ, называлъ его такими ласкательными именами, дразнилъ, цѣловалъ, игралъ съ нимъ, что окружающіе иногда не могли удержаться отъ смѣха, особенно потому, что Шишковъ съ попугаемъ и Шишковъ во всякое другое время—были совершенно не похожи одинъ на другаго. Случалось, что, уѣзжая куда-нибудь по самонужнѣйшему дѣлу и проходя мимо клѣтки попугая, которая стояла въ маленькой столовой, онъ останавливался, начиналъ его ласкать и говорилъ съ нимъ; забывалъ самонужнѣйшее дѣло и пропускалъ назначенное для него время, а потому, въ экстренныхъ случаяхъ, тетка провожала его отъ кабинета до выхода изъ передней. Впрочемъ Шишковъ былъ всегда страстный охотникъ кормить птицъ, и гдѣ бы онъ ни жилъ, стаи голубей всегда собирались къ его окнамъ. Всякое утро онъ кормилъ ихъ самъ, для чего по зимамъ у него была сдѣлана форточка въ нижнемъ стеклѣ. Эта забава не покидала его и въ чужихъ краяхъ. Въ 1813 и 1814 годахъ, таскаясь по Германіи вслѣдъ за главной квартирой Государя и очень часто боясь попасться въ руки французамъ, Шишковъ не рѣдко живалъ, иногда очень по-долгу, въ нѣмецкихъ городкахъ. Съ перваго дня онъ начиналъ прикармливать голубей и приманивалъ ихъ со всего города къ окнамъ своей квартиры. Въ послѣдствіи, даже слѣпой, онъ выставлялъ кормъ въ назначенное время ощупью на дощечку, прикрѣпленную къ форточкѣ, и наслаждался шумомъ налетающихъ со всѣхъ сторонъ голубей и стукомъ ихъ носовъ, клюющихъ хлѣбныя зерна. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ этого, по истинѣ умилительнаго, зрѣлища.

Здѣсь кстати разсказать забавный анекдотъ и примѣръ разсѣянности Александра Семеныча, который случился впрочемъ нѣсколько позднѣе. Я пришелъ одинъ разъ обѣдать къ Шишковымъ, когда уже всѣ сидѣли за столомъ. Мнѣ сказали, что дядя обѣдаетъ въ гостяхъ и что онъ одѣвается. Я сѣлъ за столъ и черезъ нѣсколько минутъ Александръ Семенычъ вышелъ изъ кабинета во всемъ парадѣ, то есть въ мундирѣ и въ лентѣ; увидѣвъ меня, онъ сказалъ: «кабы зналъ, что ты придешь, отказался бы сегодня обѣдать у Бакуниныхъ». Я просіялъ отъ радости, а тетка поучительно и строго возразила: «все пустое; Сергѣй Тимоѳеичъ обѣдаетъ у насъ три раза въ недѣлю, а тебя насилу дозвались Бакунины; я думаю, ты уже съ годъ у нихъ не обѣдалъ, сегодня же старшій сынъ у нихъ именинникъ»... и дядя смиренно побрелъ въ переднюю. Минутъ черезъ двадцать, только что мы хотѣли встать изъ-за стола, какъ вдругъ является дядя. Всѣ удивились. «Что съ тобой»? спросила тетка. — «Вообразите, отвѣчалъ Александръ Семенычъ, пріѣзжаю, а они уже почти отобѣдали, и назвали такихъ гостей, съ которыми я даже не кланяюсь: господъ N. N. и N. N. Дайте мнѣ чего-нибудь поѣсть». Онъ сейчасъ очень проворно переодѣлся и сѣлъ за столъ. Тетка съ дамами, племянниками и молодыми людьми встали, а мы съ К—мъ остались: ѣсть дядѣ рѣшительно было нечего. Между тѣмъ тетка сейчасъ воротилась изъ гостиной и—сказавъ мимоходомъ своему супругу: «это какой-нибудь вздоръ, никогда у Бакуниныхъ не бываютъ N. N. и N. N., и могутъ ли Бакунины позвать вмѣстѣ съ тобой людей, которые тебя терпѣть не могутъ»—отправилась въ переднюю и начала свои розыски. По слѣдствію оказалось, что дядя, садясь въ карету, вмѣсто Бакуниныхъ приказалъ ѣхать къ В—мъ, у которыхъ онъ никогда не бывалъ. Ничего не замѣчая, онъ вошелъ въ переднюю, гдѣ оффиціантъ доложилъ ему, что господа почти откушали и скоро встанутъ изъ-за стола. Шишковъ удивился и, проворчалъ: «да какъ же это, звали ме-

ня, да не подождали», спросилъ: «кто здѣсь?» Оффиціантъ назвалъ ему N. N. и N. N. Дядя еще больше удивился и уѣхалъ домой. Тетка раскричалась, хотѣла было опять одѣть своего супруга и отправить къ Бакунинымъ; но дядя на этотъ разъ уперся и, ставъ изъ-за стола, разумѣется совершенно голодный, сказалъ, что онъ уже пообѣдалъ,—и пригласилъ насъ съ К—мъ въ кабинетъ, обѣщая прочесть что-то новое. Тетка еще больше расшумѣлась... тутъ досталось и славянскимъ нарѣчіямъ, которыми всегда набита голова Александра Семеныча, и намъ съ К—мъ, которые изъ угожденія толкуютъ съ нимъ объ этихъ пустякахъ, для чтенія которыхъ онъ не хочетъ ѣхать къ Бакунинымъ, гдѣ навѣрное не обѣдаютъ и ждутъ дорогаго гостя. Въ заключеніе она прибавила, что теперь Богъ знаетъ что подумаютъ всѣ ихъ друзья и враги, узнавъ объ этомъ, самомъ неприличномъ посѣщеніи. «Да какъ въ голову пришли тебѣ В—вы?» —«Да чортъ знаетъ какъ: я объ нихъ и не думалъ», отвѣчалъ дядя и увелъ насъ въ кабинетъ, гдѣ и прочелъ намъ мысли о русскомъ правописаніи, противъ которыхъ мы отчасти возражали. Все это напечатано въ 1811 году въ числѣ «Разговоровъ о словесности». Тетка принуждена была написать къ Бакунинымъ, что по такимъ-то причинамъ мужъ ея къ нимъ сегодня не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ посѣщеніе Шишкова, какъ нарочно сдѣланное не во время и не кстати, произвело много недоумѣній и толковъ, потому что онъ пріѣзжалъ къ своему первому ожесточенному противнику, извѣстному по своей особенной дружбѣ съ французскимъ посланникомъ, а посланникъ недавно жаловался Государю на печатныя враждебныя и оскорбительныя выходки Шишкова противъ французовъ. И такъ посѣщеніе Александра Семеныча получило особое значеніе. В—въ, подумавъ, что Шишковъ пріѣзжалъ для какихъ-нибудь объясненій, счелъ за долгъ на другой день отдать ему визитъ: свиданіе было презабавное. Скоро дѣло объяснилось и, украшенное добрыми людьми, долго занимало и потѣшало городскую публику.

Не знаю за что, но императоръ Павелъ I любилъ Шишкова; онъ сдѣлалъ его генералъ-адъютантомъ, что весьма не шло къ его фигурѣ и надъ чѣмъ всѣ тогда смѣялись, особенно потому, что Шишковъ во всю свою жизнь не ѣзжалъ верхомъ и боялся даже лошадей; при первомъ случаѣ, когда Шишкову, какъ дежурному генералъ-адъютанту, пришлось сопровождать государя верхомъ, онъ объявилъ, что не умѣетъ и боится сѣсть на лошадь. Это не помѣшало однако императору Павлу I подарить Шишкову триста душъ въ тверской губерніи. Александръ Семенычъ, владѣя ими уже болѣе десяти лѣтъ, не бралъ съ нихъ ни копѣйки оброка. Многіе изъ крестьянъ жили въ Петербургѣ на заработкахъ; они знали, что баринъ получалъ жалованье большое и жилъ слишкомъ небогато. Разумѣется, возвращаясь на побывку въ деревню, они разсказывали про барина въ своихъ семействахъ. Годъ случился неурожайный и въ Петербургѣ сдѣлалась во всемъ большая дороговизна. Въ одинъ день, поутру, докладываютъ Александру Семенычу, что къ нему пришли его крестьяне и желаютъ съ нимъ переговорить. Онъ не хотѣлъ отрываться отъ своего дѣла и велѣлъ имъ идти къ барынѣ; но крестьяне непремѣнно хотѣли видѣть его самого, и онъ нашелся принужденнымъ выдти въ переднюю. Это были выборные отъ всего села; поклонясь въ ноги, не смотря на запрещеніе барина, одинъ изъ нихъ сказалъ, что «на мірской сходкѣ положили и приказали имъ ѣхать къ барину въ Питеръ и сказать, что не берешь-де ты съ насъ, вотъ уже десять лѣтъ, никакого оброку и живешь однимъ царскимъ жалованьемъ; что теперь въ Питерѣ дороговизна и жить тебѣ съ семействомъ трудно; а потому не угодно ли тебѣ положить на насъ за прежніе льготные годы хоть по тысячѣ рублей, а впредь

будемъ мы платить оброкъ, какой ты самъ положишь; что мы, по твоей милости, слава Богу, живемъ не бѣдно и отъ оброка не разоримся. Услыхавъ такія рѣчи, дядя пришелъ въ неописанное восхищеніе, или, лучше сказать, умиленіе, не столько отъ честнаго, добросовѣстнаго поступка своихъ крестьянъ, какъ отъ того, что рѣчи ихъ, которыя онъ немедленно записалъ, были очень похожи на языкъ старинныхъ грамотъ. Дядя сейчасъ послалъ за К—мъ и за мною. Насъ не застали дома, и мы явились къ нему уже послѣ обѣда. Старикъ еще не простылъ и съ несвойственнымъ ему, даже наружнымъ жаромъ и волненіемъ, разсказалъ намъ все происшествіе и прочелъ записанныя рѣчи. «Вы, пожалуй, подумаете, что я пораскрасилъ ихъ слова», прибавилъ онъ, «ну такъ слушайте сами». Крестьянъ позвали, и дядя заставилъ ихъ разсказать вновь все, сказанное ему поутру. Крестьяне повиновались, и рѣчи ихъ (они говорили оба) оказались очень сходными съ тѣми словами, которыя записалъ Шишковъ. Онъ распросилъ ихъ кой о чемъ, подтвердилъ, чтобъ ихъ хорошенько угощали, и обѣщалъ на другой день написать письмо и отпустить домой. Онъ показывалъ своихъ крестьянъ Мордвинову и К—ну и заставлялъ повторять тѣ же рѣчи; но мнѣ и К—ву это не нравилось и мы уговорили дядю никому болѣе своихъ крестьянъ не показывать и отпустить поскорѣе домой. На третій день, Шишковъ написалъ письмо, котораго я не читалъ, но содержаніе котораго состояло въ томъ, что помѣщикъ благодарилъ весь міръ за усердіе, объявилъ, что надобности въ деньгахъ, по милости царской, не имѣетъ, и обѣщалъ, что когда ему понадобятся деньги, то ни у кого, кромѣ своихъ крестьянъ, денегъ не попроситъ. — Выборныхъ и дядя и тетка угощали по горло, чѣмъ-то подарили, облобызали и отпустили. Мы съ К—мъ были въ восторгѣ; но многіе, въ томъ числѣ и Дарья Алексѣевна, даже Мордвиновъ, находили такое безсребренничество излишнимъ и неумѣстнымъ. «Почему бы не положить», говорили они, «легкій оброкъ, ничего не значащій для крестьянъ, когда самъ помѣщикъ не рѣдко нуждается въ деньгахъ и часто не имѣетъ свободнаго рубля, чтобъ помочь бѣдному человѣку? Да и за что же всѣ другіе крестьяне или работаютъ на господина, или даютъ ему оброкъ, или платятъ двойныя подушныя, какъ казенные крестьяне, а эти ничего не дѣлаютъ? Это несправедливо, это должно производить ропотъ между сосѣдними крестьянами», и проч. и проч. Безъ сомнѣнія, все это правда; но я полюбилъ Шишкова еще больше.

Много несправедливаго, невѣрнаго, смѣшнаго и нелѣпаго говорило объ этомъ человѣкѣ — злоязычіе человѣческое. Но, откинувъ въ сторону всѣ тонкія разсужденія о недостаткахъ и слабостяхъ почившаго брата, нельзя не сознаться, что, проходя обширное, многозначительное поприще службы, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ государства, начавъ съ Морскаго Кадетскаго Корпуса, гдѣ Шишковъ былъ при Екатеринѣ учителемъ, дойдя до высокаго мѣста государственнаго секретаря, съ котораго онъ двигалъ духомъ Россіи писанными имъ манифестами въ 1812 году, Шишковъ имѣлъ одну цѣль: общую пользу; но, и для достиженія этой святой цѣли, никакихъ уступокъ онъ не дѣлалъ. Никогда Шишковъ для себя ничего не искалъ, ни одному царю лично не льстилъ; онъ искренно вѣрилъ, что цари отъ Бога, и былъ преданъ всею душею царскому сану, благоговѣлъ предъ нимъ. Шишковъ безъ всякаго униженія могъ поклониться въ ноги своему природному царю; но, стоя на колѣнахъ, онъ говорилъ: «не дѣлай этого, государь, это не хорошо». Убѣжденія Шишкова были часто ошибочны, но всегда честны. Онъ не выходилъ изъ круга умственныхъ понятій своего времени, круга не рѣдко тѣснаго и

ограниченнаго, но не измѣнялъ своимъ правиламъ никогда. Эту твердость называли упрямствомъ, изувѣрствомъ, но, Боже мой, какъ бы я желалъ многимъ добрымъ людямъ настоящаго времени побольше этого упрямства, этой горячей ревности!—На литературномъ поприщѣ, которое предшествовало государственному, Шишковъ дѣйствовалъ точно также. Онъ возсталъ противъ побѣдоноснаго могущества новизны и таланта, всѣхъ плѣнившаго, всѣхъ увлекшаго за собою, возсталъ, потому что считалъ это увлеченіе вреднымъ, возсталъ одинъ противъ несмѣтнаго полчища поклонниковъ торжествующей новизны, сильныхъ и раздражительныхъ; онъ былъ осмѣянъ, униженъ, ненавидимъ, гонимъ общественнымъ мнѣніемъ большинства.... но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Старовѣръ, гасильникъ, славянофилъ Шишковъ—открылъ глаза Карамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово. Самъ благородный и добрый Карамзинъ говорилъ мнѣ (въ 1816 году), что «у Александра Семеныча много гнѣва, много желчи, много личной къ нему враждебности, а потому много и несправедливаго, но есть много и правды». Въ дѣлѣ суда и осужденія общественной нравственности, связанномъ неразрывно у Шишкова съ дѣломъ литературы, онъ былъ еще справедливѣе и заслуживаетъ еще болѣе уваженія, хотя мало имѣлъ вліянія и оказалъ, можетъ быть, менѣе пользы. Собственно же за русское направленіе, за славянофильство, какъ бы Шишковъ ни понималъ его криво, которое онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ съ юныхъ лѣтъ до гробовой доски, котораго былъ мученикомъ—онъ имѣетъ полное право на безусловную, сердечную нашу благодарность. Исторія будетъ безпристрастнѣе, справедливѣе насъ. Имя Шишкова, какъ литератора, какъ общественнаго и нравственнаго писателя, какъ государственнаго человѣка, какъ двигателя своей эпохи, займетъ почетное мѣсто на ея страницахъ, и потомство съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ мы, станетъ повторять стихи Пушкина:

Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

С. Аксаковъ.

51. Россія при царѣ Алексѣѣ.

Много въ Россіи городовъ, которые древнѣе Москвы, но нѣтъ ни одного, который бы такъ долго и такъ крѣпко былъ связанъ со всѣми свѣтлыми и темными днями русскаго народа. Съ XIV вѣка она уже дѣлается средоточіемъ и государственной силы, и православной святыни. Съ которой бы стороны ни подходилъ или не подъѣзжалъ къ ней русскій человѣкъ—завидѣвъ маковки ея церквей, онъ снималъ шапку и набожно совершалъ крестное знаменіе. «Святая», «бѣлокаменная» и «златоглавая» были названія, которыя народъ издавна придавалъ древней своей столицѣ. Онъ могъ бы прибавить еще: живописная, потому что въ самомъ дѣлѣ мало городовъ, которые представляли бы болѣе прекрасное зрѣлище, какъ Москва съ Поклонной горы, съ Воробьевыхъ высотъ или съ вершины кремлевскаго холма.

Это былъ чрезвычайно обширный, особенно по тогдашнимъ понятіямъ, городъ, разбросанный по холмамъ и ложбинамъ, вдоль извилинъ Москвы-рѣки и впадающихъ въ нее, Яузы и Неглинной. Изящною постройкою онъ впрочемъ не отличался и, за исключеніемъ нѣсколькихъ строеній въ Кремлѣ, да большей части разсѣянныхъ по городу церквей, весь онъ былъ деревянный; бревенчатые дома, которые по теперешнимъ понятіямъ можно бы назвать избами, съ высокими гонтовыми либо соломенными крышами, то тѣсно жались одинъ къ другому вдоль кривыхъ, узкихъ улицъ и неправильныхъ площадей, то оставляли голые пустыри и болотины, на которыхъ спокойно пощипывали траву городскія коровы, или полоскались домашнія птицы. Мѣстами широко раскидывались, точно отдѣльныя

усадьбы,—хоромы какого нибудь знатнаго боярина или князя, со множествомъ службъ, хозяйственныхъ построекъ, съ садами и огородами; другія села и усадьбы примыкали къ городу, окружая его зеленою лентою своихъ садовъ; нѣкоторыя изъ этихъ селъ въ послѣдствіи вошли въ черту города, какъ-то: Сущево, Хамовники и др.

Но (если смотрѣть на Москву съ одной изъ сосѣднихъ высотъ) посреди этого муравейника домовъ, глазъ останавливался на группѣ каменныхъ, бѣлыхъ церквей, стройныхъ колоколенъ, золоченныхъ куполовъ, которая красовалась на высокомъ холмѣ при одной изъ крутыхъ извилинъ Москвы-рѣки: это былъ Кремль. Здѣсь были эти старинные соборы, гдѣ совершалось вѣнчаніе на царство государей нашихъ, гдѣ стояли ихъ гробницы, гдѣ совершалъ богослуженіе патріархъ, — глава греко-россійской Церкви, гдѣ лежали мощи святыхъ угодниковъ, глубоко чтимыя русскимъ народомъ. Тамъ же находились колокольня Ивана-великаго, Царь-пушка и большой колоколъ (*), — предметы, которыми наши предки гордились также, какъ древніе Греки своимъ колоссомъ родосскимъ или дельфійскимъ храмомъ.

Таковъ былъ общій видъ Москвы въ половинѣ XVII вѣка.

Почти двѣсти лѣтъ тому назадъ съ высокой башни Ивана-великаго разнеслись на всю Москву рѣдкіе печальные удары колокола; это была вѣсть народу о преставленіи царицы Марьи Ильиничны. Народъ, правда, мало зналъ своихъ царицъ, которыя никогда не являлись публично и выѣзжали не иначе, какъ въ закрытыхъ каретахъ, но онъ питалъ уваженіе и преданность къ царскому семейству и не былъ равнодушенъ къ потерямъ, которыя его постигали.

(*) Нынѣшній большой колоколъ, находящійся возлѣ колокольни Ивана-великаго, отлитъ позже, при императрицѣ Аннѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ супругѣ своей великолѣпныя похороны, заказалъ по ней поминанья во всѣхъ московскихъ церквахъ, въ иныя сдѣлалъ богатые вклады; тосковалъ, печалился, глядя на дѣтей своихъ, оставшихся сиротами, но наконецъ сталъ скучать и тяготиться своимъ одиночествомъ. Не меньше царя печалились и родственники покойной царицы—Милославскіе, а также и ихъ друзья и свойственники: Соковнины, Хитрово, Урусовы; всѣ они были въ милости, силѣ и славѣ главнѣйше по свойству своему съ покойною. Бывало, чегѡ бы ни пожелали они для себя или для своихъ,—честь ли боярскую, воеводство ли доходное, придворную ли должность приближенную,—тотчасъ къ Ильѣ Даниловичу, отцу царицы: тотъ дочери, а она царю,—и дѣло слажено. Теперь ужъ на это нельзя было больше надѣяться; а хуже всего для нихъ было то, что государь могъ и во второй бракъ вступить, а съ новою царицей приблизилась бы и новая родня, новые люди.

Уже, въ послѣднее время, при прежней еще царицѣ, стали появляться новые люди, на которыхъ царская родня косо посматривала, напримѣръ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Это былъ умный, дѣльный, ловкій человѣкъ. Началъ онъ съ небольшого, былъ сыномъ небогатаго человѣка, безъ родства и безъ связей, но мало-по-малу сдѣлался чуть ли не первымъ лицемъ въ государствѣ. Когда онъ появился при дворѣ, никто не обращалъ на него вниманія; жилъ онъ тихо и скромно въ небольшомъ домикѣ въ приходѣ Николы въ Столбахъ, никому не навязывался въ дружбу, но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ ли палатахъ или въ думѣ заговоритъ съ нимъ какой нибудь важный бояринъ, Долгоруковъ, или Ромодановскій, или Черкаскій, Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ — и добился такимъ образомъ, что привыкли его видѣть, и

коситься на него родовитые бояре перестали. А между тѣмъ государь все больше къ нему привязывался, принималъ его запросто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался: коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ царя, какъ бывалъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе всполошились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. И государь самъ безъ него уже не могъ обойтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Князь Черкасскій, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ то время людей, былъ задушевнымъ другомъ Матвѣева; Одоевскій тоже, а это былъ весьма близкій къ государю человѣкъ, такъ что, когда его сынъ внезапно умеръ, царь утѣшалъ старика и сокрушался съ нимъ, какъ близкій родственникъ.

Когда скончалась царица Марья Ильинична и вдовцу стало казаться пусто въ его кремлевскихъ палатахъ, Матвѣевъ началъ еще чаще прежняго видаться съ государемъ. Мало того, что онъ и утромъ, послѣ думы, зайдетъ въ царскіе покои и нѣсколько часовъ сряду у него просидитъ послѣ вечерень, государь и самъ не рѣдко сталъ къ нему жаловать. Матвѣевъ въ это время построилъ уже себѣ домъ побольше и сталъ жить пошире. Онъ былъ тогда уже начальникомъ посольскаго приказа, слѣдовательно не только всѣ иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, а ихъ было не мало, но и посланники разныхъ государствъ—цесаря римскаго, польскаго короля, свейскаго (шведскаго) и другіе, пріѣзжавшіе въ Россію, должны были къ нему являться по своимъ дѣламъ; въ маленькой и тѣсной избенкѣ такихъ людей принимать не приходилось. Государь и самъ любилъ, чтобъ все вокругъ него было парадно, и подсмѣивался, что его министръ живетъ какъ какой нибудь стрѣлецкій голова. Матвѣевъ долго отшучивался, понимая очень хорошо, что, заживи онъ на широкую ногу, сейчасъ найдутся добрые люди, заговорятъ, что онъ корыстуется казеннымъ добромъ и хочетъ перещеголять родовыхъ князей,—а это такая вина, которая показалась бы имъ хуже самой корысти. Поэтому-то Матвѣевъ, какъ умный человѣкъ, и отыгрывался отъ постройки новаго дома. — Я человѣкъ маленькій, не знатный, говорилъ онъ царю: не годится мнѣ жить въ великихъ хоромахъ!

Случилось, что объ этомъ какъ-то распространился по Москвѣ слухъ,—и что же? Стрѣльцы и простые люди, съ которыми Матвѣевъ былъ всегда ласковъ и обходителенъ, пришли къ нему и сказали: «Мы разберемъ могилы нашихъ отцевъ и братій, и навеземъ тебѣ каменьевъ для твоего дома, если ты жалѣешь царскую казну!» Матвѣевъ, конечно, не принялъ такой жертвы этихъ добрыхъ людей, но немедленно построилъ себѣ новый домъ, каменный и, по тогдашнему, большой и красивый, въ которомъ не стыдно было принять хоть бы и цесарскаго посла.

Не надобно однакожъ думать, чтобъ это было что нибудь въ родѣ нынѣшнихъ дворцевъ: самыя обширныя и великолѣпныя тогдашнія палаты удобно установились бы, и съ крышею, и съ фундаментомъ, въ иную залу зимняго или новаго кремлевскаго дворца. Рисунковъ дома Матвѣева, какъ и самого дома, не сохранилось, къ сожалѣнію: но есть въ Москвѣ и въ другихъ старинныхъ городахъ нашихъ много зданій, построенныхъ въ XVII вѣкѣ; есть даже нѣкоторыя изъ нихъ, которыя сохраняются безъ измѣненія, какъ образчики старины, или которыя возобновляются въ старинномъ видѣ, напримѣръ: домъ князя Юсупова въ Москвѣ, домъ, принадлежавшій фамиліи Романовыхъ, и терема царскіе, какъ они были при Алексѣѣ Михайловичѣ. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ комнатки маленькія, низенькія, со сводами, расписанныя травами или обитыя тисненною съ узорами кожею; вдоль стѣнъ лавки; вездѣ множество образовъ, независимо отъ особой

молельни; въ передней или столовой палатѣ, длинный дубовый столъ, за который ежедневно садилась семья и тоже, едва ли не ежедневно, садились гости, потому что предки наши любили угостить и угоститься. Тутъ же въ особомъ шкафѣ или на полкахъ стояли тяжелыя серебряныя блюда, кубки, ковши, драгоцѣнности, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Женская половина была обыкновенно отдѣльная, чаще въ верхнемъ этажѣ: это были такъ называемые терема, убѣжище, недоступное для постороннихъ; тамъ жила сама хозяйка и дѣти; онѣ тамъ проводили цѣлый день; хозяинъ же, напротивъ, только приходилъ туда почевать; женщины жили однѣ и кромѣ своего хозяйства да разныхъ вышиваній ни во что не вмѣшивались, ни до чего не касались.

Нижній этажъ дома всегда бывалъ занятъ кладовыми и погребами. Прадѣды наши были бережливы и имѣли вещи прочныя, цѣнныя; денегъ тогда было мало, перемѣнчивости модъ не существовало, а потому шубы, женскія парчевыя и отласныя одежды, жемчужные уборы, ковры, пуховики (которые тоже составляли предметъ роскоши),—хранились въ этихъ кладовыхъ за тяжелыми замками и крѣпкими засовами. Что же касается до погребовъ, хотя и ихъ берегли, какъ зѣницу ока, однако частенько ихъ тревожили: это были хранилища квасовъ разнаго сорта, пива, медовъ и виноградныхъ винъ. Какъ только у воротъ раздавался стукъ желѣзнаго кольца, замѣнявшаго теперешній колокольчикъ,—ключникъ или ключница бѣжитъ въ погребъ, тяжелые засовы скрипятъ, ключъ, визжа, отворяетъ исполинскіе замки, и пѣнистое пиво изъ дубовой бочки, шипя, струится въ объемистую ендову; откупоривается и фряжское вино, и липецкій старинный медъ.

Такъ жили Русскіе двѣсти лѣтъ тому назадъ. Матвѣевъ жилъ не совсѣмъ такъ, какъ другіе. Другіе любили бражничать, Матвѣевъ этого не терпѣлъ: любилъ быть одинъ и нерѣдко заглядывалъ въ книгу духовнаго или историческаго содержанія. Онъ и самъ писалъ: его собственною рукою было написано кое-что изъ исторіи нашего отечества по извѣстіямъ, вычитаннымъ въ старинныхъ хартіяхъ и лѣтописяхъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ иностранцами, разспрашивать какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ и какъ тамъ управляются государства. Прослышавъ отъ иноземцевъ своихъ знакомыхъ, что въ большихъ городахъ другихъ государствъ существуютъ театры и театральныя представленія, онъ составилъ труппу изъ своихъ дворовыхъ людей, сформировалъ кое-какой оркестръ, и нерѣдко забавлялъ царя и дворъ музыкою и театральными зрѣлищами. Эти пьесы были большею частію духовнаго содержанія; изъ нихъ нѣкоторыя были писаны Симеономъ Полоцкимъ, ученымъ монахомъ, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени. Мало того, находя пользу и удовольствіе въ чтеніи и умной бесѣдѣ, онъ и сына пріучилъ къ тому же; давалъ ему учителей иностранныхъ языковъ и исторіи, и еслибъ прожилъ долѣе, то имѣлъ бы утѣшеніе видѣть, что старанія его не пропали даромъ: молодой Матвѣевъ былъ въ первое время царствованія Петра однимъ изъ полезныхъ его помощниковъ и оставилъ послѣ себя записки, въ которыхъ очень интересно разсказаны смуты, случившіяся въ Москвѣ вскорѣ послѣ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича.

Дочерей у него не было. Но въ домѣ его жила дочь одного изъ его старыхъ сослуживцевъ, небогатаго дворянина Кирила Нарышкина. Правду сказать, образованіемъ ея занимались немного, да и никто тогда въ Россіи не думалъ, чтобъ женщинѣ нужно было что нибудь знать, кромѣ молитвъ и хозяйства; но воспитанница Матвѣева по крайней мѣрѣ не была отдѣлена отъ всего свѣта, какъ обыкновенно бывали въ то время дѣви-

цы знатныхъ домовъ; онъ ее не прятalъ въ неприступныхъ теремахъ и ее видали многіе изъ пріѣзжавшихъ къ нему, даже иностранцевъ. Звали ее Наталіей; она была красивая дѣвушка, высокая ростомъ, съ темно-русою косою, съ широкими рѣсницами на большихъ карихъ глазахъ.

Случилось, что увидѣлъ ее и царь; красота дѣвушки сдѣлала на него впечатлѣніе. «Я не зналъ, Сергѣичъ, сказалъ онъ, что у тебя есть дочь?»—Это не дочь моя, а пріемышъ, отвѣчалъ Матвѣевъ, и назвалъ ее. Тѣмъ на первый разъ и кончилось; но черезъ нѣсколько времени царь сказалъ Матвѣеву, что желаетъ вступить съ нею въ бракъ... Сказываютъ, что Матвѣевъ повалился ему въ ноги, говоря, что эта новая къ нему милость погубитъ его.— Трудно этому повѣрить: до царской родни рѣдко достигали придворныя интриги; съ воспитателемъ и благодѣтелемъ, почти отцемъ царицы, мудрено было кому бы то ни было бороться. Поэтому такому смиренію Матвѣева мало кто вѣрилъ, многіе разсказывали объ этомъ совсѣмъ другое: говорили, что Матвѣевъ самъ подготовилъ это сватовство; и этого тоже за вѣрное выдать нельзя, но, конечно, Матвѣевъ былъ болѣе честолюбивъ, чѣмъ иные простаки изъ его друзей это думали, и во всякомъ случаѣ валяться въ ногахъ, чтобъ не попасть въ родство съ царскимъ семействомъ, ему не было никакого повода.

Государь сочетался бракомъ съ Наталіей Кириловною въ 1671 году. Вслѣдъ за нею явилась во дворцѣ и родня ея— Нарышкины. Отецъ ея былъ сдѣланъ бояриномъ и получилъ богатыя волости, братья взяты ко двору; Матвѣевъ тоже получилъ санъ боярскій.

30-го мая 1672 года у царя родился сынъ, котораго назвали Петромъ. Этотъ младенецъ былъ будущій великій императоръ.

Около этого времени между людьми близкими ко двору стали ходить слухи, что между мачихою и падчерицами не стало согласія. Какъ это случилось, съ чего это началось, врядъ ли кто нибудь могъ достовѣрно сказать. Царевны ли, дочери Алексѣя Михайловича, изъ которыхъ многія были совершеннолѣтнія, недружелюбно встрѣтили мачиху; мачиха ли оттолкнула отъ себя падчерицъ — дѣло темное: но между царевнами и царицей не было дружества; государь горячо привязался къ молодой своей супругѣ и къ ея младенцу и, казалось, охладѣлъ нѣсколько къ своимъ прежнимъ дѣтямъ. Глядя на это, и дворъ раздѣлился на двѣ партіи. Матвѣевъ и большая часть царедворцевъ были на одной сторонѣ, окружая Наталію Кириловну: на нихъ ласково смотрѣлъ и царь; другіе, родственники покойной царицы, угрюмо жались около царевенъ и двухъ царевичей отъ перваго брака. Впрочемъ, все это не выходило за черту кремлевскихъ стѣнъ; не всѣ замѣчали это и въ Москвѣ, а по другимъ городамъ все оставалось, какъ прежде, да и государь не показывалъ никакой немилости своей старой роднѣ.

Черезъ два года послѣ рожденія Петра «объявленъ» былъ старшій сынъ государя, Ѳеодоръ Алексѣевичъ. «Объявленіе» было тоже, что признаніе наслѣдникомъ престола. Въ самый новый годъ, который начинался тогда перваго сентября, происходила эта церемонія. Въ передней палатѣ Кремлевскаго дворца были собраны бояре, думные люди, духовенство. Царь вышелъ къ нимъ съ молодымъ царевичемъ, которому тогда еще не исполнилось 13 лѣтъ, и сказалъ, что настало время «дать его Господу Богу въ послуженіе и ввести его въ святую соборную и апостольскую Церковь». Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ худенькій, довольно болѣзненный отрокъ, но душу имѣлъ добрую, здравый умъ и былъ прекрасно, по тому времени, образованъ умнымъ и ученымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Съ этого времени царевичъ Ѳеодоръ считался какъ бы наслѣдникъ престола; на него смотрѣли какъ на будущаго государя Россіи, и дѣйствительно, когда,

въ январѣ 1676 года, Алексѣй Михайловичъ тяжко занемогъ и скончался, онъ вступилъ на престолъ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича не было счастливо. Не то, чтобъ онъ велъ несчастныя войны: нѣкоторыя изъ нихъ были и удачны; съ Польшею онъ заключилъ перемиріе, по которому къ Россіи отходила часть нынѣшнихъ смоленской, витебской и черниговской губерній, а главное — колыбель Россіи, Кіевъ; еще болѣе важнымъ дѣломъ было присоединеніе Малороссіи: это было дѣло славное и выгодное. Но съ другой стороны, въ это царствованіе Россію посѣщали разныя несчастія: голодъ, пожары, моровыя повѣрія; какое-то темное неудовольствіе жило въ народѣ, который безпрестанно волновался; то тутъ, то тамъ вспыхивали мятежи, и если власти не успѣвали принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, то эти мятежи сильно и жестоко разгорались, какъ напримѣръ бунтъ извѣстнаго Стеньки Разина. Даже въ дѣлахъ церковныхъ произошло въ это царствованіе такое замѣшательство, которому подобнаго передъ тѣмъ никогда не бывало. Объ этомъ нужно сказать нѣсколько словъ.

Въ тѣ времена духовенство наше было очень мало образовано и даже, прямо сказать, мало грамотно. Книги церковныя переписывались полуграмотными людьми и потому въ нихъ вкрались мало по малу большія ошибки. Это замѣчали уже и прежде нѣкоторые просвѣщенные люди между духовенствомъ и принимались было дѣлать исправленія; но либо на людей этихъ смотрѣли какъ на еретиковъ, посягающихъ на святыню, либо они напутывали хуже прежняго. Наконецъ патріархъ Никонъ принялся цѣлымъ соборомъ за исправленіе священныхъ книгъ, собралъ множество древнихъ греческихъ рукописей и довелъ дѣло до конца; но нашлось не мало людей, которымъ это дѣло показалось богохульствомъ. Новыя книги казались имъ подозрительными и они ихъ отвергли; когда же имъ старались доказать, что именно эти новыя книги только и правильны, потому что онѣ повѣрены по самымъ старымъ книгамъ, то они говорили: если наши прежнія книги не суть святыя книги, то какъ же по нимъ могли спастись святые Филиппъ, Петръ, Алексѣй и другіе святители русской церкви? Имъ говорили, что крестное знаменіе установлено совершать тремя перстами, а не двумя, какъ велось у насъ обычаемъ: они возражали, что, крестясь двумя перстами, однакожъ спаслись многіе отцы православной церкви. На это имъ опять возражали исторіей и толкованіями, но они ихъ не хотѣли знать. Досада и ожесточеніе росли съ обѣихъ сторонъ; противъ людей старой вѣры начались гоненія: они принимали эти гоненія, какъ вѣнецъ мученическій, а народъ, видя ихъ непоколебимую стойкость, вѣрилъ имъ, слушалъ ихъ, и цѣлыя массы отступали отъ православія, оставляли города и селенія, уходили въ глухіе лѣса, въ безлюдныя степи, въ отдаленные концы государства, даже вовсе оставляли отечество. Расколъ проникъ въ кругъ людей знатныхъ и богатыхъ, даже въ среду самого духовенства: множество священниковъ оставляло свои церкви и уходило въ раскольничьи скиты; одинъ епископъ отложился отъ православія, царскій духовникъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ раскольниками. Они наполнили знаменитую Соловецкую обитель и за ея стѣнами подняли оружіе противъ царя, который, говорили они, покровительствуетъ Никоніанцамъ. Раскольники предсказывали близкій конецъ міру, говорили о пришествіи антихриста и все сильнѣе ожесточались противъ церковной и свѣтской власти, а число ихъ умножилось, и къ концу царствованія Алексѣя Михайловича ихъ считали десятками и сотнями тысячъ. И не нашлось тогда ни одного человѣка, который, оставляя споръ о буквахъ и словахъ, объяснилъ бы, что ученіе Христа требуетъ прежде всего братской любви, добрыхъ дѣлъ и чистой совѣсти!

Щебальскій.

52. Борьба папства и имперіи.

Посмотримъ на взаимное отношеніе имперіи и папства и потомъ представимъ яснѣе, какими путями новыя начала жизни достигали своего осуществленія.

Мы видѣли, что обѣ основныя идеи средневѣковой жизни отличались своимъ общимъ, всеобъемлющимъ, отвлеченнымъ и притомъ исключительнымъ характеромъ. Каждая изъ нихъ стремилась обнять всѣ сферы жизни европейскаго общества; каждая изъ нихъ не допускала никакихъ мѣстныхъ, самостоятельныхъ, независимыхъ направленій, а старалась подчинить всѣ явленія одной строгой непреложной формѣ. И папа и императоръ имѣли свою теорію, которую оба стремились осуществить въ дѣйствительности: каждый изъ нихъ хотѣлъ внести въ хаотическое феодальное общество свой законъ, свои начала порядка и единства; каждый изъ нихъ считалъ себя единственнымъ источникомъ права. Какое же должно было быть ихъ отношеніе другъ къ другу? Гдѣ были границы дѣятельности каждаго изъ нихъ? Одинъ считался свѣтскимъ, другой духовнымъ главою христіанскаго міра; одному ввѣрено было тѣло, другому душа христіанскаго общества. Но гдѣ же оканчивался кругъ дѣйствій одного, и начиналась область другаго? Душа и тѣло, духовная и свѣтская сторона жизни такъ связаны между собою, столь многими пунктами соприкасаются, такъ входятъ одна въ другую, что нельзя между ними поставить опредѣленнаго рубежа.

Очевидно—отношеніе между императоромъ и папою могло быть только враждебное: не могло быть между ними мира и согласія, а должна была завязаться борьба на жизнь и смерть. Не изъ личныхъ побужденій, не изъ личнаго честолюбія императора или папы проистекала эта борьба: оно лежала въ самой сущности вещей, была дѣломъ роковой необходимости. Каждый изъ нихъ съ высоты своей всеобъемлющей теоріи, съ своей исключительной точки зрѣнія смотрѣлъ на другаго, какъ на лице себѣ подчиненное. Папа не могъ остаться внѣ системы императора, а долженъ былъ подойти подъ нее наравнѣ со всѣми прочими явленіями. Императоръ хотѣлъ поставить папу на ряду со всѣми прочими епископами. Папа же, выходя изъ положенія, что душа выше тѣла, духовный міръ выше свѣтскаго, приходилъ къ заключенію, что и папская власть выше императорской и служитъ ей источникомъ. Онъ считалъ императора своимъ свѣтскимъ мечемъ, исполняющимъ его волю и принимающимъ отъ него и власть, и права свои. Всякая свѣтская власть считалась властью только по порученію и полномочію папы. «Такъ какъ солнце и луна, говоритъ Иннокентій III, поставлены на небесномъ сводѣ, солнце для того, чтобъ управлять днемъ, а луна ночью, такъ точно есть двѣ власти въ церкви: одна папская, высшая, потому что ея попеченію ввѣрены души, и власть императорская—низшая, потому что ей поручены только тѣла». На сколько душа превосходитъ тѣло, на столько папа долженъ превосходить императора. Папѣ, какъ преемнику Апостола Петра, принадлежитъ двойной мечъ, мечъ духовный и мірской: послѣдній онъ вручаетъ императору, дабы императоръ расширялъ предѣлы христіанскаго міра. Въ глазахъ папы императоръ есть только Advocatus Ecclesiae. Папѣ принадлежало право короновать императора; отсюда легко было вывести, что, въ случаѣ незаконности императора, папа могъ отказать въ коронаціи. Изъ этого слѣдовало въ дальнѣйшемъ развитіи того же начала, что папа могъ низлагать императора, а въ окончательномъ результатѣ выходило, что папа могъ назначать его по своему усмотрѣнію. Напротивъ императоръ утверждалъ, что власть его происходитъ непосредственно отъ Бога и что онъ самъ есть источникъ всякой земной власти, слѣдовательно подчиненъ никому быть не можетъ.

Признавши, что власть папы выше императорской, нельзя было отрицать у

папы права вмѣшательства во всѣ свѣтскія отношенія міра. Онъ основывалъ это право на томъ, что Апостолу Петру, его предшественнику, ввѣрена была власть вязать и рѣшить все на землѣ, безъ всякаго исключенія. «Кому неизвѣстны, говоритъ Григорій VII, слова Господа: Tu es Petrus? Развѣ отъ этого изъяты короли? развѣ они не принадлежатъ къ паствѣ, которую Сынъ Божій ввѣрилъ св. Петру?» Кромѣ того, всякое дѣло, имѣющее хотя бы самую отдаленную связь съ религіею, всякій поступокъ, подходящій подъ категорію грѣховъ, вызывалъ вмѣшательство папы. Папа считалъ себя верховнымъ судьею императоровъ и королей христіанскихъ, приписывалъ себѣ право рѣшать ихъ споры, принималъ жалобы подданныхъ на злоупотребленія свѣтской верховной власти; считалъ себя въ правѣ низлагать государей и подданныхъ ихъ освобождать отъ присяги. Напротивъ императоръ, какъ свѣтскій глава христіанства, не допускалъ вмѣшательства папы въ свѣтскія дѣла и считалъ папу своимъ подсудимымъ, въ свѣтскомъ отношеніи, наравнѣ съ прочими прелатами, вошедшими въ кругъ общей феодальной іерархіи.

При такихъ исключительныхъ направленіяхъ обоихъ главъ христіанства, борьба между ними была неизбѣжна, и мы присутствуемъ при этой великой борьбѣ въ продолженіи XI, XII и XIII столѣтій. Нѣсколько разъ казалось, что теорія феодальной имперіи была уже близка къ своему осуществленію. Власть императора, представляемая великими личностями саксонской, франконской и гогенштауфенской династій, шла впередъ несдержимо: великимъ развитіемъ своимъ она заслонила всѣ другія власти. Отъ Балтійскаго моря до сѣверныхъ береговъ Африки вездѣ было могуче имя императора. Онъ былъ прирожденный король Германіи; Италія признавала его наслѣдникомъ римскихъ цезарей; Бургундія, Провансъ и Дофинэ были великіе имперскіе лены; Данія, Скандинавскій сѣверъ считались принадлежащими къ общему составу имперіи, получали своихъ королей изъ среды нѣмецкихъ князей, вассаловъ императора; рыцари Тевтонскаго и другихъ орденовъ раздвигали предѣлы имперіи на далекомъ сѣверѣ и востокѣ; Польша, Чехія, Венгрія были въ ленной зависимости отъ имперіи, часто получали своихъ королей отъ руки императора. Хотя короли французскій, англійскій, испанскій уже по самому своему положенію и преданіямъ прошедшаго были независимы, но все-таки они считали императора первою властью въ христіанствѣ, вступали къ нему въ ленныя отношенія, въ своихъ спорахъ обращались къ нему, какъ къ высшему судьѣ и посреднику. Вспомнимъ Ричарда Львиное Сердце, Эдуарда III, вступавшихъ въ феодальныя связи съ императоромъ; вспомнимъ Карла V французскаго, обращавшагося къ императору въ своемъ спорѣ съ Англіею. Императоръ обнималъ своимъ взоромъ весь этотъ міръ въ его совокупности; интересы христіанства сосредоточивались въ его рукахъ; отдѣльныя страны и народности исчезали на обширномъ горизонтѣ его дѣятельности. Италіянцы, нѣмцы, чехи и даже сарацины безъ различія составляли войско императора. Генрихъ VI Гогенштауфенъ устремлялъ взглядъ свой даже за эти предѣлы: онъ окидывалъ своимъ взоромъ дряхлую Византійскую имперію, Египетъ и Сирію; Средиземное море онъ хотѣлъ принять какъ озеро въ свои владѣнія. Все это было старое наслѣдіе римскихъ императоровъ. Но не суждено было никогда вполнѣ осуществиться этимъ великимъ замысламъ. Какая-то неумолимая судьба заранѣе обрекла на погибель и личности, которыя представляли собою идею имперіи, и самую идею. Нельзя не замѣтить трагической участи императоровъ трехъ первыхъ династій: большая часть ихъ умираетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ минуту такую, когда они уже, кажется, очень близки къ достиженію своей цѣли, и великая будущность открывается передъ

ними. Ни одинъ не можетъ довести дѣла своего до конца: неумолимый рокъ сводитъ ихъ въ могилу. Но это только дѣло случая—не отъ того только идея имперіи не достигла своего осуществленія. Противъ нея поднялись могучія силы, неодолимыя преграды останавливали ея движеніе. Не будемъ уже говорить о томъ, какъ слабы были матеріальныя средства феодальнаго императора, какъ эти средства не соотвѣтствовали великимъ его цѣлямъ. Въ этомъ отношеніи идея императорской власти сама въ себѣ уже носила собственное осужденіе. Огромны были притязанія императоровъ, но эти притязанія, занятыя у другаго міра, у другихъ преданій, они думали осуществить средствами феодальнаго міра. Это внутреннее противорѣчіе, это несоотвѣтствіе средствъ и цѣлей и задерживало постоянно идею императорской власти въ области теоріи; но этого мало—мы видимъ, что императоръ на каждомъ шагу вездѣ и всегда встрѣчался лицемъ къ лицу съ могучимъ своимъ соперникомъ папою. Борьба между ними не могла быть равною: въ сравненіи съ ограниченными феодальными силами императора, папа располагалъ огромными и, надобно прибавить, нравственными средствами. Онъ стоялъ во главѣ общественнаго мнѣнія или, лучше, держалъ его въ своей власти и располагалъ чувствами, понятіями, убѣжденіями массъ. На его сторонѣ всегда было огромное большинство преклонявшихся передъ священнымъ авторитетомъ религіи; онъ имѣлъ за собою голосъ народный (vox populi — vox Dei). Притомъ же — дѣло главное — папа очень искусно умѣлъ захватить въ свои руки иниціативу въ величайшихъ, всеобщихъ европейскихъ событіяхъ: онъ вызвалъ великое движеніе крестовыхъ походовъ и черезъ это, естественно, сталъ во главѣ христіанскаго общества. Это былъ зародышъ его побѣды надъ императоромъ; однимъ разомъ онъ поставилъ себя въ положеніе повелителя, а императора въ положеніе исполнителя его воли; въ случаѣ неповиновенія, общественное мнѣніе народовъ, по мановенію папы, обращалось противъ императора. На сторонѣ императора успѣхъ дѣла, судьба и ходъ борьбы постоянно зависѣли отъ многихъ непредвидимыхъ случайностей: пресѣченіе династіи, спорный выборъ, малолѣтство императора, личный его характеръ, личныя отношенія и другія случайныя обстоятельства—все это мѣшало послѣдовательному, правильному ходу дѣйствій. Въ этомъ отношеніи на сторонѣ папы было огромное превосходство: такія случайности тутъ не имѣли мѣста; остановки движенія, замедленія быть не могло; личность папы не имѣла такого рѣшительнаго значенія. Папство—это была воплощенная, живущая система; папскій престолъ замѣщался всегда съ одинаковою правильностію, личность папы вносила только большую или меньшую энергію въ ходъ дѣйствій, направленіе всегда было одинаково. Каждый почти императоръ долженъ былъ начинать свое дѣло снова и останавливался передъ концемъ; послѣ смерти его весь плодъ его усилій разрѣшался въ ничто: между тѣмъ папы дѣйствовали послѣдовательно, шли къ цѣли неудержимо, ровнымъ и правильнымъ шагомъ.

Такъ какъ каждый императоръ долженъ былъ начинать все сызнова, такъ какъ въ развитіи идеи имперіи происходили постоянныя остановки, и никогда этой идеѣ не удалось вполнѣ и надолго подчинить себѣ европейское общество: то случилось, что и самая идея мало-по-малу стала терять свою власть надъ умами. Она не имѣла времени оправдать себя въ дѣйствительности, обнаружить свою силу въ жизни, подчинить себѣ всѣ убѣжденія; не имѣла за собою того авторитета, какой доставляетъ постоянный успѣхъ и продолжительное дѣйствительное обладаніе (possession actuelle). Въ этомъ отношеніи власть папы постоянно заслоняла собою власть императора: власть папская уже давно коренилась въ дѣйствительности, а власть

императора все еще оставалась въ области теоріи. Время шло скорѣе, чѣмъ успѣхи императоровъ, и опережало ихъ усилія. Они все еще стремились къ достиженію своей цѣли, а между тѣмъ почва, на которой они стояли, уже колебалась и уходила изъ-подъ ихъ ногъ. Идея имперіи еще до своего полнаго осуществленія стала отживать свое время; теорія явилась безсильною,—ей не доставало твердой почвы дѣйствительности, жизни, успѣха, оправданія; она стала изнемогать скорѣе отъ собственнаго своего безсилія, нежели отъ старости. Еще императоры въ половину не успѣли въ своемъ дѣлѣ, какъ уже на дальнемъ горизонтѣ стало появляться новое начало жизни; идея феодальнаго единства или лучше безразличія пришла въ столкновеніе съ совершенно противоположнымъ движеніемъ. Въ огромномъ двухвѣковомъ движеніи крестовыхъ походовъ сходились постоянно на одной почвѣ и въ одномъ общемъ дѣйствіи и всѣ народы Европы, и всѣ сословія. Отдѣльныя народности взглянули ближе другъ на друга и почувствовали свое различіе. До сихъ поръ въ феодальномъ обществѣ существовало только рѣзкое раздѣленіе между сословіями: теперь сословія сблизились, раздѣлились народности. Это и былъ великій результатъ крестовыхъ походовъ: различіе сословій низошло на второй планъ, на первомъ явилось различіе народовъ; сродные элементы притянулись, оттолкнулись противоположные. Теперь уже этимъ путемъ пошло дальнѣйшее развитіе; вездѣ народности приходятъ къ сознанію своей личности, являются народныя антипатіи, первый признакъ этого сознанія: французы и англичане, нѣмцы и италіянцы, нѣмцы и западные славяне, испанцы и мавры. Въ этихъ племенныхъ контрастахъ вырабатывается самостоятельная личность каждаго изъ нихъ: это знакъ, что феодальное единство выполнило свое время. Теперь мы видимъ всеобщее стремленіе къ обособленію, каждая народность старается выдѣлиться изъ прежняго безразличія. Теперь императоръ, съ своею идеею всеобъемлющей имперіи, дѣлается защитникомъ отживающаго начала, его идея является запоздалою, несовременною; она приходитъ въ явное противорѣчіе съ новымъ движеніемъ, которое все болѣе и болѣе увлекаетъ европейскіе народы.

Теперь императору предстоитъ бороться съ неодолимыми препятствіями: на всѣхъ концахъ его обширнаго горизонта подымаются могучія силы, ему враждебныя; народности одна за другою отъ него ускользаютъ; все рвется и выпутывается изъ сѣти феодальнаго единства. Прежде всѣхъ и сильнѣе почувствовала свою личность Италія и оказала императорамъ отчаянное сопротивленіе: нѣмцы и италіянцы—это первая и самая многовѣсная европейская антипатія. Ничего не могло быть опаснѣе для императоровъ, какъ это пробужденіе и сопротивленіе Италіи. Италія—это была страна тѣхъ преданій древняго міра, которыя она теперь сдѣлала своими; въ италіянской почвѣ коренилась идея императорской власти; съ обладаніемъ Италіею связано было все значеніе императоровъ, какъ наслѣдниковъ римскихъ цезарей. Имъ было невозможно выпустить изъ рукъ Италіи; скорѣе можно было выпустить провансаловъ, фламандцевъ, датчанъ, поляковъ, чеховъ, венгровъ; легче даже было дать свободу своимъ природнымъ нѣмецкимъ вассаламъ: но отказаться отъ Италіи значило отказаться отъ самихъ себя. Потому мы и присутствуемъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій при нескончаемыхъ походахъ императоровъ въ Италію; но всѣ ихъ усилія сокрушаются въ безплодной борьбѣ. Противъ новаго элемента они выступаютъ съ старыми феодальными силами и каждый разъ изнемогаютъ. Періодически, можно сказать, Германія наводняетъ Италію, потомъ наступаетъ отливъ, и почти никакихъ слѣдовъ не остается. Каждый разъ императоръ съ тяжелою феодальною кавалеріею спускается черезъ Альпійскіе проходы на равнины Лом-

бардіи; тутъ къ нему являются болонскіе юристы и въ великолѣпныхъ фразахъ толкуютъ его права и превозносятъ его всемогущество; на это италіянскіе города отвѣчаютъ тупымъ молчаніемъ и запираютъ передъ императоромъ ворота свои. Онъ принимаетъ желѣзную корону Ломбардіи и идетъ далѣе въ Римъ для полученія императорской изъ рукъ папы: на пути вездѣ тоже враждебное отношеніе, тоже сопротивленіе. Тогда князья, бароны и вассалы священной Римской имперіи объявляютъ императору, что срокъ ихъ службы вышелъ, что они исполнили свой феодальный долгъ, и мало-по-малу они оставляютъ его и возвращаются домой. Императоръ одинокій, съ малочисленною свитой, переходитъ обратно черезъ Альпы, унося съ собою свою великолѣпную идею и свои высокія притязанія. Но не всегда италіянскіе города ограничиваются однимъ тупымъ молчаніемъ. Бываетъ—императоръ пытается вывести ихъ изъ этого молчанія, заставить ихъ говорить языкомъ повиновенія и преклониться передъ его величіемъ: тогда они отвѣчаютъ на его вызовъ, устилая свои равнины великолѣпною его феодальною кавалеріею. На звучныя фразы императорскихъ юристовъ служатъ отвѣтомъ поля сраженія—Леньяно и Витторія. Откуда же въ нихъ такая сила? Они сильны не только свѣжею силою новаго жизненнаго начала, силою своей пробудившейся народности: у нихъ могучій союзникъ; старый противникъ императора, папа, не засыпаетъ. На всѣхъ концахъ Европы поднялись противъ императора враждебныя силы. Для папы это великолѣпный случай нанести рѣшительный ударъ своему противнику: папа становится во главѣ всѣхъ этихъ враждебныхъ силъ; папа подаетъ руку новому началу, поддерживаетъ противъ императора всѣ народности, покровительствуетъ всякому стремленію къ независимости, самостоятельности, обособленію. Онъ не предвидитъ, не подозрѣваетъ даже, что когда не станетъ императора, то всѣ эти возбужденные элементы обратятся противъ него самого. Папа поддерживаетъ въ борьбѣ италіянцевъ; обращается къ французскому королю, истинному представителю новаго начала, какъ къ старшему сыну церкви, правой рукѣ своей, возбуждаетъ его противъ императора, призываетъ въ Италію; другую руку простираетъ къ нѣмецкимъ князьямъ, ко всѣмъ великимъ ленникамъ имперіи и поддерживаетъ ихъ стремленіе къ независимости. Огромная партія Гвельфовъ съ каждымъ днемъ растетъ подъ авторитетомъ папы. Гвельфы—это не одни италіянскіе города: это всеобщая европейская оппозиція противъ идей феодальной имперіи и феодальнаго единства. Гвельфы—это представители новаго жизненнаго начала, народной независимости, самостоятельнаго существованія. Во главѣ всѣхъ этихъ оппозиціонныхъ элементовъ является папа.

Подъ соединенными ударами столькихъ враждебныхъ стихій пала императорская власть въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей Гогенштауфеновъ. Папы соединили противъ нихъ страшныя силы матеріальныя и нравственныя: одной рукой они поддерживали европейскую оппозицію, другой возбуждали противъ императоровъ общественное мнѣніе. Борьба рѣшилась на злосчастной италіянской почвѣ. Папы схоронили здѣсь благородную гогенштауфенскую династію и вмѣстѣ съ нею, можно сказать, сошла въ могилу и самая идея имперіи, такъ какъ ее понимали лучшіе императоры. Еще разъ эта идея въ лицѣ Генриха Люксембургскаго на короткое время явилась въ прежнемъ своемъ блескѣ: но это былъ ложный, обманчивый блескъ, не было жизни въ этомъ явленіи; оно мелькнуло, какъ метеоръ, въ глазахъ современниковъ и скрылось безвозвратно; дѣйствительность была чужда ему, дѣйствительность вполнѣ уже принадлежала другому порядку вещей. Италія стала жить собственною жизнью; на всѣхъ границахъ Германіи, природной страны императоровъ, образо-

вались самостоятельныя существованія; Польша, Венгрія, Данія забыли о ленной своей зависимости отъ имперіи; Бургундія, Провансъ и Дофинэ поглощены были сроднымъ себѣ элементомъ; голландскія и фламандскія провинціи стали тяготѣть къ другому центру. Англія и Франція навсегда ускользнула отъ всякаго вліянія императоровъ; въ Испаніи смѣялись надъ притязаніемъ ихъ на всеобщую верховную власть. Даже внутри самой Германіи продолжалось обособленіе—Швейцарія стремилась выйти изъ состава имперіи. Нѣмецкіе князья съ каждымъ годомъ получали большую независимость. Императорская власть ушла теперь совершенно изъ дѣйствительности въ сферу идей и юридическихъ понятій: восторжествовалъ папа и все, что только искало самостоятельнаго, независимаго существованія.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

53. О пользѣ книгъ церковныхъ въ россiйскомъ языкѣ.

Въ древнiя времена, когда Славенскiй народъ не зналъ употребленiя письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнiя многихъ вещей и дѣйствiй, ученымъ народамъ извѣстныхъ; тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченiй и выраженiй разума, какъ нынѣ читаемъ. Сiе богатство больше всего прiобрѣтено купно съ греческимъ христiанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славенскiй для славословiя Божiя. Отмѣнная красота, изобилiе, важность и сила еллинскаго слова коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ еллинскомъ языкѣ героевъ, витiйствовали великiе христiанскiя церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчiе высокими богословскими догматами и паренiемъ усерднаго пѣнiя къ Богу. Ясно сiе видѣть можно вникнувшимъ къ книги церковныя на славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученiй отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцевъ каноновъ видимъ въ славенскомъ языкѣ греческаго изобилiя, и оттуду умножаемъ довольство россiйскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ прiятiю греческихъ красотъ посредствомъ славенскаго сродно. Правда, что многiя мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что сначала переводившiе съ греческаго языка книги на славенскiй не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ славенскому языку странныхъ; однако оныя чрезъ долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало прiятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненiемъ россiйскаго языка съ другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскiя, по большой части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Грецiи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ греческаго прiобрѣтены. Нѣмецкiй языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служенiи употреблялся языкъ латинскiй. Но какъ нѣмецкiй народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось и произошли искусные писатели. Напротивъ того, въ католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служенiи употребляютъ, подобнаго успѣха

въ чистотѣ нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности; такъ и россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени: высокій, посредственный и низкій. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ общеупотребительны, напримѣръ: *Богъ*, *слава*, *рука*, *нынѣ*, *почитаю*. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю*, *Господень*, *насажденный*, *взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю*, *рясны*, *овогда*, *свѣнѣ* и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славенскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю*, *ручей*, *который*, *пока*, *лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить не пристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій, раждаются три штиля: высокій, посредственный и низкій. Первый составляется изъ реченій славенороссійскихъ, то есть, употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ россійскій языкъ передъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славенское положено будетъ подлѣ россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и елегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть: комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ россійскаго штиля.

Сколько въ высокой поэзіи служатъ однимъ реченіемъ славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ россійскомъ языкѣ неупотребительными; то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ силь-

ному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика, однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки, и сіе во первыхъ по мѣсту.

Народъ россійскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, баварскій крестьянинъ мало разумѣетъ мекленбургскаго, или бранденбургскій швабскаго, хотя всѣ того жъ нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами славенскаго поколѣнія, которые греческаго исповѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако, для употребленія словенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По времени жъ разсуждая, видимъ, что россійскій языкъ отъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку, больше семисотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ какъ многіе народы, не учась, не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ славенскихъ въ россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь своимъ искуствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности священнаго мѣста церкви Божіей и для древности, чувствуемъ въ себѣ къ славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая ровность слова. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славенскаго языка купно съ россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется; и россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славославіемъ Божіимъ на славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ ишпанскій, гальскій, британскій и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ переселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но все въ глубокомъ невѣдѣніи погрузилясь. Гораций говоритъ:

Герои были до Артида;
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ (*).

(*) Vixere fortes ante Agamemnona
Multi; sed omnes illacrymabiles
Urgentur, ignotique longa
Nocte, carent quia vate sacro.
Horat. Od. lib. IV. Od. 8.

Счастливы Греки и Римляне передъ всѣми древними европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкій голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ одобрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздніе потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?

Подобное счастіе оказалось нашему отечеству отъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и основалось щедротою Великія Его Дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не дадутъ никогда придти въ упадокъ россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно, какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣетъ знатныхъ и Меценату подобныхъ предстателей, чрезъ которыхъ ходатайство Ея отеческій градъ снабденъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселится своимъ симъ украшеніемъ и показываетъ оное всѣмъ городамъ россійскимъ какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего основателя, на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

Ломоносовъ.

54. Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 года.

Вѣрнѣйшіе успѣхи брани предуготовляются прежде брани; мечъ пожинаетъ большею частію тѣ лавры, которые посѣяны миромъ. Казалось, никто лучше врага не зналъ сей опытной истины. Предъ настоящею войною мы имѣли пять лѣтъ искренняго мира съ нимъ, а онъ столько-же, если не болѣе, времени приготовленія къ войнѣ съ нами.

Покрываясь личиною нашего союзника, не простиралъ-ли онъ тайную руку на расторженіе другихъ нашихъ союзовъ? Не онъ-ли наипаче раздувалъ попеременно на той или другой границѣ обширной имперіи пламя войны, которая хотя не изнуряла ее, но развлекала; хотя пріобрѣла ей новую славу и новыя области, но не дала насладиться отрадою и плодами желаннаго мира? Когда желаніе всеобщаго мира убѣдило насъ оказать холодность непреклонной морской державѣ, не питалъ-ли онъ тогда сокровеннаго желанія отяготить дѣйствіе сей мѣры надъ нами самими? Не старался-ли онъ устроять себѣ въ собственныхъ нашихъ предѣлахъ невидимое передовое ополченіе, посылая слѣдами сиротствующихъ сыновъ царства французскаго, которые бѣгутъ къ намъ отъ пожравшей ихъ отечество заразы,—толпы изверговъ мятежа, которые несутъ свою язву съ собою, и сынами сѣвера, столь же чуждыми низости подозрѣнія, какъ и слабости ухищренія, пріемлются иногда въ ихъ безопасныя жилища, какъ змія въ нѣдро? Я не буду отвѣтствовать на сіи вопросы: ибо не желаю проникать въ дѣло тьмы, которыхъ прозорливое правительство не желало, можетъ быть, обнажать по великодушію, или совсѣмъ не хотѣло примѣчать изъ презрѣнія.

Но когда среди мира, долженствовавшаго сохранить Европѣ остатокъ ея свободы, Франція разрушала престолы, поглощала города, подавляла слабыхъ союзниковъ; когда войска, толико нужныя

на югѣ, не оставляли сѣвера, но еще часъ отъ часу въ большемъ числѣ, подобно тучамъ, неслись туда-же изъ порабощенныхъ царствъ: для кого могли быть загадкою намѣренія властолюбивой державы? Чѣмъ огромнѣе были ея приготовленія, тѣмъ яснѣе показывали, противъ кого напрягаетъ она свои силы.

Что-же мы дѣлали въ сіе время? О! что мы тогда дѣлали, то, можетъ быть, не только врагамъ, но и доброжелателямъ нашимъ казалось недальновиднымъ или недостойнымъ сыновъ силы; но послѣдствія даютъ намъ право говорить, что то было премудро и велико. Мы свято сохраняли миръ, терпѣливо напоминали о его законахъ вѣроломному союзнику, и наконецъ весьма тихо приблизились къ своимъ границамъ токмо для того, чтобы съ миромъ идти во срѣтеніе самой брани.

Если превосходное число войска, бодрость воиновъ, обнадеженныхъ симъ превосходствомъ, благовременныя и обильныя къ войнѣ приготовленія, свобода избрать образъ, время и мѣсто военныхъ дѣйствій суть начатки военныхъ успѣховъ; то,—взирая съ одной стороны на цѣлую почти Европу, прельщеніемъ и угрозами вовлеченную въ предпріятіе одного властолюбца, съ другой на Россію, оставленную союзниками, похищенными великимъ вихремъ или устрашенными, занятую войною со многочисленнымъ народомъ и, подъ маніями кроткаго Монарха, въ тишинѣ ожидающую приближенія новой и опаснѣйшей бури, — не могъ-ли бы кто сказать, что Наполеонъ, еще не начиная войны, уже побѣждаетъ? Такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ самъ; и должно признаться, что его предсказанія о завоеваніи Россіи, толико нынѣ смѣшныя, могли казаться тогда не столько неимовѣрными, какъ то, если бы кто сталъ предсказывать конечное истребленіе безчисленныхъ союзныхъ полчищъ. Но непорфирородный царь, возжелавшій быть еще непомазаннымъ пророкомъ, не провидѣлъ того, что, кромѣ физическихъ и политическихъ, государства одушевляются и дѣйствуютъ высшими нравственными силами; что насиліе возбуждаетъ противъ себя тѣ самыя силы, которыя ему покоряются; что ухищренія могутъ быть перехищрены или разрушены нечаянностію; что правота всегда могущественнѣе коварства и злобы своею твердостію и провидѣніемъ. Высокоумный повелитель надменнаго мнимою образованностію народа не зналъ и, къ продолженію бѣдъ Европы, не изучилъ и доселѣ сего простаго языка нравственности.

Необыкновеннымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій врагъ довершилъ чертежъ вѣроломства и, повидимому, пріобрѣлъ новый залогъ чаемыхъ успѣховъ. Онъ началъ брань не такъ, какъ государь, который, не могши убѣжденіемъ расположить другаго монарха или народъ къ справедливымъ, по его мнѣнію, пользамъ своей державы, торжественно возвѣщаетъ ему и другимъ, что употребитъ данную ему Провидѣніемъ силу для достиженія своей цѣли: онъ началъ брань или какъ нѣкій богъ браней, который никому не обязанъ открывать своихъ предопредѣленій, или какъ нѣкій крамольникъ, внезапнымъ возстаніемъ поспѣшающій предупредить казнь, которой чувствуетъ себя достойнымъ. Симъ наглымъ попраніемъ народныхъ правъ онъ открылъ себѣ путь ненаказанно попирать нашу землю, между тѣмъ какъ мы принуждены были въ одно время и отражать его нападенія, и только еще приводить къ единству движенія распространеннаго по пространнымъ областямъ войска, коего число и въ соединеніи не могло быть страшно для сліянныхъ силъ шестнадцати народовъ.

Дано кровопролитнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ въ наши времена сраженій, въ которомъ чѣмъ болѣе побѣда колебалась между превосходствомъ силъ и совершенствомъ искуства, между дерзостію и неустрашимостію, между отчаяніемъ и мужествомъ, между алчбою грабежа и любовію къ отечеству, тѣмъ тор-

жественнѣе увѣнчана правая сторона. Но какой опять мракъ послѣ столь свѣтлой для насъ зари! Многочисленная потеря закрыта неисчислимыми остатками; побѣдители утомлены побѣдою, и дерзость врага столицъ въ свою чреду могла величаться если не покореніемъ столицы, по крайней мѣрѣ вступленіемъ въ ея священныя стѣны, обнаженіемъ ея благолѣпія, уловленіемъ ея славнаго имени въ поруганіе.

Если взаимно сообразить нетерпѣливое стремленіе Наполеона въ Москву и его упорное въ ней медленіе вопреки самымъ страстямъ его; то могутъ открыться мысли, которыя имѣлъ онъ, вошедъ въ сію столицу: «Теперь», думалъ онъ, «я наступилъ на сердце Россіи. Кто принудитъ меня обратить вспять ногу? Бывъ отнюдь не такъ силенъ, какъ нынѣ, я вступилъ въ Вѣну и раздавилъ Германію. Москва по крайней мѣрѣ должна вмѣстѣ съ собою смирить предо мною всю Россію».

Вообразимъ же, что въ сію самую минуту, когда гордость и удача вдыхали утѣснителю Европы только высокомѣрную надежду, явилась бы истина и произнесла бы надъ нимъ свой судъ: «Ты не наступилъ на сердце Россіи, но, преткнувшись, оперся на грудь ея, и вскорѣ будешь отраженъ и низверженъ. Россія не будетъ унижена, но вознесется въ славѣ, доселѣ невидѣнной. Война, расположенная по чертежу коварства и злобы, достигла своего предѣла: начинается брань Господня. Ты расхитилъ преданную въ руки твои судьбою столицу, но и будешь стрегомъ въ ней, какъ уловленный хищникъ въ темницѣ, а сіе возбудитъ рабовъ твоей великой темницы къ покушенію сокрушить свои оковы. Поражаемый отвсюду, ты прибѣгнешь къ обыкновенному твоему орудію лживаго языка; но принужденъ будешь дать твоей имперіи повелѣніе, чтобы она тебѣ вѣрила, то есть признаться предъ цѣлымъ свѣтомъ, что твоя имперія тебѣ не вѣритъ. Ты побѣжишь какъ тать изъ этой земли, въ которую вторгся какъ разбойникъ; и въ толь-же краткое время, какъ ты пришелъ сюда, тебя увидятъ въ заточеніи собственнаго твоего дома, твои татьбины—въ рукахъ законныхъ владѣтелей, твою великую армію — въ плѣну, въ снѣгахъ и холмахъ могильныхъ». Кто могъ-бы тогда отличить сіи вѣрныя прорицанія отъ суетныхъ прещеній? кто узналъ-бы голосъ истины?

Но наконецъ истина оправдана отъ сыновъ своихъ, и судьба Россіи отъ глубокаго мрака изведена, какъ полдень, путями Провидѣнія. Да возвѣстится истина! да благословится Провидѣніе!

Участь государствъ опредѣляется вѣчнымъ закономъ истины, который положенъ въ основаніе ихъ бытія и который, по мѣрѣ ихъ утвержденія на немъ или уклоненія отъ него, изрекаетъ на нихъ судъ, приводимый потомъ въ исполненіе подъ всеобъемлющимъ судоблюстительствомъ Провидѣнія.

Что есть государство? Нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властію сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. И такъ чѣмъ постояннѣе оно удерживаетъ себя въ союзѣ Верховнаго правителя міра соблюденіемъ его закона, благочестіемъ и добродѣтелію, тѣмъ точнѣе входитъ во всеобщій порядокъ Его правленія, тѣмъ несомнѣннѣе покровительствуется Имъ, тѣмъ обильнѣе пріемлетъ отъ Него силы къ своему сохраненію и совершенствованію. Оставивъ Бога, оно можетъ быть на нѣкоторое время оставлено самому себѣ по закону долготерпѣнія, или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконій; но вскорѣ поражается правосудіемъ, какъ возмутительная область Божіей державы.

Что есть государство? Великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ

избраннаго Богомъ и закономъ государя. Итакъ чѣмъ искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію государя, и съ сыновнею довѣренностію и послушаніемъ исполняютъ его волю; чѣмъ естественнѣе государь и поставляемые имъ подъ собою правители народа, по образу его, представляютъ собою отцевъ великаго и, въ великомъ, меньшихъ семействъ, украшая власть благотвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрѣніе мудрости и благости отъ чертоговъ до хижинъ и темницъ: тѣмъ соединяющія правленіе съ подчиненіемъ узы — неразрывнѣе, ревность ко благу общему — живѣе, дѣятельность — неутомимѣе, единодушіе — неразлучнѣе, крѣпость—необоримѣе. Но когда члены общества связуются токмо страхомъ и одушевляются токмо корыстію собственною; когда глава народа, презирая его, употребляетъ орудіемъ своего честолюбія и злобы: тогда есть покорные невольники, доколѣ есть крѣпкія оковы; есть служители кровопролитія, доколѣ есть надежда добычи, а при наступленіи общей опасности всѣ связи общества ослабѣваютъ, народъ безъ бодрости, престолъ безъ подпоры, отечество сиротствуетъ.

Что есть государство? Союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы, для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть не что иное, какъ примѣненныя къ особеннымъ случаямъ истолкованія сего закона, и ограды, поставленныя противъ его нарушенія. И такъ гдѣ священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ въ сердцахъ воспитаніемъ, вѣрою, здравымъ, неискаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ: тамъ сохраняютъ вѣрность къ отечеству и тогда, когда никто не стережетъ ея; жертвуютъ ему собственностію и собою безъ побужденій воздаянія или славы; тамъ умираютъ за законы тогда, какъ не опасаются умереть отъ законовъ, и когда могли-бы сохранить жизнь — ихъ нарушеніемъ. Если же законъ, живущій въ сердцахъ, изгоняется ложнымъ просвѣщеніемъ и необузданною чувственностію: нѣтъ жизни въ законахъ писанныхъ; повелѣнія не имѣютъ уваженія, исполненіе довѣрія; своеволіе идетъ рядомъ съ угнетеніемъ, и оба приближаютъ общество къ паденію.

Приложимъ сіи всеобщія истины къ настоящему положенію отечества: онѣ покажутъ составъ и мѣру его величія.

Вѣруетъ Россійское царство, что владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ; и, неотступно держась вѣрою и упованіемъ Всемогущаго сего Владыки, отъ него пріяло мощь, дабы, не колеблясь, удержать на раменахъ своихъ всю тяжесть своего бѣдствія, когда всѣми земными силами было или боримо, или оставляемо. Когда правота и великодушіе упражнены были въ мѣрахъ безопасности вѣроломствомъ и нарушеніемъ народныхъ правъ, благочестивѣйшій Монархъ не поколебался, но поручилъ свое дѣло Богу, и не усомнился въ народѣ своемъ. Вѣрный народъ не поколебался, но ввѣрилъ судьбу свою Богу и Монарху. Продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено, развѣ при алтаряхъ, гдѣ моленія становились продолжительнѣе, возрастало число притекающихъ, отверзающіяся Господу сердца, уже не таясь собратій, изливались въ слезахъ умиленія, и гдѣ отходящіе на брань принимали послѣднее напутствіе. Когда противу чрезмѣрнаго числа вражескихъ полчищъ правительство принуждено было поставить неискушенныхъ въ брани гражданъ: вѣра запечатлѣла ихъ собственнымъ своимъ знаменіемъ, утвердила своимъ благословеніемъ, и сіи неопытные ратники подкрѣпили, обрадовали, удивили старыхъ воиновъ. А когда неистовыя скопища нечестивцевъ не оставили въ мирѣ и безоружную вѣру; когда, наипаче въ богатой древнимъ благочестіемъ столи-

цѣ, исполняли свои руки святотатствами, осквернили храмы живаго Бога и ругались его святынѣ: усердіе къ вѣрѣ превращалось въ пламенную, неутомимую ревность наказать хулителей, и даже въ ободрящую надежду, что врагъ Божій не долго будетъ счастливымъ врагомъ нашимъ. Наконецъ съ того времени, какъ, по исполненіи дней тяжкаго искушенія, Господь силъ увѣнчалъ насъ оружіемъ своего благоволенія на необозримомъ поприщѣ колико знаменитыхъ, толико-же трудныхъ подвиговъ, не тѣмъ-ли наипаче высокимъ чувствованіемъ одушевляется и украшается побѣдоносное воинство, что идетъ подъ невидимымъ предводительствомъ Бога отмщенія?

Крѣпкій союзъ любви между подданными и Государемъ, котораго пріобыкли они видѣть нѣжнымъ отцемъ своимъ и мудрымъ, неусыпнымъ промыслителемъ, есть другой источникъ силы, сохранившій невредимою цѣлость государства противъ напряженнѣйшихъ усилій къ его потрясенію и сообщившій благоустройство и живость его дѣйствіямъ во дни нестроенія. Тогда, какъ уже врагъ нѣкоторыя области его занималъ, а многимъ угрожалъ, оно принуждено было только еще собирать новыя силы и пособія военныя. Какія-жъ необыкновенныя мѣры потребны были для того, чтобы сіе исполнено было, и съ невозмущенною точностію, и съ неутомимою поспѣшностію, и съ удовлетвореніемъ необъятныхъ нуждъ и безопаснаго стѣсненія народа? Одно слово Государя. Будучи увѣренъ въ чувствованіяхъ своего народа, онъ пригласилъ его ко всеобщему возстанію противъ врага, и точно всѣ возстали. Каждый помѣстный владѣлецъ учреждалъ посильное войско для слiянія въ общую силу; множество свободныхъ рукъ оставляли вѣсы, перо и другія мирныя орудія, и простирались къ мечу; свободныя пожертвованія на потребности брани приносимы были не токмо свободными щедро, но и тѣми свободно, которые сами могли быть представлены другими въ пожертвованіе. Тѣ, которыхъ семейства были въ опасности, обращались отъ нихъ къ общей опасности; семейства менѣе, нежели обыкновенно, плакали, провождая новыхъ ратниковъ: забывали родство, помышляя объ отечествѣ. Приверженность народа къ своему правительству не ослабѣвала и тамъ, гдѣ затруднялись или прерывались сношенія съ правительствомъ. Можно сказать, что въ Москвѣ, въ самое время несчастнаго ея превращенія изъ столицы россійской въ ужасный станъ французскій, подданные Александра были вѣрнѣе своему Государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю: ибо извѣстно, что своевольство французскаго войска, еще болѣе пагубное для него самого, нежели для опустошенной имъ столицы, не могло быть укрощено ни присутствіемъ, ни повелѣніями, ни правосудіемъ, ни самою жестокостью Наполеона; между тѣмъ какъ граждане московскіе, сохраняя послушаніе къ единому Государю, по многократнымъ, и ласковымъ и грознымъ, требованіямъ, не хотѣли даже предстать иноплеменному властителю, рѣшась страдать и умирать, но убѣгать съ нимъ сообщенія и оставляя его съ одними тѣлохранителями носиться по безлюднымъ путямъ вокругъ Кремля, какъ толпы привидѣній около надгробныхъ памятниковъ.

Простыя, но чистыя и твердыя правила нравственности, преданныя отъ предковъ и неослабленныя иноплеменными нововведеніями, поддерживали сію вѣрность къ своимъ обязанностямъ среди опаснѣйшихъ соблазновъ и величайшихъ трудностей. Когда гласъ законовъ уже почти не слышенъ былъ среди шума браннаго, законъ внутренній говорилъ сердцу Россіянина столько же сильно и повелительно: «Не смущайся сомнѣніемъ и неизвѣстностію; въ клятвѣ, которую ты далъ въ вѣрности Царю и отечеству, ты найдешь ключъ къ мудрости, разрѣшающей всѣ недоумѣнія. Находясь цѣлую жизнь подъ защитою законовъ и правительства, воспользуйся

случаемъ быть хотя единожды защитою законовъ и правительства. Не страшись опасности, подвизаясь за правду: лучше умереть за нее, нежели пережить ее. Искупи кровію для потомковъ тѣ блага, которыя кровію купили для тебя предки. Уклонясь отъ смерти за честь вѣры и за свободу отечества, ты умрешь преступникомъ или рабомъ: умри за вѣру и отечество, ты пріимешь жизнь и вѣнецъ на небѣ». Вотъ правила, которыя Россійскій народъ не столько умѣетъ изъяснять, сколько чувствовать, уважать, исполнять! Вотъ чудное искуство быть непобѣдимымъ, собирающее войска безъ военачальниковъ, претворяющее цѣлыя селенія въ ополченія, ополчающее на брань слабыя руки женъ, побѣждающее побѣдителей! Вотъ истинно свободная наука необразованнаго по новѣйшимъ умозрѣніямъ народа, которою онъ обличилъ западныхъ просвѣтителей въ буйномъ и рабскомъ невѣжествѣ и которою теперь съ толикомъ успѣхомъ освобождаетъ отъ рабства пріемлющихъ его въ ней наставленія!

Но благочестивые, вѣрные и добродѣтельные сыны Россіи не почтутъ похищеніемъ славы своея и то, если она вознесется до престола Царя Славы. Да будетъ наша слава въ томъ, что наша вѣра и правда привлекли къ намъ око Его благости! да воспишется Ему то, что Онъ сотворилъ нами! Свѣтъ видѣлъ, что мудрость, неусыпность и мужество управляли нашимъ дѣломъ, но какъ часто надъ нами видѣнъ былъ собственный перстъ Божій! Не Богъ-ли, въ руцѣ котораго сердце Царево, внушилъ Царю въ самомъ началѣ брани сіе рѣшительное, даже прорицательное чувствованіе — «не полагать оружія, доколѣ ни единаго врага не останется въ предѣлахъ Россіи», — чувствованіе, которое всему народу вдохнуло столь-же непоколебимую рѣшимость? Не Богъ-ли, непостижимый въ путяхъ своего промысла, даровалъ Александру сіе чудное провидѣніе, что въ началѣ исшелъ вождь, который понесъ на главѣ своей неизбѣжныя непріятности, можно сказать, новой для россійскихъ воиновъ войны оборонительной и отступательной, и тяжесть народнаго мнѣнія; потомъ, какъ надлежало измѣнить лице брани, явился другой, уготованный на спасеніе, прославленный многолѣтними подвигами, испрашиваемый желаніями народа—явился мужъ, который на безпокойнаго и недремлющаго врага навелъ долгую дремоту, доколѣ не обновилъ крѣпости утружденнаго нашего воинства, не ополчилась съ нами вся природа? Не Господь-ли силъ, въ одномъ и томъ-же пути, одну рать истреблялъ болѣзнями, хладомъ, и гладомъ, а другой соблюлъ крѣпость, вложилъ огнь и далъ крила? «Благословенъ Богъ воинствъ!»

Нынѣ, заблуждающіе народы, познайте пути къ потерянному вами и тщетно въ суетныхъ мечтаніяхъ искомому благоденствію! Бичъ Божій поражаетъ Европу такъ, что его удары раздаются во всѣхъ концахъ вселенныя. Услышите гласъ наказующаго и обратитеся къ Нему, дабы Онъ былъ и вашимъ Спасителемъ.

Нынѣ, благословенная Богомъ Россія, познай твое величіе и не воздремли, сохраняя основанія, на которыхъ оно воздвигнуто!

А ты, который не токмо трудности въ дѣлѣ брани Господней ввѣряешь Господу, но Ему-же кроткою благодарностію возвращаешь и дарованныя тебѣ побѣды! ты, который твердостію въ правдѣ спасъ твою державу, и благостію въ могуществѣ спасаешь царства другихъ! «возвеселися Его силою и о спасеніи Его возрадуйся!» Мы вѣримъ и чаемъ, что и паки, когда жребій брани пріидетъ предъ лице Его, «помянетъ Онъ всю кротость твою», и еще «дастъ тебѣ хотѣніе сердца твоего».

Филаретъ.

---

*

55. О любви къ отечеству и народной гордости.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!

Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная, или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе, ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ, или звеньевъ. На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ штатгальтеру и оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею

живостію: «Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ и мнѣ скучно».

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились греки и римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь въ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ греки и римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе, ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа россійскаго, станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно грекамъ и римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелью народа русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ царей греческихъ. Въ первомъ-на-десять вѣкѣ Русскіе, всегда превосходные своею храбростію, не уступали другимъ европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ ними плодами учености, и во время Ярослава были переведены на славянскій языкъ многія греческія книги. Къ чести твердаго русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили горжество Чингисхановыхъ потом-

ковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости и тѣмъ спасли имя Русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи, такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому государю. Народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Времена самозванцевъ представляютъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца: граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ, и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ.... Древняя и новая исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго патріотизма. Въ царствованіе Александра позволено желать русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху русской исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ его счастливое время.

Петръ Великій, соединивъ насъ съ Европою и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва великій государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою европейскою арміею. Явились генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ: мы показали, какъ бьютъ шведовъ, турокъ и наконецъ французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души: народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искуствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались, какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмагс-на-десять вѣка считался варварскимъ.

Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ высшей степени переимчивость; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учители Лейбница на-

ходили въ немъ также одну переимчивость.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно,—что менѣе другихъ занимаемся ими и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи и проч. Если-бы наши молодые дворяне, учась, могли доучиваться и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли-бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣхи литературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У французовъ еще въ шестомъ-на-десять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно, по крайней мѣрѣ, вниманіе Русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ (*). Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему, услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ русскаго языка. Это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что русскій языкъ грубъ и непріятенъ, что charmant и séduisant, expansion и vapeurs не могутъ быть на немъ выражены, и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-французски и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому. Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? Языкъ важенъ для патріота, и я люблю англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по-англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

(*) Такимъ образомъ самый худой французскій переводъ Ломоносова одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ журналистовъ. Пр. соч.

Есть всему предѣлъ и мѣра. Какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть самъ собою, чтобы сказать: я существую нравственно! Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ, а мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія. Наблюдатель вездѣ видитъ новыя отрасли и раскрытія, видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его: труды и надежда! Побѣды очистили намъ путь къ благоденствію; слава есть право на счастіе.

Карамзинъ.

56. О счастливѣйшемъ времени жизни.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь! а старость—сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны. Въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума. Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными, отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожъ слова: благо и счастіе, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго—вотъ благо; одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное), но послѣднюю степень физической зрѣлости — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія.

Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе передъ началомъ увяданія.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Если бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклонясь отъ путей натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ, безъ сомнѣнія, не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе.

Въ сіе время люди по большей части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями—семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; живемъ дома, живемъ болѣе въ самихъ себѣ; требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинства пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе. Поля, нашими трудами обогащенныя, садикъ, нами обработанный, земледѣльцы, насъ благодарящіе, лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя—радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое чувство жизни бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина. Такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры: думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія! Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ па цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ; человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній. Ясный взоръ на міръ открываетъ истину; воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая—справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь недолговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ; но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: остановися!

если-бы въ тоже время могъ сказать и мертвымъ: возстаньте изъ гроба!

Карамзинъ.

57. Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ.

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямодобрый и, слѣдовательно, прямо счастливый человѣкъ.

Свѣтъ называютъ театромъ; каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искуствомъ; зрители восклицаютъ: великій умъ! чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсть благородное названіе «добрый», чтобы имѣть право называться «счастливымъ?»

Ты съ честію служишь отечеству: судья справедливый, всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ, никто не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду непріятеля, чтобы терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ! Скажу ли: добрый и счастливый?

Нѣтъ! я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту представленія, въ минуту торжества; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ— единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой характеръ? я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ; всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него нестрашныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ, не слышитъ рукоплесканій: онъ можетъ наслаждаться единымъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ счастіемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимственные покровы, свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета. И если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свою новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастіе; когда замѣчаю окрестъ его порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь, — тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ!

Великіе подвиги, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, бываютъ нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ усиліемъ. Нерѣдко человѣкъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія, гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ только тогда, когда твое сердце наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою: гдѣ же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ? и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? Человѣкъ-гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими

покупаетъ у него почести и отличія; но добрый получаетъ сіи отличія и почести на ряду съ недобрымъ, имѣющимъ одинаковое съ нимъ искуство, дѣятельность, скажу—дарованіе. Въ чемъ-же его преимущество собственное, ни съ кѣмъ нераздѣляемое? Въ счастіи добраго сердца, въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ — плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнитъ для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинакое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ, въ полномъ значеніи сего слова, добрымъ супругомъ, отцемъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, говорю безъ исключенія, нельзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги: здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ. И вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ называемые счастливцы міра, живутъ отъ тихаго, уединеннаго семейнаго круга: они боятся вступить въ его святилище! Что принесутъ они въ него съ собою? Мертвое или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное въ кругу удовольствій однообразныхъ, но всегда сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной.

Ты ищешь вѣрнаго счастія? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства. Если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ, согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости, и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда его еще не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца; благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ спутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ! Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнію? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо, для нея необходимое, то окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе о немъ будетъ твоею добродѣтелью, твоею совѣстію! Такъ, если провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ— рѣдкимъ, но рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые полагали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго живѣйшаго наслажденія или невѣрной и блистательнѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастію; если провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ счастливца; ты возвратишь сему титлу его утраченное достоинство: на языкѣ твоемъ счастіе будетъ знаменовать добродѣтель, наслажденіе самимъ

собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ намъ добрый семьянинъ—истинно добрый и счастливый человѣкъ! Войдите въ его домъ, веселый, скромный, гдѣ царствуютъ опрятность и чистота: при первомъ шагѣ не окружаетъ ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастія? Вы видите передъ собою довольныя лица, плѣняетесь окружающимъ васъ порядкомъ; здѣсь время пролетаетъ быстро, для каждой минуты есть собственное, необходимое занятіе; минуты отдѣльнаго труда приготовляютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцемъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бытіи Божества, неотрицаемаго для сердца, насладившагося истиннымъ счастіемъ, уповающаго на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытавшаго прямую любовь,—вездѣ найдете вы его одинакимъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностію своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ! Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той же цѣли—къ счастію, основанному на совершенствѣ нравственномъ, — который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, котораго довольный, ободряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда! Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только посторонними; главная дѣятельность его внутри семейства: мирная, счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ нея унылость и скуку, возвышаетъ ее, усиливаетъ, исцѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ среди порядка и тишины, которые окрестъ его царствуютъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ею наслаждаться. Здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: онѣ услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ, намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе: благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ хижину печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи промысла; ты видишь передъ собою его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство. Что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего счастія? Для кого можетъ быть ощути-

тельнѣе провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоцѣннѣйшими залогами Его милосердія? Молитва одного человѣка есть требованіе, молитва семьянина есть благодарность.

Но, представляя себѣ счастіе, должно воображать и горестныя потери. Супругъ нерѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги; отецъ переживаетъ дѣтей — утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастіе жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ! ты жилъ вмѣстѣ съ ними! ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми спутниками! спутники твои исчезли, но ты самъ не измѣнился; поприще твое опустѣло, но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи: стремись къ ней, окруженный знакомыми дружественными тѣнями! Кто разъ насладился семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ уже одиночества: горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію.

Жуковскій.

58. О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей.

Жизнь человѣческая проявляется въ переходахъ одного возраста въ другой. Душевныя способности, равно какъ и силы тѣлесныя, развиваются послѣдовательно, въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ, возникаютъ, цвѣтутъ, зрѣютъ. Въ дитяти, какъ въ сѣмени, хранятся начала всѣхъ способностей; юноша представляетъ собою время цвѣтенія; мужество соотвѣтствуетъ зрѣлости.

Всѣ сіи различныя состоянія духа нашего обнаруживаются въ трехъ главныхъ его стихіяхъ: чувствѣ, умѣ и волѣ; онито проходятъ всѣ ступени развитія по предначертанному Создателемъ закону. Умственное пріобрѣтеніе знаній, нравственное облагородствованіе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни. На первой ступени развитія, на лонѣ матери, пробуждаются способности; здѣсь въ особенности образуется чувство. Второй возрастъ—юность, посвящается раскрытію и обогащенію ума, подъ руководствомъ отца или наставника. Переходъ въ возрастъ мужества предназначенъ образованію воли — ея самобытности. Въ это время, при благословеніи провидѣнія, законъ внѣшній, или общественный, и внутренній, или нравственный, бываютъ ангеломъ-хранителемъ человѣка.

Большею частію рѣдкіе успѣхи въ воспитаніи происходятъ отъ трехъ главныхъ погрѣшностей: или начинаютъ ученіе преждевременно и продолжаютъ непослѣдовательно; или стараются о сообщеніи знаній, незаботясь о дѣятельности мыслящей способности; или не всѣ стихіи души нашей развиваются въ воспитаніи. Обыкновенно спрашиваютъ: чему учить надобно сына или дочь? а лучше бы спрашивать о томъ, какъ должно развивать душевныя способности. Дайте имъ правильное развитіе: онѣ будутъ въ состояніи пріобрѣсти всѣ нужныя свѣдѣнія. Воспитывайте чувство, умъ и волю согласно съ ихъ развитіемъ: вотъ простой законъ, въ которомъ заключаются всѣ правила воспитанія. Дитя, еще не связывающее своихъ представленій въ одно цѣлое понятіе, въ состояніи ли воспринимать многія посторонія понятія? Возможно ли дитяти, не постигающему предметовъ, его окружающихъ, объяснять предметы ученые? Воспитатель тогда только можетъ питать ученіемъ дѣтское вниманіе, когда душевныя силы начнутъ развиваться собственною дѣятельностью.

Желаніе многихъ родителей слишкомъ рано учить дѣтей губитъ юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Въ дитяти преимуществуетъ жизнь ра-

ствительная; въ немъ духовныя силы едва лишь раскрываются. Въ семъ возрастѣ мать, первая наставница, обязана давать надлежащее направленіе возникающимъ способностямъ. Въ очахъ матери, какъ въ зеркалѣ, дитя учится само себя понимать: видитъ оно въ семъ зеркалѣ нѣжность и любовь, и въ немъ отразятся тѣ же чувствованія.

Первоначальное проявленіе сихъ чувствованій должно состоять въ повиновеніи и благодарности. Пока дитя еще походитъ на простое чувственное существо, мать должна показывать примѣры благотворительности. Дитя, руководимое разборчивою строгостью, будетъ послушно; любуясь исполненіемъ желаній своихъ, познаетъ оно всю важность благодарности. Напрасно матери при каждомъ требованіи дѣтей торопятся удовлетворять ихъ желанія: ощущаемый недостатокъ возвышаетъ цѣну благодѣянія, скорѣе раждаетъ въ юной душѣ признательность. Напротивъ, изнѣженныя дѣти ни благодарны, ни послушны; они-то оказываются совершенно безнравственными.

Благоразуміе велитъ также обуздывать тѣлесныя побужденія къ лакомству и другимъ прихотямъ; надобно болѣе занимать благороднѣйшія чувства—зрѣніе и слухъ. Чувственность, сколь возможно ранѣе, да уступитъ мѣсто нравственности; съ раннихъ лѣтъ да пріучатся дѣти къ умѣренности и воздержанію. Сіи добродѣтели дѣйствуютъ на здоровье, научаютъ насъ отказывать себѣ въ любимыхъ потребностяхъ, льстящихъ чувствамъ, и обращать вниманіе на сторону духовную. Дѣтскій возрастъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ возраждаются различныя склонности. Дитя, какъ нравственное лице, лишь только начинаетъ чувствовать свою дѣятельность, обращается къ познанію себя самого; тогда изъ растительной жизни образуется жизнь разумная. Не откладывайте до другаго дня заботъ о дѣтяхъ: преслѣдованіе направленія пробудившейся дѣятельности душевной столь важно, что одинъ день иногда можетъ быть или зарею ихъ счастія или началомъ бѣдствій.

Съ раскрытіемъ дѣятельности силъ разгарается и воображеніе: дѣти начинаютъ заводить разныя игры. Давайте имъ волю выбирать забавы: они вѣрно выберутъ ихъ по своимъ склонностямъ; не допускайте только въ игрушкахъ излишества и роскоши. Старайтесь заранѣе пріучать зрѣніе къ изящнымъ видамъ, а слухъ къ изящнымъ звукамъ.

Всего опаснѣе въ этомъ возрастѣ зависть: она своевольно преступаетъ границы между моимъ и твоимъ и превращается въ корыстолюбіе. Это самый вредный плевелъ, похищающій у благотворныхъ растеній жизненные соки: его немедленно должно искоренять. Зависть обнаруживается и въ забавахъ: завистливыя дѣти не терпятъ ровесниковъ, отличающихся въ играхъ. За это или должно слѣдовать наказаніе, или надобно возбудить въ дитяти доброе чувство — довести его до того, чтобъ ему было пріятно раздѣлять удовольствіе съ товарищами.

Такъ возбуждаются въ чувственной жизни начала разумныя и нравственныя. За симъ наступаетъ время развитія чувства религіознаго. Въ благоговѣніи родителей является дѣтямъ нѣчто возвышенное. При утренней и вечерней молитвѣ, равно въ церкви, съ умиленіемъ да обращаетъ юная душа мысленные взоры свои къ небесному Отцу, надѣляющему всѣхъ своими дарами и благами. Пусть зрѣніе дитяти мало-по-малу отвлекается отъ видимыхъ предметовъ, и душа его устремляется къ невидимому Виновнику всѣхъ явленій и его собственныхъ дѣйствій. Нѣжный цвѣтокъ, какъ сравнительно можно назвать дитя, заранѣе да согрѣвается лучами этого солнца и получаетъ силу цвѣсти и созрѣвать при всѣхъ превратностяхъ жизни. Такое приготовленіе къ воспріятію религіознаго чувства располагаетъ душу къ христіанскимъ наставленіямъ.

Переходъ дѣтства въ отрочество озна-

меновывается тѣмъ, что сила представительная возрастаетъ, разумѣніе получаетъ способность къ ученію. Въ этомъ возрастѣ представленія возвышаются до понятій, воображеніе становится дѣятельнымъ, а склонности обращаются въ характеръ; умственная сфера беретъ первенство надъ чувственностью; при всемъ томъ дѣйствія воли, какъ нравственное, такъ и религіозное, еще покоятся неразвитыя, хотя они явственнѣе, нежели въ возрастѣ дѣтскомъ. Тутъ воспитаніе переходитъ изъ рукъ матери въ руки отца или наставника. Мать, имѣвшая подъ своимъ надзоромъ чувственный возрастъ дитяти, передаетъ отрока отцу или тѣмъ, которые должны пещись о развитіи умственномъ. Домашнее воспитаніе должно согласоваться съ общественнымъ для того, чтобы разныя стороны, изъ коихъ однѣ совершенствуются въ семейственной жизни, а другія въ училищѣ, всегда согласовались одна съ другою. Разумѣніе въ отрокѣ составляетъ главный предметъ воспитанія: посему родители должны стараться всячески питать любовь къ ученію. Въ усиленіи ея собственно состоитъ преимущество общественнаго воспитанія предъ домашнимъ. Важность ученія въ этомъ возрастѣ не въ количествѣ сообщаемыхъ знаній, а въ возбужденіи сильнѣйшей дѣятельности къ ихъ пріобрѣтенію и къ размышленію о томъ, что пріобрѣтено.

Что-жъ принять за руководство въ отроческомъ возрастѣ? Здѣсь главное правило заключается въ томъ, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Отроческій умъ любитъ упражняться въ образованіи изящнаго чувства слуха и зрѣнія: для сего необходимо занятіе живописью и музыкою. Тутъ можно испытывать вниманіе отрока соображеніями чиселъ и протяженій, какъ чувственныхъ воззрѣній мѣста и времени. Въ магнитѣ отъ постепеннаго прибавленія тяжести увеличивается сила: такъ усиливается и юное соображеніе исчисленіями. Къ сему же времени относится изученіе языковъ. Непостижимое устроеніе человѣческаго слова, которое въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкомъ, безъ всякой отчетности, преобразуется помощію наукъ въ ограниченное цѣлое. Странно только, что иные начинаютъ упражнять дѣтей сперва въ мертвыхъ языкахъ, для которыхъ потребно двойное соображеніе, вмѣсто первоначальнаго и простѣйшаго упражненія въ живыхъ языкахъ, особенно въ отечественномъ. Читая образцовыхъ писателей, мы непримѣтно измѣняемъ разговорный языкъ нашъ на изящный языкъ краснорѣчія.

Одно изъ основныхъ правилъ воспитанія состоитъ въ современномъ упражненіи памяти и разсудка. Безполезно учить наизусть безъ соображенія: это, съ одной стороны, уничтожаетъ занимательность предмета, съ другой затрудняетъ понятія; не обременяйте памяти особенно изученіемъ чего-либо непонятнаго. Въ томъ, что понятно, упражняется она вмѣстѣ съ разсудкомъ; съ укрѣпленіемъ сужденія самая память становится твердою. Иные стараются выучивать много, но чрезъ это ослабляется сужденіе, потому что умъ не имѣетъ достаточной силы обсуживать выученное.

Отроческому возрасту приличны гимнастическія упражненія. Когда жизнь переходитъ въ разумную, тогда и тѣло становится способнымъ къ упражненію въ искуствѣ, требующемъ развитія чувства къ изящному. Лучше остановить слишкомъ быстрое раскрытіе душевныхъ способностей, нежели ослабить тѣло: для развитія отроческой души еще остается впереди много времени, а потерянное время отрочества для тѣла невозвратимо. Движеніе въ физической природѣ то же, что мысль въ духовной: для самаго здоровья необходимо умѣренное согласованіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Наблюдайте таковое уравниваніе духа и тѣла до тѣхъ поръ, пока продолжается развитіе организма.

Умѣренность и воздержаніе, пробужденныя въ дѣтскомъ возрастѣ, должны въ отрочествѣ получить высшее значеніе. Къ симъ свойствамъ, сопровождающимъ

умственное развитіе отрока, принадлежитъ развитіе нравственнаго и религіознаго чувства: разумная сфера соотвѣтствуетъ нравственной, дѣтская благодарность и покорность родителямъ, принадлежности перваго періода, здѣсь переходятъ въ признательность и уваженіе. Если желаете, чтобъ юный нравъ благородствовался, то поддерживайте въ немъ сіи чувства. Недовольно одной привязанности къ домашнимъ: кто готовится для жизни общественной, тотъ долженъ научиться уваженію старшихъ. Дурныя привычки дитяти получаютъ въ отрокѣ значительную силу и нерѣдко переходятъ въ своевольство, упрямство, дерзость. Отъ того, чья воля несвободна еще отъ чувственности, нельзя требовать возвышенныхъ добродѣтелей, каковы: великодушіе, щедрость и подобныхъ; по крайней мѣрѣ должно возбуждать въ отроческомъ возрастѣ чувство обязанностей общественныхъ. Не надобно питать душу одними только пріятными впечатлѣніями, но и склонять ее къ пожертвованіямъ. То, что сначала бываетъ внѣшнею обязанностію, раскрываетъ мало-по-малу нравственное чувство и обращается во внутреннюю потребность. Чувство дѣтское зависти въ отрочествѣ можетъ возрасти до корыстолюбія, а потому здѣсь надобно развивать чувство справедливости. Рано, слишкомъ рано можно пробудить готовность къ услугамъ, прямодушіе, честность; въ семъ возрастѣ дѣтская благотворительность переходитъ въ попеченіе о благополучіи ближняго. Возбудить сіи чувствованія — долгъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Религіозное чувство отрока столь нѣжно, что трудно бываетъ сберечь его отъ холодности умственнаго образованія. Если въ дитяти уже составилось понятіе о Всевышнемъ, то въ отроческомъ возрастѣ необходимо раскрыть страхъ Божій—начало премудрости. Но не упражняйте ума въ религіозныхъ предметахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы упростить оные для разума: что легко обнимаетъ разумъ, то перестаетъ быть предметомъ безусловнаго почитанія. Здѣсь надлежитъ представить тотъ образецъ, коего видимая жизнь заключается въ существѣ невидимомъ: сей образецъ нашъ Спаситель. Нравственно-чистая и святая жизнь Его, поученія, страданія, смерть и воскресеніе должны напечатлѣться въ сердцѣ отрока. Сей образъ, однажды въ немъ напечатлѣнный, не изгладится во всю жизнь. Вмѣстѣ съ нимъ излагается православное ученіе вѣры, вѣнецъ умственнаго воспитанія. Въ нѣжномъ возрастѣ ученіе религіи не можетъ быть предметомъ ученія на память. Благочестивое чувство дѣтей подавляется, какъ скоро божественное ученіе становится изнурительнымъ трудомъ для нихъ и то внушается угрозами, что должно быть для человѣка священнымъ.

Наступаетъ важнѣйшій періодъ воспитанія—юность, время совершеннаго развитія разсудка, вкуса и характера, переходъ духовной жизни въ высшую сферу способностей: умъ, фантазію и волю. Въ семъ періодѣ изъ знаній образуются науки о Богѣ, человѣкѣ и природѣ, чувствованія творятъ идеалы, а склонности обращаются въ нравственныя направленія. Сердечныя чувствованія, прекраснѣйшіе спутники жизни нашей, принимаемые въ первородной чистотѣ своей, возникаютъ въ юности; въ нихъ обнаруживается воля человѣка, главнѣйшій предметъ воспитанія. Онъ получаетъ тогда только высокое достоинство, когда не подчиняется холодному и безжизненному знанію, а, напротивъ, воспринимаетъ въ себя тѣ лучи свѣта наукъ, кои истекаютъ изъ сердца. Очищайте склонности чувства, одушевляйте ихъ любовію къ наукамъ и искуствамъ: вы непримѣтно усовершенствуете нравственность. Юноша начинаетъ борьбу со страстями, и хотя воспитаніе не можетъ совершенно отвратить этой борьбы, по крайней мѣрѣ оно даетъ силы къ ихъ преодолѣнію. Науки и искуства такіе два генія, которые укрощаютъ и умѣряютъ страсти. Здѣсь одинъ умъ не удовлетворяетъ юноши: сердце требуетъ своихъ предметовъ и всѣми силами ста-

рается ихъ обрѣсти. Возвышенныя чувства волнуютъ грудь юноши: онъ мечтаетъ о чести и славѣ; фантазія его паритъ за предѣлы здѣшняго міра; вездѣ представляется ему идеалъ счастія. Въ райской жизни идеаловъ согрѣвается и оживляется искуство. Мыслящая способность, вполнѣ раскрытая, уже въ состояніи обнимать весь кругъ человѣческихъ знаній.

Кто-жъ руководствуетъ насъ въ этомъ возрастѣ? Юноша выходитъ изъ подъ надзора материнскаго; зависимость отъ наставника уже для него тягостна: въ это время отецъ довершаетъ воспитаніе сына. Если дѣтство хранитъ попечительная мать, отрочество проходитъ большею частію подъ руководствомъ наставниковъ, то отцу остается согласовать домашнее воспитаніе съ общественнымъ: онъ беретъ сына отъ учителя и вводитъ съ осторожностью въ свѣтъ, старается направлять свободно начинающую дѣйствовать волю къ отличенію добра и зла. Такимъ образомъ юноша созрѣваетъ и становится самобытнымъ; такъ образуется его воля. На поприщѣ жизни наставникъ нашъ— внутренній голосъ совѣсти, а провидѣніе—звѣзда путеводная: отъ сего зависитъ исполненіе всѣхъ обязанностей нашихъ общественныхъ, въ чемъ даемъ мы клятву предъ престоломъ отца отечества.

Нерѣдко поверхностное многознаніе предпочитается глубокомыслію; нерѣдко человѣкъ знаетъ все, кромѣ самого себя. Но должно заранѣе внушать юношамъ, что всѣ науки суть только отрасли самопознанія; мы только изъ самихъ себя можемъ заимствовать порядокъ, начала, послѣдовательность; каждая наука есть собственно отраженіе нашей духовной жизни, состоящей въ гармоническомъ согласіи трехъ ея стихій: чувства, ума и воли.

Смотрите, какъ юноша, находясь между чувственностью и нравственностью, колеблется въ выборѣ прямаго пути къ своему счастію. Съ одной стороны онъ уже избѣгаетъ принужденія; съ другой еще не владѣетъ нравственнымъ чувствомъ—разумнымъ познаніемъ добра. Различныя склонности имѣютъ еще перевѣсъ надъ закономъ долга и не позволяютъ дѣйствовать по разумнымъ началамъ воли. Если юное сердце не образовано въ первомъ возрастѣ, то отъ него нельзя ожидать ни доброжелательства, ни великодушія, ни справедливости. Если въ отрочествѣ разумъ и сердце дѣйствуютъ отдѣльно, то и въ юности цѣль нравственности не достигается. Отъ того столь рѣдки успѣхи воспитанія; многіе, выходя на свою волю, предаются мечтательности. Непроникнутый чувствомъ религіознымъ юноша жалокъ: онъ лишенъ главной опоры — бродитъ между безднами пороковъ.

Кромѣ общихъ психологическихъ законовъ воспитанія, каждому человѣку свойственъ особенный способъ образованія; каждый, по своимъ душевнымъ силамъ, самою природою отличается отъ другихъ. Отсюда слѣдуетъ, что сангвиника и холерика надлежитъ иначе воспитывать, нежели меланхолика или флегматика, постояннаго отлично отъ вѣтренаго, чувствительнаго не такъ, какъ суроваго, кроткаго и послушнаго не одинаково съ дерзкимъ и упрямымъ, одареннаго талантами еще иначе, нежели того, кто успѣваетъ однимъ неутомимымъ стараніемъ. Одного надлежитъ поощрять, другаго воздерживать; одного надобно увѣщевать и беречь, другаго подстрекать и даже наказывать. Какимъ-же образомъ вывести изъ сего частныя правила для воспитанія? Не должно подавлять въ дитяти того, къ чему природа его назначила, не потушать въ юной душѣ искры господствующей способности, не выставлять себя образцемъ при его воспитаніи, не направлять его согласно съ своимъ направленіемъ. Можетъ быть, оно опредѣлено къ лучшему назначенію, нежели каково наше собственное; а потому, сколько возможно, необходимо избѣгать односторонности. Гдѣ какое-либо направленіе становится господствующимъ, гдѣ одна какая-либо способность

азвертывается въ высшей степени, тамъ легко можетъ нарушиться гармонія прочихъ силъ, нужныхъ къ составленію цѣлаго. Нельзя ожидать успѣховъ въ воспитаніи, когда одна изъ низшихъ силъ присвояетъ себѣ господство. Такъ иногда воображеніе превращаетъ желанія въ страсти, чувства въ изнѣженность, разумъ устремляется къ затруднительнымъ и утонченнымъ изслѣдованіямъ. Одна изъ способностей, преимущественно возвышенная, подчиняетъ себѣ прочія, производитъ односторонность и не допускаетъ возрасти ничему великому. Здѣсь въ особенности должно обращать вниманіе на законъ развитія, обнаруживающійся постояннымъ стремленіемъ отъ низшаго къ высшему, отъ чувственнаго къ духовному.

Итакъ два, по-видимому противоположныя, правила представляются воспитателю: первое требуетъ, чтобы не останавливать въ юношѣ ни одного врожденнаго влеченія, не ослаблять ни одной силы, ни одной способности, потому что всѣ онѣ необходимы въ цѣломъ организмѣ: природѣ нужна свободная игра ея силъ; другое правило заставляетъ уничтожать одностороннее направленіе для того, чтобы согласіе цѣлаго непрестанно болѣе и болѣе развивалось. То, что называемъ мы геніемъ, не есть какая-либо особенная способность, но отраженіе цѣлаго въ какой-либо особенной силѣ душевной. Посему не искореняйте въ человѣкѣ того, къ чему природа его назначила, но старайтесь господствующее направленіе вести такъ, чтобы оно служило основаніемъ цѣлаго и гармонически сливалось съ прочими душевными силами. Такимъ образомъ вы избѣгнете односторонности, а врожденное доброе сѣмя сбережете и возрастите. Воспитателю не нужно преслѣдовать каждый шагъ дитяти, безпрестанно хвалить его или порицать; пусть дѣйствуютъ природныя его склонности: нужно только наблюдать за ихъ развитіемъ, отдѣлять излишнее и вредное, благородныя чувства обращать въ склонности, понятіямъ сообщать теплоту. Тогда воля будетъ охранена двумя могучими дѣятелями — умомъ и чувствомъ. Долгъ истинно полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ сообщеніи разнообразныхъ свѣдѣній, но въ совокупности и образованія вкуса, и просвѣщенія ума, и благородствованія сердца.

Вотъ нѣсколько совѣтовъ психологіи касательно согласованія воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей. Наука самопознанія должна служить основаніемъ и воспитанію, или развитію самопознанія. Родители, воспитатели и наставники! напитайте юныя сердца христіанскими добродѣтелями: надеждою, любовію и вѣрою. Въ надеждѣ сосредоточиваются всѣ чувствованія терпѣнія и великодушія; въ любви—стремленіе къ самопожертвованію для блага ближняго; въ вѣрѣ — всѣ нравственныя и общественныя обязанности. Всѣ сіи качества непримѣтно сообщаются воспитанникамъ. Они не пріобрѣтаются изученіемъ, но человѣкъ самъ воспитываетъ ихъ въ себѣ по примѣру другихъ. Ученіе даруетъ намъ только то, что составляетъ предметъ размышленія; но все, что образуетъ сердце, воспитанникъ перенимаетъ отъ тѣхъ, которые его окружаютъ, и усвояетъ себѣ въ теченіе жизни. Дѣянія и поступки наши—вотъ его наставники. Неоспорима истина, что все, исходящее отъ сердца, возвращается къ сердцу. Если воспитатель самъ не имѣетъ добрыхъ качествъ, то никогда не раскроетъ ихъ въ своемъ воспитанникѣ, и всѣ нравственныя наставленія его будутъ только предметомъ памяти и разума. Одни только поступки наши возбуждаютъ другихъ къ подражанію; лишь чувствами согрѣваются чувства. Желаніе настроить волю питомца ни малой не приноситъ пользы, если не подтверждается въ глазахъ его примѣромъ. Юность требуетъ живаго образца, которому подражаетъ во всякое время и старается образовать полученныя отъ природы способности. Въ этомъ состоитъ вся тайна воспитанія.

И. Давыдовъ.

59. Различіе между изящными искуствами и науками.

Изящныя искуства и науки составляютъ два различные рода произведеній человѣческаго ума. Сколько различіе сіе съ одной стороны считается извѣстнымъ, столько съ другой кажется неопредѣленнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ начинаемъ различать вещи, всѣ мы знаемъ, что камни не сутъ растенія, а растенія не животныя; но испытатели природы на семъ знаніи не останавливаются: они изслѣдованія свои касательно различія тѣлъ естественныхъ отселѣ только начинаютъ. Такъ не довольно знать, что науки не суть изящныя искуства, и наоборотъ. Ежели есть предметы различные, необходимо должно быть и то, что различными ихъ дѣлаетъ; другими словами: каждаго различія должно быть основаніе. Что жъ служитъ основаніемъ различія между изящными искуствами и науками?

Вникая въ составъ наукъ, легко замѣтить, что каждая изъ нихъ есть система понятій о какомъ-либо предметѣ. Посему для возможности каждой науки необходимы три условія:

1. Предметъ, или понимаемое.
2. Разумѣніе, или понимающее.
3. Содержаніе, или понятія.

Именемъ предмета означается все дѣйствительное, подлежащее нашему изслѣдованію, какъ физическое, такъ и умственное, напр. естественныя тѣла, явленія въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, произведенія искуствъ, самое разумѣніе, какъ предметъ изслѣдованія, словомъ: все, что дѣйствительно есть и можетъ быть понимаемо.

Разумѣніемъ называется способность познавать. Мыслящій духъ, умъ, разумъ: эти слова употребляются большею частію какъ синонимы разумѣнія.

Человѣкъ, сіе олицетворенное разумѣніе, поставленный въ противоположности съ предметами, не остается равнодушнымъ зрителемъ оныхъ, но стремится къ ихъ познанію; при чемъ, замѣчая въ предметахъ существенныя принадлежности, опредѣляющія ихъ особность, видъ, родъ и т. д., частныя ихъ изображенія оставляетъ въ забвеніи и удерживаетъ въ умѣ только то, что въ каждомъ родѣ подобныхъ предметовъ находитъ общаго. Это общее, отвлеченное отъ предметовъ подобныхъ, есть понятіе, напр. красота, животное, бытіе. За понятіями слѣдуютъ мысли. Предметы не приносятся съ понятіями въ разумѣніе дѣйствительно, но изображаются въономъ отвлеченно, такъ, однакожъ, что предметы, по измѣняемости своей, могутъ разрушаться, исчезать, возрождаться, а понятія—ихъ изображенія, остаются постоянно одинаковыми. Такъ, познавая предметы, человѣкъ образуетъ новый міръ, гдѣ понимаемое дѣлается понятіемъ, дѣствительное является умственнымъ, предметы превращаются въ мысли. Этотъ міръ понятій, отраженіе предметовъ въ умѣ, есть область наукъ; другими словами: науки суть умственныя картины предметовъ нашего познанія. Положимъ, напр., что мы познали во всей подробности механизмъ неба, движеніе тѣлъ небесныхъ со всею точностію измѣрено, масса ихъ взвѣшена, законы и причины движенія открыты, словомъ, все изслѣдовано и опредѣлено, за тѣмъ не осталось ни малѣйшаго недоумѣнія: что представила бы система таковыхъ свѣдѣній — астрономія? Вѣрный умственный списокъ небеснаго механизма, въ коемъ движеніе міровъ было бы представлено въ понятіяхъ такъ точно, какъ оно есть дѣйствительно. Положимъ, съ другой стороны, что мы нашли средство проникнуть до центра земли и составъ материка излѣдовали во всѣхъ направленіяхъ: что представили бы наши свѣдѣнія, въ такомъ случаѣ пріобрѣтенныя и приведенныя въ систему? Что, говорю, представила бы тогда геогнозія? Картину материка, или самый материкъ, изображенный въ понятіяхъ такъ, какъ онъ есть дѣйствительно. Положимъ, наконецъ, что всѣ дѣйствія разумѣнія

изслѣдованы, законы онаго опредѣлены, и самая возможность понятій постигнута: что были бы въ семъ случаѣ наши свѣдѣнія? Изображеніе разумѣнія въ томъ самомъ видѣ, какъ оно есть; разумѣніе, какъ особое бытіе, какъ предметъ познанія, при изслѣдованіи также превращается въ понятія, и логика, наука о разумѣніи, доведенная до высшей степени совершенства, не другое бы что была, какъ самое разумѣніе, вѣрно изображенное въ понятіяхъ.

Сказанное объ астрономіи, геогнозіи, логикѣ принадлежитъ всѣмъ наукамъ безъ исключенія: всѣ науки не другое что суть, какъ списки своихъ предметовъ, составляемые изъ понятій и мыслей.

Перейдемъ къ изящнымъ искуствамъ. Вникая въ произведенія оныхъ, легко замѣтить, что каждое изъ нихъ выражаетъ собою какое-либо понятіе или мысль. Въ произведеніяхъ искуствъ образовательныхъ это очевидно. Каждая картина, каждая статуя занимаетъ знатока не веществомъ, изъ коего составлена, но мыслію (*), которая въ ней, посредствомъ вещества или опредѣленнаго образа, даетъ себя разумѣть мыслію, которая, въ мраморѣ статуи или въ краскахъ картины отвердѣвъ, такъ сказать, получила особое существованіе, какъ предметъ самостоятельный. И произведенія другихъ искуствъ имѣютъ тоже основаніе своей занимательности. Что значитъ ораторія Гайдна: сотвореніе міра? Мысль, отпавшая отъ своего творца и въ звукахъ принявшая особое, предметное существованіе. Гдѣ Гомеръ? Уже протекли столѣтія, какъ сошелъ онъ съ позорища міра, а его творенія, какъ предметы самостоятельные, существуютъ доселѣ. Чтожъ послѣ сего Иліада, Одиссея и всѣ произведенія словесности? Мысли, отдѣлившіяся отъ своего начала—ума и посредствомъ слова обращенныя въ предметы.

Если каждое произведеніе изящныхъ искуствъ изображаетъ собою мысль или понятіе, то что представятъ намъ всѣ произведенія вмѣстѣ взятыя, подведенныя умственно подъ одну точку зрѣнія? Особый міръ, міръ понятій и мыслей, обращенныхъ въ предметы. Міръ сей отличенъ отъ цѣлой вселенной, принадлежащей къ одной эпохѣ творенія. Это позднѣйшее созданіе, новая природа; зиждитель оной — человѣкъ, вѣнецъ, краса природы творческой, отраженіе премудрости и могущества Зиждителя вселенной.

Впрочемъ, мысли человѣка не осуществляются по одному его мановенію; какъ же онѣ обращаются въ предметы?

Мы удивляемся человѣку, когда мысленно слѣдуемъ за нимъ на поприщѣ его умственной дѣятельности. Занимая только одну точку въ неизмѣримомъ царствѣ творенія, познающимъ духомъ своимъ онъ объемлетъ сію неизмѣримость: то нисходитъ во внутренность земли и разгадываетъ тайну ея строенія; то возносится къ небесамъ и дѣлаетъ счетъ міріадамъ міровъ, опредѣляя ихъ вѣсъ, пути, разстоянія и величину; то погружается въ самого себя и въ самопознаніи раскрываетъ начало всякаго знанія. Успѣхами его въ мірѣ физическомъ изумлена, кажется, самая природа: то дробитъ стихіи и, составляя ихъ вновь, воздвигаетъ громады; то срываетъ горы и уравниваетъ для себя пути; то переводитъ рѣки и на хребтѣ водъ ихъ переноситъ богатства одной страны въ другую; то ловитъ искры молній и обезоруживаетъ громы; то обуздываетъ вѣтры и на ихъ дуновеніе налагаетъ дани, нужныя для его отважныхъ предпріятій. Какъ могущественъ человѣкъ, разсматриваемый съ сей точки зрѣнія, и какъ слабъ онъ въ отношеніи къ самымъ производящимъ силамъ и веществу! Сей повелитель стихій не въ состояніи произвести вновь ни одного атома вещества, ни одной новой силы: для созданія своей природы—изящныхъ искуствъ—долженъ прибѣгать онъ къ природѣ творческой; изъ

(*) Подъ мыслію разумѣется и понятіе, а часто и наоборотъ. Соч.

нея долженъ заимствовать элементы, нужные для осуществленія его понятій и мыслей, для превращенія ихъ въ предметы.

Само собою разумѣется, что цѣль изящныхъ искуствъ тѣмъ лучше достигается, чѣмъ приличнѣе выборъ средствъ, чѣмъ естественнѣе помощію ихъ обнаруживается мысль творца-художника. Эта необходимость въ выборѣ приличныхъ средствъ и естественности ихъ употребленія, кажется, и была поводомъ къ тому, что изящныя искуства названы подражаніемъ природѣ. Художникъ дѣйствительно подражаетъ природѣ, но не въ изобрѣтеніи, не въ составленіи идеаловъ, а въ употребленіи средствъ, изъ нея заимствуемыхъ для осуществленія оныхъ, для превращенія мыслей въ предметы самостоятельные.

Основаніе изящныхъ искуствъ—мысль; цѣль — обращеніе мысли въ предметъ; начальныя главныя средства—звуки, образы и слово. Въ отношеніи къ основанію и цѣли, изящныя искуства составляютъ одно (родъ); а въ отношенія къ средствамъ—три главныя отрасли (виды), какъ бы три царства природы: музыку, искуства образовательныя, словесность. Въ сихъ-то видахъ является природа, созидаемая человѣкомъ. Она, какъ и природа творческая, дѣлается также въ свою очередь предметомъ изслѣдованія, какъ міръ дѣйствительный. Списки сей новой природы суть науки словесныя, и теоріи изящныхъ искуствъ вообще столько же отличны отъ самыхъ изящныхъ искуствъ, сколько различны прочія науки и ихъ предметы. Въ наукахъ предметы обращаются въ мысли: въ искуствахъ мысли дѣлаются предметами; науками дѣйствительное, изъемлясь изъ пространства и времени, дѣлается идеальнымъ: искуствами идеальное вводится въ сферу дѣйствительнаго, вставляется въ какой-либо образъ, облекается въ звуки или слово: науки умъ производитъ изъ предметовъ: искуства порождаетъ изъ себя; тамъ все многоразличіе въ умѣ сосредоточивается: здѣсь умъ обращается въ мноразличіе; тамъ предметы отражаются въ умѣ: здѣсь умъ отражается въ предметахъ; тамъ природа дѣйствительная представляется мысленною: здѣсь мысли являются природою.

М. Павловъ.

60. Сужденіе о Петрѣ Великомъ.

Вообще всѣ сужденія о Петрѣ Великомъ можно раздѣлить на двѣ части. Одни говорятъ о Петрѣ съ недоступнымъ восторгомъ. Какъ лице, пережившее себя въ памяти народа, какъ царь, имя котораго все напоминаетъ въ Россіи, Петръ долженъ возбуждать подобный энтузіазмъ. Тѣмъ тяжелѣе слова порицателей Петра. Особливо въ нашъ вѣкъ, когда путаница недозрѣлыхъ идей кружитъ столь много головъ, когда, не умѣя отдать себѣ отчета, столь многіе толкуютъ у насъ о самобытности и проч. и проч., дѣла Петра подвергаются сужденію многихъ. Говорятъ, что онъ далъ неестественное направленіе нашей самобытности, что упрямою волею хотѣлъ онъ разорвать, такъ сказать, хартію нашей исторіи и начать ее на чужеземномъ языкѣ. Не понимая, что въ общности всей жизни и всѣхъ свойствъ Петра Великаго познается его геній, хотятъ разсматривать его отдѣльно, какъ законодателя, какъ воина, какъ человѣка, переносятъ къ сужденію объ немъ современныя идеи и судятъ объ немъ въ слѣдствіе такого переноса.—Ошибка въ основаніи сужденій, ошибка въ выводахъ, ошибка во всемъ.

Посланникъ Провидѣнія въ мірѣ, чѣмъ выше геній, тѣмъ менѣе подходитъ онъ къ уставу уѣзднаго суда, непремѣнному для людей обыкновенныхъ. Ему другой законъ и другой судъ: законъ въ объемѣ историческаго мѣста, имъ занимаемаго; судъ въ слѣдствіяхъ его историческаго бытія. Но здѣсь опредѣляется опять мѣра излишняго распространенія. Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Ришелье, Фридрихъ Великій, Наполеонъ—какъ политическіе дѣйствователи;

Шекспиръ, Данте, Гёте, Рафаэль—какъ дѣйствователи міра изящнаго; Платонъ, Декартъ, Спиноза, Кантъ — какъ дѣйствователи міра философическихъ идей, не подлежатъ кодексу обыкновенныхъ условій. Неужели будете называть безуміемъ походъ Александра въ Индію; осуждать Цезаря, что онъ перешелъ за Рубиконъ и, вопреки Катону, уничтожилъ римскую республику; или утверждать, что Фридрихъ былъ неправъ, нападая на Австрію? Переходя въ міръ изящнаго, заспорите-ли о томъ, что Рафаэль невѣрно изображалъ костюмы, Данте смѣшивалъ миѳологію съ библейскими преданіями, а Гёте не былъ національнымъ поэтомъ?—Смотрите, какую идею въ человѣчествѣ преображали они, эти геніи, и забывайте, что Ришелье писалъ дурные стихи, Фридрихъ нюхалъ табакъ изъ кармана, Юлій Цезарь съ радостью взялъ лавровый вѣнокъ для прикрытія лысой головы своей. Они были посланники Провидѣнія, формы, въ которыхъ отливало Провидѣніе судьбы свои; совершилось ихъ предназнаменованіе, формы разбиты—дивитесь, что̀ вылилось изъ этихъ формъ для человѣчества, и помните, что, бывши людьми судебъ, они были въ то же время и просто людьми, человѣками. Они были временны, преходящи; каждый совершалъ въ свой чередъ, въ свое время, предназначенное ему; окрестъ каждаго создавалось его пространство во времени и опредѣлялось время его на извѣстномъ пространствѣ. Прешли Греція и Римъ, прешли и Александръ и Цезарь, какъ люди, совершившіе подвигъ свой для исторіи Греціи и Рима. Вѣчнаго, всемірнаго генія не было и быть не можетъ. Въ слѣдствіе сего, каждый геній носитъ необходимо отпечатокъ своего времени, своего мѣста, своего назначенія, облекается въ свою характеристику, въ свой костюмъ. Вѣчнымъ остается отъ нихъ только тотъ слѣдъ, какой проложили они въ предназначенномъ имъ мѣстѣ и времени, и чѣмъ огромнѣе это время и это мѣсто, тѣмъ долговѣчнѣе и обширнѣе слѣдъ ихъ въ океанѣ человѣчества. Такъ тысячами верстъ пролегаютъ по землѣ Амазона, Миссисипи, Ангара, такъ возвышаются къ небесамъ Девалагири и Шимборазо. Благословляйте кроткую рѣчку, орошающую ваше поле, и усѣянную садами гору, заслоняющую отъ бури вашу пажить. Но осудите-ли дикую снѣжность Гималая и волканы Кордильера за то, что на нихъ нѣтъ пріюта вашему винограднику и вашей хижинѣ? Осудите-ли, что въ разливахъ своихъ Амазона и Ангара топятъ жилища людей и губятъ тысячи животныхъ? У васъ жизнь вашего поля—тамъ жизнь земнаго шара. Другъ людей Говардъ есть благодѣтельный ручеекъ, Юлій Цезарь и Наполеонъ—Амазона; добродѣтельный Ласъ-Казасъ—цвѣтущій холмикъ, Ришелье и Фридрихъ—Шимборазо человѣчества.

Такъ, и только такъ разсуждая, вы оцѣните и разгадаете нашего великаго, безсмертнаго Петра, дивное явленіе своего вѣка, своего народа, далеко пролетѣвшее волнами въ исторіи человѣчества, великана, на которомъ отражалась вѣковая тѣнь прошедшей до него исторіи Россіи, когда въ то же время чело его озарено было лучами будущей исторіи нашей. Измѣрьте величіе Россіи въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ—вы измѣрите величіе Петра. Какъ сѣверъ грозенъ онъ, какъ востокъ таинственъ, какъ югъ пламененъ—такова и Россія. Жадно хотѣлъ онъ схватить и передать Руси западъ умственный—а кого трепещетъ теперь западъ вещественный? Не Россіи-ли? Не отъ этого-ли трепета хочетъ онъ криводушно затмить славу нашего Петра? Не его ли сбивчивыя идеи выражаютъ у насъ люди, осуждающіе Петра?

Государство, обхватившее собою значительную часть земнаго шара, мѣстностью своею поставленное между Азіею и Европою, касающееся льдовъ сѣвера и полуденныхъ странъ средней Азіи, столько-же могущее быть грознымъ своими войсками, сколько и флотами, на-

селенное народомъ крѣпкимъ, умнымъ, соединившимъ въ себѣ воображеніе востока съ умомъ запада, съ твердостью сѣвернаго характера: вотъ Россія и Русскіе. Если прибавимъ къ тому, что это государство, этотъ народъ образовались изъ норманновъ и славянъ, отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ своею вѣрою, своимъ языкомъ, своимъ внутреннимъ образованіемъ; что они составились не изъ обломковъ древняго міра, но выросли на дикихъ, самопроизводящихъ степяхъ востока и въ лѣсахъ сѣвера; что, начавшись въ одно время съ западными народами среднихъ временъ, они имѣли свою отдѣльную исторію въ теченіе восьми столѣтій, а потомъ, когда западъ совершилъ всѣ свои періоды, Русь и Русскіе сблизились съ нимъ, самобытны, дики, своенравны; перенимали у запада, но чувствовали и чувствуютъ несродность запада съ своимъ сѣверо-восточнымъ началомъ—что изъ этого слѣдуетъ? Безспорно, то, что Россіи опредѣлена въ будущемъ великая роль въ исторіи Европы; что Россія, конечно, должна внести новую стихію въ міръ западный, и, слѣдственно, что донынѣ вся ея исторія была только приготовленіемъ къ исторіи будущей. Эта исторія будущаго только что началась съ XIX вѣка. До того времени, вся исторія Россіи состояла въ двухъ отдѣленіяхъ: Россія составила свою, независимую отъ запада, самобытность, и потомъ сблизилась съ западомъ. Первое сдѣлано было въ семь-сотъ лѣтъ норманнами, греками, монголами, поляками, шведами, тевтонскими рыцарями, турками, удѣлами, самодержавіемъ, религіею, рядомъ государей отъ Владиміра до Андрея Боголюбскаго, отъ Іоанна Калиты до Іоанна III-го, Михаила и Алексія. Второе сдѣлано Петромъ Великимъ, только однимъ Петромъ, и съ тѣхъ поръ Россія живетъ уже около 150-ти лѣтъ только тою новою жизнію, какую онъ вдохнулъ въ нее.

Вотъ историческое мѣсто и историческое время Петра. Съ этой точки зрѣнія надобно разсматривать дѣла его и судить объ нихъ. Размѣръ его вѣка—востокъ и западъ, связь исторіи прошедшаго и будущаго—размѣръ, изумляющій своею огромностью. Поймите его!

Какъ приготовился къ этому великому событію западъ? Нашествіемъ варваровъ кончилъ онъ древнюю исторію; потомъ образовалъ новый міръ изъ развалинъ Рима; совершилъ періодъ феодализма и ѳеократіи; сблизился съ Азіею въ крестовыхъ походахъ, борьбѣ съ маврами и паденіи Греціи; преобразилъ умственныя понятія и міръ изящнаго въ идеяхъ средняго вѣка, готизмѣ, классицизмѣ, романтизмѣ, реформаціи и новой философіи; раздвинулся въ Азію, Африку и Америку открытіемъ Колумба и колоніальною системою и заключилъ наконецъ всѣ вопросы будущаго въ системѣ нѣсколькихъ политическихъ могуществъ Европы, взаимной борьбѣ ихъ и отношеніяхъ. Этотъ міръ составили Франція, Германія, Англія, относительно—Турція, Голландія, Испанія и Италія. Въ особенной связи исторіи остались при томъ Швеція, Данія, Польша и мелкія нѣмецкія царства, между представителемъ сѣвера германскаго, Пруссіею, и юга германскаго, Австріею. Прочіе дѣйствователи, уже совершившіе свое дѣло, слились съ другими государствами. Такова была Европа, готовая къ началу новой исторіи принятіемъ въ свою систему Россіи!

Но что же была въ то время, отдѣльная до того времени отъ Европы, Россія? Готова-ли была она? Какъ могла она вдвинуться въ Европу?

Начатая въ Кіевѣ норманнами, періодомъ удѣловъ расширила она жизнь и дѣятельность на сѣверъ и сосредоточилась тамъ, въ вольныхъ городахъ и владимірскомъ княжествѣ. Раздробленіе было необходимо для жизни частей. Нашествіе монголовъ необходимо было потомъ для соединенія частей въ единое цѣлое. Это единое сосредоточилось въ Москвѣ, въ единствѣ языка, церкви и самодержавія; оно укрѣ-

пилось въ борьбѣ съ Монголами, Литвою, Швеціею, рыцарями. Рука Іоанна III скрѣпила самобытность Россіи. Но еще слѣдовало уравняться внутреннимъ элементамъ, необходимымъ слѣдствіямъ прежней русской исторіи, по которымъ Русь походила на Азію. Кромѣ того, слѣдовало ей покореніемъ Польши уничтожить преграду между нею и Европою и усилиться въ системѣ сѣверныхъ государствъ, каковы были Швеція, Пруссія и Польша; ей слѣдовало также кончить исторію Турціи, остатка среднихъ вѣковъ. И вотъ, послѣ Іоанна III, началась борьба всѣхъ сихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, борьба любопытная, многообразная, продолжавшаяся при Василіи, Іоаннѣ Грозномъ, Ѳеодорѣ Годуновѣ, Шуйскомъ, въ междуцарствіе, при Михаилѣ, Алексіи и Ѳеодорѣ III.

Тяжко уравнивались стихіи внутреннія при Іоаннѣ Грозномъ; онѣ были причиною величія Годунова, явленія самозванцевъ, вмѣшательства Польши и Швеціи, думавшихъ уничтожить Россію. Вѣра и народность спасли отечество; Швеція и Польша поссорились за добычу, и Алексій оторвалъ отъ Польши Малороссію, съ мечемъ проникъ въ сердце врага. Польша кончилась послѣ того: она сдѣлалась безсильна и начала разрушаться. Но Малороссія придвинула къ намъ Турцію; Ѳедоръ уже вступилъ въ борьбу съ нею. Между тѣмъ внутреннія стихіи волновались. Стремленіе къ западному образованію и воспоминаніе прежней борьбы раждало новые бунты, расколы, тяжбу между вельможествомъ и ѳеократіею, образованіе нѣмецкихъ войскъ, при старинномъ образѣ войны нашествіями, при восточномъ образѣ сношеній съ Европою, при смѣшанномъ образѣ внутренняго управленія, при азіятской непріязни къ наукѣ и образованію. Родился Петръ—единственный сынъ втораго брака Алексіева, какъ будто надобно было Россіи показать въ лицѣ Іоанна V угасающую прежнюю исторію Россіи, а въ лицѣ Петра I новую Русскую исторію. И начало царствованія Петрова было сокращеніе того, что представляла Россія съ самаго Іоанна III: раздоръ за наслѣдство; управленіе другихъ подъ именемъ царя; азіятскую войну съ Турціею; буйство партій, буйство раскола; дерзкое своеволіе войска и народа, рѣшавшаго при Годуновѣ и Шуйскомъ судьбу царства.

Ѳедоръ переселяется въ вѣчность (27 апрѣля 1682 г.). Партія Нарышкиныхъ и Матвеевыхъ возводитъ на престолъ десятилѣтняго Петра. Партія Милославскихъ и другихъ вельможъ подымаетъ бунтъ стрѣльцовъ. Мирятся на власти Софіи и совокупномъ правленіи Іоанна и Петра; они цари; Софія, Милославскіе и Голицыны царствуютъ. Бунтъ Никиты Пустосвята, казнь князей Хованскихъ, война съ Турціею, поддержаніе прежняго порядка во всѣхъ этихъ дѣлахъ, во всемъ, внутри и извнѣ, ознаменовываютъ семилѣтнее правленіе Софіи. Такъ продолжались бы десятилѣтія, такъ было при кроткомъ Михаилѣ, такъ было при умномъ Алексіи, такъ при воспитанникѣ Полоцкаго Ѳеодорѣ и при Софіи, хотя она играла комедіи, писала стихи и разумѣла латинь.

Дѣло не въ томъ было, чтобы ссылаться иногда съ европейскими государями, вызывать изъ Европы медикусовъ и географусовъ, перенимать мушкетную стрѣльбу нѣмецкую; рѣчь шла объ участи азіятскаго образованія Россіи, къ которому мы были направлены славянскимъ происхожденіемъ, татарскимъ игомъ, реформою Іоанна III. Вопросъ о совершенствованіи человѣка былъ рѣшенъ въ Греціи, Римѣ, на западѣ, и рѣшенъ тѣмъ, что, до неизвѣстнаго будущаго переворота исторіи, человѣку, для движенія впередъ, надлежитъ быть европейцемъ, такемъ, какимъ онъ былъ на западѣ. Мѣстность каждаго народа должна была сдѣлать одного нѣмцемъ, другаго англичаниномъ, третьяго французомъ, четвертаго испанцемъ, по дѣйствію исторіи и географіи каждой земли; но, главное, всѣ они долженствова-

ли быть европейцами. Русскій былъ Русскимъ послѣ Іоанна, но не былъ европейцемъ до Петра. И тутъ ничего не значило, если Іоаннъ женился на Софіи Палеологъ, Фіоравенти построилъ соборъ въ Москвѣ, Олеарія звали въ Россію, въ Преображенскомъ играли комедію, въ Москвѣ завели греко-латинскую академію. Русскій не былъ европейцемъ. И при дворѣ монгольскихъ хановъ живали художники и ученые; и въ Китаѣ миссіонеры сочиняли календарь. Полныя измѣненія событій, когда придетъ имъ череда, дѣлаются вполнѣ и совершенно. Посмотрите, какъ это дѣлалось на Отаити, на Овайги, на Мадагаскарѣ геніями Австраліи—вотъ примѣры въ маломъ. Борода и кафтанъ, значеніе слова: нѣмецъ, какъ синонима еретику, мѣстничество бояръ, все это было потому неумѣстно, что было наружнымъ признакомъ внутренняго, и все это надобно было уничтожить потому, что все это была Азія, а Россіи надлежало вступить въ Европу; Европа и будущая исторія Россіи явились здѣсь въ лицѣ Петра. Какъ-же вы хотите осуждать его, если онъ, когда ему опредѣлено было всего 35 лѣтъ для дѣйствія, непобѣдимою волею уничтожая Азію, не думалъ о воплях возрожденія, и тяжко было многому, когда Петръ въ 35 лѣтъ дописалъ исторію Россіи до европейской эпохи своего времени?

Да, только 35 лѣтъ: въ 1689 году Петръ началъ самодержавствовать, а въ 1725 году онъ отдавалъ уже отчетъ Богу въ дѣлахъ своихъ. Неужели вы не изумляетесь, что двадцатилѣтній Петръ, когда ничто не могло ему указать цѣли жизни, предназначенной ему Провидѣніемъ, когда его окружали ужасы междоусобій, постигнулъ судьбу свою, сталъ противъ воли милліоновъ, повернулъ ихъ въ колею своего генія—и самобытности Азіи далъ форму, видъ, образъ Европы. Человѣкъ великій, царь безсмертный, геній творящій! преклоняемся передъ тобою — ты былъ сынъ судебъ! Не Лефорты, не Гордоны, не Тиммерманы внушили тебѣ мысль преобразованій и дѣлъ твоихъ; это была мысль твоего бытія, духъ Бога, вдохнутый въ тебя. Тотъ, кто изрекъ: «да будетъ свѣтъ», и бысть, изрекъ: «да будетъ Петръ», и бысть.

Нѣсколькихъ томовъ не достанетъ, если захотимъ исчислять всѣ подробности подвиговъ Петра; нѣсколько словъ достаточно, если захотимъ означить сущность ихъ.

Петръ увидѣлъ, что не Европу звать въ Россію, но Россіи надобно было вступить въ Европу; что должно не частныя прививки присовокуплять, но вырвать дерево Россіи изъ почвы Азіи и пересадить его въ Европу; что необходимо разломать китайскую стѣну со стороны запада и пересоздать природу.

Говорятъ, что такіе перевороты неестественны, что они даже противны природному ходу вещей. Но что-же такое означаютъ въ природѣ бури, наводненія, волканы, землетрясенія? Мѣстность потомъ возьметъ свое, не заботьтесь объ ней: западъ будетъ западомъ, востокъ будетъ востокомъ, французъ останется французомъ, англичанинъ англичаниномъ; но Ришелье и Людовикъ XIV были необходимы, чтобы изъ франка и феодала сдѣлать француза, а реформація и переворотъ 1645 года необходимы, чтобы изъ норманна-саксона сотворить англичанина. Такъ Цезарь создалъ изъ Рима имперію, варвары совершили переходъ изъ древней исторіи въ новую, Фридрихъ заставилъ слабую Пруссію бороться съ Европою, Наполеонъ задавилъ горячку революціи. И вы, горюя о томъ, что жестокая казнь постигла стрѣльцовъ, что раскольникамъ нашивали козырьки на спину, что Русскихъ со слезами заставляли брить бороду и плясать контрдансы, что свадьбу Князя-Папы торжествовали шутовски въ Москвѣ, вы не постигаете необходимости Петрова переворота и занимаетесь исторіею этихъ мелочей? Вы боитесь, что Русь утратила свой характеръ, потому что теперь литература

наша не имѣетъ самобытности, что образованность у насъ представляетъ яркія противоположности, что мы выписываемъ моды изъ Парижа? Не бойтесь! Вчитайтесь получше въ исторію, вглядитесь пристальнѣе въ настоящее, подумайте о будущемъ. Ошибки и уклоненія частныя необходимы, но цѣлое вѣрно цѣли своей.

Петръ мгновенно постигъ политику государства и средства преобразованія. Онъ учится войнѣ подъ Азовомъ, мореплаванію въ Архангельскѣ, оставляетъ скипетръ и тронъ, ѣдетъ самъ въ Европу, строитъ корабли, дѣлается солдатомъ, матросомъ, плотникомъ, лекаремъ, башмачникомъ, токаремъ, учится языкамъ, изобрѣтаетъ новыя буквы, колоніями переселяетъ къ себѣ художниковъ и ремесленниковъ, образуетъ солдатъ, матросовъ, полководцевъ, ученыхъ, уничтожаетъ послѣдній порывъ насильственнаго сопротивленія, требуетъ Россіи морей, управляетъ политикою Польши, Даніи, Пруссіи. Рыцарь своего времени, Карлъ XII возстаетъ на борьбу съ нимъ, истребляетъ начало войскъ, разрушаетъ союзы Петра. Но Петръ неутомимъ: онъ создаетъ новыя войска, беретъ области Карловы, на землѣ, едва завоеванной, ставитъ столицу свою и уже готовъ встрѣтить врага грознаго, который движется прямо къ нему. А между тѣмъ онъ уничтожаетъ мѣстничество, своеволіе боярское, творитъ флоты, созидаетъ торговлю. Все служитъ у него средствомъ: измѣна Мазепы даетъ ему способы тѣсно слить Малороссію съ Россіею; нашествіе Карла отвлекаетъ вниманіе его подданныхъ отъ перемѣнъ и нововведеній и возобновляетъ его внѣшніе союзы. Онъ самъ ведетъ въ бой свои войска, торжествуетъ надъ Карломъ, не унываетъ отъ неудачи противъ турковъ, бьетъ шведовъ повсюду, оканчиваетъ двадцатилѣтнюю войну рѣшеніемъ судьбы Швеціи и Польши, снова ѣдетъ въ Европу, вступаетъ въ брачные союзы съ европейскими государями, постигаетъ тайны ихъ политики и готовъ вступить въ управленіе дѣлами цѣлой Европы, опираясь на созданный имъ новый народъ, на сотворенное имъ государство, съ его политикою, войскомъ, флотомъ, новою столицею, новыми законами. Чего не принесъ онъ въ жертву Россіи? Вы говорите о Брутѣ, а не умѣете, неблагодарные, понять величія жертвы Петра. Когда отдыхалъ, даже когда спалъ Петръ? Гдѣ не былъ онъ и чему не коснулся онъ своими руками, чего не испыталъ онъ самъ? Какихъ путей не указалъ въ будущемъ? Его походъ за Кавказъ и мысль о торговлѣ съ Азіею; его замыслы на Китай; соединеніе Дона съ Волгою; заведеніе фабрикъ и мануфактуръ; отвращеніе отъ образованія французскаго; экспедиціи въ Америку и Мадагаскаръ; его политика съ Польшею и Турціею; мудрыя учрежденія о чиноначаліи; распоряженіе духовныхъ имѣній, его правосудіе, его народность, его свѣтлыя понятія о религіи—что все это, если не сѣмена того, что докончено было послѣ него, и того, о чемъ только теперь мы начинаемъ думать?

Могучее здоровье Петра не перенесло далѣе — онъ изнемогъ и на одрѣ смерти изрекъ великое, поучительное слово о тщетѣ замысловъ человѣческихъ: «видите ли, какъ бѣденъ человѣкъ!»

Утѣшься, тѣнь великая! Если потомъ направленіе, данное тобою Россіи, было иногда непонимаемо, то Чесма и Наваринъ, Кагулъ и Бородино доказали неизмѣнность созданныхъ тобою флотовъ и войскъ; паденіе Польши, униженіе Швеціи, Турціи и Персіи доказали вѣрность начатой тобою политики. Нынѣ, когда внѣшнее образованіе Россіи кончено, когда мы постигаемъ, въ чемъ должна состоять наша европейская русская народность, основанная на условіяхъ исторіи и географіи нашей, мы видимъ и необходимость всѣхъ произведенныхъ тобою внутреннихъ преобразованій, постигаемъ, что ты одинъ провидѣлъ судьбу Россіи, что былъ посланникомъ Провидѣнія, не могъ

дѣйствовать иначе, какъ дѣйствовалъ, не могъ быть иначе, какъ былъ.

Вы, осуждающіе Петра, вспомните, какъ говорили ему бояре: «гдѣ намъ, батюшка, Русскимъ, спознать заморскія хитрости!» вспомните, что даже при учрежденіи синода ему говорили еще о патріархѣ; вспомните, какъ показывалъ онъ Неплюеву свои руки и говорилъ: «трудиться надобно; я царь вашъ, а у меня мозоли съ рукъ не сходятъ»; вспомните, наконецъ, когда, увлеченный порывомъ справедливаго гнѣва, съ горестью воскликнулъ онъ: «о Боже! будучи въ состояніи управлять государствомъ, я не могу управлять самимъ собою!» Вспомните, когда онъ получилъ извѣстіе о разбитіи подъ Нарвою; когда въ пылу полтавской битвы шипѣли надъ головою его пули; когда, подъ Прутомъ, онъ хотѣлъ лучше умереть, нежели выдать Кантемира; когда онъ писалъ сенату: «Если я попадусь въ плѣнъ турецкій, не почитайте меня вашимъ царемъ и не слушайте меня, пока я самъ не стану среди васъ; а если я погибну — выберите достойнѣйшаго между собою въ наслѣдники мнѣ!»—Не его-ли рука писала къ виновному сыну: «Какъ отсѣкаютъ членъ, пораженный неисцѣльною болѣзнію, такъ я лишу тебя наслѣдства, и не думай, чтобы я остановился потому, что ты у меня одинъ сынъ: клянусь Богомъ! если я за мое отечество и людей моихъ живота не жалѣю, могу-ли сына пожалѣть? Пусть будетъ чужой добрый, нежели свой непотребный. Ради любви отеческой не попущу разрушить всего, что я многолѣтними трудами, потомъ и кровію сотворилъ.....»

«Да произноситъ каждый изъ насъ съ благоговѣніемъ священное имя Петра!» сказалъ Голиковъ. Это слово краснорѣчиво своею истиною.

Н. Полевой.

61. О комедіи Фонъ-Визина: Недоросль.

Въ комедіи «Недоросль» авторъ имѣлъ цѣль важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленія домашней власти выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ «Бригадирѣ» авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ, язвитъ ихъ стрѣлами насмѣшки; въ «Недорослѣ» онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады; если-же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ «Бригадирѣ» можно видѣть, что погрѣшности воспитанія русскаго живо поражали автора; но худое воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе края безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество же, въ коемъ росъ Митрофанушка, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его, Простакова. Именно, говорю «изверга» и утверждаю, что въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ; разумѣется, что трагедія будетъ не по греческой или по французской классической выстройкѣ, но не менѣе того развязка ея можетъ быть трагическая. Какъ «Тартюфъ» Мольера стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и Простакова. Отъ автора зависѣло ее и его присвоить той или другой области. Характеръ и личность остались-бы тѣ же, но только приноровленные къ узаконеніямъ и обычаямъ, существующимъ по одну или другую сторону литературной границы. Что можно назвать сущностью драмы «Недоросль»? Домашнее, семейное тиранство Простаковой, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну Софью,

которую приноситъ она на жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризована она самимъ авторомъ? Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома. Всѣ прочія лица второстепенныя: иныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ въ начертаніи картины далъ лицамъ смѣшное направленіе; но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ, когда, по несчастію, встрѣчаются они въ мірѣ дѣйствительномъ, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому достовѣрныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уваженія и признательности. Можно сказать, что подобное исполненіе—не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло,—что, впрочемъ, можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что каждое имѣетъ нравственное дѣйствіе. Между тѣмъ и комическая сторона «Недоросля» не менѣе удачна. Въ сей драмѣ замѣтенъ одинъ недостатокъ: недостатокъ движенія и бездѣятельность событій. Изъ сорока явленій, изъ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едва-ли найдется во всей драмѣ треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самаго дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка.

Первое дѣйствіе почти съ начала до конца ведено драматически. Въ трехъ первыхъ явленіяхъ мастерски выставленъ характеръ Простаковой. Первое явленіе заключается въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но они такъ выразительны, что его можно почесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обстановкою. Разговоръ ея съ портнымъ Тришкою, или, лучше сказать, поставленнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно приноровлена къ лицамъ; сцена совершенно русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и портнымъ по неволѣ оживлена драматическимъ кресцендо и кончается неодолимымъ возраженіемъ его: «да первый-то портной, можетъ быть, шилъ и хуже моего!» Поболѣе такихъ явленій—и Фонъ-Визинъ былъ-бы одинъ изъ величайшихъ комиковъ. Характеръ мужа въ слѣдующемъ явленіи обрисовывается значительно и рѣзко: за исключеніемъ одного двусмыслія, неприличнаго и слишкомъ площаднаго, все явленіе очень хорошо. Вообще всѣ сцены, въ которыхъ является Простакова, исполнены жизни и вѣрности, потому что характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искуствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною. Смѣсь наглости и низости, трусости и злобы, безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, какъ и оно, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ еще болѣе искуства и глубокаго сердцевѣдѣнія. Когда Стародумъ прощаетъ Простакову, и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: «простилъ! ахъ, батюшка, простилъ! Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ!» тутъ слышенъ голосъ природы. Скупость ея прорывается весьма забавно на сценѣ, когда Правдинъ, назначенный отъ правительства опекуномъ надъ деревнею ея, расчитывается съ учителями Митрофанушки. Тутъ уже не хвастаетъ она познаніями своего сына и невольно говоритъ Кутейкину: «да коль пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку?» Но послѣдняя черта, которою авторъ нанесъ рѣшительный ударъ, сосредоточиваетъ всѣ гибельные плоды злонравія ея и воспитанія, даннаго сыну.

Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросясь обнимать сына, говоритъ ему: «одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ Митрофанушка!» а онъ отвѣчаетъ ей: «да отвяжись, матушка! какъ навязалась!» Признаюсь, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера Простаковой Фонъ-Визинъ былъ драматикомъ. Сказываютъ, что французскій комикъ Пикаръ имѣлъ привычку излагать въ видѣ романа и приготовительнаго труда исторію главныхъ лицъ комедій своихъ. Этимъ способомъ ссудилъ онъ и другихъ комиковъ. Правило остроумное и полезное. Изъ того, что мы видимъ на сценѣ, мы коротко знаемъ Простакову и могли-бы начертать полную біографію ея. Не всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ на афишахъ. Скотининъ—каррикатура и слишкомъ увеличенная. Онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ Митрофанушкою и Еремеевною очень забавна. Вообще характеръ мамы, хотя слегка обозначенный, удивительно вѣренъ: въ немъ много русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самого автора, что, приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобъ въ прогулкѣ обдумать его. У Мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ сторожить природу. Возвратясь домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и вмѣстилъ въ него слово «зацѣпы», подслушанное имъ на полѣ битвы. Роль Стародума можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки если не содѣйствіемъ, то волею своею; въ другой онъ отвѣчаетъ хору древней трагедіи. Въ ней авторъ выразилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть нейдетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи изъ роли Стародума многое выкидывается. Была-бы пьеса написана хорошими стихами, то, вѣроятно, терпѣніе партера не утомилось-бы отступленіями; но невыгода Стародума предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактическою прозою, которая скучна подъ конецъ. Въ прозѣ должно быть бережливѣе, не смотря на Дидерота, которому казалось, что на театрѣ можно разсуждать о важнѣйшихъ запросахъ нравственныхъ, не вредя быстрому и стремительному ходу драматическаго дѣйствія. Но дѣло въ томъ, что Дидеротъ проповѣдывалъ въ свою пользу: онъ, какъ и Фонъ-Визинъ, нѣсколько декламаторъ и любилъ поучать. Можно еще прибавить, что многое изъ правоученій Стародума хотя и весьма справедливо и назидательно, но довольно обыкновенно. Анатомія словъ, любимое средство автора, выказывается и здѣсь. Сцену Стародума съ Милономъ можно назвать испытаніемъ въ курсѣ практической нравственности и сценою синонимовъ, въ которой, какъ въ словарѣ, разсѣкается значеніе словъ: «неустрашимость» и «храбрость». Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ встрѣчаются говоруны или поучители, подобные Стародуму; но правда и то, что они скучны и что отъ нихъ бѣгаешь. На сценѣ они еще скучнѣе, потому что въ театръ ѣздишь для удовольствія, а слушая ихъ—подвергаешься скукѣ добровольной. Между тѣмъ, первое явленіе 5-го дѣйствія приноситъ честь писателю и государю, въ царствованіе коего оно написано. Можетъ быть, еще замѣтишь, что Стародумъ, разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобъ обогатить племянницу свою, сбивается

нѣсколько на непремѣнныхъ дядей французской комедіи, которые падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого-нибудь бѣднаго родственника.

Роли Милона и Софьи блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ всего дѣйствія, но счастливой развязкѣ ея радуешься развѣ изъ благопристойной любви къ ближнему. Правдинъ чиновникъ; онъ развязываетъ мечемъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно-бъ быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника. Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто рока (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ; но въ этомъ случаѣ должно допустить рѣшительное посредничество власти, ибо имъ однимъ можетъ быть совершено наказаніе Простаковой, которое было-бы неполно, если-бы имѣніе осталось въ рукахъ ея. Кутейкинъ, Цифиркинъ и Вральманъ забавныя каррикатуры; послѣдній и слишкомъ каррикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ несбыточное дѣло, что въ старину нѣмецъ-кучеръ попалъ въ учители въ домъ Простаковыхъ.

Мнѣ случалось слышать, что Фонъ-Визина упрекали въ исключительной цѣли, съ которой будто начерталъ онъ лице Недоросля; осмѣивая въ немъ неслужащихъ дворянъ. Кажется, это предположеніе вовсе неосновательно. Во-первыхъ, Фонъ-Визинъ не сталъ-бы мѣтить въ небывалое зло. Одни новые комики наши стали сочинять нравы и выдумывать лица. Дворянство наше винить можно не въ томъ, что оно не служитъ, а развѣ въ томъ, что оно иногда худо готовится къ службѣ, не запасаясь необходимыми познаніями, чтобъ быть ей полезнымъ. Недоросль не тѣмъ смѣшонъ и жалокъ, что 16-ти лѣтъ онъ еще не служитъ: жалокъ былъ-бы онъ, служа, не достигнувъ возраста разсудка; но смѣешься надъ нимъ отъ того, что онъ неучъ. Правда, что правило Стародума, по которому въ одномъ только случаѣ позволяется дворянину выходить въ отставку: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приноситъ, слишкомъ исключительно. Дворянинъ предъ самымъ отечествомъ можетъ имѣть и безъ службы священныя обязанности. Дворянинъ, который усердно занимался-бы благоустройствомъ и возможнымъ нравственнымъ образованіемъ подвластныхъ себѣ, воспитаніемъ дѣтей, какой-нибудь отраслью просвѣщенія или промышленности, былъ-бы не менѣе участникомъ въ общемъ дѣлѣ государственной пользы и споспѣшникомъ видовъ благонамѣреннаго правительства, хотя и не былъ-бы включенъ въ списки адресъ-календаря. Къ тому-же правило Стародума несбыточно въ исполненіи: въ государствѣ нѣтъ довольно служебныхъ мѣстъ для поголовнаго ополченія дворянства. Должно признаться, что и Правдинъ имѣетъ довольно странныя понятія о службѣ, говоря Митрофанушкѣ въ концѣ комедіи: «съ тобою; дружокъ, знаю, что дѣлать; пошелъ-ка служить!» Ему сказать-бы: «пошелъ-ка въ училище!» А то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы.

Успѣхъ комедіи «Недоросль» былъ рѣшительный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и употребляются донынѣ въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ много дѣйствительности, что провинціальныя преданія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинникомъ автору. Мнѣ самому случилось встрѣтить двухъ или трехъ живыхъ экземпляровъ Митрофанушки. Вѣроятно, преданіе ложно, но и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголосокъ истины. Если правда, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія «Недоросля», сказалъ автору: «умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!» то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фонъ-Визинъ не писалъ уже болѣе для

театра. Онъ далеко не дошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искуства; можно сказать, что онъ и не создалъ русской комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особенно же при общихъ неудачахъ есть уже важное событіе. Шлегель, разбирая творенiе двухъ британскихъ драматиковъ (Бомонъ и Флетчеръ), говоритъ, что они соорудили прекрасное зданіе, но только въ предмѣстіяхъ поэзіи, тогда какъ Шекспиръ въ самомъ средоточіи столицы основалъ свою царскую обитель. То же скажемъ и о трудахъ Фонъ-Визина, прибавя, что наша столица еще мало застраивается, что если въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ зданіяхъ и оказывается болѣе вкуса въ архитектурѣ, лучшая отдѣлка въ частныхъ принадлежностяхъ, то въ зодчествѣ Фонъ-Визина болѣе прочности, уютности и приноровки къ потребностямъ и климату отечественнымъ; наконецъ, что средоточная площадь столицы нашей еще пустынно ожидаетъ драматическихъ чертоговъ, для коихъ не родились достойные строители. Странно, что направленіе, данное авторомъ нашимъ, имѣло мало послѣдователей въ литературномъ отношеніи; ибо нельзя назвать послѣдованіемъ ему то, что, сходно съ замѣчаніемъ одного остроумнаго критика, комедія наша расположилась въ лакейской, какъ дома, или перенесла лакейскіе нравы и языкъ въ гостиныя, потому что Фонъ-Визинъ и въ дворянскомъ семействѣ нашелъ Простаковыхъ. Наши комики переняли у него, такъ сказать, слогъ, выраженіе (le genre), думая, что въ нихъ-то и заключается вся комическая сила, но она у него потому сила, что на мѣстѣ, коренная, природная. Напротивъ-же, у его послѣдователей то же самое есть безсиліе, потому что заимственно, неестественно и часто неумѣстно.

Кн. Вяземскій.

—

62. О комедіи Грибоѣдова: «Горе отъ ума».

Я знаю у насъ только одну комедію, которая напоминаетъ комическія соображенія и производство Фонъ-Визина: это «Горе отъ ума». Сіе твореніе, имѣвшее въ рукописи болѣе расхода, нежели многія печатныя книги (что, впрочемъ, почти неминуемо), при появленіи своемъ судимо было не только изустно, но и печатно, двоякимъ предупрежденіемъ, равно не знавшимъ мѣры ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ своихъ. Истина равно чужда Сеидамъ и Зоиламъ. Буду говорить о сей комедіи безпристрастно. Моя откровенность тѣмъ свободнѣе будетъ, что она не связана прежними обязательствами. Я любилъ автора, уважалъ умъ и дарованія его; вѣроятно, я одинъ изъ тѣхъ, которые живѣе и глубже были поражены преждевременнымъ и бѣдственнымъ концемъ его; но самъ авторъ зналъ, что я не безусловный поклонникъ комедіи его: вѣроятно, даже въ глазахъ его умѣренность моя сбивалась на недоброжелательство, по щекотливости, свойственной авторскому самолюбію, и по сплетнямъ охотниковъ, всегда ищущихъ случая разводить честныхъ людей. Комедія Грибоѣдова не комедія нравовъ, а развѣ обычаевъ, и въ этомъ отношеніи многія части картины превосходны. Если искать вывѣски современныхъ нравовъ въ Софіи, единственномъ характерѣ въ комедіи, коей всѣ прочія лица портреты въ профиль, въ бюстъ, или во весь ростъ, то должно сказать, что эта вывѣска—поклепъ на нравы или исключеніе, неумѣстное на сценѣ. Дѣйствія въ драмѣ, какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ, или еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки. Самъ герой комедіи, молодой Чацкій, похожъ на Стародума. Благородство правилъ его почтенно, но спо-

собность, съ которою онъ ex-abrupto проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, не рѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: горе отъ ума. Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ разнаго свойства вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго. Мольеровъ Альцестъ, въ сравненіи съ Чацкимъ, настоящій Филинтъ, образецъ терпимости. Пушкинъ прекрасно характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: «Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ». Сатирическій пылъ, согрѣвающій многія явленія, никогда не выдохнется; комическая веселость, съ которою изображены многія частности, будетъ смѣшить и тѣхъ, которые не станутъ искать въ сей комедіи зеркала современному. Если она не сатира наша, лучше написанная, потому что небрежность языка и стихосложенія доведены въ ней иногда до непростительнаго своеволія, то она сатира, лучше и жарче всѣхъ обдуманная. Замѣчательно, что сатирическое искуство автора отзывается не столько въ колкихъ и рѣзкихъ эпиграммахъ Чацкаго, сколько въ добродушныхъ рѣчахъ Фамусова. Продолжительная иронія утомительна: порицаніе подъ видомъ похвалы скоро становится приторно; но здѣсь авторъ такъ искусно, такъ глубоко вошелъ въ характеръ Фамусова, что никакъ не различишь насмѣшливости комика отъ замоскворѣцкаго патріотизма комическаго лица. Таковъ, но не въ равной степени превосходства, и Скалозубъ. По двумъ этимъ изображеніямъ можно заключить несомнѣнно, что въ Грибоѣдовѣ таился будущій комикъ. Онъ и творецъ «Недоросля» имѣютъ то свойственное имъ преимущество, что они прямо, такъ сказать, живьемъ перенесли на сцену черты, схваченныя ими въ мірѣ дѣйствительномъ. Они не переработывали своихъ пріобрѣтеній въ алхимическомъ горнилѣ общей комедіи, изъ коего все должно выходить въ какомъ-то изготовленномъ и заранѣе указанномъ видѣ. Самыя странности комедіи Грибоѣдова достойны вниманія: расширяя сцену, населяя ее народомъ дѣйствующихъ лицъ, онъ, безъ сомнѣнія, расширилъ и границы самаго искуства. Явленіе разъѣзда въ сѣняхъ, сіе послѣднее дѣйствіе свѣтскаго дня, издержаннаго на пустяки, хорошо и смѣло новизною своею. На театрѣ оно живописно и производитъ сильное дѣйствіе. У насъ вообще мало думаютъ объ оживотвореніи сцены, о сценическихъ впечатлѣніяхъ, забывая, что не даромъ драма называется зрѣлищемъ и происходитъ предъ зрителями. Многія наши комедіи суть родъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Предъ вами не міръ дѣйствительный, не люди, а тѣни безплотныя, безличныя. Все въ нихъ неосязательно, неопредѣлительно; все скользитъ по чувствамъ и по вниманію. Скажемъ окончательно, что если «Горе отъ ума» твореніе и не совершенно зрѣлое, во многихъ случаяхъ не избѣгающее строжайшей критики, то не менѣе оно явленіе весьма замѣчательное въ драматической словесности нашей. По немъ должны мы жалѣть о ранней утратѣ писателя, который подавалъ большія надежды, имѣлъ многія, весьма разнообразныя познанія, былъ одаренъ умомъ пылкимъ и острымъ и тою гордою независимостію, которая, пренебрегая тропами избитыми, порывается сама проложить слѣды свои по неиспытанной дорогѣ. Въ подобныхъ покушеніяхъ успѣхъ не всегда вѣренъ или полонъ, но и самыя покушенія сіи остаются въ памяти народной: признаки движенія, они прорѣзываются неизгладимыми чертами на поприщѣ умственной дѣятельности, тогда какъ и самые успѣхи посредственности, протоптанные по указнымъ слѣдамъ и затоптанные въ свою очередь другими, не отдѣляются отъ грунта и другъ друга поглощаютъ. Вотъ почему комедія Грибоѣдова, въ цѣломъ худо обдуманная, въ частяхъ и

особенно въ слогѣ часто худо исполненная, останется всегда на виду; а многія другія комедіи театра нашего, осмотрительнѣе соображенныя и правильнѣе написанныя, пропадаютъ безъ вѣсти, не возбудивъ къ себѣ никакого сочувствія общества. Живой живое и думаетъ; живой живое любитъ. Въ твореніи Грибоѣдова нѣтъ правильности, но есть жизнь: оно дышитъ, движется. Въ другихъ комедіяхъ правильности болѣе, но онѣ автоматы. Можетъ быть, у насъ есть еще одна комедія, которую можно не сравнивать, а издалека уподобить комедіямъ Фонъ-Визина: это «Вѣсти или убитый живой», сочиненіе графа Растопчина. Въ ней нѣтъ изящнаго искуства, но есть русская веселость и довольно вѣрная съемка съ природы. Не понимаю, почему не имѣла она успѣха на сценѣ и совершенно упала въ первое представленіе. Вѣроятно, немногіе и читали ее, хотя она и напечатана. Авторъ «Мыслей въ слухъ на красномъ крыльцѣ» и такъ называемыхъ «Афишекъ 1812 года» заслуживалъ бы оригинальностью своею болѣе любопытства и вниманія.

Кн. Вяземскій.

63. О той же комедіи.

Оригиналы тѣхъ портретовъ, которые начерталъ Грибоѣдовъ, уже давно не составляютъ большинства московскаго общества, и хотя они созданы и воспитаны Москвою, но уже сама Москва смотритъ на нихъ какъ на рѣдкость, какъ на любопытныя развалины другаго міра. Но главный характеръ московскаго общества вообще не перемѣнился. Философія Фамусова и теперь еще кружатъ намъ головы (*); мы и теперь такъ же, какъ въ его время, хлопочемъ и суетимся изъ ничего: кланяемся и унижаемся безкорыстно и только изъ удовольствія кланяться; ведемъ жизнь безъ цѣли, безъ смысла; сходимся съ людьми безъ участія, расходимся безъ сожалѣнія, ищемъ наслажденій минутныхъ, и не умѣемъ наслаждаться. И теперь, такъ же какъ при Фамусовѣ, домы наши равно открыты для всѣхъ: для званыхъ и незваныхъ, для честныхъ и для подлецовъ. Связи наши составляются не сходствомъ мнѣній, не сообразностью характеровъ, не одинакою цѣлью въ жизни, и даже не сходствомъ нравственныхъ правилъ; ко всему этому мы совершенно равнодушны. Случай насъ сводитъ, случай разводитъ, и снова сближаетъ, безъ всякихъ послѣдствій, безъ всякаго значенія.

Эта пустота жизни, это равнодушіе ко всему нравственному, это отсутствіе всякаго мнѣнія и вмѣстѣ боязнь пересудовъ, эти ничтожныя отношенія, которыя истощаютъ человѣка по мелочамъ и дѣлаютъ его неспособнымъ ко всему стройно дѣльному, ко всему возвышенному и достойному труда «жить», —все это даетъ московскому обществу совершенно особенный характеръ, составляющій середину между уѣзднымъ кумовствомъ и безвкусіемъ и столичною вскательностью и роскошью. Конечно, есть исключенія, и, можетъ быть, ихъ больше, чѣмъ сколько могутъ замѣтить проходящіе; есть общества счастливо отборныя, заботливо охраняющія себя отъ ихъ окружающей смѣшенности и душнаго ничтожества; есть люди, которые, въ кругу тихихъ семейныхъ отношеній, посреди безкорыстныхъ гражданскихъ обязанностей, развиваютъ чувства возвышенныя вмѣстѣ съ правилами твердыми и благородными; есть люди, постигшіе возможность цѣли высокой посреди всеобщей пустоты и плоскости; люди, умѣющіе создавать себѣ наслажденія просвѣщенныя и роскошествовать съ утонченностью и вкусомъ: но эти люди, эти общества далеко не составляютъ большинства; и если бы они захотѣли принять на себя безполезную и молодо-странную откровенность Чацкаго, то, также какъ онъ, явились бы пу-

(*) Пофилософствуй, умъ вскружится;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!

галищемъ собраній, существомъ несноснымъ, неприличнымъ и сумасшедшимъ.

Однако и самыя исключенія, находящіяся въ безпрестанной борьбѣ съ большинствомъ, не могутъ совершенно охраниться отъ его заразительности и невольно, болѣе или менѣе, раздѣляютъ его недостатки. Такъ почти нѣтъ дома въ Москвѣ, который бы чѣмъ нибудь не обнаружилъ просвѣщенному иностранцу нашей недообразованности, и если не въ гостиной, не въ кабинетѣ, то хотя въ прихожей найдетъ онъ какое нибудь разногласіе съ европейскимъ бытомъ и согласіе съ бытомъ московскимъ.

Естественно, что это имѣетъ вліяніе и на самого хозяина, и потому совершенно справедливо, что

На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ главная мысль комедіи Грибоѣдова, мысль, выраженная сильно, живо и съ прелестью поразительной истины. Каждое слово остается въ памяти неизгладимо; каждый портретъ приростаетъ къ лицу оригинала неотъемлемо; каждый стихъ носитъ клеймо правды и кипитъ огнемъ негодованія, знакомаго одному таланту.

Но есть въ той же комедіи другая мысль, которая, по моему мнѣнію, если не противорѣчитъ господствующей, то по крайней мѣрѣ доказываетъ, что авторъ судилъ о Москвѣ болѣе какъ свидѣтель, страстно взволнованный, нежели какъ судья, равнодушно мыслящій и умѣющій, даже осуждая, отличать хорошее отъ дурнаго. Можетъ быть, это не вредитъ произведенію искуства, не вредитъ истинѣ художественной, но вредитъ истинѣ практической и нравственной. Мысль, о которой я говорю, заключается въ негодованіи автора на нашу любовь къ иностранному. Правда, эта любовь часто доходитъ до смѣшнаго и безсмысленнаго; дурно направленная, она часто мѣшаетъ нашему собственному развитію: но злоупотребленія вещи не уничтожаютъ ея достоинства. Правда, мы смѣшны, подражая иностранцамъ, но только потому, что подражаемъ неловко и не вполнѣ; что изъ-подъ европейскаго фрака выглядываетъ остатокъ русскаго кафтана, и что, обривши бороду, мы еще не умыли лица. Но странность нашей подражательности пройдетъ при большемъ распространеніи просвѣщенія, а просвѣщеніе у насъ распространиться не можетъ иначе, какъ вмѣстѣ съ распространеніемъ иностраннаго образа жизни, иностраннаго платья, иностранныхъ обычаевъ, которые сближаютъ насъ съ Европою физически и, слѣдовательно, способствуютъ и къ нашему нравственному и просвѣщенному сближенію. Ибо кто не знаетъ, какое вліяніе имѣетъ наружное устройство жизни на характеръ образованности вообще? Намъ нечего бояться утратить своей національности: наша религія, наши историческія воспоминанія, наше географическое положеніе, вся совокупность нашего быта столь отличны отъ остальной Европы, что намъ физически невозможно сдѣлаться ни французами, ни англичанами, ни нѣмцами. Но до сихъ поръ національность наша была національность необразованная, грубая, китайски-неподвижная. Просвѣтить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развитія можетъ только вліяніе чужеземное; и какъ до сихъ поръ все просвѣщеніе наше заимствовано извнѣ, такъ только извнѣ можемъ мы заимствовать его и теперь, и до тѣхъ поръ, покуда поравняемся съ остальною Европою. Тамъ, гдѣ обще-европейское совпадется съ нашею особенностью, тамъ родится просвѣщеніе истинно-русское, образованно-національное, твердое, живое, глубокое и богатое благодѣтельными послѣдствіями. Вотъ отчего наша любовь къ иностранному можетъ иногда казаться смѣшною, но никогда не должна возбуждать негодованія; ибо болѣе или менѣе, посредственно или непосредственно, она всегда ведетъ за собой просвѣщеніе и успѣхъ и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ не столько вредна, сколько полезна.

Но любовь къ иностранному не должно смѣшивать съ пристрастіемъ къ

иностранцамъ: если первая полезна, какъ дорога къ просвѣщенію, то послѣднее, безъ всякаго сомнѣнія, и вредно, и смѣшно, и достойно нешуточнаго противодѣйствія. Ибо — не говоря уже объ томъ, что изъ десяти иноземцевъ, промѣнявшихъ свое отечество на Россію, рѣдко найдется одинъ просвѣщенный—большая часть такъ называемыхъ иностранцевъ не разнится съ нами даже и мѣстомъ своего рожденія: они родились въ Россіи, воспитаны въ полурусскихъ обычаяхъ, образованы также поверхностно и отличаются отъ коренныхъ жителей только своимъ незнаньемъ русскаго языка и иностраннымъ окончаніемъ фамилій. Это незнаніе языка естественно дѣлаетъ ихъ чужими посреди Русскихъ и образуетъ между ними и коренными жителями совершенно особенныя отношенія. Отношенія сіи, всѣмъ имъ болѣе или менѣе общія, рождаютъ между ними общіе интересы и потому заставляютъ ихъ сходиться между собою, помогать другъ другу и, не условливаясь, дѣйствовать за одно. Такъ самое незнаніе языка служитъ для нихъ паролемъ, по которому они узнаютъ другъ друга, а недостатокъ просвѣщенія нашего заставляетъ насъ смѣшивать иностранное съ иностранцами, какъ ребенокъ смѣшиваетъ учителя съ наукою и въ умѣ своемъ не умѣетъ отдѣлить понятія объ учености отъ круглыхъ очковъ и неловкихъ движеній.

И. Кирѣевскій.

64. О нравственной цѣли литературныхъ произведеній.

Что такое нравственная цѣль литературнаго произведенія? Въ чемъ состоитъ она? Есть люди, называющіе нравственными сочиненіями только тѣ, въ которыхъ наказывается порокъ и награждается добродѣтель. Мнѣніе это нѣкоторымъ образомъ противно нравственности, истинѣ и религіи. Ежели бы добродѣтель всегда торжествовала, въ чемъ было бы ея достоинство? Этого не хотѣло Провидѣніе, и здѣшній міръ есть міръ испытаній, гдѣ большею частію добродѣтель страждетъ, а порокъ блаженствуетъ. Изъ этого наружнаго безпорядка въ видимомъ мірѣ и ѳеологи и философы выводятъ необходимость другой жизни, необходимость загробныхъ наградъ и наказаній, обѣщаемыхъ намъ откровеніемъ.

Нравственное сочиненіе не состоитъ ли въ выводѣ какой нибудь философической мысли, вообще полезной человѣчеству? Но, чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною, мысль должна быть истинною, слѣдственно извлеченною изъ общаго, а не изъ частнаго: какъ же, изображая только добродѣтель, играющую довольно второстепенную роль въ свѣтѣ, и минуя торжествующій порокъ, я достигну этого вывода? Я скажу мысль блестящую, но необходимо ложную, слѣдственно вредную.

Нѣтъ, скажутъ наши противники, мы не требуемъ, чтобы вы изображали одну добродѣтель; изображайте и порокъ, но первую привлекательною, второй отвратительнымъ.

Мы погрѣшимъ противъ истины: не всѣ пороки имѣютъ видъ рѣшительно гнусный. По большей части наши добрыя и злыя начала такъ смежны, что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними. Нѣтъ человѣка совершенно добродѣтельнаго, т. е. чуждаго всякой слабости, ни совершенно порочнаго, т. е. чуждаго всякаго добраго побужденія. Жалѣть объ этомъ нечего: одинъ былъ бы добродѣтеленъ по необходимости, другой порочень по той же причинѣ; въ одномъ не было бы заслуги, въ другомъ вины; слѣдственно ни въ томъ, ни въ другомъ ничего нравственнаго.

Характеры смѣшанные одни естественны и одни нравственны: ихъ двойственность и составляетъ ихъ нравственность. Одно и то же лице является намъ попеременно добродѣтельнымъ и порочнымъ, поперемѣнно ужасаетъ насъ и привлекаетъ. Федра, оплакивающая незаконную страсть свою, и Федра, ей уступающая, двѣ противоположныя Федры: мы любимъ

добродѣтельную, ненавидимъ порочную, и здѣсь мы не можемъ ошибиться, не можемъ принять добродѣтель за порокъ и порокъ за добродѣтель: дѣйствія не смѣшаны, какъ характеры; дѣйствіе добродѣтельное совершенно прекрасно, дѣйствіе порочное совершенно безобразно, и нравственный выводъ внушаетъ намъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, всякое лицо, вѣрно снятое съ природы.

Но не безнравственно-ли, скажутъ, то участіе, которое возбуждаетъ въ насъ герой трегедіи, романа, поэмы, даже въ ту минуту, когда онъ уступаетъ преступному побужденію? Не говоритъ ли намъ наше сердце, что и мы охотно совершили бы то же преступленіе, надѣясь возбудить то же участіе? Если означенное лице безъ борьбы уступаетъ искушенію, оно не возбуждаетъ участія; не возбуждаетъ его и тогда, когда мы чувствуемъ, что оно не употребило всего могущества воли своей на побѣду преступной наклонности и позволило побороть себя, а не пало подъ силою обстоятельствъ, превышающихъ нравственную его силу. Побѣжденные Трояне возбуждаютъ наше участіе потому, что они защищались до послѣдней крайности; побѣжденные, они не ниже побѣдителей; расчетливая сдача какой-нибудь крѣпости не восхищаетъ насъ, подобно падшей Троѣ, и никто не сравниваетъ ея коменданта съ божественнымъ Гекторомъ.

Должно прибавить, что творенія, развивающія чувствительность, въ то же время просвѣщаютъ совѣсть. Ежели они располагаютъ насъ къ лишнему числу искушеній, они развиваютъ въ насъ лишніе способы противостоять имъ.

Разсматривая литературныя произведенія по правиламъ нашихъ журналистовъ, всякую книгу найдемъ мы безнравственною. Что, напримѣръ, хуже Квинта-Курція? Онъ изображаетъ привлекательно неистоваго честолюбца, жаднаго битвъ и побѣдъ, стоящихъ такъ дорого роду человѣческому; кровь его не ужасаетъ: чѣмъ больше ея прольетъ, тѣмъ онъ будетъ счастливѣе; чѣмъ далѣе простретъ онъ опустошеніе, тѣмъ онъ будетъ славнѣе. И эту книгу будутъ читать юные властители! Что хуже Гомера? Въ первомъ стихѣ Иліады онъ уже показываетъ безнравственную цѣль свою, намѣреніе воспѣвать порокъ:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!

Подобнымъ образомъ можно неопровержимо доказать вредное вліяніе всякаго сочиненія и изъ слѣдствія въ слѣдствіе заключить съ логическою основательностью, что въ благоустроенномъ государствѣ должно запретить литературу.

Въ такомъ случаѣ должно запретить и человѣка. Но природа одарила его разумомъ не для невѣжества, одарила словомъ не для молчанія. Запретить человѣку пользоваться своимъ разумомъ значитъ унизить его до животныхъ, его лишенныхъ.

Чѣмъ согласиться на уничтоженіе литературы, слѣдственно на уничтоженіе человѣка, не благоразумнѣе-ли взглянуть на нее съ другой точки зрѣнія, не требовать отъ нея положительныхъ нравственныхъ поученій, видѣть въ ней науку, подобную другимъ наукамъ, искать въ ней свѣдѣній, а ничего инаго? Знаю, что можно искать въ ней и прекраснаго, но прекрасное не для всѣхъ; оно непонятно даже людямъ умнымъ, но не одареннымъ особенною чувствительностью: не всякій можетъ читать съ чувствомъ, каждый съ любопытствомъ. Читайте же романъ, трагедію, поэму, какъ вы читаете путешествіе. Странствователь описываетъ вамъ и веселый югъ, и суровый сѣверъ, и горы, покрытыя вѣчными льдами, и смѣющіяся долины, и рѣки прозрачныя, и болота, поросшія тиною, и цѣлебныя и ядовитыя растенія. Романисты, поэты изображаютъ добродѣтели и пороки, ими замѣченные, злыя и добрыя побужденія, управляющія человѣческими дѣйствіями. Ищите въ нихъ того же, чего въ пу-

тешественникахъ, въ географахъ: извѣстій о любопытныхъ вамъ предметахъ; требуйте отъ нихъ того же, чего отъ ученыхъ: истины показаній.

Читайте землеописателей и, не выходя изъ вашего дома, вы будете имѣть понятіе объ отдаленныхъ, разнообразныхъ краяхъ, которыхъ вамъ, можетъ быть, не случится увидѣть собственными глазами. Читайте романистовъ, поэтовъ, и вы узнаете страсти, вами или не вполнѣ, или совсѣмъ не испытанныя; нравы, выраженіе которыхъ, можетъ быть, вы бы сами не замѣтили; узнаете положенія, въ которыхъ вы не находились; обогатитесь мыслями, впечатлѣніями, которыхъ вы безъ того-бы не имѣли; пріобщите къ опытамъ вашимъ опыты всѣхъ прочтенныхъ вами писателей и бытіемъ ихъ пополните ваше.

Ежели показанія ихъ вѣрны, впечатлѣніе, вами полученное, будетъ непремѣнно нравственно; ибо зрѣлище дѣйствительной жизни, развитіе прекрасныхъ и безобразныхъ страстей, дозволенное въ ней Провидѣніемъ, конечно, неразвратительно, и міръ дѣйствительный никого еще не заставилъ воскликнуть: какъ прекрасенъ порокъ! какъ отвратительна добродѣтель!

Изъ этого слѣдуетъ, что нравственная критика литературнаго произведенія ограничивается простымъ изслѣдованіемъ: справедливы или несправедливы его показанія?

Критика можетъ жаловаться также на неполноту ихъ, ибо самое полное описаніе предмета есть въ то же время и самое вѣрное. Можно сказать недостаточную правду. Есть истины относительныя, которыхъ отдѣльное выраженіе внушаетъ ложное понятіе.

Или не читайте, или читайте все: иначе будете всегда въ заблужденіи. Читать одного автора съ частнымъ дарованіемъ все равно, что читать одну страницу въ писателѣ многообъемлющемъ. Раскройте Шекспира на монологѣ злодѣя, искусными софизмами ободряющаго себя къ преступленію, остановитесь на немъ—и Шекспиръ будетъ для васъ проповѣдникомъ злодѣянія; но прочтите все твореніе, прочтите всего Шекспира, и самая эта страница будетъ наставительна: такъ и книга односторонняя занимаетъ не лишнее мѣсто въ библіотекѣ.

Заключимъ, что въ книгѣ безнравственна только ложь, вредна только односторонность; но ни лжи, ни односторонности не существуетъ тамъ, гдѣ литература дѣятельна, гдѣ ложное показаніе тотчасъ рождаетъ улику, гдѣ рѣшеніе нравственнаго вопроса тотчасъ вызываетъ изслѣдованія и противорѣчія, гдѣ публика не осуждена на чтеніе одной указанной книги.

Е. Баратынскій.

65. О духовномъ краснорѣчіи.

Между всѣми родами краснорѣчія первенство неоспоримо принадлежитъ краснорѣчію духовному. Оно принадлежитъ ему, во-первыхъ, по характеру элемента общаго, составляющаго его основное содержаніе; во-вторыхъ, по свойству элемента частнаго, во сколько онъ подъ это общее подводится.

Краснорѣчіе духовное служитъ вѣчнымъ, абсолютнымъ истинамъ, догматамъ вѣры и нравственнымъ законамъ, свыше открытымъ человѣчеству. Не случайный и часто измѣняющійся законъ гражданскій, условленный внѣшними, жизненными потребностями общества, не преходящія судьбы того или другаго народа даютъ ему значеніе, а вѣчно и безусловно истинное.

Поэтому сфера, оглашаемая словомъ проповѣдника, обнимаетъ всѣ времена и всѣ народы. Проповѣдь, къ кому бы въ особенности она ни была обращена, относится вообще ко всѣмъ; ея сила и значеніе не ограничиваются ни извѣстнымъ кругомъ времени, ни извѣстною мѣстностью. Слово духовное раздается по вселенной, и ему внемлетъ все человѣчество, ибо для всѣхъ звучитъ

божественный благовѣстъ, и всякаго человѣка, всегда и во всякомъ мѣстѣ, обязываетъ законъ божественный.

И такъ высокое значеніе даетъ духовному краснорѣчію идея, которой оно служитъ. Характеръ же и цѣль этого служенія опредѣляются необходимымъ и отъ самаго краснорѣчія независимымъ отношеніемъ откровенія къ человѣчеству. Но какъ это отношеніе выражаетъ собою церковь, такъ какъ церковь есть это самое отношеніе, какъ осуществленное, то мы полагаемъ вопросъ о проповѣди въ слѣдующей формѣ: какое мѣсто занимаетъ проповѣдь въ сферѣ церкви, какое назначеніе даетъ церковь проповѣди?

Церковь, при взглядѣ на нее извнѣ, представляется множествомъ лицъ, одинаково вѣрующихъ. Но это множество есть не случайный агрегатъ; оно образуетъ собой цѣлое, живой организмъ, духовное тѣло. Частныя лица получаютъ въ немъ значеніе живыхъ членовъ; ихъ отношеніе къ цѣлому организму есть отношеніе внутренняго, свободнаго и постояннаго подчиненія.

Вступая въ церковь, каждое лице отрекается служить самому себѣ и жить для себя; оно приноситъ въ жертву свою исключительную личность и даетъ обѣтъ пребывать въ постоянномъ единеніи вѣры и любви съ церковью—жить для всѣхъ одною, благодатною жизнью со всѣми.

Вѣра въ догматы церкви и жизнь, согласная съ законами церкви—вотъ два условія, неразрывно между собою связанныя, которыхъ соблюденіе пересоздаетъ личность и возводитъ каждое лице на степень члена церкви, причастнаго искупленію.

И такъ догматы и нравственные законы, существуя сами по себѣ, въ своей отвлеченности, образуя собою одну сторону церкви, въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, ея членамъ, составляющимъ другую ея сторону, сторону жизни, имѣютъ постоянно и безусловно обязательную силу. Догматы должны быть ихъ вѣрою, нравственные законы должны управлять ихъ жизнью. Этимъ условливается единство церкви, какъ живаго организма.

Но церковь, будучи въ каждую минуту своего бытія сама въ себѣ этимъ полнымъ и живымъ организмомъ, въ отношеніи ко всей совокупности частныхъ лицъ, образующихъ человѣчество, никогда на землѣ вполнѣ не осуществляется.

Она отверста для всѣхъ, всѣ люди призваны къ наслѣдію жизни, но далеко не всѣ внемлютъ призыву. Многіе упорно пребываютъ внѣ церкви.

Даже тѣ, которыхъ она признала своими членами, часто отъ нея отторгаются и нарушаютъ въ себѣ ею данное и ими принятое опредѣленіе.

Сама церковь, не простирая своего дѣйствія за предѣлы самой себя, не можетъ имѣть дѣла съ невѣрными. Членовъ своихъ, признавшихъ ее и послѣ того словомъ или дѣломъ отъ нея отрекшихся, она исключаетъ изъ своей сферы, ставитъ внѣ себя.

Но не даромъ церковь называетъ себя каѳолическою: возможность открыта невѣрнымъ вступить въ нее и грѣшникамъ, отъ нея отпавшимъ, возвратиться въ ея лоно. Это свойство церкви выражается, въ отношеніи къ пребывающимъ внѣ ея лицамъ, посредничествомъ между ними и церковью.

Въ самомъ словѣ «посредничество» лежитъ понятіе о третьемъ, середнемъ между двумя разобщенными началами въ этомъ случаѣ—церковью и пребывающимъ внѣ ея человѣчествомъ. Это третье должно необходимо принадлежать къ церкви и быть ея законнымъ, ею избраннымъ представителемъ; съ другой стороны, будучи предназначено дѣйствовать на частныя лица, оно само должно быть лицемъ. Живой посредникъ между церковью и частными лицами есть проповѣдникъ; самое дѣло посредничества есть проповѣдь.

Проповѣдуетъ не церковь; но церковь, признавая необходимость и святость проповѣди, благословляетъ избранныхъ на великое дѣло посредничества. Проповѣдь

составляетъ одну изъ существенныхъ обязанностей святительскаго сана.

Мы вывели значеніе проповѣдника и проповѣди изъ отношенія частныхъ лицъ къ церкви, во сколько это отношеніе есть дѣло человѣческое.

Но все благое творитъ не самъ человѣкъ, какъ лице, а Духъ Божій, въ немъ живущій.

Обращеніе человѣка къ истинѣ и внутреннее покаяніе есть дѣло благодати, вѣнчающееся въ таинствѣ отпущенія грѣховъ. Принять благодать или отвергнуть ее—вотъ что лежитъ во власти всякаго человѣка.

Поэтому назначеніе проповѣди мы полагаемъ въ томъ, чтобы побѣдить и отстранить въ человѣкѣ все то, что препятствуетъ дѣйствію благодати. Въ этомъ отношеніи дѣло проповѣди есть чисто-отрицательное; кромѣ того, она можетъ быть однимъ изъ орудій положительнаго дѣйствія самой благодати.

И такъ проповѣдникъ есть лице, самою церковью избранное и получившее отъ нея призваніе быть посредникомъ между нею и частными лицами. Проповѣдь есть орудіе этого посредничества.

Мы сказали, что она можетъ относиться къ невѣрнымъ и къ членамъ церкви. Отсюда два рода проповѣдей. Отстранивъ первый, будемъ говорить о второмъ.

Здѣсь выражается значеніе проповѣдника непосредственно: его можно созерцать. Окончивъ божественную службу, святитель выходитъ на средину храма и становится на амвонъ. За нимъ алтарь, на которомъ совершилось приношеніе безкровной жертвы; передъ нимъ собранные члены церкви.

Та же двойственность является въ самой проповѣди. Общее содержаніе заимствуется изъ догматическихъ и нравственныхъ началъ церковнаго ученія; случай, на который проповѣдь говорится, изъ жизни. Проповѣдникъ представляттъ отношеніе этихъ двухъ элементовъ, дѣйствительное и идеальное: то, которое есть, и то, которое должно быть. Характеръ дѣйствительнаго отношенія опредѣляетъ самая потребность проповѣди. Необходимость посредничества свидѣтельствуетъ о расторженіи единства. Частныя лица не имѣютъ той вѣры, которой требуетъ отъ нихъ церковь, и въ жизни своей нарушаютъ ея законы.

Убѣжденія и дѣла людей, какъ оскорбляющія догматы и законы церкви—вотъ предметъ и содержаніе всякой проповѣди. Поэтому можно начертить слѣдующую схему проповѣди. Двѣ части входятъ въ нее: догматическая и нравственная. Та и другая имѣютъ двѣ стороны: отрицательную и положительную.

Первая часть можетъ содержать въ себѣ опроверженіе ложныхъ мыслей, суевѣрій, сомнѣній, и пр., затемняющихъ чистоту вѣры, и уясненіе, напоминаніе догматовъ церкви. Вторая —обличеніе пороковъ и наставленіе въ добрыхъ дѣлахъ.

Отъ проповѣди въ строгомъ смыслѣ, повидимому, разнятся нѣкоторые роды, какъ то: торжественныя слова на важные случаи, надгробныя слова, похвальныя слова, и пр. Но это тѣ же проповѣди, сложенныя изъ тѣхъ же двухъ составныхъ началъ, общихъ законовъ и частныхъ случаевъ; вся разница въ томъ, что проповѣдникъ не для того сближаетъ ихъ, чтобы открыть въ нихъ противорѣчіе, а напротивъ, приводитъ къ сознанію ихъ согласіе. Онъ прославляетъ и хвалитъ какое нибудь дѣло или лице, потому что видитъ въ немъ это согласіе и желаетъ возбудить слушателей къ подражанію. Оба элемента все-таки удерживаются въ ихъ раздѣльности. Оправданіе и похвала могутъ служить средствомъ точно такъ же, какъ и обличеніе.

Изъ всего нами сказаннаго могутъ быть выведены существенныя свойства проповѣди и главныя требованія.

Проповѣдь служитъ церкви, воспитывая въ слушателяхъ членовъ, ея достойныхъ: поэтому въ общей, положительной части должна господствовать и ясно представляться идея церкви. Проповѣдникъ обязанъ говорить отъ имени церкви, не отъ себя; всѣ его совѣты, поученія и наставленія должны вытекать изъ существа

самой церкви, а не изъ другихъ произвольно утвержденныхъ началъ. Каждому слову его даетъ вѣсъ и значеніе авторитетъ церкви. Поэтому, къ кому бы онъ ни обращался, онъ долженъ видѣть въ слушателяхъ только членовъ церкви. Изъ этого опредѣленія онъ выводитъ ихъ частныя обязанности.

И такъ мы признаемъ проповѣдь за недостаточную, если всѣ наставленія, правила и законы не будутъ сведены къ единству въ идеѣ единой церкви, если не въ ней, а въ отвлеченныхъ и произвольныхъ соображеніяхъ о пользѣ, выгодѣ, приличіи, и проч. проповѣдникъ станетъ искать оправданія.

Далѣе, такъ какъ проповѣдникъ, слуга церкви, служитъ вмѣстѣ частнымъ лицамъ, то, слѣдовательно, онъ долженъ постоянно имѣть ихъ въ виду и говорить не только при нихъ, но и для нихъ. Ему необходимо изучить глубоко и живо принять въ себѣ всѣ условія мѣста, времени, степени образованности своихъ слушателей, ихъ свойствъ, господствующихъ склонностей, недостатковъ. Слово его должно быть таково, чтобы на нихъ именно оно могло дѣйствовать. При отсутствіи этого условія проповѣдь получитъ характеръ отвлеченнаго и сухаго догматизма и не возъимѣетъ успѣха.

Но, предположивши даже, что проповѣдникъ утвердился на незыблемомъ основаніи и вполнѣ постигнулъ свое отношеніе къ слушателямъ, онъ все еще будетъ далекъ отъ идеала проповѣдника, если нѣтъ въ немъ той силы, которая миритъ противорѣчія, того наитія словомъ, которымъ переводится отвлеченно-общее въ живое убѣжденіе лицъ.

Догматъ, въ своей недоступности, и нравственный законъ, въ своей сокрушительной строгости, сами по себѣ не убѣждаютъ. Убѣждать людей можетъ только лице, искренно и глубоко убѣжденное. Мало того, если слушатели признаютъ истину, какъ нѣчто для нихъ внѣшнее: нужно, чтобы родилась въ нихъ потребность истины для себя, сильное желаніе принять ее. Это усвоеніе истины всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами, всею душею, это плодотворное усвоеніе есть то, что называемъ мы убѣжденіемъ.

И вотъ почему проповѣдь должна быть словомъ отъ лица къ лицу, должна быть проникнута личнымъ характеромъ, тѣмъ, что̀ такъ сильно и непосредственно дѣйствуетъ на лица; вотъ почему главное, существенное условіе проповѣди есть личность проповѣдника.

Элементъ личности долженъ быть въ духѣ самой проповѣди, въ словѣ, въ произношеніи, въ голосѣ, въ движеніяхъ; но не должна личность проповѣдника выступать изъ проповѣди и становиться въ глазахъ слушателей рѣзкою объективностью. Это былъ бы величайшій порокъ, діаметрально противоположный нашему требованію. Личность проповѣдника не должна имѣть самостоятельнаго значенія, по себѣ; все должно быть ею растворено и проникнуто: она сама, какъ личность, не должна быть нигдѣ. Личность есть та прозрачная среда, сквозь которую проходятъ лучи вѣчной истины, согрѣвая и освѣщая человѣчество. Если же субъективность проповѣдника выступитъ впередъ и станетъ передъ слушателями въ своей рѣзкой исключительности, какъ твердое, непроницаемое тѣло, то она, какъ преграда, заслонитъ отъ нихъ общее.

Когда вниманіе предстоящихъ останавливается на проповѣдникѣ, какъ на лицѣ, и имъ поглощается, когда проповѣдникъ передъ ними объективируется, значитъ,—элементъ личности лежитъ не въ самой проповѣди, не въ словѣ, а внѣ его.

Ю. Самаринъ

66. Эпическій періодъ жизни. Поэтъ и народъ.

Въ старину преданіе замѣняло и школу, и науку. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ протекала вся жизнь человѣка, отъ колыбели до могилы. Младенецъ у

груди своей матери уже прислушивался и привыкалъ къ колыбельной пѣснѣ, которую, въ свою очередь, будетъ онъ пѣть и своимъ дѣтямъ. Провожая усопшаго, сродники оплакивали его въ обычныхъ старинныхъ причитаньяхъ и знали навѣрное, что когда нибудь и ихъ тѣми же словами и тѣмъ же напѣвомъ станутъ провожать тѣ, которые переживутъ ихъ. Два крайніе возраста человѣческой жизни, старость и дѣтство, дружно встрѣчались на сказкѣ: поколѣніе отживающее передавало преданіе поколѣнію народившемуся. Старый разсказываетъ сказку и поучаетъ; малый слушаетъ и поучается. Одинъ припоминаетъ въ сказкѣ прошедшее, другой гадаетъ о будущемъ; содержаніе же самой сказки—подвиги богатырей, битвы и страхи, и послѣ всего желанный конецъ тревогамъ—женитьба на царевнѣ, съ цѣлымъ царствомъ въ приданое; идея сказки—та прекрасная средина человѣческаго вѣка, та бодрая возмужалость, которая для слушающаго дитяти еще недоступна, какъ отдаленное будущее, а для старика-разскащика, какъ невозвратное прошедшее,—тотъ идеалъ, который во всѣ вѣка уноситъ человѣка изъ дѣйствительности къ чему-то лучшему и совершеннѣйшему и который въ сказкѣ такъ наивно сулитъ несбыточныя диковинки.

Какъ у взрослыхъ свои думы и заботы, такъ у дѣтей игры и дѣтскія пѣсенки, въ которыхъ они ужъ умѣютъ обращаться къ свѣтиламъ небеснымъ и явленіямъ природы: «Солнышко-ведрышко! просвѣти, прогляни! твои дѣтки плачутъ!» или: «Дождикъ, дождикъ, перестань» и проч. Вмѣстѣ съ возрастомъ накопляются труды и печали; за то и утѣхи становятся существеннѣе и дороже. Сама природа позываетъ, чтобъ живущій пользовался жизнью; потому всѣ лучшія, свѣтлыя минуты сопровождались игрою, пѣснею и радостями. Замѣчательно русское выраженіе: «играть пѣсню», которымъ ясно высказывается, что поэзія есть игра жизни. Игрою и пѣснею сопровождалъ человѣкъ всѣ важнѣйшіе труды свои: по веснѣ ли, когда выгонялъ въ поле стадо и засѣвалъ ниву, по осени ли, когда косилъ траву и зажиналъ хлѣбъ. За работой въ долгую зимнюю ночь еще чуствительнѣй была потребность пѣсни и сказки на рѣзвыхъ посидѣлкахъ. Поэзія служила какъ утѣхою въ трудѣ, такъ и забавою праздника; тогда-то особенно разыгрывалась досужая фантазія—и хороводъ и пѣсня сопровождали древній обычай, удержавшійся въ памяти, вмѣстѣ съ преданіями, отъ эпохи незапамятной. Потому, какъ выраженіе преданія, пѣсня и обрядъ были не только потѣхою и забавою, но и дѣломъ значительнымъ. Поэзія, которой обыкновенно посвящалось все праздное время, была надежнымъ хранителемъ чистоты мыслей и чувствъ, и забавы поколѣнія молодаго не казались противной новизною старикамъ, какъ это бываетъ въ эпохи, уже утратившія силу эпическаго преданія. Свѣтлыми взорами любовались старики на играющую молодую жизнь и болтливо воспоминали былое время, когда и ихъ забавляли тѣ же самыя игры, тѣ же пѣсни. Мало того: люди искусные и знающіе изъ нихъ сами, на старости лѣтъ, принимали участіе въ рѣзвыхъ играхъ молодежи, между прочимъ съ тѣмъ, чтобъ научить ее, какъ справлять веселый обрядъ по старинѣ и обычаю. И веселящаяся молодежь въ свою очередь состарѣется и будетъ руководить поколѣніе уже послѣдующее, какъ играть, пѣть и наслаждаться жизнью. Самое слово «жизнь» въ древнѣйшую эпоху заключало въ себѣ и понятіе о радости, что явствуетъ изъ стариннаго прилагательнаго «нежительный», употреблявшагося въ значеніи «непріятнаго».

Но какъ жизнь состоитъ не изъ однихъ мирныхъ трудовъ да беззаботнаго досуга, такъ и самородная поэзія не въ однѣхъ только пѣсняхъ, плясках да сказкахъ. Случаются болѣзни, неудачи, потери, затруднительныя обстоятельства. Конечно, въ бѣдѣ помогаетъ и умный совѣтъ, который уже самъ собою готовъ

на устахъ въ старинной пословицѣ; но и совѣтъ иногда бываетъ вовсе безполезенъ: часто оказывалась потребность въ дѣлѣ, въ чарующей силѣ слова, чтобъ или снять съ сердца кручину, или открыть пропажу, оградить себя отъ ратнаго оружія, отомстить недругу, и проч. И тѣмъ довѣрчивѣе свою судьбу предавалъ человѣкъ крѣпкому вѣщему слову, что въ его силѣ видѣлъ тѣ же преданія и повѣрья, которыя такъ были ему милы и дороги въ его играхъ и обычаяхъ.

Важнѣйшее событіе въ жизни между двумя крайними ея предѣлами, между рожденіемъ и смертію, есть женитьба, и не одинъ обрядъ столько не богатъ преданіями, повѣрьями и старинными пѣснями, какъ свадьба, на которой эпическая поэзія разыгрывалась во всемъ своемъ древнемъ разгулѣ и какъ неизмѣнный, отъ періода миѳическаго идущій обрядъ, и какъ досужая забава пирующихъ, и какъ вѣщая сила, ограждающая благо, жизнь и здоровье жениха и невѣсты.

При эпической обрядности, поэзія и поэтъ состояли въ иномъ отношеніи къ жизни, нежели теперь. Въ періодъ эпическій исключительно никто не былъ творцомъ ни миѳа, ни сказанія, ни пѣсни. Поэтическое воодушевленіе принадлежало всѣмъ и каждому, какъ пословица, какъ юридическое изреченіе. Поэтомъ былъ цѣлый народъ; творилъ онъ поэтическія преданія вппродолженіе вѣковъ. Отдѣльныя же лица были не поэты, а только пѣвцы и разскащики; они умѣли только вѣрнѣе и ловчѣе разсказывать или пѣть, что извѣстно было всякому. Если что и прибавлялъ отъ себя пѣвецъ-геній, то единственно потому, что въ немъ по преимуществу дѣйствовалъ тотъ поэтическій духъ, которымъ проникнутъ весь народъ; только это убѣжденіе давало ему силу творить, и только такое творчество было посердцу его слушателямъ. Потому и въ этомъ случаѣ изобрѣтеніе басни, лицъ и событій не принадлежало поэту. Преданіе, подобно языку, жило въ сознаніи всѣхъ и каждаго; вѣками оно возрастало и обработывалось. Отдѣльному лицу, увлеченному въ своей жизни всѣмъ потокомъ преданій и повѣрій, трудно было, подобно новѣйшему художнику, отрѣшиться отъ нихъ въ минуту творчества и возсоздать въ изящной формѣ все то, что было въ нихъ прекраснаго. Въ эпическую эпоху разскащикъ, или пѣвецъ, довольствовался немногими прибавленіями только въ подробностяхъ, при описаніи лица или событія уже давно всѣмъ извѣстныхъ; онъ былъ свободенъ только въ выборѣ того, что казалось ему важнѣйшимъ въ народномъ сказаніи, что особенно могло тронуть сердце. Но и при свободѣ разсказа поэтъ былъ неволенъ въ выборѣ словъ и выраженій. Въ самородномъ эпосѣ эпическая обрядность во всей силѣ господствуетъ въ повтореніи извѣстныхъ, обычныхъ выраженій, и сказанное о чемъ-нибудь однажды казалось столь удачнымъ, что уже никто не бралъ на себя труда выдумывать новое. Какъ бы по закону природной необходимости, наивная фантазія постоянно обращается къ тѣмъ же образамъ, выраженіямъ и цѣлымъ рѣчамъ. Искать удовольствія въ развлеченіи новостью и разнообразіемъ есть уже потребность позднѣйшая, порожденная искуственными заботами утонченной жизни. Какъ по содержанію, такъ и по формѣ, всякая народная поэзія, по мѣрѣ развитія жизни самого народа, разрасталась, въ сущности оставаясь неизмѣнною. Отдѣльный же поэтъ, пробуя свои силы на сказаніи, дошедшемъ до него, какъ и до всѣхъ, по преданію, только выяснялъ своимъ разсказомъ то, что было уже въ нѣдрахъ цѣлаго народа, но не ясно и безсознательно. Понятно, что въ своемъ творчествѣ поэтъ легко терялъ собственную личность, изчезая въ эпической дѣятельности цѣлыхъ поколѣній.

Касательно личнаго характера пѣвцовъ можно сказать только, что они отъ временъ Гомера у всѣхъ европей-

скихъ народовъ, по преимуществу, были слѣпцы и нищіе. Впослѣдствіи, при нѣкоторомъ развитіи общественности, какъ въ романскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ племенахъ, могло образоваться сословіе поэтовъ, но на короткое время; слѣпцы же поэты отъ временъ гомерическихъ не переводятся и доселѣ. Въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи 1343—49 г. упоминаются слѣпцы, поющіе на улицѣ. Въ простомъ быту эпическаго періода исключительнымъ пѣвцомъ могъ быть по преимуществу слѣпецъ, потому что ему нечего больше дѣлать, какъ пѣть да разсказывать. У кого есть глаза, руки и ноги, тотъ работаетъ; ему ужъ нельзя быть ни поэтомъ по профессіи, ни нищимъ, ибо и нищимъ былъ только тотъ, кто не могъ трудиться, то есть слѣпой, старый калѣка. Потому слѣпцомъ сербы называютъ поэта, а лужичане—нищаго. И у насъ въ старину слово «нищій», вѣроятно, значило слѣпой, что видно изъ слѣдующаго мѣста въ стихахъ, изданныхъ Кирѣевскимъ, гдѣ слово «нищета» употреблено въ смыслѣ слѣпоты: «(сохраняй) буйныя головы отъ боли и ясныя очи отъ нищеты». Гудьба, то есть музыка, есть непремѣнная принадлежность сербскаго слѣпца; «кто послѣ слѣпнетъ, лучше гудитъ», говоритъ сербъ въ пословицѣ. Хотя и горько жить слѣпому (слѣпецъ, по сербской пословицѣ, плачетъ не о томъ, что онъ невзраченъ, а о томъ, что не видитъ бѣлаго свѣта), но заиграй онъ на гусляхъ—и счастливъ: «а ужъ коли не гудятъ мнѣ гусли», выражается онъ пословицею, «тогда не мило мнѣ, что я слѣпъ». Въ Бретани, гдѣ нищіе доселѣ пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ, слѣпой пѣвецъ-нищій нерѣдко является на пиру зажиточнаго хозяина и почти всегда присутствуетъ на свадьбѣ, прославляя въ пѣсняхъ молодую, которая сама угощаетъ его. И у насъ, какъ во времена гомерическія, пѣвецъ былъ украшеніемъ пира, что видимъ изъ окончанія одного древне-русскаго стихотворенія:

Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
испиваючи медъ, зелено вино;
гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
тому боярину великому
и хозяину своему ласкову.

Этимъ же древнимъ обычаемъ объясняется шутливая присказка, которою обыкновенно заключается сказка, кончавшаяся веселымъ пиркомъ и свадьбою: «и я тамъ былъ, медъ, вино пилъ, по усамъ текло — въ ротъ не кануло».

Такимъ образомъ слѣпые старики сохраняютъ преданіе, потому что у нихъ ничего больше нѣтъ на землѣ для сбереженія. Какъ Шиллеровъ поэтъ, они, при раздѣлѣ земли, отмежевали себѣ вдохновеніе. Слѣпой пѣвецъ — вмѣстѣ и старикъ, а также и младенецъ, потому что, какъ дитя, онъ чуждъ жизни. Дѣйствительность, которой онъ не видитъ и которой пользоваться не имѣетъ средствъ, есть недосягаемый для него идеалъ, вмѣстѣ и надежда и воспоминаніе, и потому, весьма естественно, украшаетъ онъ дѣйствительность въ великолѣпныхъ разсказахъ о сокровищахъ и богатыряхъ. А хозяинъ, слушая слѣпаго пѣвца, радушной милостынею платитъ за поэтическое наслажденіе и такимъ образомъ сопровождаетъ свое доброе дѣло не однимъ нравственнымъ утѣшеніемъ, но и художественною забавою.

Ѳ. Буслаевъ.

67. Практическое значеніе Искуства.

Вопросъ о пользѣ былъ нѣкогда неизбѣжнымъ предисловіемъ ко всякому дѣлу. Потомъ, когда заговорили о самостоятельности каждаго дѣла, проистекающаго изъ существенной потребности человѣческой природы, подобные предварительные трактаты о пользѣ

подверглись осмѣянію. Но вопросъ о пользѣ можетъ имѣть болѣе глубокое значеніе, не заслуживающее осмѣянія. Все въ мірѣ связано между собою, все дѣйствуетъ одно на другое, и потому все можетъ быть взаимно полезно или вредно. Но, съ другой стороны, дѣйствовать успѣшно можетъ только то, что достаточно сильно и зрѣло въ самомъ себѣ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе и становится способною дѣйствовать лишь въ той мѣрѣ, въ какой удовлетворяетъ внутреннему закону своего существованія. Въ человѣческомъ мірѣ должны мы признать то же самое. Каждая дѣятельность хочетъ имѣть свой корень, свою область и требуетъ самостоятельнаго развитія. Она должна прежде сама развиться и лишь потомъ можетъ оказывать вліяніе на все прочее. Хотите ли вы утолить голодъ или жажду: вы возьмете зрѣлый плодъ, а гнилой или незрѣлый будетъ безполезенъ вамъ. Хотите ли пользы отъ науки: дайте ей полный просторъ, дайте возможность, чтобы умственныя силы могли быть преданы ей вполнѣ, такъ, чтобы она образовала великій и живой организмъ, чтобы каждая существенная цѣль въ ней достигалась достиженіемъ многихъ другихъ посредствующихъ цѣлей, и чтобы каждая изъ такихъ посредствующихъ цѣлей могла стать предметомъ особыхъ стремленій и могла образовать свой міръ. Не спрашивайте, зачѣмъ то и зачѣмъ другое; не говорите о безполезности той или другой части: знайте, что за каждую часть отвѣчаетъ цѣлое, а цѣлое возможно лишь при полномъ и рѣшительномъ развитіи каждой части.

Вы хотите, чтобы художникъ былъ полезенъ? Дайте же ему быть художникомъ и не смущайтесь тѣмъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ занятъ изученіями и приготовленіями, которыя имѣютъ своею единственною цѣлью дѣло искуства. Когда дѣло исполнится, когда он явится на свѣтъ, оно непремѣнно окажетъ вліяніе на всѣ стороны человѣческаго сознанія и жизни, и окажетъ тѣмъ сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать условіямъ своей внутренней природы. Не говорите: что толку въ этихъ прекрасныхъ линіяхъ, въ этихъ образахъ и звукахъ? какая польза намъ отъ этого? Мы не будемъ отвѣчать на эти вопросы рѣзкими словами поэта, не будемъ также распространяться о важности внутренней цѣли искуства, о томъ, что минуты этого вдохновеннаго созерцанія идей и жизни сами по себѣ драгоцѣны; прямѣе и примирительнѣе будемъ отвѣчать этимъ суровымъ искателямъ пользы. Правда, скажемъ мы имъ, люди призваны въ міръ не для одного спокойнаго созерцанія; мы должны дѣйствовать и участвовать въ великихъ битвахъ жизни, каждый по силамъ и средствамъ своимъ: все въ человѣческомъ мірѣ стремится и дѣйствуетъ, все въ напряженіи и борьбѣ. Такъ! мы не будемъ терпѣть, чтобы силы, столь нужныя для дѣйствія и борьбы, замыкались въ неприступной оградѣ и пребывали тамъ въ блаженномъ созерцаніи безплодно для всего окружающаго. Но точно ли остаются эти силы безплодными? Точно ли изъ этихъ возвышенныхъ сферъ не проистекаетъ обратное дѣйствіе на жизнь? Точно ли есть такія разобщенныя сферы, которыя бы не оказывали взаимнаго другъ на друга вліянія и не дѣйствовали на всю совокупность человѣческаго сознанія и жизни? Нѣтъ, взаимное дѣйствіе вещей можетъ быть измѣряемо не грубою оцѣнкою поверхностнаго взгляда. Дѣйствіе далеко отходитъ отъ своей причины и принимаетъ безконечно разнообразные виды и оттѣнки, такъ что отдаленное дѣйствіе, сличенное съ своею первоначальною причиной, часто оказывается вовсе на нее непохожимъ. Самыя, если позволено будетъ такъ выразиться, спеціальныя произведенія искуства не остаются безъ дѣйствія на жизнь, и дѣйствіе ихъ можетъ оказаться тамъ, гдѣ мы вовсе не ожидали его. Не думаете ли вы, что впечатлѣніе прекраснаго

такъ и заглохнетъ въ эстетическомъ чувствѣ? что оно ни во что еще не переходитъ, ни въ чемъ еще не выражается? Мы же думаемъ, что истинное образованіе невозможно безъ этого элемента, и исторія своими примѣрами подтверждаетъ наше мнѣніе. Поэзія означеновываетъ первое пробужденіе народа къ исторической жизни, искуство и знаніе сопутствуютъ его развитію и служатъ самымъ лучшимъ выраженіемъ силы и свойства развитія. Народы самые практическіе отличались высокимъ и сильнымъ развитіемъ умственной и художественной дѣятельности, которая, повидимому, была совершенно чужда текущихъ вопросовъ, и дневныхъ интересовъ, но которая въ самомъ-то дѣлѣ была совершенно необходима для успѣховъ жизни.

Скажите, откуда взялось въ жизни образованныхъ народовъ это изящество формъ и благородство общественныхъ отношеній? Мы такъ гордимся этими успѣхами гражданственности и съ такимъ ужасомъ озираемся назадъ къ тѣмъ временамъ, когда въ обществѣ еще не чувствовалось присутствіе эстетическаго начала; мы съ такимъ пыломъ готовы на всякую экспедицію для новыхъ завоеваній подъ знаменемъ этой гражданственности, такъ нами цѣнимой! А между тѣмъ изящество жизни впервые выработалось въ тѣхъ умственныхъ сферахъ, которыя казались намъ безплодными, впервые развилось оно въ тѣхъ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, которыя могли казаться совершенно безполезными для жизни. Линіи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта, но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни: онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искуства остается не въ одной лишь ближайшей ихъ сферѣ, но распространяется далеко и оказывается тамъ, гдѣ объ идеалахъ художника нѣтъ и помина.

Представленія, образы, мысли — все это силы и весьма дѣйствительныя силы въ человѣческомъ сознаніи. Ничто не прокрадется въ нашихъ мысляхъ безъ дѣйствія, хотя бы вначалѣ и незамѣтнаго. Прекрасные образы и звуки вносятъ съ собою въ сознаніе это начало прекраснаго, ихъ отличающее. Оно не останется только при нихъ, а мало по малу пріобрѣтетъ свое отдѣльное значеніе, станетъ особою силою, которая войдетъ въ безчисленныя сочетанія и окажется въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ нравственнаго міра. Но значеніе искуства простирается далѣе, чѣмъ признакъ прекраснаго, понимаемый въ обыкновенномъ своемъ смыслѣ. Художественная мысль, какъ и мысль познающая, открываетъ намъ внутренній взоръ на явленія жизни и чрезъ то расширяетъ наше сознаніе, сферу нашего умственнаго господства: словомъ, могущественно способствуетъ тому, изъ-за чего мы бьемся въ жизни. Требуйте отъ искуства прежде всего истины; требуйте, чтобы художественная мысль уловляла существенную связь явленій и приводила къ общему сознанію все то, что творится и дѣется во мракѣ жизни; требуйте этого, и польза приложится сама собою, польза великая, ибо чего-же лучше, если жизнь пріобрѣтаетъ свѣтъ, а сознаніе — силу и господство?

Каждый въ мірѣ стоитъ за своимъ дѣломъ и каждый притомъ служитъ орудіемъ одного великаго общаго дѣла. Честный труженикъ, приводящій въ движеніе тысячи колесъ и пружинъ въ видахъ вещественнаго благосостоянія, необходимаго для нравственнаго процвѣтанія общества, не имѣетъ, можетъ быть, въ кругу своихъ обычныхъ понятій никакого прямаго отношенія къ искуству и поэзіи; скорѣе можетъ показаться онъ живымъ отрицаніемъ всякой поэзіи. Но, что бы онъ ни думалъ про себя и какъ бы даже ни жаловался на безплодность отвлеченныхъ мыслей, все, что есть въ его дѣлѣ по-истинѣ благороднаго, жи-

ваго, способнаго къ развитію и ведущаго къ успѣхамъ, это нравственное начало въ его дѣятельности, иногда самому ему неясное, но согрѣвающее его трудъ, все это связано въ дѣйствительности со многими чисто умственными движеніями, хотя бы и чуждыми его личному сознанію.

Не заставляйте художника браться за «метлу», какъ выразился Пушкинъ въ стихотвореніи «Чернь». Повѣрьте, тутъ-то и мало будетъ пользы отъ него. Пусть, напротивъ, онъ дѣлаетъ свое дѣло; оставьте ему его «вдохновеніе», его «сладкіе звуки», его «молитвы». Если только вдохновеніе его будетъ истинно, онъ, не заботьтесь, будетъ полезенъ.

Довѣримся вдохновенію истины и будемъ требовать отъ художника, какъ и отъ мыслителя, чтобы они только свято служили ей. Нечего заботиться о томъ, чтобы художникъ былъ крѣпокъ своей эпохѣ. Болѣе чѣмъ кто-нибудь, онъ созданъ духомъ своего народа и духомъ своего времени, и на немъ неизгладимо означенъ ихъ образъ. Вдохновенная мысль, воспитанная стремленіемъ къ истинѣ, первая усматриваетъ признаки времени. Въ ея произведеніяхъ сами собою отражаются господствующія начала и направленія эпохи. То, что происходитъ глухо въ умахъ, обрѣтаетъ себѣ выраженіе въ поэтическомъ сознаніи и возводится въ ясное для всѣхъ представленіе. Творческая мысль дѣйствительно владѣетъ могущественнымъ орудіемъ, а ея слово находитъ вѣрный путь къ сердцамъ; но оно только тогда бываетъ плодотворно, когда является ея свободнымъ и чистымъ выраженіемъ. Она оставляетъ по себѣ богатый запасъ запечатлѣнныхъ ею выраженій, которыя становятся общимъ достояніемъ. Ими пользуется всякій, и слава Богу! Но творческая мысль пусть идетъ далѣе и открываетъ новые пути, и дѣлаетъ новыя завоеванія. Остережемся, чтобы вмѣсто поэта не навязать себѣ на шею или фразера, или доктринера. Фразеръ—это родъ никуда негодный, и объ немъ говорить не стоитъ; доктринеръ — дѣятель почтенный, но гораздо бы лучше ему дѣйствовать прямѣе, не прибѣгая къ формамъ художественнаго творчества. Поэма, повѣсть, драма, написанныя съ дидактическою или ораторскою цѣлью, часто только вредятъ вызвавшей ихъ мысли. Уму бываетъ въ нихъ душно, и вмѣсто живаго дѣла часто производятъ они только томительную апатію. Лишь одинъ родъ поэзіи сближается съ искуствомъ оратора: это лирика, которую нельзя принимать за твердую форму собственно художественной дѣятельности. Лирика можетъ быть во всемъ, даже къ безмолвномъ поступкѣ, и наоборотъ, въ размѣренномъ складѣ летучаго стиха можетъ, болѣе или менѣе удачно, выразиться всякое душевное движеніе.

Источникъ разногласія въ сужденіяхъ весьма часто заключается лишь въ сбивчивости словъ. Формула: «искуство для искуства» можетъ въ самомъ дѣлѣ заключать въ себѣ смыслъ весьма неблагопріятный, и отъ такого смысла должны мы освободить эстетическій законъ, дающій внутреннюю цѣль явленіямъ искуства. Все, непріятно поражающее умъ въ этомъ знаменитомъ выраженіи: «искуство для искуства», заключается въ представленіи, будто художникъ долженъ имѣть своею цѣлью только изящество исполненія, и тутъ мы съ полнымъ правомъ восклицаемъ: нѣтъ! искуство должно имѣть какую либо болѣе существенную цѣль; пусть оно лучше оставитъ тщеславное притязаніе находить въ самомъ себѣ цѣль для своихъ явленій и будетъ лишь простымъ и честнымъ орудіемъ для другихъ назначеній, на которыя вызываетъ его жизнь съ своими битвами и стремленіями. Но дѣло въ томъ, что искуство именно тогда-то и будетъ лишено всякой внутренней цѣли, когда художественная дѣятельность будетъ заключаться только въ искуствѣ исполненія; тогда-то оно и

превратится въ простое средство для достиженія посторонних и дѣйствительно суетныхъ цѣлей. Мы видимъ такое искуство во множествѣ литературныхъ явленій, которыхъ все назначеніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы болѣе или менѣе пріятно занимать праздный досугъ читателя. Такое искуство видимъ мы тоже въ явленіяхъ временъ упадка, когда изсякаютъ источники всякой умственной производительности и когда всѣ стремленія имѣютъ цѣлью только щекотать чувства, поражать эфектомъ и угождать прихотямъ вкуса. Подобныя явленія столь же мало соотвѣтствуютъ внутренней цѣли искуства, какъ и тѣ, въ которыхъ мысль прибѣгаетъ къ формамъ художественной дѣятельности для разныхъ практическихъ цѣлей. Хотя явленіе этого послѣдняго рода гораздо предпочтительнѣе первыхъ въ нравственномъ отношеніи, но ни тамъ, ни тутъ нѣтъ истиннаго искуства, ни тамъ, ни тутъ не достигается та великая цѣль, въ которой состоитъ его сущность и заключается его необходимость для человѣческаго развитія. Эта цѣль есть сознаніе: художественное творчество есть дѣятельность мысли, приводящей къ сознанію то, что безъ ея посредства оставалось бы для него чуждымъ и нѣмымъ; дѣятельность мысли, которая вноситъ жизнь въ человѣческое сознаніе и сознаніе въ самые потаенные изгибы жизни.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что отъ искуства въ чистомъ и существенномъ значеніи его проистекаетъ великая польза, и мы можемъ спокойно ограничиваться ею, не навязывая художнику никакихъ практическихъ побужденій для дѣятельности. Какое различіе между практическимъ направленіемъ мысли и направленіемъ теоретическимъ, которое должно господствовать въ художественной дѣятельности? Практически направленная мысль имѣетъ своею цѣлью непосредственно склонять къ чему нибудь волю, непосредственно побуждать людей къ поступку. Но чтобъ произвести такое дѣйствіе, мы по необходимости должны имѣть въ виду не одну только истину дѣла, а также и всѣ тѣ различныя обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть рѣшеніе воли и особенность ея настроенія въ данное время. Большею частію мы бываемъ принуждены обращать все вниманіе лишь на одну сторону предмета, часто должны бываемъ вовсе оставлять предметъ и всю силу слова устремлять на обстоятельства, совершенно ему постороннія; интересъ истины исчезаетъ; все расчитывается только на практическое впечатлѣніе. Мы не отрицаемъ необходимости и такого рода дѣятельности, мы съ радостію привѣтствуемъ ее тамъ, гдѣ она встрѣчается въ достойномъ видѣ; пусть даже пользуется она для своихъ цѣлей художественными формами: но мы не хотимъ, чтобы она вытѣсняла искуство въ его собственномъ значеніи и ставила себя на его мѣсто. Искуство, какъ и наука, дѣйствуютъ прежде всего раскрытіемъ предмета въ его истинѣ и потомъ уже предоставляютъ самой истинѣ дѣйствовать на убѣжденіе и волю. Впрочемъ, ограждая самостоятельность искуства, мы, съ другой стороны, желали бы содѣйствовать къ уничтоженію той исключительности, въ какой иногда понимаютъ художественность и поэзію. Не только не должны онѣ быть связываемы съ какимъ либо особымъ способомъ выраженія, напримѣръ, съ формою стиха, но и вообще съ извѣстными родами произведеній. Художественность и поэзія могутъ сопровождать живую творческую мысль повсюду, какого бы предмета они ни касались. Чтобы не ходитъ далеко за примѣромъ, приведемъ «Записки Оренбургскаго ружейнаго охотника», С. Т. Аксакова, или его же книгу «Семейная Хроника». Это не поэма и не драма, но сколько тутъ поэзіи и какая чистая художественность въ изображеніяхъ!

Самъ художникъ вовсе не есть какое либо особенное существо. Каждый вообще даровитый человѣкъ бываетъ въ

извѣстной степени и въ извѣстномъ отношеніи художникомъ, и съ поэтическимъ вдохновеніемъ можетъ быть знакомъ тотъ, кто никогда не писалъ ни стиховъ, ни даже прозы.

Но, не ставя художника въ исключительное положеніе и допуская художественное начало въ каждомъ болѣе или менѣе даровитомъ и развитомъ человѣкѣ, мы также считаемъ необходимымъ, чтобы въ художникѣ жилъ и развивался человѣкъ. Въ интересѣ самаго искуства должно требовать, чтобы художникъ былъ развитъ и нравственно и умственно. Правда, бываетъ нерѣдко, что вдохновеніе

> ... посѣщаетъ голову
> Гуляки празднаго....

и не дается усильному труду; правда, самъ Пушкинъ оставилъ намъ другую искреннюю и печальную исповѣдь:

> Когда не требуетъ поэта
> Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
> Въ забавахъ суетнаго свѣта
> Онъ малодушно погруженъ;
> Молчитъ его святая лира,
> Душа вкушаетъ хладный сонъ,
> И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
> Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ....

Такъ, это истинно; но мы можемъ утѣшить себя тѣмъ, что это только фактъ, а не законъ. Напротивъ, мы должны убѣдиться, что богатый даръ природы можетъ вполнѣ проявить себя только при условіи высокаго нравственнаго и умственнаго образованія. Пусть вдохновеніе посѣщаетъ блудящимъ огнемъ голову празднаго гуляки; еще вѣрнѣе то, что великое и всемірное можетъ быть произведено только тѣмъ, кто способенъ чувствовать великое и всемірное въ самомъ себѣ.

Давая искуству независимое значеніе, мы не освобождаемъ художника отъ обязанности заботиться о содержаніи своихъ произведеній. Мы согласны, что печать высокой художественности отличаетъ и такія произведенія, которыя предметомъ своимъ имѣютъ самыя ничтожныя явленія жизни; но, какъ бы ни было ничтожно явленіе, мысль должна стоять высоко, чтобы понимать его сущность, и, можетъ быть, тѣмъ выше должна стоять она, чѣмъ ничтожнѣе постигаемое ею явленіе. Всякое ничтожество можетъ быть художественно воспроизводимо только такою мыслію, которая не останавливается на поверхности вещей и способна видѣть каждое явленіе въ его сущности, при свѣтѣ идеи, въ глубокой, обширной и сложной связи, дающей ему интересъ для разумѣнія.

М. Катковъ.

68. Понятіе объ исторіи въ древнемъ и новомъ мірѣ.

Греки и Римляне смотрѣли на исторію другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе искуствомъ, чѣмъ наукою. Такое воззрѣніе естественнымъ образомъ вытекало изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Съ этою цѣлью соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. «Я буду удовлетворенъ», говоритъ Ѳукидидъ, «если трудъ мой окажется полезнымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ, а равно и о томъ, что по ходу дѣлъ человѣческихъ можетъ повториться снова». Это практическое направленіе выразилось еще съ большею силою въ произведеніяхъ римскихъ историковъ; но въ лучшія времена римской литературы оно всегда соединялось съ нравственно-эстетическими цѣлями. Тѣсная связь исторіи съ жизнію, черпавшей изъ нея многостороннее назиданіе, сообщала нашей наукѣ важность, которой она, при всѣхъ сдѣланныхъ ею съ

тѣхъ поръ успѣхахъ, не имѣетъ въ настоящее время. Назвавъ ее наставницею жизни, Цицеронъ выразилъ господствовавшее у древнихъ воззрѣніе. Они вѣрили въ могущество примѣровъ. Ихъ жизнь, далеко не такъ сложная, какъ новыхъ народовъ, нерѣдко повторяла одни и тѣ же явленія и такимъ образомъ открывала возможность прилагать къ дѣлу опыты минувшаго. Римскому гражданину, особенно въ послѣдній періодъ республики, во время ея высочайшаго могущества, нельзя было обойтись безъ обширной исторической образованности. Безъ нея невозможна была никакая политическая дѣятельность. Такое понятіе о практическомъ значеніи исторіи сохранилось при императорахъ. Самое рѣзкое и вполнѣ подтверждающее наши слова свидѣтельство находится въ біографіи Александра Севера, написанной Эліемъ Лампридіемъ: «Северъ особенно пользовался совѣтами мужей, знавшихъ исторію, и спрашивалъ у нихъ, какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ шла рѣчь, древніе римскіе императоры или вожди другихъ народовъ».

При господствѣ такихъ направленій, произведенія древней исторіографіи не могли походить на ученыя сочиненія новаго времени, болѣе или менѣе носящія на себѣ печать кабинетной работы. Историки Греціи и Рима принадлежали преимущественно высшимъ сословіямъ общества и часто описывали такія событія, въ которыхъ были личными участниками или свидѣтелями. Они старались сообщить разсказамъ своимъ какъ можно большую красоту и ясность, сдѣлать ихъ доступными для сколь можно большаго числа читателей. Изящная форма составляла необходимое условіе значительнаго успѣха. Но подъ изяществомъ формы разумѣлась не одна красота изложенія, а художественное, на основаніи общихъ законовъ искуства совершенное, построеніе матеріаловъ. Исторія, по словамъ Лукіана, родственница поэзіи, а историкъ долженъ походить на ваятеля, который не создаетъ мрамора или металла, но творчески сообщаетъ имъ прекрасный образъ. Въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ о формахъ, свойственныхъ историческимъ сочиненіямъ, и объ отношеніи ихъ къ искуству вообще, высказался складъ ума обоихъ народовъ классической древности. Греки требовали преимущественно поэтической, Римляне риторической стихіи. Послѣдняя, впрочемъ, была неизбѣжна вслѣдствіе того значенія, какое краснорѣчіе имѣло въ античной государственной жизни.

Имѣя такимъ образомъ въ виду или ту сторону духа, на которую дѣйствуетъ искуство, или сферу практической, гражданской дѣятельности, исторія уклонилась отъ строгаго характера науки. Изслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ почти не существовали. Ихъ мѣсто заступали у великихъ писателей природная, укрѣпленная навыкомъ, способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. Къ тому же лучшія произведенія древнихъ историковъ суть монографіи, объемлющія одно какое нибудь великое событіе, или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ христіанства. Замѣчательная мысль Полибія о недостаточности частныхъ исторій, по которымъ, говоритъ онъ, также мало можно судить объ общемъ ходѣ исторіи, какъ по отдѣльнымъ членамъ тѣла о красотѣ цѣлаго организма, не отозвалась даже въ его собственномъ трудѣ, равно какъ осталось безъ исполненія обѣщаніе Діодора Сицилійскаго разсказать судьбы всего міра какъ исторію одного государства. За то простота и опредѣленность содержанія ставили древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету. Одушевленіе, съ какимъ онъ приступалъ къ дѣлу, не охлаждалось предваритель-

ною повѣркою многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ свои свѣдѣнія новый историкъ. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложныя, не прямо къ ней относящіяся явленія. Ѳукидидъ передалъ намъ въ безсмертномъ твореніи своемъ весь ходъ пелопонесской войны, но не счелъ нужнымъ упомянуть о внутренней жизни Аѳинъ въ то время, о блестящемъ развитіи искуствъ и науки. Недостатокъ полноты искупается у него единствомъ содержанія и возможною только при такомъ условіи строгою красотою формы. При современныхъ понятіяхъ о задачѣ историка, подобное ограниченіе предмета едва ли можетъ быть допущено. Но древніе, какъ сказнно выше, разсматривали событія не съ всемірно-исторической, а съ національной точки зрѣнія, не допускали другой связи явленій, кромѣ такъ называемой прагматической, и не входили въ разборъ безчисленныхъ пружинъ, которыми движутся человѣческія общества. Они безъ труда подымали легкую ношу историческихъ матеріаловъ, завѣщанныхъ имъ предшественниками, и смѣло подчиняли ее своимъ личнымъ нравственно-эстетическимъ или гражданскимъ цѣлямъ. Греческій или римскій историкъ не скрывается за описываемыми имъ событіями: напротивъ, онъ вноситъ въ разсказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искуство для передачи читателямъ собственнаго воззрѣнія на данный предметъ. Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники, которыхъ недосягаемая красота не должна служить укоромъ новому историку, имѣющему предъ собою рѣшеніе другихъ, болѣе сложныхъ вопросовъ.

Быть можетъ, ни одна наука не подвергается въ такой степени вліянію господствующихъ философскихъ системъ, какъ исторія. Вліяніе это обнаруживается часто противъ воли самихъ историковъ, упорно отстаивающихъ мнимую самостоятельность своей науки. Содержаніе каждой философской системы рано или поздно дѣлается общимъ достояніемъ, переходя въ область примѣненій, въ литературу, въ ходячія мнѣнія образованныхъ сословій. Изъ этой окружающей его умственной среды заимствуетъ историкъ свою точку зрѣнія и мѣрило, прилагаемое имъ къ описываемымъ событіямъ и дѣламъ. Между такимъ неизбѣжнымъ и нерѣдко безсознательнымъ подчиненіемъ фактовъ взятому извнѣ воззрѣнію и логическимъ построеніемъ исторіи—большое разстояніе. Съ конца прошедшаго столѣтія философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значеніе. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній. Скажемъ болѣе: философія исторіи едва ли можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей исторіи, изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ феноменологіи духа; но, спускаясь въ сферу частныхъ явленій, ни сходя до ихъ оцѣнки, она уклоняется отъ настоящаго своего призванія, заключающагося въ опредѣленіи общихъ законовъ, которымъ подчинена земная жизнь человѣчества, и неизбѣжныхъ цѣлей историческаго развитія. Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ болѣе или менѣе носить на себѣ характеръ произвола, потому что великія событія, какъ бы они ни были далеки отъ насъ, продолжаютъ совершаться въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, т. е. въ своихъ результатахъ, и никакъ не должны быть разсматриваемы какъ нѣчто замкнутое и вполнѣ оконченное. Лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго нами мнѣнія о невозможности отдѣльной философіи исторіи могутъ служить чтенія Гегеля объ этомъ предметѣ, изданныя по смерти его Гансомъ. Это произведеніе знаменитаго

мыслителя не удовлетворило самыхъ горячихъ его почитателей, потому что оно есть не что иное, какъ отрывочное и не всегда въ частностяхъ вѣрное изложеніе всеобщей исторіи, вставленной въ рамку произвольнаго построенія.

Смутно понятая философская мысль о господствующей въ ходѣ историческихъ событій необходимости или законности приняла подъ перомъ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма даровитыхъ писателелей, характеръ фатализма. Во Франціи образовалась цѣлая школа съ этимъ направленіемъ, котораго вліяніе обозначено печальными слѣдами не только въ наукѣ, но и въ жизни. Школа историческаго фатализма снимаетъ съ человѣка нравственную отвѣтственность за его поступки, обращая его въ слѣпое, почти безсознательное орудіе роковыхъ предопредѣленій. Властителемъ судебъ народныхъ явился снова античный fatum, отрѣшенный отъ своего трагическаго величія, низведенный на степень неизбѣжнаго политическаго развитія. Въ противоположность древнимъ трагикамъ, которые возлагали на чело своихъ обреченныхъ гибели героевъ вѣнецъ духовной побѣды надъ неотразимымъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій рокомъ, историки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, видятъ въ успѣхѣ конечное оправданіе, въ неудачѣ — приговоръ всякаго историческаго подвига. Смѣемъ сказать, что такое воззрѣніе на исторію послужитъ будущимъ поколѣніямъ горькою уликою противъ усталаго и утратившаго вѣру въ достоинство человѣческой природы общества, среди котораго оно возникло.

Систематическое построеніе исторіи вызвало противниковъ, которые вдались въ другую крайность. Защищая факты противъ самоуправнаго обращенія съ ними, они называютъ всякую попытку внести въ хаосъ событій единство связующихъ и объясняющихъ ихъ идей искаженіемъ непосредственной исторической истины. Дѣло историка должно, по ихъ мнѣнію, заключаться въ вѣрной передачѣ того, что было, т. е. въ разсказѣ. Слова Квинтиліана: «scribitur ad narrandum, non ad probandum», служащія эпиграфомъ къ извѣстному сочиненію Баранта о герцогахъ бургундскихъ, получаютъ такимъ образомъ приложеніе ко всей безконечной области всеобщей исторіи. На историка возлагается обязанность воздерживаться отъ собственныхъ сужденій въ пользу читателей, которымъ исключительно предоставлено право выводить заключенія и толковать по своему содержаніе предложенныхъ имъ разсказовъ. Нужно ли обличать слабость и несостоятельность такихъ понятій въ наукѣ? Блестящій успѣхъ повѣствовательной школы, при первомъ ея появленіи, не могъ быть продолжительнымъ и объясняется временнымъ настроеніемъ пресыщеннаго теоріями общества. Возьмемъ въ примѣръ «Исторію герцоговъ бургундскихъ» Баранта, до сихъ поръ не утратившую своей быстро завоеванной славы. Главное достоинство этой книги заключается въ выборѣ авторомъ предмета, исполненнаго драматической занимательности и превосходно переданнаго намъ такими современными писателями, каковы были Фроассаръ, Монтреле, Коминъ и другіе. Заслуга Баранта болѣе литературная, нежели ученая. Онъ переложилъ на новый французскій языкъ памятники XIV и XV столѣтій, дотолѣ извѣстные только небольшому числу читателей. Но, связанный добровольно наложенными на себя условіями, историкъ не сталъ выше источниковъ и самъ отнялъ у себя возможность раскрыть намъ настоящее значеніе событій, рѣзко характеризующихъ переходное время отъ средневѣковой къ новой исторіи. Его сочиненіе представляетъ весьма любопытное явленіе въ сферѣ литературной, но оно ничего не прибавило къ дѣйствительнымъ богатствамъ науки и ни въ какомъ отношеніи не подвинуло ея впередъ. Еще съ меньшимъ успѣхомъ и пользою мо-

тутъ быть пріемы повѣствовательной школы прилагаемы къ большимъ отдѣламъ не только всеобщей, но даже исторіи отдѣльныхъ народовъ. Какая возможность пересказать словами источниковъ событія, наполняющія собою нѣсколько столѣтій? И нѣтъ ли въ такомъ направленіи явнаго противорѣчія дѣйствительнымъ цѣлямъ науки, имѣющей понять и передать въ сжатомъ изложеніи внутреннюю истину волнующихся въ безконечномъ разнообразіи явленій?

Грановскій.

69. О воспитаніи.

Истина выше человѣка, какъ личности; чтобъ быть достойнымъ имени человѣка, онъ долженъ сдѣлаться сосудомъ истины. Но истина не дается человѣку вдругъ, какъ его законное обладаніе: онъ долженъ достигать ея трудомъ, борьбою, лишеніями и страданіемъ, — и вся жизнь его должна быть стремленіемъ къ истинѣ. Личность человѣческая есть частность и ограниченность: только истина можетъ сдѣлать ее общимъ и безконечнымъ. Поэтому первое и основное условіе достиженія истины есть для человѣка отлученіе отъ самого себя въ пользу истины. Отсюда происходятъ добровольныя лишенія, борьба съ желаніями и страстями, неумолимая строгость къ своему самолюбію, готовность къ самообвиненію предъ истиною, самоотверженіе и самопожертвованіе: кто не зналъ и не испыталъ въ своей жизни ничего этого, тотъ не жилъ въ истинѣ, не жилъ въ любви.

Взглянемъ съ этой точки на любовь родительскую.

Отецъ и мать любятъ свое дитя, потому что оно ихъ рожденіе. Родство крови есть первая и въ то же время священная основа любви, ея исходный пунктъ, отъ котораго движется ея развитіе. Возставать противъ этого могутъ только или отвлеченные умы, разсудочные люди, неспособные проникнуть ни въ какую живую, явленную истину, или сердца холодныя, сухія, мертвыя, если не порочныя и не развратныя. Но естественная любовь, основывающаяся на одномъ родствѣ крови, еще далеко не составляетъ того, чѣмъ должна быть человѣческая любовь. Изъ родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крѣпко, одно истинно и дѣйствительно, одно достойно высокой и благородной человѣческой природы. Посмотрите, сколько на свѣтѣ дурныхъ дѣтей, которыя теряютъ къ родителямъ всякую любовь, но оказываютъ къ нимъ только внѣшнее, формальное уваженіе, какъ скоро избавляются, лѣтами и обезпеченіемъ своего состоянія, отъ ихъ власти и вліянія и къ тому же не ждутъ себѣ никакого наслѣдства послѣ ихъ смерти. Сколько бываетъ въ свѣтѣ ужасныхъ примѣровъ дѣтей, не оказывающихъ родителямъ даже и внѣшняго уваженія, требуемаго общественными приличіями,—даже дѣтей, оскорбляющихъ своихъ родителей, если тѣ не рѣшаются прибѣгнуть къ гражданскому закону!... Страшное, возмущающее душу зрѣлище! Бѣдные родители, несчастныя дѣти! Да, несчастныя, и, жалѣя о первыхъ, не спѣшите проклинать послѣднихъ, но подумайте о томъ, природа ли создаетъ извертовъ, или воспитаніе и жизнь дѣлаютъ ихъ такими. Мы не отвергаемъ, чтобы природа не производила людей, наклонныхъ къ пороку, но мы вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко убѣждены, что такія явленія возможны какъ исключенія изъ общаго правила и что нѣтъ столь дурнаго человѣка, котораго бы хорошее воспитаніе не сдѣлало лучшимъ. Горе дурнымъ дѣтямъ! почему бы они ни сдѣлались такими—отъ дурнаго ли воспитанія, по винѣ родителей, или отъ случайныхъ обстоятельствъ,—но они несчастны, потому что не знаютъ счастія сыновней любви и не могутъ имѣть надежды вкусить счастіе любви родительской. Но тѣмъ не менѣе должно вникать въ причины ихъ нравственнаго искаженія, если не для оправданія ихъ, то для оправданія

истины, которая выше всего, даже родителей, и для поучительнаго примѣра, въ предотвращеніе такихъ возмущающихъ душу явленій. Мы сказали, что отецъ любитъ свое дитя, потому что оно его рожденіе; но онъ долженъ любить его еще какъ будущаго человѣка, котораго Богъ нарекъ сыномъ Своимъ и за спасеніе котораго Онъ принялъ на крестѣ страданіе и смерть. При самомъ рожденіи отецъ долженъ посвятить свое дитя служенію Богу въ духѣ и истинѣ, и посвященіе это должно состоять не въ отторженіи его отъ живой действительности, но въ томъ, чтобы вся жизнь и каждое дѣйствіе его въ жизни было выраженіемъ живой, пламенной любви къ истинѣ, въ которой является Богъ. Только такая любовь къ дѣтямъ истинна и достойна называться любовію: всякая же другая есть эгоизмъ, холодное самолюбіе. Вся жизнь отца и матери, всякій поступокъ ихъ долженъ быть примѣромъ для дѣтей и основою взаимныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ должна быть любовь къ истинѣ, но не къ себѣ. Есть отцы, которые любятъ дѣтей для самихъ себя,—и въ этой любви есть своя истинная и разумная сторона; есть отцы, которые любятъ своихъ дѣтей для нихъ самихъ, и эта любовь выше, истиннѣе, разумнѣе; но при этихъ двухъ родахъ любви есть еще высшая, истиннѣйшая и разумнѣйшая любовь къ дѣтямъ—любовь въ истинѣ, въ Богѣ. Любитъ ли отецъ своего сына, если заставляетъ его смотрѣть съ уваженіемъ на свои дурные и безнравственные поступки, какъ на благородные и разумные? Не все ли это равно, что требовать отъ дитяти, чтобы оно, вопреки своему зрѣнію, бѣлое называло чернымъ, а черное бѣлымъ? Тутъ нѣтъ любви, тутъ есть только самолюбіе, которое свою личность ставитъ выше истины. А между тѣмъ у ребенка всегда будетъ столько смысла, чтобы, видя, какъ его маменька колотитъ по щекамъ дѣвокъ, или какъ его папенька напивается пьянъ и дерется съ маменькою, понимать, что это дурно. Конечно, пріучая къ такимъ сценамъ съ малолѣтства и толкуя, что это хорошо, можно наконецъ увѣрить ребенка, что въ семъ-то и состоитъ истинная жизнь; но это значитъ развратить, погубить его: гдѣ жъ тутъ любовь? тутъ только самолюбіе, которое въ своихъ дѣтяхъ хочетъ видѣть собственное безобразіе, чтобы не имѣть въ нихъ себѣ строгихъ, хотя и безмолвныхъ судей. Вопреки законамъ природы и духа, вопреки условіямъ развивающейся личности, отецъ хочетъ, чтобы его дѣти смотрѣли и видѣли не своими, а его глазами; преслѣдуетъ и убиваетъ въ нихъ всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, какъ нарушеніе сыновняго уваженія, какъ возстаніе противъ родительской власти, — и бѣдныя дѣти не смѣютъ при немъ рта разинуть: въ нихъ убита энергія, воля, характеръ, жизнь; они дѣлаются почтительными статуями, заражаются рабскими пороками—хитростью, лукавствомъ, скрытностью, лгутъ, обманываютъ, вывертываются... Китайцы, поставляющіе красоту женскихъ ногъ въ миніатюрности, зашиваютъ у дѣвочекъ ноги въ сырую воловью шкуру и снимаютъ ее, когда уже дѣвочки становятся дѣвушками: ножки въ самомъ дѣлѣ крошечныя, только кривы, изогнуты, уродливы, и женщина можетъ ходить только въ комнатѣ, и то опираясь о стѣны и на мебель. Таковы результаты остановленной въ свободномъ развитіи природы! Таковы же бываютъ и результаты остановленнаго въ естественномъ и самобытномъ развитіи духа! Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые имѣютъ несчастное убѣжденіе, что, для пользы и счастія своихъ дѣтей, они обязаны управлять тѣми ихъ склонностями, которыя рѣшаютъ счастіе или несчастіе цѣлой жизни человѣка? И какъ часто случается, что прекрасная дѣвушка, съ глубокою душою, любящимъ сердцемъ, по какому-нибудь случаю получившая, на свою пагубу, хорошее воспитаніе, созданная украсить, озолотить, осчастливить жизнь избраннаго ею, ко-

торый бы понялъ ее, выдается силою родительской власти за какое-нибудь грубое животное съ человѣческимъ обликомъ и гибнетъ безмолвною жертвою тайнаго, никѣмъ непонятаго страданія!... Бѣдная, ей даже не на кого и жаловаться: ее погубили изъ любви же къ ней, изъ искренняго желанія ей добра и счастія... Горе человѣку, когда его участь въ рукахъ злодѣевъ, и такое же горе ему, когда его участь въ рукахъ добрыхъ, но пошлыхъ и глупыхъ людей! Бѣдныя женщины чаще всего испытываютъ на себѣ несомнѣнность этой горькой истины. Молодой человѣкъ, принужденный избрать чуждую своему призванію дорогу жизни, рано или поздно, хоть съ утратою силъ души, хоть съ обрѣзанными крыльями, но еще вылетаетъ на желанную свободу, а женщины!... Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые торгуютъ счастіемъ своихъ дѣтей, спекулируютъ ими на богатство, на знатность, да еще дѣйствуютъ при этомъ во имя нравственности, любви и своихъ священныхъ родительскихъ обязанностей къ дѣтямъ?... Но оставимъ этотъ ужасный предметъ, отъ котораго возмущается и содрогается человѣческая природа будто при видѣ удава или гремучей змѣи.

Разумная любовь должна быть основою взаимныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Любовь предполагаетъ взаимную довѣренность, и отецъ долженъ быть столько же отцемъ, сколько и другомъ своего сына. Первое его попеченіе должно быть о томъ, чтобы сынъ не скрывалъ отъ него ни малѣйшаго движенія своей души, чтобы къ нему первому шелъ онъ и съ вѣстію о своей радости или горѣ, и съ признаніемъ въ проступкѣ, въ дурной мысли, въ нечистомъ желаніи, и съ требованіемъ совѣта, участія, сочувствія, утѣшенія. Какъ грубо ошибаются многіе даже изъ лучшихъ отцевъ, которые почитаютъ необходимымъ раздѣлять себя съ дѣтьми строгостію, суровостью, недоступною важностью! Они думаютъ этимъ возбудить къ себѣ въ дѣтяхъ уваженіе и въ самомъ дѣлѣ возбуждаютъ его, но уваженіе холодное, боязливое, трепетное, и тѣмъ отвращаютъ ихъ отъ себя и невольно пріучаютъ къ скрытности и лживости. Родители должны быть уважаемы дѣтьми, но уваженіе дѣтей должно проистекать изъ любви, быть ея результатомъ, какъ свободная дань ихъ превосходству, безъ требованія получаемая. Ничто такъ ужасно не дѣйствуетъ на юную душу, какъ холодность и важность, съ которыми принимается горячее изліяніе ея чувства; ничто не обливаетъ ее такимъ умерщвляющимъ холодомъ, какъ благоразумные совѣты и наставленія тамъ, гдѣ ожидаетъ она сочувствія. Обманутая такимъ образомъ въ своемъ стремленіи разъ и другой, она затворяется въ самой себѣ, сознаетъ свое одиночество, свою отдѣльность и особенность отъ всего, что такъ любовно и родственно еще недавно окружало ее, и въ ней развивается эгоизмъ: она пріучается думать, что жизнь есть борьба эгоистическихъ личностей, азартная игра, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Открытая душа младенца или юноши—свѣтлый ручей, отражающій въ себѣ чистое и ясное небо; запертая въ самой себѣ, она—мрачная бездна, въ которой гнѣздятся нетопыри и жабы. Если же не это, можетъ случиться другое: индивидуальность человѣческая, по своей природѣ, не терпитъ отчужденія и одиночества, жаждетъ сочувствія и довѣренности подобныхъ себѣ,—и дѣти сдружаются между собою, составляютъ родъ общества, имѣющаго свои тайны, общими и соединенными силами скрываемыя, что никогда до добра не доводитъ. Это бываетъ еще опаснѣе, когда друзья избираются между чужими, и тѣмъ болѣе, когда избранный другъ старше избравшаго: онъ беретъ надъ нимъ верхъ, пріобрѣтаетъ у него авторитетъ и передаетъ ему всѣ свои наклонности и привычки: что же, если онѣ дурны и порочны?... Нѣтъ! первое условіе разумной родительской любви—владѣть полною довѣренностію дѣтей, и счаст-

ливы дѣти, когда для нихъ открыта родительская грудь и объятія, которыя всегда готовы принять ихъ, и правыхъ и виноватыхъ, и въ которыя они всегда могутъ броситься безъ страха и сомнѣнія?

Юная душа, не испытавшая еще отчужденія и сомнѣнія, вся открыта наружу; она не умѣетъ любить въ мѣрѣ, но предается предмету своей любви беззавѣтно и безусловно, видитъ въ немъ идеалъ всевозможнаго совершенства, высшій образецъ для своихъ дѣйствій, вѣритъ ему со всѣмъ жаромъ фанатика. И что же, если такая любовь устремлена къ родителямъ, соединяясь съ естественною, кровною любовью къ нимъ! О, для такихъ дѣтей высочайшее счастіе какъ можно чаще быть въ присутствіи родителей, наслаждаться ихъ разговорами, сопровождать ихъ въ прогулкѣ, имѣть свидѣтелями своихъ игръ и рѣзвостей, обращаться къ нимъ въ недоразумѣніяхъ, избирать ихъ въ посредники между собою въ своихъ маленькихъ ссорахъ и неудовольствіяхъ! Нужно ли доказывать, что при такомъ воспитаніи родители одною ласкою могутъ дѣлать изъ своихъ дѣтей все, что имъ угодно; что имъ ничего не стоитъ пріучить ихъ съ малолѣтства къ выполненію долга, къ постоянному, систематическому труду въ опредѣленные часы каждаго дня (важная сторона въ воспитаніи: отъ опущенія ея много губится въ человѣкѣ)? Нужно ли говорить, что такимъ родителямъ очень возможно будетъ обратить трудъ въ привычку, въ наслажденіе для своихъ дѣтей, а свободное отъ труда время—въ высшее счастіе и блаженство? Еще менѣе нужно доказывать, что при такомъ воспитаніи совершенно безполезны всякаго рода унизительныя для человѣческаго достоинства наказанія, подавляющія въ дѣтяхъ благородную свободу духа, уваженіе къ самимъ себѣ и растлѣвающія ихъ сердца подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства? Суровый взглядъ, холодно-вѣжливое обращеніе, косвенный упрекъ, деликатный намекъ, и уже много-много, если отказъ въ прогулкѣ съ собою, въ участіи слушать повѣсть или сказку, которую будетъ читать или разсказывать отецъ или мать, наконецъ арестъ въ комнатѣ: вотъ наказанія, которыя, будучи употреблены соразмѣрно съ виною, произведутъ и сознаніе, и раскаяніе, и слезы, и исправленіе. Нѣжная душа доступна всякому впечатлѣнію, даже самому легкому: у ней есть тонкій инстинктъ, по которому она сама догадывается о неловкости своего положенія, если подала къ нему поводъ; душа грубая, привыкшая къ сильнымъ наказаніямъ, ожесточается, черствѣетъ, мозолится, дѣлается безстыдно-безсовѣстною, и ей ужъ скоро ни по чемъ всякое наказаніе. Нужно ли говорить, что такое воспитаніе легко и возможно, но требуетъ всего человѣка, всего его вниманія, всей его любви? Отцы, которыхъ вся жизнь сосредоточена въ дѣтяхъ, отдана имъ безъ раздѣла — рѣдкія явленія; но для нихъ-то и говоримъ мы, къ нимъ и обращаемъ рѣчь нашу,—и дай Богъ, чтобы она принята была ими съ такою же любовію и искренностію, съ какими мы обращаемся къ нимъ! Всѣ же не такіе могутъ намъ не вѣрить и даже смѣяться надъ нами, если имъ это заблагоразсудится. Въ добрый часъ!..

Воспитаніе—великое дѣло: имъ рѣшается участь человѣка. Молодыя поколѣнія суть гости настоящаго времени и хозяева будущаго, которое есть ихъ настоящее, получаемое ими какъ наслѣдство отъ старѣйшихъ поколѣній. Какъ зародышъ будущаго, которое должно сдѣлаться настоящимъ, каждое изъ нихъ есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. Это и есть условіе хода и прогресса человѣчества. «Не вливаютъ вина молодаго въ мѣхи старые», сказалъ нашъ божественный Спаситель, и Онъ же изрекъ о дѣтяхъ, приведенныхъ къ нему для благословенія: «таковыхъ есть царствіе небесное». Но новое, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно исторически развиться изъ стараго, и въ этомъ законѣ заключается важность воспитанія и имъ же условливается важность тѣхъ людей, которые берутъ на

себя священную обязанность быть воспитателями дѣтей.

Правительство, неусыпно пекущееся о нашемъ благѣ, ничего не щадитъ для утвержденія напрочныхъ основаніяхъ общественнаго образованія. Несмотря на безчисленное множество уже существующихъ учебныхъ заведеній, оно не перестаетъ учреждать новыя на лучшихъ основаніяхъ, а старыя преобразовывать соотвѣтственно потребностямъ времени, употребляетъ на нихъ огромныя суммы, замѣщаетъ вакантныя мѣста молодыми людьми, болѣе старыхъ способными удовлетворить современнымъ требованіямъ, и кто вникалъ съ вниманіемъ въ эту отрасль администраціи, тотъ не могъ не дивиться быстрымъ перемѣнамъ въ ней къ лучшему, богатымъ прекрасными результатами. Но общественное образованіе, преимущественно имѣющее въ виду развитіе умственныхъ способностей и обогащеніе ихъ познаніями, совсѣмъ не то, что воспитаніе домашнее: то и другое равно необходимы, и ни одно другаго замѣнить не можетъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ великій германскій мыслитель Гегель, въ своей торжественной рѣчи на актѣ нюренбергской гимназіи, обязанной его кратковременному управленію теперешнимъ своимъ процвѣтаніемъ: «Въ связи съ этимъ находится еще другой важный предметъ, который ставитъ школу еще въ большую необходимость опираться на домашнія отношенія учениковъ: это дисциплина. Я здѣсь отличаю воспитаніе нравовъ отъ ихъ образованія. Цѣлію учебнаго заведенія можетъ быть не воспитаніе, не дисциплина нравовъ въ собственномъ смыслѣ, а образованіе ихъ, и притомъ не со всѣми средствами, къ нему ведущими. Учебное заведеніе должно предполагать добрую нравственность въ своихъ ученикахъ. Мы должны требовать, чтобы ученики, вступающіе къ намъ въ школу, уже получили предварительное воспитаніе. По духу нравовъ нашего времени, непосредственное воспитаніе не есть, такъ какъ у спартанцевъ, публичное, государственное: обязанность и забота воспитанія лежитъ на родителяхъ. Другое дѣло—сиротскіе домы или семинаріи и вообще всѣ заведенія, которыя обнимаютъ цѣлое существованіе юноши».

Такъ! на родителяхъ, на однихъ родителяхъ лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей человѣками; обязанность же учебныхъ заведеній—сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ. Но кто не сдѣлался прежде всего человѣкомъ, тотъ плохой гражданинъ, плохой слуга государю. Изъ этого видно, какъ важенъ, великъ и священъ санъ воспитателя: въ его рукахъ участь цѣлой жизни человѣка. Первыя впечатлѣнія могущественно дѣйствуютъ на юную душу: все дальнѣйшее ея развитіе совершается подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Всякій человѣкъ, еще не родившись на свѣтъ, въ самомъ себѣ носитъ уже возможность той формы, того опредѣленія, какое ему нужно. Эта возможность заключается въ его организмѣ, отъ котораго зависитъ и его темпераментъ, и его характеръ, и его умственныя средства, и его наклонность и способность къ тому или другому роду дѣятельности, къ той или другой роли въ общественной драмѣ,—словомъ, вся его индивидуальная личность. По своей природѣ, никто ни выше, ни ниже самого себя: Наполеономъ или Шекспиромъ должно родиться, но нельзя сдѣлаться; хорошій офицеръ часто бываетъ плохимъ генераломъ, а хорошій водевилистъ дурнымъ трагикомъ. Это уже судьба, передъ которою безсильны и человѣческая воля, и самыя счастливыя обстоятельства. Назначеніе человѣка—развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать вровень съ самимъ собою; но не въ его волѣ и не въ его силахъ пріобрѣсти трудомъ и усиліемъ сверхъ даннаго ему природою, сдѣлаться выше самого себя, равно какъ и быть не тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, какъ, напримѣръ, художникомъ, когда онъ родился быть мыслителемъ, и т. д. И вотъ здѣсь воспитаніе получаетъ свое истинное и великое значеніе.

Животное, родившись отъ льва и львицы, дѣлается львомъ, безъ всякихъ стараній и усилій съ своей стороны, безъ всякаго вліянія счастливаго стеченія обстоятельствъ; но человѣкъ, родившись не только львомъ или тигромъ, даже человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, можетъ сдѣлаться и волкомъ, и осломъ, и чѣмъ угодно. Часто, одаренный великими средствами на великое, онъ обнаруживаетъ только дикую силу, которая служитъ ему ни къ чему иному, какъ къ разрушенію всего окружающаго его и даже самого себя. И если бываютъ такія богатыя и могучія натуры, которыя собственною глубокостію и силою спасаются отъ погибели или искаженія вслѣдствіе ложнаго, неестественнаго развитія и дурнаго воспитанія, то все-таки нельзя же сомнѣваться въ томъ, что тѣ же самыя натуры, но при нормальномъ развитіи и разумномъ воспитаніи, прямѣе дошли бы до своей цѣли, съ силами свѣжими и неистощенными въ тяжелой и безплодной борьбѣ съ случайными противорѣчіями. Разумное воспитаніе и злаго по натурѣ дѣлаетъ или менѣе злымъ, или даже и добрымъ, развиваетъ до извѣстной степени самыя тупыя способности и по возможности очеловѣчиваетъ самую ограниченную и мелкую натуру: такъ дикое, лѣсное растеніе, когда его пересадятъ въ садъ и подвергнутъ уходу садовника, дѣлается и пышнѣе цвѣтомъ, и вкуснѣе плодомъ. Не всѣ родятся героями, художниками, учеными; геній есть явленіе вѣковое, рѣдкое; сильные таланты тоже похожи на исключенія изъ общаго правила, и въ этомъ случаѣ человѣчество есть армія, въ которой можетъ быть до милліона рядовыхъ солдатъ, но только одинъ фельдмаршалъ, и въ каждомъ полку только одинъ полковникъ, и на сто рядовыхъ одинъ офицеръ. Въ такой же пропорціи находится къ большинству, или толпѣ, и число людей съ глубокою и безконечною натурою, которыхъ назначеніе — не проявиться въ какомъ-нибудь родѣ дѣятельности, составляющемъ призваніе генія и таланта, но все понимать, всему сочувствовать и все облагороживать и счастливить своимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Природа не скупа, но экономна въ своихъ дарахъ, и какъ явленіе вѣчнаго разума, она строго соблюдаетъ свой іерархическій порядокъ, свою табель о рангахъ. Но всякое назначеніе природы имѣетъ параллельное себѣ назначеніе въ человѣчествѣ и въ гражданскомъ обществѣ, почему всякій человѣкъ, съ какими бы то ни было способностями, находитъ свое мѣсто въ томъ и другомъ. Не мѣста людей, но люди мѣста унижаютъ. Самое приличное мѣсто человѣку — то, къ которому онъ призванъ, а свидѣтельство призванія — его способности, степень ихъ, наклонность и стремленіе. Кто призванъ на великое въ человѣчествѣ, совершай его: ему честь и слава, ему вѣнецъ генія; кому же назначена тихая и неизвѣстная доля — умѣй найти въ ней свое счастіе, умѣй съ пользою дѣйствовать и на маломъ поприщѣ, умѣй быть достойнымъ, почтеннымъ и въ скромной дѣятельности. Всякое желаніе невозможнаго есть ложное желаніе; всякое стремленіе быть выше себя, выше своихъ средствъ есть не благородный порывъ сознающей себя силы, а претензія жалкой посредственности и бѣднаго самолюбія украситься внѣшнимъ блескомъ. Цѣль нашихъ стремленій есть удовлетвореніе, и всякій удовлетворяется ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ, что ему нужно; а кто нашелъ свое удовлетвореніе на ограниченномъ поприщѣ, тотъ счастливѣе того, кто, обладая большими духовными средствами, не можетъ найти своего удовлетворенія. Честный и, по своему, умный сапожникъ, который въ совершенствѣ обладаетъ своимъ ремесломъ и получаетъ отъ него все, что нужно ему для жизни, выше плохаго генерала, хотя бы онъ быть самъ Меласъ, выше педанта ученаго, выше дурнаго стихотворца. Главная задача человѣка во всякой сфе-

рѣ дѣятельности, на всякой ступени въ лѣствицѣ общественной іерархіи, быть—человѣкомъ. Но, умѣренная на произведеніе великихъ явленій духовнаго міра, природа щедра до безконечности на произведеніе людей и съ душею, и съ способностями и дарованіемъ, словомъ, со всѣмъ, что нужно человѣку, чтобъ быть достойнымъ высокаго званія человѣка. Люди бездарные, ни къ чему неспособные, тупоумные, суть такое же исключеніе изъ общаго правила, какъ уроды; и ихъ такъ же мало, какъ и уродовъ. Множество же ихъ происходитъ отъ двухъ причинъ, въ которыхъ природа нисколько не виновата: отъ дурнаго воспитанія и вообще ложнаго развитія, и еще отъ того, что рѣдко случается видѣть человѣка на своей дорогѣ и на своемъ мѣстѣ. Сознаніе своего назначенія — трудное дѣло, и часто, если не натолкнутъ человѣка на чуждую ему дорогу жизни, онъ самъ пойдетъ по ней, руководимый или безсознательностію, или претензіями. Но еслибы возможно было равное для всѣхъ нормальное воспитаніе,—число обиженныхъ природою такъ ограничилось бы, что дѣйствительно обиженные ею прямо поступали бы въ кунсткамеру въ банки со спиртомъ. И потому воспитаніе, по отношенію къ большинству, пріобрѣтаетъ еще большую важность: оно все—и жизнь и смерть, спасеніе и гибель.

Но воспитаніе, чтобы быть жизнію, а не смертію, спасеніемъ, а не гибелью, должно отказаться отъ всякихъ претензій своевольной и искуственной самодѣятельности. Оно должно быть помощникомъ природѣ—не больше. Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать что угодно, забывая, что каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которая можетъ дѣлаться и хуже и лучше — только по своему, индивидуально. Воспитаніе можетъ сдѣлать человѣка только худшимъ, исказить его натуру; лучшимъ оно его не дѣлаетъ, а только помогаетъ дѣлаться. Если душа младенца и въ самомъ дѣлѣ есть бѣлая доска, то качество и смыслъ буквъ, которыя пишетъ на ней жизнь, зависятъ не только отъ пишущаго и орудія писанія, но и отъ качества самой этой доски. Человѣкъ ничего не можетъ узнать, чего бы не было въ немъ, ибо вся дѣйствительность, доступная его разумѣнію, есть не что иное, какъ осуществившіеся законы его же собственнаго разума. И потому-то есть такъ называемыя врожденныя идеи, которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя увѣрить, что дважды два—пять, а не четыре. А между тѣмъ, есть истины и повыше этой, которыхъ сѣмя въ душѣ человѣка, еще и не думавшаго о нихъ!...

Нѣтъ, не бѣлая доска душа младенца, а дерево въ зернѣ, человѣкъ въ возможности! Какъ ни старо сравненіе воспитателя съ садовникомъ, но оно глубоко-вѣрно, и мы не затрудняемся воспользоваться имъ. Да, младенецъ есть молодой, блѣдно-зеленый ростокъ, едва выглянувшій изъ своего зерна, а воспитатель есть садовникъ, который ходитъ за этимъ нѣжнымъ, возникающимъ растеніемъ. Посредствомъ прививки, и дикую лѣсную яблоню можно заставить, вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовыя, вкусныя и большія; но тщетны были бы всѣ усилія искуства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню жолуди. А въ этомъ-то именно и заключается, по большой части, ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности и опредѣляющей его значеніе въ жизни, и думаютъ, что было бы только дерево, а то можно заставить его приносить что угодно—хоть арбузы вмѣсто орѣховъ.

Для садовника есть правила, которыми онъ необходимо руководствуется при хожденіи за деревьями. Онъ соображается не только съ индивидуаль-

ною природою каждаго растенія, но и съ временами года, съ погодою, съ качествомъ почвы. Каждое растеніе имѣетъ для него свои эпохи возрастанія, сообразно съ которыми онъ и располагаетъ свои съ нимъ дѣйствія: онъ не сдѣлаетъ прививки ни къ стеблю, еще не сфомировавшемуся въ стволъ, ни къ старому дереву, уже готовому засохнуть. Человѣкъ имѣетъ свои эпохи возрастанія, не сообразуясь съ которыми можно затушить въ немъ всякое развитіе.

Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, а цѣлью — человѣчность. Мы разумѣемъ здѣсь первоначальное воспитаніе, которое важнѣе всего. Всякое частное или исключительное направленіе, имѣющее опредѣленную цѣль въ какой-нибудь сторонѣ общественности, можетъ имѣть мѣсто только въ дальнѣйшемъ, окончательномъ воспитаніи. Первоначальное же воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человѣка, который могъ бы въ послѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ. Подъ человѣчностью мы разумѣемъ живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, — тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище, и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія каждаго. Человѣкъ есть разумно-сознательная сущность и органъ всего сущаго — и отсюда получаетъ свое глубокое и высокое значеніе извѣстное выраженіе: «Homo sum, nihil mihi alienum humani puto, т. е. «я человѣкъ — и ничего человѣческаго не считаю чуждымъ мнѣ». Чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ болѣе онъ человѣкъ и тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое. Онъ пойметъ и радостный крикъ дитяти при видѣ пролетѣвшей птички, и бурное волненіе страстей въ волканической груди юноши, и спокойное самообладаніе мужа, и созерцательное упованіе старца, и жгучее отчаяніе и дикую радость, и безмолвное страданіе, и затаенную грусть и восторги счастливой любви, и тоску разлуки, и слезы отринутаго чувства, и нѣмую мольбу взоровъ, и высокость самоотверженія, и сладость молитвы, и все, что въ жизни и въ чемъ есть жизнь. Опытъ и опытность не суть необходимое условіе такой всеобъемлющей доступности: чтобы понять и младенца, и юношу, и мужа, и старца, и женщину, ему не нужно быть вмѣстѣ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ; ему не нужно даже быть въ томъ положеніи, которое интересуетъ его въ каждомъ изъ нихъ: лишь бы представилось ему явленіе, а ужъ его чувство безсознательно откликнется на него и пойметъ его. На все будетъ у него и привѣтъ и отвѣтъ, и участіе и утѣшеніе, чистая радость о счастіи ближняго и состраданіе въ его горѣ, и улыбка на полный блаженства взоръ, и слеза на горькія слезы! Ему понятна и возможность не только слабостей и заблужденій, но и самыхъ пороковъ, самыхъ преступленій: презирая слабости и заблужденія, онъ будетъ жалѣть о слабыхъ и заблуждающихся; проклиная пороки и преступленія, онъ будетъ сострадать порочнымъ и преступнымъ. Его грудь равно открыта и для задушевной тайны друга, и для робкаго признанія юнаго, страждущаго существа, и для души, томящейся обременительной полнотою блаженства, и для растерзаннаго страданіемъ сердца, и для рыдающаго раскаянія, и для самой ужасной повѣсти страстей и заблужденій. Онъ уважитъ чувство и друга и недруга; для него святы и горе и радость знакомаго

и незнакомаго человѣка. Съ нимъ такъ тепло и отрадно и своему и чужому; онъ во всѣхъ внушаетъ такую довѣрчивость, такую откровенность. Въ его душѣ столько теплоты и елейности, въ его словахъ такая кротость и задушевность, въ его манерахъ столько мягкости и деликатности. Какъ отрадно бываетъ встрѣтить въ старикѣ, который былъ лишенъ всякаго образованія, провелъ всю жизвь свою въ практической дѣятельности, совершенно чуждой всего идеальнаго, мечтательнаго и поэтическаго,—какъ отрадно встрѣтить теплое чувство, не подавленное бременемъ годовъ и желѣзными заботами жизни, любовь и снисхожденіе къ юности, къ ея вѣтрянымъ забавамъ, ея шумной радости, ея мечтамъ и грустнымъ и свѣтлымъ, пламеннымъ и гордымъ! какъ отрадно увидѣть на его устахъ кроткую улыбку удовольствія, чистую слезу умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти!... О, станьте на колѣни передъ такимъ старикомъ, почтите за честь и счастіе его ласковый привѣтъ, его дружеское пожатіе руки: въ немъ есть человѣчность! Онъ въ милліонъ разъ лучше этихъ сомнѣвающихся и разочарованныхъ юношей, которые увяли, не расцвѣтши, этихъ почтенныхъ лысинъ и сѣдинъ, которыя рутиною хотятъ замѣнить умъ и дарованія, холоднымъ резонерствомъ теплое чувство, внѣшнимъ и заимствованнымъ блескомъ отличій внутреннюю пустоту и ничтожность, а важными и строгими разсужденіями о нравственности — сухость и мертвенность своихъ деревянныхъ сердецъ!

Бѣлинскій.

70. О родовомъ бытѣ русскихъ Славянъ.

Гдѣ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію?

Отвѣтъ простой. Не въ невозможномъ отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ.

Многіе не безъ основанія думаютъ, что образъ жизни, привычки, понятія крестьянъ сохранили очень многое отъ древней Руси. Ихъ общественный бытъ нисколько не похожъ на общественный бытъ образованныхъ классовъ. Посмотрите же, какъ крестьяне понимаютъ свои отношенія между собою и къ другимъ. Помѣщика и всякаго начальника они называютъ отцемъ, себя—его дѣтьми. Въ деревнѣ младшіе лѣтами зовутъ старшихъ — дядями, дѣдами, тетками, бабками, равные—братьями, сестрами; словомъ, всѣ отношенія между неродственниками сознаются подъ формами родства или подъ формами прямо изъ него вытекающаго и необходимо съ нимъ связаннаго, кровнаго, возрастомъ и лѣтами опредѣленнаго, старшинства или меньшинства. Безспорно, въ устахъ народа эта терминологія съ каждымъ годомъ или исчезаетъ, или становится болѣе и болѣе безсмысленнымъ звукомъ. Но замѣтимъ, что она не введена насильственно, а сложилась сама собою, въ незапамятныя времена. Ея источникъ — прежній взглядъ русскаго человѣка на свои отношенія къ другимъ. Отсюда мы въ полномъ правѣ заключить, что когда-то эти термины, навѣрное, не были только фразами, но заключали въ себѣ полный, опредѣленный живой смыслъ; что когда-то всѣ и неродственныя отношенія дѣйствительно опредѣлялись у насъ по типу родственныхъ, по началамъ кровнаго старшинства и меньшинства. А это неизбѣжно приводитъ насъ къ другому заключенію, что въ древнѣйшія времена русскіе Славяне имѣли исключительно родственный, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія, и потому, когда они появились, подвели и ихъ подъ тѣ же родственныя, кровныя отношенія.

Выражаясь какъ можно проще, мы скажемъ, что у русскихъ Славянъ былъ,

слѣдовательно, первоначально одинъ чисто-семейственный, родственный бытъ, безъ всякой примѣси; что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно однимъ путемъ нарожденія. Это совершенно согласно съ первыми историческими извѣстіями.

Есть большое вѣроятіе, что точно такой же исключительно семейственный, родственный бытъ имѣли первоначально и всѣ прочіе Славяне; но историческая судьба ихъ и наша была неодинакова. Послѣдніе, въ разныя времена, смѣшались съ другими народами или подпали подъ ихъ власть. Оттого ихъ исключительно родственный, семейственный бытъ долженъ былъ насильственно перерваться, можетъ быть, слишкомъ рано для ихъ дальнѣйшаго историческаго дѣйствованія и даже для самаго ихъ существованія.

Другія обстоятельства сопровождали наше развитіе. Никогда иноплеменные завоеватели не селились между нами и потому не могли придать нашей исторіи свой національный характеръ. Много народовъ прошло черезъ Русь. Торговый путь и восточныя монеты, находимыя въ Россіи, указываютъ на безпрестанныя сношенія съ иностранцами. Были и завоеванія: авары, хозары, какіе-то сѣверные выходцы, кажется, норманны, и татары попеременно покоряли русскихъ Славянъ, опустошали ихъ земли и собирали тяжкую дань. Но всѣ эти пріязненныя и непріязненныя столкновенія съ иноплеменниками не имѣли и не могли имѣть, въ самой малой степени, тѣхъ послѣдствій для нашей послѣдующей исторіи, какія имѣло въ другихъ земляхъ поселеніе завоевателей у туземцевъ и смѣшеніе ихъ между собою. Кто знаетъ, какъ необразованный Славянинъ неохотно поддается чуждому вліянію, какъ онъ вездѣ и всегда остается при своихъ правахъ и обычаяхъ, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами, тотъ пойметъ, что торговыя сношенія русскихъ Славянъ съ иностранцами, какъ бы они часты и продолжительны ни были, не могли нисколько измѣнить внутренняго, домашняго и общественнаго быта первыхъ. Нѣсколько словъ и названій предметовъ, имъ неизвѣстныхъ—вотъ все, что могли имъ передать чужеземцы. Тѣмъ менѣе могли измѣнить ихъ бытъ толпы варваровъ, мгновенно появлявшіяся и мгновенно исчезавшія. Авары никогда не смѣшивались съ русскими Славянами и обращались съ ними слишкомъ жестоко, чтобы послѣдніе когда-либо могли забыть свое различіе съ ними. Потомъ авары исчезли, до единаго. Хозары брали одну дань; тѣмъ и ограничилось ихъ владычество. Татары господствовали надъ нами издалека. Имъ нужны были подушная и покорность. Вліяніе ихъ на нашъ внутренній бытъ ограничилось посылкою въ Россію сборщиковъ податей — и то только съ начала, вмѣшательствомъ въ распри удѣльныхъ князей и нѣсколькими, еще весьма сомнительными, неудачными попытками обратить насъ къ исламу. Впрочемъ, роль фанатическихъ пропагандистовъ такъ мало шла къ монголамъ, равнодушнымъ покровителямъ всѣхъ возможныхъ религій, что они ее скоро оставили, если когда нибудь и принимали на себя. Не только они не поселились у насъ на правахъ завоевателей: они даже не ставили у насъ своихъ хановъ, а сажали русскихъ же князей, которые никогда искренно не держали ихъ стороны, кланялись имъ, пока было нужно и выгодно, воспользовались ихъ покровительствомъ, чтобъ усилиться и свергнуть ихъ же иго. И монгольское вліяніе ограничилось нѣсколькими словами, вошедшими въ нашъ словарь; можетъ быть, и даже вѣроятно, нѣсколькими обычаями, не совсѣмъ для насъ лестными, каковы: пытка, кнутъ, правежъ; но эти обычаи, безъ всякаго сомнѣнія, заимствованы, а не навязаны, и заимствованы больше вслѣдствіе тогдашняго быта Руси, чѣмъ вслѣдствіе сношеній съ Татарами. И безъ нихъ они бы, конечно, образовались, только

подъ другими формами и названіями. Одни сѣверные выходцы—варяги составляютъ какъ будто исключеніе. Сначала они покоряютъ сѣвернорусскихъ Славянъ и ограничиваются, подобно другимъ, данью. Но потомъ, призванные нѣсколькими союзными русско-славянскими и финскими племенами, они дружиной поселяются между ними, изъ призванныхъ властителей становятся завоевателями, покоряютъ всѣ племена, имъ еще неподвластныя, ставятъ въ ихъ городахъ своихъ правителей и основываютъ обширное, какъ кажется, феодальное государство. Но замѣчательное явленіе! тогда какъ въ другихъ земляхъ они надолго придаютъ свой характеръ быту страны, ими покоренной, у насъ, напротивъ, они скоро подчиняются вліянію туземнаго элемента и наконецъ совершенно въ немъ исчезаютъ, завѣщавъ намъ надолго мысль о государственномъ единствѣ всей русской земли, дружинное начало и систему областнаго правленія. Впрочемъ, и эти слѣды сѣверной дружины такъ переродились на русской почвѣ, такъ прониклись національнымъ элементомъ, что въ нихъ почти невозможно узнать ихъ неславянскаго первообраза. Не станемъ здѣсь изслѣдовать, какъ и почему это сдѣлалось. Для нась самый фактъ важенъ, а онъ несомнѣненъ. А между тѣмъ варяги—единственные, принесшіе къ намъ какіе-то чуждые элементы. Считаемъ излишнимъ упоминать о другихъ племенахъ, какъ, напр., финскихъ, которыя или исчезли, или вполнѣ подчинились господству или вліянію русско-славянскаго элемента.

И такъ постороннія начала никогда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ Славянъ. Единственные, которымъ можно бы приписать это— варяги, утонули и распустились въ славянскомъ элементѣ. Постороннія вліянія были — это несомнѣнно, но они не были вынужденныя, извнѣ налагаемыя, а естественныя, свободно принимаемыя. Врядъ ли они были сильны; во всякомъ случаѣ, они не могли намъ дать ненаціональнаго, искуственнаго развитія. Такимъ образомъ исторія вполнѣ предоставила насъ однимъ нашимъ собственнымъ силамъ. Это еще болѣе справедливо, если мы вспомнимъ, что мы не сидѣли на плечахъ у другаго народа, который, будучи просвѣщеннѣе насъ, могъ бы сообщить намъ, даже противъ нашей воли, плоды своей высшей цивилизаціи. На своей почвѣ мы не имѣли предшественниковъ, и если и имѣли, то такихъ, отъ которыхъ намъ нечего было заимствовать.

И такъ мы жили сами собой, развивались изъ самихъ себя. Отсюда слѣдующее, необходимое заключеніе: если нашъ бытъ, исключительно семейственный, родственный, измѣнялся безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія, слѣд. свободно, самъ собой, то и смысла этихъ измѣненій должно искать въ началахъ того же семейственнаго быта, а не въ чемъ-либо другомъ; другими словами: наша древняя внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно-кровнаго, родственнаго быта.

Но по какому закону онъ развивался? На это отвѣчаетъ намъ новая исторія съ появленія христіанства. Христіанство открыло въ человѣкѣ и глубоко развило въ немъ внутренній, невидимый, духовный міръ. Древнее человѣчество, подавленное природой или художественно, но безсознательно съ нею уравновѣшенное, какъ бы примиренное, или погруженное въ одну практическую, государственную дѣятельность, имѣло о немъ какое-то темное предчувствіе, но не знало его. Христіанство нашло его и поставило безконечно высоко надъ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ. Послѣдній обреченъ былъ ему на служеніе. Оттого, съ появленія христіанства, внутренній міръ стремился къ неограниченному господству надъ событіями и дѣйствіями. Духовныя силы человѣка, его стремленія, надежды, требованія, упованія, которыя прежде были глубоко затаены и не могли высказываться, хри-

стіанствомъ были сильно возбуждены и стали порываться къ полному, безусловному осуществленію. Характеръ исторіи долженъ былъ совершенно измѣниться.

Когда внутренній, духовный міръ получилъ такое господство надъ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ, тогда и человѣческая личность должна была получить великое, святое значеніе, котораго прежде не имѣла. Въ древности о человѣкѣ, помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства, не имѣли никакого понятія. Даже древнія религіи, исключительно мѣстныя, національныя, брали подъ свое покровительство только извѣстныя племена, извѣстныя гражданства; другихъ онѣ знать не хотѣли или преслѣдовали. Словомъ, въ древности человѣкъ, какъ человѣкъ, ничего не значилъ.

Христіанство, во имя внутренняго, духовнаго міра, отрицаетъ всѣ видимыя, матеріальныя, условныя, слѣдовательно несущественныя, ничтожныя различія между людьми. Всѣ народы и племена, всѣ касты и сословія, всѣхъ, и свободныхъ и несвободныхъ, оно равно призываетъ къ спасенію, всѣхъ равно называетъ по духу чадами Божіими, всѣмъ обѣщаетъ и даетъ равное участіе въ благахъ небесныхъ. Первыя христіанскія общины представляютъ пеструю смѣсь разноплеменныхъ и разнословныхъ людей, уравненныхъ и соединенныхъ истиной, жаждой пріобщиться къ одной небесной, духовной жизни.

Такъ возникла впервые въ христіанствѣ мысль о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ человѣка и человѣческой личности. Человѣкъ—живой сосудъ духовнаго міра и его святыни; если не въ дѣйствительности, то въ возможности онъ представитель Бога на землѣ, возлюбленный сынъ Божій, для котораго самъ Спаситель міра сошелъ на землю, пролилъ святую кровь свою и умеръ на крестѣ. Такой совершенно новый взглядъ на человѣка долженъ былъ вывести его изъ ничтожества, освободить изъ-подъ ига природы и внѣшняго міра, который случайно или давалъ ему значеніе, или ставилъ наравнѣ съ безсловесными, ниже ихъ. Изъ опредѣляемаго человѣкъ сталъ опредѣляющимъ, изъ раба природы и обстоятельствъ—господиномъ ихъ. Теперь, чрезъ истину, онъ сталъ первое и главное.

Христіанское начало безусловнаго достоинства человѣка и личности, вмѣстѣ съ христіанствомъ, рано или поздно должно было перейти въ міръ гражданскій. Оттого признаніе этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитіе человѣка сдѣлались лозунгами всей новой исторіи, главными точками или центрами, около которыхъ она вертится. Правда, много скорбнаго встрѣчаемъ мы на пути, уже пройденномъ; много скорбнаго еще предстоитъ. Къ благороднымъ, великодушнымъ порывамъ и стремленіямъ, къ чистымъ побужденіямъ нерѣдко примѣшивались низкія и мелочныя страсти, плачевныя заблужденія, добровольныя и недобровольныя ошибки, невѣжество и безсознательность. Но кто понимаетъ исторію, кто умѣетъ читать ея спутанныя, часто горькія страницы, для того есть отрада въ великой цѣли и въ постепенномъ, хотя и медленномъ, ея достиженіи. Такъ, для всѣхъ народовъ новаго, христіанскаго міра одна цѣль: безусловное признаніе достоинства человѣка, лица, и всестороннее его развитіе. Только всѣ идутъ къ ней разными путями, безконечно разнообразными, какъ сама природа и историческія условія народовъ.

Германскія племена, передовыя дружины новаго міра, выступили первыя. Ихъ частыя, вѣковыя непріязненныя столкновенія съ Римомъ, ихъ безпрестанныя войны и далекіе переходы, какое-то внутреннее безпокойство и метаніе—признаки силы, ищущей пищи и выраженія — рано развили въ нихъ глубокое чувство личности, но подъ грубыми, дикими формами. Германцы жили разрозненно. Ихъ жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумоли-

ма; ихъ семейныя отношенія были юридическія. Издавна появились у нихъ дружины—добровольные союзы, заключаемые для военной цѣли между храбрымъ славнымъ вождемъ и людьми, жаждавшими завоеваній и добычи. Начало личности положено въ основаніе этихъ союзовъ. Предводитель не былъ полновластнымъ господиномъ дружины. Она была обязана вѣрно служить ему, но и онъ обязанъ былъ дѣлиться съ ней добычей. Нарушеніе условій разрушало союзъ. Съ самаго начала всѣ отношенія германцевъ запечатлѣны этимъ началомъ личности и выражаются въ строгихъ юридическихъ формахъ.

Перешедши на почву, гдѣ совершалось развитіе древняго міра, гдѣ сохранились еще живые слѣды его и уже пронеслась проповѣдь Евангелія, они почувствовали всю силу христіанства и высшей цивилизаціи. Долго благоговѣлъ варваръ-германецъ передъ именемъ Рима и не смѣлъ коснуться добычи, уже никѣмъ незащищаемой. Онъ ревностно принималъ новое ученіе, которое, высокимъ освященіемъ личности, такъ много говорило его чувству, и въ то же время вбиралъ въ себя римскіе элементы, наслѣдіе древняго міра. Все это малу по малу начало смягчать нравы Германцевъ. Но, и смѣшавшись съ туземцами почвы, ими завоеванной, принявши христіанство, усвоивши себѣ многое изъ римской жизни и быта, они сохранили глубоко печать своей національности. Государства, ими основанныя—явленіе совершенно новое въ исторіи. Они проникнуты личнымъ началомъ, которое принесли съ собою германцы. Всюду оно видно; вездѣ оно на первомъ планѣ, главное, опредѣляющее. Правда, въ новооснованныхъ государствахъ оно не имѣетъ того возвышеннаго, безусловнаго значенія, которое придало ему христіанство. Оно еще подавлено историческими элементами, безсознательно проникнуто эгоизмомъ и потому выражается въ условныхъ, рѣзко обозначенныхъ, часто суровыхъ и жесткихъ формахъ. Оно создаетъ множество частныхъ союзовъ въ одномъ и томъ же государствѣ. Преслѣдуя самыя различныя цѣли, но еще не сознавая ихъ внутренняго, конечнаго, органическаго единства, эти союзы живутъ другъ возлѣ друга разобщенные или въ открытой борьбѣ. Надъ этимъ еще не установившимся, разрозненнымъ и враждующимъ міромъ царитъ церковь, храня въ себѣ высшій идеалъ развитія. Но малу по малу подъ разнообразными формами, повидимому не имѣющими между собою ничего общаго или даже противоположными, воспитывается человѣкъ. Изъ области религіи мысль о безусловномъ его достоинствѣ постепенно переходитъ въ міръ гражданскій и начинаетъ въ немъ осуществляться. Тогда чисто-историческія опредѣленія, въ которыхъ сначала сознавала себя личность, какъ излишнія и ненужныя, падаютъ и разрушаются въ различныхъ государствахъ различно. Безчисленные частные союзы замѣняются въ нихъ однимъ общимъ союзомъ, котораго цѣль — всестороннее развитіе человѣка, воспитаніе и поддержаніе въ немъ нравственнаго достоинства. Эта цѣль еще недавно обозначилась. Достиженіе ея въ будущемъ. Но мы видимъ уже начало. Совершеніе неминуемо.

Русско-славянскія племена представляютъ совершенно иное явленіе. Спокойныя, миролюбивыя, они жили постоянно на своихъ мѣстахъ. Начало личности у нихъ не существовало. Семейственный бытъ и отношенія не могли воспитать въ русскомъ Славянинѣ чувства особенности, сосредоточенности, которое заставляетъ человѣка проводить рѣзкую черту между собою и другими и всегда и во всемъ отличать себя отъ другихъ. Такое чувство раждаютъ въ неразвитомъ человѣкѣ безпрестанная война, частыя столкновенія съ чужеземцами, одиночество между ними, опасности, странствованія. Онъ привыкаетъ надѣяться и опираться только

на самого себя, быть вѣчно на чеку, вѣчно на сторожѣ. Отсюда возникаетъ въ немъ глубокое сознаніе своихъ силъ и своей личности. Семейный бытъ дѣйствуетъ противоположно. Здѣсь человѣкъ какъ-то расплывается; его силы, ничѣмъ не сосредоточенныя, лишены упругости, энергіи и распускаются въ морѣ близкихъ, мирныхъ отношеній. Здѣсь человѣкъ убаюкивается, предается покою и нравственно дремлетъ. Онъ довѣрчивъ, слабъ и безпеченъ, какъ дитя. О глубокомъ чувствѣ личности не можетъ быть и рѣчи. Для народовъ, призванныхъ ко всемірно-историческому дѣйствованію въ новомъ мірѣ, такое существованіе безъ начала личности невозможно. Иначе: они должны бы навсегда оставаться подъ гнетомъ внѣшнихъ, природныхъ опредѣленій, жить, не живя умственно и нравственно; ибо, когда мы говоримъ, что народъ дѣйствуетъ, мыслитъ, чувствуетъ, мы выражаемся отвлеченно: собственно дѣйствуютъ, чувствуютъ, мыслятъ единицы, лица, его составляющія. Такимъ образомъ личность, сознающая, сама по себѣ, свое безконечное, безусловное достоинство, есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія народа. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что она непремѣнно должна ставить себя въ противоположность съ другими личностями, враждовать съ ними; мы, напротивъ, думаемъ, что послѣдняя цѣль развитія — ихъ глубокое, внутреннее примиреніе. Но, во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были ея отношенія, она непремѣнно должна существовать и сознавать себя.

Этимъ опредѣляется законъ развитія нашего внутренняго быта. Оно должно было состоять въ постепенномъ образованіи, появленіи начала личности и слѣд. въ постепенномъ отрицаніи исключительно кровнаго быта, въ которомъ личность не могла существовать. Степени развитія начала личности и совпадающія съ ними степени упадка исключительно родственнаго быта опредѣляютъ періоды и эпохи русской исторіи.

К. Кавелинъ.

71. О литературномъ типѣ слабаго человѣка.

Постараемся ближе подойти къ образу, который занималъ и занимаетъ еще воображеніе нашихъ писателей, который составляетъ любимую тему современной литературы и выросъ наконецъ до типа, опредѣляющаго все направленіе изящной словесности послѣдняго времени — что онъ такое? Извѣстно, что всякое ироническое или отрицательное изображеніе имѣетъ непремѣнно свою лицевую или идеальную сторону: вотъ почему за фигурой слабаго, ничтожнаго человѣка, выводимой обыкновенно нашими писателями, мелькаетъ для насъ весьма важное и серьезное явленіе современной жизни. Благодаря вліянію общей европейской цивилизаціи, которая въ теченіе столѣтія, съ основанія московскаго университета, должна же была что-нибудь сдѣлать, образовался классъ людей, понявшій науку, какъ живое и нескончаемое воспитаніе. Съ него начинается у насъ разумная жизнь общества, хотя, надо замѣтить, обстоятельства способствовали еще болѣе къ доставленію ему видной роли, чѣмъ самыя его достоинства. Попытки прямо вступить въ обладаніе всѣми результатами образованія, которые даются только долгимъ воспитаніемъ, оказались во многихъ случаяхъ безплодными. Оставалось пустое мѣсто. Новый классъ дѣятелей занялъ его, перевороти въ совершенно задачу общественнаго воспитанія и сдѣлавъ ее изъ блестящей, бойкой внѣшней задачи — тихой, скромной внутренней задачею. Начавъ путь съ того мѣста, гдѣ остановились предшественники, онъ пошелъ, однакожъ, своей, единственно возможной дорогой, и прежде всего разбудилъ въ себѣ и другихъ стремленіе поставить науку и мысль законами для собственнаго существованія. Люди этого направленія уже не

могли быть просты, цѣльны и, такъ-сказать, прозрачны, па подобіе юнкера, знающаго напередъ весь свой день: задача жизни тутъ была весьма сложна, нравственныя требованія весьма разнообразны, да и всѣ вопросы ихъ были еще очень темны даже для лицъ, уже вышедшихъ изъ толпы. Притомъ, люди эти уже не могли жить, какъ случайно сложилась или застала жизнь, и нести за плечами котомку мыслей и познаній для одного удовольствія имѣть ее при себѣ. Оставалось одно — создать себѣ отдѣльный міръ разумности, понятій о правомъ и неправомъ, объ истинѣ и призракѣ, который почасту занимаетъ ея мѣсто. На этомъ устройствѣ особеннаго міра нравственныхъ, руководящихъ правилъ и на усиліяхъ найти къ немъ полное удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ—истощилась вся энергія ихъ, а энергіи было у нихъ много. Можетъ ли подобный замкнутый міръ, рядомъ съ живымъ и дѣйствительнымъ міромъ, доставить человѣку не только что счастіе, но просто спокойствіе—это другой вопросъ. Тѣмъ не менѣе вражда этого класса людей къ непосредственности, легкому, естественному образу жизни и дѣйствій становится очень понятна: за этой легкостью и свободой они только видѣли игру животныхъ инстинктовъ, угадывали одну грубую силу природныхъ, можетъ-быть, даже національныхъ элементовъ, но уже лишенныхъ поэзіи и смысла. Понятно также и отвращеніе ихъ къ простотѣ, цѣльности характеровъ: чѣмъ ограниченнѣе кругъ понятій человѣка, тѣмъ менѣе для него путей въ жизни, тѣмъ легче выборъ дороги. Это даже и не выборъ, а почтовое слѣдованіе однимъ опредѣленнымъ трактомъ, каковъ бы онъ ни былъ, и во всякомъ случаѣ это—свойство духовной нищеты, а не богатства природы. Вѣдь и господинъ, который, для сокращенія пути своего нѣсколькими минутами, отправляется прямо черезъ засѣянное поле земледѣльца, гораздо простѣе и цѣльнѣе по характеру другаго господина, который могъ бы сдѣлать тоже, но задумывается и объѣзжаетъ поле. Вмѣстѣ съ строгимъ взглядомъ на самихъ себя необходимо должно было явиться и нѣсколько чуждое отношеніе къ окружавшей ихъ средѣ. Они требовали отъ каждаго факта причинъ его появленья, отъ каждаго поступка—смысла, отъ каждаго дѣйствія—мысли, служившей ему поводомъ и основаніемъ. То, что называлось разрывомъ съ дѣйствительностью, отвлеченнымъ пониманіемъ жизни, безплоднымъ одиночествомъ, была совершенная невозможность жить, дышать и двигаться въ стихіи неразумности, случайности, каприза или такихъ мелкихъ расчетовъ, что они боятся всякихъ, даже выгодныхъ для себя объясненій. Въ этой стихіи они были дѣти и безоружны до того, что наименѣе просвѣтленныя натуры, не стоившія, такъ-сказать, одного часа ихъ жизни, могли уловить и опрокинуть ихъ на каждомъ шагу. Впрочемъ, и то сказать—много ли вообще героевъ, способныхъ владѣть всевозможнымъ оружіемъ? Лессингъ тоже былъ ограниченъ извѣстной сферой дѣйствованія, что не помѣшало ему, однакожъ, сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ, которые способствовали возрожденію своей страны. Такимъ образомъ самый ходъ обстоятельствъ привелъ людей описываемаго нами класса къ единственной практической роли — руководителей мнѣнія. Они всюду вносили за собой отвлеченную, но провѣряющую мысль, не боялись своего одиночества, не предпринимали никакихъ мѣръ освободиться отъ него и терпѣливо стояли каждый на своемъ мѣстѣ, зная, что, рано-поздно ли, люди придутъ къ нимъ сами. Предчувствіе ихъ оправдалось. Что они падали, увлекались, были болѣе правы въ однихъ случаяхъ, менѣе правы въ другихъ—о томъ говорить нечего: важенъ былъ первый примѣръ образованья, понятаго не какъ новый видъ щегольства, а въ смыслѣ дѣятеля, устанавливающаго и созидающаго внутренній міръ человѣка, къ которому потя-

нется необходимо и вся окружающая его сфера. Но все это еще далеко отстоитъ отъ типа рѣшительнаго и смѣлаго человѣка, созидаемаго нами по образцамъ чужой жизни. Какъ бы твердо ни выражались ихъ различныя убѣжденія, но они никогда не могли быть сами исполнителями своихъ совѣтовъ и идеаловъ: тому мѣшала даже многосторонность ихъ образованья. Отъ обширнаго пониманія личностей и противоположныхъ системъ никогда нельзя ждать полнаго, безотмѣннаго осужденья тѣхъ и другихъ, что для скораго, практическаго успѣха въ дѣлѣ такъ необходимо. Отъ добросовѣстности и чистоты мысли никогда нельзя ждать умышленнаго пренебреженія какой-либо замѣтки, имѣющей видъ справедливости, но задерживающей ходъ дѣла. Какъ бы мала ни была замѣтка, но рѣшимостью перескочить черезъ нее они уже не обладали: тутъ нужны были для нихъ новыя обсужденія и новая побѣда. За тѣмъ еще привычка къ правильному, логическому разрѣшенію задачъ дѣлала ихъ совершенно неспособными участвовать въ жизненномъ разрѣшеніи ихъ, которое всегда грубѣе, насильственнѣе и произвольнѣе перваго. Да имъ недоставало и особенной организаціи, не легко воспламеняющейся, но крѣпко сберегающей впечатлѣнія, какая должна отличать мужей практической борьбы. Они сложились иначе. Основаніемъ всѣхъ ихъ поступковъ было болѣе всего размышленіе. Примѣры стойкости, показанные ими въ виду непріязненныхъ обстоятельствъ, самые порывы ихъ и даже минуты вдохновенія и страсти обязаны были своимъ происхожденіемъ одной силѣ — размышленію, слѣдовали за нимъ, а не предшествовали ему, и оно же отразилось даже во внѣшнемъ обликѣ ихъ, переработавъ его точно такъ же, какъ и душу... И не смотря на всѣ перечисленные нами недостатки, мы видѣли на глазахъ нашихъ, что лучшіе люди круга, къ какой бы литературной партіи ни принадлежали, какимъ бы убѣжденіямъ ни слѣдовали и какъ бы ни назывались, умѣли создать вокругъ себя цѣлительную атмосферу, освѣжавшую всякаго, кто подходилъ къ нимъ: гдѣ они показывались, тамъ уже непремѣнно завязывалась жизнь мысли, тамъ уже непремѣнно падало и оставалось въ душахъ сѣмя русскаго образованья, которое, между прочимъ сказать, только съ этихъ людей въ сущности и начинается. Таковъ былъ у насъ первообразъ «слабаго» характера.

Но что же представляетъ намъ литературный типъ безполезнаго, малодѣятельнаго человѣка? По нашему мнѣнію, это тотъ же самый характеръ, какой мы старались изобразить, но съ чертами загрубѣнья и паденья, которыя долженъ онъ былъ получить при переходѣ своемъ въ толпу, при раздробленіи своемъ на множество лицъ, менѣе серьезныхъ или менѣе счастливо-надѣленныхъ живой, упругой и плодотворной мыслью. Писатели наши завладѣли этимъ характеромъ, когда уже онъ сдѣлался общимъ и, такъ-сказать, будничнымъ явленіемъ жизни, потерявъ свою идеальную сторону и свое оправданіе. И писатели наши сдѣлали хорошо, потому что исключительныя и одинокія явленья принадлежатъ исторіи, біографіи, анекдоту и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ изящной литературѣ. Они передали намъ мелочной, выродившійся характеръ, такъ какъ встрѣчали его на каждомъ шагу. И Боже мой! кого мы тутъ не видѣли, кого мы не узнали въ немъ, и подъ-часъ не приходилось ли намъ разглядѣть черту собственнаго нашего образа въ этомъ поэтическомъ обличеніи жизни, черезъ эту призму выдумки и свободнаго созданья? Весьма справедливо замѣчаніе, что всѣ лица длиннаго разсказа, который ведетъ наша литература объ одномъ психическомъ выродкѣ, всѣ—близкая родня между собой, всѣ принадлежатъ одной фамиліи. Они тоже ознакомились съ міромъ нравственныхъ идей и очень хорошо поняли, чего требуетъ разумная, созна-

тельная жизнь отъ человѣка. Бѣдностью природы мы ихъ не коримъ. Богатая или бѣдная природа не дается человѣку по желанію или по выбору, и подвергать суду за это почти несправедливо (позорно только гордиться нравственнымъ безобразіемъ и любоваться имъ); но есть возможность возвысить природный уровень духовнаго своего существа. Они пали передъ трудомъ самовоспитанія. Общественная дѣятельность, конечно, могла бы собрать скудныя силы этихъ людей, надѣливъ ихъ спасительнымъ чувствомъ долга и обязанностей, но они не взялись за нее—обстоятельство, возбудившее особенное негодованіе моралистовъ. Признаемся, мы опять не имѣемъ духа упрекать ихъ за это упущеніе: надо же понять наконецъ, что можно подчиниться всему на свѣтѣ, но на одномъ только условіи — имѣть нѣчто общее со сферой, куда выступаешь. Оставалось начать общественную дѣятельность прямо отъ собственнаго лица, другими словами—найти свое призваніе; но для этого потребна добровольная дисциплина построже той, какая налагается извнѣ, необходимъ вѣрный внутренній сторожъ, который не даетъ засыпать человѣку, хотя бы никто не назначалъ ему часа для отправленія къ должности, а прежде всего необходимы твердыя убѣжденья. Но объ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ его скажемъ нѣсколько словъ далѣе. Правда, образованіе сильно потрясло бѣдную природу этихъ типовъ, расшевелило ее отчасти, чѣмъ они и отличаются отъ отцовъ своихъ, по которымъ тоже образованіе скользнуло, не проточивъ и перваго пласта грубой оболочки, но въ броженіи мыслей испарились и все творчество, и вся дѣятельность, къ какимъ они были способны. Чтожъ мудренаго послѣ этого встрѣтить человѣка съ весьма огромными требованьями отъ жизни, спокойно плывущаго по ея теченію, какъ и всѣ. Иногда ему приходитъ въ голову — вдругъ, ни съ того, ни съ сего, поворотить лодку назадъ или поставить ее поперекъ, но, поработавъ лѣниво, онъ скоро уступаетъ силѣ вещей и падаетъ въ изнеможеніи. Есть одно качество въ такомъ человѣкѣ, оказавшееся, между прочимъ, цѣлительнымъ бальзамомъ для его совѣсти: онъ очень легко признается въ своихъ недостаткахъ и способенъ очень зло смѣяться какъ надъ собой, такъ и надъ чужой жизнью, которая его увлекаетъ. Но человѣкъ, по законамъ собственной природы, не можетъ оставаться совсѣмъ безъ занятій. Отыскалось и занятіе для подобныхъ характеровъ—именно: остроумный разборъ своей души, вѣрная подмѣтка мельчайшихъ зыбей, проходящихъ по ея поверхности, когда внѣшнее обстоятельство ударомъ своимъ нарушаетъ ея апатическое безмолвіе; вѣдь овладѣть предметомъ на-яву тяжелѣе, чѣмъ слѣдить за его отраженіемъ въ мысли. Нѣкоторые изъ нихъ приняли даже тщательный осмотръ своихъ впечатлѣній за серьезную работу и, лишенные моральнаго чувства и высокой цѣли, необходимыхъ для душевныхъ анализовъ, дошли до рѣдкаго и тончайшаго эгоизма. Продолжая посмѣиваться надъ собой, они мало-по-малу полюбили себя и незамѣтно выродились въ безграничныхъ сибаритовъ нравственнаго міра, готовыхъ помириться со всякимъ явленіемъ, которое приноситъ новое ощущеніе въ ихъ сердце и пораждаетъ новый, еще неиспытанный психическій процессъ... Это, конечно, уже свидѣтельство близкой духовной смерти лица, и прибавимъ, что такихъ сибаритическихъ натуръ немного.

Читатель согласится, вѣроятно, что всѣ подробности мрачной картины, представленной здѣсь, взяты нами изъ современныхъ литературныхъ произведеній и потому заслуживаютъ полной вѣры его. Со всѣмъ тѣмъ и не смотря на темныя краски, употребленныя нами, вслѣдъ за нашими писателями, при передачѣ основныхъ качествъ характера, мы все-таки продолжаемъ думать, что между людьми, которые зачисляются и сами себя зачисляютъ въ разрядъ мнительныхъ, будто

бы лишенных способности долго и сильно желать, только и сберегается еще настоящая, живая мысль, отвѣчающая нуждамъ современнаго образованія. У нихъ есть доля стойкости, упорства и рѣшимости въ способѣ относиться къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ и нѣкоторымъ нравственнымъ положеніямъ, которую строгіе ихъ порицатели напрасно выпускаютъ изъ вида. Какъ ни мала доля эта въ глазахъ жаркаго ревнителя просвѣщенія, но она еще превосходитъ все, что могутъ намъ представить люди иного свойства, взятые всѣ вмѣстѣ. Согласимся, что у лучшаго человѣка изъ общаго рода «безхарактерныхъ» замѣтна еще робость передъ явленіями, которыя онъ самъ считаетъ за призраки, но пребываніе въ области мысли и знанія, съ чего онъ началъ, не могло пройти ему даромъ. Есть для него къ жизни черты, за которыя онъ никогда не переступитъ, что бъ ни манило его на другую сторону. Множество фактовъ тутъ на лицо и способны подтвердить нашу замѣтку. Согласимся, что даже общее дѣло, когда онъ приступаетъ къ нему, еще не имѣетъ силы поглотить всѣ его способности вполнѣ, отстранить всякую мысль о своей личности и уничтожить поползновенія къ заявленію ея съ блестящей стороны; но у него есть нѣсколько убѣжденій, выработанныхъ наукой, которыя съ нимъ, такъ-сказать, срослись. Онъ не можетъ ихъ уступить никому, и это по такой же простой причинѣ, по какой, напримѣръ, нельзя уступить своего тѣла и подѣлиться имъ съ сосѣдомъ. Не онъ ли, между прочимъ, былъ раннимъ, заподозрѣннымъ ревнителемъ многихъ идей добра, признаваемыхъ теперь добрыми безпрекословно? Согласимся также, что онъ не умѣетъ управлять обстоятельствами, что шаги его нетверды, какъ у засидѣвшагося ребенка, котораго никогда не посылали въ школу гимнастики: но онъ не совсѣмъ безоруженъ. Образованіе наградило его способностью живо понимать страданія во всѣхъ его видахъ и чувствовать на самомъ себѣ бѣды и несчастія другаго. Отсюда—его роль представителя обиженныхъ, несправедливо оскорбленныхъ или угнетаемыхъ, которая требуетъ даже болѣе чѣмъ простаго чувства состраданія, требуетъ зоркой, человѣколюбивой догадки. Да и самые упреки въ «недѣятельности», столь обильно расточаемые «слабому» человѣку, справедливы только съ одной стороны и, можно сказать, изумительно странны съ другой. Оставляемъ въ тѣни предпріятія изъ видовъ улучшенія матеріальнаго быта страны, общества съ опредѣленной коммерческой цѣлью и даже всѣ частныя пожертвованія и усилія на другаго рода потребности (все это составляется и приносится не одними же твердыми, высокими характерами) и обращаемся преимущественно къ духовной дѣятельности. Кто же возбуждаетъ всѣ запросы, подымаетъ пренія, затрогиваетъ предметы съ разныхъ сторонъ, копошится въ изысканіяхъ для подтвержденія какой-либо общеблагодѣтельной мысли, силится устроить жизнь наукой и наконецъ представляетъ въ свободномъ творчествѣ повѣрку настоящаго и стремленія къ поэтическому идеалу существованія? Не мужи крѣпкаго закала и особенно не «цѣльные» же характеры возбудили всю современную работу мысли, дѣйствительное существованіе которой узнается даже по жаркимъ страстямъ, вызваннымъ ею... Конечно, умный парадоксъ найдетъ сказать много кой-чего противъ достоинства и относительной пользы всей этой работы, но сам умный парадоксъ есть произведеніе осмѣиваемой имъ образованности. Къ нему можетъ быть приложено замѣчаніе Паскаля, обращенное къ скептикамъ другаго и могущественнѣйшаго рода: «Они отвергаютъ круговращеніе земли, а сами вертятся вмѣстѣ съ нею». Не признавая дѣятельности, нами перечисленной, за послѣднюю, конечную цѣль жизни и за все, къ чему только должна стремиться человѣческая мысль, позволительно думать, что она, при случаѣ, вели-

кая замѣна всего недостающаго, и особенно позволительно думать, что «слабый» современный человѣкъ, преданный ей, какъ бы малъ ни былъ въ сущности, еще выше всѣхъ другихъ собратій, перебивающихъ ему дорогу: онъ несетъ въ рукахъ своихъ образованіе, гуманность и, наконецъ, пониманіе народности.

П. Анненковъ.

72. О томъ, что такое слово.

Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ чтитъ,

сказалъ такъ: «Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла». Пушкинъ правъ. Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности, или необдуманности, или поспѣшной торопливости его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что бралъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство—словомъ, мало ли на что можно сослаться? У человѣка вдругъ явятся тѣсныя обстоятельства. Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выразился вообще необдуманно и незрѣло. Онъ не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку—близорукій ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность, журналистъ ли, хлопотавшій только о выгодѣ своего журнала. Потомство не приметъ въ уваженіе ни кумовства, ни журналистовъ, ни собственной его бѣдности и затруднительнаго положенія. Оно сдѣлаетъ упрекъ ему, а не имъ. Зачѣмъ ты не устоялъ противу всего этого? Вѣдь ты же почувствовалъ самъ честность званія своего; вѣдь ты же умѣлъ предпочесть его другимъ выгоднѣйшимъ должностямъ и сдѣлалъ это не въ слѣдствіе какой-нибудь фантазіи, но потому, что въ себѣ услышалъ на то призваніе Божіе; вѣдь ты же получилъ въ добавку къ тому умъ, который видѣлъ подальше, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые тебя подталкивали! Зачѣмъ же ты былъ ребенкомъ, а не мужемъ, получа все, что нужно для мужа? Словомъ, еще какой-нибудь обыкновенный писатель могъ бы оправдываться обстоятельствами, но не Державинъ. Онъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ по крайней мѣрѣ цѣлой половины одъ своихъ. Эта половина одъ представляетъ явленіе поразительное: никто еще доселѣ такъ не посмѣялся надъ самимъ собою, надъ святынею своихъ лучшихъ вѣрованій и чувствъ, какъ сдѣлалъ это Державинъ въ этой несчастной половинѣ своихъ одъ. Точно какъ бы онъ силился здѣсь намалевать каррикатуру на самого себя: все, что въ другихъ мѣстахъ у него такъ прекрасно, такъ свободно, такъ проникнуто внутреннею силою душевнаго огня, здѣсь холодно, бездушно и принужденно; а что хуже всего—здѣсь повторены тѣ же самые обороты, выраженія и даже цѣликомъ фразы, которые имѣютъ такую орлиную замашку въ его одушевленныхъ одахъ и которые тутъ просто смѣшны и походятъ на то, какъ бы карликъ надѣлъ панцырь великана, да еще и не такъ, какъ слѣдуетъ. Сколько людей теперь произноситъ сужденіе о Державинѣ, основываясь на его пошлыхъ одахъ; сколько усомнилось въ искренности его чувствъ потому только, что нашли ихъ во многихъ мѣстахъ выраженными слабо и бездушно; какіе двусмысленные толки составились о самомъ его характерѣ, душевномъ благородствѣ и даже неподкупности того самаго правосудія, за которое онъ стоялъ! И все потому, что не сожжено то, что должно быть предано огню.

Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними; иначе—онѣ вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общимъ мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣрные или даже просто неприготовленные проповѣдыватели Бога, дерзавшіе произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться съ словомъ нужно честно. Оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Бѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій досады или гнѣва, или какого нибудь личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было, словомъ, въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ. И тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло.

Опасно шутить писателю со словомъ. Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ! Если это слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ намъ безъ изъятія, то во сколько кратъ болѣе оно должно быть примѣнено къ тѣмъ, у которыхъ поприще—слово и которымъ опредѣлено говорить о прекрасномъ и возвышенномъ! Бѣда, если о предметахъ святыхъ и возвышенныхъ станетъ раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилыхъ предметахъ. Всѣ великіе воспитатели людей налагали долгое молчаніе именно на тѣхъ, которые владѣли даромъ слова, именно въ тѣ поры и въ то время, когда больше всего хотѣлось имъ пощеголять словомъ и рвалась душа сказать даже много полезнаго людямъ. Они слышали, какъ можно опозорить то, что стремишься возвысить, и какъ на всякомъ шагу языкъ нашъ есть нашъ предатель. «Наложи дверь и замки на уста твои», говоритъ Іисусъ Сирахъ, «растопи золото и серебро, какое имѣешь, дабы сдѣлать изъ нихъ вѣсы, которые взвѣшивали бы твое слово, и выковать надежную узду, которая держала бы твои уста».

Гоголь.

73. Объ истинномъ просвѣщеніи народа.

Смиреніе человѣка, также какъ и смиреніе народа, могутъ имѣть два значенія, совершенно противоположныя. Человѣкъ или народъ сознаетъ святость и величіе закона нравственнаго или духовнаго, которому подчиняетъ онъ свое существованіе; но въ то же время признаетъ, что этотъ законъ проявленъ имъ въ жизни недостаточно или дурно, что его личныя страсти и личныя слабости исказили прекрасное и святое дѣло. Такое смиреніе велико; такое признаніе возвышаетъ и укрѣпляетъ духъ; такое самоосужденіе внушаетъ невольно уваженіе другимъ людямъ и другимъ народамъ. Но не таково смиреніе человѣка или народа, который сознается не только въ собственномъ безсиліи, но въ безсиліи или неполнотѣ нравственнаго или духовнаго закона, лежавшаго въ основѣ его жизни. Это не смиреніе, а отреченіе. Человѣкъ разрываетъ всѣ связи съ своей прошедшей жизнію, онъ перестаетъ быть самимъ собою; а если онъ говоритъ отъ имени народа, то уже тѣмъ самымъ онъ отъ народа отрекается.

Много вѣковъ прошло и историческая жизнь Россіи развилась не безъ славы, не смотря на тяжелыя испытанія и на страданья многовѣковыя. Широко раскинулись предѣлы государства, уже и тогда обширнѣйшаго въ цѣломъ мірѣ. Жили въ ней и просвѣщеніе и сила духа, которые одни могли такъ побѣдоносно выдерживать такіе сильные удары и такую долгую борьбу; но въ тревогахъ боевой и треволненной жизни, въ невольномъ отчужденіи отъ сообщества другихъ народовъ, Россія отстала отъ своей западной братіи въ развитіи вещественнаго знанія, въ усовершенствованіяхъ науки и искуства. Между тѣмъ жажда знанья давно уже пробудилась, и наука явилась на призывъ великаго генія, измѣнившаго судьбу государства. Отовсюду стало стекаться къ намъ множество ученыхъ иностранцевъ со всѣми разнообразными изобрѣтеніями запада.

Множество было отдано Русскихъ на выучку къ этимъ новымъ учителямъ, и, разумѣется, по русской смышленности, они выучились довольно легко, но наука еще не пустила крѣпкихъ корней. Въ ученіе къ иностранцамъ отдавалися люди, принадлежавшіе къ высшему и служилому сословію: другія привычки, наслѣдственныя и родовыя, отвлекали ихъ отъ поприща, на которое они были призваны новыми государственными потребностями. Въ наукѣ видѣли они только обязанность свою и много-много общественную пользу. Съ дальнихъ береговъ Сѣвернаго океана, изъ рядовъ простыхъ крестьянъ-рыбаковъ вышелъ новый преобразователь. Много натерпѣлся онъ въ жизни своей для науки, много настрадался, но сила души его восторжествовала. Онъ полюбилъ науку ради науки самой и завоевалъ ее для Россіи. Быстры были наши успѣхи, жадно принимали мы всякое открытіе, всякое знаніе, всякую мысль, и какъ бы ни былъ самолюбивъ западъ, онъ можетъ не стыдиться своихъ учениковъ. Но мы еще не пріобрѣли права на собственное мышленіе или, если пріобрѣли, то мало имъ воспользовались. Наша ученическая довѣрчивость все повторяетъ, всему подражаетъ, не разбирая, что принадлежитъ къ положительному знанію, что къ догадкѣ, что къ общечеловѣческой истинѣ и что къ мѣстному, всегда полу-лживому направленію мысли. Но и за эту ошибку насъ строго судить не должно. Есть невольное, почти неотразимое обаяніе въ этомъ богатомъ и великомъ мірѣ западнаго просвѣщенія. Строгаго анализа нельзя требовать отъ народа въ первыя минуты его посвященія въ тайну науки. Ошибки были неизбѣжны для первыхъ преобразователей. Великій геній Ломоносова подчинился вліянію своихъ ничтожныхъ современниковъ въ поэзіи германской. Понимая строгую послѣдовательность и, такъ сказать, рабство науки (которая познаетъ только то, что уже есть), онъ не понялъ свободы художества, которое не воспринимаетъ, но творитъ, и оттого надолго пошло наше художество по стезямъ рабскаго подражанья. Въ народахъ, развивающихся самобытно, богатство содержанія предшествуетъ усовершенствованію формы. У насъ пошло наоборотъ. Поэзія наша содержаніемъ скудна, красотою же наружной формы равняется съ самыми богатыми словесностями и не уступаетъ ни одной. Разгадка этого исключительнаго явленія довольно проста. Свобода мысли у насъ была закована страстью къ подражанью, а внѣшняя форма поэзіи (языкъ) была выработана вѣками самобытной русской жизни. Языкъ словесности, языкъ такъ называемаго общества (т. е. языкъ городской) во всѣхъ почти земляхъ Европы мало принадлежалъ народу. Онъ былъ плодомъ городской образованности, и отъ этого происходитъ какая-то вялость и неповоротливость всѣхъ европейскихъ нарѣчій. Тому съ небольшимъ полвѣка, во Франціи не было еще почти ни одной округи (за исключеніемъ окрестностей Парижа), гдѣ бы говорили по-французски. Все государство представляло соединенье дикихъ и нестройныхъ говоровъ, не имѣющихъ ничего общаго съ языкомъ словесности. За то французскій языкъ, созданье городовъ, быть можетъ и не совсѣмъ скудный для выраженія мысли, безъ сомнѣнія, богатый для выраженія мелкихъ, житейскихъ и общественныхъ потребностей, носитъ на себѣ характеръ жалкаго безсилія, когда хочетъ выразить живое разнообразіе природы. Рожденный въ городскихъ стѣнахъ, только по слухамъ зналъ онъ о привольѣ полей, о просторѣ Божьяго міра, о живой и мужественной простотѣ сельскаго человѣка. Въ новѣйшее время его стали, такъ сказать, вывозить за городъ и показывать ему села, и поля, и рощи, и всю красоту поднебесную. Въ этомъ-то и состоитъ недовольно замѣченная особенность слога современныхъ намъ французскихъ писателей; но мертвому языку жизни не привьешь. Пороки французскаго языка болѣе или менѣе принадлежали всѣмъ языкамъ Европы. Одна только Россія представля-

етъ рѣдкое явленіе великаго народа, говорящаго языкомъ своей словесности, но говорящаго, можетъ быть, лучше своей словесности. Скудость содержанія дана была нашимъ прививнымъ просвѣщеніемъ, чудная красота формы была дана народною жизнью. Этого не должна забывать критика художества. Направленіе, данное намъ почти за полтора столѣтія, продолжается и до нашего времени. Принимая все безъ разбора, добродушно признавая просвѣщеніемъ всякое явленіе западнаго міра, всякую новую систему и новый оттѣнокъ системы, всякую новую моду и оттѣнокъ моды, всякій плодъ досуга нѣмецкихъ философовъ и французскихъ портныхъ, всякое измѣненіе въ мысли или въ бытѣ, мы еще не осмѣлились ни разу, хоть вѣжливо, хоть робко, хоть съ полу-сомнѣніемъ, спросить у запада: все ли то правда, что онъ говоритъ? все ли то прекрасно, что онъ дѣлаетъ? Ежедневно въ своемъ безпрестанномъ волненіи называетъ онъ свои мысли ложью, замѣняя старую ложь—можетъ быть новою и старое безобразіе—можетъ быть новымъ, и при всякой перемѣнѣ мы съ нимъ вмѣстѣ охуждаемъ прошедшее, хвалимъ настоящее, и ждемъ отъ него новаго приговора, чтобы снова перемѣнить наши мысли.

Есть, конечно, нѣкоторые мыслители, которые, проникнувъ въ самый смыслъ науки, думаютъ, что пора и нашему мышленію освободиться; что пора намъ рабствовать только истинѣ, а не авторитету западной личности, и черпать не только изъ прежнихъ или современныхъ школъ, но и изъ того сокровища разума, которое Богъ положилъ въ нашемъ чувствѣ и смыслѣ, какъ и во всякомъ смыслѣ и чувствѣ человѣческомъ: но безспорно большинство нашихъ просвѣщенныхъ людей въ Россіи и особенно служителей науки находитъ до сихъ поръ, что приличіе, скромность и, вѣроятно, умственное спокойствіе повелѣваютъ намъ принимать только готовые выводы, не пускаясь еще въ темную страшную глубину аналитическихъ вопросовъ. Споръ между этими двумя мнѣніями еще не рѣшенъ, и неизвѣстно, кто будетъ оправданъ—ученый или репетиторъ. Предлагая свои мнѣнія объ истинѣ не тольк нѣкоторыхъ выводовъ, но и нѣкоторыхъ отраслей науки западной, я стараюсь выразиться съ приличною робостью и смиреньемъ, чувствуя (не безъ страха), что я подвергаюсь строгому приговору, изреченному г. Молчалинымъ:

«Какъ намъ смѣть
Свое сужденіе имѣть?»

Вѣдь и въ наукѣ не безъ Молчалиныхъ.

То довѣрчивое поклоненіе, съ которымъ мы до сихъ поръ слѣдимъ за западно-европейскою образованностію, было, разумѣется, еще сильнѣе, еще довѣрчивѣе въ то время, когда мы ещ только начинали съ нею знакомиться; когда все ея величіе и блескъ впервые стали поражать наши глаза; когда ея слабости, ея неполнота, ея внутренняя нестройность были еще совсѣмъ недоступны нашей критикѣ, и когда самъ западъ еще не начиналъ, какъ онъ, очевидно, теперь начинаетъ, сомнѣваться въ самомъ себѣ. И теперь мы стараемся подражать, но уже подражаніе наше имѣетъ изрѣдка кое-какія притязанія на оригинальность. Въ первые и, такъ сказать, наши ученическіе годы мы старалися не только быть подражателями, но обратиться въ простой сколокъ съ западнаго міра. Не для чего толковать о томъ, удалось ли намъ это, или до какой степени удалось. Уже одной страсти ко всему иноземному, уже одного ревностнаго желанья уподобиться во всемъ нашимъ иностраннымъ образцамъ было достаточно, чтобы оторвать насъ отъ своихъ коренныхъ источниковъ умственной и духовной жизни. Продолжая въ глубинѣ сердца любить родную землю, мы уже всѣми силами ума своего отрывались отъ ея исторіи и отъ ея духовной сущности. Часто говорятъ, что и всѣ народы такъ же, какъ и мы, были подражателями; что германцы точно также

приняли науку и искуство отъ Рима, какъ мы отъ романо-германскаго міра. Это возраженіе уничтожается однимъ словомъ. Правда, Римъ передалъ просвѣщеніе германцу, но неправда, чтобы онъ передалъ его также, какъ германецъ Россіи. Не франкъ-завоеватель просвѣтилъ галла, но побѣжденный галлъ франка. Не отъ норманца получилъ просвѣщеніе свое саксонецъ (за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ ничтожныхъ улучшеній во внѣшнемъ бытѣ), но побѣжденный саксонецъ передалъ просвѣщеніе свое побѣдителю норманцу. Это доказывается не только исторіею, но и языковѣдѣніемъ. Такъ просвѣщеніе вездѣ переходило отъ низшихъ или по крайней мѣрѣ среднихъ слоевъ общества въ высшіе, принимая почти весь его составъ одною силою умственнаго развитія, однимъ дыханіемъ общей жизни. Не такъ было у насъ. Одно только высшее сословіе могло воспользоваться и воспользовалось новыми пріобрѣтеніями знанья. Старое по своему родовому происхожденію отъ служилыхъ людей, новое по своему характеру сословіе, оно приняло въ себя все богатство новаго просвѣщенія, поглощая его въ одномъ себѣ, замыкая его въ своемъ кругѣ и замыкаясь само этою новою, почти внѣшнею силою. Всѣ другія сословія осталися чуждыми новому движенію. Они не могли воспользоваться сокровищами науки, которая привозилась къ намъ какъ заграничный товаръ, доступный только для немногихъ, для досужихъ, для богатыхъ. Они не могли, а многіе изъ нихъ и не хотѣли ею воспользоваться. Если даже частное усовершенствованіе, если всякое отдѣльное изобрѣтеніе, даже въ наукахъ прикладныхъ, носитъ на себѣ печать земли, въ которой оно возникло, и, такъ сказать, часть ея духа: то тѣмъ болѣе цѣлая образованность или цѣлая система знанія запечатлѣвается мѣстнымъ характеромъ той области, въ которой она развивалась, и передаетъ этотъ духъ и этотъ характеръ всякой землѣ, которая ее усвоиваетъ и даетъ право гражданства. Темное чувство этой невидимой и въ то время еще несознанной опасности удаляло отъ новаго просвѣщенія множество людей и цѣлыя селенія, для которыхъ оно могло бы быть доступно; и это удаленіе, которое спасло насъ отъ полнаго разрыва со всею нашею историческою жизнію, мы можемъ и должны принять за особенное счастіе. Оно, безспорно, происходило изъ добраго начала, изъ того неопредѣленнаго ясновидѣнія разума человѣческаго, которое предугадываетъ многое, чему еще не можетъ дать не имени, ни положительнаго очертанія. Къ счастію, для подкрѣпленія этого темнаго, но спасительнаго чувства, образованность иноземная, переходя къ намъ, привязалась упорно (вѣроятно, она иначе сдѣлать не могла) къ тѣмъ видимымъ и вещественнымъ формамъ, въ которыя она была облечена у западныхъ народовъ. Ея не-русскія и не-общечеловѣческія начала обличались уже и тѣмъ, что не могли и не хотѣли разстаться съ своимъ западнымъ нарядомъ. Между тѣмъ тѣ люди или сословія, въ которыхъ или жажда знанія была сильнѣе, или привязанность къ исторической старинѣ менѣе сильна, отдѣлялись все болѣе и болѣе отъ тѣхъ, которые не могли или не хотѣли послѣдовать за ними по новооткрытымъ путямъ. Казалось бы, что раздвоеніе должно было быть сильнѣе въ первые годы, когда фанатизмъ подражанія западу былъ ревностнѣе и страстнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время: но на дѣлѣ выходило иначе. Многіе сначала были подражателями по неволѣ и роптали на горькую необходимость науки. Всѣ, даже тѣ, которые бросились съ полнымъ сознаніемъ и страстною волею въ пути иноземнаго просвѣщенія, принадлежали западному міру только мыслію своею, а жизнью, обычаемъ и сочувствіями они еще принадлежали родимой старинѣ. Люди прежняго вѣка еще не успѣли сойти въ гробъ; воспоминанья дѣтства еще связаны были съ

воспоминаніями о другомъ порядкѣ вещей и мысли. Еще сильны были няньки да дядьки, да весь русскій домъ, который не успѣлъ передѣлаться на иностранный ладъ. Но разъ принятое направленіе должно было развиваться все болѣе и болѣе уже подъ вліяніемъ не только страсти, но и логической необходимости. Старики вымирали, дома перелаживались, европейство утверждалось; дѣти и внуки просвѣщеннаго поколѣнья были просвѣщеннѣе своихъ предшественниковъ. Система просвѣщенія, принятая извнѣ, приносила съ собою свои умственные плоды въ гордости, которая пренебрегала всѣмъ роднымъ, и свои жизненные плоды въ оскудѣніи всѣхъ самыхъ естественныхъ сочувствій. Раздвоеніе утвердилось надолго.

Очевидно, что, при такомъ гордомъ самодовольствіи людей просвѣщенныхъ, даже формальное наукообразное знаніе ихъ о Россіи должно было ограничиться весьма тѣсными предѣлами, ибо въ нихъ исчезло самое желаніе знать ее; но еще болѣе должно было пострадать другое, высшее, жизненное знаніе, необходимое для общества такъ же, какъ и для человѣка. Общество также, какъ человѣкъ, сознаетъ себя не по логическимъ путямъ. Его сознаніе есть самая его жизнь: оно лежитъ въ единствѣ обычаевъ, въ тождествѣ нравственныхъ или умственныхъ побужденій, въ живомъ и безпрерывномъ размѣнѣ мысли, во всемъ томъ безпрестанномъ волненіи, которымъ зиждутся народъ и его внутренняя исторія. Оно принадлежитъ только личности народа, какъ внутреннее, жизненное сознаніе человѣка принадлежитъ только собственной его личности. Оно недоступно ни для иностранца, ни для тѣхъ членовъ общества, которые волею или неволею отъ него уединились. Это жизненное сознанье, также какъ его отсутствіе, выражается во всемъ. Иностранецъ, какъ бы онъ ни овладѣлъ чужимъ языкомъ, никогда не обогатитъ его словесности: онъ всегда будетъ писателемъ безжизненнымъ и безсильнымъ. Ему останутся всегда чуждыми тѣ необъяснимыя прихоти нарѣчія, въ которыхъ выражается вся прелесть, вся оригинальность, вся подвижность народной физіономіи. Намъ, Русскимъ, это особенно замѣтно и въ неудачныхъ попыткахъ нашихъ соотечественниковъ выражать свои благопріобрѣтенныя мысли на благопріобрѣтенныхъ языкахъ, и въ неудачныхъ попыткахъ многихъ русскихъ писателей, рожденныхъ не въ Россіи, блеснуть на поприщѣ нашей словесности слишкомъ поздно и слишкомъ книжно пріобрѣтеннымъ знаньемъ русскаго языка. Языкъ, чтобы быть послушнымъ и художественнымъ орудіемъ нашей мысли, долженъ быть не только частью нашего знанья, но частью нашей жизни, частью насъ самихъ. Отъ того-то иностранецъ или человѣкъ, удаленный отъ живаго говора народнаго, долженъ довольствоваться языкомъ книжнымъ. Пусть на немъ выражаетъ онъ мысль свою, и, можетъ быть, достоинствомъ мысли сколько-нибудь выкупится вялость выраженія; но, для избѣжанья всеобщаго смѣха, пусть онъ удержится отъ всякихъ притязаній на поддѣлку подъ живую рѣчь.

По мѣрѣ того, какъ высшіе слои общества, отрываясь отъ условій историческаго развитія, погружались все болѣе и болѣе въ образованность, истекающую изъ иноземнаго начала; по мѣрѣ того, какъ ихъ отторженіе становилось все рѣзче и рѣзче, умственная дѣятельность слабѣла и въ низшихъ слояхъ. Для нихъ нѣтъ отвлеченной науки, отвлеченнаго знанія: для нихъ возможно только общее просвѣщеніе жизни, а это общее просвѣщеніе, проявленное только въ постоянномъ круговращеніи мысли (подобномъ кровообращенію въ человѣческомъ тѣлѣ), становится невозможнымъ при раздвоеніи въ мысленномъ строеніи общества. Въ высшихъ сословіяхъ проявлялось знаніе, но знаніе, вполнѣ отрѣшенное отъ жизни; въ низшихъ—жизнь, никогда не восходящая

до сознанья. Художеству истинному, живому, свободно-творящему, а не подражательному, не было мѣста, ибо въ немъ является сочетаніе жизни и знанія — образъ самопознающейся жизни. Примиренье было невозможно: наука, хотя и односторонняя, не могла отказаться отъ своей гордости, ибо она чувствовала себя лучшимъ плодомъ великаго запада; жизнь не могла отказаться отъ своего упорства, ибо она чувствовала, что создала великую Россію. Оба начала оставались безплодными въ своей болѣзненной односторонности.

На первый взглядъ безсиліе жизни, отрѣшенной отъ знанія и отъ художества, покажется понятнѣе, чѣмъ безсиліе знанія, отрѣшеннаго отъ жизни: ибо жизнь имѣетъ характеръ мѣстный, знанье же характеръ общій, всечеловѣческій. Добросовѣстное или безпристрастное разсмотрѣніе вопроса разрѣшаетъ эти сомнѣнія. Наука раздѣляется на науку положительную, или простое изученіе законовъ видимой природы, и на науку догадочную, или изученіе законовъ духа человѣческаго и его проявленій. Изучать законы своего духа можетъ человѣкъ только въ полнотѣ своей духовной, слѣд. личной и общественной жизни, ибо только въ этой полнотѣ можетъ онъ видѣть ихъ проявленіе. И такъ вторая и, можетъ быть, важнѣйшая отрасль науки дѣлается почти невозможною при внутреннемъ раздвоеніи общественнаго просвѣщенія. Сверхъ того, наука, въ своей, можетъ быть, подчиненной формѣ опыта или наблюденія, есть опять только плодъ стремленія духа человѣческаго къ знанью, плодъ жизни, отчасти созрѣвающей, слѣд. въ обоихъ случаяхъ она требуетъ жизненной основы. У насъ она не была плодомъ нашей мѣстной, исторической жизни. Съ другой стороны, самымъ перенесеніемъ своимъ въ Россію и на нашу почву, она отторгалась отъ своихъ западныхъ корней и отъ жизни, которая ее произвела. Въ такомъ-то видѣ представлялись до сихъ поръ у насъ просвѣщеніе и общество, принявшее его въ себя: оба носили на себѣ какой-то характеръ колоніяльный, характеръ безжизненнаго сиротства, въ которомъ всѣ лучшія требованія души невольно уступаютъ мѣсто эгоистическому самодовольству и эгоистической расчетливости.

Такова худшая и самая неутѣшительная сторона нашего высшаго просвѣщенія; но не должно забывать, что нѣтъ почти такого явленія въ мірѣ, которое бы подчинялось какому-нибудь одному закону и не подвергалось въ то же время вліянію другихъ, часто противоположныхъ законовъ. Характеръ, который я назвалъ колоніяльнымъ, составляетъ, безъ сомнѣнія, главную и преобладающую черту науки, принятой нами отъ запада, и общества нашего, во сколько оно эту науку приняло; но исторія, но привычки, но воспоминанья, но любовь къ своей землѣ, но безпрестанныя сношенія съ мѣстною жизнію не вполнѣ утратили свои права. Отъ этого остатка собственно нашей народной жизни въ насъ происходятъ всѣ лучшія явленія нашей образованности, нашего художества, нашего быта, все, что въ насъ не мертво, не безсильно, не безплодно. Къ несчастію, сѣмена добра въ насъ самихъ вполнѣ развиваться не могутъ отъ нашего внутренняго раздвоенія, и намъ недоступно то жизненное сознаніе Россіи, которое составляетъ необходимое и, можетъ быть, главное средоточіе народнаго просвѣщенія. Отъ этого для насъ невозможны ни справедливая оцѣнка самихъ себя, ни ясное и здравое понятіе о многихъ и, можетъ быть, самыхъ важныхъ явленіяхъ нашей исторіи.

Просвѣщеніе не есть только сводъ и собраніе положительныхъ знаній: оно глубже и шире такого тѣснаго опредѣленія. Истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтленье всего духовнаго состава въ человѣкѣ или народѣ. Оно можетъ соединяться съ наукою, ибо наука есть одно изъ его явленій, но оно сильно и безъ наукообразнаго знанья: наука же, одностороннее его развитіе,

безсильна и ничтожна безъ него. Нѣкогда оно было и у насъ, не смотря на нашу бѣдность въ наукообразномъ развитіи, и отъ него остались великіе, но слишкомъ мало замѣченные слѣды. Я не говорю о чужихъ краяхъ. Сравненіе съ ними слишкомъ затруднительно и слишкомъ подвержено спорамъ, потому что всякому образованному Русскому все-таки естественно кажется, что человѣкъ, который говоритъ только по-французски или по-нѣмецки, образованнѣе того, кто говоритъ только по-русски; но если сравнить безпристрастно среднюю или сѣверную Россію съ западною, то мысль моя будетъ довольна ясна. Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣщеніе западнаго Русса далеко уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ просвѣщенію его восточнаго брата, а между тѣмъ образованное общество въ западной Россіи, конечно, не уступаетъ намъ нисколько въ знаніяхъ, а въ старину далеко и далеко насъ превосходило. Откуда же эта разница? Не очевидно ли, отъ того, что на западѣ Россіи рано произошло раздвоеніе между жизнію народною и знаньемъ высшаго сословія, тогда какъ у насъ, при всей скудости наукообразнаго знанья, живое начало просвѣщенія долго соединяло въ одно цѣльное единство весь общественный организмъ. Разумное просвѣтленье духа человѣческаго есть тотъ живой корень, изъ котораго развиваются и наукообразное знанье и такъ называемая цивилизація или образованность: оно есть самая жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннѣйшихъ стремленіяхъ. Наука не заключаетъ еще въ себѣ живыхъ началъ образованности. Нерѣдко случается намъ видѣть многостороннихъ ученыхъ, которыхъ нельзя не назвать дикарями, и невѣждъ въ наукѣ, которыхъ нельзя не назвать образованными людьми. Наука можетъ разниться степенями своими по состояніямъ, по богатству, по досугамъ и по другимъ случайностямъ жизни; просвѣщеніе есть общее достояніе и сила цѣлаго общества и цѣлаго народа. Этою силою отстоялся русскій человѣкъ отъ многихъ бѣдъ въ прошедшемъ и этою силою будетъ онъ крѣпокъ въ будущемъ. Россія приняла въ свое великое лоно много разныхъ племенъ—финновъ прибалтійскихъ, при-волжскихъ татаръ, сибирскихъ тунгузовъ, бурятъ и др,, но имя, бытіе и значеніе получила она отъ русскаго народа (т. е. человѣка Великой, Малой, Бѣлой Руси). Остальныя должны съ нимъ слиться вполнѣ: разумные, если поймутъ эту необходимость; великіе, если соединятся съ этою великою личностью; ничтожные, если вздумаютъ удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвѣщеніе — жизнь Россіи.

Наука подвинулась у насъ довольно далеко. Она начинаетъ отрѣшаться отъ мѣстныхъ иноземныхъ началъ, съ которыми она была смѣшана въ своемъ первомъ возрастѣ. Мужаясь и укрѣпляясь, она должна стремиться и уже стремится къ соединенію съ русскимъ просвѣщеніемъ: она начинаетъ черпать изъ этого роднаго источника, котораго прозрачная глубина (созданье чистаго и ранняго христіанства) одна можетъ исцѣлить глубокую рану нашего внутренняго раздвоенія. Намъ уже позволительно надѣяться на свою живую науку, на свое свободное художество, на свое крѣпкое просвѣщеніе, соединяющее въ одно жизнь и знаніе, и точно такъ, какъ мысль иноземная являлась у насъ въ своей иноземной формѣ, точно также просвѣщеніе родное проявится въ образахъ и, такъ сказать, въ нарядѣ русской жизни. Видимое есть всегда только оболочка внутренней мысли. Обрядъ дѣло великое: это художественный символъ внутренняго единства; у насъ -- единства народа, широко раскинувшагося отъ береговъ Вислы и горъ Карпатскихъ до береговъ Тихаго Океана. Нѣтъ сомнѣнія, что наука совершитъ то, что она разумно начала, и что она соединится съ истиннымъ просвѣщеніемъ Россіи посредствомъ строгаго анализа въ путяхъ историческихъ, посредствомъ теплаго сочувствія въ изученіи современнаго, посредствомъ безпристрастной оцѣн-

ки всякой истины, откуда бы она ни являлась, и любви ко всему доброму, гдѣ бы оно ни высказывалось.

Тогда будетъ и у насъ то жизненное сознаніе, которое необходимо всякому народу и которое обширнѣе и сильнѣе сознанья формальнаго и логическаго. Тогда и крайнее наше теперешнее смиреніе передъ всѣмъ иноземнымъ и наши попытки на хвастовство, въ которыхъ самоуниженіе проглядываетъ еще ярче, чѣмъ въ откровенномъ смиреніи, замѣнятся спокойнымъ и разумнымъ уваженіемъ нашихъ исконныхъ началъ. Тогда мы не будемъ сбивать съ толка иноземцевъ ложными показаніями о самихъ себѣ, и западная Европа забудетъ или предастъ презрѣнію тѣхъ жалкихъ писателей, о которыхъ одинъ разсказъ уже внушаетъ намъ тяжелое чувство досады нѣсколько самолюбивой и грусти истинно-человѣческой.

А. Хомяковъ.

74. Объ Эдипѣ царѣ, Софокла.

Давно признано въ исторіи искуства высоко-художественное достоинство произведеній Софокла. Драматическая идея впервые нашла въ нихъ себѣ самое полное выраженіе. Искуство въ лицѣ Софокла коснулось крайней степени своего изящнаго совершенства. Эстетически образованная мысль человѣка новаго времени едва находитъ себѣ въ цѣлой поэтической литературѣ древнихъ другой рядъ произведеній, на которыхъ она могла бы остановиться и отдохнуть съ равнымъ удовлетвореніемъ. Трагическая муза Софокла опытнѣе Эсхиловой въ томъ отношеніи, что лучше ея знаетъ тайну настоящихъ пропорцій художественнаго развитія, но въ то же время несравненно наивнѣе Эврипидовой, которой столько же знакома страсть въ разныхъ ея видахъ, сколько и эффектъ, производимый ею на зрителя. Въ рукахъ Софокла искуство возмужало, но еще не утратило свой цѣломудренности.

Многое можетъ быть сказано о формѣ художественнаго произведенія, объ ея достоинствахъ и недостаткахъ, но самымъ неистощимымъ предметомъ для мысли всегда останется самое содержаніе. Важность содержанія Софокловыхъ трагедій также давно не тайна для всѣхъ, знакомыхъ съ драматическою поэзіею древности. Изящество формы не закрыло ему собственно принадлежащихъ достоинствъ отъ новаго анализа. И въ наше время, не смотря на обиліе современнаго матеріала, критическая мысль любитъ возвращаться къ древней трагедіи, къ Софоклу преимущественно, съ цѣлію повѣрить прежнія наблюденія надъ идеями, которыя положены ей въ основаніе, и достигнуть новой степени ясности въ раскрытіи ихъ внутренняго смысла. Она сама тѣмъ больше питается, чѣмъ больше углубляется въ нихъ. Зрѣя вмѣстѣ съ современнымъ сознаніемъ, она часто мѣняетъ точку зрѣнія на предметъ и всегда почти открываетъ въ немъ новую сторону, болѣе или менѣе соотвѣтствующую ея послѣднему воззрѣнію. Рѣшивъ вопросъ о формѣ, критика долго еще не истощитъ внутренняго содержанія Софокла.

Русскій переводъ «Эдипа царя» даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ объ этой трагедіи. Художественное ея достоинство стоитъ выше всѣхъ противорѣчій. Мы могли бы сказать даже болѣе: по нашему крайнему разумѣнію, геній искуства въ древности не простирался далѣе въ тонкости и послѣдовательности художественнаго развитія. Сравните начало и конецъ трагедіи: гдѣ больше чувства самоувѣренности, основаннаго на глубокомъ сознаніи личнаго достоинства, чѣмъ въ началѣ, и однако какое внутреннее паденіе можетъ сравниться съ тѣмъ, которымъ оканчивается трагедія, хотя главное дѣйствующее лице остается одно и то же? Художникъ взялъ на себя одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ, какія только представляются въ искуствѣ: не просто изобразить, но представить въ самомъ дѣй-

ствія переходъ одного и того же лица отъ глубокаго чувства самой безукоризненной невинности къ полному и притомъ добровольному сознанію вины въ смыслѣ нарушенія самыхъ первыхъ и священныхъ обязанностей человѣка. Сравнительно даже невинный Макбетъ при первомъ своемъ появленіи на сценѣ гораздо ближе къ мысли о томъ злодѣйствѣ, которымъ онъ впослѣдствіи погубилъ себя, чѣмъ Эдипъ, хотя уже и преступникъ, къ малѣйшему предчувствію того ужаснаго сознанія прошедшей вины, которое должно было отравить все остальное время его жизни. Чтобы удовлетворительно рѣшить задачу, надобно было съ величайшею постепенностію провести Эдипа черезъ нѣсколько психическихъ состояній, вовсе не похожихъ одно на другое, такъ, чтобы вниманіе зрителя въ отношеніи къ нему ни разу не раздѣлялось между искреннимъ участіемъ къ его положенію и сомнѣніемъ въ возможности его. Тамъ, гдѣ эти необходимые переходы не даны напередъ и даже не указаны самою легендою, которая составляетъ зерно произведенія, ихъ должно создать собственное воображеніе художника. Въ этомъ неподражаемомъ искуствѣ (ибо оно можетъ быть только самородное) Софоклъ не имѣетъ равнаго себѣ между драматургами древности. Мало того, чтобы создать характеръ, вдохнуть въ него жизнь, наполнить его паѳосомъ, Софоклъ, сверхъ того, знаетъ тайну тѣхъ внутреннихъ паденій и возвышеній, которыми непремѣнно сопровождается всякое чрезвычайное душевное движеніе въ человѣкѣ, и съ рѣдкою тонкостію кисти оттѣняетъ всѣ малѣйшіе переходы изъ одного нравственнаго состоянія въ другое. Вопросъ зрителя предупрежденъ самымъ ходомъ дѣйствія; и никакая рефлексія не нарушаетъ его вниманія: увлеченное послѣдовательностію развитія, оно отдается на волю художника и неослабно остается за нимъ не только въ минуту рѣшительнаго кризиса, но даже и послѣ, до послѣдняго вздоха страсти, до того крайняго предѣла, на который дѣйствіе болѣе не простирается, и гдѣ для него начинается уже прошедшее. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ всмотрѣться во внутреннюю архитектонику «Эдипа царя» и отдать себѣ отчетъ во всѣхъ душевныхъ движеніяхъ главнаго дѣйствующаго лица, легко можетъ повѣрить эти замѣчанія своимъ собственнымъ опытомъ.

Поколѣнія, которыхъ эстетическій вкусъ образовался на чтеніи первостепенныхъ художниковъ новаго времени, какъ Гёте и Вальтеръ-Скоттъ, едвали могутъ быть менѣе самыхъ современниковъ Софокла чувствительны къ художественнымъ красотамъ его трагедіи. Художественность до такой степени вошла въ обычаи нашего эстетическаго пониманія, что иногда, злоупотребляя этимъ именемъ, мы готовы бываемъ пропустить мимо глазъ и ушей многіе существенные недостатки произведенія: доказательство неопытности вкуса, который, схвативъ внѣшнимъ образомъ одно изъ главныхъ современныхъ опредѣленій изящнаго, никакъ не можетъ перейти этой первой черты и равнодушно останавливается у самаго порога содержанія. Но, по счастію, есть въ современной критикѣ другой элементъ, собственно гуманическій, который освобождаетъ ее отъ односторонности чисто-формальнаго воззрѣнія. Оставляя пока въ сторонѣ прямо художественныя достоинства «Эдипа царя», попробуемъ и мы войти въ кругъ тѣхъ идей, на которыхъ главнымъ образомъ держатся какъ нравственный характеръ самого Эдипа, такъ и существенный интересъ всего дѣйствія. Быть можетъ, намъ удастся такимъ образомъ показать на этомъ произведеніи, сверхъ прогресса чисто художественнаго, и успѣхи нравственнаго сознанія между современниками величайшаго изъ трагиковъ классической древности.

Поражаетъ прежде всего своими особенностями характеръ главнаго дѣйствующаго лица. Возвратившись къ нему еще разъ послѣ внимательнаго чте-

нія, мысль читателя напрасно ищетъ другаго, параллельнаго ему явленія во всей предшествующей литературѣ. Эдипъ не знаетъ себѣ предшественника въ греческой поэзіи. Герои, которые были передъ нимъ, и большая часть послѣдовавшихъ за нимъ въ области гелленскаго искуства, блистали юностью, красотою, необоримою силою, быстротою и ловкостію движеній; если же въ комъ лѣта и сокрушили первоначальную отвагу, тотъ находилъ еще много новыхъ средствъ для своей предпріимчивости въ изгибахъ своего многоопытнаго и изворотливаго ума. Или наконецъ онъ носилъ въ груди, какъ искру небеснаго огня, какъ залогъ высшаго бытія, неробкій духъ, который посмѣвался надъ всѣми усиліями судьбы связать его свободную волю и, даже находясь въ узахъ, гордо, самонадѣянно продолжалъ вызывать на бой сверхъестественныя силы. Въ одномъ Эдипѣ нѣтъ никакого внѣшняго блеска, да недолго приходится ему хвалиться и внутренними достоинствами. Поднявшись въ образѣ Промеѳея до самаго высокаго идеала, греческое искуство какъ-будто вдругъ потеряло равновѣсіе и пало въ лицѣ его ниже своихъ первыхъ зачатковъ. Посмотрите на Эдипа, какимъ знаетъ его трагическая муза; всмотритесь особенно въ его внѣшнюю постановку: онъ ужъ давно изжилъ лучшіе годы своей жизни; онъ не только мужъ, но и отецъ довольно значительной семьи; съ самаго зарожденія отмѣченный рукою судьбы, онъ испыталъ на себѣ много превратностей, но не вынесъ изъ нихъ ни тонкости ума Улисса и его знанія людей, ни Пріамова благодушія. До тѣхъ поръ, пока ему не открыли глазъ, онъ не подозрѣваетъ ни своего преступленія, ни своего несчастія. Когда бы надобно было оправдывать себя, онъ нагло, безъ всякихъ доказательствъ, обвиняетъ другихъ. Удостовѣрившись потомъ изъ непреложныхъ свидѣтельствъ, что сама истина говорила устами его мнимыхъ клеветниковъ, онъ не находитъ въ себѣ довольно мужества и спокойствія, чтобы терпѣливо перенести тяжелое испытаніе, и самъ налагаетъ на себя руки. Есть на памяти Ѳиванъ одно славное дѣло Эдипа, которое доставило ему и самую власть надъ ними: это былъ подвигъ не столько физической силы, сколько ума прозорливаго, которому Ѳивы одолжены были своимъ спасеніемъ отъ злаго и безпощаднаго чудовища; но та счастливая прозорливость какъ-будто прошла вмѣстѣ съ лѣтами Эдипа и оставила по себѣ мѣсто въ душѣ его лишь ложной самонадѣянности. Трагедія очевидно знала Эдипа цвѣтущаго молодостію и душевными силами, но она предпочла Эдипа въ половину уже отжившаго и неспособнаго болѣе спасти не только свой народъ, но и самого себя отъ отяготѣвшей надъ нимъ судьбы. Зачѣмъ такое предпочтеніе?

Еще больше поражаетъ выборъ самаго дѣйствія, составляющаго главное содержаніе трагедіи и, такъ сказать, ея душу. Софоклъ не изобрѣлъ его самъ, какъ вообще греческіе художники не выдумывали изъ своей головы сюжета для своихъ произведеній, но взялъ, или лучше сказать, выбралъ его изъ мѣстныхъ преданій полумиѳическаго свойства. Что же на этотъ разъ привлекло къ себѣ его воображеніе? Это не подвигъ юнаго, предпріимчиваго героизма, ищущаго себѣ славы или добычи, какихъ не мало въ древнихъ преданіяхъ о героическихъ временахъ Греціи; это и не высокій гражданскій подвигъ, направленный на защиту родной страны, ея правъ и самостоятельности и требующій отъ подвижниковъ личнаго самоотверженія; это, наконецъ, и не одно изъ тѣхъ кровавыхъ дѣлъ семейной вражды и мести, которыя узаконены были почти всею древностію не только какъ право, но и какъ одна изъ первыхъ обязанностей человѣка, и долгое время занимали самое видное мѣсто между любимыми темами греческой драматической поэзіи. Въ нашей трагедіи, напротивъ, все дѣйствіе основано на

такомъ событіи, въ которомъ, вольно или невольно, попраны самыя священныя права, нарушены и оскорблены самыя первыя обязанности человѣка, напечатлѣнныя въ немъ самою природою и навсегда утвержденныя его же разумомъ, однимъ словомъ, на событіи, которое оставляло на совѣсти дѣйствующаго лица самую тяжелую нравственную отвѣтственность, какъ самое непотребное изъ человѣческихъ преступленій. По древнему преданію, Эдипъ при первой встрѣчѣ убилъ собственною рукою неузнаннаго имъ отца и потомъ еще на-вѣки запятналъ себя кровосмѣшеніемъ съ своею матерью, имъ также неузнанною. Если миѳическое сознаніе и могло вмѣстить въ себѣ подобные вымыслы, то какое наслажденіе они могли доставить поэтической фантазіи? Между тѣмъ весь «Эдипъ-царь», отъ перваго явленія и до послѣдняго, есть не что иное, какъ художественное развитіе фатальныхъ слѣдствій несчастнаго и ничѣмъ неизгладимаго преступленія. Къ дѣйствію, уже совершившемуся, здѣсь присоединяется другое равно неотвратимое, которое мало по малу вскрывается въ душѣ, въ самомъ сознаніи невольнаго преступника: вина сама ведетъ за собою свои неизбѣжныя слѣдствія. Еще не касаясь лично виновника, они сначала подходятъ къ нему только издали, проступаютъ въ его окруженіи. По винѣ Эдипа городъ Ѳивы постигнутъ страшною язвою. Религіозное изслѣдованіе причины общенароднаго бѣдствія скоро наводитъ слѣдователей на ужасное подозрѣніе. Напрасно душа Эдипа возмущается при мысли о томъ, что есть дерзкіе языки, которые позволяютъ себѣ выражать сомнѣніе въ его чистотѣ и невинности: ему не уйти отъ роковаго сознанія, какъ не ушелъ онъ прежде отъ предназначеннаго ему преступленія. Чѣмъ больше онъ усиливается, передъ самимъ собою и передъ глазами страдающаго за него народа, освободиться отъ чернаго подозрѣнія, способнаго убить всякое душевное спокойствіе, тѣмъ съ большею силою вторгается оно во внутреннія убѣжища его совѣсти и навязываетъ ей себя какъ ничѣмъ неизмѣнимое убѣжденіе. Напрасно Эдипъ, поколебавшись въ своихъ собственныхъ мысляхъ, ищетъ себѣ послѣдней опоры въ показаніяхъ очевидцевъ преступленія или его современниковъ. Чѣмъ больше онъ выпытываетъ отъ нихъ, тѣмъ поразительнѣе возстаетъ предъ нимъ образъ преступника, и, всматриваясь въ него, онъ все больше и больше распознаетъ въ немъ свои собственныя черты. Переживъ съ Эдипомъ всѣ его сомнѣнія, зритель долженъ еще присутствовать при раздражающемъ сердце зрѣлищѣ, какъ погибаетъ, подъ неизбѣжнымъ давленіемъ рока, самое глубокое чувство невинности и вмѣстѣ съ нимъ рушится вѣра во внутреннее достоинство человѣка. Хаоса чувствъ, наступающаго послѣ такой страшной катастрофы, не въ состояніи вынести никакая личность, хотя бы и много уже испытанная жизнію, — и зритель, прошедши одно за другимъ всѣ потрясенія Эдиповой души, въ заключеніе долженъ узнать, что преступникъ, разбитый внутренними терзаніями, наконецъ объявляетъ вражду самъ противъ себя и казнитъ себя лишеніемъ дневнаго свѣта, какъ если бы душевный мракъ былъ при немъ еще невыносимѣе. Жизнь остается Эдипу тяжелая, страдальческая жизнь, лишенная всякой отрады; но и зритель, присутствовавшій при всемъ дѣйствіи, что̀ выноситъ изъ него, кромѣ этого несчастнаго образа, неумолимо преслѣдуемаго рокомъ, въ враждѣ съ самимъ собою, разорвавшаго почти всѣ связи съ обществомъ людей, съ природою, и погруженнаго лишь въ безъисходный мракъ своего отчаянія? Что еще, кромѣ самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, можетъ оставить въ душѣ его подобное драматическое представленіе?

Художникъ воленъ былъ избрать тотъ или другой предметъ въ обширной области миѳическихъ и историческихъ преданій, которая была открыта его вооб-

раженію. Почему было ему не остановиться на предметѣ, если не болѣе увлекательномъ, по крайней мѣрѣ болѣе возвышающемъ душу, болѣе способномъ поддержать въ ней вѣру въ нравственное достоинство человѣка? Примѣръ почти всѣхъ предшествующихъ художниковъ могъ бы, кажется, служить ему прекраснымъ поощреніемъ. Далеко не истощивши всего поэтическаго матеріяла, они, однако, открыли дорогу своимъ послѣдователямъ и установили образцы. Хотѣлъ ли Софоклъ тѣмъ сильнѣе впечатлѣть въ воображеніи зрителей идею неумолимой судьбы и показать имъ хотя на одномъ разительномъ примѣрѣ, что съ нею не въ силахъ бороться никакая человѣческая рѣшимость? Болѣе чѣмъ сомнительно. Идея судьбы и безъ Софокла довольно прочно заложена была въ религіозномъ сознаніи грековъ. Она-то произвела мрачное сказаніе о безсознательныхъ преступленіяхъ Эдипа, гораздо прежде чѣмъ оно сдѣлалось предметомъ художественной обработки. Притомъ же не оно само составляетъ главный предметъ дѣйствія, а его отдаленныя слѣдствія. Въ Гамлетѣ тоже довольно подробно разсказывается смерть его отца, но никто, конечно, не смѣшаетъ этого разсказа съ самымъ дѣйствіемъ, которому онъ служитъ лишь необходимымъ драматическимъ поводомъ или основаніемъ для завязки. Чтобы изобразить неотвратимую силу рока (если ужъ это было непремѣнно нужно). Софоклъ не могъ ничего лучше сдѣлать, какъ представить въ дѣйствіи первую и самую важную часть сказанія. Здѣсь воочію совершается то, что послѣдующая часть подразумѣваетъ какъ давно прошедшее. Въ трагедіи также есть внѣшнее дѣйствіе, но надъ нимъ беретъ рѣшительный перевѣсъ внутреннее, которое въ то же самое время происходитъ въ сознаніи главнаго дѣйствующаго лица. Взявши въ соображеніе послѣднее, и ту катастрофу, которою оно разрѣшается, не трудно удостовѣриться, что результатъ этого дѣйствія совсѣмъ иной, нежели тотъ, какого мы въ правѣ были бы ожидать отъ трагедіи, если бы она выражала собою идею судьбы. Убѣдившись въ неумолимости рока, въ неотмѣнимости его предопредѣленій, зачѣмъ было бы Эдипу такъ терзать себя? Если бы въ немъ не брало перевѣсъ иное чувство, иное сознаніе, онъ могъ бы сослаться на ту же самую неумолимость рока и успокоиться. Итакъ позволительно думать, что побужденія совсѣмъ инаго рода руководили художникомъ древности, когда онъ избралъ Эдипа темою для одного изъ своихъ драматическихъ произведеній.

Новые примѣры нерѣдко могутъ быть употреблены съ пользою для объясненія древнихъ. Мы воспользуемся этимъ правиломъ въ приложеніи къ искуству. Говоря вообще, было бы очень странно думать, что искуство, заимствуя свой матеріалъ отъ преданія, удерживаетъ и его воззрѣніе на предметъ, не видитъ ничего далѣе ни въ лицахъ, ни въ событіяхъ. Такое понятіе отнимаетъ у искуства всякую внутреннюю самостоятельность и, оставляя за нимъ привилегію техническаго превосходства, пластики, въ нравственномъ отношеніи впрочемъ ставитъ его совершенно на одной степени съ младенчествующимъ преданіемъ. Всякій, знакомый съ старымъ преданіемъ о Гамлетѣ, хорошо знаетъ, какъ далеко ушелъ отъ него извѣстный художественный типъ, также носящій имя Гамлета, не смотря на то, что внѣшнія черты событія остались почти однѣ и тѣ же въ разсказѣ и въ драмѣ. Тамъ, гдѣ преданіе болѣе всего занимало мысль о кровавой мести, поэтъ, предупреждая самое время, первый замѣтилъ неясныя черты весьма важнаго и въ высшей степени интереснаго психическаго явленія, на которое до него едва существовали темные намеки и которое гораздо позже, вслѣдствіе особенныхъ условій историческаго развитія, сдѣлалось довольно обыкновенною нравственною болѣзнію въ европейскомъ обществѣ. Нисколько не касаясь вопроса объ исторической

вѣроятности или невѣроятности событія, Шекспиръ взялъ его для себя, какъ положительный фактъ, и подъ широкою тканію внѣшняго дѣйствія психическими чертами изобразилъ то глубоко внутреннее распаденіе между сознаніемъ и волею человѣка, котораго онъ же уловилъ самые первые признаки. Однажды понявши Гамлета, мы поняли лучше всѣхъ философическихъ опредѣленій одно изъ самыхъ оригинальныхъ явленій нравственной человѣческой природы. Никто, безъ сомнѣнія, не будетъ оспаривать, что Гамлетъ, какъ герой драмы, лишенъ всякаго блеска; но кто же не согласится и въ томъ, что даже во всей области новаго искуства немного еще можно указать типовъ, которые бы равнялись съ нимъ во внутренней занимательности?

Время кладетъ свою печать на все — на искуство столько же, сколько и на самую жизнь. Отсюда то глубокое различіе, которое проходитъ въ характерѣ древняго и новаго искуства. Въ сущности, впрочемъ, натура искуства неизмѣнно остается одна и та же. Что̀ сказали мы объ отношеніи его къ преданію въ новое время, то же самое безъ труда можетъ быть приложено и къ древнему художнику. Софоклъ не былъ бы художникомъ въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ слова, если бы не умѣлъ стать—своею мыслію и всѣмъ созерцаніемъ — выше преданія, которое доставляло ему первый грубый матеріалъ для его поэтической производительности. Эдипъ преданія и Эдипъ трагедіи конечно одно и то же лице: между тѣмъ не надобно имѣть много особеннаго тонкаго смысла, чтобы узнать въ послѣднемъ собственное созданіе Софокла. Безспорно, что выборъ сдѣланъ былъ художникомъ внѣ обыкновенныхъ условій, такъ что съ перваго раза можетъ показаться довольно своенравнымъ. Эдипъ преданія, какъ и Гамлетъ, не блеститъ никакими внѣшними качествами; не видно также, чтобы оно приписывало ему высокія доблести душевныя; наконецъ, что касается до его положенія, оно также не можетъ быть названо привлекательнымъ. Нельзя не сознаться и въ томъ, что искуство Софокла, избравши себѣ такой предметъ, тоже ничего не сдѣлало съ своей стороны, чтобы поднять Эдипа въ этомъ отношеніи: трагедія не позволила себѣ съ нимъ никакого превращенія, напримѣръ хоть бы въ родѣ того, какому подверглось лице Эгмонта подъ руками новаго поэта. Пройдя черезъ мастерскую древняго художника, Эдипъ вышелъ изъ нея безъ всякихъ прикрасъ. Пусть такъ,— и мы готовы со всею силою настаивать на это положеніе, но что отсюда слѣдуетъ? То, очевидно, что художникъ вовсе и не думалъ о прикрасахъ, нисколько не заботился придать внѣшній блескъ герою своей трагедіи, что, слѣдовательно, мысль его работала надъ инаго рода задачею: потому что никто же конечно не подумаетъ, что работа его не была проникнута никакою особенною мыслію. Возьмемъ героя трагедіи такъ, какъ онъ есть—безъ внѣшняго блеска, безъ высокихъ душевныхъ доблестей, безъ всякихъ преувеличеній: неужели въ немъ не останется ничего такого, что бы могло привязать къ нему интересъ мыслящаго человѣка? Нельзя поручиться за современниковъ не только Гомера, но даже и Геродота: другіе идеалы занимали ихъ воображеніе; несчастія Эдипа могли возбудить ихъ любопытство, но личный характеръ его едвали могъ удовлетворить требованіямъ ихъ вкуса. Рѣдкій успѣхъ Софокла между его современниками доказываетъ, напротивъ, что они уже достаточно созрѣли для того, чтобы прямо наслаждаться его оригинальными поэтическими созданіями и можетъ-быть даже отдавать имъ предпочтеніе передъ прежними. Интересъ, который привязывалъ автора къ лицу, имъ созданному, живо отзывался и въ нихъ. Эдипъ не могъ занять ихъ тѣмъ, чего въ немъ не было,—что не вложено было въ него ни преданіемъ, ни искуствомъ художника: и такъ Эдипъ долженъ былъ привязать къ себѣ ихъ ин-

тересъ именно тою стороною, которой мы не находимъ близкой параллели во всемъ предшествующемъ искуствѣ. Это сторона нравственная; иначе говоря, Эдипъ могъ занять ихъ воображеніе развѣ только какъ нравственный характеръ. Съ этой точки зрѣнія удивительно какъ оправдывается выборъ художника. Для подобной мысли въ самомъ дѣлѣ трудно было бы найти другое лице, которое бы по самой натурѣ своей было больше способно служить ей полнымъ и яснымъ выраженіемъ. Если бы зритель и старался отыскать въ личности Эдипа другую сторону, которою бы могъ занять свое воображеніе, онъ не достигъ бы своей цѣли безъ обмана предъ самимъ собою, безъ натяжекъ во вредъ истинѣ: Эдипа какъ ни повороти, но, послѣ того какъ совершено его безсознательное преступленіе, онъ занимателенъ лишь тѣми сильными потрясеніями и переворотами, которые происходятъ въ самой душѣ его, въ рѣшеніяхъ его воли, однимъ словомъ, въ нравственномъ его состояніи. Кто не почувствовалъ интереса къ этимъ явленіямъ въ духовной природѣ Эдипа, тотъ далекъ еще отъ того, чтобы войти въ мысль поэта и понять истинныя красоты трагедіи.

Путемъ весьма естественнаго развитія геллeнское сознаніе дошло до той высокой точки, на которой явленія внутренней природы человѣка получаютъ гораздо болѣе цѣны для испытующей мысли, чѣмъ блестящія дѣла внѣшнія, и становятся на первомъ планѣ въ искуствѣ. Софоклу принадлежитъ честь перваго производителя, который усвоилъ искуству это важное направленіе, впервые отъискавъ вполнѣ соотвѣтствующій ему образъ. На той же самой дорогѣ находился и его ближайшій предшественникъ, но, увлекаемый высокимъ полетомъ своей мысли, Эсхилъ иногда уносился слишкомъ далеко отъ земли; величайшій образъ, созданный его исполинскимъ воображеніемъ, не только своимъ происхожденіемъ, но и своими наклонностями скорѣе обличаетъ въ себѣ натуру титана, нежели человѣка. Искуство слишкомъ долго пребывало въ сферѣ боговъ и боговидныхъ героевъ; пора было ему наконецъ низойти до обыкновенной человѣческой дѣятельности и въ ней поискать новаго матеріяла, достойнаго занять мысль художника и вдохновить трудъ его. Никто не перешелъ этой черты съ такою рѣшимостью, какъ авторъ Эдипа. Только глубокій поэтическій тактъ могъ навести его на предметъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій умственнымъ потребностямъ его современниковъ, и внушить ему смѣлость подобнаго выбора. Говоря, что Софоклъ нашелъ въ лицѣ Эдипа образъ, который могъ служить для его мысли самымъ полнымъ выраженіемъ, мы можетъ-быть не совсѣмъ точно выразили нашу собственную мысль. Мы вовсе не хотѣли сказать, употребляя этотъ столько обыкновенный оборотъ рѣчи, что Софоклъ дошелъ до своего выбора посредствомъ яснаго сознанья одной изъ важнѣйшихъ цѣлей искуства; наша мысль была только та, что въ Эдипѣ, какимъ представляетъ его преданіе, Софоклъ съ удивительною мѣткостію взгляда угадалъ возможность того характера, который онъ потомъ съ такимъ совершенствомъ воспроизвелъ въ своей трагедіи: процессъ совершенно однородный съ тѣмъ, посредствомъ котораго творческій геній Шекспира открылъ своего Гамлета въ убогомъ преданіи, съ которымъ онъ познакомился, прежде чѣмъ замыслилъ свое безсмертное произведеніе. Дѣлаемъ эту оговорку, чтобы кто не подумалъ, что въ произведеніяхъ Софокла мы видимъ плодъ дѣятельности столько же философической, сколько и поэтической. Наше убѣжденіе то, что натура Софокла, какъ и вся его дѣятельность, есть чисто художническая, безъ всякой посторонней примѣси.

Нравственный характеръ, какъ и героическій, узнается въ дѣйствіи. Не то лице называемъ мы нравственнымъ, которое имѣетъ прекрасныя правила и гласно ихъ высказываетъ, но то, которое въ поведеніи своемъ прежде всего руко-

водствуется нравственными побужденіями, хотя бы, впрочемъ, они и не были ясно выговорены. Побужденія будутъ нравственны, когда внушены чувствомъ истины, добра и правды. Тотъ особенно достигаетъ въ нашихъ глазахъ идеала житейской нравственности, въ комъ потребность истины и правды беретъ перевѣсъ надъ всѣми другими чувствами, кто въ рѣшительныя минуты жизни не задумается пожертвовать ей своими собственными интересами, ни даже своею личною безопасностью. Впрочемъ, какъ отказать въ нравственномъ характерѣ и тому, въ комъ первая мысль, слѣдующая за сознаніемъ вины, есть необходимость добровольнаго очищенія, хотя бы оно сопряжено было съ тяжкими и ничѣмъ не вознаградимыми лишеніями? Древніе, какъ ни превратны были во многомъ ихъ понятія, также знали нравственные инстинкты, и нельзя сказать, чтобы эти инстинкты оставались совершенно безплодны между ними. Не все страсть къ пріобрѣтенію, любовь къ славѣ, жажда мщенія: имъ знакомы были и другія, высшія и благороднѣйшія побужденія, какъ-то: патріотизмъ, гражданская честь, наконецъ любовь къ истинѣ. Въ древнемъ греческомъ искуствѣ никто столько, какъ Софоклъ, не былъ чувствителенъ къ этимъ струнамъ практической жизни, никто не ввелъ этого элемента въ такомъ широкомъ объемѣ въ свои поэтическія произведенія. Здѣсь получаетъ свое полное значеніе и то дѣйствіе, которое составляетъ главное содержаніе нашей трагедіи. Ничего нельзя было лучше придумать, чтобы, остановившись на извѣстномъ лицѣ, дать несомнѣнную пробу его нравственнаго характера, если не въ смыслѣ высокаго идеальнаго совершенства, то въ смыслѣ духовной природы, которой врожденны нравственные инстинкты. Герой трагедіи, даже взятый со внутренней своей стороны, дѣйствительно человѣкъ не безъ слабостей и недостатковъ. Если онъ по природѣ своей чуждъ несправедливости, то не чуждъ самонадѣянности, которая почти не менѣе первой ведетъ къ разнымъ излишествамъ; если онъ отечески любитъ свой народъ и вполнѣ сочувствуетъ ему въ бѣдствіи, то онъ также подверженъ самолюбію и нѣтъ для него оскорбленія чувствительнѣе того, которое устремлено противъ него лично: въ такомъ случаѣ онъ способенъ увлечься до несправедливаго гнѣва, до забвенія всякой умѣренности и благоразумія. Вообще, въ немъ есть мѣсто страсти и ея увлеченіямъ. Нельзя быть чувствительнѣе Эдипа къ собственной чести, нетерпѣливѣе въ желаніи сбросить всякую тѣнь подозрѣнія съ своего добраго имени: онъ не довольствуется внутреннимъ чувствомъ своей правоты, но болѣзненно раздражается всякій разъ, какъ только слышитъ упрекъ или нареканіе себѣ со стороны и, не успокоиваясь, идетъ до послѣднихъ предѣловъ возможной повѣрки, такъ что наконецъ самъ съ ужасомъ видитъ себя въ самомъ безвыходномъ положеніи — лицемъ къ лицу съ преступленіемъ. Но этимъ самымъ онъ и впадаетъ въ настоящую трагическую коллизію; здѣсь-то собственно и должно раскрыться, въ какой степени онъ владѣетъ нравственными силами. Дѣло тутъ не только въ самомъ преступленіи, которое, когда еще открывается дѣйствіе, есть уже достояніе минувшаго, сколько въ томъ, какъ относится къ нему совѣсть преступника: коллизія совершенно внутренняя. Внѣшняя же постановка Эдипа не такова, чтобы, совершивъ преступленіе, онъ, волею или неволею, но неизбѣжно принужденъ былъ понести на себѣ и всю тяжесть наказанія. Важно то, что въ немъ самомъ есть голосъ, который, сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ понужденій, требуетъ отъ него, по сознаніи вины, и строжайшаго возмездія за нее. Это голосъ, заложенный въ самой природѣ человѣка, не подавленный и самою страстію. Въ немъ-то заключалось главное побужденіе для Эдипа—подвергнуть себя тому ужасному лишенію, которое должно было отравить всю остальную жизнь его. Можно-бы даже утвер-

ждать, что та же самая сила, хотя косвенно, участвовала и въ предыдущемъ непреклонномъ рѣшеніи Эдипа—во что бы то ни стало разогнать всякую тѣнь сомнѣній относительно своего добраго имени, дойти до самаго источника обвиненій, рѣшеніи, которое такъ много способствовало къ тому, чтобы приблизить катастрофу. Что же такое была эта сила? неумолимый ли рокъ, который постоянно увлекалъ Эдипа въ одномъ направленіи къ назначенной напередъ развязкѣ, или другая, равно неотступная, но болѣе внутренняя и потому гораздо болѣе близкая человѣческому сознанію, какова, напримѣръ, сила нравственнаго чувства? Отвѣтъ могъ бы быть сомнителенъ, если бы мы имѣли дѣло съ чистымъ миѳическимъ сказаніемъ; но какъ скоро оно прошло черезъ руки художника и пропиталось его собственною мыслію, едва ли мы будемъ въ правѣ отказаться въ нашемъ толкованіи отъ разумнаго, что одинаково доступно и нашей мысли и нашему внутреннему чувству, и отдать свой голосъ въ пользу слѣпаго и случайнаго, въ томъ предположеніи, что оно управляетъ извнѣ самою волею человѣка. Или, въ нашемъ пониманіи искуства, поэтическая дѣятельность ограничивалась бы только одною внѣшнею обработкою даннаго матеріала, безъ всякаго отношенія къ внутреннему его смыслу. Весьма замѣчательно, что древнее сказаніе, которое послужило основою «Эдипу», вовсе не знало той страшной развязки, которою оканчивается трагедія: такъ въ «Эдиподіи», одномъ эпическомъ произведеніи древности, которое все было посвящено дѣламъ Эдипа, разсказывалось, что онъ не только пережилъ безъ особенныхъ потрясеній смерть первой своей жены, но еще женился на другой, отъ которой имѣлъ четырехъ дѣтей; тотъ же образъ представленія усвоила себѣ и греческая живопись. Неизбѣжныя послѣдствія преступнаго сознанія въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ въ подробности развиты только драматическою поэзіею. Ясно, что эпическое, равно какъ и миѳическое сознаніе занято было преимущественно внѣшнимъ дѣйствіемъ и оставалось довольно равнодушнымъ къ тому, что въ то же самое время происходило въ самой душѣ героя легенды, между тѣмъ какъ трагическая муза обратила главное свое вниманіе на нравственныя явленія: иначе мы не могли бы объяснить себѣ, почему художникъ рѣшился на такое значительное измѣненіе въ первоначальномъ сказаніи и позволилъ себѣ развить несчастныя послѣдствія преступленія совершенно по-своему. Вообще трагедія въ Греціи предполагаетъ новую важную степень въ развитіи гелленскаго сознанія: герой древней легенды только и могъ имѣть для него занимательность, какъ лице нравственное. Здѣсь же, по нашему мнѣнію, и тайна того участія, которое судьба его, хотя и преступника, возбуждаетъ даже въ зрителѣ новаго времени. Эдипъ, дѣйствующій въ счастіи и несчастіи лишь какъ слѣпое орудіе судьбы, теряетъ всякую цѣну, не заслуживаетъ даже простаго состраданія; только какъ человѣкъ до послѣдней минуты движимый побужденіями болѣе или менѣе нравственными, имѣетъ онъ полное право на сочувствіе зрителей въ своихъ дѣйствіяхъ и еще болѣе въ своемъ добровольномъ наказаніи. Пусть впечатлѣніе отъ безпримѣрныхъ несчастій Эдипа и будетъ подавляющее: въ глубинѣ души зрителя тѣмъ не менѣе остается возвышающее чувство, что въ природѣ человѣка живутъ ничѣмъ неизгладимые инстинкты истины и правды, которыхъ не заглушатъ никакія несчастія, ни даже самые жестокіе удары судьбы.

П. Кудрявцевъ.

75. Двоякій ходъ законодательства.

Вообще, при развитіи государственнаго организма, ходъ законодательства можетъ быть двоякій: практическій и теоретическій. Практическое законодательство отправляется отъ частныхъ потреб-

ностей и соображеній, и медленно, незамѣтно измѣняетъ старый порядокъ вещей; теоретическое же, напротивъ того, отправляется отъ общей системы и прилагаетъ ее къ жизни, разрушая старый порядокъ и замѣняя его новымъ. Практическій ходъ имѣетъ ту выгоду, что онъ не вдругъ измѣняетъ привычки, не нарушаетъ обычныхъ формъ, въ которыя люди уже вжились вѣками, не сбиваетъ съ толку и правителей и управляемыхъ. Но за то, съ другой стороны, изъ чисто-практическаго хода можетъ выйти самая безобразная, безпорядочная и запутанная система законодательства. Всѣ прежнія постановленія держатся, пока могутъ, потерявши смыслъ, противорѣча новымъ, безъ всякой связи съ другими; то, что прежде было разумнымъ, дѣлается безсмысленнымъ; прежнее благодѣяніе обращается въ гнетъ, и внуки страдаютъ отъ остатковъ отцовскихъ учрежденій. Новыя постановленія дѣлаются безъ всякихъ общихъ соображеній, безъ всякой системы; общій порядокъ приносится въ жертву частному удобству, управленіе осложняется и запутывается до безконечности, произволъ является всюду и злоупотребленіямъ нѣтъ конца. Поэтому, если при измѣненіи стараго порядка вещей сначала преобладаетъ практическій ходъ законодательства, то самая безвыходность положенія ведетъ къ необходимости теоретическаго преобразованія. Послѣднее отправляется также отъ практической потребности установить порядокъ и стройность въ государственномъ организмѣ; оно временно нарушаетъ привычки, производитъ смятеніе, иногда даже, при недостаткѣ практическаго взгляда, вводитъ учрежденія несвоевременныя или противныя народному духу; но эти частныя неудобства выкупаются водвореніемъ общественнаго порядка, установленіемъ единства и правильности въ управленіи, умноженіемъ государственныхъ средствъ и развитіемъ народнаго благосостоянія.

Изъ всѣхъ историческихъ народовъ одни Римляне умѣли удивительнымъ образомъ сочетать теоретическій ходъ съ практическимъ; на основаніи теоретическихъ воззрѣній они медленно, незамѣтно измѣняли одну законодательную систему въ другую. Поэтому ихъ законодальство служитъ образцомъ для всѣхъ народовъ. Но Римляне измѣняли свои національныя учрежденія, составлявшія стройную систему, въ учрежденія общечеловѣческія, составлявшія также стройную систему разумныхъ юридическихъ началъ. Новые же народы должны были вывести систему государственнаго организма изъ хаотическаго безпорядка средневѣковой жизни. Это были двѣ противоположныя крайности: средневѣковая жизнь съ своими частными правами, съ мелкими союзами, съ обособленіемъ каждой частной сферы, съ безконечнымъ раздробленіемъ частей и неисчерпаемымъ разнообразіемъ общественныхъ явленій; новое государство съ началомъ общественнаго блага и порядка, съ подчиненіемъ всѣхъ частностей общему праву, съ нераздѣльностью частей, съ единообразнымъ, систематическимъ законодательствомъ, съ правильнымъ устройствомъ государственнаго организма. При такомъ измѣненіи общественной жизни новые народы шли различными путями: одни, находясь подъ вліяніемъ средневѣковыхъ учрежденій, разнообразныхъ и частныхъ, пошли путемъ практическимъ; другіе, основываясь на новомъ началѣ, дали законодательству направленіе теоретическое. Образцомъ первыхъ служитъ Англія, гдѣ государство сложилось какъ связь мѣстныхъ и частныхъ союзовъ, какъ сдѣлка различныхъ элементовъ общественной жизни среднихъ вѣковъ. Потому англійское законодательство, основанное на частныхъ правахъ и привилегіяхъ, на мѣстныхъ постановленіяхъ, на древнихъ законахъ, которые измѣняются только вслѣдствіе настоятельной практической необходимости, представляетъ такой безпорядокъ, такое отсутствіе всякой стройности и системы, такое множество безобразныхъ явленій, какъ ни-

какое другое европейское законодательство. Но въ Англіи это искупается развитіемъ личныхъ правъ и основаннаго на нихъ чувства законности. Каждый сознаетъ право какъ свое, и подчиняется ему съ любовью. Этого развитія личныхъ правъ нѣтъ въ другихъ западныхъ европейскихъ законодательствахъ, которыя развивались теоретически. Тамъ измѣненія совершались на основаніи общихъ государственныхъ потребностей, которыя сознавались теоретически и вводились въ жизнь вслѣдствіе этого сознанія; нерѣдко это дѣлалось систематическими преобразованіями и даже насильственными переворотами. Это въ особенности можно сказать о Франціи, гдѣ законодательство получило вслѣдствіе того необыкновенную стройность, такъ что ея административныя учрежденія послужили образцомъ для всей Европы.

Московское государство, по существу своему, принадлежало къ тому разряду, гдѣ законодательство должно было развиваться путемъ теоретическимъ. Оно возникло не изъ условнаго соединенія мелкихъ союзовъ, не изъ сдѣлки разныхъ общественныхъ элементовъ, но образовалось вслѣдствіе новыхъ понятій объ общественной жизни, объ общественномъ порядкѣ и о верховной власти. Менѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ прочныхъ мелкихъ союзовъ; поэтому болѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ потребности въ государственной системѣ. Оно развилось не на основаніи частныхъ правъ, а на основаніи государственныхъ нуждъ и пользъ; все совершалось правительствомъ, все устанавлялось сверху: поэтому все должно было дѣлаться на основаніи систематическихъ воззрѣній. Общія юридическія нормы должны были замѣнить недостатокъ юридическаго сознанія въ народѣ.

Однако же этого не было: въ законодательствѣ Ивана IV-го видна попытка установить государственную систему; въ Судебникахъ, въ Уложеніи, въ Новоторговомъ уставѣ видна государственная мысль, но вообще все управленіе основано было на частныхъ распоряженіяхъ; общихъ соображеній не было, и все дѣлалось практическимъ, безсознательнымъ образомъ. Это происходило отъ того, что Московскому государству недоставало теоретическаго образованія. Только сознательная теорія, только разумныя юридическія положенія могутъ дать ключъ къ систематическому устройству государственнаго организма; чисто-практическій ходъ можетъ привести къ этому развѣ впродолженіе многихъ вѣковъ. Объяснимъ это примѣромъ. При безконечномъ разнообразіи предметовъ управленія нужно раздѣлить ихъ на извѣстныя отрасли, чтобы дать управленію правильное устройство. Но частныя измѣненія никогда не приведутъ къ такому раздѣленію: разнородныя явленія, смѣшанныя въ жизни, будутъ смѣшаны и въ управленіи; общій порядокъ, о которомъ нѣтъ яснаго сознанія, будетъ всегда принесенъ къ жертву частному удобству. Систематическое раздѣленіе можно слѣдственно сдѣлать только теоретически, отправляясь не отъ того, «что есть», а отъ того, что «должно быть»; потомъ уже слѣдуетъ приложить его къ жизни, примѣняясь къ практическимъ потребностямъ народа. То же должно сказать и объ устройствѣ арміи; нужно теоретическое знаніе военнаго искуства для того, чтобы привести ее въ желанное состояніе. При всякомъ систематическомъ устройствѣ государственныхъ учрежденій необходимо слѣдственно теоретическое образованіе, и когда является потребность одного, является потребность и другаго. Западные народы получили свое теоретическое образованіе изъ Римскаго права, на почвѣ котораго они возникли; Россія должна была получить его отъ западныхъ народовъ. Поэтому, когда Петръ Великій дошелъ до сознанія о необходимости государственной системы, къ которому привела его современная ему жизнь, онъ прежде всего поѣхалъ на Западъ, перенялъ западное образованіе и существен-

ною цѣлью поставилъ себѣ сближеніе съ западными государствами.

Петръ Великій не ввелъ никакихъ новыхъ началъ въ областное управленіе; онъ только привелъ въ порядокъ существующее. Попытка его остановить правильное раздѣленіе областнаго управленія, которое прежде того все сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, была преждевременна и потому не удалась. Послѣ его смерти воеводы попрежнему соединили всю власть въ своихъ рукахъ, но управленіе получило уже правильную организацію. Результатомъ преобразованія было, слѣдственно, систематическое устройство управленія. Этимъ опредѣляется его значеніе, которое прямо вытекало изъ потребностей того времени и изъ характера государственныхъ учрежденій XVII-го вѣка. Преобразованія Петра Великаго составляютъ третью эпоху въ развитіи областныхъ учрежденій Московскаго государства: въ XVI вѣкѣ установлены были общественныя повинности и устроено основанное на нихъ земское начало; въ XVII вѣкѣ развито было правительственное начало; въ XVIII вѣкѣ весь государственный организмъ получилъ правильное, систематическое устройство.

Б. Чичеринъ.

76. Сочувствіе природѣ и поэтическое его выраженіе.

Не разъ было высказано, что хотя радостное чувство, возбуждаемое природою, и не было чуждо древности, однако же выраженіе этого чувства проявлялось у нихъ не такъ живо, какъ въ новѣйшее время. «Когда вспомнишь», говоритъ Шиллеръ въ своемъ разсужденіи о наивной и сантиментальной поэзіи, «о прекрасной природѣ, окружавшей древнихъ грековъ; когда подумаешь, въ какой близкой связи съ свободной природой находился этотъ народъ подъ своимъ счастливымъ небомъ, какъ его нравы ближе подходили къ простой природѣ, и какое вѣрное отраженіе ея представляютъ произведенія его поэзіи: тогда покажется страннымъ, отчего у него встрѣчается такъ мало слѣдовъ того сантиментальнаго сочувствія, съ которымъ мы, новые народы, увлекаемся картинами природы и всматриваемся въ ея физіономію. Правда, греки описываютъ природу въ высшей степени точно, вѣрно и обстоятельно, но не съ бо́льшимъ сердечнымъ участіемъ, чѣмъ то, съ которымъ они описываютъ какую нибудь одежду, щитъ и боевые доспѣхи. Природа, повидимому, болѣе занимаетъ ихъ разсудокъ, чѣмъ нравственное чувство; они не привязаны къ ней съ тою нѣжностью, съ той сладостной грустью, съ которыми привязаны къ ней новые народы». Хотя въ этомъ сужденіи заключается много вѣрнаго и прекраснаго, но его никакъ нельзя отнести ко всей древности. При этомъ мы еще должны назвать ограниченнымъ то воззрѣніе, по которому, подъ именемъ древности, обыкновенно противопоставляемой новому времени, всегда подразумѣвается эллинскій и римскій міръ. Глубокое чувство природы высказывается въ древнѣйшей поэзіи евреевъ и индусовъ, народныхъ племенъ весьма различнаго происхожденія: семитическаго и индогерманскаго.

Мы можемъ заключить объ образѣ мыслей древнихъ народовъ только по выраженіямъ пониманія природы, встрѣчаемымъ въ дошедшихъ до насъ остаткахъ ихъ литературы; мы должны тѣмъ тщательнѣе отыскивать эти выраженія и тѣмъ осторожнѣе ихъ обсуживать, чѣмъ рѣже они попадаются между великими образцами лирической и эпической поэзіи. Правда, въ эллинской древности, въ цвѣтущемъ возрастѣ человѣчества, нѣжнѣйшее выраженіе глубокаго пониманія природы мы находимъ смѣшаннымъ съ поэтическими изображеніями человѣческой страсти, съ событіями, заимствованными изъ миѳологическихъ разсказовъ; собственно природо-описательное являлось здѣсь какъ посторон-

нее дѣло, ибо въ греческомъ художественномъ мірѣ все двигалось, такъ сказать, въ чисто-человѣческой сферѣ.

Описаніе природы въ ея роскошномъ разнообразіи, поэзія природы, какъ отдѣльная отрасль литературы, были совершенно чужды грекамъ. И ландшафтъ являлся у нихъ какъ задній планъ картины, передъ которымъ двигаются человѣческіе образы. Страсти, проявляющіяся въ подвигахъ, однѣ почти приковывали вниманіе. Подвижная общественная народная жизнь отвлекала отъ глубокаго, мечтательнаго углубленія къ разсматриванію тихой работы природы; даже физическія явленія во внѣшнемъ ихъ видѣ или во внутренней, возбуждающей ихъ дѣятельной силѣ, всегда были приводимы въ соотношеніе ихъ съ человѣчествомъ. Только подобныя соотношенія допустили созерцаніе природы явиться подъ замысловатой формой сравненія, отдѣльной картиной, полной объективной живости, и войти такимъ образомъ въ область поэзіи.

Въ Дельфахъ пѣлись весенніе пэаны, вѣроятно, для того, чтобы выразить радость человѣка послѣ перенесенныхъ имъ бѣдствій зимы. Естествоописательное изображеніе зимы вставлено (быть можетъ чужой рукой какого нибудь іонійскаго рапсода) въ «Труды и Дни» Гезіода. Съ благородной простотой, но въ сухо-поучительной формѣ, это стихотвореніе даетъ наставленія земледѣльцамъ, сообщаетъ правила для промысловъ и работъ и нравственныя увѣщанія къ безукоризненной жизни. Пѣвецъ уносится въ болѣе лирическомъ полетѣ тогда только, когда облекаетъ въ антропоморфическія формы бѣдствія человѣческаго рода или прекрасный аллегорическій миѳъ Епимеѳея и Пандоры. Также и въ Ѳеогоніи Гезіода, составленной изъ весьма различныхъ и весьма древнихъ элементовъ, часто, напримѣръ, при исчисленіи нереидъ, подъ многозначительными именами миѳическихъ лицъ скрывается описаніе Нептунова царства. Школа пѣвцовъ Беотіи и вообще все древнее стихотворство обращались къ явленіямъ внѣшняго міра, чтобы олицетворить эти явленія, придавая имъ человѣческій образъ.

Если, какъ мы сейчасъ замѣтили, природоописанія,—изображаютъ ли они богатство и роскошь тропической растительности, или представляютъ оживленную картину нравовъ животныхъ, — только въ новѣйшее время сдѣлались особенною отраслію литературы, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы тамъ, гдѣ встрѣчалось столько чувственности, былъ бы недостатокъ въ воспріимчивости къ красотамъ природы; чтобы тамъ, гдѣ творческая сила эллиновъ произвела въ поэзіи и въ пластическомъ искуствѣ неподражаемыя, образцовыя произведенія, не встрѣчалось живаго и свѣжаго выраженія поэтической созерцательности. То, что мы, въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ нашего современнаго образа мыслей, такъ скудно находимъ въ этихъ областяхъ искуства древняго міра, показываетъ своими недостатками не столько отсутствіе воспріимчивости, сколько отсутствіе живой потребности выражать словами чувство красоты природы. Самыя раннія и благороднѣйшія проявленія поэтическаго духа эллиновъ, обращенныхъ болѣе къ дѣятельной жизни и къ внутреннимъ, самопроизвольнымъ побужденіямъ чувства, были по преимуществу эпическія и лирическія. Къ этимъ формамъ искуства описанія природы могутъ быть примѣшаны какъ бы случайно. Они не являются отдѣльными произведеніями фантазіи. По мѣрѣ того, какъ исчезало вліяніе древняго міра и увядали лучшіе его цвѣты, риторика все болѣе и болѣе проникала какъ въ описательную, такъ и въ поучительную дидактическую поэзію. Эта послѣдняя, въ своей древнѣйшей философской, полусвященнической формѣ, какъ напримѣръ въ Эмпедокловомъ стихотвореніи «Природа», была важна, величественна и безъ прикрасъ; риторика лишила ее мало по малу простоты и прежней торжественности.

Да позволено намъ будетъ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ для объясненія нашихъ общихъ положеній. Сообразно характеру эпопеи, прелестнѣйшія сцены природы находятся въ Гомеровскихъ пѣсняхъ всегда только на заднемъ планѣ: «Пастухъ восхищается тишиною ночи, чистымъ эѳиромъ и звѣзднымъ блескомъ на сводѣ небесномъ; онъ слышитъ издалека шумъ внезапно увеличившагося лѣснаго потока, увлекающаго стволы дубовъ и мутный илъ...» Величественному изображенію лѣсной пустыни Парнаса и его темныхъ, обросшихъ густой зеленью утесистыхъ долинъ противопоставляются свѣтлыя, миловидныя картины обильной источниками тополевой рощи на островѣ Ѳеаковъ, Схеріи и въ особенности земли циклоповъ, «гдѣ луга, красуясь сочными, колышущимися травами, окружаютъ холмы невоздѣланнаго винограда». Пиндаръ въ диѳирамбѣ къ веснѣ, сочиненномъ для аѳинскаго празднества, воспѣваетъ «землю, покрытую новыми цвѣтами въ то время, когда въ аргейскомъ городѣ Немеѣ показавшійся побѣгъ пальмы гласитъ вѣщуну о приближающейся душистой веснѣ»; онъ воспѣваетъ Этну, «столбъ, подпирающій небо, питательницу вѣчнаго снѣга»: но онъ скоро отвращаетъ взоры свои омъ мертвой природы и ея ужасовъ, чтобы прославить Гіерона Сиракузскаго и побѣдоносныя битвы эллиновъ съ могущественными персами.

Не должно забывать, что греческій ландшафтъ особенно очарователенъ тѣснымъ сліяніемъ твердой стихіи съ жидкой; въ этомъ пейзажѣ, у ярко освѣщенныхъ береговъ, то украшенныхъ растеніями, то живописно скалистыхъ, бьютъ волны измѣнчиваго въ своихъ оттѣнкахъ моря, полнаго звуковъ. Если море и земля, жизнь на твердой землѣ и на морѣ являлись другимъ народамъ какъ двѣ раздѣльныя сферы природы, то для эллиновъ, напротивъ, и не только для обитателей острововъ, но и для племенъ южной части греческаго полуострова, почти въ одно и то же время представлялся видъ того, что взаимнымъ соприкосновеніемъ и дѣйствіемъ разнородныхъ стихій сообщаетъ картинамъ природы роскошь и величіе. Эти мыслящіе, счастливо одаренные народы могли ли не обращать вниманія на скалы, увѣнчанныя лѣсомъ у глубоко-вдающихся береговъ Средиземнаго моря, на тихое, измѣнчивое по временамъ года и часамъ дня взаимное отношеніе между земной поверхностью и нижними слоями атмосферы, на это отношеніе, отъ котораго зависитъ распредѣленіе растительныхъ формъ? Въ вѣкѣ, въ высшей степени поэтически настроенномъ, могло ли всякое живое, чувственное движеніе сердца не разрѣшаться идеальнымъ созерцаніемъ? Грекъ воображалъ себѣ растительное царство въ многообразномъ, миѳическомъ соотношеніи съ героями и богами. Эти послѣдніе наказывали и мстили за поврежденіе священныхъ деревъ и травъ. Фантазія какъ бы одушевляла растительные образы; но формы тѣхъ родовъ поэзіи, которыми, по особенному свойству развитія греческаго духа, ограничивалась древность, допускали весьма умѣренное развитіе естествоописательнаго элемента.

Иногда мѣстами даже у трагиковъ, въ пылу возбужденныхъ страстей, среди горестныхъ чувствованій, проявляется глубокое пониманіе природы и выражается въ вдохновенныхъ описаніяхъ ландшафта. Когда Эдипъ приближается къ рощѣ Эвменидъ, тогда хоръ поетъ «о благородномъ мѣстѣ отдохновенія въ блестящемъ Колонѣ, куда любятъ прилетать мелодическій соловей и гдѣ раздается въ яснозвучномъ пѣніи жалоба его; хоръ поетъ о темной зелени вьющагося плюща, о нарцисахъ, напоенныхъ небесной росой, о золотистомъ шафранѣ, о неистребимомъ, изъ себя самого безпрестанно возрождающемся оливковомъ деревѣ». Софоклъ, прославляя свою родину, мѣстечко Колонъ, въ то же время изображаетъ, у недремлющихъ водъ Кефиза, блуждающаго могущаго короля, преслѣдуемаго судьбой, и окружаетъ его

тихими и свѣтлыми картинами. Спокойствіе природы умножаетъ впечатлѣніе горя, производимое величавымъ образомъ слѣпца, жертвы роковой страсти. И Эврипидъ съ любовью предается живописному описанію «пастбищъ Лаконіи и Мессеніи, питаемыхъ, подъ вѣчно яснымъ небомъ, тысячами источниковъ и орошаемыхъ прекрасными водами Памиза».

Буколическая поэзія, получившая свое начало въ поляхъ Сициліи и приближающаяся къ народному драматическому изложенію, справедливо названа была переходной формой. Въ небольшихъ пастушескихъ эпопеяхъ она изображаетъ скорѣе первобытнаго человѣка, чѣмъ окружающій его ландшафтъ. Такой является она въ очаровательнѣйшемъ своемъ совершенствѣ у Ѳеокрита. Мягкій элегическій элементъ вообще свойственъ идилліи, какъ будто она произошла «изъ тоски по утраченномъ идеалѣ», какъ будто въ сердцѣ человѣка съ глубокимъ чувствомъ природы всегда смѣшана бываетъ какая-то грусть.

Когда въ Элладѣ исчезла свободная, народная жизнь, то вмѣстѣ съ нею исчезла и поэзія, превратившись въ описательную и дидактическую, и стала излагать науку. Астрономія, землевѣдѣніе, охота и рыболовство, въ эпоху александрійской школы, сдѣлались предметами поэзіи, нерѣдко украшенной отличной метрической техникой. Фигуры и нравы животныхъ изображались прелестно и часто съ такой точностью, что новое классифицирующее естествознаніе можетъ узнать въ этихъ описаніяхъ роды и даже виды животныхъ. Но всѣмъ родамъ стихотворства недоставало внутренней жизни, вдохновеннаго созерцанія природы, недоставало именно того, чѣмъ внѣшній міръ для восторженнаго поэта дѣлается, почти безсознательно, предметомъ его творческой фантазіи. Излишество описательнаго элемента находимъ мы въ отличныхъ по искусному стихосложенію 48 пѣсняхъ Dionysiaca, написанныхъ египтяниномъ Нонномъ. Этотъ поэтъ любилъ описывать великіе перевороты въ природѣ; онъ разсказываетъ, какъ отъ лѣса, растущаго близь берега и зажженнаго молніей, въ руслѣ Гидаспа сгорѣли даже рыбы; онъ учитъ, какъ изъ подымающихся паровъ образуется метеорологическій процессъ грозы и электрическаго дождя. Ноннъ Панопольскій, склонный къ романтической поэзіи, весьма неровнаго характера, то бываетъ вдохновленъ и увлекателенъ, то скученъ и многословенъ.

Большее пониманіе природы и нѣжность ощущенія обнаруживаютъ нѣкоторыя части греческой антологіи, дошедшей до насъ столь различными путями и изъ разныхъ временъ. Въ прелестномъ нѣмецкомъ переводѣ Якобса все, что касается до жизни животныхъ и растеній, соединено въ одномъ отдѣлѣ. Онъ состоитъ изъ маленькихъ картинъ, въ которыхъ, большею частью, находятся одни намеки на индивидуальныя формы организмовъ; чинаръ (платанъ), «питающій на своихъ вѣтвяхъ переполненный сокомъ виноградъ» и проникшій изъ Малой Азіи черезъ островъ Діомеда при Діонисіи Старшемъ въ Сицилію, къ берегамъ Анапа (р. Алфео), быть можетъ, слишкомъ уже часто воспѣвается; вообще же въ этихъ пѣсняхъ и эпиграммахъ смыслъ древнихъ былъ болѣе обращенъ къ растеніямъ. Въ антологіи отличается благородствомъ и въ то же время нѣсколько большимъ размѣромъ идиллическое стихотвореніе «весна», написанное Мелеагромъ изъ Гадары въ Целесиріи.

Ради древней славы темпейской лѣсной долины, я долженъ еще упомянуть объ описаніи, сдѣланномъ Эліаномъ, вѣроятно по образцу Дицеарха. Это описаніе — самое подробное изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ природоописаній греческихъ прозаиковъ; оно хотя и топографическое, но вмѣстѣ съ этимъ и живописное. Такъ тѣнистая долина оживляется въ немъ пиѳійской процессіей (theoria), «отламывающей отъ священнаго лавра искупительныя вѣтви». Въ

позднѣйшій періодъ, съ конца четвертаго столѣтія, мы чаще встрѣчаемъ ландшафтныя описанія, именно въ романахъ греческихъ прозаиковъ. Этими описаніями отличается пастушескій романъ Лонга, въ которомъ, однакожъ, нѣжныя картины жизни далеко преобладаютъ надъ выраженіемъ истиннаго пониманія природы.

Цѣль предъидущихъ страницъ была только та, чтобы, особеннымъ указаніемъ на отдѣльныя формы искуства, объяснить общія мысли о поэтическомъ созерцаніи внѣшняго міра. Я бы уже покинулъ цвѣтистый кругъ эллинской древности, если бы въ сочиненіи, которое я осмѣлился назвать «Космосомъ», можно было пройти молчаніемъ то изображеніе природы, которымъ начинается псевдо-Аристотелева книга о Космосѣ (или о порядкѣ вселенной). Авторъ показываетъ «земной шаръ, украшенный роскошной растительностію, обильно орошаемый водами и (что наиболѣе достойно похвалы) обитаемый мыслящими существами». Риторическій колоритъ столь богатой картины природы, нисколько не напоминающій краткій и чисто-научный способъ изложенія Стагирика, признанъ былъ за одно изъ многихъ доказательствъ подложности этого сочиненія о Космосѣ. Апулей, или Хризиппъ, или кто-другой сочинилъ эту книгу—намъ мало до этого дѣла. Если мы не находимъ въ этомъ описаніи природы ничего аристотелевскаго, то за то мы имѣемъ другой подлинный естествоописательный отрывокъ, сохраненный для насъ Цицерономъ. Изъ одного, потеряннаго для насъ, творенія Аристотеля римскій писатель приводитъ въ буквальномъ переводѣ слѣдующее мѣсто: «Если бы были существа, всегда обитающія въ глубинѣ земли, въ жилищахъ, украшенныхъ статуями и картинами, вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ обладаютъ въ изобиліи тѣ, которыхъ называютъ счастливыми; если бы эти существа, услышавъ о господствѣ и могуществѣ боговъ, вышли сквозь разверстыя земныя разсѣлины изъ своихъ скрытыхъ жилищъ въ мѣста нами обитаемыя; еслибы они внезапно узрѣли землю, и море, и сводъ небесный, узнали обширность облаковъ и силу вѣтровъ, удивились солнцу, его величію, красотѣ и свѣтоносному дѣйствію; еслибы они, наконецъ, послѣ того какъ наступившая ночь покрыла землю мракомъ, вдругъ увидѣли звѣздное небо, луну, измѣняющую свой свѣтъ, восходъ и закатъ созвѣздій и ихъ съ вѣчности устроенное неизмѣнное теченіе: то, безъ сомнѣнія, они воскликнули бы: есть боги, и такія великія дѣла — ихъ твореніе!» Справедливо было замѣчено, что этихъ словъ достаточно, чтобы подтвердить слова Цицерона о «златомъ потокѣ Аристотелевой рѣчи», что въ нихъ вѣетъ нѣчто отъ вдохновляющей силы Платонова генія. Подобное доказательство бытія небесныхъ властей, заимствованное изъ красоты и безконечнаго величія дѣлъ, рѣдко встрѣчается въ древности.

То, что мы мало находимъ, не говорю въ воспріимчивости греческаго народа, но въ направленіи его литературной дѣятельности, еще скуднѣе встрѣчается у римлянъ. Отъ народа, который, слѣдуя древнему обычаю сикуловъ (пелазговъ низовьевъ Тибра), былъ въ особенности преданъ земледѣлію и сельской жизни, можно было бы ожидать другаго; но народный характеръ римлянъ, при многихъ его наклонностяхъ къ практической дѣятельности, имѣлъ еще ту холодную важность, ту строгую трезвую разсудительность, которыя дѣлали его мало доступнымъ для чувственныхъ побужденій и скорѣе клонили его къ обыденной дѣйствительности, чѣмъ къ идеализирующему поэтическому созерцанію природы. Это различіе между внутренней жизнію римлянъ и греческихъ племенъ выражается въ литературѣ, въ этомъ духовномъ отраженіи народнаго духа. Къ этому еще присоединяется, не смотря на сродство происхожденія, доказанное различіе въ органическомъ построеніи языковъ греческаго и римскаго. Языку древней Латин-

ской земли приписывается менѣе образности и болѣе ограниченныя словосочетанія, наконецъ въ немъ замѣчаютъ «болѣе реальное направленіе», чѣмъ идеальную подвижность. Сверхъ того, преобладавшее въ вѣкѣ Августа стремленіе подражать греческимъ образцамъ, способное отчуждать отъ своихъ народныхъ стихій, могло и препятствовать римлянамъ изливать родное свое добродушіе, собственное свое сердце, и останавливать выраженіе свободнаго сочувствія природѣ. Не смотря на это, сильные умы, побуждаемые любовью къ отечеству, благодаря своему творческому дару, возвышенности своихъ идей и нѣжной граціи своего слога, умѣли преодолѣвать и эти препятствія.

Богато надѣлено поэтическимъ духомъ вдохновенное стихотвореніе «о природѣ» Лукреція. Оно обнимаетъ весь Космосъ; по духу своему сродственный Эмпедоклу и Пармениду, авторъ умѣлъ возвысить важность изложенія архаическими (устарѣлыми) формами языка. Поэзія глубоко срослась здѣсь съ философіей, не впадая чрезъ это въ ту «холодность» слога, которая такъ противоположна Платоновымъ оживленнымъ фантазіей созерцаніямъ природы и которую еще такъ горько осуждалъ риторъ Менандеръ въ своемъ разсужденіи «о физическихъ гимнахъ». Мой братъ весьма остроумно указалъ на тѣ поразительныя сходства и различія, которыя произошли отъ переплетенія метафизическихъ отвлеченностей съ поэзіей въ древнихъ греческихъ поучительныхъ стихотвореніяхъ, въ поэмѣ Лукреція и въ эпизодѣ Багавадъ-гита изъ индійской поэмы Магабгарата. Въ великой физической картинѣ вселенной римскаго поэта находится, въ рѣзкой противоположности съ холодной атомистической системой и съ нерѣдко-дикими геогностическими мечтаніями, живое и свѣжее изображеніе рода человѣческаго, переходящаго отъ дикой жизни въ чащѣ лѣсовъ къ земледѣлію, къ обладанію силами естества, къ болѣе возвышенному образованію ума и вмѣстѣ съ этимъ и языка, и наконецъ къ гражданственности и нравственности.

Если, среди безпокойной и дѣятельной жизни, государственный человѣкъ въ сердцѣ своемъ, волнуемомъ политическими страстями, умѣетъ сохранять живое сочувствіе природѣ и любовь къ сельскому уединенію, то источникъ подобнаго расположенія духа должно искать въ глубинѣ великаго и благороднаго характера. Самыя творенія Цицерона доказываютъ истину этого положенія. Правда, и всѣмъ извѣстно, что въ книгахъ его «о законахъ» и «объ ораторѣ» есть много подражаній Платонову Федру; но, не смотря на это, картина италіянской природы у Цицерона нисколько не утратила своей индивидуальности. Платонъ восхваляетъ въ общихъ чертахъ «густую тѣнь высоколиственнаго чинара, обиліе травъ и цвѣтовъ въ полномъ ихъ благоуханіи, вѣтерки, сладкое и теплое дыханіе которыхъ сливается съ хоромъ кобылокъ (цикадъ)». Въ Цицероновой небольшой картинѣ природы, какъ еще недавно замѣтилъ одинъ остроумный изслѣдователь, все такъ вѣрно изображено, что и теперь можно узнать его описаніе въ дѣйствительномъ ландшафтѣ: мы видимъ рѣку Лирисъ (Гарильяно), отѣненную высокими тополями; спускаясь съ крутой горы, поднимающейся къ востоку позади древняго замка Арпинума, мы узнаемъ дубовую рощу у ручья Фибрена, равно и островъ, образовавшійся раздвоившейся рѣчкой, называемый теперь Изола ди Карнелло, куда удалялся Цицеронъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, «предаваться размышленію, читать и писать». Арпинумъ въ Вольскихъ горахъ—родина великаго государственнаго мужа; великолѣпныя окрестности этого мѣста, безъ сомнѣнія, сильно дѣйствовали на настроеніе его ума въ отроческомъ возрастѣ. Безсознательно для человѣка, рано сливается въ немъ то, что отражала въ душѣ его окружающая его болѣе или менѣе привлекательная природа, съ

тѣмъ, что глубоко и свободно вкоренилось въ его первоначальныхъ наклонностяхъ, въ его внутреннихъ духовныхъ силахъ.

Среди роковыхъ гражданскихъ смутъ 708 года послѣ основанія Рима, Цицеронъ находилъ утѣшеніе въ своихъ загородныхъ домахъ, то въ Тускулумѣ, то въ Арпинумѣ, то близь Кумъ или въ Анціумѣ. «Нѣтъ ничего пріятнѣе», пишетъ онъ Аттику, «этого уединенія, нѣтъ ничего прелестнѣе этого помѣстья, этого вида на ближній берегъ и на море. — На пустынномъ островѣ Астурѣ, у берега Тирренскаго моря, меня никто не тревожитъ; когда, рано утромъ, я скроюсь въ густомъ и суровомъ лѣсу, то до самаго вечера уже не выхожу изъ него. Послѣ моего Аттика я ничего не люблю болѣе уединенія; здѣсь, въ тишинѣ, я занимаюсь науками, но эти занятія часто бываютъ прерываемы слезами. Я (какъ отецъ) борюсь съ печалью, на сколько есть силъ, и все-таки ихъ недостаетъ во мнѣ, чтобы совладѣть съ горемъ». Весьма часто замѣчаемо было, что въ этихъ письмахъ, равно какъ въ письмахъ Плинія Младшаго, нельзя не узнать звуковъ современной сантиментальности. Мнѣ же слышится въ нихъ выраженіе глубокой чувствительности, вырывающееся изъ груди стѣсненной горемъ и раздающееся во всякомъ вѣкѣ и у всякаго народа.

Знакомство съ великими стихотворными произведеніями Виргилія, Горація и Тибулла такъ тѣсно связано съ распространеннымъ повсюду знаніемъ римской литературы, что было бы излишнимъ приводить здѣсь особенныя доказательства того нѣжнаго и всегда живаго чувства природы, которымъ проникнуты нѣкоторые изъ стихотвореній названныхъ нами поэтовъ. Въ національную эпопею Виргилія, по самому свойству этой поэмы, ландшафтныя описанія могли входить только какъ нѣчто второстепенное и не могли занимать въ ней много мѣста. Въ Энеидѣ незамѣтно индивидуальнаго пониманія опредѣленныхъ мѣстностей, но однако же видно, въ нѣжномъ колоритѣ ея картинъ, глубокое пониманіе природы. Гдѣ удачнѣе описаны тихій плескъ морскихъ волнъ или ночная тишина? Какъ противоположны этимъ пріятнымъ картинамъ сильныя описанія поднявшейся бури въ первой книгѣ «Георгикъ (о земледѣліи)», плаванія и высадки троянцевъ между Строфадами (іоническими островами Стрибали), паденія скалы или огненнаго изверженія Этны въ Энеидѣ! Мы въ правѣ были ожидать отъ Овидія, послѣ его долгаго пребыванія въ равнинахъ Томи, въ Нижней Мозіи, поэтическаго описанія степей, о которыхъ къ намъ ничего не дошло изъ древности. Изгнанникъ, правда, не видѣлъ тѣхъ степей, которыя лѣтомъ густо покрываются въ четыре или шесть футовъ высокими, сочными травами, и представляютъ, при каждомъ дуновеніи вѣтра, граціозную картину колеблемыхъ цвѣточныхъ волнъ: мѣстомъ Овидіева изгнанія были пустынныя, болотистыя степи, и подавленный духъ сѣтующаго на судьбу, изнѣженнаго поэта былъ наполненъ воспоминаніями о наслажденіяхъ общества, о политическихъ дѣлахъ Рима, и не могъ отдаться созерцанію окружающей его скиѳской пустыни. Въ вознагражденіе за это, высокоодаренный и изображающій столь мощными чертами Овидій оставилъ намъ, кромѣ, правда, уже слишкомъ часто повторяющихся описаній пещеръ, источниковъ и «тихихъ лунныхъ ночей», весьма характеристическое, даже геогностически замѣчательное описаніе вулканическаго изверженія близь Меѳона, между Епидавромъ и Трезенами. Мы уже упоминали объ этомъ описаніи въ другомъ мѣстѣ, «въ картинѣ природы» первой части Космоса. Поэтъ представляетъ намъ, «какъ почва, силою сдавленныхъ паровъ, надувается подобно наполненному воздухомъ пузырю, подобно кожѣ двурогаго козла, и подымается холмомъ».

Болѣе всего можно сожалѣть, что Тибуллъ не оставилъ намъ никакого есте-

ствоописательнаго сочиненія, носящаго свой индивидуальный характеръ. Между поэтами Августова вѣка онъ принадлежалъ къ немногому числу тѣхъ, которые, къ счастію, были чужды александрійской учености, любили уединеніе и сельскую жизнь, одарены были чувствительностію, и потому сохраняли простоту сердца и черпали вдохновеніе изъ себя самихъ. Правда, на элегіи должно смотрѣть какъ на картины нравовъ, для которыхъ ландшафтъ стоитъ на заднемъ планѣ; однако же Тибулловы «освященіе поля» и 6-я элегія первой книги показываютъ, чего бы можно было ожидать отъ друга Горація и Мессалы.

Луканъ, внукъ ритора М. Аннея Сенеки, хотя и похожъ на дѣда риторическими украшеніями своей рѣчи, однако же мы находимъ у него превосходную, весьма близкую природѣ картину разрушенія лѣса друидовъ, у безлѣсныхъ теперь береговъ Марсели. Срубленные дубы какъ бы висятъ на воздухѣ, поддерживаемые другъ другомъ; лишившись листьевъ, они позволяютъ первому лучу свѣта проникнуть въ страшный, священный мракъ. Кто долго жилъ въ лѣсахъ Новаго Свѣта, тотъ можетъ чувствовать, какъ живо немногими чертами поэтъ изобразилъ роскошь лѣсной растительности, которой исполинскіе остатки погребены въ нѣкоторыхъ торфяникахъ Франціи. Правда, въ дидактическомъ стихотвореніи «Этна», написанномъ Луциліемъ Младшимъ, другомъ Л. Аннея Сенеки (философа), находится точное описаніе изверженія одного вулкана; но въ этомъ описаніи нѣтъ самобытнаго характера и оно гораздо ниже «діалога Этна», юнаго Бембо, о которомъ мы уже отзывались съ похвалой.

Когда, наконецъ, со второй половины 4-го вѣка поэзія, какъ бы истощенная въ своихъ великихъ и благороднѣйшихъ формахъ, начала блекнуть, тогда поэтическія усилія, лишенныя очарованія творческой фантазіи, устремились къ сухой реальности знанія и къ описаніямъ. Какая-то ораторская обработанность слога не могла замѣнить недостатка въ простомъ чувствѣ природы и въ идеализирующемъ вдохновеніи. Назовемъ здѣсь поэму Авзонія «о Мозелѣ», какъ произведеніе этого безплоднаго времени, въ которомъ поэзія сдѣлалась случайнымъ, внѣшнимъ украшеніемъ мысли. Поэтъ, родившійся въ Аквитанской Галліи, участвовалъ въ походѣ Валентиніана противъ алеманновъ. «Мозель», поэма, сочиненная въ древнемъ Трирѣ (Treves), воспѣваетъ, мѣстами не безъ граціи, уже тогда усаженные виноградомъ холмы одной изъ прекраснѣйшихъ рѣкъ нашей нѣмецкой отечественной почвы; къ сожалѣнію, сухая топографія страны, исчисленіе ручьевъ, впадающихъ въ Мозель (Meuse), характеристика различныхъ рыбныхъ породъ, описаніе ихъ фигуры, цвѣта и нравовъ сосоставляютъ главные предметы этого чисто-дидактическаго сочиненія.

У римскихъ прозаиковъ, между которыми мы взяли выше въ примѣръ нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ изъ Цицерона, также рѣдко встрѣчаются описанія природы, какъ и у греческихъ прозаиковъ. Только у великихъ историковъ, Юлія Цесаря (род. въ Римѣ въ 99 г. до Р. Х.), Тита Ливія (род. въ Падуѣ въ 58 г. до Р. Х.) и у Корнелія Тацита (род. въ Интерамни въ Умбріи около 51 или 55 г. по Р. Х.) встрѣчаемъ отдѣльные примѣры тамъ, гдѣ они должны изображать поля сраженій, переправы черезъ рѣки или переходы черезъ опасныя горныя ущелья, вообще, гдѣ они чувствуютъ необходимость показать борьбу человѣка съ естественными преградами. Въ лѣтописяхъ Тацита меня восхищаетъ описаніе несчастнаго плаванія Германика по рѣкѣ Эмсу (Amisia) и величавое географическое изображеніе горныхъ хребтовъ Сиріи и Палестины. Квинтъ Курцій оставилъ намъ прекрасную картину лѣсной пустыни, черезъ которую должно было пройти македонское войско на западѣ отъ города Гекатомпилоса въ болотистой области Мазендеранской. Я бы

здѣсь подробнѣе распространился объ этомъ, если бы можно было съ нѣкоторою увѣренностью отличить въ Квинтѣ Курціи, вѣкъ котораго означенъ такъ недостовѣрно, что̀ онъ извлекъ изъ своей пылкой фантазіи и что̀ заимствовалъ изъ историческихъ источниковъ.

О великомъ энциклопедическомъ твореніи Плинія Старшаго, съ которымъ по богатству содержанія не можетъ сравниться никакое другое произведеніе древности, мы поговоримъ позже въ «исторіи міросозерцанія». Оно, по прекрасному выраженію его племянника, Плинія Младшаго, «разнообразно какъ природа». Естественная исторія Плинія Старшаго есть плодъ неудержимаго стремленія ко всеобъемлющему, часто торопливому собиранію матеріаловъ; слогъ ея неровенъ: то простъ и сухо исчисляетъ подробности, то обиленъ мыслями, оживленъ и риторически украшенъ; по самой формѣ своей она бѣдна характеристическими описаніями природы. Не смотря на это, тамъ, гдѣ созерцаніе автора направлено къ величественному взаимнодѣйствію силъ во вселенной, къ благоустроенному Космосу (Naturae majestas), нельзя отказать ему въ истинномъ, изъ глубины души вытекающемъ вдохновеніи. Твореніе Плинія Старшаго имѣло огромное вліяніе на умы въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Въ доказательство созерцанія природы у римлянъ, мы бы охотно привели ихъ загородные домы, очаровательно расположенные на горѣ Пинчіо (въ Римѣ), у Тускулума (Фраскати) и Тибура (Тиволи), на Мизенскомъ мысѣ, близь Путеоли (Поцуоли) и у Байи, если бы эти домы, подобно вилламъ Скавра и Мецены, Лукулла и Адріана, не были слишкомъ загромождены роскошными зданіями. Храмы, театры, ристалища перемѣшивались тамъ съ птичниками и зданіями для разведенія улитокъ и соней, млекопитающихъ изъ семейства веверицъ. Сципіонъ Старшій окружилъ башнями, подобно крѣпости, свой, правда, болѣе простой, загородный домъ въ Литернумѣ. До насъ дошло имя одного изъ Августовыхъ друзей, имя Маціа, который такъ любилъ все неестественное и противное природѣ, что первый ввелъ обычай обрѣзывать деревья для того, чтобы этой искуственной обдѣлкой придавать имъ архитектурныя или пластическія формы. Въ письмахъ Плинія Младшаго находятся граціозныя описанія двухъ изъ его многочисленныхъ виллъ (Лаврентинума и Тускума). Хотя онѣ слишкомъ загромождены были различными зданіями и слишкомъ окружены подстриженными буковыми деревьями, наперекоръ требованій нашего пониманія природы, но, не смотря на это, какъ Плиніевы описанія, такъ и подражаніе Темпейской долинѣ въ виллѣ Адріана близь Тибура, доказываютъ, что римскіе обыватели, при любви къ искуству, при самой строгой заботливости и стараніяхъ объ удобномъ и выгодномъ расположеніи своихъ загородныхъ домовъ относительно солнца и господствующихъ вѣтровъ, не лишены были любви къ свободнымъ наслажденіямъ природой. Съ радостью можемъ прибавить, что эти наслажденія въ загородныхъ домахъ Плинія менѣе были возмущаемы отвратительной картиной жалкой нищеты римскихъ рабовъ. Богатый Плиній былъ не только однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, но еще питалъ чисто человѣческое чувство состраданія къ несвободнымъ нижнимъ классамъ своего народа; подобныя чувствованія если и существовали въ древности, то рѣдко выражались. На виллахъ Плинія Младшаго не было цѣпей, и рабъ его, какъ земледѣлецъ, могъ свободно оставлять своимъ наслѣдникамъ то, что онъ пріобрѣталъ трудомъ.

Къ намъ не дошло изъ древности ни одного описанія вѣчныхъ альпійскихъ снѣговъ, когда они, къ вечеру или рано утромъ, покрываются багровой краской; ни одного изображенія красоты голубыхъ ледниковъ или величаваго характера швейцарскаго ландшафта; а

между тѣмъ безпрестанно переходили въ Галлію черезъ Гельвецію государственные люди, полководцы и, въ свитѣ ихъ, литераторы. Всѣ эти путешественники жалуются только на непроходимыя, страшныя дороги; романтическій же характеръ альпійской природы нисколько ихъ не занималъ. Извѣстно, что Юлій Цезарь, возвращаясь къ своимъ легіонамъ въ Галлію, воспользовался временемъ «своего перехода черезъ Альпы», чтобы писать грамматическій трактатъ «de analogia». Силій Италикъ (онъ умеръ при Траянѣ, когда Швейцарія была уже довольно обработана), описываетъ альпійскія страны какъ ужасную, лишенную растительности пустыню; въ то же время онъ съ любовью воспѣваетъ всѣ скалистыя ущелья Италіи и обросшіе кустарникомъ берега Лириса (Гарильяно). При этомъ удивительно еще то, что странный видъ суставчатыхъ базальтовыхъ столбовъ, поднимающихся разнообразными группами въ разныхъ мѣстахъ средней Франціи, на берегахъ Рейна и Ломбардіи, не заставилъ Римлянъ описывать эти горныя породы, даже не далъ повода хоть разъ упомянуть о нихъ.

По мѣрѣ того, какъ исчезали тѣ чувствованія, которыя оживляли древность и устремляли духъ человѣческій къ «внѣшнимъ дѣламъ»,—болѣе къ проявленію его дѣятельной силы, чѣмъ къ разсматриванію «положенія вещей» и къ созерцанію внѣшняго міра,—тогда возникъ новый образъ мыслей. Постепенно распространялось христіанство; оно даже тамъ, гдѣ становилось государственной религіей, не только благодѣтельно дѣйствовало на всѣ классы народа въ великомъ дѣлѣ общаго развитія человѣчества, но и расширяло воззрѣніе на природу. Взоръ переставалъ быть прикованнымъ къ фигурамъ олимпійскихъ боговъ; Творецъ (такъ учатъ отцы Церкви на своемъ искусномъ, часто поэтическомъ и украшенномъ фантазіей языкѣ) великъ столько же въ мертвой природѣ, какъ и въ живой, въ дикой борьбѣ стихій, какъ и въ тихой работѣ органическаго развитія. Съ постепеннымъ распаденіемъ всемірнаго римскаго владычества, правда, исчезли мало по малу въ сочиненіяхъ того печальнаго времени творческая сила, простота и чистота языка; онѣ исчезли сперва въ латинскихъ земляхъ, позднѣе же и въ странахъ греческаго востока. Наклонность къ уединенію, къ грустнымъ размышленіямъ, къ погруженію во внутрь себя дѣлается замѣтной; она въ то же время оказываетъ свое дѣйствіе на языкъ, на свойства и колоритъ слога.

Когда что нибудь новое вдругъ возникаетъ въ человѣческихъ чувствованіяхъ, тогда можно почти всегда отыскать прежнее, глубоко и какъ бы одиноко брошенное сѣмя этихъ чувствованій. Мягкость Мимнермоса не даромъ часто называли сантиментальнымъ настроеніемъ души. Древній міръ не рѣзко отдѣлился отъ новаго; но измѣненіе въ религіозныхъ стремленіяхъ человѣчества, переворотъ въ нѣжнѣйшихъ нравственныхъ чувствахъ, даже въ самомъ образѣ жизни лицъ, имѣющихъ вліяніе на кругъ идей народныхъ массъ, сдѣлали внезапно господствующимъ то, что было сперва незамѣченнымъ. Христіанское настроеніе сердца заставило доказывать величіе и благость Создателя на основаніи всемірнаго порядка и красоты природы. Подобное направленіе мыслей къ прославленію Божества въ его твореніи возбудило охоту къ описаніямъ природы. Самыя первыя и подробнѣйшія описанія мы находимъ у современника Тертулліана и Филострата, у римскаго ритора-адвоката Марка Минуція Феликса, жившаго въ началѣ третьяго вѣка (род. въ Циртѣ, въ Африкѣ). Охотно слѣдуешь за нимъ, при сумрачномъ свѣтѣ, къ морскому берегу у Остіи, которую онъ, правда, представляетъ живописнѣе и здоровѣе, нежели какъ мы ее теперь видимъ. Въ религіозномъ разговорѣ «Октавій», Минуцій смѣло защищаетъ новую религію противъ

возраженій своего друга, оставшагося идолопоклонникомъ.

Здѣсь мѣсто вставить нѣсколько естествоописательныхъ отрывковъ изъ греческихъ отцевъ Церкви, съ которыми наши читатели вѣроятно менѣе знакомы, чѣмъ съ тѣмъ, что̀ намъ передала римская литература о древне-италійской привязанности къ сельской жизни. Я начну съ письма Василія Великаго, къ которому я издавна уже питаю особенную любовь. Родомъ изъ Цезареи въ Каппадокіи, Василій (род. въ 329 г. по Р. Х.), имѣя немногимъ болѣе тридцати лѣтъ, отказался отъ веселой аѳинской жизни, посѣтилъ христіанскихъ отшельниковъ въ Целесиріи и въ Верхнемъ Египтѣ и потомъ, по ихъ примѣру, какъ нѣкогда, до христіанской эры, отрѣшавшіеся отъ міра эссеніяне и терапевты, самъ удалился въ пустыню къ берегамъ армянской рѣки Ириса. Здѣсь его второй братъ Навкратій послѣ пятилѣтней строгой отшельнической жизни утонулъ, занимаясь рыбной ловлей. «Я думаю», пишетъ Василій къ Григорію Назіанзину (род. годомъ ранѣе Василія, въ 328 г.), «что я наконецъ достигъ предѣла моихъ странствованій. Надежда на соединеніе съ тобой, я долженъ былъ бы сказать: мои сладкіе сны (ибо надежды справедливо были названы снами бодрствующаго человѣка), не исполнились. Богъ позволилъ мнѣ отыскать такое мѣсто, какое часто представлялось намъ обоимъ въ нашемъ воображеніи. То, что оно представляло намъ въ неопредѣленной дали, я теперь вижу передъ собой. Высокая гора, покрытая густымъ лѣсомъ, орошается съ сѣвера студеными, всегда текущими водами. У подошвы горы разстилается широкая равнина, оплодотворяемая спускающимися на нее парами. Окрестный лѣсъ, въ которомъ стѣснились разнообразныя деревья, окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ какъ бы крѣпкой стѣной. Моя пустыня ограждена двумя глубокими ущельями. Съ одной стороны рѣка, пѣнисто ниспадающая съ горы, представляетъ трудно-преодолимое препятствіе, съ другой стороны широкій горный хребетъ закрываетъ входъ. Хижина моя расположена на самой вершинѣ горы, такъ что я могу обнять взоромъ обширную равнину и все теченіе Ириса, который здѣсь прекраснѣе и богаче водой, чѣмъ Стримонъ, текущій у Амфиполиса (въ Македоніи). Рѣка моей пустыни—самая стремительная изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ рѣкъ, — разбивается о выдающіяся скалистыя стѣны и, пѣнясь, катится въ пропасть. Пріятный и восхитительный видъ представляетъ она горному путнику; туземцамъ же приноситъ пользу, доставляя обильную рыбную довлю. Описывать ли тебѣ плодотворные пары, выходящіе изъ влажной земли, прохладные вѣтры, подымающіеся съ подвижной поверхности водъ? говорить ли тебѣ объ очаровательномъ пѣніи птицъ и роскоши цвѣтущихъ травъ? Болѣе всего здѣсь восхищаетъ меня кроткое спокойствіе страны. Ее посѣщаютъ иногда одни охотники, потому что моя пустыня питаетъ оленей и стада дикихъ козъ, а не медвѣдей вашихъ и вашихъ волковъ. Могу ли я промѣнять это мѣсто на какое либо другое! Алкмеонъ, достигнувъ до Ехинадъ, не захотѣлъ идти далѣе». Въ этомъ простомъ изображеніи ландшафта и лѣсной природы выражаются чувствованія, которыя тѣснѣе сливаются съ чувствованіями новаго времени, нежели все то, что дошло до насъ изъ греческой и римской древности. Изъ уединенной горной хижины, въ которую удалился Василій, взоръ спускается на влажную лиственную кровлю глубоко внизу лежащаго лѣса. Убѣжище, котораго такъ долго искали онъ и его другъ Григорій Назіанзинъ, наконецъ было найдено. Поэтическій намекъ въ концѣ письма звучитъ какъ голосъ, пришедшій изъ другаго, прежняго міра въ христіанскій міръ.

Также и проповѣди Василія на «шесть дней творенія» свидѣтельствуютъ о его пониманіи природы. *

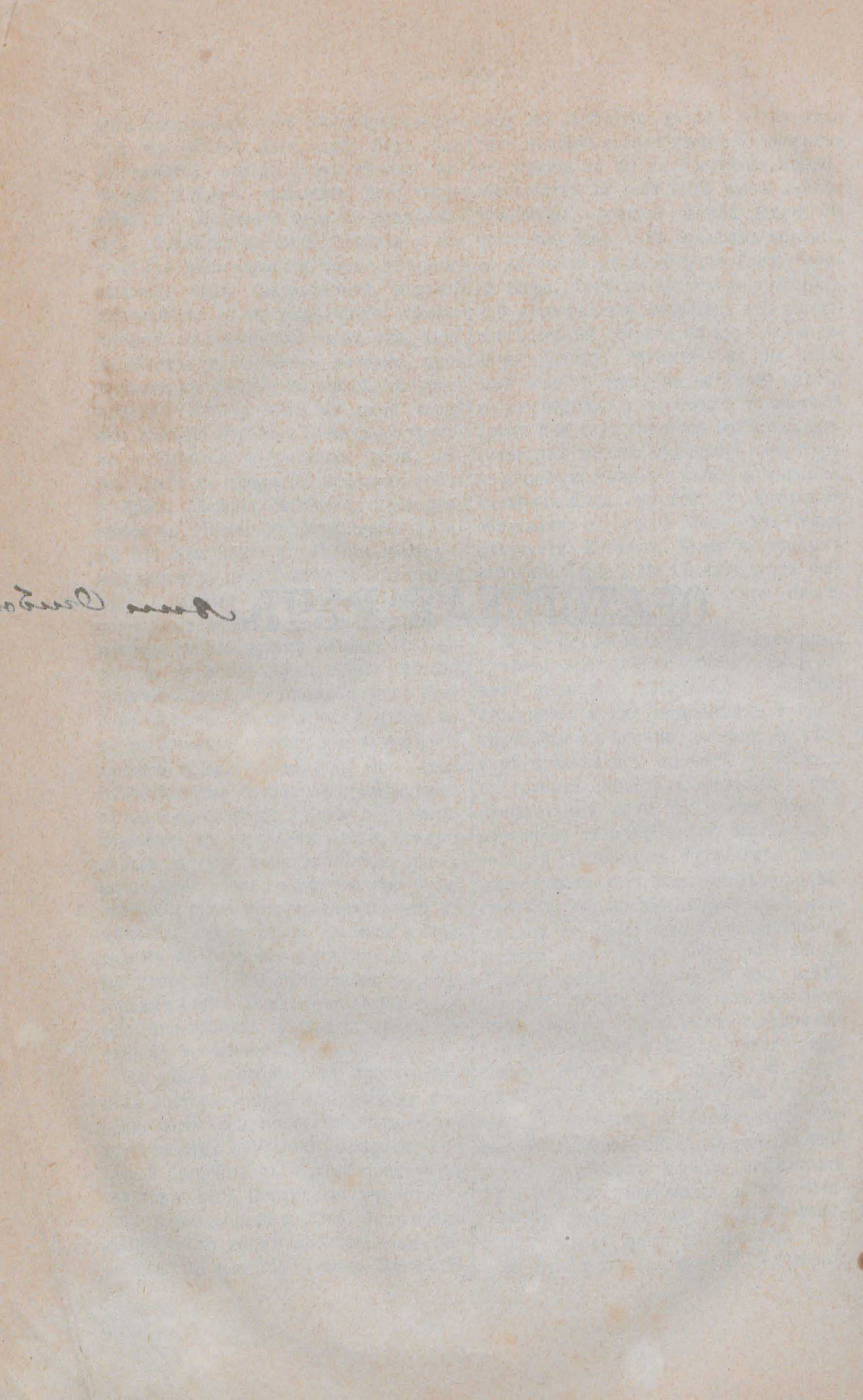
Онъ описываетъ нѣгу вѣчноясныхъ ночей въ Малой Азіи, гдѣ, какъ онъ выражается, звѣзды, «эти вѣчные небесные цвѣты», возносятъ духъ человѣка отъ видимаго міра къ невидимому. Выхваляя въ повѣствованіи о сотвореніи міра «красоту моря», онъ описываетъ видъ безграничной морской поверхности въ ея различныхъ, измѣнчивыхъ положеніяхъ: «какъ она, тихо колеблемая дуновеніемъ вѣтровъ, принимаетъ то бѣлый, то синій, то красноватый цвѣтъ, какъ въ игрѣ своей она ласкаетъ берега». То же самое грустно задумчивое направленіе души, обращенное къ природѣ, находимъ мы и у брата Василія Великаго, Григорія, епископа Ниссы въ Каппадокіи (род. въ 331 или 332 г.). «Когда я вижу», восклицаетъ онъ, «каждый скалистый утесъ, каждый долъ, каждую равнину покрытыми вновь выросшей травой, а потомъ разнообразный нарядъ деревьевъ и, у моихъ ногъ, лилій, вдвойнѣ украшенныхъ природой, запахомъ и блескомъ красокъ; когда я вижу вдали море, къ которому влечетъ мои взоры блуждающее облако: тогда душу мою охватываетъ тоска, къ которой примѣшивается какая-то сладость. Когда же, осенью, исчезнутъ съ деревьевъ плоды, опадутъ листья и сухо торчатъ вѣтви, лишенныя своего убора, тогда мы при этомъ вѣчномъ, правильно повторяющемся измѣненіи, погружаемся въ себя и приходимъ въ гармонію съ чудными силами природы. Кто проникнетъ въ нихъ зоркимъ окомъ души, тотъ почувствуетъ всю ничтожность человѣка предъ величіемъ вселенной».

Съ одной стороны, это прославленіе Бога восторженнымъ созерцаніемъ творенія вела христіанскихъ грековъ къ поэтическимъ описаніямъ природы, а съ другой стороны, въ первыя времена новой вѣры, отцы Церкви, по самому свойству своего образа мыслей, были полны презрѣнія ко всѣмъ произведеніямъ человѣческаго искуства. Іоаннъ Златоустъ (род. въ Антіохіи въ 344 г.) во многихъ мѣстахъ своихъ твореній говоритъ: «смотришь ли ты на блестящія зданія, обольщаетъ ли тебя видъ какой нибудь колоннады, обращай скорѣй взоры къ небесному своду и къ вольнымъ полямъ, на которыхъ стада пасутся близь берега озера. Тотъ не будетъ ли презирать всѣ произведенія искуства, кто въ тишинѣ сердца дивится на зарѣ восходящему солнцу, изливающему на міръ свой золотой (шафрано-желтый) свѣтъ; когда, отдыхая у источника въ высокой травѣ или подъ темнымъ навѣсомъ густолиcтыхъ деревъ, обращаетъ свой взоръ на широкую туманную даль?» Антіохія въ то время была окружена уединенными обителями; въ одной изъ нихъ жилъ Златоустъ. Казалось, будто въ горныхъ странахъ Сиріи и Малой Азія, тогда еще лѣсистыхъ, краснорѣчіе опять нашло свою свободную стихію.

Когда же, въ позднія невѣжественныя времена, враждебныя всякому умственному развитію, христіанство распространилось между германскими и кельтическими племенами, которыя до тѣхъ поръ поклонялись природѣ и обожали въ грубыхъ символахъ хранящія и разрушительныя силы ея, тогда близкое обращеніе съ природой и изслѣдованіе ея силъ становились постепенно подозрительными, какъ влекущія къ чародѣйству. Это обращеніе съ природой казалось въ то время столько же опаснымъ, сколько для Тертулліана, Клементія Александрійскаго и почти для всѣхъ первыхъ отцевъ Церкви казалось опаснымъ занятіе пластическими художествами. Въ 12-мъ и 13-мъ вѣкахъ церковные соборы на западѣ, въ Турѣ (1163 г.) и въ Парижѣ (1209 г.), запретили монахамъ грѣховное чтеніе физическихъ сочиненій. Альбертъ Великій и Рожеръ Бэконъ первые осмѣлились разорвать эти умственныя цѣпи, «очистить природу отъ грѣха» и возстановить ее въ ея древнихъ правахъ.

А. Гумбольтъ (*переводъ Н. Фролова*).

ОРАТОРСКАЯ РѢЧЬ.



I. ДУХОВНОЕ ОРАТОРСТВО.

77. Бесѣда св. Василія Великаго о зависти.

Богъ благъ и подаетъ блага достойнымъ; діаволъ лукавъ и способствуетъ въ грѣхахъ всякаго рода. И какъ за Благимъ слѣдуетъ беззавистность, такъ за діаволомъ всюду ходитъ зависть. Будемъ же, братія, остерегаться этой страсти—зависти, чтобъ не стать намъ сообщниками въ дѣлахъ сопротивника и въ послѣдствіи не подвергнуться одному съ нимъ осужденію. Если разгордѣвшійся *въ судъ* впадаетъ *діаволъ* (1 Тим. 3, 6.), то завистливому какъ избѣжать наказанія, уготованнаго діаволу?

Другой страсти, болѣе пагубной, чѣмъ зависть, и не зараждается въ душахъ человѣческихъ. Она менѣе вредитъ постороннимъ, но первое и домашнее зло для того, кто имѣетъ ее. Какъ ржавчина изъядаетъ желѣзо, такъ зависть—душу, въ которой живетъ она. Лучше же сказать, какъ объ ехиднахъ говорятъ, что онѣ раждаются, прогрызая раждающую ихъ утробу: такъ и зависть обыкновенно пожираетъ душу, которая ею мучится.

Зависть есть скорбь о благополучіи ближняго. Поэтому у завистливаго никогда нѣтъ недостатка въ печаляхъ и огорченіяхъ. Урожай ли на полѣ у ближняго? домъ ли изобилуетъ всѣми житейскими потребностями? или нѣтъ у него недостатка въ радостяхъ?...все это—пища болѣзни, все увеличиваетъ страданія завистливаго. Поэтому нимало не разнится онъ съ человѣкомъ, который ничѣмъ не покрытъ и въ котораго всѣ мечутъ стрѣлы. Мужественъ ли кто, или хорошо сложенъ тѣломъ?—это поражаетъ завистливаго. Красивъ ли другой лицемъ? это—новый ударъ завистнику. Такой-то превосходитъ многихъ душевными преимуществами, обращаетъ на себя взоры и возбуждаетъ соревнованіе своимъ благоразуміемъ и силою слова; другой богатъ, славится щедростію подаяній и общительностію съ нуждающимися, ему много похвалъ отъ облагодѣтельствованныхъ—все это удары и раны, наносимыя въ самое сердце завистнику.

Но всего мучительнѣе въ этой болѣзни, что завистливый не можетъ открыть ея. Хотя потупляетъ онъ глаза, ходитъ унылый, смущенный, жалуется, погибъ во злѣ; однако же, когда спросятъ о страданіи, стыдится сдѣлать гласнымъ свое несчастіе и сказать: «я человѣкъ завистливый и злой; меня сокрушаютъ совершенства друга; сѣтую о благодушіи брата; не могу видѣть чужихъ совершенствъ; напротивъ того, благоденствіе ближняго считаю для себя несчастіемъ». Такъ надлежало бы сказать ему, если бы захотѣлъ говорить правду. Но поелику не рѣшается высказать сего, то въ глубинѣ удерживаетъ болѣзнь, которая гложетъ и снѣдаетъ его внутренности.

Поэтому не принимаетъ онъ врачующаго болѣзнь, не можетъ найти никакого врачевства, избавляющаго отъ страданій, хотя Писанія полны такихъ цѣлительныхъ средствъ. Напротивъ, онъ ждетъ одного утѣшенія въ бѣдствіи—видѣть паденіе кого либо изъ возбуждаю-

щихъ его зависть. Одинъ предѣлъ ненависти—увидѣть, что внушавшій зависть изъ счастливаго сталъ несчастнымъ и возбуждавшій соревнованіе сдѣлался жалкимъ. Тогда примиряется и дѣлается другимъ, когда видитъ плачущимъ, встрѣчаетъ печальнымъ. Съ веселящимся не веселится вмѣстѣ, но съ сѣтующимъ проливаетъ слезы. И если оплакиваетъ переворотъ жизни, по которому человѣкъ изъ такого счастія впалъ въ такое несчастіе, то не изъ человѣколюбія, не изъ сострадательности хвалитъ прежнее его состояніе, но чтобы болѣе тягостнымъ сдѣлать для него бѣдствіе. По смерти сына, хвалитъ его, превозноситъ тысячами похвалъ, что онъ былъ и прекрасенъ, и понятенъ къ ученію, и способенъ ко всему; а если бъ младенецъ былъ живъ, языкъ не вымолвилъ бы добраго о немъ слова. Какъ скоро видитъ, что многіе съ нимъ вмѣстѣ начинаютъ хвалить, опять перемѣняется, опять начинаетъ завидовать умершему. Дивится богатству по разореніи. Тѣлесную красоту или силу и здоровье хвалитъ и превозноситъ уже послѣ болѣзней. И вообще онъ врагъ того, что есть, и другъ того, что погибло.

Что жъ можетъ быть пагубнѣе этой болѣзни? Это—порча жизни, поруганіе природы, вражда противъ того, что дано намъ отъ Бога, противленіе Богу. Что виновника зла—демона вооружило на брань противъ человѣка? Не зависть ли? Завистію явно изобличилъ себя богоборецъ, когда вознегодовалъ на Бога за щедрые дары Его человѣку, но отмстилъ человѣку, потому что не могъ мстить Богу. То же дѣлающимъ оказывается и Каинъ, первый ученикъ діавола, научившійся у него и зависти и убійству—этимъ сродственнымъ между собою беззаконіямъ, которыя сочеталъ и Павелъ, сказавъ: *исполненныхъ зависти, убійства* (Рим. 1, 29). Что же сдѣлалъ Каинъ? Видѣлъ честь отъ Бога и воспламенился ревностію, истребилъ отличеннаго честію, чтобы оскорбить Почтившаго. Не имѣя силъ къ богоборству, впалъ въ братоубійство. Будемъ, братія, избѣгать сего недуга, который дѣлается учителемъ богоборства, матерью человѣкоубійства, нарушеніемъ естественнаго порядка, забвеніемъ родства, бѣдствіемъ самымъ неописаннымъ.

О чемъ скорбишь ты, человѣкъ, не потерпѣвъ ничего худаго? Для чего идешь войною противъ человѣка, который имѣетъ у себя нѣсколько благъ и не сдѣлалъ ущерба твоимъ благамъ? Если же ты, и облагодѣтельствованный, негодуешь, то не прямо ли собственной своей выгодѣ завидуешь? Таковъ былъ Саулъ, который избытокъ благодѣяній обратилъ въ поводъ къ войнѣ противъ Давида. Сперва, его стройною и божественною игрою на гусляхъ освободившись отъ неистовства, покушался пронзить благодѣтеля копьемъ; потомъ, спасенный отъ враговъ съ цѣлымъ воинствомъ, избавленный отъ позора, какимъ угрожалъ Голіаѳъ, какъ скоро ликовствующія дѣвы въ побѣдныхъ пѣсняхъ стали приписывать Давиду въ десять разъ большее участіе въ пріобрѣтеніи побѣды: *побѣди Давидъ со тьмами и Саулъ съ тысящами своими* (1 Цар. 18, 1.), за одно это выраженіе, за это на самой истинѣ основанное свидѣтельство, то хотѣлъ убить Давида изъ собственныхъ своихъ рукъ и истребить по зависти, то, принудивъ его стать бѣглецомъ, и послѣ этого не прекратилъ вражды, но въ заключеніе всего выступилъ противъ него съ тремя тысячами избранныхъ воиновъ и искалъ по пустынямъ (1 Цар. 24, 3.). А если бы спросить его о причинѣ войны; то, конечно, указалъ бы на благодѣянія Давидовы, потому что въ самое время гоненія, когда застигнутъ былъ сонный и уготованный на убіеніе врагу, но спасенъ праведникомъ, удержавшимся наложить на него руки, не тронулся и этимъ благодѣяніемъ, но снова собиралъ войско, снова продолжалъ гоненіе, пока въ другой разъ не былъ захваченъ Давидомъ въ пещерѣ, гдѣ добродѣтели

его показалъ въ большемъ свѣтѣ и лукавство свое сдѣлалъ очевиднѣйшимъ.

Зависть есть самый неопредолимый родъ вражды. Другихъ недоброжелателей дѣлаютъ нѣсколько кроткими благотворенія. Завистливаго же и злонравнаго еще болѣе раздражаетъ сдѣланное ему добро. Чѣмъ больше видитъ онъ себѣ благодѣяній, тѣмъ сильнѣе негодуетъ, печалится и огорчается. Онъ болѣе оскорбляется силою благодѣтеля, нежели чувствуетъ благодарность за сдѣланное для него. Какого звѣря не превосходятъ завистливые жестокостію своихъ нравовъ! Не превышаютъ ли свирѣпостію самаго неукротимаго изъ нихъ! Псы, если ихъ кормятъ, дѣлаются кроткими; львы, когда за ними ходятъ, становятся ручными. Но завистливые еще болѣ свирѣпѣютъ, когда оказываютъ имъ услуги.

Что содѣлало рабомъ благороднаго Іосифа? Не зависть ли братьевъ? Потому и достойно удивленія неразуміе этого недуга. Убоявшись исполненія сновъ, продали брата въ рабство, какъ будто рабу никогда не кланяются. Но если сны справедливы, можно ли сдѣлать, чтобъ предвѣщаемое ими вовсе не исполнилось? А если сонныя видѣнія лживы, въ чемъ завидуете обманувшемуся? Но вотъ, по Божію смотрѣнію, мудрость ихъ обращается въ ничто. Чѣмъ думали воспрепятствовать исполненію предвѣщанія, тѣмъ самымъ, какъ оказалось, проложили путь событію. Если бы не проданъ былъ Іосифъ, то не пришелъ бы въ Египетъ, не подпалъ бы, по своему цѣломудрію, навѣтамъ похотливой жены, не былъ бы заключенъ въ темницу, не свелъ бы знакомства съ служителями Фараоновыми, не сталъ бы толковать сновъ, не получилъ бы за это начальства надъ Египтомъ, и не поклонились бы ему братья, пришедшіе къ нему по недостатку въ хлѣбѣ.

Обратись мыслію къ величайшей зависти, оказавшейся въ самомъ важномъ случаѣ, какая по неистовству Іудеевъ была къ Спасителю! За что завидовали? За чудеса. А что это были за чудодѣйствія? Спасеніе нуждающихся. Алчущіе были питаемы, и на Питающаго воздвигнута брань. Мертвые были воскрешаемы, и Животворящій сталъ предметомъ зависти. Демоны были изгоняемы, и на Повелѣвающаго демонамъ злоумышляли. Прокаженные очищались, хромые начинали ходить, глухіе слышать, слѣпые видѣть — и Благодѣтеля изгоняли; напослѣдокъ предали смерти Даровавшаго жизнь, били бичами Освободителя человѣковъ, осудили Судію міра. Такъ на все простерлась злоба зависти. Этимъ однимъ оружіемъ, отъ сложенія міра и до скончанія вѣка, всѣхъ уязвляетъ и низлагаетъ истребитель жизни нашей — діаволъ, который радуется нашей погибели, самъ палъ отъ зависти и насъ низлагаетъ съ собою тою же страстію.

Премудръ былъ тотъ, кто запрещалъ и вечерять *съ мужемъ завистливымъ* (Притч. 23, 6), подъ сближеніемъ на вечери разумѣя и всякое также общеніе въ жизни. Удобовозгораемое вещество заботимся мы класть какъ можно дальше отъ огня: такъ, по мѣрѣ возможности, не надобно сводить дружескихъ бесѣдъ съ завистливыми, поставляя себя вдали отъ стрѣлъ зависти. Ибо не иначе можно предаться зависти, какъ сближаясь съ нею въ тѣсномъ общеніи; потому что, по слову Соломонову, *ревность мужа отъ подруга своего* (Еккл. 3, 4). И дѣйствительно, такъ завидуютъ—не скиѳъ египтянину, но всякій своему соплеменнику; и изъ соплеменниковъ завидуютъ не тому, кто неизвѣстенъ, но коротко знакомымъ; и изъ знакомыхъ—сосѣдямъ, людямъ того же ремесла и почему нибудь иному близкимъ; и изъ нихъ опять—сверстникамъ, сродникамъ, братьямъ. Вообще, какъ ржа есть болѣзнь собственно хлѣбнаго зерна, такъ и зависть есть недугъ дружбы.

И то развѣ одно похвалитъ кто въ этомъ злѣ, что чѣмъ сильнѣе оно дѣйствуетъ въ человѣкѣ, тѣмъ тягостнѣе имѣющему его въ себѣ. Стрѣлы, бро-

шенныя сильно, когда попадаютъ во что-нибудь твердое и упорное, отлетаютъ назадъ къ тому, кто ихъ пустилъ; такъ и движенія зависти, не дѣлая вреда предмету зависти, наносятъ удары завистнику. Кто, огорчаясь совершенствами ближняго, уменьшилъ ихъ чрезъ это? Между тѣмъ, снѣдаемый скорбію, онъ изнуряетъ самъ себя.

Страждущихъ завистію почитаютъ еще болѣе вредоносными, нежели ядовитыхъ звѣрей. Тѣ впускаютъ ядъ чрезъ рану и угрызенное мѣсто предается гніенію постепенно; о завистливыхъ же иные думаютъ, что они наносятъ вредъ однимъ взоромъ, такъ что отъ ихъ завистливаго взгляда начинаютъ чахнуть тѣла крѣпкаго сложенія, по юности возраста цвѣтущія всею красотою. Вся полнота ихъ вдругъ исчезаетъ, какъ будто изъ завистливыхъ глазъ льется какой-то губительный, вредоносный и истребительный потокъ. Я отвергаю такое разсужденіе, потому что оно простонародно и старыми женщинами поддерживается въ женскихъ теремахъ; но утверждаю, что ненавистники добра—демоны, когда находятъ въ людяхъ демонамъ свойственныя произволенія, употребляютъ всѣ мѣры воспользоваться ими для собственнаго своего намѣренія; почему и глаза завистливыхъ употребляютъ на служеніе собственной своей волѣ.

Поэтому ужели не приходишь въ ужасъ, дѣлая себя служителемъ губительнаго демона, и допустишь въ себя зло, отъ котораго сдѣлаешься не врагомъ обидѣвшихъ тебя, но врагомъ благаго и беззавистнаго Бога? Убѣжимъ отъ нестерпимаго зла. Оно—внушеніе змія, изобрѣтеніе демоновъ, посѣвъ врага, залогъ мученія, препятствіе благочестію, путь въ геенну, лишеніе царствія.

Завистливыхъ можно узнавать нѣсколько и по самому лицу. Глаза у нихъ сухи и тусклы, щеки впалы, брови нависли, душа возмущена страстію, не имѣетъ вѣрнаго сужденія о предметахъ. У нихъ не похвальны ни добродѣтельный поступокъ, ни сила слова, украшенная важностію и пріятностію, ни все прочее, достойное соревнованія и вниманія. Какъ коршуны, пролетая мимо многіе луга, множество мѣстъ пріятныхъ и благоухающихъ, стремятся къ чему либо зловонному, и какъ мухи, минуя здоровое, поспѣшаютъ на гной, такъ завистливые не смотрятъ на свѣтлость жизни, на величіе заслугъ, нападаютъ же на одно гнилое. И если случится въ чемъ проступиться (какъ часто бываетъ съ людьми), они разглашаютъ это, хотятъ, чтобы по одному этому узнавали человѣка, какъ и недобрые живописцы лице изображаемаго ими на картинѣ отличаютъ искривленнымъ носомъ, или какимъ нибудь рубцомъ, или другимъ недостаткомъ природнымъ, либо происшедшимъ въ слѣдствіе болѣзни. Они искусны сдѣлать презрѣннымъ и похвальное, перетолковать въ худую сторону, и оклеветать добродѣтель, представивъ ее въ видѣ порока съ ней смежнаго: мужественнаго называютъ дерзкимъ, цѣломудреннаго — нечувствительнымъ, справедливаго—жестокимъ, благоразумнаго — коварнымъ. Кто любитъ великолѣпіе, на того клевещутъ, что у него грубый вкусъ; о щедромъ говорятъ, что расточителенъ, и о бережливомъ опять, что онъ скупъ. И вообще всякій видъ добродѣтели не остается у нихъ безъ такого имени, которое заимствовано отъ противоположнаго порока.

Что же? ограничимъ ли слово однимъ осужденіемъ сего зла? Но это — какъ бы одна половина врачеванія. Не безполезно показать страждущему важность болѣзни, чтобъ внушить ему должную заботливость объ избавленіи себя отъ зла; но оставить при семъ страждущаго, не давъ руководства къ пріобрѣтенію здравія, не иное что значитъ, какъ предоставить его дѣйствію болѣзни.

Что же? Какъ можемъ или никогда не страдать сею болѣзнію, или, подпавъ ей, избѣжать ее? Вопервыхъ, можемъ, если изъ человѣческаго не бу-

демъ ничего почитать великимъ и чрезвычайнымъ ни того, что люди называютъ богатствомъ, ни увядающей славы, ни тѣлеснаго здоровья, потому что не въ преходящихъ вещахъ поставляемъ для себя благо, но призваны мы къ причастію благъ вѣчныхъ и истинныхъ. Поэтому недостойны еще нашего соревнованія — богатый ради его богатства, властелинъ ради величія его сана, мудрый ради обилія въ словѣ. Это—орудія добродѣтели для тѣхъ, которые пользуются ими хорошо, но въ самомъ себѣ не заключаетъ блаженства. Потому жалокъ, кто пользуется симъ худо, подобно человѣку, который, взявъ мечъ для отмщенія врагамъ, добровольно ранитъ имъ самого себя. А если кто распоряжается настоящими благами хорошо и какъ должно, если остается онъ только приставникомъ даруемаго отъ Бога и не для собственнаго наслажденія собираетъ сокровища, то справедливость требуетъ хвалить и любить такого за братолюбіе и общительность нрава. Опять, кто отличается благоразуміемъ, почтенъ отъ Бога даромъ слова, кто — истолкователь священныхъ словесъ: не завидуй такому, чтобы умолкъ когда нибудь пророкъ священнаго слова, если, по благодати Духа, сопровождаютъ его какое либо одобреніе и похвала слушателей. Твое это благо, тебѣ чрезъ брата посылается даръ ученія, если хочешь принять его. Притомъ никто не заграждаетъ источника ключевой воды, никто не закрываетъ взоровъ отъ сіяющаго солнца, никто не завидуетъ имъ, но всякій желаетъ и самъ насладиться съ другими. Почему же, когда духовное слово точится въ церкви, и благочестивое сердце изливаетъ струи дарованій Духа, не преклоняешь съ веселіемъ слуха, не пріемлешь съ благодарностію пользы, а напротивъ того рукоплесканіе слушателей угрызаетъ тебя, и ты желалъ бы, чтобъ не было ни того, кто получаетъ пользу, ни того, кто хвалитъ? Какое извиненіе будетъ имѣть это предъ Судіею сердецъ нашихъ? Правда, что душевное благо надобно почитать прекраснымъ по природѣ; но если кто превосходитъ другихъ богатствомъ, не низко думаетъ о могуществѣ и о тѣлесномъ здоровьѣ, впрочемъ, что имѣетъ, пользуется тѣмъ хорошо, то и его должно любить и почитать какъ человѣка, обладающаго общими орудіями жизни, если только распоряжается онъ ими какъ должно, щедръ въ подаяніи денегъ нуждающимся, собственными руками служитъ немощнымъ; все же прочее, что ни имѣетъ, не болѣе почитаетъ своею собственностію, какъ и собственностію всякаго нуждающагося. А кто не съ такимъ расположеніемъ принимаетъ сіи блага, того должно признавать болѣе жалкимъ, нежели достойнымъ зависти, если у него больше случаевъ быть худымъ: ибо это значитъ погибать съ большими пособіями и усиліями. Если богатство служитъ напутствіемъ къ неправдѣ, то жалокъ богачъ; а если оно служитъ къ добродѣтели, то нѣтъ мѣста зависти, потому что польза богатства дѣлается общею для всѣхъ, развѣ кто въ избыткѣ лукавства станетъ завидовать и собственнымъ своимъ благамъ. Вообще же, если прозришь разсудкомъ выше человѣческаго и устремишь взоръ къ истинно прекрасному и похвальному, то очень будешь далекъ отъ того, чтобъ достойнымъ ублаженія и соревнованія признать что нибудь тлѣнное и земное. А кто таковъ и не поражается мірскими величіями, къ тому никогда не можетъ приблизиться зависть.

Но если непремѣнно желаешь славы, хочешь быть виднѣе многихъ и не терпишь быть вторымъ (ибо и это бываетъ поводомъ къ зависти), то честолюбіе твое, подобно какому-то потоку, направь къ пріобрѣтенію добродѣтели. Ни подъ какимъ видомъ не желай разбогатѣть всякимъ способомъ и заслуживать одобреніе чѣмъ либо мірскимъ: ибо это не въ твоей волѣ. Но будь справедливъ, цѣломудренъ, благоразуменъ, мужественъ, терпѣливъ въ страданіяхъ за бла-

гочестіе. Такимъ образомъ спасешь себя и при большихъ благахъ пріобрѣтешь большую знаменитость: потому что добродѣтель отъ насъ зависитъ и можетъ быть пріобрѣтаема трудолюбивымъ; а большое имѣніе, тѣлесная красота и высота сана не отъ насъ зависятъ. Поэтому, если добродѣтель есть и высшее и достаточное благо, и по общему всѣхъ признанію имѣетъ предпочтеніе, то къ ней должны мы стремиться,—къ добродѣтели, которой не можетъ быть въ душѣ, не очищенной какъ отъ прочихъ страстей, такъ особенно отъ зависти.

Не видишь ли, какое зло — лицемѣріе? И оно—плодъ зависти; потому что двоедушіе нрава бываетъ въ людяхъ по большей части отъ зависти, когда, скрывая въ глубинѣ ненависть, показываютъ наружность, прикрашенную любовію, и подобны подводнымъ скаламъ, которыя, будучи немного закрыты водою, причиняютъ неосторожнымъ непредвидѣнное зло.

Поэтому, если изъ зависти, какъ изъ источника, проистекаютъ для насъ смерть, лишеніе благъ, отчужденіе отъ Бога, смѣшеніе уставовъ, извращеніе всѣхъ въ совокупности житейскихъ благъ; то послушаемся Апостола, и *не бываимъ тщеславни, другъ друга раздражающе, другъ другу завидяще* (Гал. 5, 26), но будемъ паче *блази, милосерди, прощающе другъ другу, якоже и Богъ простилъ есть намъ во Христѣ Іисусѣ*, Господѣ нашемъ (Ефес. 4, 32), съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ! Аминь.

78. Бесѣда Св. Іоанна Златоустаго по случаю низверженія статуи Ѳеодосія Великаго.

Что мнѣ сказать и о чемъ говорить? Теперь время слезъ, а не словъ, рыданій, а не рѣчей, молитвы, а не проповѣди. Такъ тяжко преступленіе, такъ неизлечима рана, такъ велика язва: она выше всякаго врачевства и требуетъ горней помощи! Такъ и Іовъ, лишась всего, сидѣлъ на гноищѣ; и услышавъ объ этомъ, друзья пришли и, увидѣвъ его издали, разорвали одежды, посыпали себя пепломъ и сильно возстенали. Это-же и теперь надлежало бы сдѣлать всѣмъ окрестнымъ городамъ: придти къ нашему городу и съ полнымъ участіемъ оплакать случившееся. Тогда Іовъ сидѣлъ на гноищѣ: нынѣ нашъ городъ сидитъ въ великой сѣти. Тогда діаволъ напалъ на стада, и на скотъ, и на все достояніе праведника: теперь онъ излилъ свое неистовство на цѣлый городъ. Впрочемъ, и тогда и теперь попустилъ это Богъ: тогда для того, чтобы тяжкими искушеніями болѣе прославить праведника; теперь для того, чтобы этимъ чрезмѣрнымъ бѣдствіемъ сдѣлать насъ болѣе смиренными. Дайте мнѣ оплакать настоящее. Семь дней молчалъ я, какъ друзья Іова: дайте мнѣ теперь открыть уста и оплакать это общее бѣдствіе. Кто пожелалъ зла намъ, возлюбленные? Кто позавидовалъ намъ? Откуда такая перемѣна? Ничего не было славнѣе нашего города; теперь ничего не стало жалче его. Народъ, столь тихій и кроткій и, подобно ручному и смирному коню, всегда покорный рукамъ правителя, теперь вдругъ разсвирѣпѣлъ такъ, что сдѣлалъ такія дерзости, о которыхъ и говорить неприлично. Плачу и рыдаю теперь—не о великости угрожающаго наказанія, а о крайнемъ безразсудствѣ сдѣланнаго. Если царь и не оскорбится и не разгнѣвается, не накажетъ насъ и не предастъ мученіямъ, то, скажи мнѣ, какъ мы перенесемъ стыдъ отъ нашихъ дѣлъ? Отъ плача прерывается мое поученіе; едва могу открыть уста, двигать языкомъ и произносить слова: тяжкая печаль, какъ узда, удерживаетъ мой языкъ и останавливаетъ слова. Ничего не было прежде счастливѣе нашего города; теперь ничего нѣтъ горестнѣе его. Жители его, какъ пчелы, жужжащія около улья, каждый день толпились на площади, и всѣ доселѣ почитали насъ счастливыми за такое многолюдство. Но вотъ теперь

этотъ улей опустѣлъ, потому-что какъ пчелъ дымъ, такъ и насъ разогналъ страхъ. И что сказалъ пророкъ, оплакивая Іерусалимъ, то же и намъ прилично теперь сказать: городъ нашъ сталъ *яко теревинѳъ, отметнувшій листвія, и яко вертоградъ, не имый воды* (Иса. 1, 30). Неорошаемый садъ представляетъ деревья безъ листьевъ и плодовъ: таковъ сталъ теперь и нашъ городъ, какъ оставила его помощь Всевышняго; онъ опустѣлъ и лишился почти всѣхъ жителей. Нѣтъ ничего любезнѣе отечества; но теперь нѣтъ ничего горестнѣе. Всѣ бѣгутъ изъ роднаго города, какъ изъ сѣти; оставляютъ его, какъ пропасть; выскакиваютъ какъ изъ огня. Какъ отъ дома, объятаго пламенемъ, съ великою поспѣшностію бѣгутъ не только живущіе въ немъ, но и всѣ сосѣди, стараясь спасти хоть нагое тѣло: такъ и теперь, когда гнѣвъ царя, подобно огню, угрожаетъ упасть сверху, каждый спѣшитъ удалиться и спасти хоть нагое тѣло, прежде чѣмъ этотъ огонь, идя своимъ путемъ, не дойдетъ и до него. Наше бѣдствіе стало загадкою: безъ враговъ бѣгство, безъ сраженія переселеніе, безъ плѣненія плѣнъ! Не видали мы огня варварскаго, не видали и лица враговъ, а терпимъ то же, что плѣнные. Всѣ знаютъ теперь о нашемъ бѣдствіи, потому что, принимая къ себѣ нашихъ бѣглецовъ, слышатъ отъ нихъ о пораженіи нашего города.

Но я не стыжусь этого и не краснѣю. Пусть знаютъ всѣ о злополучіи нашего города для того, чтобы, сострадая матери, вознесли общій отъ всей земли голосъ къ Богу и единодушно умолили Царя небеснаго о спасеніи общей всѣмъ имъ матери и питательницы. Недавно нашъ городъ подвергся землетрясенію, а теперь сотрясаются самыя души жителей; тогда колебались основанія домовъ, теперь содрогается у каждаго самое основаніе сердца. Всѣ мы каждый день видимъ смерть предъ глазами, живемъ въ непрестанномъ страхѣ и терпимъ наказаніе Каина, страдая болѣе, нежели заключенные въ темницѣ, и выдерживая осаду необыкновенную и новую, ужаснѣе которой и вообразить нельзя. Выдерживающіе осаду отъ враговъ бываютъ заключены только внутри городскихъ стѣнъ, а для насъ и площадь сдѣлалась недоступною и каждый заключенъ въ стѣнахъ своего дома. И какъ для осажденныхъ не безопасно выйти за городскую стѣну, по причинѣ окружающихъ ее враговъ; такъ для многихъ изъ жителей нашего города не безопасно выйти изъ дома и явиться на площади, потому что вездѣ ловятъ виновныхъ и невинныхъ, хватаютъ среди площади и влекутъ въ судъ безъ всякаго разбора. Поэтому господа, вмѣстѣ съ слугами своими, сидятъ въ домахъ своихъ, какъ связанные. Кто схваченъ? Кто посаженъ въ темницу? Кто сегодня наказанъ? Какъ и какимъ образомъ? Вотъ о чемъ только и вывѣдываютъ и спрашиваютъ они у всякаго, у кого только можно узнать безопасно. Они влачатъ жизнь, которая жалче всякой смерти: принуждены каждый день оплакивать чужія бѣдствія, трепещутъ за собственную безопасность, и ничѣмъ не лучше мертвыхъ, потому что сами давно умерли отъ страха. А если бы кто, свободный отъ этого страха и безпокойства, и захотѣлъ выйти на площадь, то печальный видъ ея тотчасъ прогналъ-бы его домой: онъ увидѣлъ бы, что тамъ, гдѣ, за нѣсколько дней предъ симъ, людей было болѣе, нежели волнъ въ рѣкѣ, бродитъ одинъ, много два человѣка, и то съ поникшимъ лицемъ и въ глубокомъ уныніи. Теперь все то многолюдство исчезло. Непріятенъ видъ лѣса, въ которомъ вырублено множество деревьевъ, или головы, во многихъ мѣстахъ лишенной волосъ: такъ и нашъ городъ, когда меньше стало въ немъ людей и только немногіе появляются тамъ и здѣсь, сдѣлался скучнымъ и на всѣхъ, кто ни посмотритъ на него, наводитъ густое облако скорби. И не только городъ, самый воздухъ и даже свѣтлый кругъ солнца, кажется, теперь помра-

чился скорбію и сдѣлался темнѣе не потому, чтобы измѣнилось свойство стихій, но потому, что наши глаза, помраченные облакомъ печали, не могутъ ясно и съ прежнею легкостію принимать свѣтъ солнечныхъ лучей. Теперь сбылось, что нѣкогда оплакивалъ Пророкъ: *зайдетъ* для нихъ *солнце въ полудне и померкнетъ въ день* (Ам. 8, 9). А это сказалъ онъ не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ скрылось солнце и померкъ день, но потому, что скорбящіе, по причинѣ мрака печали, не могутъ видѣть свѣта даже въ полдень. Это и случилось теперь: куда-бы кто ни посмотрѣлъ, на землю-ли, на стѣны ли, на столпы-ли города, или на своихъ ближнихъ, вездѣ онъ, кажется, видитъ ночь и глубокій мракъ. Такъ все исполнено печали! Вездѣ страшное молчаніе и пустота; исчезъ пріятный шумъ многолюдства; городъ такъ безмолвенъ, какъ будто всѣ жители скрылись подъ землю; всѣ стали похожи на камни; уста, связанныя бѣдствіемъ, какъ оковами, хранятъ такую глубокую тишину, какъ будто напали враги и вдругъ истребили всѣхъ огнемъ и мечемъ. Прилично теперь сказать: *призовите плачевницъ, и пріидутъ, и къ женамъ мудрымъ послите, и да вѣщаютъ* (Іер. 9, 17). Пусть очи ваши истощаютъ воду и рѣсницы ваши прольютъ слезы. Плачьте холмы и рыдайте горы. Призовемъ всю тварь сострадать нашимъ бѣдствіямъ. Городъ столь великій, глава восточныхъ городовъ, находится въ опасности быть изглаженнымъ съ лица вселенной; имѣвшій много чадъ, теперь вдругъ сдѣлался безчаднымъ и некому помочь, потому-что оскорбленъ тотъ, кому нѣтъ на землѣ равнаго: онъ — царь, верхъ и глава всѣхъ живущихъ на землѣ. И потому прибѣгнемъ къ Царю небесному; Его призовемъ на помощь: если не получимъ милости свыше, то намъ не остается никакого утѣшенія въ бѣдствіи.

Я хотѣлъ-было окончить здѣсь слово, потому что души скорбящія не любятъ продолжительныхъ рѣчей. Какъ черная туча, ставъ на пути солнечныхъ лучей, обращаетъ назадъ весь блескъ ихъ: такъ и облако печали, когда станетъ передъ нашею душой, не даетъ свободнаго прохода слову, но подавляетъ его и съ великимъ насиліемъ удерживаетъ внутри. И это бываетъ не только съ проповѣдниками, но и съ слушателями, потому что печаль какъ не позволяетъ слову свободно изливаться изъ души говорящаго, такъ не даетъ ему упадать, съ свойственною ему силою, на сердца слушателей. Поэтому и іудеи, удрученные *бреніемъ и плинѳодѣланіемъ* (Исх. 1. 14), не могли слушать Моисея, когда онъ часто и много говорилъ имъ объ ихъ избавленіи (6, 9), потому что печаль преграждала слову путь къ ихъ душѣ и закрывала у нихъ слухъ. Потому и я хотѣлъ окончить здѣсь слово, но подумалъ, что облако не всегда только пресѣкаетъ путь солнечнымъ лучамъ, но часто и само подвергается обратному дѣйствію; потому что солнце, постоянно усиливающеюся теплотою своею разряжая облако, часто расторгаетъ его въ самой срединѣ, и тогда, вдругъ просіявши, предстаетъ во всемъ свѣтѣ предъ наши взоры. Это же я надѣюсь сдѣлать сегодня, надѣюсь, что слово, постоянно бесѣдуя съ вашими душами и долго пребывая въ нихъ, расторгнетъ облако печали и освѣтитъ ваши мысли обычнымъ наставленіемъ. Предайте же мнѣ ваши души, приклоните на нѣкоторое время вашъ слухъ; отбросьте печаль; возвратимся къ прежнему обычаю; и какъ привыкли мы всегда быть здѣсь съ благодушіемъ, такъ и теперь сдѣлаемъ, возложивъ все на Бога. Это послужитъ намъ и къ прекращенію бѣдствія, потому что когда Онъ увидитъ, что мы со вниманіемъ слушаемъ Его слово и въ самое бѣдственное время не оставляемъ любомудрія, то скоро подастъ намъ помощь и сдѣлаетъ благую перемѣну и тишину въ настоящей бурѣ. Христіанинъ долженъ и тѣмъ отличаться отъ невѣрныхъ, чтобы все переносить благодушно и, окрыляясь надеждою

будущаго, воспарять на высоту, недосязаемую для человѣческихъ бѣдствій. На скалѣ стоитъ вѣрный, и потому недоступенъ ударамъ волнъ. Пусть воздымаются волны искушеній: онѣ не достигнутъ до его ногъ; онъ стоитъ выше всякаго такого навѣта. Не упадемъ же духомъ, возлюбленные! Не столько мы заботимся о своемъ спасеніи, сколько сотворившій насъ Богъ; не столько мы печемся, чтобы не потерпѣть какого-либо бѣдствія, сколько Тотъ, кто даровалъ намъ душу и за тѣмъ еще даетъ такое множество благъ. Окрылимъ себя такою надеждою и будемъ съ обычною ревностію слушать, что имѣетъ быть сказано. Недавно предлагалъ я вашей любви пространную бесѣду и видѣлъ, что всѣ слѣдовали за мною и никто не воротился съ половины дороги. Благодарю васъ за такое усердіе: въ немъ получилъ я награду за труды. Но тогда же просилъ я у васъ еще и другой награды; вы, думаю, знаете это и помните. Какой же награды? Наказать и вразумить богохульниковъ, находящихся въ нашемъ городѣ, обуздать оскорбляющихъ Бога и безчинствующихъ. Не думаю, чтобы я сказалъ тогда это отъ себя; но самъ Богъ, предвидящій будущее, вложилъ въ мою душу такія слова. И если бы мы наказали тѣхъ, которые такъ дерзко поступили: теперь не случилось-бы того, что случилось. Если уже надобно было подвергаться опасности, то не лучше ли было бы потерпѣть что нибудь, вразумляя и обуздывая этихъ людей (что принесло-бы намъ и вѣнецъ мученичества), нежели теперь бояться, трепетать и ожидать смерти изъ-за ихъ безчинства? Вотъ преступленіе сдѣлано не многими, а вина пала на всѣхъ. Вотъ всѣ мы изъ-за нихъ теперь въ страхѣ и за оказанную ими дерзость сами терпимъ наказанія! Но если бы мы предварительно изгнали ихъ изъ города, или вразумили, и исцѣлили больной членъ, то не подверглись бы настоящему страху. Знаю, что жители нашего города издавна отличаются благороднымъ нравомъ, и что нѣкоторые только пришельцы и бродяги, нечестивцы и злодѣи, отчаявшіеся въ своемъ спасеніи, рѣшились на такую дерзость. Поэтому я непрестанно взывалъ къ вамъ и настаивалъ: «укротимъ неистовство богохульниковъ, образумимъ ихъ, позаботимся о ихъ спасеніи, хотя бы это стоило намъ жизни; великую награду принесетъ намъ такой подвигъ; не допустимъ, чтобы нанесено было оскорбленіе общему Владыкѣ; городу приключится великое несчастіе, если мы оставимъ это безъ вниманія».

Такъ я предсказывалъ, такъ и случилось теперь, и мы за эту безпечность терпимъ наказаніе. Ты не обратилъ вниманія на то, что оскорбляешь Бога,— и вотъ Онъ попустилъ, чтобы нанесено было оскорбленіе царю и чтобы всѣмъ намъ угрожала крайняя опасность, и такимъ образомъ въ настоящемъ страхѣ мы получили наказаніе за это нерадѣніе. Напрасно ли и безъ причины ли я предсказывалъ и постоянно тревожилъ вашу любовь? И однакожъ успѣха не было; по крайней мѣрѣ теперь пусть будетъ иначе: умудрившись настоящимъ бѣдствіемъ, обуздаемъ безчинную наглость этихъ людей; заградимъ имъ уста, заключимъ, какъ смертоносные источники, и обратимъ въ противную сторону: тогда прекратятся бѣдствія, постигшія городъ. Церковь не зрѣлище, чтобы въ ней слушать намъ для одного удовольствія; изъ нея выходить должно съ назиданіемъ, съ какимъ-нибудь важнымъ пріобрѣтеніемъ; вотъ какъ должно выходить отсюда! Напрасно и попусту приходимъ сюда, если, получивъ только на время наставленіе, выйдемъ безъ всякой отъ него пользы. Что мнѣ за выгода въ этихъ рукоплесканіяхъ? Что въ похвалахъ и восклицаніяхъ? Для меня будетъ похвалой то, если вы своими дѣлами оправдаете всѣ мои слова. Тогда я счастливъ и блаженъ, когда вы со всѣмъ усердіемъ будете не принимать, но исполнять все, что отъ меня услы-

шите. Пусть каждый исправляетъ своего ближняго, потому что сказано: *созидайте кійждо* другъ друга (1 Сол. 5, 11). Если же мы не станемъ дѣлать этого, то преступленіе каждаго будетъ наносить общій и тяжкій вредъ всему городу. Вотъ и теперь, хотя мы и не принимали участія въ преступленіи дерзкихъ людей, однакожъ не менѣе ихъ поражены страхомъ и трепещемъ, чтобы всѣхъ насъ не постигъ гнѣвъ царя. И намъ нельзя сказать въ извиненіе: я не былъ при этомъ, не зналъ, не участвовалъ. За это-то самое, говорятъ, ты и долженъ быть наказанъ и осужденъ по всей строгости, что ты не былъ при томъ, не воспрепятствовалъ, не удержалъ безчинныхъ, не подвергъ себя опасности за честь царя. Ты не участвовалъ въ дерзости виновныхъ? Хвалю это и одобряю; но ты не воспрепятствовалъ тому, что случилось, а это достойно осужденія. Такія же слова мы услышимъ и отъ Бога, если будемъ молчать въ то время, когда противъ Него раздаются хулы и поношенія. Закопавшій талантъ (Матѳ. 25, 25—30) осужденъ не за то, что онъ сдѣлалъ какое-нибудь преступленіе, потому что онъ возвратилъ весь залогъ въ цѣлости, а за то, что не увеличилъ его, не научилъ другихъ, что не отдалъ серебра купцамъ, т. е. не наставилъ, не посовѣтовалъ, не удержалъ, не исправилъ своихъ ближнихъ—безчинныхъ грѣшниковъ: вотъ за что онъ безъ всякой пощады преданъ тяжкому наказанію! Но если не прежде, по крайней мѣрѣ, теперь вы позаботитесь — я твердо увѣренъ — о такомъ исправленіи и не допустите, чтобы Богъ подвергался оскорбленію. Если бы къ этому никто не убѣждалъ, то уже случившееся достаточно можетъ убѣдить самыхъ безчувственныхъ позаботиться о своемъ спасеніи.

Но уже время мнѣ предложить вамъ обычную трапезу изъ словъ Павла: и мы возьмемъ и предложимъ всѣмъ нынѣ чтенное изреченіе. Что же сегодня было читано? *Богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати* (Тим. 6, 17). Сказавъ: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ*, онъ показалъ, что есть и другіе богатые—будущаго вѣка. Таковъ былъ Лазарь, нищій въ настоящей жизни и богатый въ будущей, — богатый не золотомъ, серебромъ и тому подобными гибнущими и преходящими вещами, но тѣми неизреченными благами, *ихъ же око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9); потому что истинное богатство и изобиліе состоитъ въ благахъ непреходящихъ и неподверженныхъ никакой перемѣнѣ. Но не такъ былъ богатъ презрѣвшій Лазаря; напротивъ, онъ сталъ бѣднѣе всѣхъ, такъ что въ послѣдствіи просилъ капли воды, но и ея не могъ получить: до такого крайняго дошелъ убожества! Апостолъ для того наименовалъ богатыхъ нынѣшняго вѣка, чтобы ты зналъ, что здѣшнее изобиліе оканчивается съ настоящею жизнію и не простирается далѣе, не переходитъ въ другую жизнь вмѣстѣ съ своими обладателями, но часто оставляетъ ихъ еще прежде смерти. На это самое и онъ указываетъ, говоря: *ниже уповати на богатство погибающее* (1 Тим. 6, 17). Подлинно, какъ часто говорилъ я и не перестану говорить, нѣтъ ничего столь ненадежнаго, какъ богатство: это бѣглецъ неблагодарный, рабъ невѣрный; наложи на него тысячу цѣпей, онъ уйдетъ и съ цѣпями. Владѣльцы часто запирали его замками, затворяли дверями и приставляли къ нему стражами рабовъ; но оно, обольстивъ самихъ рабовъ, убѣгало вмѣстѣ съ своими стражами, увлекая ихъ съ собою, какъ цѣпь, и такимъ образомъ самая стража ни къ чему не служила. Что же можетъ быть ненадежнѣе богатства? что жалче тѣхъ, которые такъ заботятся о немъ? Они всѣми силами стараются собирать то, что такъ скоро погибнетъ и исчезнетъ, и не слушаютъ, что говоритъ Пророкъ: горе *надѣющимся на силу свою и о множествѣ богатства своего хвалящимся* (Псал.

48, 7). Почему-же, скажи, горе? *Сокровиществуетъ*, говоритъ онъ, *и не вѣсть, кому соберетъ я* (Псал. 38, 7): трудъ очевиденъ, а наслажденіе неизвѣстно. Часто ты трудишься и мучишь себя для враговъ; часто, послѣ твоей смерти, твое достояніе переходитъ къ тѣмъ, которые наносили тебѣ обиды и строили тысячи козней, и вотъ тебѣ достались одни грѣхи, а наслажденіе другимъ!

Но надобно разсмотрѣть и то, почему Апостолъ не сказалъ: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ* заповѣдывай не обогащаться, заповѣдывай обнищать, заповѣдывай растратить имѣніе, а сказалъ: *запрещай не высокомудрствовати*. Зналъ онъ, что гордость есть корень и основаніе богатства, и что кто умѣетъ жить скромно, тотъ не станетъ много заботиться о богатствѣ. И для чего, скажи мнѣ, ты окружаешь себя многими рабами, тунеядцами, ласкателями и всѣми другими знаками пышности? Конечно, не по нуждѣ, а по одной гордости, чтобы чрезъ это показаться важнѣе другихъ людей. Съ другой стороны Апостолъ зналъ, что богатство не запрещено, если кто употребляетъ его для своихъ нуждъ. Не вино зло, какъ говорятъ, а пьянство: такъ точно не богатство—зло, а любостяжаніе и сребролюбіе. Иное дѣло сребролюбецъ, и иное богачъ. Сребролюбецъ не есть богачъ; сребролюбецъ во многомъ нуждается, а нуждающійся во многомъ никогда не можетъ быть въ изобиліи. Сребролюбецъ есть стражъ своего имѣнія, а не владѣлецъ; рабъ, а не господинъ. Для него легче отдать кому-либо часть своего тѣла, нежели удѣлить сколько-нибудь изъ закопаннаго золота. Онъ съ такою заботливостію хранитъ свое сокровище, какъ будто ему строго запретилъ кто даже дотрогиваться до этого клада, и бережетъ свое, какъ чужое. И въ самомъ дѣлѣ, это чужое; потому что какъ можетъ онъ считать своимъ то, чего никакъ не рѣшится раздѣлить съ другими и дать бѣднымъ, хотя бы потерпѣлъ тысячу наказаній? Какой-же это владѣлецъ имущества, когда не употребляетъ его и не пользуется имъ? Кромѣ-того, Апостолъ не всѣмъ все заповѣдуетъ, но снисходитъ къ немощи слушателей, какъ и Христосъ дѣлалъ. Тому богачу, который пришелъ и бесѣдовалъ съ Нимъ о жизни вѣчной, не сказалъ Онъ: *иди, продаждь имѣніе твое* (Матѳ. 19, 21); но, оставивъ это, говорилъ ему о другихъ заповѣдяхъ. Потомъ, когда тотъ спросилъ Его: *что есмь еще не докончалъ* (ст. 20), и тогда не просто сказалъ: *продаждь имѣніе твое*, но: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое*: предоставляю это твоему произволу, даю тебѣ власть самому избрать, не ставлю тебя въ необходимость. Поэтому и Павелъ говорилъ богачамъ не о бѣдности, но о смиренномудріи, какъ по немощи слушателей, такъ и потому, что зналъ совершенно, что скромность скоро заставитъ ихъ отказаться отъ гордости и заботы о богатствѣ. Заповѣдавъ не высокомудрствовать, онъ научилъ и тому, какимъ образомъ могутъ они не высокомудрствовать. Какимъ же это образомъ? Если узнаютъ свойство богатства, какъ оно ненадежно и невѣрно. Поэтому онъ и сказалъ далѣе: *ниже уповати на богатство погибающее* (1 Тим. 6, 17). Богатъ не тотъ, кто пріобрѣлъ много, но тотъ, кто много роздалъ. Авраамъ былъ богатъ, но не былъ сребролюбивъ, потому что не заглядывалъ въ чужой домъ, не любопытствовалъ о чужомъ имѣніи, но, выходя изъ своего дома, смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ странника, нѣтъ ли гдѣ нищаго, чтобы помочь нищетѣ и принять путника. Не подъ золотымъ кровомъ жилъ онъ, но, поставивъ кущу у дуба, довольствовался тѣнію листьевъ; и жилище его было столь великолѣпно, что даже Ангелы не стыдились остановиться у него, потому что искали не дома великолѣпнаго, но души добродѣтельной.

Будемъ, возлюбленные, и мы подражать Аврааму, и раздѣлимъ, что есть у насъ, съ бѣдными. То жилище было

самое простое, но оно сдѣлалось блистательнѣй царскихъ дворцовъ. Ни одинъ царь никогда не принималъ у себя Ангеловъ, а онъ удостоился такой чести, сидя подъ дубомъ и поставивъ кущу; не за простоту жилища онъ былъ почтенъ, но получилъ такой даръ за красоту души и за сокрытое въ ней богатство. Будемъ же и мы украшать не домы, но, прежде домовъ, души свои. Да и какъ не стыдно украшать мраморомъ стѣны безъ нужды и безъ пользы, и допускать, чтобы Христосъ ходилъ среди насъ безъ одежды! Что тебѣ, человѣкъ, въ домѣ! Умирая, развѣ ты возьмешь его съ собою? Нѣтъ, не возьмешь; а душу непремѣнно возьмешь. Вотъ теперь постигла насъ такая опасность: пусть же помогутъ намъ домы, пусть избавятъ насъ отъ грозящей опасности; но они не могутъ сдѣлать этого! Свидѣтели тому вы, которые совсѣмъ оставляете ихъ и убѣгаете въ пустыню, страшась ихъ, какъ сѣтей и западни. Пусть помогаютъ теперь деньги: но онѣ ничего не значатъ. Если же деньги безсильны и противъ гнѣва человѣческаго, то тѣмъ болѣе на божественномъ и неподкупномъ судѣ. Если теперь, когда мы оскорбили и разгнѣвали человѣка, золото нисколько не помогаетъ намъ, то тѣмъ болѣе безсильно будетъ оно, когда разгнѣвается Богъ, не имѣющій нужды въ деньгахъ. Мы строимъ домы, чтобы въ нихъ жить, а не тщеславиться ими. Все, что сверхъ нужды—излишне и безполезно. Надѣнь обувь, которая больше ноги, и она обезпокоитъ тебя, потому что будетъ препятствовать тебѣ идти: такъ и домъ, болѣе обширный, чѣмъ нужно, препятствуетъ идти къ небу. Ты хочешь строить великолѣпные, обширные домы? Не запрещаю, только строй не на землѣ; построй обители на небесахъ, въ которыхъ бы могъ ты и другихъ принять,— обители, которыя никогда не разрушатся. Почему ты съ такимъ неистовствомъ гонишься за тѣмъ, что убѣгаетъ и остается здѣсь? Нѣтъ ничего обманчивѣе богатства: оно сегодня съ тобою, а завтра противъ тебя; оно со всѣхъ сторонъ вооружаетъ противъ тебя завистливые глаза; это непріятель, живущій подъ однимъ съ тобою кровомъ; это врагъ домашній. Свидѣтели этому вы, которые владѣете имъ и всячески закрываете и скрываете его: и нынѣ вѣдь богатство же увеличиваетъ для насъ тяжесть бѣдствія. Ты видишь, какъ легки, ничѣмъ не связаны и на все готовы бѣдные, и какъ, напротивъ, богатые испытываютъ множество затрудненій, ходятъ туда и сюда, и ищутъ гдѣ-бы зарыть свое золото, ищутъ у кого бы его положить. Зачѣмъ ищешь, человѣкъ, подобныхъ тебѣ рабовъ? Вотъ Христосъ готовъ принять и сохранить, что ты ни ввѣришь Ему, и не только сохранить, но и умножить и возвратить съ большею прибылью. Изъ Его руки никто не похищаетъ; Онъ не только сберегаетъ тобою ввѣренное Ему, но и освобождаетъ тебя отъ неразлучныхъ съ этимъ безпокойствъ. Люди, принявъ на сохраненіе наше богатство, думаютъ, что оказали намъ услугу, если сберегаютъ принятое: Христосъ, напротивъ, говоритъ, что когда принялъ Онъ отъ тебя богатство, то не Онъ тебѣ, но ты Ему оказалъ услугу, и за свою заботливость, съ какою Онъ сохраняетъ твое сокровище, не требуетъ отъ тебя награды, но Самъ тебя награждаетъ.

Итакъ какого заслуживаемъ мы извиненія, какого прощенія, когда оставляемъ Того, кто и можетъ сохранить наше достояніе, и за сохраненіе умѣетъ быть благодарнымъ, и воздаетъ неизреченныя и великія награды, а вручаемъ свою собственность слабымъ блюстителямъ—людямъ, которые думаютъ, что этимъ оказываютъ намъ услугу, и возвращаютъ намъ въ послѣдствіи только то, что получили отъ насъ? Ты здѣсь странникъ и пришлецъ; твое отечество на небесахъ: переложи туда все, чтобы, еще прежде тамошняго наслажденія, и здѣсь получить тебѣ награду. Кто питается благими надеждами и съ увѣренностію ожидаетъ будущаго, тотъ

уже и здѣсь вкусилъ царствія небеснаго; потому что ничто столько не услаждаетъ и не усовершаетъ душу, какъ благая надежда на будущее,—если т. е. туда переложишь ты свое богатство и съ надлежащимъ усердіемъ позаботишься о собственной душѣ. Заботящіеся только объ украшеніи своего дома, богатые только внѣшними благами, не радятъ о внутреннихъ благахъ и не обращаютъ вниманія на то, что душа ихъ пуста, нечиста и покрыта паутиной. Но если, презрѣвъ внѣшнее, они всю свою заботливость обратятъ на душу свою и будутъ украшать ее со всѣхъ сторонъ: душа такихъ людей сдѣлается жилищемъ Христовымъ. А что можетъ быть блаженнѣе того, въ комъ живетъ Христосъ? Хочешь ли быть богатымъ? Найди себѣ друга въ Богѣ и будешь богаче всѣхъ. Хочешь быть богатымъ? Не будь высокомѣренъ; это полезно для жизни не только будущей, но и настоящей. Ничто такъ не возбуждаетъ зависть, какъ человѣкъ богатый; а если еще присоединится гордость, то открываются предъ нимъ двѣ пропасти и всѣ объявляютъ ему жесточайшую войну. Если же ты съумѣешь вести себя скромно, то своимъ смиренномудріемъ отнимешь силу у зависти и безопасно будешь владѣть своимъ имѣніемъ. Таково свойство добродѣтели, что она не только полезна намъ для будущаго, но и здѣсь доставляетъ уже награду. Не будемъ же гордиться богатствомъ и ничѣмъ другимъ. Если падаетъ и погибаетъ надмевающійся духовными совершенствами, то тѣмъ болѣе тѣлесными. Подумаемъ о своей природѣ, размыслимъ о своихъ грѣхахъ, познаемъ, кто мы — и это будетъ для насъ достаточнымъ побужденіемъ къ смиренномудрію. Не говори мнѣ: «у меня лежатъ доходы, собранные во столько-то и столько лѣтъ, — тысячи талантовъ золота, прибытки, возрастающіе съ каждымъ днемъ». Все, что ты ни скажешь, скажешь напрасно и попусту. Часто все это улетаетъ изъ дома въ одинъ часъ и въ краткое мгновеніе времени, подобно какъ легкій прахъ поднимается вверхъ отъ дуновенія вѣтра. Такихъ примѣровъ полна жизнь наша, и Писаніе наполнено ученіемъ объ этомъ. Сегодня богатый, завтра бѣденъ. Поэтому я часто смѣялся, читая въ завѣщаніяхъ: «такой-то пусть владѣетъ полями, или домомъ, а другой пусть ими пользуется». Всѣ мы пользуемся, а владѣть никто не можетъ; потому что, если бы богатство и оставалось при насъ во всю жизнь, не испытавъ никакой перемѣны, но при смерти, волею или неволею, мы уступимъ его другимъ, и такимъ образомъ, только попользовавшись имъ, отойдемъ въ ту жизнь, потерявъ надъ нимъ всякую власть. Отсюда видно, что только тѣ владѣютъ богатствомъ, которые и употребленіемъ его не дорожатъ и наслажденіе имъ презираютъ. Кто отказался отъ своего имущества и роздалъ его нищимъ, тотъ воспользовался имъ какъ должно и сохранитъ власть надъ нимъ при переходѣ и въ другую жизнь; и не только не лишится своего стяжанія во время самой смерти, но все, и даже гораздо больше, получитъ тогда, когда особенно нужна будетъ имъ помощь — въ день суда, и когда всѣ мы должны будемъ дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Итакъ, кто хочетъ и пріобрѣсть богатство, и пользоваться и владѣть имъ, тотъ пусть откажется отъ всего имѣнія; такъ какъ не сдѣлавшій этого неминуемо оставитъ оное во время смерти, а часто еще и прежде смерти потеряетъ съ безчисленными опасностями и бѣдствіями. И тяжко не только то, что такая перемѣна происходитъ вдругъ, но и то еще, что богачу приходится терпѣть нищету, не приготовившись къ ней. Не такова участь нищаго. Онъ *уповаетъ* не на золото и серебро, эти бездушныя вещества, *но на Бога, дающаго все обильно* (1 Тим. 6, 17). Такимъ образомъ состояніе богатаго болѣе сомнительно, нежели бѣднаго, потому что оно подвержено частымъ и непрерывнымъ перемѣнамъ.

*

Что же значатъ слова: *дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе?* Богъ въ изобиліи подаетъ намъ все, что гораздо нужнѣе денегъ, какъ-то: воздухъ, воду, огонь, солнце и все подобное. Нельзя сказать, что богатый наслаждается лучами солнца болѣе, а бѣдный менѣе; нельзя сказать, что богатый болѣе вдыхаетъ воздуха, чѣмъ бѣдный; но все это дано въ равной мѣрѣ всѣмъ. Для чего же Богъ сдѣлалъ общимъ то, что важнѣе и необходимѣе, отъ чего зависитъ наша жизнь; а то, что маловажнѣе и ничтожнѣе, не составляетъ общей собственности — разумѣю деньги? Для чего? чтобы жизнь наша была обезпечена и мы имѣли поприще для добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если бы необходимое не было общимъ, быть можетъ, богатые, по обычному любостяжанію, подавили-бы нищихъ; потому что, если они это дѣлаютъ въ разсужденіи денегъ, то чего не сдѣлали-бы въ разсужденіи тѣхъ благъ. Опять, если-бы и деньги были общими и всѣмъ равно принадлежали, не было-бы случая къ милостыни и повода къ благотворительности.

Итакъ, чтобы намъ можно было жить безопасно, для этого общимъ у насъ сдѣлано все, отъ чего зависитъ наша жизнь; а чтобы намъ имѣть случай заслужить вѣнцы и похвалы, для этого деньги не сдѣланы общими, дабы мы, отвращаясь любостяжанія и любя правду, и раздавая свое имѣніе нуждающимся, могли такимъ способомъ получать нѣкоторое облегченіе въ своихъ грѣхахъ. Богъ сдѣлалъ тебя богатымъ: зачѣмъ же ты самъ дѣлаешь себя бѣднымъ? Богъ сдѣлалъ тебя богатымъ для того, чтобы ты помогалъ нуждающимся, чтобы своего щедростію къ другимъ искупалъ собственные грѣхи; далъ тебѣ богатство не для того, что бы ты заперъ его на свою погибель, но чтобы расточилъ для своего спасенія. Для того Онъ и самое обладаніе богатствомъ сдѣлалъ невѣрнымъ и непостояннымъ, чтобы и чрезъ это самое ослабить безумную страсть къ оному. Если владѣющіе богатствомъ — и теперь, когда не могутъ положиться на него, а напротивъ, видятъ, что оно порождаетъ множество опасностей,—воспламеняются такою страстію къ нему, то кого-бы они пощадили, если бы еще богатство имѣло и эти качества — постоянство и неизмѣнность? Кого-бы не коснулись? Какой вдовы, какихъ сиротъ, какихъ нищихъ?

Итакъ, не будемъ почитать великимъ благомъ богатство: великое благо — не деньги нажить, но стяжать страхъ Божій и благочестіе. Вотъ теперь, если бы кто-нибудь былъ праведникъ и имѣлъ великое дерзновеніе къ Богу: онъ, хотя-бы былъ бѣднѣе всѣхъ людей, могъ-бы прекратить настоящія бѣдствія; довольно было-бы только воздѣть руки къ небу и призвать Бога—и туча эта прошла-бы. А между тѣмъ лежитъ столько золота и оно меньше всякой грязи способствуетъ къ прекращенію постигшаго насъ бѣдствія! Но не только въ настоящей опасности, и тогда, когда постигаетъ насъ болѣзнь, или смерть, или другое что-нибудь подобное открывается, какъ ничтожна сила денегъ, и какъ онѣ не могутъ сами по себѣ доставить намъ никакого утѣшенія въ несчастіи! Однимъ только богатство, по-видимому, превосходитъ бѣдность,—тѣмъ, что даетъ возможность каждый день веселиться и вкушать много удовольствій на пирахъ. Но это случается видѣть и за столомъ бѣдныхъ; они даже наслаждаются бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ всѣ богатые. Не изумляйтесь и не почитайте странностію слова мои; я объясню вамъ это свидѣтельствами самого опыта. Всѣ вы, конечно, увѣрены и согласны въ томъ, что удовольствіе на пирахъ зависитъ обыкновенно не отъ свойства блюдъ, но отъ расположенія пирующихъ. Напримѣръ: кто садится за столъ проголодавшись, для того и самая простая пища будетъ пріятнѣе всякихъ припасовъ, сластей и разныхъ лакомствъ.

Напротивъ, кто идетъ къ столу, не имѣя потребности въ пищѣ и предупреждая чувство голода, какъ это дѣлаютъ богатые: тотъ, хотя-бы нашелъ на столѣ самыя любимыя блюда, не почувствуетъ удовольствія, потому-что въ немъ еще не пробудился позывъ на пищу. А что это дѣйствительно такъ, тому и вы всѣ свидѣтели; а вотъ и Писаніе говоритъ то же самое: *душа въ сытости сущи сотамъ ругается: души же нищетнѣй и горькая сладка являются* (Притч. 27, 7). Что можетъ быть слаще сота и меда? Но и онъ, говоритъ, не доставляетъ удовольствія тому, кто не голоденъ. А что непріятнѣе горькаго? но и оно бываетъ сладко для живущихъ въ нуждѣ. А что бѣдные приступаютъ къ пищѣ не иначе, какъ почувствовавъ потребность въ ней и голодъ, а богатые не ожидаютъ такого побужденія, это извѣстно всякому: отъ того богатые и не вкушаютъ настоящаго и чистаго удовольствія. Это самое бываетъ не только въ разсужденіи пищи, но и въ разсужденіи питія: какъ тамъ голодъ производитъ удовольствіе, независимо отъ свойства пищи, такъ и здѣсь жажда обыкновенно дѣлаетъ питіе самымъ пріятнымъ, хотя бы это была простая вода. И на это самое указываетъ Пророкъ, когда говоритъ: *отъ камене меда насыти ихъ* (Псал. 80, 17). Но мы нигдѣ не читаемъ въ Писаніи, чтобы Моисей извелъ изъ камня медъ, а вездѣ находимъ, что онъ извелъ рѣки, воды, прохладные источники. Что же значатъ эти слова? Писаніе не говоритъ же неправды. Когда жаждущіе и истомленные нуждою нашли холодные источники, Пророкъ, желая представить пріятность этого питья, назвалъ медомъ воду не потому, чтобы природа ея превратилась въ медъ, но потому, что расположеніе пившихъ сдѣлало эти источники слаще меда. Понялъ ты, какъ и питіе обыкновенно дѣлается сладкимъ отъ расположенія жаждущихъ? Такъ и бѣдные, послѣ труда и утомленія, палимые жаждою, пьютъ простую воду съ вышесказаннымъ удовольствіемъ; а богатые и тогда, какъ пьютъ вино сладкое, благовонное и имѣющее всѣ качества хорошаго вина, не чувствуютъ подобнаго удовольствія.

То же самое можно замѣтить и въ отношеніи ко сну. Не мягкая постель, не посребренное ложе, не тишина въ спальнѣ и не другое что-либо подобное дѣлаетъ сонъ сладкимъ и спокойнымъ, но трудъ, усталость и привычка ложиться спать, когда сильно клонитъ ко сну и нападаетъ дремота. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и опытъ, а еще прежде опыта, приговоръ Писанія. Соломонъ, жившій всегда въ удовольствіи, желая показать это самое, сказалъ: *сонъ сладокъ работающему, аще мало или много сњьсть* (Еклес. 5, 11). Почему онъ присовокупилъ: *аще мало или много сњьсть?* Потому, что и то и другое—и голодъ и пресыщеніе обыкновенно производятъ безсонницу: голодъ, изсушая тѣло, производя отвердѣніе въ рѣсницахъ и не давая имъ сомкнуться; пресыщеніе, стѣсняя и подавляя дыханіе и порождая множество болѣзней. Но таково благотворное дѣйствіе трудовъ, что рабъ можетъ спать въ томъ и другомъ случаѣ, въ голодѣ и пресыщеніи. Цѣлый день бѣгая повсюду на службѣ своимъ господамъ, подвергаясь побоямъ, перенося усталость и нисколько не отдыхая, рабы получаютъ достаточную за такія безпокойства и труды награду въ пріятномъ снѣ. И это—дѣло человѣколюбія Божія, что удовольствія покупаются не золотомъ и серебромъ, а трудомъ, работою, нуждою и всякимъ любомудріемъ. Не такъ у богатыхъ: лежа на своихъ постеляхъ, они часто проводятъ въ безсонницѣ цѣлую ночь и, не смотря на множество ухищреній, не вкушаютъ пріятнаго сна. А бѣднякъ, окончивъ дневные труды, съ усталыми членами, еще прежде чѣмъ упадаетъ въ постель, погружается въ глубокій, сладкій и правильный сонъ и въ немъ получаетъ немалую награду за свои праведные труды.

Итакъ если бѣдный и спитъ, и ѣстъ, и пьетъ съ большимъ удовольствіемъ, нежели богатый, то какую послѣ этого имѣетъ цѣну богатство, когда оно не доставляетъ и того, въ чемъ только, повидимому, и состоитъ его преимущество предъ бѣдностію? Поэтому и вначалѣ Богъ наложилъ на человѣка трудъ, не въ наказаніе и мученіе, но для вразумленія и наученія его. Адамъ, когда жилъ безъ трудовъ, ниспалъ изъ рая; но Апостолъ, когда провождалъ жизнь труженическую и тягостную, *въ трудѣ и подвизѣ*, какъ самъ онъ говоритъ, *нощь и день дѣлая* (2 Сол. 3, 8), взошелъ въ рай и восхищенъ на третіе небо. Не будемъ охуждать трудъ, не будемъ пренебрегать работою; потому что отъ нихъ мы получаемъ, еще прежде царствія небеснаго, величайшую награду—сопровождающее ихъ удовольствіе, и не только удовольствіе, но — что еще важнѣе удовольствія — самое цвѣтущее здоровье. Богатыхъ, кромѣ лишенія этого удовольствія, постигаютъ многія и болѣзни; а бѣдные не впадаютъ въ руки врачей. Если иногда они и подвергаются недугамъ, то скоро и возстановляютъ себя, будучи далеки отъ всякой нѣги и имѣя здоровое тѣлосложеніе. Бѣдность — великое стяжаніе для тѣхъ, которые мудро переносятъ ее: это—сокровище некрадомое, жезлъ несокрушимый, пріобрѣтеніе неутратимое, убѣжище безопасное. Но бѣднаго, говорятъ, угнетаютъ? За то богатый подверженъ гораздо большимъ навѣтамъ. Бѣднаго презираютъ и обижаютъ: богатому завидуютъ. Одолѣть бѣднаго не такъ легко, какъ богатаго, потому что послѣдній со всѣхъ сторонъ представляетъ къ этому случаи, какъ діаволу, такъ и коварнымъ людямъ, и бываетъ рабомъ всѣхъ, по великому множеству дѣлъ. Имѣя надобность во многихъ лицахъ, онъ принужденъ многимъ льстить и угождать съ большимъ раболѣпствомъ; но бѣднаго, если онъ благоразумно ведетъ себя, не можетъ одолѣть и діаволъ. Іовъ и прежде былъ крѣпокъ, а когда лишился всего, тогда сдѣлался еще могущественнѣе и одержалъ надъ діаволомъ блистательную побѣду. Бѣдный даже не можетъ быть и обиженъ, если онъ ведетъ себя мудро; и что я сказалъ объ удовольствіи въ пищѣ,— что оно зависитъ не отъ роскошныхъ явствъ, а отъ расположенія ядущихъ,—то же говорю и объ обидѣ, что обида состоится или не состоится не по желанію наносящихъ ее, но по расположенію тѣхъ, которые терпятъ обиду. Например: тебѣ нанесъ ктонибудь обиду тяжкую и нестерпимую? Если ты посмѣялся надъ этою обидою, не принялъ къ сердцу оскорбительныхъ словъ: ты сталъ выше удара,—не обиженъ. Если бы у насъ было адамантовое тѣло, то, хотя бы со всѣхъ сторонъ сыпались на насъ тысячи стрѣлъ, мы не чувствовали бы ударовъ, потому что раны происходятъ не отъ руки, пускающей стрѣлы, а отъ свойства тѣлъ, подверженныхъ страданію. Такъ и здѣсь: обиды и униженія, соединенныя съ обидами, состоятся не отъ злобы обижающихъ, но отъ слабости обижаемыхъ. Если бы мы были мудры, то могли бы и не обижаться и не чувствовать никакихъ оскорбленій. Тебя обидѣлъ кто нибудь, но ты не почувствовалъ обиды и не опечалился? Такъ ты не обиженъ: напротивъ, скорѣе ты поразилъ, чѣмъ самъ пораженъ. Когда обидѣвшій видитъ, что его ударъ не достигаетъ до души оскорбляемыхъ имъ, тогда самъ онъ сильно терзается; и какъ обижаемые молчатъ, то ударъ обидъ самъ собою обращается назадъ и несется на того, кѣмъ онъ посланъ.

Итакъ, возлюбленные, будемъ во всемъ любомудрыми и бѣдность нисколько не можетъ повредить намъ; она даже принесетъ величайшую пользу и сдѣлаетъ насъ славнѣе и богаче всѣхъ богачей. Кто, скажи мнѣ, былъ бѣднѣе Иліи? Но потому онъ и превзошелъ всѣхъ богачей, что былъ такъ бѣденъ, что и самую бѣдность избралъ по богатству своей души. Онъ возлюбилъ та-

кую бѣдность потому, что все обиліе богатства ставилъ ниже своей высокой души и почиталъ недостойнымъ своего любомудрія. Если бы онъ цѣнилъ высоко настоящія блага, то имѣлъ-бы не одну милоть; но онъ такъ пренебрегалъ всей настоящей суетой и смотрѣлъ на золото какъ на попираемую персть, что, кромѣ той одежды, не пріобрѣлъ ничего болѣе. Потому и царь нуждался въ этомъ нищемъ, и имѣвшій столько золота съ жадностію ловилъ слова того, кто не имѣлъ ничего, кромѣ милоти. Столько милоть блистательнѣе была порфиры, и пещера праведника величественнѣе царскихъ чертоговъ! Поэтому, и возносясь на небо, онъ не оставилъ своему ученику ничего, кромѣ милоти. «Съ нею», говорилъ онъ, «я сражался съ діаволомъ; съ нею и ты вооружайся противъ него; нестяжательность есть оружіе крѣпкое, убѣжище неодолимое, столпъ незыблемый». Елисей и принялъ милоть какъ величайшее наслѣдіе; и дѣйствительно это было величайшее наслѣдіе, драгоцѣннѣйшее всякаго золота. И съ того времени Илія сдѣлался сугубымъ: былъ Илія на небѣ и Илія на землѣ. Знаю, что вы ублажаете сего праведника и что каждый изъ васъ желалъ бы быть такимъ, какъ онъ. Но что, если докажу вамъ, что всѣ мы, участвующіе въ таинствахъ, получили нѣчто другое несравненно большее? Илія оставилъ ученику милоть, а Сынъ Божій, возносясь, оставилъ намъ свою плоть. Илія остался безъ милоти, а Христосъ и намъ оставилъ плоть свою, и съ нею же вознесся. Не будемъ же упадать духомъ, не будемъ сѣтовать, не будемъ бояться тяжкихъ временъ: что откажется сдѣлать для нашего спасенія Тотъ, Кто не отрекся пролить за всѣхъ насъ свою кровь, и далъ намъ плоть и ту же самую кровь свою? Воодушевляясь такими надеждами, будемъ непрестанно взывать къ Нему и возсылать молитвы и моленія; будемъ со всѣмъ усердіемъ заботиться о всякой добродѣтели, чтобы и избѣгнуть настоящихъ опасностей и достигнуть будущихъ благъ, чего да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ слава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

79. Слово на погребеніе Бецкаго.

Итакъ мужъ, исполненный долготою дней, скончался вмалѣ! Рука приближенныхъ закрыла хладными вѣждями померкшій на вѣки взоръ его. Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. Признательность начертаетъ на камени имя его. Чувствительное сердце ороситъ слезою гробницу его... И симъ-ли свершилось воздаяніе тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ престолу, отечеству, свѣту? Потомство соплететъ ему вѣнецъ хвалы? Но глава, увядшая подъ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанія возвѣстятъ дѣла его? Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшій къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнутъ въ честь его мѣдь или мраморъ? Но подъ тяжестію сего изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ маніемъ преклонила въ мирѣ уснуть и почить.

Боже великій! для сего-ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сію отцовъ и матерей, дабы только родиться и умереть? Что жъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ, или предъ мравіемъ, издыхающимъ подъ погою путника скоротечнаго? Богоподобная добродѣтель! для сего-ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душею, всею крѣпостію силъ и самою жизнію, дабы, собравъ всеобщія хвалы дань, оставить ее у отверстія гроба? Но и сего стяжанія не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.

Свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ; но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнца-

ми, ибо не можемъ украсить ее нетлѣнными. Такъ! самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности!

Добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено-ли оно къ Богу? На немъ изображено исполненіе всѣхъ тѣхъ отношеній, каковыми разумная тварь обязана къ своему Создателю. Обращено-ли оно къ человѣку? На немъ сіяютъ сіи сердечныя мысли: се ближній мой! я люблю его, яко самого себя. Обращено-ли оно на грудь свою? На немъ зрится напечатлѣнно вниманіе къ собственнымъ и достоинствамъ и обязанностямъ своимъ: азъ есмь церковь Бога живаго, прославлю Бога и въ душѣ и въ тѣлеси своемъ. Добродѣтель и во свѣтѣ просвѣщенія тѣмъ сіятельнѣе; она блистательна и среди мрака заблужденій. Зерцало ея есть солнце или, паче, Богъ; да будетъ истина и правда ея яко полудне, яко совершенства Бога. Она величественна въ порфирѣ; она и въ рубищахъ любезна. Преславна подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на нивѣ при ралѣ. Достохвальна во храмѣ у священнаго алтаря; благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшенъ-ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предпріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ Виновнику бытія, дабы повергнуться предъ Нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божія, дабы прославить премудрость Его. Познаетъ совершенства Господа своего, дабы имѣть ихъ основаніемъ и закономъ жизни. Любитель мудрости уже есть нѣчто большее, нежели человѣкъ, который иногда предъ очами высокомѣрія является презрѣннѣе праха; но когда при мудрости сіяетъ душа его красотою добродѣтели, не есть-ли онъ, яко ангелъ Божій?

Воодушевлено ли добродѣтелію сердце? Тогда желанія его непорочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбіе безъ лицепріятія, искренность безъ лести, благотворенія безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ; мирно, яко утренняя заря. Его страсти не раздираютъ, не влекутъ въ плѣнъ рабства чувственныя прелести. Не намъ, не намъ токмо таковое сердце любезно: оно обращаетъ на себя взоръ Сердцевѣдца. Небесная нѣкая радость и неизобразимое удовольствіе суть или знаменіемъ присутствующаго уже въ немъ Божества, или вѣстниками приближенія Его по обѣщанію: ***Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ***, глаголетъ Спаситель.

Сопутствуетъ-ли добродѣтель по степенямъ счастія, на которое возводитъ промыслъ Вышняго? Тогда власть и могущество для прибѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть яко матернія крылія для птенцовъ невосперенныхъ. Тогда богатство и изобиліе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою. Тогда слава есть торжественный примѣръ или мужества, коего трепещетъ не меньше высокомѣрный врагъ, какъ и лукавый порокъ; или великодушія, столь же терпѣливо переносящаго удары напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды; или ревности къ вѣрѣ и закону; или вѣрности къ отечеству и любви къ государю. Сіи опыты добродѣтели не суть плодъ воображенія и мечты.

Воскресите, воскресите въ памяти вашей тѣхъ мужей, кои были красотою и утѣшеніемъ человѣческаго рода. Всевышній хранилъ ихъ яко зѣницу ока и для добродѣтелей ихъ усугублялъ благословенія Свои въ людяхъ. Онъ, взирая на нихъ, преклонялся долготерпѣніемъ и къ тѣмъ, кои служили идолу порока, кои достойны были Его праведнаго пораженія. Вообразите и нынѣ, въ теченіе сея нашея жизни, въ нашемъ отечествѣ, въ россійстѣй церкви, во градѣ семъ и въ семъ, безъ сомнѣнія, храмѣ находящихся, кои красотою души и сердца своего, кра-

сотою дѣяній своихъ плѣняютъ сердца и души наши. Мы съ радостію жертвуемъ имъ удивленіемъ, любовію, благодарностію, прославленіемъ, ибо принесть другой жертвы не можемъ. Такъ ужели мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра ко престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства Его и на землѣ для служенія Ему сооружающая духовный алтарь, мысль, обтекающая во едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣки и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Уже-ли тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Господня погаснетъ, подобно смертному факелу? Ужели то сердце, украшенное благостію и правдою, истиною и святостію, кротостію и человѣколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ, пожерто будетъ тлѣніемъ? Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя исчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта? Для сего-ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такой степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Для сего-ли хвалимся носити образъ предвѣчнаго Создателя нашего, дабы содѣлаться тѣмъ вожделѣннѣйшею добычею все чувственное поглощающей смерти? Гдѣ же тѣ обѣщанія евангельскія: *Вѣруяй въ Мя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 47)? Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горести и несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность не по страху человѣческому, ни для похвалъ внѣшнихъ? гдѣ вѣра? гдѣ законъ? гдѣ праведный Богъ? Что чувствовалъ тогда порфироносный пророкъ, когда, разсматривая сустность гибнущихъ удовольствій, сказалъ: *Азъ правдою явлюся лицу Твоему, Боже! насыщуся, внегда явитимися славѣ Твоей* (Псал. 16)? Какою надеждою столь живо, столь несомнительно былъ воодушевленъ божественный апостолъ, когда произнесъ: *Дерзаемъ и благоволимъ паче отъити отъ дѣла и внити ко Господу?* Откуда та радость, съ которою страдальцы святые послѣднее испускали дыханіе, вѣщая: *Боже! въ руцѣ Твои предаю духъ мой*! И мы, благочестивые христіане! мы не речемъ-ли съ апостоломъ Павломъ: *Аще въ животѣ семъ не точію уповающи есми во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣковъ есмы?*

По понятію, какое имѣли ненаказанные еще во дни Соломона, что съ тѣломъ, обратившимся въ пепелъ, и *духъ разліется, яко мягкій воздухъ* (Прем. Сол. 2. 3), по сему немилосердому и вмѣстѣ богохульному понятію, что была-бы жизнь наша, какъ не время проклинать день рожденія своего и оплакивать будущее свое исчезновеніе? О таковой кончинѣ праведника не воздохнутъ-ли небеса, гдѣ душа его полагала отечество свое? Не возстенаетъ-ли вѣчность, которыя блаженствомъ уже преднаслаждалось сердце его? По сему понятію Богъ нѣсть Богъ живыхъ и мертвыхъ.

Упоенный прелестями нечестія и разврата порокъ! онъ-то плѣннику своему льститъ конечнымъ бытія разрушеніемъ. По его внушеніямъ, вѣчность—мечта, ибо всѣ удовольствія его остаются по сю сторону гроба. Онъ, восхищая иногда временное достояніе добродѣтели, мнитъ быти честность и правоту ея суетными, и тщетными всѣ подвиги ея. Дѣламъ, совершаемымъ изъ любви Бога и Его закона, остаться безъ воздаянія есть то же, что душѣ богоподобной обратиться въ ничто. Если-бы праведнику за подвиги его, кои онъ сѣетъ иногда при толикихъ озлобленіяхъ, орошаетъ нерѣдко толь многими слезами, предоставлено было собирать здѣсь на землѣ воздаяній жатву: то возмогъ-ли бы кто лишить его принадлежащаго ему права? Злымъ зло, благо добрымъ: истина сія вѣчна. Гдѣ-же она воздѣйствуетъ во всей силѣ, когда жизнь сія есть брань, гдѣ побѣда нерѣдко остается на противной сторонѣ? Судъ Бога нѣсть яко же судъ человѣка. *Азъ*, глаголетъ Господь, *Азъ воздамъ*

комуждо по дѣломъ его (Iерем. 17. 10). Есть Богъ, Богъ праведный. Воздаяніе добродѣтели въ руцѣ Его. Оно столь-же нетлѣнно, какъ безсмертная душа; столь же велико, сколь благъ мздовоздаятель Господь. Такъ мужъ, исполненный небесныхъ надеждъ, совершивъ подвиги благіе, возлегаетъ съ веселіемъ на смертный одръ! Святая вѣра разсыпаетъ весь тотъ страхъ, отъ котораго не можетъ не содрогаться сердце, воображающее, кто есть Богъ и какая къ Нему обязанность человѣка. Онъ оставляетъ память о себѣ въ имени и дѣлахъ: въ имени, написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живота; въ дѣлахъ, увѣнчанныхъ небесною славою. Если память его можно по достоинству почтить на землѣ, то подражаніемъ жизни его, взирая на кончину его. Добродѣтель не преселяется во страну вѣчности, не напечатлѣвъ красными стопами на мѣстѣ бытія своего любезнѣйшихъ слѣдовъ.

Такъ!...И гдѣ почившаго нынѣ сего знаменитаго мужа, предлежащаго въ сей гробницѣ, въ семъ храмѣ, предъ очами нашими, гдѣ душа его не ознаменовала доброты своей? Священная память временъ отца отечества, Петра Великаго, есть началомъ бытія его, яко человѣка, и жизни его, яко сына отечества; тридесять пятый годъ благословеннаго царствованія премудрыя Екатерины II, матери нашея, есть предѣломъ девятидесятилѣтняго теченія дней его. Сіи едины, толь великія, толь высокознаменитыя во вселенной эпохи уже дѣлаютъ періодъ жизни его достопримѣчательнымъ. Но при благородномъ сердцѣ, при нѣжномъ чувствованіи честнаго и похвальнаго, при свѣтѣ любомудрія божественнаго и человѣческаго, при мудромъ правленіи толь великихъ скипетровъ, стяжалъ онъ и по личнымъ достоинствамъ право на общее отъ всѣхъ уваженіе къ особѣ своей. Кто сидящаго на престолѣ человѣколюбія исполнилъ ревностно волю призрѣть на несчастныхъ сиротъ, повергаемыхъ на распутіи? — Онъ. Кто во храмѣ художествъ, воздвигнутомъ мудростію, пекущеюся о просвѣщеніи подчиненныхъ, поспѣшествовалъ усердно намѣреніямъ ея, соблюлъ свято ея уставы? — Онъ. Кого великая монархиня, при изліяніи щедротъ своихъ на новое учрежденіе и распространеніе воспитанія благороднаго юношества обоего пола, удостоила быть правителемъ?—Его. Кому высочайше благоволила повѣрить смотрѣніе надъ сооруженіемъ безсмертнаго памятника Петру Первому Екатерина Вторая?—Ему. Нева, гордясь красотою береговъ, свидѣтельствуетъ о тщаніи его къ исполненію велѣній монаршихъ. Его любовь къ человѣчеству не щадила иждивеній, не болящимъ токмо подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. Сколько воспитанниковъ запечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія! Великая государыня благоволила наконецъ, при многихъ знакахъ отличностей, украсить его собственнымъ его изображеніемъ: такъ онъ былъ подобенъ себѣ въ намѣреніяхъ, въ совѣтахъ, въ благоразуміи, въ некорыстолюбіи, въ вѣрности, въ любви къ отечеству и законамъ.

Боже праведный! Боже спасителю! у Тебе мѣрило нашихъ дѣлъ. Къ Тебѣ, яко Создателю своему, восходитъ духъ, когда мертвенное жилище его разрушается. Тебѣ любезна добродѣтель, ибо Ты святъ: упокой душу раба Твоего, болярина Іоанна, идѣже праведные водворяются.

Анастасій.

80. Слово на текстъ:

Тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною? (Матѳ. 26. 40).

Когда сей небесный Учитель скончавалъ теченіе Свое и считалъ уже жизнь Свою часами: то на прощаніи съ учениками, которыхъ возлюбилъ до послѣднихъ минутъ, сдѣлавши все на сей случай потребное, сказавши имъ все грядущее на Него, поручивши ихъ Богу

и Отцу, ободривши сердца ихъ надеждою, пожелалъ, чтобъ трое отъ нихъ были свидѣтелями послѣднихъ подвиговъ Его; чтобъ они поглядѣли на исходъ Его и на всю борьбу сердца Его со страхами смертными и тамъ увидѣли бы въ Немъ истиннаго человѣка въ дѣлѣ смерти, какъ видѣли въ Немъ истиннаго Сына Божія въ дѣлахъ жизни Его. Чѣмъ же лучше ученики могли доказать любовь, вѣрность, честь, повиновеніе, подобострастіе, скорбь и жалость свою Учителю своему, хотя бы и не были притомъ рабы Господа своего, какъ не спмъ, чтобъ въ страшномъ часѣ семъ отдали Ему очи, уши, руки, сердце свое: очи совозводя съ Нимъ на небо, ушима внимая вопіенію Его, руками подъемля падающаго на землю, сердцемъ соболѣзнуя, соприсутствуя, сочувствуя во всемъ? Симъ-бы они исполнили послѣдній долгъ свой предъ Нимъ. Но все вышло иное, все противное тому! Имъ спать хотѣлось въ часъ сей, они раздремались, они очей тереть не хотѣли, они отдыхать легли. Приходитъ нѣсколько разъ отъ молитвы Своея Учитель и Господь къ соннымъ, пробуждаетъ, увѣщаваетъ ихъ къ молитвѣ и бдѣнію, увѣщаваетъ не предаваться безпечности, разслабленію, небреженію; говоритъ: *тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною?* Слушаютъ, но худо отвѣчаютъ, не встаютъ, спятъ и заставляютъ Господа сказать: *спите прочее и почивайте* (Матѳ. 26. 45). О страшная немощь плоти, влекущая, гдѣ позволено, духъ во угожденіе и рабство себѣ, могущая лишить духъ бодрости, возвышенія, сіянія и всего изящества его и творящая духъ плотскимъ и подлымъ! О бремя, не дающее душѣ воззрѣть ни на какое обстоятельство и предостеречь себя ни на малый часъ! Сонному нѣтъ нужды ни до чего: все умерло ему, всему умеръ онъ. Умирай, небесный Учитель, мы спать хотимъ! Любезенъ Ты намъ, но мы любезнѣе себѣ. Спите жъ! а между тѣмъ исполнится пророческое слово о Христѣ: *ждахъ соскорбящаго и не бѣ, утѣшающаго и не обрѣтохъ*. Слушатели! бывало, Іисусъ нашъ говоритъ ученикамъ: *а яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю;* то и мнѣ кажется посему, что Спаситель нашъ, видя въ сонныхъ ученикахъ насъ, а въ насъ сонныхъ учениковъ Своихъ, и нынѣ говоритъ намъ: *тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною?* Что бы значило сіе, я о семъ говорить хочу.

Тако ли? Вы, что нареклись именемъ Моимъ, отреклись торжественно отъ неправды, пошли по стопамъ Моимъ, клялись Мнѣ вѣрностію до смерти, клялись все презрѣть для Меня—и самую смерть, клялись готовы быть и стоять противу всякой силы, которая изгнать Меня изъ вашего сердца покусилась-бы, клялися во всѣхъ дѣлахъ взирать на вѣчность и по тому взиранію располагать мысли, желанія, слова, дѣла и цѣлую жизнь вашу, питомцы Мои, ученики Мои, други Мои, чада Отца небеснаго, братія Мои, царствія вѣчнаго наслѣдники, сонаслѣдники Мои, христіане! *Тако ли* не подвизаетеся въ подвизѣхъ вѣры? Я избралъ васъ и отдѣлилъ васъ отъ міра, чтобъ вы ветхому сему, обветшавающему въ злобахъ своихъ послужили ко обновленію примѣромъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, да видятъ добрыя дѣла ваша и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. 5. 16). Я не скрылъ отъ васъ ничего; Я объявилъ вамъ всѣ тайны царствія, всѣ благоволенія Отца Моего о спасеніи вашемъ; Я открылъ вамъ самократчайшій путь къ милосердію Его; Я жилъ для васъ, чтобъ вамъ благотворить, чтобъ учинить васъ мудрыми, во спасеніе благомыслящими, благожелательными, искренними, святыми, счастливыми, Моими; Я умиралъ, чтобъ доказать вамъ наисильнѣйше любовь Мою; умираю, чтобъ вы жили вѣчно, познавъ истину Мою, что Я за васъ жертва. Я въ мукахъ и смерти Моей не требую у васъ ничего; не защищайте Меня ножами! *Возврати ножъ твой въ мѣсто его*, поборникъ Мой! *Пріемши бо ножъ*

ножемъ погибнутъ (Матѳ. 26. 52). *Не плачите Мене, дщери Іерусалимскія, плачите себѣ и чадъ вашихъ!* не жалѣйте крови Моей: она пролита вами, она пролита за васъ! не цѣлуйте ранъ, когда даете Мнѣ новыя: не требовалъ того у прежнихъ учениковъ Моихъ, не требую у васъ. Я требую у всѣхъ васъ той любви, чтобы вы глядѣли на кротость Мою, съ которою умираю Я за васъ, на любовь Мою, которую, умирая, храню Я къ самымъ врагамъ и убійцамъ Моимъ, на слезы Мои, которыя, умирая, лью, чтобъ испросить у Отца Моего все нужное вашимъ душамъ, на множество мукъ Моихъ, на ужасъ и свирѣпство смерти Моей, на невинность Мою, на терпѣніе Мое, на истину ту, которую предсказалъ Я вамъ, что *на сіе родихся и на сіе пріидохъ*, да грѣховъ вашихъ Судію сотворю вамъ человѣколюбивымъ Отцемъ, да истощу Себе, ослаблю, сотру, истощу силы смерти и крѣпость адову, да не трепещете, умирая и отходя въ путь вѣчности, да утѣшу васъ духомъ Моимъ, да укрѣплю васъ въ безсиліи и скорби вашей, да васъ и тьмы народовъ въ торжество вѣчное введу. Внимайте точію, кѣмъ доселѣ, не отъ христіанъ-ли распинаюсь Я! Вы нужны тутъ себѣ; не дремлите, не предавайтеся унынію, не спите, будьте вѣрны и полезны до конца себѣ. Буря страшная пришла на Меня; но смотрите, чтобъ не разсѣяла васъ. Страшная совершиться хотятъ, не вознерадите! Адъ обратилъ силы свои на Меня: блюдите, да не будетъ кому нападеніе. Небо въ солнцѣ, земля въ камняхъ и мертвецахъ даютъ вамъ чувствовать страхъ и трепетъ свой, сонмы духовъ небесныхъ мятутся; Отецъ естества и вѣковъ открываетъ *предуставленное время*, которое и спасаемые и погибающіе христіане узрятъ; злость человѣковъ хочетъ сразиться съ Богомъ; дѣла вниманія достойныя представляются вашимъ очамъ: блюдите! *тако ли возмогосте?* Сонъ одолѣваетъ васъ; но страхъ, но печаль, но вѣрность, но правда, но должность, но совѣсть, но законъ, но наказаніе, но стыдъ должны пробудить васъ. Вижу Я немощь вашу; но больше нерадѣнія вашего о напастяхъ грядущихъ на васъ вижу. Не хочете идти противу себе и противу желаній запрещенныхъ: идите вы, дремлете дважды. Дремлютъ очи ваши, когда грѣхъ окружаетъ васъ; но *воздрема и душа ваша отъ унынія*, когда наивящшему быть подобало вниманію, когда дѣло имѣете съ смертію. *Тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со мною?*

Что до апостоловъ на сей случай относится, самое краткое время требовалось у нихъ для вниманія, осторожности, молитвы, бдѣнія при кончинѣ Христовой; а что до насъ касается, не скучно-ли, не тягостно-ли цѣлую жизнь противиться мыслямъ, сердцу, волѣ, чувствамъ, склонностямъ, страстямъ, прелестямъ, силѣ міра, силѣ смертной, силѣ адовой! Но воззримъ на двѣ страшныя бездны временъ: одни времена и вѣки проходили, покуда мы не пришли на свѣтъ, другіе пройдутъ, когда мы пойдемъ съ свѣта: все прежде было, все послѣ будетъ безъ насъ. Много-ли же мы захватили времени для себя? Много-ли точекъ пребыванія на явленіе наше въ свѣтѣ досталось? Девять темныхъ мѣсяцевъ въ утробѣ матерней жили мы; нѣсколько темныхъ лѣтъ въ дѣтствѣ; нѣсколько въ достиженіи къ уму; нѣсколько во тракѣ суетъ, обуявшихъ и сердце, новоявленный разумъ нашъ провелъ; а всѣ лѣта въ недоумѣніяхъ, сомнѣніяхъ, невѣдѣніи, ошибкахъ, грѣхахъ, заблужденіяхъ, страстяхъ, напастяхъ, печаляхъ и раскаяніи прошли, пролетѣли, исчезли. Много-ли же мы Богу, правдѣ и себѣ по настоящему жили? Сравнивши вѣчность, бывшую прежде свѣта, вѣки, протекшіе съ свѣтомъ, но безъ насъ, и вѣчность, грядущую по смерти нашей, сравнивши съ нашими днями, велику-ли долю или часть дни наши составятъ? А въ долѣ сей, вычисливши мрачные для ума и совѣсти дни, много-ли будетъ въ остаткахъ истин-

ной жизни? часъ, которымъ заслуживается счастливая или безчастная вѣчность, часъ, котораго въ руки взять не умѣемъ, часъ, въ которомъ живемъ, осужденные на смерть, и ждемъ, скоро-ли поспѣетъ наша кончина, часъ, который измѣряемъ отъ дохновенія одного до дуновенія втораго, будучи въ безконечной и непреоборимой неизмѣримости,—возвратится-ли намъ наше дыханіе! *Тако ли не возмогосте единаго часа пободрти со мною*? Скорбію единаго часа купить вѣчную радость; трудами, воздержаніемъ, щедротами, смиреніемъ, молитвами, терпѣніемъ, слезами единаго часа обрѣсти счастливую вѣчность! Долго-ли исполнить волю Мою, поуспокоить совѣсть свою, поберечь себя отъ лести, грѣха, отъ соблазновъ свѣта, подкрѣпиться противу слабости, склонности, сердца, чувствъ, воображенія? Долго-ли пободрствовать въ званіи пастыря, судіи, отца, друга, мужа, сосѣда и прочихъ, и пойти во гробъ съ совѣстію благонадежною, съ дерзновеніемъ сыновнимъ къ вѣчному Отцу? Чтожъ выиграли тѣ, кои непрестанно дѣлали противу совѣсти и наконецъ понесли бремя дѣлъ злыхъ за собою въ вѣчность? Если бы Я оставилъ васъ вамъ на вашу мудрость, силу, попеченіе, меньше-бы вы виновны были. Но вы *во Мнѣ живете, движетеся, есте*: Я храню, укрѣпляю, въ объятіяхъ Моихъ грѣю васъ. Моя премудрость назначена для наполненія вашихъ умовъ, Моя сила для усиленія вашей немощи, Моя благость и изліяніе крови Моей для недостатковъ вашей добродѣтели, Мое провидѣніе для блюденія васъ во всякое время, на всякомъ мѣстѣ; Я весь для васъ,—удобно, сносно, пріятно, спасительно. Все сіе, слушатели, говоритъ намъ совѣсть, Евангеліе, духъ истины, Богъ.

О Господи нашъ, Іисусе нашъ! къ Тебѣ обращеніе наше! Если ты насъ отринешь, кто жъ насъ пріиметъ? Если Ты намъ не поможешь, кто жъ поврежденію глубокому нашихъ сердецъ будетъ врачъ? Не можемъ-ли, не хочемъ-ли *единаго часа* употребить на спасеніе наше? Не дай погибнуть созданію Твоему, душамъ, купленнымъ кровію Твоею! Не дай смѣяться врагу душъ надъ погибелью бѣдныхъ! Ибо погибнуть не хочемъ, хотя и все достойное погибели сотворили. При созданіи свѣта вся *Тобою быша и безъ Тебе ничто же бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 2); при обновленіи душъ безъ Тебя и Духа Твоего ничего быть не можетъ спасительнаго. О сильный, о благій естественно! сотвори, чтобъ могли мы, чтобъ хотѣли мы быть на стражѣ спасенія нашего! Даждь славу имени Твоему, творящій великая! Спаси таковыхъ, каковы мы, просимъ, припадаемъ къ Тебѣ, молимъ Тебя, вручаемся Тебѣ. *Аминь.*

Леванда.

81. Слово при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ.

Смерть есть общій всѣхъ человѣковъ жребій. Но умереть за вѣру, за царя, за отечество есть подвигъ, исполненный безсмертія и славы. Герой, вооружающійся для защищенія святыни, имъ почитаемой, ради спасенія соплеменныхъ своихъ, любезенъ и великъ предъ очами Божіими и человѣческими, — и *память его во благословеніихъ* (Іисуса сына Сирах. 45. 1).

Какая брань можетъ сравниться съ тою ужасною бранію, которая въ сей день россійскихъ воиновъ покрыла славою на поляхъ Бородинскихъ? Гордый и ненасытный завоеватель кровавый мечъ свой внесъ уже во внутренность отечества нашего, уже разрушилъ древнюю твердыню, уже достигъ предѣловъ той счастливой области, гдѣ возноситъ златые верхи свои первопрестольная, величественная, священная столица россійской державы. Восхищенный успѣхами, онъ воскликнулъ: еще шагъ — и Москва падетъ къ ногамъ нашимъ. Но что жъ? Посѣдѣвшій во бранѣхъ вождь

противопоставляетъ ему твердыню крѣпче мѣди и мрамора; противопоставляетъ ему собственную опытность, благоразуміе и мужество; противопоставляетъ вѣрность и храбрость воиновъ, имъ предводительствуемыхъ. Засверкали мечи, загремѣли громы, всколебался воздухъ, потряслися сердца горъ: *крѣпкая Моавля пріятъ трепетъ*. Самый врагъ, который заставляетъ все трепетать предъ собою, вострепеталъ, и неустрашимый устрашился, и непобѣдимый отчаялся въ побѣдѣ. Вселенная, взирая на сіе кровавое позорище, познала могущество и храбрость Россовъ; гадая, она рекла въ сердцѣ своемъ: рано-ли, поздно-ли, кроткій Давидъ побѣдитъ гордаго Голіаѳа. Поля Бородинскія! откуда безчисленные холмы сіи, которые доселѣ не покрывали васъ? Не могилы-ли избіенныхъ враговъ, стремившихся разрушить Россійское царство и подъ развалинами оныхъ погребсти блаженство наше? Чѣмъ наполнены пространныя нѣдра ваши? Не костями-ли злодѣевъ нечестивыхъ, хотѣвшихъ истребить вѣру отцевъ нашихъ? *Тьмы темъ падоша иноплеменныхъ, и сокрушишася оружія бранная* (2 кн. Пар. 1. 27).

Но ахъ! въ семъ, толь славномъ для воинства нашего сраженіи, сколь великія потери претерпѣли мы сами! Сколько погибло опытныхъ и мощныхъ воиновъ! Сколько благороднаго дворянства еще въ цвѣтѣ юности, подобно нѣжной розѣ, увяло отъ громовъ сея кровопролитныя брани! Сколько пало или уязвено искусныхъ и мужественныхъ вождей! Храбрый Багратіонъ! и твои геройскіе подвиги кончились на поляхъ Бородинскихъ!

Православные воины, положившіе животъ свой за вѣру, за царя, за отечество! кіими похвальными вѣнцы увяземъ васъ? Какія почести воздадимъ безсмертнымъ подвигамъ вашимъ? Какую жертву благодаренія и признательности принесемъ? Защитники Церкви и отечества, *возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни въ вѣрѣ и вѣрности, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучистеся, паче орловъ легцы и паче львовъ крѣпцы* (2 кн. Цар. 1. 23). Такъ, пали они отъ ударовъ врага, но гласъ крове ихъ, яко гласъ крове Авелевой, возопіялъ отъ земли, умоляя Господа силъ объ отмщеніи. Такъ, ихъ пламенное рвеніе и мужество не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и сынъ нечестія плѣнилъ столицу: съ мечемъ и пламенникомъ вошелъ въ достояніе Господне и осквернилъ храмъ святый Его; но силы его уже были ослаблены, лукъ преломленъ, щитъ сокрушенъ. Пораженные врагомъ положили начало того ужаснаго пораженія, которое ожидало его самого. Среди пламени, пожиравшаго градъ сей, смущаемый страхомъ, терзаемый злобою, онъ, яко Каинъ, трясся и трепеталъ. Наконецъ, гонимый свыше, предался постыдному бѣгству, и вои его, колесницы, тристаты его погрязли въ пучинахъ снѣжныхъ. *Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса* (Псал. 76. 14 и 15).

И такъ много потеряло отечество во брани сей, но можно-ли цѣнить то, что оно пріобрѣло? Сею жестокою битвою спасена цѣлость государства, сохранено величіе и слава народа, возвращена безопасность и тишина, и гордый Фараонъ познать, что Россіяне суть языкъ избранный, людіе Божіи, и Россія есть страна, покровительствуемая Небомъ.

Сколь убо ни велики потери наши, утѣшимся, прекратимъ стенанія, отремъ слезы!—Но ахъ! нѣжная супруга, гдѣ отецъ милыхъ дѣтей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ полей Бородинскихъ; онъ тамъ—и дѣти твои сироты. Прижми ихъ къ сердцу своему, ороси слезами, онъ тамъ—да почіетъ съ миромъ почтенный прахъ его! Ты разлучилась съ нимъ навѣки, но любовь его къ тебѣ и дѣтямъ перешла съ нимъ въ вѣчность. Небесный Отецъ будетъ отцемъ сиротъ твоихъ и утѣшителемъ тебя самой. Отецъ отечества, помазанникъ Господень призритъ на насъ окомъ своея всеобъемлющія благости и милостями своими усладитъ горести ваши,

Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ среди кровавой брани: оплачьте его, но вмѣстѣ и утѣшьтесь тою вѣрою, въ которой вы сами наставляли и утверждали его и словомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ юности, но онъ довольно жилъ для отечества, довольно для чести своей и вашей. Онъ не достигъ высшихъ и знаменитыхъ почестей, но вѣнецъ страдальческій уготованъ ему въ небеси. Онъ не наслѣдуетъ достоянія вашего, но получитъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Святая церковь не престанетъ молить Господа какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ его, да воздастъ имъ за временные труды и язвы животъ вѣчный и блага вѣчная, да пролiетъ имъ источники блаженства небеснаго и увѣнчаетъ славою у Себе Самого.

Земля отечественная! храни въ нѣдрахъ твоихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ; вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ россiйскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсiяетъ заря вѣчности, когда Солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ. Аминь.

Августинъ.

82. Слово при случаѣ присяги избранныхъ по Тульской губернiи судей 1815 года.

Болiй въ васъ да будетъ вамъ слуга (Матѳ. 23. 11).

И почтожъ восходить на высоту честей въ чинѣ общества, и не желать быть у всѣхъ во уваженiи? говоритъ самолюбiе. И почтожъ превозноситься надъ другими, и не обонять ѳимiамъ почтенiя, воскуряемый предъ вознесенными земли? говоритъ честолюбiе. И почтожъ искать мѣста, на которомъ разсыпаютъ дары счастiя, и не наслаждаться ими? говоритъ любостяжанiе. И почтожъ быть вождемъ народа, и не пользоваться отъ народа? судiею, и остаться только съ одною бѣдною правдою? пастыремъ, и отъ млека стада не ясть? бо́льшимъ другихъ, и не требовать, чтобъ тысяча услужливыхъ рукъ и сердецъ раболѣпныхъ готовы были угождать волѣ моей? говоритъ самоугодiе.

Но такъ говорятъ страсти. Послушаемъ, что глаголетъ Тотъ, который *пришелъ, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою избавленiе за многихъ* (Матѳ. 20. 28). *Болiй въ васъ да будетъ вамъ слуга*, вѣщаетъ владыка мiра—Христосъ.

Когда мудрая десница промысла возноситъ избранныхъ отъ людей своихъ, вѣнчаетъ ихъ славою и честiю, препоясуетъ властiю и отличаетъ именами правителей, вождей народа, повелителей, пастырей, яко отличiями благознаменитыми: то не для того-ли, да, облекшись правдою, яко бронею, препоясавшись истиною, яко мечемъ, покрывшись страхомъ Господнимъ, яко шлемомъ, облекутся они во уготованiе благотворити людямъ и благоугодни будутъ предъ Богомъ и человѣки? Какъ! неужели сiи свѣтила водружены на тверди нравственнаго мiра, да не разливаютъ они свѣта и теплоты окрестъ себя, и да вси, приближающiеся къ нимъ не ощутятъ благотворныхъ лучей ихъ? сiи свѣтильницы возжены на свѣщницѣ, да не свѣтятъ никому? сiи грады поставлены верху горы, да не будутъ они прибѣжищемъ утомленному путнику жизни, покровомъ обуреваемому напастей бурею, оградою гонимому звѣрями дивiими, страстями хищными, алчностiю ненасытимою, корыстолюбiемъ всепожирающимъ, неправдою неистощимою во изворотахъ лукавыхъ?

Или добродѣтель должна обитать точiю въ смиренныхъ хижинахъ, а не въ чертогахъ; укрываться подъ рубищами, а не подъ сiянiемъ отличiй знаменитыхъ; быть печатiю низкихъ состоянiй, а не высокихъ? Неужели вознесенные предъ братiею своею и призванные прiяти честь или довѣрiемъ общимъ,

или властію предержащею должны жить уже точію для самихъ себя? Нѣтъ, вы призваны на почтенное дѣло служенія общаго не для того, *да послужатъ вамъ, но послужити*; вамъ даны отъ лица общества преимущества власти, отличія, уваженія, да кійждо въ кругѣ своемъ разливаете толико благъ, коль велика важность служенія, вамъ ввѣреннаго, коль велики достоинства ваши, коль велики преимущества. Сіе размышленіе да предшествуетъ вамъ въ поприщѣ служенія, въ которое вступаете нынѣ.

Быть въ обществѣ отличнымъ предъ другими или мѣстомъ возвышеннымъ, или чиномъ знаменитымъ, или уваженіемъ особеннымъ значитъ быть полезнымъ обществу. Наружныя отличія суть, или по крайней мѣрѣ быть долженствуютъ, знаменіемъ внутреннихъ достоинствъ, добродѣтели, заслугъ. Я вижу мечъ при бедрѣ твоемъ? Вижу—и мню, что ты или, яко воинъ, поражаешь имъ полчища противныхъ, возстающихъ низложить миръ, покой и благо страны твоея, да бѣжатъ отъ лица ея враги ея; или, яко судія, разгоняешь имъ сонмы лукавыхъ, кои, подъ кроткою личиною брата и гражданина, яко звѣри хищные подъ одеждою агнца, устремляются на расхищеніе согражданъ твоихъ; разсѣкаешь имъ сѣти коварства, которыя поставляетъ ухищренная корысть простотѣ неопытной, и сокрушаешь всякій союзъ неправды. Я вижу сіяющія отличія на груди твоей? И вижу въ нихъ или сіяніе добродѣтелей твоихъ, или блескъ талантовъ полезныхъ, или лучи заслугъ знаменитыхъ. Я зрю повелительный жезлъ въ десницѣ твоей? И уразумѣваю, что пасешь ты люди Божія въ преподобіи и правдѣ, смиряешь вознесенный порокъ, ограждаешь притѣсненную добродѣтель. Я зрю тебя посажденна при ногу закона во святилищѣ правосудія? И вѣрую, что судишь людемъ въ правду, изъемлеши обидимаго изъ десницы сильнаго, избавляеши сираго отъ руки грѣшничи, спасаеши добродушную простоту отъ сѣтей корысти алчныя, твориши судъ царевъ, твориши судъ Божій.

На семъ залогѣ ввѣряетъ намъ или общество, или власть предержащая и силу, и могущество, и честь, и отличія, и поставляетъ насъ превыше другихъ.

Такъ свѣтило міра сіяетъ, яко исполинъ, на тверди небесной среди звѣздъ малосвѣтлыхъ, да разливаетъ животворные лучи свои отъ края небесе до края его. Такъ возносятся высокіе кедры надъ быліемъ сельнымъ, да закрываютъ оное отъ зноя палящаго и бурь ревущихъ. Такъ горы Божія возвышаютъ чело свое надъ смиренными долинами, да осѣняютъ ихъ главами своими отъ палящаго солнца и напояютъ пустыни жаждущія водами, на главахъ и въ нѣдрахъ ихъ собираемыми.

Желаніе отличиться предъ другими есть желаніе всеобщее. Червь сей грызетъ сердца и на престолѣ, и въ хижинѣ. Кто не хочетъ быть почтенъ, уваженъ? Завоеватель опустошаетъ землю, разрушаетъ грады и превращаетъ все въ развалины безобразныя, дабы водрузить на нихъ величіе имени своего и трофеи побѣдъ своихъ; убогій, въ рубищѣ своемъ, по крайней мѣрѣ ищетъ отличить себя чѣмъ либо среди собратовъ своихъ, покрытыхъ подобными рубищами. Таково стремленіе сердца восходить выше и выше! Но чтобъ оправдать стремленіе сіе предъ Богомъ и человѣки, надлежитъ исполнить обязанности, къ коимъ призываетъ насъ промыслъ Божій, польза сочеловѣковъ, братій нашихъ, власть предержащая.

Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію, тѣми знаменитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величіями, кои поражаютъ воображеніе,—мечтами величія, нежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели.

Что слышимъ мы? Чтобъ поддержать свое мѣсто, чтобъ сдѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобъ гремѣть своимъ

именемъ, чтобъ быть чиноначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными явствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облачаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ быть украшену отличіями, привлекающими взоры народные, надлежитъ окружать себя ласкателями раболѣпными, кои-бы непрестанно воскуряли кадило самоугодію, надлежитъ обиловать сребромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться!—А добродѣтель? О! вооруженному мечемъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели! А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? О! когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности? Довольно исполнить и обязанность свѣта: быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдать за всѣми столами, не опущать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ посѣщеніе! А дѣла служенія общественнаго? О! ихъ можно утверждать именемъ власти — и не читавши! А творить судъ и милость? Можно, когда сіе входитъ въ разсчетъ власти, выгодъ жизни или уваженія свѣта!

Но обиженные вопіютъ о правосудіи? Пусть вопіютъ они: вопли ихъ можно заглушить силою власти! Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія, слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять, яко воскъ? Но пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только-бы намъ было весело, говорятъ въ свѣтѣ. Но совѣсть, яко стражъ недремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою? О! совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ! Но Богъ, предъ очами котораго *вся нага* и откровенна (Евр. 4. 13), Богъ, *къ которому не приселится лукавнующій* и предъ которымъ *не пребудетъ беззаконнующій* (Псал. 5. 5 и 6)? *О! не взыщетъ!* (Псал. 9. 25). Онъ милосердъ.

Согласимся, братія, что все сіе такъ будетъ: пусть *пути нечестиваго сквернятся* и вкупѣ *оскверняются во всяко время* (Псал. 9. 26), и успѣхи вѣнчаютъ неправду; пусть все течетъ по теченію воли его и исполняется по желанію его сердца; пусть Господь коснитъ судъ Свой, люди полагаютъ перстъ на уста: однакожъ собственная честь его не страдаетъ-ли? Что, ежели возлежитъ онъ на лонѣ безпечности, упоенный чашей утѣхъ, и спитъ сномъ крѣпкимъ, а корабль правленія его влается въ волнахъ и неправдѣ, и безпорядковъ, и неустройствъ, и треволненій бури житейскія?

Учителю, или *нерадиши, яко погибаемъ* (Марк. 4. 38)? вопіяли ученики Іисусовы, когда корабль, несшій ихъ по водамъ Гадаринскимъ, погружался среди сна Его; когда волны морскія, яко горы, готовы были низринуться на нихъ; когда глубина водная разверзлась поглотить ихъ.

Не сей-ли же упрекъ могутъ рещи начальнику безпечному или неправедному сущіе подъ рукою его? *Наставниче!* или нерадиши, яко погибаемъ? Ты утопаешь въ утѣхахъ — мы утопаемъ въ слезахъ; ты пресыщаешься—мы гибнемъ гладомъ; вѣтръ разсѣянія восхищаетъ тебя отъ предмета къ предмету, отъ забавъ къ забавамъ, отъ суеты къ суетѣ,—и сей вѣтръ разсѣянія твоего есть для насъ буря зельная, потопляющая насъ въ волнахъ бѣдъ и страданій! У тебя то столы, то собранія, то веселія, то праздность: а намъ столы твои стоятъ послѣднихъ крупицъ нашихъ; а веселія твои наполняютъ чашу жизни и плачемъ и стенаніемъ! Ты празденъ, а приставники, поставленные тобою или тобою управляемые, не праздны: они бдятъ, неусыпно бдятъ еще восхитити нищаго, обогатиться на счетъ безпомощнаго, умножить сокровища свои корыстію неправедною! *Востани! вскую спиши?* (Псал. 42. 24). Пробудись отъ сна твоего, стани на стражѣ твоей, сотвори судъ и милость, покрой щитомъ правды обидимаго, разрѣши узы невинности страждущія, разсѣки мечемъ истины сѣ-

ти, поставляемыя на судѣ крамолою хитрою и корыстію ненасытимою! *Востани! вскую спиши?* Десница предержащая поставила тебя стражемъ покоя нашего, и мы мнили, что ты не даси очима своима сна и вѣждома дреманія, да мы въ мирѣ уснемъ и почіемъ; власть и могущество, которое видимъ въ рукахъ твоихъ, есть покровъ твердый, подъ которымъ мы должны наслаждаться покоемъ, яко подъ покровомъ отеческимъ; сіяніе славы твоея есть тотъ благотворный свѣтъ, который долженъ согрѣвать насъ, яко лучъ солнца. *Востани! вскую спиши?* Но, ахъ! мы вопіемъ—и ты спиши. Вопли страданія не расторгаютъ глубокій сонъ, въ объятіяхъ коего покоишься ты; очи твои закрыты, и ты не видишь слезъ болѣзни, ліющихся окрестъ тебя, и неправда творится на судѣ, и притѣсняется невинность, и пріемлются лица грѣшниковъ, и алчная корысть собираетъ корысти неправедныя. Ахъ! доколѣ продолжится сонъ сей? Мы полагали въ тебѣ ангела-хранителя круга, ввѣреннаго промышленію твоему; мы полагали, что ты будешь *око слѣпымъ, нога хромымъ, отецъ немощнымъ* (Іов. 29. 15 и 16); *вразумиши безчинныя, утѣшиши малодушныя, заступиши немощныя* (1 Сол. 5. 14), будеши *всѣмъ вся* (1 Кор. 9. 22). Взирая на знаменія владычества, тебя окружающія, на отличія, на тебѣ сіяющія, на довѣріе царево, на уваженіе собратій твоихъ, мы вѣрили, что ты вѣстникъ мира, ангелъ, весь день ополчающійся окрестъ людей Божіихъ, посланникъ отъ престола, имѣющій изглаголать намъ судъ и правду, пастырь по сердцу Божію, по сердцу цареву — и чтожъ должны мы рещи нынѣ? То, что нѣкогда Ааронъ о тельцѣ златомъ: *и ввергохъ злато въ огнь и изліяся телецъ* (Исход. 32. 24).

Наша любовь текла во срѣтеніе тебѣ, наша готовность раздѣлить съ тобою дѣло служенія общаго была предъ очами твоими, наша раболѣпность не коснила, наши ѳиміамы готовы были курить-ся во знаменіе благодарности предъ тобою, наши уста разверсты были, дабы вѣщати хвалы и твоему служенію, и твоей добродѣтели, и твоей ревности во благо общее; одного точію ожидали мы отъ тебя, да *будеши Божій слуга всѣхъ во благое*, — что-же видимъ?... Ахъ! съ прискорбіемъ должны рещи, яко-же и Ааронъ: *ввергохомъ злато во огнь, и изліяся телецъ!*

Правительство мудрое возводило тебя по степенямъ заслугъ отъ чести къ чести, отъ славы къ славѣ, отъ отличія къ отличію, отъ воздаяній къ воздаяніямъ. Оно мнило, что ты будешь приставникъ въ дому царствія его ревностный, пастырь, пасущій стадо, ввѣренное тебѣ, неусыпный, хранитель правды непорочный, блюститель закона неустрашимый, судія безкорыстный; что будеши ты жезлъ въ десницѣ его, наказующій неправды, уста его, глаголющія миръ людемъ, отблескъ благости его, сіяющія на благія; оно мнило, что всѣ, сущіе въ предѣлахъ дѣятельности твоей, десницею скиптроносною тебѣ начертанныхъ, будутъ ублажать жребій свой, яко дѣти, возсѣдящія окрестъ трапезы отеческія,—и чтожъ испытываемъ мы? Ахъ! должны сознаться со Аарономъ, что всѣ надежды сіи повержены, *яко злато* въ пещь, *и изліяся телецъ.*

Общее избраніе сограждanъ, собратовъ твоихъ, единодушно метнуло жребій свой, и жребій паде на тебя, да будешь ты предъ лицемъ яко свѣтило, озаряющее свѣтомъ закона темные и стропотные пути жизни, да совратиши съ распутій порока заблуждающаго, покажеши путь правый слѣпотствующему, отреши рукою состраданія слезу притѣсненнаго, смириши гордыню порока, вознесеши смиренную добродѣтель, разсудиши между правдою и лжею, между немощнымъ и сильнымъ, водвориши миръ и тишину въ семействахъ, спокойствіе во градѣхъ, безопасность въ смиренныхъ весяхъ. Речеши? и речеши устами закона! Повелиши? и повелиши гласомъ отчимъ, а не гласомъ властелина гордаго!

Положиши дѣла ищущихъ суда на вѣсы? и вѣсы преклонятся на страну правды, и злато въ очахъ твоихъ будетъ яко перо предъ тяготою истины! Сего ожидаетъ отъ тебя сословіе собратовъ твоихъ, обувшее нозѣ твои во уготованіе благотворити людямъ ипрепоясавшеетебя мечемъ правосудія. Ахъ! ежели всѣ надежды сіи исчезнутъ яко мечта; ахъ! ежели уготованный судити людемъ въ правду самъ обрящется на странѣ неправды; ахъ! ежели свѣтъ будетъ тьма, и свѣтильникъ, поставленный свѣтити на пути добродѣтели, будетъ точію освѣщать стези неправды: не рекутъ-ли тогда о немъ, яко-же и Ааронъ о тельцѣ своемъ: *повергохомъ злато во огнь, и излiяся телецъ?*

Неправда, стоящая на мѣстѣ высокомъ, мнитъ въ заблужденіи своемъ укрыть себя отъ стрѣлъ порицанія справедливаго и недреманнаго ока сужденія общаго или за щитомъ власти своея, которая возложитъ молчаніе на уста людей; или подъ великолѣпнымъ блескомъ наружности очаровательной; или подъ именами и титлами пышными, кои украшаютъ великихъ; или подъ сѣнію роскоши и забавъ, кои въ очахъ простоты недальновидной представляютъ его человѣкомъ, умѣющимъ жить въ свѣтѣ и другомъ согражданъ его. Но какъ невѣренъ расчетъ сей! Закрывай себя, какъ угодно тебѣ, но не закроешь ничѣмъ тѣхъ пятенъ, кои омрачаютъ картину жизни твоей. Украшай цвѣтами добродѣтели терніе пороковъ твоихъ: терніе навсегда пребудетъ терніе и порокъ порокомъ. Нарицай гордость твою благороднымъ честолюбіемъ, лихоимство благодарностію судимыхъ тобою, роскошь услажденіемъ жизни, сребролюбіе бережливостію, игры утѣхою невинною, праздность отдохновеніемъ позволеннымъ: симъ не ослѣпишь очи свѣта. Сколь сердце человѣческое ни преклонно къ злу, однакожъ есть истина, которая противъ воли исторгаетъ у него презрѣніе къ тѣмъ, кои или не радятъ о дѣлахъ служенія своего, или употребляютъ оныя во зло, возсѣдаютъ за столомъ пышнымъ, на корысти неправедныя уготованнымъ. хвалятъ яствы избранныя, но гнушаются въ душѣ домовладыки неправеднаго, ищутъ въ судѣ у блюстителей законокорыстныхъ защиты блескомъ злата, но клянутъ руку, пріемлющую злато. Богатый порокъ искупаетъ себѣ оправданіе мздою, но смѣется мздоимству, продающему совѣсть.

Нѣтъ! нѣтъ! никогда еще отъ сердца благоговѣйнаго не было приносимо кадило пороку: одна точію добродѣтель имѣетъ на него неотъемлемое право! Никогда не былъ воздвигаемъ жертвенникъ неправдѣ отъ любви удивленной, отъ души признательной: одной только истинѣ воскуряются ѳиміамы сердецъ! Человѣкъ! будь добродѣтеленъ и тогда точію будешь почтенъ; се гласъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ. *Хощеши ли не боятися власти,* мнѣнія общаго, гласа народнаго,—*благое твори, и будеши имѣти похвалу* (Рим. 13. 3). Се гласъ Самого Бога! Вождь народа! веди люди, ввѣренные тебѣ, во храмъ блаженства, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе съ пути правды, закона, совѣсти, чести, и благословенія тобою правимыхъ пребудутъ присно на главѣ твоей. Судія! суди судъ *правый, оправдай смиренна и нища, изми нища и убога изъ руки грѣшничи* (Псал. 81. 3 и 4). Да будетъ корысть твоя правда, воздаяніе совѣсть, мѣрило дѣлъ твоихъ законъ; тогда любовь непритворная, благоговѣніе нелестное благословятъ входы и исходы твои на чредѣ служенія твоего! Гражданинъ мирный! исходи на дѣланія твои выну, яко передъ Богомъ, умывъ руцѣ въ неповинности и обязавъ сердце твое союзомъ любве братнія; тогда будеши почтенъ и безъ отличій наружныхъ! Почести на недостойномъ суть зрѣлищныя украшенія: только достойный украсить можетъ и самыя почести; и высокій санъ для мужа неразумнаго есть то высокое мѣсто, на которое поставляется онъ, яко истуканъ, облеченный въ утварь златую для того

только, дабы свѣтъ узрѣлъ его и рекъ: се человѣкъ, иже очи имать, и не видитъ! уши имать, и не слышитъ! уста имать, и не речетъ ни суда, ни правды! Ахъ, не сама-ли истина должна рещи таковому вождю народа: брате, добро тебѣ будетъ отъити на село твое?... Тамъ неизвѣстность покроетъ завѣсою забвенія и имя и недостатки твои; здѣсь, стоя превыше другихъ, содѣлаешися притчею во языцѣ твоемъ....

Нѣтъ! исходя предъ лицемъ Бога, предъ лицемъ отечества, предъ лицемъ сословія, избравшаго васъ понести бремя служенія вашего, вы не попустите, да подобный упрекъ падетъ на главу вашу, и, призванные братіею вашею пріяти честь, не сидете съ безчестіемъ съ поприща чести! Мы обозрѣваемъ васъ, и—се! зримъ среди васъ мужей, обратившихъ къ себѣ во времена бурныя, постигшія насъ, и сердца и души не сословія точію вашего, но и всѣхъ и безкорыстіемъ примѣрнымъ, и ревностію къ правдѣ неукоризненною, и любовію къ собратіи своей пламенною. Мы видѣли въ нихъ, въ предшествовавшемъ сему поприщу, защиту притѣсненному, бичъ на неправду, грозу, ужасную корыстолюбію: како не увѣруемъ, что и они, и всѣ избранные нынѣ едиными усты и единымъ сердцемъ не возвѣстите судъ и милость прибѣгающимъ къ суду и защитѣ вашей? како не увѣруемъ, что будете вы слуги Божіи всѣмъ во благое и *воздадите* яже *Кесарева Кесареви*, яже *Божія Богови* (Матѳ. 22. 21) и яже ближнихъ вашихъ ближнимъ вашимъ?

Такъ! вамъ предлежатъ подвиги многотрудные; вамъ предстоятъ искушенія обольстительныя. Тамъ хитрая корысть выставитъ предъ вами сокровища свои, дабы ослѣпить очи ваши, еже не видѣти правды; здѣсь покровительство сильныхъ будетъ преклонять васъ на страну неправды. Тамъ лукавая ябеда сплететъ вамъ ухищренные узлы лжи и обмана, кои только неутомимою бодростію и безпристрастіемъ нелицепріемнымъ разсѣщи возможете; здѣсь лесть воскуритъ предъ вами жертвы свои, да омрачитъ души ваши ядовитыми парами самоугодія и померкнетъ предъ вами лучъ истины. Тамъ родство, дружба, пріязнь будутъ преклонять вѣсы правды въ десницѣ вашей въ пользу свою; здѣсь разверзетъ на васъ ядовитыя уста злословіе, да поне грызеніями своими совратитъ васъ съ пути праваго. Но бодрствуйте, стойте, сражайтеся, побѣждайте! поприще ваше есть для васъ какъ бы ратное поле. Надлежитъ или побѣдить и прославиться, или быть побѣждену и снити съ него, покрывшись безславіемъ. И вы побѣдите, если подвигомъ добрымъ подвизатися будете, вѣру, вѣрность, законъ сохраните. Да будетъ для сего присно долгъ вашъ предъ очами вашими, честь сопутницею дѣлъ вашихъ, страхъ Господень наставникъ вашъ, истина препоясаніе, совѣсть руководждь, Богъ мздовоздатель, и тогда побѣдите и прославитесь у Бога и человѣкъ! Аминь.

Амвросій.

83. Слово въ великій пятокъ.

Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей Слова? нѣтъ болѣе Слова.

Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасенія, начало всякаго слова *живаго и дѣйственнаго*, умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнѣе и убѣдительнѣе *сказать человѣкомъ пути живота* (Псал. 15. 11), Слово сіе оставило небеса и облеклося плотію; но человѣки не восхотѣли внимать Слову, растерзали плоть Его, и се *взятъ отъ земли животъ Его* (Исаіи 53. 8)! Кто же теперь дастъ намъ слово жизни и спасенія!

Поспѣшимъ исповѣдать тайну Слова, которая долженствуетъ обезоружить гонителей Его и которая возвращаетъ Его душамъ, готовымъ принять Оное. Слово Божіе не связуется смертію. Какъ устное слово человѣческое не совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда престаетъ звукъ

его, но паче воспріемлетъ тогда новую силу и, прошедъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и сердцахъ слышавшихъ: такъ Ипостасное Слово Божіе, Сынъ Божій, въ Своемъ спасительномъ вочеловѣченіи умирая плотію, въ то же время *исполняетъ всяческая* (Ефес. 4. 10) Своимъ духомъ и силою. Посему-то, когда Іисусъ Христосъ изнемогаетъ и умолкаетъ на крестѣ, тогда и небо и земля даютъ Ему гласъ свой и умершіе проповѣдуютъ воскресеніе распятаго, и самое каменіе вопіетъ о Немъ. *И померче солнце, и завѣса церковная раздрася, и земля потрясеся, и каменіе распадеся, и тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Лук. 23. 45; Матѳ. 27. 51 и 52).

Христіане! воплощенное Слово умолкаетъ токмо для того, чтобы сильнѣе и дѣйствительнѣе глаголать къ намъ; сокрывается для того, чтобы внутреннѣе *вселиться въ насъ* (Іоан. 1. 14); умираетъ, чтобы даровать намъ Свое наслѣдіе. Будучи собраны церковію бесѣдовать съ умершимъ Іисусомъ, слышите *живое слово* (Евр. 4. 12) умершаго, слышите данное отъ Него намъ завѣщаніе: *Азъ завѣщаю вамъ, якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство* (Лук. 22. 29).

Но дабы неблаговременныя мечтанія о величіи сего наслѣдія не уклонили взоровъ нашихъ отъ преднаписаннаго предъ нами въ сіи великіе дни распятаго Іисуса, примѣтимъ тщательнѣе, христіане, что первые наслѣдники Его не обрѣли по Его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ Онъ пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ, въ подражательныхъ образахъ, преподали всѣмъ желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія. Что сіе значитъ? То, что какъ Христу *подобаше пострадати*, дабы потомъ *внити въ славу* (Лук. 24. 26), которую *имѣлъ Онъ у Отца*, такъ христіанину *многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе* (Дѣян. 14, 22), которое завѣщалъ ему Христосъ; что какъ крестъ Христовъ есть дверь царствія для всѣхъ, такъ крестъ христіанъ есть ключъ царствія для каждаго сына царствія. Вотъ сокращеніе великаго *слова крестнаго* (1 Кор. 1. 18), толь необъятнаго уму, толь удобопріятнаго вѣрѣ, толь сильнаго Богомъ. Принесемъ оное, какъ каплю мура, ко гробу Слова животворящаго.

Прежденежели вочеловѣчившійся Сынъ Божій воспріялъ и понесъ крестъ Свой, сей крестъ принадлежалъ человѣкамъ. Въ началѣ своемъ онъ былъ сдѣланъ *изъ древа познанія добра и зла*. Первый человѣкъ думалъ испытать только плодъ его; но едва прикоснулся, какъ вся тяжесть запрещеннаго древа, со всѣми вѣтвями его и отраслями, обрушилась на хребетъ нарушителя Господней заповѣди. Тьма, скорбь, ужасъ, труды болѣзни, смерть, нищета, уничтоженіе, вражда всей природы—словомъ, всѣ разрушительныя силы, какъ бы исторгшись изъ роковаго древа, ополчились на него, и низринулся-бы сынъ гнѣва навѣки во адъ, если-бы Милосердіе, по предвѣчному совѣту, не простерло къ нему руки Своей и не удержало его къ паденіи. Сынъ Божій пренесъ на Себѣ бремя его подавляющее, усвоилъ Себѣ крестъ его и предоставилъ ему токмо придержаться сего креста, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы онъ вспомоществовалъ Всемогущему въ ношеніи бремени, но дабы самъ, и съ малымъ оставшимся ему крестомъ собственнымъ, носимъ былъ силою креста великаго, подобно какъ ладія влечется движеніемъ корабля. Тако крестъ гнѣва преображается въ крестъ любви; крестъ, заграждавшій рай, становится лѣствицею къ небесамъ; крестъ, рожденный отъ страшнаго *древа познанія добра и зла*, чрезъ орошеніе Божественною кровію, перерождается *въ древо жизни*. Сынъ Божій пріемлетъ естество наше и *страданьми совершаетъ* въ Себѣ *начальника спасенія* нашего; *искушается по всяческимъ* и *вспомоществуетъ*

искушаемымъ; шествуетъ со крестомъ и *ведетъ въ славу* своихъ послѣдователей (Евр. 2. 10—18; 4. 15).

Кто измѣритъ всемірный сей крестъ, понесенный Начальникомъ нашего спасенія? Кто извѣситъ его тяжесть? Кто исчислитъ разнообразное множество крестовъ, изъ которыхъ онъ, какъ изъ каплей моря, составляется? Не отъ Іерусалима токмо до Голгоѳы несенъ крестъ сей, съ помощію Симона Киринейскаго; несенъ онъ и отъ Геѳсиманіи до Іерусалима, и до Геѳсиманіи отъ самаго Виѳлеема. Вся жизнь Іисуса была единый крестъ, и никто не прикасался къ бремени его, развѣ для отягченія онаго: *Единъ истопталъ точило* ярости Божіей, *и отъ языкъ не бѣ мужа съ Нимъ* (Исаіи 43. 3).

Божество соединяется съ человѣчествомъ, вѣчное со временнымъ, всесовершенное съ ограниченнымъ, несозданное съ своимъ созданіемъ, самосущее съ ничтожнымъ: какой необозримый и непостижимый крестъ изъ сего уже слагается!

Богочеловѣкъ, котораго нисшествіе на землю прославляютъ небеса, является здѣсь въ уничиженнѣйшемъ возрастѣ человѣчества, въ малѣйшемъ градѣ малѣйшаго изъ царствъ земныхъ; нѣтъ для Него ни дома, ни колыбели; кромѣ убогихъ родителей, едва нѣсколько пастырей занимаются Его рожденіемъ.

Исчисляютъ Безначальному восемь дней новаго бытія—и порабощаютъ Его кровавому закону обрѣзанія.

Господь храма *приносится во храмъ поставити его предъ Господемъ*, и Пришедый искупить міръ искупляется *двумя птенцами* (Лук. 2. 22—24).

Тогда какъ Онъ еще нѣмотствуетъ, уже изощряется на Него въ устахъ Симеона оружіе слова крестнаго и проходитъ сердце Его Матери (Лук. 2. 34—35).

Нѣкоторые иноплеменники приходятъ возвеличить Его именемъ царя іудейскаго, но сія малая слава воздвигаетъ на Него злобу іудейскаго царя, содѣлываетъ Его невинною виною кровопролитія и принуждаетъ удалиться отъ народа Божія въ страну идолослужителей.

Всеобъемлющая Премудрость Божія не иначе, какъ съ возрастомъ *преспѣваетъ премудростію у Бога и человѣковъ*. Источникъ и податель благодати *пріемлетъ благодать* (Лук. 2. 52). Тридесять лѣтъ Владыка небесъ и Царь славы сокрывается отъ неба и земли въ глубокомъ повиновеніи двумъ смертнымъ, которыхъ удостоилъ нарещи Своими родителями.

Чего потомъ не претерпѣлъ Іисусъ отъ дня поступленія Своего въ торжественное служеніе спасенію рода человѣческаго!

Святый Божій, грядущій освятить человѣковъ, вмѣстѣ съ ищущими очищенія грѣшниками преклоняется подъ руку человѣка и пріемлетъ крещеніе: во истину *крещеніе*, слушатели, то есть погруженіе не столько въ водахъ, сколько въ обиліи креста!

Испытующій сердца и утробы Самъ поставляется *въ искушеніи*. Хлѣбъ небесный предается земной *алчбѣ*. Тотъ, предъ которымъ должно *преклонятъся всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*, допускаетъ князя преисподнихъ требовать отъ Себя *поклоненія* (Матѳ. 4).

Ходатай Бога и человѣковъ открываетъ Себя человѣкамъ, но Его или не узнаютъ, или не хотятъ узнавать. Его ученіе почитаютъ богохульнымъ (Матѳ. 9. 3), Его дѣла беззаконными (Іоан. 9. 16), Его чудеса Веельзевуловыми (Матѳ. 12. 24). Если онъ чудотворитъ и благотворитъ въ субботу, Его называютъ нарушителемъ субботы; если обращаетъ заблудшихъ и пріемлетъ кающихся, Его порицаютъ *другомъ грѣшниковъ* (Матѳ. 11. 19). Тамъ ищутъ уловить Его словомъ (Матѳ. 22 15); здѣсь ведутъ Его на верхъ горы, дабы низринуть (Лук. 4. 29); индѣ вземлютъ на Него каменіе (Іоан. 8. 59); нигдѣ не даютъ Ему главы под-

клонити (Матѳ. 8. 20). Онъ воскрешаетъ умершаго: завистники совѣщаются умертвить Его Самого (Іоан. 11. 43, 44, 46, 53). Народъ во вратахъ Іерусалима привѣтствуетъ Его царемъ: всѣ земныя власти возстаютъ, дабы осудить Его, какъ преступника. Въ избранномъ сонмѣ Своихъ друговъ Онъ видитъ неблагодарнаго предателя и первое орудіе смерти Своей; лучшіе изъ нихъ служатъ Ему *соблазномъ*, помышляя человѣческое въ то время, когда Онъ идетъ на дѣло Божіе (Матѳ. 16. 23).

Почіешь-ли Ты, Божественный Крестоносецъ, хотя на едино мгновеніе отъ ига, непрестанно возрастающаго на раменахъ Твоихъ? Почіешь-ли, если не для обновленія Твоихъ силъ къ новымъ подвигамъ, по крайней мѣрѣ изъ снисхожденія къ немощи Твоихъ послѣдователей? Такъ, приближаясь къ Голгоѳѣ, Ты почіешь на Ѳаворѣ. Гряди на сію гору славы; да просвѣтится лице Твое свѣтомъ небеснымъ; да убѣлятся ризы Твои; да пріидутъ законъ и пророки признать въ Тебѣ свое исполненіе, да услышится гласъ благоволенія Отчаго! но не примѣчаете-ли вы, слушатели, какъ крестъ послѣдуетъ за Іисусомъ на самый Ѳаворъ, и слово крестное не разлучается отъ слова прославленія? О чемъ тамъ среди толикой славы бесѣдуютъ со Іисусомъ Моисей и Илія? Они бесѣдуютъ о Его крестѣ и смерти. *Глаголаста же исходъ Его* (Лук. 9. 31).

Долго носилъ Іисусъ крестъ Свой, какъ бы не чувствуя его тяжести; наконецъ *преданъ былъ* ему *аки льву, да сокрушитъ вся кости Его* (Иса. 38. 13). Внидемъ за Нимъ съ Петромъ и сынмы Зеведеовыми въ вертоградъ геѳсиманскій и проникнемъ бдящимъ окомъ во мракъ послѣдней нощи Его на землѣ. Уже онъ не скрываетъ креста, сокрушившаго душу Его: *прискорбна есть душа Моя даже до смерти* (Матѳ. 26. 38). И молитвенное бесѣдованіе съ единосущнымъ Отцемъ не облегчаетъ Его, но токмо удерживаетъ подъ тяжестію страданія: *Отче Мой, аще возможно есть да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не яко же Азъ хощу, но яко же Ты* (Матѳ. 26. 39). *Носящій всяческая глаголомъ силы Своея* имѣетъ теперь нужду *въ укрѣпленіи отъ ангела* (Лук. 22. 43).

Можетъ быть, смертная скорбь Іисуса представляется нѣкоторымъ изъ насъ недостойною безстрастнаго. Да вѣдаютъ они, что сія скорбь не есть дѣйствіе нетерпѣнія человѣческаго, но Божескаго правосудія. Могъ-ли Агнецъ, *закоденный отъ сложенія міра* (Апок. 13. 8), убѣгать Своего жертвенника? Тотъ, *Его же Отецъ святи и посла въ міръ* (Іоан. 10. 36), Тотъ, который отъ вѣка пріялъ на Себя служеніе примиренія человѣковъ съ Богомъ, могъ-ли поколебаться въ дѣлѣ сего служенія единою мыслію о страданіи? Если Онъ могъ имѣть какую нетерпѣливость, то развѣ нетерпѣливость совершить наше спасеніе и облаженствовать насъ. *Крещеніемъ имамъ креститися*, говоритъ Онъ, и *како удержуся, дондеже скончаются?* (Лук. 12. 50). Итакъ, если Онъ скорбитъ, то скорбитъ не собственною, но нашею скорбію; если мы видимъ *Его быти въ трудѣ и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи*, то Онъ *грѣхи нашаноситъ и о насъ болѣзнуетъ* (Иса. 53. 3 и 4); чаша, которую подаетъ Ему Отецъ Его, есть чаша всѣхъ беззаконій, нами содѣянныхъ, и всѣхъ казней, намъ уготованныхъ, которая потопила-бы весь міръ, если-бы Онъ единъ не воспріялъ, удержалъ, изсушилъ ее. Она растворена, во первыхъ, преслушаніемъ Адама, потомъ растлѣніемъ *перваго міра* (Быт. 6. 12; 2 Пет. 2. 5), гордостію и нечестіемъ Вавилона, ожесточеніемъ и нераскаянностію Египта, измѣнами Іерусалима, *избившаго пророки и каменіемъ побившаго посланныя къ нему*, злостію синагоги, суевѣріями язычества, буйствомъ мудрецовъ и наконецъ (поелику Искупитель понесъ на себѣ и будущіе грѣхи міра) соблазнами въ самомъ христіанствѣ, раздѣленіями единаго стада

единаго Пастыря, дерзновенными мудрованіями лжеучителей, оскудѣніемъ вѣры и любви въ царствѣ вѣры и любви, возрожденіемъ безбожія въ нѣдрахъ самаго благочестія. Присовокупимъ къ сему все то, что мы находимъ въ себѣ и окрестъ себя достойнымъ отвращенія и гнѣва Божія, и также все, что стараемся сокрыть отъ своей совѣсти подъ ухищреннымъ наименованіемъ *слабостей:* легкомысліе и законопреступныя утѣхи юности, закоснѣніе старости, забвеніе промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность и бездѣйствіе, свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка, надменнаго мечтою просвѣщенія, — всѣ сіи потоки беззаконія сливались для Іисуса въ единую чашу скорби и страданія; весь адъ устремился на сію небесную душу, — и дивно-ли, что она была смятенна, растерзана, *прискорбна даже до смерти?*

Наше слово изнемогаетъ, слушатели, чтобы провождать еще великаго Страдальца отъ Геѳсиманіи до Іерусалима и Голгоѳы, отъ внутренняго креста до внѣшняго. Но совершаемыя нынѣ церковію тайнодѣйствія уже преднаписали вамъ сей путь и сей послѣдній крестъ. Онъ столь болѣзненъ, что солнце не могло взирать на него, и столь тяжекъ, что земля потряслась подъ нимъ. Претерпѣть въ чистѣйшей непорочности всѣ мученія внутреннія и внѣшнія, тягчайшія и поноснѣйшія, и претерпѣть вмѣсто награды за содѣланныя благодѣянія; страдать Всесвятому отъ пребеззаконныхъ, Творцу отъ тварей; страдать за недостойныхъ, неблагодарныхъ, за самыхъ виновниковъ страданія; страдать для славы Божіей и быть оставлену Богомъ: какая неизмѣримая бездна страданій!

Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси Возлюбленнаго Твоего? Ей, Господи! Ты оставилъ Его вмалѣ, дабы вовѣкъ не оставить насъ, Тебе оставившихъ. Отнынѣ Онъ *воцаряется, и облекается въ лѣпоту, препоясуется силою и утверждаетъ вселенную, да не подвижится* (Псал. 92. 1). *Вознесенный отъ земли* крестомъ, Онъ простираетъ его на землю и *вся привлекаетъ къ Себѣ* на небо (Іоан. 12. 32).

Но сколь ни велика и божественна всепривлекающая сила Іисуса Христа, Онъ не иначе можетъ *влещи насъ въ слѣдъ Себѣ* (Пѣс. 1. 3), какъ чрезъ водруженіе креста Своего въ насъ и сопряженіе съ Его крестомъ креста нашего. *Иже хощетъ по мнѣ ити*, глаголетъ Онъ, *да возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ* (Лук. 9. 23). Ибо хотя завѣтною Своею кровію и крестомъ Своимъ совершилъ Онъ очищеніе отъ грѣховъ и отъ проклятія искупленіе всего міра и отверзъ намъ входъ во святая святыхъ; но поелику туда не входитъ никто, кромѣ жреца и жертвы, то мы должны, яко жертву, предать себя въ руки сего великаго, *по чину Мельхиседекову*, священника; поелику клятва есть плодъ грѣха, грѣхъ-же утверждается своимъ корнемъ въ свободной волѣ, то, для усвоенія себѣ очищенія и искупленія, правды и благословенія Христова, мы должны свободно предать волю свою крестному въ насъ дѣйствованію Христову. Для сего-то тѣ, которые истинно постигли заключенную въ *словѣ крестномъ силу Божію,* столь часто и примѣромъ и словомъ поучаютъ насъ *сораспинатися Христу*, *распинатися міру*, *распинать плоть со страстьми и похотьми*, *не жить себѣ самимъ*, *исполнять лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти нашей* (Рим. 6. 6. — Гал. 6. 14; 5. 24.—Рим. 14. 7.—Кол. 1. 24).

Чѣмъ неослабнѣе и терпѣливѣе мы носимъ бремя креста нашего, тѣмъ обильнѣе подаются намъ дары Божіи, пріобрѣтенные крестомъ Христовымъ: *якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2. Кор. 1. 5). Грѣшникъ, который отъ усильнаго ношенія креста своего преходитъ

наконецъ къ распятію себя на немъ, съ совершенною покорностію подвергаясь всѣмъ дѣйствіямъ очистительнаго правосудія предъ лицемъ распятаго Іисуса, вскорѣ услышитъ съ разбойникомъ радостный гласъ Его: *днесь со Мною будеши въ раи*. Страданіе въ присутствіи Христа и по образу Его есть преддверіе рая.

Какъ видимый, вещественный крестъ есть державное знаменіе видимаго царства Христова; такъ крестъ таинственный—печать и отличіе истинныхъ и избранныхъ рабовъ невидимаго царствія Божія. Онъ есть драгоцѣнный залогъ любви Божіей, жезлъ отчій, не столько наказующій и сокрушающій, сколько *пасущій и утѣшающій* (Псал. 2. 9; 22. 4), очистительный огонь вѣры, сопутникъ надежды, укротитель чувственности, побѣдитель страстей, возбудитель къ молитвѣ, стражъ чистоты, отецъ смиренія, наставникъ мудрости, пѣстунъ сыновъ царствія. Гдѣ воспитаны всѣ великіе ангелы, водители и хранители церкви—Іосифы, Моисеи, Даніилы, Павлы? Въ училищѣ креста. Когда благословеннѣе вся церковь возрастала, процвѣтала и приносила плодъ во святыню? Тогда, какъ вся нива Господня непрестанно раздираема была крестомъ и напояема кровію мучениковъ. Кто суть тѣ, которые окружаютъ славный престолъ Агнца? вопросили Іоанна въ видѣніи. *Сіи облеченніи въ ризы бѣлыя кто суть и откуда пріидоша?* и когда онъ не могъ узнать ихъ въ божественной славѣ, то ему сказано, что то были запечатлѣнные крестомъ: *сіи суть, иже пріидоша отъ скорби великія* (Апок. 7. 13 и 14).

Кто же суть тѣ, которые желаютъ *испразднить крестъ Христовъ* (1 Кор. 1. 17) и мнятъ *уразумѣть силу воскресенія Его* безъ *сообщенія страстей Его*? (Фил. 3. 10)? Если единъ Христосъ есть и *животъ* и *путь* (Іоанн. 14. 6) къ животу, то какъ могутъ они достигнуть *живота* Христова, не шествуя *путемъ* Его? Могутъ-ли изнѣженные сіи члены быть въ союзѣ тѣла, которое *счиневаетъ* себѣ увѣнчанная терніемъ *Глава* (Ефес. 4. 15 и 16)? Можно-ли членамъ быть въ покоѣ и безпечности, когда глава въ трудѣ, и въ язвѣ, и во озлобленіи; забываться въ шумныхъ радостяхъ, когда она объята болѣзнями смертными; упиваться отъ полной чаши мірскихъ удовольствій, когда она жаждетъ и вкушаетъ оцетъ; превозноситься, когда она преклоняется; не хотѣть ниже минуты поболѣть о собственныхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, когда она за чуждыя страждетъ и умираетъ; жить міру и плоти, когда она предаетъ духъ свой Богу?

О человѣкъ, влекомый благодатію Господа твоего на небо, но погрязающій плотію въ мірѣ! виждь образъ твой въ человѣкѣ, погружащемся въ водахъ и противоборствующемъ потопленію: онъ непрестанно возобновляетъ въ членахъ своихъ образъ креста и такимъ образомъ превозмогаетъ враждебныя волны. Воззри на птицу, когда она желаетъ вознестися отъ земли: она простирается въ крестъ и возлетаетъ. Ищи и ты въ крестѣ средства изникнуть отъ міра и вознестися къ Богу. *Слово крестное спасаемымъ сила Божія есть.* Аминь.

Филаретъ.

84. Слово по освященіи храма явленія Божіей Матери преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами преподобнаго Михея въ Свято-троицкой Сергіевской лаврѣ, въ 27 день сентября 1842 года.

Благодатію всесвятаго и всеосвящающаго Духа совершилось нынѣ священное обновленіе сего храма, созданнаго прежде насъ въ честь и память явленія пресвятыя Владычицы нашея Богородицы преподобному и богоносному отцу нашему Сергію, чему очевиднымъ свидѣтелемъ былъ и преподобный Михей, во благоуханіи святыни здѣсь почивающій. Праведно было память сего

благодатнаго событія почтить освященнымъ храмомъ, хотя, впрочемъ, и вся обитель сія есть памятникъ сего чуднаго посѣщенія, потому что вся судьба ея въ продолженіе вѣковъ есть исполненіе обѣтованія небесной Посѣтительницы: *неотступна буду отъ мѣста сего.*

Но если памятнику свойственно возвращать мысль ко временамъ и предметамъ, которые ознаменованы памятникомъ, то, прости мнѣ, великая лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обиталище святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія; знаю, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же и тѣмъ же богата сокровищемъ, то есть Божіею благодатію, которая обитала въ преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его лаврѣ: но, при всемъ томъ, желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя пресвятыя Троицы? Вошелъ-бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ воздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ преподобный Сергій и въ награду за трудъ дня и за гладъ нѣсколькихъ дней получилъ укругъ согнивающаго хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое, безъ сомнѣнія, поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь, только закрыто временемъ или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо: изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благо потребное, напримѣръ безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія.

Иль это вамъ кажется только мечтаніемъ воображенія? О если бы мы достойны были болѣе очищеннымъ окомъ ума созерцать сіе въ болѣе существенныхъ явленіяхъ свѣта духовнаго, а не въ представленіяхъ только собственнаго воображенія! Но, мнѣ кажется, лучше хотя мечтать такимъ образомъ, нежели любомудрствовать противнымъ сему образомъ.

Братія сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена нѣкоторымъ образомъ въ подобіе града обительнаго; но не града же искать пришли вы сюда: слѣдственно, пришли вы искать пустыни. Если она нѣсколько закрыта, тѣмъ внимательнѣе надлежитъ ее искать. Если шумъ житейской молвы невдалекѣ слы-

шенъ, тѣмъ нужнѣе заграждать отъ него слухъ. Если образы суетнаго міра движутся предъ лицемъ пустыни, тѣмъ ревностнѣе должно намъ предначертывать себѣ очами образъ чистаго пустынножительства и постоянно на него взирать и съ нимъ сообразовать житіе наше.

И для сего хочу я показать вамъ теперь не человѣческимъ художествомъ, но словомъ Божественнымъ начертанный образъ духовнаго любителя пустыни. Смотрите, какъ онъ самъ себя изображаетъ: *и рѣхъ: кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію. Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Псал. 54. 7—9).

Правда, тотъ, кто говорилъ сіе въ псалмѣ, былъ только временный пришлецъ пустыни по нуждѣ, а не постоянный житель ея по обѣту, но сіе не препятствуетъ намъ усматривать въ словахъ его черты добраго пустынножителя, и даже тѣмъ болѣе примѣчательна любовь его къ пустынѣ и правильное изображеніе пустынножительства. Духъ Божій, который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его Самуиломъ, велъ его чрезъ разныя состоянія внѣшнія такъ и для того, чтобы въ нихъ показать намъ поучительные образы духовныхъ состояній.

И такъ первая черта духовнаго пустынножителя есть желаніе пустыни или усердіе къ благочестивому отшельническому и уединенному жительству. *Кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ: и полещу, и почію?*

Желаніе есть сѣмя или зародышъ всякаго свободнаго дѣла, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Какъ отъ души зависитъ жизнь, сила, достоинство тѣла, такъ жизнь, сила, достоинство всякаго дѣла зависитъ отъ желанія. Если желаніе нечисто, дѣло недостойно. Если желаніе слабо, и дѣло не сильно достигнуть своего совершенства. Если духовнаго желанія нѣтъ, дѣло есть мертвое. Дѣла, которыя мы дѣлаемъ безъ искренняго желанія, не утѣшаютъ насъ самихъ и не приносятъ удовольствія другимъ. Если такъ судятъ и чувствуютъ люди, которые дѣла только видятъ, а о желаніяхъ только догадываются: что сказать о судѣ Бога всевидящаго, испытующаго сердца и утробы? *Дастъ ти Господь по сердцу твоему*, а не по наружному твоему дѣлу (Псал. 19. 5).

Посему, кто желаетъ пустынножительствовать или монашествовать съ утѣшеніемъ и пользою для себя и со благоугожденіемъ Богу, тотъ долженъ какъ начать сіе дѣло съ искреннимъ, духовнымъ и божественнымъ желаніемъ, такъ и продолжать съ неослабнымъ усердіемъ. Надобно, чтобы еще въ мірѣ сказалъ онъ себѣ: *кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію?* И когда чистое и горячее желаніе, дѣйствительно, какъ на крылахъ голубиныхъ, принесло его въ пустыню или въ обитель отшельничествующихъ, онъ долженъ часто вновь возбуждать себя, расширять и приводить въ движеніе сіи крила, чтобы они имѣли довольно легкости и крѣпости нести его далѣе—изъ пустыни на небо.

Другая черта добраго пустынножителя или отшельника есть рѣшительное и совершенное удаленіе отъ міра. *Се удалихся бѣгая.*

Если бы не было нужды удаляться отъ міра, то не для чего было-бы и водворяться въ пустынѣ, избирать отшельническое одиночество преимущественно предъ обыкновеннымъ образомъ жизни, семейственнымъ и гражданскимъ. Не Богъ-ли, сотворившій пустыню, созидаетъ и хранитъ грады, и самую пустыню не для того-ли сотворилъ Онъ, чтобы населить ее? Не живутъ-ли и въ городахъ Его рабы и чада, которыхъ пустыня едва-ли достойна имѣть, подобно какъ, напротивъ того, другіе, которыхъ *недостоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитаются, и въ горахъ, и въ вершинахъ, и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр. 11. 38)? Не обиталъ-ли Самъ Господь во градѣ, такъ же какъ и въ пустынѣ, и не далъ-ли граду Іерусалиму Своего храма, подобно какъ пустынѣ далъ Свою скинію?

Не на всякомъ-ли мѣстѣ можно поставлять Ему обитель въ душѣ и поклоняться Ему духомъ и истиною? *На всякомъ мѣстѣ владычествія Его, благослови душе моя Господа* (Пс. 102. 22).

Но что дѣлать, если сіе благословенное приглашеніе всюду и всегда благословлять Господа неуспѣшно повторяю я въ душѣ моей отъ того, что міръ, въ то же время, не переставая, оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нуждъ, заботъ, страстей, похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать ему, или, утомленная противоборствомъ, жаждетъ приблизиться къ Богу безъ препятствій со стороны тварей, служить Ему безъ развлеченія? Въ семъ случаѣ не остается инаго, какъ расторгнуть всякія узы, привязывающія насъ къ міру, бѣжать изъ него, какъ Израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, и учредить для себя въ пустынѣ новое жительство добровольнаго изгнанничества, въ которомъ бы все внушало намъ, что *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13. 14).

Такимъ образомъ истинное отшельничество и пустынножительство есть также истинное и совершенное отреченіе и удаленіе отъ міра, по заповѣди Апостола: *не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоанна 2. 15).

Кто приходитъ въ пустынножительство или отшельническое братство какъ переселенецъ, желающій перенести сюда выгоды и удобство прежняго жительства или замѣнить ихъ другими, а не какъ бѣглецъ, бросившій все, чтобы только избавиться отъ того, что было причиною бѣгства: тотъ не вполнѣ отшельникъ, не въ совершенствѣ пустынножитель.

Кто въ пустынножительствѣ ропщетъ на скудость въ чемъ-либо и, пользуясь необходимымъ, требуетъ излишняго, подъ благовиднымъ именемъ утѣшенія: тотъ еще не удалился отъ роскоши міра; онъ подобенъ израильтянамъ, которые въ пустынѣ воздыхали о мясныхъ котлахъ египетскихъ, и долженъ вспомнить, что были нѣкоторые, которые, спасшись изъ погибающаго Египта, погибли въ спасительной пустынѣ, въ гробахъ похотѣнія.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе желаетъ поступать по своей волѣ или даже повелѣвать, нежели покоряться: тотъ еще не удалился отъ гордости и честолюбія міра. Заботливо надлежитъ ему осмотрѣться, чтобы не приблизиться къ сонму Корея, котораго конецъ показалъ, что чистая пустынная земля не хочетъ носить на себѣ властолюбивыхъ и мятежныхъ.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе радѣетъ себѣ, нежели братству и обители; усвояетъ, что не благословлено, или болѣе нежели что благословлено; послѣ обѣта нищеты думаетъ богатиться для себя, а не для Бога, не для братства, не для нищихъ: тотъ не удалился отъ корыстолюбія міра. Въ какой образъ образуетъ онъ себя? Не въ образъ-ли пророческаго ученика Гіезія, который, восхотѣ втайно и неблагословенно усвоить сребро Неемана, явно усвоилъ себѣ его проказу?

Кто, вышедъ изъ міра въ отшельническое жительство, пристрастнымъ окомъ озирается на оный подъ предлогомъ невинной любви къ приснымъ, друзьямъ, знаемымъ: тому не безполезно взглянуть на жену Лотову, которая озрѣлась на оставленный ею Содомъ, и, какъ говоритъ премудрый, *стоитъ столпъ сланъ, невѣрныя души память* (Прем. Сол. 10. 7).

Третія черта благонадежнаго пустынножителя есть упованіе на Бога. *Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури.*

Образъ духовнаго пустынничества былъ бы довольно страшенъ, если бы столь суровая черта его, какою представляется совершенное отреченіе отъ міра, не умягчалась и не покрывалась пріятною и свѣтлою чертою совершеннаго упованія на Бога.

Не случается-ли даже, что удалившіеся отъ міра, съ намѣреніемъ избѣжать трудностей и опасностей для души, сверхъ

ожиданія, встрѣчаютъ для нея новыя трудности и самыя опасности въ отшельническомъ и пустынномъ уединеніи или общежительствѣ? И не должно сему дивиться. Израильтяне въ пустынѣ сколько перенесли трудностей, сколько видѣли опасностей! едва-ли не болѣе, нежели въ самомъ Египтѣ. Самъ Начальникъ нашего спасенія и совершеннѣйшій для насъ образъ онаго гдѣ испыталъ сильнѣйшую брань противъ врага душъ, какъ не въ пустынѣ? Гдѣ болѣе перенесъ духовныхъ страданій, какъ не въ уединеніи вертограда геѳсиманскаго?

Но если такъ, то для чего-же, скажутъ, и удаляться отъ міра въ пустыню, отъ трудностей къ трудностямъ, отъ опасностей къ опасностямъ? Отвѣтствую: для того-же, для чего израильтяне вышли изъ Египта въ пустыню, ибо въ пустынѣ испытали они трудности и опасности, но и очистились, научились и спаслись, вмѣсто того, что въ Египтѣ погибли-бы въ мерзостяхъ язычества; и если бы они не вышли въ пустыню, то не пришли бы въ землю, текущую медомъ и млекомъ. Для того-же, говорю, для чего и Спаситель Духомъ Святымъ возведенъ былъ въ пустыню, и для чего удалялся Онъ въ уединеніе геѳсиманское: ибо въ пустынѣ побѣдилъ Онъ непобѣжденнаго дотолѣ врага душъ нашихъ, а въ Геѳсиманіи принесъ Онъ за преслушаніе человѣковъ духовную жертву послушанія волѣ Бога Отца Своего и крѣпкую о нашемъ спасеніи молитву, въ которой и *услышанъ отъ благоговѣнства* (Евр. 5. 7). Такъ и для насъ если и трудна и не безопасна пустыня, то все-же полезно и спасительно бѣжать въ нее отъ міра погибельнаго.

А дабы и трудности преодолѣть, и опасности пройти невредимо, для сего не болѣе требуется, какъ только не быть нетерпѣливу, не унывать, не отчаяваться, но, каково-бы ни было наше положеніе, непрестанно *чаять Бога, спасающаго насъ отъ малодушія и отъ бури*. Если произвольнымъ нашимъ непостоянствомъ или нетерпѣливостію не прервемъ сего чаянія: *упованіе не посрамитъ* (Рим. 5. 5), и помощь свыше пріидетъ непремѣнно тогда и въ такой мѣрѣ, какъ сіе нужно для искренно желающихъ спасенія, какъ прилично славѣ Спасителя.

Братія святыя обители сея! если пустыня Сергіева, нѣкогда безлюдная, дикая, безплодная, безводная, скудная, беззащитная, безпомощная, населилась, возрасла, процвѣла, благословилась отъ тука земли и отъ росы небесныя и пренебесныя, открыла въ себѣ источники водъ и благодати, возмогла защищать иногда грады и помогать народу: что все сіе значитъ? Не то ли, что, поелику ея основатель и его сподвижники *чаяли Бога спасающаго*, то чаяніе ихъ оправдалось и еще оправдывается даже свыше чаянія? Какое подкрѣпленіе и для нашего упованія на Бога спасающаго!

Внимайте себѣ и званію вашему и ходите достойно столь благаго призрѣнія Отца небеснаго. Воскриляйте себя благочестивымъ желаніемъ, дабы летѣть во внутреннюю пустыню, то есть въ духовную область *царствія Божія*, которое *внутрь васъ есть* (Лук. 17. 21). Отвращайте очи сердецъ вашихъ, еже не видѣти суеты міра, вами оставленнаго. Возбуждайте себя къ неослабнымъ подвигамъ для спасенія душъ вашихъ упованіемъ на Бога спасающаго.

Мнѣ же, который недолго бесѣдую съ пустынею и о пустынѣ и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ,—*кто дастъ ми крылѣ, яко голубинѣ? и полещу и почію!* Могу-ли сказать себѣ или когда, наконецъ, возмогу сказать: *се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни?* Когда облегчуся отъ бременъ чужихъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9. 27)? О, дающій иному крилѣ, яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустынѣ, а иному гласъ *кокоши*, чтобы созывати Твоихъ *птенцовъ* подъ Твои крилѣ! собирай Самъ и храни всѣхъ насъ подъ крилами Твоея благости, и стогнами-ли селеній, тропинками

1904 г. 2-е декабря четвергъ

ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню. Аминь.

Филаретъ.

85. Избранныя мѣста изъ другихъ словъ Филарета (митрополита московскаго).

А) Изъ слова во вторую недѣлю по пятидесятницѣ: о силѣ Божественнаго призванія. На берегу моря Галилейскаго четверо рыбаковъ занимались своимъ дѣломъ. Двое закидывали сѣти, начиная ловъ; другіе двое, въ другомъ мѣстѣ, поправляли сѣти, видно поврежденныя во время лова. Идетъ нѣкто по берегу и говоритъ двумъ первымъ: идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ. Петръ и Андрей могли узнать въ призывающемъ Того, котораго Іоаннъ Креститель указалъ имъ на Іорданѣ и назвалъ *Агнцемъ Божіимъ*, и который, при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ Симономъ, не только назвалъ его по имени, но и преднарекъ ему новое имя Петра, тогда непонятное и загадочное. Сіи воспоминанія должны были возбудить въ Петрѣ и Андреѣ почтительное вниманіе къ словамъ призывающаго Іисуса. Но при семъ нельзя было имъ не примѣтить и того, что призывающій былъ странникъ, безпомощный, не имѣющій ни собственнаго дома, ни богатства, ни званія въ обществѣ почетнаго или начальственнаго. Какъ же вдругъ пойти за нимъ? Куда идти за человѣкомъ, который не имѣетъ, гдѣ преклонить голову? Петръ и Андрей имѣли какую-нибудь хижину, имѣли лодку, сѣти, рыболовный промыслъ и отъ того пропитаніе: какъ бросить сіе, чтобы идти за тѣмъ, который и сего не имѣетъ? Но онъ сдѣлаетъ *ловцами человѣковъ*? Что это значитъ? Какъ это возможно? Люди ловятъ людей въ свою власть, подчиненность, зависимость, въ свою волю, посредствомъ предварительной власти надъ нѣкоторыми людьми, посредствомъ богатства, посредствомъ разнообразнаго свѣтскаго искуства, посредствомъ сильныхъ, богатыхъ, образованныхъ сообщниковъ и единомышленниковъ; ничего такого не имѣютъ ни призывающій, ни призываемые быть ловцами человѣковъ. Посему чего бы естественно долженъ былъ ожидать призывающій Іисусъ отъ Петра и Андрея? Если не рѣшительнаго отказа, то нерѣшимости, раздумья, колебанія и борьбы между порывами на зовъ необыкновенный и привязанностію къ быту обыкновенному, между желаніемъ и надеждою неизвѣстнаго великаго и между опасеніемъ потерять извѣстное малое и не пріобрѣсти ничего. И что же, напротивъ, оказалось? Рѣшимость быстрая, готовность полная, послѣдованіе зову неотсроченное ни на минуту. Петръ и Андрей не остановились даже, чтобы передать свои рыболовныя сѣти, дабы онѣ безъ пользы не пропали или не сдѣлались добычею хищника. Они просто ихъ бросили. *Они же абіе оставльша мрежи, по Немъ идоста.*

Іисусъ идетъ далѣе по берегу и подобнымъ образомъ зоветъ другихъ двухъ рыбарей, Іакова и Іоанна. Дѣйствіе зова оказывается подобное прежнему и, можетъ быть, еще болѣе удивительное. Изъ евангельской исторіи не видно, чтобы Іаковъ и Іоаннъ такъ рано и такъ благопріятно предварены были о Іисусѣ, какъ Андрей и Петръ: тѣмъ болѣе удивительно, что и тѣ приняли зовъ Его такъ же безпрекословно какъ сіи. Іаковъ и Іоаннъ, чтобы идти за Іисусомъ, должны были оставить то, что гораздо дороже рыболовныхъ сѣтей, оставить отца своего; но и сила сыновней любви, вмѣстѣ съ прочими противоборными чувствованіями и помышленіями естественными, не могла устоять противъ силы слова Іисусова: *они же абіе оставльша корабль и отца своего, по Немъ идоста.*

Что же это за сила, которая въ немногихъ звукахъ слова Іисусова дѣйствуетъ такъ внезапно, такъ неестественно, такъ побѣдоносно надъ сильнѣйшими естественными привязанностями, чувствованіями, умопредставленіями? По самому дѣйствію необходимо должно признать,

что это сила вышеестественная, слѣдственно Божественная,—сила слова *Божія живаго и дѣйственнаго* (Евр. 4. 12), глагола, который *не возвращается тощъ* (Ис. 4. 11) къ изрекшему его, Слова, которымъ *вся быша* (Іоан. 1. 3). То же Слово, соприсносущное Богу Отцу, которое въ началѣ міра непостижимымъ, Божественнымъ образомъ *рече: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. 1. 3), и вообще: *рече, и быша; повелѣ, и создашася* (Ис. 32. 9), теперь, облекшись въ одежду человѣческаго естества, съ тою же Божественною властію глаголетъ человѣческимъ гласомъ, и глаголемое творится; тварь неудержимо никакими препятствіями устрояется и движется по гласу Творца; человѣкъ идетъ за Богочеловѣкомъ; рыбарь дѣлается апостоломъ.

Б) Изъ слова въ недѣлю первую-надесять по пятидесятницѣ. Царь требуетъ отчета отъ подданныхъ, у которыхъ было въ рукахъ множество богатства, ему принадлежащаго. Приводятъ одного, который долженъ ему десятью тысячами талантовъ, то есть долгомъ, для подданнаго неоплатнымъ, и который за то, по законамъ царства, долженъ быть проданъ съ женою и дѣтьми. Несчастный, не зная, что дѣлать, просилъ остроченія уплаты. Но царь сжаливается и совсѣмъ прощаетъ долгъ.

Величественное зрѣлище милосердія! Должникъ не имѣетъ средствъ къ оправданію; законъ осуждаетъ его; царь имѣетъ всю власть исполнить осужденіе; повинный не почитаетъ возможнымъ просить, чтобы долгъ былъ прощенъ, а развѣ только отсроченъ; и внезапно—долгъ прощенъ. Это такъ прекрасно, что если бы Господь, не продолжая рѣчи, сказалъ, какъ нѣкогда въ другой притчѣ: *иди, и ты твори такожде* (Лук. 10. 37), сердцу неокаменѣлому надлежало бы тотчасъ отвѣчать: пойдемъ, исполнимъ.

Но Господь не благоизволилъ остановиться, показавъ, какъ прекрасна добродѣтель: Онъ провидѣлъ, что не всѣ плѣнятся красотою, и призналъ нужнымъ показать безобразную противоположность. Притча продолжается.

Прощенный должникъ встрѣчаетъ своего должника, одного изъ своихъ клевретовъ, подданныхъ того же царя. Долгъ маловаженъ: только сто пѣнязей. Однако прощенный заимодавецъ взыскиваетъ съ своего должника строже, нежели царь-заимодавецъ: *емь его, давляше*. Слышитъ ту же мольбу, которую самъ приносилъ царю: *потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти*; но не воспоминаетъ прошедшаго, не трогается настоящимъ и бросаетъ своего должника въ темницу.

Какая неумѣстная жестокость! Самъ прощенъ, а простить не хочетъ. Самъ просилъ отсроченія уплаты невозможной, а не хочетъ отсрочить возможной. Если предъидущая часть притчи сильно побуждаетъ къ тому, чтобы простить, то сія вторая часть еще сильнѣе отражаетъ самую мысль о томъ, чтобы не простить.

Третья часть притчи показываетъ послѣдствіе жестокости, которую оказалъ прощенный непрощающій. Царь узнаетъ о его поступкахъ, беретъ назадъ свое великодушное прощеніе и предаетъ его истязателямъ, *дондеже воздастъ весь долгъ свой*—неоплатный.

Нельзя не чувствовать силы сей притчи. Надобно только узнать ея вѣрное приложеніе.

Что значитъ иносказательное лице царя-заимодавца? Господь Самъ истолковалъ въ заключеніе притчи: *тако и Отецъ Мой небесный сотворитъ вамъ*. Итакъ царь-заимодавецъ есть Отецъ небесный. Чрезъ сіе опредѣляется значеніе всѣхъ частей притчи.

Что же далъ намъ въ долгъ Отецъ небесный? О, какъ много! больше, нежели тысячи талантовъ! Далъ Онъ намъ бытіе и жизнь, тѣло и душу, разумъ, сердце и чувства; далъ землю подъ ноги наши, прекрасный шатеръ неба надъ главы наши; далъ солнце нашему зрѣнію и жизни, воздухъ нашему дыханію; далъ животныхъ во власть нашу и многоразличныя произведенія земли для нашихъ нуждъ

и удовольствій, для пищи, для одежды, для жилища, для упражненія нашей дѣятельности къ произведенію полезнаго и пріятнаго. Скажетъ ли кто при семъ, что слишкомъ гордо думать, будто для насъ и земля, и солнце, и небо,—таковому отвѣтствую: если ты думаешь о семъ гордо, совѣтую тебѣ отложить свою гордость и думать о семъ смиренно и благодарно предъ благодѣтелемъ Богомъ, а не думать, будто мысль, злоупотребленная гордостію, потому самому перестаетъ быть истинною. Скажешь-ли еще, что землею, солнцемъ и небомъ пользуешься не ты одинъ и не только всѣ человѣки, но и безчисленное множество другихъ тварей Божіихъ,—отвѣтствую: что до того? Тѣмъ болѣе чудно, тѣмъ болѣе необъятно богатство Божіе, что хотя имъ пользуются безчисленныя существа, но и ты пользуешься имъ такъ, что оно совершенно для тебя приготовлено и къ твоимъ потребностямъ приспособлено. Найди способъ обойтись безъ земли, солнца и неба,—и тогда не почитай себя за нихъ должникомъ предъ Богомъ; а если сего не можешь сдѣлать, то признай, что каждый лучъ солнца, который тебя освѣщаетъ или согрѣваетъ, каждая капля воздуха, которую ты берешь себѣ дыханіемъ, есть твой новый заемъ изъ сокровищъ Божіихъ, заемъ, всегда продолжаемый, ежеминутно возобновляемый и, слѣдственно, всегда неоплатный. Но изъ однихъ ли сокровищъ творенія занимаемъ мы у Творца? Какъ щедро даруетъ намъ еще всеблагій Промыслитель изъ сокровищъ Своего провидѣнія ежеминутное храненіе нашихъ силъ и способностей, помощь и содѣйствіе во всемъ благомъ, средства и пособія къ жизни благоустроенной и благополучной, добрыхъ и любящихъ родителей, благоразумныхъ воспитателей, праведнаго и благодѣтельнаго царя, безопасность общественную, успѣхи въ начинаніяхъ, невидимо устрояемое избавленіе отъ бѣдъ, когда очевидно *суетно спасеніе человѣческое* (Псал. 59. 13)! Что сказать о важнѣйшемъ еще и еще болѣе неоцѣненномъ заимодательствѣ Божіемъ изъ сокровищъ благодати? Намъ, грѣшникамъ, омраченнымъ, погибшимъ, даровалъ Господь свѣтъ вѣры, надежду спасенія, смертію Сына Своего Единороднаго заплатилъ за искупленіе насъ отъ вѣчной смерти, которой мы предали себя грѣхомъ; какъ залогъ, какъ начатокъ, какъ напутствіе жизни вѣчной и блаженной, далъ намъ Духа Своего Святаго, крещеніе возрожденія, нетлѣнную пищу тѣла и крови Христовой. О если бы мы были вѣчными должниками Божіими потому только, что благодѣянія Божіи къ намъ безчисленны и вѣчны!

Но это еще не все. Есть новые долги наши предъ Богомъ, которые болѣзненно насъ тяготятъ и глубоко уничижаютъ, долги, происходящіе и возрастающіе отъ того, что мы и заимоданное намъ во зло употребляемъ, и возможнаго съ нашей стороны великому Заимодателю или, по́ Его порученію, клевретамъ нашимъ не воздаемъ. Всегда-ли вѣрно воздаемъ мы Богу славу, благодарность, молитву, ближнему любовь, бѣдствующему состраданіе, бѣдному возможную помощь? Тщательно ли употребляемъ мы въ оборотъ заимоданные намъ таланты: время всегда-ли на занятія полезныя или, по крайней мѣрѣ, невинныя, разумъ всегда-ли для истины, сердце всегда-ли на движенія къ добру, чувства всегда-ли на подвиги умѣренности, воздержанія и чистоты? Можемъ-ли похвалиться, что удовлетворяемъ въ сихъ отношеніяхъ своему долгу? *Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица* (Дан. 9. 7).

В) Изъ бесѣды о благодарности къ Богу. Человѣкъ живетъ непрерывными благодѣяніями Божіими: онъ весь составленъ изъ даровъ благодѣяній Божіихъ; онъ погруженъ въ благодѣяніяхъ Божіихъ какъ въ безднѣ.

Бытіе и жизнь человѣка, въ своемъ началѣ, есть свободное даяніе Творца,—даръ, котораго никто не могъ у Него вынудить, никто не имѣлъ права истребовать, слѣдственно и продолженіе бытія и жизни есть непрерывное продолже-

ніе того же даянія Божія. Безсмертіе человѣка есть безсмертное, безконечное благодѣяніе Божіе.

Разберемъ составъ нашъ. Душа, основаніе жизни, есть дыханіе Бога Творца. Тѣло, жилище и орудіе души—дѣло рукъ Божіихъ. Умъ, безъ котораго не существовали бы для тебя ни истина, ни мудрость; сердце, безъ котораго не было бы для тебя ни блага, ни блаженства; чувства, безъ которыхъ вселенная, тебя окружающая, была бы для тебя закрыта и недоступна: все сіе не также ли Божіе дѣло, Божіи дары тебѣ—ничтожеству? Точно, ты весь составленъ изъ даровъ и благодѣяній Божіихъ.

Осмотримся во вселенной. Кто положилъ подъ нами землю, которая насъ держитъ надъ бездною, даетъ намъ жилище, одежду, пищу? Кто пролилъ на землѣ воду, которая насъ поитъ и омываетъ? Кто засвѣтилъ въ небесахъ свѣтила, которыя даютъ намъ возможность видѣть вселенную съ ея чудесами, которыя изъ мертвой земли вызываютъ для насъ жизнь, красоту, благоуханіе, сладость, пищу, лекарство и которыя нашу собственную земную жизнь питаютъ тонкою, но не менѣе земной существенною пищею? Чей это воздухъ, которымъ мы дышимъ? Кто учредилъ намъ день, который возбуждаетъ насъ къ дѣятельности, и ночь, которая благопріятствуетъ нашему покою? Кто далъ злаку благодѣтельный для насъ законъ,— сверхъ немногаго числа сѣмянъ, нужнаго для продолженія рода, производить преизбыточествующее множество, на хлѣбъ намъ? Кто заповѣдалъ древу, сверхъ нужнаго ему сѣменнаго зерна, приносить плодъ намъ, а не ему надобный? Кто велѣлъ гордому коню смиряться подъ нашею тяжестію и смиренной овцѣ, даже малому червю прясть изъ своего тѣла нашу одежду? Кто, на случай скупости солнца, приготовилъ намъ сокровища свѣта и огня въ кремнѣ и стали, въ деревѣ и маслѣ? Не все ли сіе и прочее невсчислимое — Божіе устроеніе, Божія собственность и, когда предоставлено въ пользу нашу, Божіе намъ благодѣяніе? Точно, мы погружены въ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ въ безднѣ.

Можетъ быть, невнимательный къ благодѣяніямъ Божіимъ скажетъ: я пользуюсь тѣмъ, что въ моей и въ окружающей меня природѣ, посредствомъ собственныхъ моихъ усилій, либо при содѣйствіи другихъ людей, обработалъ, взыскалъ, произвелъ, пріобрѣлъ. Таковому отвѣтствуемъ съ апостоломъ: *ни насаждаяй есть что, ни напояяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. 3. 7). Сіе обличеніе ничтожности человѣческихъ дѣйствій, въ сравненіи съ благотворнымъ содѣйствіемъ Божіимъ, столько же справедливо буквально въ отношеніи къ обработыванію видимой природы, сколько иносказательно въ отношеніи къ образованію духовнаго естества въ человѣкѣ. Ты провелъ грубую борозду или вырылъ яму, бросилъ зерно или посадилъ корень и, можетъ быть, еще брызнулъ водою, если это въ небольшомъ саду. Какія ограниченныя, мертвыя, ничтожныя дѣла! Но что дѣлаетъ между тѣмъ небесный Земледѣлецъ? Въ зернѣ или корнѣ Онъ уже приготовилъ непримѣтно, и тѣмъ болѣе удивительно, все будущее растеніе и весь плодъ, котораго ты алчешь; въ землѣ, въ которую ты бросаешь сѣмя какъ въ могилу, Онъ также приготовилъ для него матернюю утробу; далѣе, Онъ повелѣваетъ солнцу Своему сквозь темныя и холодныя глыбы пробиваться свѣтомъ и теплотою и извлекать изъ погребеннаго сѣмени ростокъ, изъ ростка стебель, изъ стебля цвѣтъ и плодъ; для споспѣшествованія сему Онъ опять посылаетъ поочередно теплоту и холодъ, влажность и сухость, дожди и росы, вѣтры и тишину; и, конечно, не насаждающій и напояющій человѣкъ, но возращающій Богъ изъ однихъ и тѣхъ же— земли, воды, воздуха, свѣта — производитъ въ пшеничномъ колосѣ хлѣбъ, а въ виноградной ягодѣ вино. Мы примѣчаемъ наши ничтожныя дѣла по тому самому, что они ограниченны и малы, потому что начинаемъ ихъ и оканчиваемъ,

усиливаемся для нихъ и устаемъ отъ нихъ, и, напротивъ, не примѣчаемъ иногда благодѣяній Божіихъ потому самому, что они велики, потому что готовы безъ усилій, повсемственны, всегдашни. Надобно иногда временное и мѣстное отъятіе благотворной руки Божіей, чтобы люди справедливѣе оцѣняли благодѣяніе Божіе, которымъ долго безъ вниманія пользовались. Голодъ изъясняетъ Божіе благодѣяніе хлѣба, тлетворное повѣтріе—благодѣяніе воздуха, засуха—благодѣяніе дождя, безведріе—благодѣяніе солнца, которое недорого потому, что всеблагій Богъ каждый день сіяетъ имъ на злыя и благія.

Г) Изъ Слова на освященіе храма Св. Маріи Магдалины. Если трудно быть и зрителемъ бѣдствій, то, конечно, еще труднѣе испытывать оныя на себѣ самомъ. Но какъ иногда нельзя миновать ихъ, то надобно же какъ нибудь умѣть обходиться съ ними. Вопль и рыданіе, безъ сомнѣнія, не есть наилучшій способъ бесѣдовать съ несчастіемъ: найдите же другой, болѣе сообразный съ достоинствомъ разумнаго и свободнаго существа, но также сообразный и съ возможностію бѣдствующаго, иначе сказать, изыщите средства утѣшенія. Здѣсь-то желалъ бы я испытать сію гордую философію, которая думаетъ не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собственнымъ сдѣлать человѣка благополучнымъ и независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее, напримѣръ, въ больницу испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему? «Будь великодушенъ: ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звеномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ». — Какъ вы думаете? будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ ли, напротивъ, онъ себя болѣ прежняго отягченнымъ узами причинъ и законовъ, изъ коихъ нельзя вырваться? Или положимъ, что философія, смотря на больнаго съ нравственной стороны, скажетъ: «вѣроятно, ты самъ привлекъ болѣзнь какими-нибудь излишествами, неправильностями, неосторожностію: переноси же великодушно то, чего самъ причиною». —Опять спрашиваю: достаточно ли сіе разсужденіе для утѣшенія страждущаго? Не можетъ ли онъ сказать такому утѣшителю: ты удвояешь мое несчастіе, представляя меня несчастнымъ и физически и нравственно?—Что еще можетъ сказать страждущему философія? «Терпи: если не врачеваніе, то смерть прекратитъ страданія». Но если на семъ она остановится, — а она принуждена остановиться на семъ, потому что не видитъ далѣе,—то скорѣе призоветъ отчаяніе, нежели отраду. Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Пріиди, премудрость Божія; помоги, божественная религія. Ты можешь сказать страждущему, что его бѣдствіе или послано, или допущено небеснымъ Отцемъ милосердымъ; что, слѣдственно, бѣдствіе не безъ нужды, не безъ правды, не безъ пользы, ибо такого не попустилъ бы такой Отецъ; что Онъ милуетъ и тогда, когда поражаетъ, и готовъ ежеминутно даровать облегченіе, по способности пріемлющаго, сообразно съ истиннымъ благомъ его. Ты можешь увѣрить, что страданіе можетъ быть велико, но не можетъ быть несносно, по реченному: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (Кор. 10. 13). Если болящій отъ того боленъ, что грѣшенъ и, слѣдственно, сугубо несчастенъ: ты можешь подать ему и сугубое утѣшеніе, именно, для скорби душевной—надежду прощенія грѣховъ по вѣрѣ и покаянію; для болѣзни тѣлесной — надежду исцѣленія, въ слѣдствіе прощенія грѣховъ, или же то увѣреніе, что Врачъ душъ и тѣлесъ употребитъ болѣзнь какъ средство очищенія, обратитъ болѣзнь тѣла

во врачевство души чрезъ подвигъ терпѣнія, и что, слѣдственно, надобно благодушно принимать страданіе болѣзни, какъ благодушно принимаютъ горькое лекарство, въ пользѣ котораго увѣрены. Ты, безсмертная религія, можешь изъ самой горькой мысли о смерти извлечь сладкое утѣшеніе, ибо ты видишь въ ней не конецъ только настоящаго, но и начало будущаго, не предѣлъ, но продолженіе, не закрытіе зрѣлища, но открытіе лучшаго, не мрачную бездну, въ которую наудачу можетъ броситься отчаяніе, но область свѣта, куда благонадежно можетъ вступить вѣра, гдѣ претерпѣвшихъ до конца ожидаетъ не только прекращеніе бѣдъ, но и наслажденіе благъ, и выше всякаго понятія щедрое воздаяніе за терпѣніе. Наконецъ, въ основаніе и совершеніе всѣхъ утѣшеній, ты, религія Христова, можешь указать страдальцу на великаго Мужа болѣзней, который *язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша*, который понесъ *наказаніе міра нашего*, котораго *язвою мы исцѣлѣхомъ* (Иса. 53. 5). Тѣ, которые истинно познали Его въ вѣрѣ и любви, знаютъ, какъ не только возможно безъ ропота и нетерпѣливости, но даже какъ сладостно переносить страданія въ общеніи страданій Его, съ помощію Его, при видѣ примѣра Его, изъ благодарности къ Нему, изъ любви къ Нему. Отъ нихъ-то слышимъ столь невѣроятныя для мудрованія плотскаго, но и столь ободрительныя для мудрованія духовнаго изъявленія внутреннихъ ощущеній: *хвалимся въ скорбѣхъ* (Рим. 5. 3); *радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. 1. 24); *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Псал. 93. 19); *яко же избыточествуютъ страданія Христова въ насъ: тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. 1. 5). Такъ полно и совершенно утѣшеніе, которое страждущій или бѣдствующій можетъ обрѣсти въ религіи!

Д) Изъ Бесѣды о нашемъ житіи на небесѣхъ. Разуму земному страннымъ показаться можетъ апостольское возвѣщеніе, что *житіе наше на небесѣхъ есть.* Онъ скажетъ: и птицы небесныя не на небесахъ живутъ, хотя мы уступаемъ имъ преимущество называться *небесными*; мы меньше птицъ можемъ отдѣлять себя отъ земли. Наша жизнь стоитъ на землѣ, какъ на основаніи: питается земною пищею; покрывается земною одеждою; укрывается въ земномъ жилищѣ. Какъ же можно сказать, что *житіе наше на небесѣхъ есть?* Иное дѣло, если бы сказано было: житіе наше на небесѣхъ будетъ. Но и сіе кому извѣстно? А то какъ возможно?

Вы оправдаете меня, братія, въ томъ, что я не соглашусь поправлять или ослаблять словъ апостольскихъ въ угодность непонимающихъ. Я стою твердо въ апостольскомъ увѣреніи, что *житіе наше на небесѣхъ есть.* Чтобы сдѣлать истину сію внятною и ощутительною, надлежитъ различить и сравнить жизнь временную и вѣчную, тѣлесную и духовную.

Если бы городскаго жителя, во время путешествія, въ полѣ или въ деревнѣ спросили, гдѣ онъ живетъ, безъ сомнѣнія, онъ не сказалъ бы: вотъ здѣсь, на дорогѣ, или вотъ здѣсь, въ сельской гостинницѣ; но сказалъ бы, что живетъ въ городѣ, гдѣ у него домъ и семейство, хотя бы во время вопрошенія и далеко былъ отъ города. И справедливо, ибо мы живемъ не тамъ, гдѣ случайно странствуемъ, гдѣ почуемъ въ постояломъ домѣ, но гдѣ имѣемъ постоянное пребываніе. Примѣните сіе къ апостолу и просто будетъ его необычайное по первому виду изреченіе. Св. Павелъ жизнь временную представлялъ только странствованіемъ, землю — не больше, какъ постоялымъ домомъ; какъ мысль странника упреждаетъ его и находится уже въ домѣ, когда онъ еще на пути, такъ сердце апостола во время земнаго странствованія было уже тамъ, идѣ же есть сокровище

*

его, гдѣ Богъ живетъ во свѣтѣ, гдѣ Христосъ царствуетъ во славѣ, гдѣ обители святыхъ и жизнь ихъ истинная и вѣчная. Такъ онъ мыслилъ и чувствовалъ, такія мысли и чувствованія предполагалъ и во всѣхъ христіанахъ, какъ участникахъ той же вѣры, какъ наслѣдникахъ той же вѣчной жизни, и потому не о себѣ только, но вмѣстѣ съ собою и о всѣхъ насъ увѣрительно сказалъ: *житіе наше на небесѣхъ есть.*

Житіе наше на небесѣхъ есть! Въ семъ апостольскомъ словѣ подаю вамъ, чада Церкви воинствующей, оружіе противъ многаго, что сражается съ вами на землѣ.

Тяготитъ тебя печаль о добромъ и возлюбленномъ умершемъ? Скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть;* неблагоразумно было бы разслаблять себя на пути печалію о томъ, кто упредилъ насъ: лучше напрягать силы и вниманіе, чтобы вѣрнымъ путемъ идти туда, гдѣ житіе обоихъ.

Искушаетъ тебя любовь къ земнымъ вещамъ и желаніе многаго пріобрѣтенія? Скажи опять: *житіе наше на небесѣхъ есть*, а здѣсь мы путешествуемъ; не надобно путешественнику слишкомъ увеличивать ношу путеваго запаса; нелѣпо было бы останавливаться на дорогѣ и строить себѣ великолѣпный домъ для ночлега.

Обижаютъ тебя, лишаютъ собственности, чести, награды? Еще скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть;* тамъ наши сокровища некрадомыя, вѣнцы нетлѣнные, воздаянія вѣчныя. Не нужно заботиться много, если отнимаютъ лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить безцѣнное наслѣдіе въ домѣ Отца небеснаго.

Такъ сильною мыслію о небесномъ, вѣрою въ небесное, любовію къ небесному, надеждою небеснаго возмогай, земнородный, надъ земнымъ и преисподнимъ и подвизайся непрестанно, да будетъ въ тебѣ небо благодатію, да будешь наконецъ ты въ небѣ со славою вѣчною.

Е) Изъ Слова въ день воскресный и святителя Алексія. О безсмертіи души человѣческой и о будущемъ воскресеніи самаго тѣла человѣческаго если бы надлежало говорить къ незнающимъ, то, для составленія понятія о безсмертіи, можно было бы обратить вниманіе на самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ и что умираетъ. То, что видимъ умирающимъ, есть видимое, грубое тѣло, а то, что живетъ въ человѣкѣ, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называемъ душею. Тѣло само изъясняетъ свою смертность, поелику очевидно на части дѣлится и разрушается; душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и несліянномъ единствѣ, никакъ несовмѣстномъ съ свойствами дѣлимаго вещества. Тѣло еще въ продолженіе жизни умираетъ и, конечно, нѣсколько разъ, по частямъ, ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую; между тѣмъ душа во все продолженіе жизни чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни какъ бы поневолѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію; душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою независимую отъ тѣла жизнь и дѣятельность.

Свидѣтелями безсмертія души человѣческой можно бы поставить лучшую и наибольшую часть рода человѣческаго и цѣлые народы, отъ наиболѣе просвѣщенныхъ до наименѣе образованныхъ, такъ что въ семъ случаѣ самыя заблужденія могутъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать объ истинѣ. Сколь ни чувственны понятія о будущей жизни у последователей Магомета; сколь ни грубы сказанія объ оной у язычниковъ; сколь ни поразительна власть духа тьмы и злобы надъ нѣкоторыми изъ сихъ, у кото-

рыхъ почитается за добродѣтель живому отдать себя на сожженіе для умершаго: но и въ семъ превращеніи и смѣшеніи понятій и чувствованій, и въ семъ преобладаніи скотскихъ и звѣрскихъ свойствъ надъ человѣческими, еще, какъ искра въ грудѣ пепла, не совсѣмъ угасла истина, та истина, что послѣ настоящей есть для человѣка жизнь будущая. Если древніе или новые саддукеи силятся отвергать сію истину, то потому только, что она препятствуетъ имъ быть саддукеями, то есть безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями, поелику мысль о безсмертіи требуетъ и смертной жизни, сообразной съ будущею безсмертною.

Можно бы, для удостовѣренія о будущей жизни человѣка, заставить говорить даже безсловную и безжизненную природу. Ибо въ цѣломъ мірѣ нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи: нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни: человѣкъ ли, вѣнецъ земли и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?

Можно бы еще отъ внѣшнихъ вещей обратить человѣка во глубину сердца его и тамъ дать услышать ему предвѣстіе о жизни по смерти. Все живущее на землѣ, кромѣ человѣка, по внушенію природы, печется только о настоящей жизни, кромѣ того случая, когда дѣйствуетъ предчувствіе жизни будущей, какъ, напримѣръ, въ червѣ, который устрояетъ себѣ шелковый или паутинный гробъ, въ надеждѣ воскреснуть бабочкою: отъ чего происходитъ, что человѣкъ даже тогда, какъ забываетъ о собственной будущей жизни, многое дѣлаетъ для такъ называемаго безсмертія въ потомствѣ? Сіе стремленіе человѣческаго сердца не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія, отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня? Также всякое сердце человѣческое признаетъ, а чѣмъ оно благороднѣе, тѣмъ сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что въ настоящей жизни добро и правда очень часто страждутъ отъ зла и неправды: откуда же происходитъ сіе глубокое въ естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть, если не отъ глубочайшаго, сокровеннаго ощущенія царства добра и правды, которое граничитъ съ настоящею жизнію посредствомъ гроба?

О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей, и чтобъ забываемое тобою безсмертіе не убило тебя навѣки, если оно тебѣ, неожидающему его и неготовому, внезапно явится.

Не говори отчаянно: *утрѣ умремъ*, чтобы тѣмъ необузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни; говори съ надеждою и страхомъ: утрѣ

умремъ на землѣ и родимся или на небесахъ, или во адѣ; итакъ, надобно поспѣшать, чтобъ положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому рожденію.

Что есть начало къ небесному рожденію? Слово, и духъ, и сила воскресшаго Христа, который есть и наше воскресеніе и жизнь. Принимай сіе божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою, полагай оное въ сердцѣ любовію, углубляй смиреніемъ, согрѣвай молитвою и богомысліемъ, питай или напояй слезами умиленія, укрѣпляй подвигами добродѣтели.

Ж) Изъ Слова въ день благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Взирай, христіанская душа, на священный образъ духовнаго молчанія, представленный тебѣ Евангеліемъ частію и въ лицѣ Іосифа, наипаче же въ лицѣ Маріами, и познавай сокровенную, величественную красоту души Ея, о которой написалъ пророкъ: *вся слава дщерициревы внутрь* (Псал. 44. 14); познавай и возлюби сію духовную красоту; возлюби и подвизайся, чтобы и тебѣ, хотя отчасти, сею облечься красотою Дщере царевы и по слѣдамъ Ея добродѣтели достигнуть Ея блаженства, ибо *приведутся царю дѣвы во слѣдъ Ея.*

Встрѣчаешь ли непонятное въ вѣрѣ? Не спѣши любопытствовать или прекословить, но въ молчаніи внимай глаголу вѣры и терпѣливо жди времени, когда глаголющій въ притчахъ удостоитъ тебя изъясненія оныхъ живымъ словомъ и опытомъ.

Примѣчаешь-ли въ словахъ или дѣлахъ ближнихъ нѣчто странное и, какъ тебѣ кажется, неправильное? Не торопись обличать и судить, если не призываетъ тебя къ сему должность отца, или пастыря, или наставника. Не будь праведенъ, какъ фарисей, который себя одного находилъ такимъ въ цѣломъ свѣтѣ: *нѣсмь, яко же прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы;* но будь праведенъ, какъ Іосифъ, *сирѣчь*, изъясняетъ святый Златоустъ, *благъ и кротокъ* (на Матѳ. бесѣд. 4).

Опасаешься ли, что какое нибудь твое дѣло вѣры и любви подвергнется превратнымъ сужденіямъ и нареканію? Не провозглашай для сего твоей добродѣтели, чтобы, охраняя главу ея, не утратить чистоты ея. *Открый* не къ человѣкомъ прекословіемъ, но *ко Господу* молитвою *путь твой, и Той сотворитъ: и изведетъ, яко свѣтъ правду твою, и судьбу твою яко полудне* (Псал. 36. 5—6).

Посѣщаетъ ли тебя благополучіе, и радость расширяетъ сердце твое? Не расширяй устъ для тщеславія, но слагай въ благодарномъ сердцѣ глаголы благодѣющаго Провидѣнія.

Постигаетъ ли тебя бѣдствіе и скорбь наполняетъ душу твою? Не умножай воплей и стоновъ, во множествѣ которыхъ по большей части слышны бываютъ отголоски упорства и непокорности судьбамъ Вышняго; но *потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое* (Псал. 26. 14).

Ни въ какомъ случаѣ не расточай безразсудно слова, словесная тварь Слова Творческаго! Если словомъ Богъ сотворилъ все, а человѣкъ сотворенъ по образу Божію, то какія величественныя дѣйствія надлежало бы производить слову человѣка! Въ самомъ дѣлѣ, оно исцѣляло болящихъ, воскрешало мертвыхъ, низводило съ неба огнь, останавливало солнце и луну и, что всего важнѣе, содѣлавшись орудіемъ воплощеннаго Слова Божія, оно претворило и претворяетъ растлѣнныхъ грѣхомъ человѣковъ въ новую тварь, чистую и святую. Такъ дѣйствуетъ слово человѣческое, когда, крѣпко бывъ заключено въ горнилѣ благоговѣйнаго молчанія и разжигаемо тайною, внутреннею молитвою, получаетъ свойственную ему чистоту и силу или, лучше сказать, становится причастнымъ силы Слова Божія и Духа Святаго. И сіе ли могущественное, зиждительное, священное орудіе мы обращаемъ на дѣйствія нечистыя, разрушительныя, свято-

татственныя—на злорѣчіе, клевету, хуленія, или легкомысліемъ раздробляемъ оное въ легкій прахъ и разсыпаемъ по вѣтру въ суетномъ празднословіи?

3) Изъ Слова на обновленіе храма Успенія Пресвятыя Богородицы. Нѣкто изъ отцевъ вопросилъ нѣкоего великаго изъ отцевъ: какое есть доброе дѣло, которое бы мнѣ сдѣлать такъ, чтобы оно было дѣломъ моей жизни? Авва отвѣтствовалъ: не всѣ дѣла равны для всякаго. Книги говорятъ, что Авраамъ былъ страннолюбивъ, и Богъ былъ съ нимъ. Давидъ былъ смиренъ, и Богъ былъ съ нимъ. Итакъ, въ чемъ душа видитъ для себя хотѣніе Божіе, то и дѣлай. Наипаче же храни сердце свое.

Кто хочетъ подражать Авраамову страннолюбію, Давидову смиренію, тотъ, какъ самые сіи примѣры показываютъ, можетъ упражняться въ сихъ добродѣтеляхъ повсюду: на пути, въ домѣ, въ деревнѣ, въ городѣ, на престолѣ. Такъ ли легко найдетъ себѣ открытое и нестѣсненное поприще тотъ, кто изберетъ дѣломъ жизни своей Илiину любовь къ безмолвію? Гдѣ теперь Иліинъ Кармилъ или Хоривъ? Гдѣ Іоаннова пустыня? Гдѣ дикія мѣста палестинскія и египетскія, которыя чуднымъ образомъ угождающая благодати природа сдѣлала неспособными для обыкновенныхъ селеній человѣческихъ, чтобы сберечь для жительства земныхъ ангеловъ? Сонмы сихъ ангеловъ переселились въ сродное небо; земныя жилища ихъ, едва не безъ остатка, пришли въ запустѣніе, и на поприщѣ духовнаго безмолвія вновь рыщетъ одинокій звѣрь или скитается полудикій человѣкъ. Переселилась любовь къ безмолвію и въ наши страны и избрала для себя пещеры, лѣса, мѣста, удаленныя не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ, чего близкій примѣръ имѣемъ въ преподобномъ Сергіи; но какъ, по непреложному слову Христову, *не можетъ градъ укрытися вверху горы стоя* (Матѳ. 5. 14), то высоко возрастшая и созрѣвшая любовь къ безмолвію обыкновенно не оставалась сокрытою: привлекала учениковъ, почитателей, посѣтителей, и отъ самаго множества любителей или почитателей безмолвія, кромѣ другихъ причинъ, почти по необходимости стало тѣсно безмолвію. Между тѣмъ и пустыни нашихъ странъ, по самой природѣ, менѣе южныхъ удобныя для безустройственнаго пустынножительства, съ теченіемъ времени сдѣлались для него менѣе прежняго пространными и свободными, по дѣйствію распространившагося народонаселенія.

Чего же посему ожидать? Путь Иліи, путь Іоанна Крестителя, путь Антонія Великаго долженъ ли увидѣть себя оставленнымъ и возрыдать, подобно, какъ нѣкогда, по сказанію Іереміи, *путіе Сіони рыдали, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ?* (Плач. Іерем. 1. 4)? Міръ, вѣроятно, не почелъ бы сей потери тяжкою: но не такъ думать поучаетъ опытъ вѣковъ. Никто въ городахъ и селеніяхъ Израилевыхъ не нашелъ столько силы,—одинъ Илія въ пустынѣ нашелъ столько силы, чтобъ одному, одною силою духа побѣдоносно сражаться съ господствовавшимъ въ его время идолопоклонствомъ. Пустыня, а не вселенная должна была уготовать Іоанна, чтобы онъ сдѣлался способнымъ уготовать путь Господень для спасенія вселенной. Глубокая пустыня и совершенное безмолвіе воспитали Антонія до возраста великаго, чтобы онъ могъ потомъ духовно родить, такъ сказать, племя и поколѣніе земныхъ ангеловъ, пустынножительствовавшихъ, общежительствовавшихъ, священноначальствовавшихъ въ церкви. Сказанное теперь о святомъ Антоніи можемъ сказать въ другой разъ, если на мѣсто его имени поставимъ имя святаго Сергія.

Итакъ, если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ не совсѣмъ свободно, а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде: то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семъ вѣкѣ мол-

вы многія? Не будетъ ли, можетъ быть, ей пріятно поселиться въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнію обители великой, подобно какъ нѣкогда безмолвствующій Варсонофій Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи, подъ тѣнью обители Аввы Серида?

Пріиди, благословенная любовь къ безмолвію Иліина, Іоаннова, Антоніева, Сергіева! Скрывайся отъ молвы, но не скрывайся отъ ищущихъ путей твоихъ и слѣдовъ твоихъ, твоихъ правилъ и твоихъ примѣровъ. Являйся иногда и неищущимъ, способнымъ принять тебя. Ты устраняешь человѣка отъ видѣнія другихъ и тѣмъ удобнѣе даешь ему увидѣть самого себя, а *сподобивыйся увидѣти себе*, по слову одного изъ твоихъ таинниковъ, *лучшій есть сподобшагося увидѣти ангеловъ* (Исаак. Сир. сл. 41). Ты пресѣкаешь бесѣды съ человѣками и тѣмъ искреннѣе вводишь въ бесѣду со Христомъ. Ты затворяешь дверь внѣшнія храмины и отверзаешь внутреннюю храмину сердца. Ты подаешь и научаешь употреблять оружіе противъ страстей. Ты собираешь разсѣянные помыслы. Ты погружаешь умъ во глубину писаній и почерпаешь свѣтъ. Ты совершенствуешь покаяніе, Ты обрѣтаешь источникъ слезъ. Ты возводишь къ чистой молитвѣ. Ты учишь *молчанію*, которое *есть таинство будущаго вѣка* (Исаак. Сир. сл. 42).

Не для всѣхъ равно призываю любовь къ безмолвію. Жизнь безмолвія не для многихъ. Но посѣщеніе безмолвія для всякаго должно быть вожделѣнно. Кто не упраздняетъ себя, хотя однажды въ день, хотя на непродолжительное время, отъ всякаго внѣшняго, земнаго занятія, попеченія, пристрастія и не вводитъ своей души въ благоговѣйное безмолвіе предъ Богомъ: тотъ еще не позналъ пути мира для души своей. Ибо тако глаголетъ Господь: *упразднитеся и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Псал. 45. 11).

86. Слово въ великій пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ (*), вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братія, давайте плакать», и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?.. И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется-ли отъ слабаго слова человѣческаго? На Голгоѳѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. 23. 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать. Аминь.

Иннокентій.

87. Слово въ великій пятокъ.

Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! И такъ есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящіеся службу приности Богу* (Іоан. 16. 2)! есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками! есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ! Но, братія, есть ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія божественнаго всыновленія со креста? есть-ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? есть-ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату

(*) Антоній Великій.

и просить тѣла Іисусова? есть-ли Саломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псалмопѣвца, *приниче* нѣкогда *съ небесе на сыны человѣческія видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога*, и не узрѣлъ ни единаго: *вси уклонишася, неключими быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Псал. 13. 2). Теперь, братія, чтобы ближе видѣть, Господь приникаетъ не съ неба, не съ престола славы, а со креста, изъ гроба; приникаетъ видѣти уже не на сыны человѣческіе, а на сыны благодати Своея: аще есть разумѣваяй силу смерти Его, распинаяйся Ему въ духѣ. Что-же, Господи, зришь ты теперь между нами? Болѣе-ли, лучше-ли прежняго? Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія; но и на Голгоѳѣ Ты видѣлъ покиванія главою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: *радуйся, царю Іудейскій!* Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы, слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія; но и съ Голгоѳы многіе возвращались, *біюще въ перси своя* (Лук. 23. 48), и, не смотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братія, не то потребно для Господа и Спасителя нашего; не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоволитъ Онъ являться намъ висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. У гроба сего должно быть большему: *здѣсь судъ міру* (Іоан. 12. 31),—судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить расчетъ Домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. *Пріидите*, вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ пророка, *пріидите и истяжимся* (Ис. 1. 18)!

Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ! У Меня была ваша глава, и она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверсто для васъ копіемъ; у Меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ и доселѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ Мой Я предалъ со креста— не вамъ, ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его, а Отцу; но, по вознесеніи Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа Св. отъ Отца. Вотъ что Я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня или паче для себя, ибо все Мое для васъ: *пріидите и истяжимся*!

Можемъ-ли, братія, уклониться отъ сего призванія? И такъ, служитель алтаря, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя святое святыхъ, и содѣлать тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользуешься ты драгоцѣннымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Низводишь-ли благословеніе на себя и предстоящихъ? возвѣщаешь-ли имъ пути живота? предходишь-ли примѣромъ благой жизни? Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ большей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои *ходятъ во истинѣ* (3 Іоан. 1. 4) Христовой; если, въ случаѣ нужды, ты, по примѣру великаго Пастыреначальника, готовъ душу свою положить за овцы своя: то благо тебѣ; ты іерей по чину Іисусову; приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ, лобызай сіи язвы и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи чреды служенія на землѣ, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, *идѣже Предтеча о насъ вниде Іисусъ* (Евр. 6. 20). Но если руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если ѳиміамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и, вмѣсто манны, ищешь мясъ египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля

святая; твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоеяже, *аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19. 11); и ты творишь судъ Божій. Памятуешь-ли сіе и со страхомъ-ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга кесарева, пріязнь сильныхъ земли, голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего: пользуешься-ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ и твердо-ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица; побораешь по истинѣ, какъ-бы она ни была презрѣна другими; если твой лиѳостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ: то приступи къ будущему Судіи своему и Господу, лобызай язвы Его и вдыхай изъ нихъ новую силу къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ, на всемірномъ судѣ, и ты станешь одесную, пріимешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцемъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями, заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ: то удались отъ гроба сего; твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи тайнъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій и не исчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка, для сего Самъ единородный Сынъ Божій, *сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1. 18), пріиде въ міръ и *далъ есть намъ разумъ и свѣтъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ* (1 Іоан. 5. 20). Въ пользу-ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ-ли ты, что есть истина? увѣрился-ли, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ токмо въ Томъ, кто есть истина и источникъ всякія истины по самому существу Своему, въ единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь-ли, что *есть истина во Христѣ* (Еф. 4. 21); что она состоитъ *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа* (1 Кор. 2. 4) и силы; не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Еф. 4. 22—24)? Если ты право правишь слово истины, *не сокрывая ее въ неправдѣ* (Рим. 1. 18) ни своего, ни общественнаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ взираешь какъ на служеніе Самому Богу; если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины, лобызай язвы, понесенныя за истину, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ее здѣсь, ты пріимешь за нее и отъ нея все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ, земныхъ цѣлей; если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать

ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умомъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истиною, потому что она, какъ Іисусъ предъ Иродомъ, кажется тебѣ странною: то удались отъ сего гроба — святое *буйство* (1 Кор. 1. 23) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно-ли глашать всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе святаго Духа; сочетался навѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ-бы не вступалъ ни въ какое обязательство съ своимъ Спасителемъ; если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то зачѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему Веліару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонѣ? У тебя есть другія божества, иди, поклоняйся имъ; у тебя есть другія язвы, — иди, лобызай ихъ.

Такъ, братія, у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магдалины, явитесь! се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражбу!

Но, братія, земные ангелы, подобно небеснымъ, всегда на божественной стражѣ; они всегда носятъ *на себѣ язвы своего Господа* (Гал. 6. 17); самый животъ ихъ всегда *сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3. 3). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ-ли приблизиться къ гробу Жизнодавца? Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ ли новою язвою для пречистаго тѣла? Дерзнемъ-ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но *къ кому идемъ* (Іоан. 6. 68)? *Нѣсть инаго подъ небесемъ, о немъже подобаетъ спастися* (Дѣян. 4. 12), кромѣ имени Его всеосвящающяго. Что-же сотворимъ, братія? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Исшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи, омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь отъ Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія Господь не отвергнетъ и насъ, и если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей царствія... Аминь.

Иннокентій.

88. Слово на отданіе Пасхи.

Христосъ воскресе!

Св. Псалмопѣвецъ, изображая въ псалмахъ различныя состоянія души благочестивой, замѣтилъ между ними одно такое, въ коемъ самый останокъ помышленій побуждаетъ человѣка радоваться и прославлять торжественно имя Господне. *И останокъ помышленія*, говоритъ онъ, обращаясь отъ лица благочестивой души къ Богу, *празднуетъ ти* (Псал. 75. 11). Едва-ли, братія, мы нынѣ не находимся въ подобномъ состояніи. Въ продолженіе четыредесяти дней празднества воскресенія Христова всякъ изъ насъ имѣлъ столько времени, побужденій и случаевъ къ размышленію о всѣхъ обстоятельствахъ

сего преславнаго событія, что нынѣ у каждаго, вѣроятно, есть какой-либо остатокъ благочестивыхъ помышленій и притомъ такой, что исполняетъ душу радостію и побуждаетъ снова торжествовать въ честь Воскресшаго.

Безъ сомнѣнія, останокъ сей различенъ, смотря по состоянію каждаго, ибо одинъ болѣе способенъ размышлять о предметахъ духовныхъ, другой менѣе; тотъ прилежнѣе размышлялъ въ прошедшіе дни о празднествѣ, другой проводилъ ихъ безъ особеннаго размышленія; обращавшійся съ молитвою въ духѣ къ Воскресшему принималъ отъ Него Самого тайныя озаренія, а необращавшійся потому самому лишенъ сея благодати. Я могу сказать только о томъ, что нынѣ осталось въ умѣ моемъ отъ собственныхъ моихъ размышленій о праздникѣ. Можетъ быть, въ семъ случаѣ я сойдусь въ мысляхъ съ нѣкоторыми изъ васъ; въ такомъ случаѣ отъ общаго останка будетъ общее, и потому большее празднество. А если и не сойдемся въ однѣхъ мысляхъ, то не будетъ вреда, ибо, во-первыхъ, чувство благоговѣнія и любви къ Воскресшему останется у всѣхъ одно; а во-вторыхъ, разнообразіе мыслей благочестивыхъ подастъ новую пищу душамъ благочестивымъ.

При обращеніи послѣдняго взора на празднество воскресенія Христова, мысль моя, братія, остановилась на времени, до какого продолжается у насъ это празднованіе. Не прежде, какъ по прошествіи четыредесяти дней, мы престаемъ праздновать воскресеніе Господне, и это потому, что Воскресшій пробылъ на землѣ по воскресеніи четыредесять дней. Почему-же и для чего пробылъ Онъ на землѣ именно столько дней, не болѣе и не менѣе? Въ такой жизни, какова жизнь Господа нашего, должно быть все строго расчислено и не можетъ быть ничего случайнаго. Кромѣ того, поелику земная жизнь Господа есть образецъ нашей жизни, такъ что, по апостолу, *въ насъ то же должно мудрствоватися* (1 Пет. 4. 1), что и во Христѣ Іисусѣ, то причина, почему Господь остался по воскресеніи на землѣ сорокъ дней, должна имѣть отношеніе и къ нашей жизни. Гдѣ-же она и въ чемъ?

Въ отвѣтъ на сіе должно сказать, во первыхъ, что четыредесятидневное продолженіе времени издревле было важно и встрѣчается въ Св. Писаніи токмо при особенныхъ случаяхъ. Такъ Израильтяне, по исходѣ изъ Египта, до вступленія въ Ханаанъ, странствуютъ въ пустынѣ четыредесять лѣтъ; и Моисей пріуготовляется на Синаѣ къ принятію закона четыредесять дней; столько-же дней Илія идетъ въ Хоривъ, гдѣ ожидало его явленіе славы Божіей; столько же дней Самъ Господь проводитъ въ пустынѣ предъ вступленіемъ въ должность всемірнаго Ходатая и Учителя. Такимъ образомъ число четыредесять можно назвать числомъ пріуготовленія къ чему-либо великому. Господу, по воскресеніи, предстояла величайшая высота — престолъ славы, сѣденіе одесную Бога Отца, управленіе Церковію и всѣмъ міромъ. Посему не составляло-ли четыредесятидневное пребываніе Его по воскресеніи на землѣ и для Него, то-есть для Его человѣчества, нѣкоего пріуготовленія ко вмѣщенію полноты божественной славы? Правда, что Божество въ Немъ соединено ипостасно съ человѣчествомъ; но оно соединено и дѣйствуетъ безъ нарушенія законовъ человѣчества, посему и обнаруживало себя на землѣ постепенно, а иногда и вовсе сокрывалось. Такъ говорится о Немъ, что Онъ возрасталъ премудростію и благодатію у Бога и человѣковъ (Лук. 2. 52); такъ Онъ Самъ говорилъ во время земной жизни Своей, что *о дни и часѣ* послѣднемъ *никто же вѣсть, ни ангели, ни Сынъ, токмо Отецъ* (Мар. 13. 32). Почему нѣтъ ничего несообразнаго съ достоинствомъ Богочеловѣка, если Онъ, по человѣчеству Своему, въ продолженіе четыредесяти дней по воскресеніи,

постепенно приближался къ той высотѣ божественной славы, на которую долженъ Онъ былъ взойти, по вознесеніи Своемъ на небо.

Но какое-же, спросишь, отношеніе сего событія въ жизни Господа къ нашей жизни! Весьма немалое: вспомни о сороковомъ днѣ по смерти. Св. Церковь издревле обыкла продолжать поминовеніе усопшихъ особенно до сего дня: почему? Не потому ли, что и съ нашими душами въ продолженіе сего времени происходитъ нѣчто подобное тому, что было съ Господомъ до Его вознесенія на небо, т. е. что онѣ, хотя отрѣшенныя отъ земли, но еще не восходятъ на небо и находятся въ состояніи нѣкоего пріуготовленія? Ему, яко безгрѣшному, не отъ чего было очищаться въ продолженіе сего времени, а надлежало только, если можно такъ сказать, постепенно возвыситься человѣчествомъ до безпредѣльнаго величія Божества, въ Немъ обитающаго тѣлеснѣ; а намъ, безъ сомнѣнія, отъ многаго надобно будетъ очиститься, оставляя міръ сей, ибо, какъ-бы мы ни старались быть свободными отъ того, что въ мірѣ, но прахъ суетъ земныхъ непримѣтно налегаетъ здѣсь на самую чистую душу. Имѣя въ виду сей великій и трудный подвигъ, принадлежащій душѣ по смерти, и желая оказать ей помощь въ толь важное время, когда рѣшается, куда идти ей, горѣ ли, къ престолу Божію, подобно своему Спасителю, или долу, во глубины ада, подобно врагу-искусителю,— святая Церковь молится за умершихъ особенно въ продолженіе четыредесяти дней по смерти, и многія явленія изъ другаго міра свидѣтельствуютъ, какъ нужны молитвы сіи для усопшихъ и какъ дѣйствительны онѣ, когда совершаются въ духѣ живой вѣры въ Искупителя и живой христіанской любви къ усопшимъ.

А мы, возлюбленные братія, зная сіе, должны, во-первыхъ, прилагать все стараніе о томъ, чтобы въ продолженіе жизни какъ можно болѣе освобождать свою душу отъ всего земнаго, нечистаго и грѣховнаго; ибо все сіе, какъ тяжесть, будетъ лежать на ней по смерти и не попускать ей возноситься горѣ; во-вторыхъ, должны какъ можно прилежнѣе совершать молитвы за умершихъ братій нашихъ: это самая лучшая жертва любви, какую мы можемъ приносить другъ другу.

Таковъ, братія, останокъ моихъ помышленій у гроба Спасителя. Вѣроятно, у нѣкоторыхъ изъ васъ осталось болѣе: да возблагодарятъ таковые Господа и да поспѣшатъ обратить оставшееся въ назиданіе свое и другихъ! ибо мы всѣ, по слову апостола, должны назидать другъ друга. Съ моей стороны довольно и того, что малый останокъ мыслей, переданный мною вамъ теперь, по выраженію Псалмопѣвца, *празднуетъ*, располагаетъ душу къ радости и прославленію воскресшаго Господа. Ибо какъ не возрадоваться, представляя, что въ нашей жизни повторяются событія Его божественной жизни, и что съ нами по смерти бываетъ нѣчто подобное тому, что было съ Нимъ по воскресеніи? Какъ не возблагодарить нашего Спасителя и Господа, помышляя, что Онъ во всѣхъ отношеніяхъ оставилъ намъ *образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (Іоан. 13. 15)? Во всѣхъ, говорю, отношеніяхъ; ибо какъ ни велика слава, въ коей мы узримъ Его завтра на Елеонѣ, но и она принадлежитъ не Ему одному, а всѣмъ истинно любящимъ Его.

О братія, величественная, неизглаголанная участь ожидаетъ насъ! Поемъ убо и не престанемъ пѣть воскресшему Господу: *славно бо, славно прославися* (Исх. 15. 1). Аминь.

Иннокентій.

89. Слово о духовномъ просвѣщеніи Россіи.

Праздникъ академіи есть праздникъ науки: праздникъ духовной академіи

есть праздникъ вѣры и науки. Если же вѣрѣ свойственно праздновать торжество православія, а наукѣ свойственно праздновать торжество разума, то каково должно быть значеніе праздника въ духовной академіи?

Вы не потребуете, а я не стану теперь разсуждать, въ какой степени удовлетворяетъ этому значенію нашъ нынѣшній праздникъ. Но есть желаніе сердца, которое не хотѣлось бы, да и не должно скрывать: желаніе, чтобы праздники нашихъ академій когда-нибудь составляли торжество духовнаго просвѣщенія всей Россіи.

Духовное просвѣщеніе, конечно, имѣетъ связь съ религіознымъ чувствомъ, однимъ словомъ — съ благочестіемъ. Однакожъ не о благочестіи теперь я говорю, а о духовномъ просвѣщеніи. Просвѣщеніе это, правда, относится непосредственно къ духовному сословію; однакожъ не это сословіе теперь я имѣю въ виду, а весь народъ русскій.

Въ настоящее время, когда такъ сильно возбуждено дѣло отечественнаго просвѣщенія, имѣется ли въ виду духовное просвѣщеніе отечества? Если такъ — слава Богу! значитъ, Россія на вѣрномъ пути истиннаго, полнаго прогресса. А оставить эту задачу въ сторонѣ значило бы оставить цѣлую половину дѣла.

Трудно ли понять эту задачу? Вотъ народъ, всею душею преданный вѣрѣ отцевъ, для котораго вѣра все: его мудрость, его добродѣтель, его сила и утѣшеніе въ жизни. Но этотъ народъ въ церкви, какъ дитя за матерью, только повторяетъ за церковію слова вѣры и молитвы безъ яснаго сознанія, а внѣ церкви въ немъ и около него тьма, тьма религіознаго невѣдѣнія, суевѣрій, лжеученій. И не этотъ ли туманъ низменныхъ полей русской народности закрываетъ и задерживаетъ свѣтъ просвѣщенія, теперь озаряющій пока только вершины Россіи? Вотъ милліоны людей, полагающихъ всю вѣру и спасеніе въ томъ, чтобы въ крестномъ знаменіи слагать два, а не три перста, чтобы аллилуія пѣть дважды, а не трижды, и еще — *бритва да не взыдетъ на лице ихъ* (Числ. 6, 5): не правда ли, какъ это пусто и смѣшно? Но это непобѣдимое упорство въ невѣжествѣ, это ожесточенное отдѣленіе отъ церкви и общества, эта мрачная ненависть ко всему современному, наконецъ это раздраженіе противъ существующихъ порядковъ въ церкви и государствѣ, заклейменныхъ именемъ антихриста — нѣтъ! это уже не пусто и не смѣшно: это ужасно! Это язва, которая разъѣдаетъ тѣло Россіи и разслабляетъ ея внутреннюю жизнь.

Вотъ общество, твердое въ духѣ русскаго православія, неизмѣнное въ чувствахъ вѣры и благочестія. Но на сколько свѣта въ этомъ духѣ? Какъ глубоко дно этихъ чувствъ? Если тутъ только церковный обрядъ, только урочное молитвословіе, постъ, праздникъ... ну, не глубокое дно! Если знаніе вѣры ограничено только грамотою по церковной книгѣ или только символомъ вѣры и другими, забытыми, впрочемъ, уроками дѣтства, и дальше не идетъ; если вѣра свѣтитъ въ душѣ какъ тусклая лампадка передъ иконами, когда кругомъ темнота ночи, а человѣкъ спитъ: немного свѣта! При этомъ-то неяркомъ свѣтѣ мирно почіетъ несильная совѣсть, дремлющая подъ негромкій, неопредѣленный и поэтому успокоительный говоръ религіозныхъ чувствъ; по этому-то неглубокому дну религіозной жизни расчитанно движутся нетяжелые грузы некрупныхъ добродѣтелей, которыми и довольствуются невысокія чувства и неширокія потребности души. Думаемъ ли мы, что это не отзывается въ ходѣ народнаго просвѣщенія и общественной жизни? А эта неохота, да и неспособность мыслить о предметахъ вышечувственныхъ и вышеобыденныхъ, это неясное сознаніе разумно-нравственнаго, однимъ словомъ, человѣческаго достоинства, эта неподвижность къ чему-либо лучшему въ жизни? А этотъ разладъ

вѣры съ жизнію, благочестія съ нравами, десницы съ шуйцею, когда первая прилежно дѣлаетъ крестныя знаменія, а послѣдняя знаменуется вовсе противокрестными дѣлами?...

Вотъ образованные классы общества, конечно, не исключающіе вѣры изъ своего образованія: и ничего не можетъ быть прекраснѣе и плодотворнѣе для жизни общественной, какъ свѣтъ вѣры въ образованномъ кругу. Но если въ этомъ кругу должны образоваться и изъ него развиваться въ обществѣ всѣ лучшія идеи и убѣжденія, то не въ правѣ ли мы искать и ожидать здѣсь и тѣхъ свѣтлыхъ понятій, которыми этотъ кругъ можетъ помочь намъ въ великомъ дѣлѣ нравственно-религіознаго образованія народа? Какихъ понятій? Такихъ, напримѣръ, что истинное просвѣщеніе состоитъ не въ подчиненіи вѣры свѣтскому образованію или бродячимъ понятіямъ времени, какія бы они ни были и откуда бы ни пришли, этому обману чувствъ и воображенія на базарѣ житейской суеты, а состоитъ въ стройномъ, гармоническомъ единеніи разума и вѣры, науки и откровенія, жизни гражданственной и религіозной; что свобода совѣсти, провозглашенная современнымъ просвѣщеніемъ, должна вести людей, конечно, не къ тому, чтобы они разнуздали свой умъ, сердце и волю и пустили ихъ на всѣ четыре стороны—думать, чувствовать и дѣлать, какъ случится, а развѣ къ тому, чтобы сознательно, по убѣжденіямъ ума и сердца, усвоять себѣ чистый свѣтъ истины и твердую силу нравственную въ вѣрѣ истинной, которая есть одна, а не всѣ истинны, такъ какъ и не всѣ ложны; что точное и ясное познаніе своей вѣры, прилежное занятіе вѣрою не должно оставаться, да и считаться не должно принадлежностію только привилегированной на то касты, а должно быть, по возможности, общимъ украшеніемъ образованныхъ сыновъ вѣры; что и каста эта не должна считаться принадлежностію больше церкви, чѣмъ общества, а столько же общества, сколько и церкви; что образованнымъ людямъ свойственно показывать другимъ, необразованнымъ, примѣръ не пренебреженія къ своей церкви, ея внушеніямъ и правиламъ, а уваженія, и въ томъ, какъ во всемъ хорошемъ предшествовать народу мыслію здравою, чувствомъ свѣтлымъ и доброю волею; что между церковію и обществомъ не должно быть слишкомъ плотной стѣны, внутрь которой изъ общества люди входили бы только въ урочные дни и часы на молитву и изъ-за которой служитель церкви выходилъ бы въ общество только въ важнѣйшія эпохи людской жизни или только для сбора подаяній, а внѣ этихъ случаевъ онъ былъ бы въ обществѣ лишній. Не такъ ли? Не такъ ли думаютъ и сами истинно образованные люди? И въ нашихъ словахъ да не слышится горечь какая-нибудь, или сдержанная укоризна, или сословное предубѣжденіе.... о нѣтъ! Сказать ли? Пріятно возбужденная сила жизни пробуждаетъ особенно живые голоса въ природѣ на утренней зарѣ. Теперь Россія на зарѣ своего возрожденія: и мы тѣмъ смѣлѣе возвышаемъ голосъ, что въ нашемъ образованномъ обществѣ видится уже заря тѣхъ свѣтлыхъ понятій, слышатся уже отголоски тѣхъ отрадныхъ чувствъ, на которыя мы теперь указываемъ. Мы только выяснили и развили ихъ.

И такъ свѣта и свѣта, свѣта духовнаго—вотъ чего требуетъ религіозная жизнь русскаго народа по всѣмъ степенямъ ея. Конечно, кто же, какъ не мы, должны быть проводниками этого свѣта? Откуда, если не изъ нашихъ святилищъ, онъ долженъ свѣтить народу? Но это можетъ быть только тогда, когда свѣтъ этотъ не будетъ заключенъ только въ нашихъ стѣнахъ; когда наши учебныя учрежденія получатъ общественное значеніе; когда наше просвѣщеніе не будетъ оставаться замкнутымъ для общества въ себѣ самомъ и въ насъ, а свѣтлымъ, живымъ потокомъ прольется въ его духъ и жизнь и возьметъ свою

долю во всецѣломъ его образованіи. Вотъ тогда и праздники нашихъ академій сдѣлаются праздниками духовнаго просвѣщенія не для насъ только, а и для всей Россіи. Аминь.

90. Поученіе предъ св. причастіемъ.

Св. Пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгарала. Онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе, но вдругъ услышалъ голосъ, изъ купины къ Нему говорящій: *Моусее, Моусее! не приближайся сѣмо; иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ* (Исх. 3. 4—5).

Слушатели благочестивые! купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно была явленіе чудное и страшное: ибо горѣла и не сгарала, ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ. Не столь же ли чудна и страшна св. чаша, которой вы предстоите и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой св. чашѣ, подъ видомъ хлѣба, преподается вамъ истинное тѣло Господа нашего Іисуса Христа, а подъ видомъ вина—истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой св. чашѣ, огонь Божественный—чудный, страшный огнь, достойныхъ очищающій и оживляющій, а недостойныхъ попаляющій и ожигающій. И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины, и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому приближающемуся къ св. чашѣ: не приближайся сѣмо; иззуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ; развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу.

Время еще не ушло, еще можно сдѣлать то, чего ты не могъ или не хотѣлъ, а долженъ бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ Іисусъ Христосъ; на тебя теперь смотритъ твой Ангелъ-хранитель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ-бы на страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность: ты причастишься или въ жизнь вѣчную, или въ осужденіе вѣчное. И такъ скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ; я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинъ. *Вѣрую Господи*,—только помози моему невѣрію,—вѣрую, яко *Ты воистину Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую*, и еще молю Тебя, помози моему невѣрію,—*еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое и сія есть самая честная кровь Твоя*. Не даю Тебѣ лобзанія Іудина—нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну, только помилуй меня и сподоби неосужденно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинъ.

Съ такою вѣрою, съ такимъ намѣреніемъ приступающій къ сей св. чашѣ чистъ отъ грѣховъ; онъ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связующихъ его душу, и потому причастится пречистыхъ таинъ не въ судъ или осужденіе, но въ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Дай Господи такъ причаститься всѣмъ намъ не только нынѣ, но и всегда. Аминь. *Родіонъ Путятинъ*.

91. Поученіе въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Извѣстно вамъ, слушатели, какъ нѣкогда Израильтяне странствовали по аравійской пустынѣ: и пустыня та была непроходима, и солнце жгло тамъ пламенно; и потому Богъ далъ имъ облачный столпъ, который, носясь въ воздухѣ, показывалъ путь куда идти, и

вмѣстѣ укрывалъ отъ солнечнаго зноя. Богъ любилъ тогда свой народъ и велъ его въ землю Обѣтованную, и потому далъ ему такого чуднаго руководителя и защитника.

Сл. Хр.! и насъ Богъ любитъ не меньше Израильтянъ. И мы имѣемъ подобный облачный столпъ—пречистую и преблагословенную Дѣву Марію. Она наша руководительница и заступница въ жизни, въ семъ мѣстѣ мрака и юдоли плача. Она намъ столпъ огненный, наставляющій во тьмѣ, и покровъ міру, ширшій облака. Она молнія, души просвѣщающая, и громъ, враговъ устрашающій. Она райскихъ дверей отверзеніе, и отъ всѣхъ бѣдъ избавленіе. Она невидимыхъ враговъ мученіе и обуреваемыхъ пристанище. Она человѣковъ исправленіе и бѣсовъ ниспаденіе. Словомъ: Матерь Божія и отъ зноя несчастій насъ укрываетъ и въ землю Обѣтованную—на небо насъ вводитъ, и вѣчное спасеніе намъ доставляетъ, и отъ временныхъ скорбей насъ избавляетъ.

Такъ нѣкогда видѣли Ее на воздухѣ съ омофоромъ въ рукахъ, молящуюся за весь міръ. Это было во Влахернѣ, и именно въ нынѣшній день. Христіане тогда, какъ и мы теперь, стояли въ церкви и молились. Между ними были св. Андрей Христа ради юродивый и Епифаній ученикъ его. Вдругъ подъ сводами храма является Божія Матерь, окруженная ангелами и св. мужами. Видя это и какъ-бы не довѣряя своимъ глазамъ, св. Андрей обращается къ Епифанію и спрашиваетъ его: видишь ли, брате, Ходатайницу міра? Вижу, св. отче, отвѣчаетъ Епифаній; вижу и ужасаюсь. Послѣ этого видѣнія церковь положила праздновать Покровъ Пресвятыя Богородицы.

Сл. бл.! мы не видимъ Божіей Матери; мы и недостойны Ее видѣть: Она является святымъ, а мы грѣшники; но Ея образъ предъ нами. И такъ къ нему нынѣ прилежно притецемъ, грѣшніи и смиреніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: о Всепѣтая Мати! Ты нѣкогда въ нынѣшній день покрыла омофоромъ христіанъ, стоявшихъ въ церкви: покрой и насъ кровомъ крилъ Твоихъ; защити отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ; избави отъ временныхъ и вѣчныхъ золъ. Мы, и не видя Тебя, будемъ свѣтло праздновать Покровъ Твой Святый. Аминь.

Родіонъ Путятинъ.

92. Слово о значеніи вѣры въ человѣчествѣ.

Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша (1 Іоан. V, 4).

Наше время любитъ говорить о превосходствѣ нравственной силы надъ грубою внѣшнею, физическою силою.

Наше слово будетъ о могуществѣ одной изъ величайшихъ нравственныхъ силъ, торжествующей надъ всѣми силами міра. *Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.*

Языческая древность знала только одну побѣду—побѣду меча, внѣшняго насилія; и не возобладала міромъ, но погибла въ мірѣ. Христіанство явилось въ міръ съ одною полною, всецѣлою увѣренностію въ своей истинѣ, и побѣдило міръ: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.*

Вѣра побѣдила міръ! Какъ, спрашиваютъ нѣкоторые, вѣра, довѣріе—не есть ли это достояніе только малыхъ дѣтей и тѣхъ изъ взрослыхъ, которые умомъ младенчествуютъ и которымъ естественно для мира душевнаго имѣть опору въ вѣрѣ? Но можетъ ли вѣра быть достояніемъ тѣхъ, кто ищетъ истины сознательно, разумно, кто пережилъ возрастъ дѣтскаго довѣрія и вышелъ изъ состоянія взрослаго дѣтства? Подобные вопросы, какъ извѣстно, ставятся съ увѣренностію, будто разумный и искренній отвѣтъ на нихъ возможенъ одинъ — отвѣтъ отрицательный. Здѣсь вѣра отрицается во имя знанія.

Мы рѣшительно говоримъ, что это заблужденіе, къ несчастію, слишкомъ рас-

пространенное между людьми образованными, и тѣмъ болѣе гибельное, что вызываетъ другое заблужденіе, какъ противодѣйствіе ему, заблужденіе слабовѣрія, которое, опасаясь крайностей невѣрія, рѣшается отрицать знаніе во имя вѣры.

Истинная вѣра, полная, всецѣлая увѣренность въ истинѣ, вѣра достойная своего имени, иначе относится къ знанію, и истинная мудрость должна иначе относиться къ этой вѣрѣ. Безъ сомнѣнія, у каждаго вѣра соразмѣряется со степенью духовныхъ даровъ, какіе кто получилъ; но у всѣхъ, вмѣсто того, чтобы уменьшать эти дары или стѣснять ихъ употребленіе, она увеличиваетъ и расширяетъ кругъ ихъ дѣйствія: она служитъ имъ не преградою, но возбужденіемъ, силою, могуществомъ.

Ничего истинно-великаго не совершилось въ человѣчествѣ и не совершается безъ вѣры.

Посмотрите. Въ обыкновенной жизни, среди толпы людей, живущихъ изо дня въ день единственно по впечатлѣніямъ внѣшнихъ чувствъ или по безотчетнымъ движеніямъ сердца, живущихъ какъ бы видимостію жизни, а не жизнію, являющихъ въ себѣ только нѣкоторые, а не всѣ признаки жизни,—кто, какіе люди, во всякомъ состояніи и званіи, представляютъ собою зрѣлище жизни полной и послѣдовательной, воли дѣятельной и твердой, труда живаго и плодотворнаго? Не тѣ ли, которые, будучи проникнуты извѣстною мыслію, поставили ее себѣ какъ бы центромъ дѣйствія, цѣлію стремленія, и идутъ къ ея достиженію съ мужествомъ, съ увѣренностію, однимъ словомъ, съ вѣрою?

Взгляните на жизнь болѣе высшаго порядка. Что сдѣлало знаменитыми нѣкоторыхъ людей на разныхъ поприщахъ жизни, людей, которые заслужили названіе великихъ за тѣ или другія великія дѣла, или великія открытія? Гдѣ тайна ихъ могущества, успѣха, тайна ихъ генія, если не въ той великой идеѣ, которая обняла ихъ всецѣло и сосредоточила всѣ силы ихъ духа въ одинъ живительный центръ, какъ извѣстнаго рода зеркало сосредоточиваетъ въ своемъ центрѣ разсѣянные лучи свѣта и теплоты?

Если вы подниметесь еще выше, ибо есть нѣчто болѣе великое, чѣмъ могущество и самый геній,—какъ всегда и вездѣ образовывались великіе характеры, высокія души, преданнѣйшіе служители всего святаго, благородные мученики науки, отечества, человѣчества? Не также ли, не по преимуществу ли они образовывались великою идеею того самаго дѣла, которому они посвящали себя, вѣрою въ его правду, въ его истину, въ его силу, — вѣрою, въ которой они поставляли свою жизнь, а все остальное считали за ничто? Міръ, который, пожалуй, готовъ считать энтузіазмъ глупостію, не можетъ, однако, отказать ему въ величіи: онъ удивляется ему болѣе, нежели чему другому, и горе міру, если источникъ этого удивленія изсякнетъ въ немъ! Въ то же самое время исчезнетъ въ немъ все, что есть благороднаго и прекраснаго, все, что составляетъ цѣну жизни, честь и достоинство природы человѣческой.

Такъ вѣра на всѣхъ ея степеняхъ есть благо, и чѣмъ возвышеннѣе ея предметъ, чѣмъ она глубже проникаетъ въ сердце человѣка и чѣмъ больше ея сила, тѣмъ драгоцѣннѣйшіе и обильнѣйшіе плоды она приноситъ.

Но вѣра, которая видимо и невидимо господствуетъ надъ всякою другою вѣрою и обнимаетъ собою всѣ безъ исключенія силы и способности человѣка, конечно, есть та, которая утверждаетъ свое основаніе въ безконечномъ и вѣчномъ. Эта вѣра—религіозная и по преимуществу христіанская, такъ какъ, по свидѣтельству самаго невѣрія или индифферентизма, подлѣ или внѣ христіанства уже нѣтъ другой возможной религіи.

Такъ—нѣтъ другой и не можетъ быть, потому что нѣтъ совершенства выше совершенства безконечнаго.

Иные думаютъ успокоиться на совершенствѣ и достоинствѣ человѣческомъ. Да, должно дорожить достоин-

ствомъ истинно-человѣческимъ, потому что человѣкъ есть образъ и подобіе Божіе. Но развѣ вѣра христіанская унижаетъ это достоинство?

Вѣрно, что она поражаетъ страсти, которыя воюютъ на душу,—похоти, которыя ее обольщаютъ,—наслажденія, которыя ее развращаютъ, оставляя въ ней пустоту и голодъ; но какую силу ума, или сердца она требовала бы себѣ въ жертву? Какія существенныя для человѣка блага, истинныя наслажденія, достойно - желанные успѣхи, которыхъ исканіе или обладаніе она запрещала бы?—Вѣра не запрещаетъ науки; между самыми великими именами современной науки многія обязаны своимъ величіемъ христіанской вѣрѣ, и она считаетъ ихъ своими; и вообще нѣтъ ни одной изъ новыхъ наукъ, которой бы она не освѣтила пути и не расширила горизонта.— Вѣра не воспрещаетъ ни искуствъ, ни литературы, ни краснорѣчія, ни поэзіи. Въ этихъ сферахъ еще больше именъ на ея сторонѣ. Замѣтенъ даже видимый пробѣлъ въ умахъ и въ твореніяхъ, гдѣ не достаетъ вѣры, какъ будто бы не доставало въ нихъ свѣта и теплоты.— Вѣра тѣмъ больше не воспрещаетъ возвышенныхъ чувствованій сердца. Семейство, какъ ближайшее выраженіе полноты жизни цѣлаго человѣчества, соединеннаго безкорыстною, безпредѣльною, неизмѣнною, истинною любовію, есть твореніе христіанской вѣры; до нея оно не существовало, равно какъ доселѣ не существуетъ тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Любовь къ отчизнѣ она еще возвысила, очистивши ее отъ эгоистическихъ и звѣрскихъ инстинктовъ. Любовь къ человѣчеству расширила и утвердила на несокрушимомъ основаніи, указавши людямъ на ихъ взаимное, равноправное, вѣчное и божественное родство.—Такъ, не только не угнетая или не стѣсняя ни одной изъ законныхъ человѣческихъ привязанностей, вѣра христіанская открыла всѣмъ имъ обширнѣйшее поприще и безконечный горизонтъ, какъ безконечна сама. Все, что справедливаго, честнаго, прекраснаго, добраго, достойнаго уваженія и похвалы, все, что во всѣ времена было такого въ человѣчествѣ, вѣра христіанская освящаетъ, запечатлѣваетъ печатію еще высшаго совершенства и божественности, и представляетъ человѣчеству какъ предметъ чествованія и подражанія. Такимъ образомъ дѣла, произведенныя ею: основанныя ею учрежденія, характеры, образованные ею, древнія и новыя добродѣтели, которыя она вдохновила, міръ, который она обновила весь въ самомъ основаніи—вотъ величайшій *облакъ свидѣтелей* ея истиннѣйшей жизни, свидѣтелей, ободряющихъ и насъ подвизаться тѣмъ же оружіемъ въ добромъ подвигѣ вѣры, все побѣждающей!

Не достало бы времени перечислять различные примѣры этихъ побѣдъ, плодотворныхъ и для побѣдителей и для побѣжденныхъ. Мы представимъ одинъ только примѣръ, самый первый и величественный. Мы хотимъ напомнить о томъ, что возмогла совершить при самомъ началѣ эта простая вѣра въ истину, которую возвѣстило христіанство.

Еще недостаточно обращено вниманія на то обстоятельство, что въ языческомъ мірѣ были дѣломъ совершенно неслыханнымъ такая увѣренность въ истинѣ, такая любовь къ истинѣ, такая ревность за истину.

Кто отрицаетъ? были въ древнемъ мірѣ мудрецы, философы, искавшіе истины по естественной потребности человѣческаго духа. Но они желали истины, какъ обученія, упражненія, искали ее какъ интереснаго предмета, какъ наслажденія въ лучшемъ смыслѣ этого слова, особенно же искали ее какъ привилегіи. Школы и религіи имѣли тамъ такія же узкія, тѣсныя границы и были такъ же ревнивы и завистливы, какъ и самыя народности. Одинъ изъ тогдашнихъ мудрецовъ, говоря о трудности открыть истину, имѣлъ привычку увѣрять—и ему никто не противорѣчилъ— что было бы полнѣйшею глупостью же-

ланіе сообщить истину народу. Считать истину насущнымъ хлѣбомъ всякаго человѣка, самому алкать и жаждать ее и чувствовать себя обязаннымъ сообщать ее всякому—это и на умъ никому тогда не приходило, казалось даже безуміемъ. Это безуміе, мудрѣйшее самой мудрости міра,—вы знаете, Кѣмъ провозглашено какъ Божественная мудрость,—знаете, Кто возвѣстилъ въ первый разъ это слово, полное необычайной любви: *идите и учите вся народы!* И кому это было сказано, кто уполномоченъ былъ исполнить это? Ни сильные міра, ни мудрые міра, а большею частію бѣдные рыбаки, ремесленники, люди изъ простаго народа. Какъ сами они были научены? Истина, которую они приняли, пришла къ нимъ совсѣмъ другимъ путемъ, чѣмъ въ школахъ; она мало по малу проникла ихъ умъ и особенно сердце дѣломъ и примѣромъ; и такъ какъ они видѣли ее своими глазами, видѣли живою, когда она впервые, побѣдивъ въ нихъ всѣ предразсудки личные и національные, объяла всю ихъ душу, то они ничего уже другаго не имѣли въ сердцѣ, какъ жить ею самимъ, и другимъ дать возможность жить ею. И они начали это сверхчеловѣческое дѣло въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ Учитель заплатилъ за это дѣло цѣною Своей крови. Когда возставали предъ ними препятствія, когда ихъ преслѣдовали, заключали въ темницы, били, запрещая имъ продолжать ихъ дѣло, они безъ скорби, безъ гнѣва, безъ тщеславія давали одинъ простой и вмѣстѣ возвышенный отвѣтъ: «мы не можемъ этого, *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (Дѣян. IV, 20). У нихъ и въ мысли не было отражать насиліе насиліемъ, ковы ковами или, наконецъ, отвѣчать, какъ отвѣчали бы мудрецы міра: «мы не можемъ идти противъ теченія, противъ большинства, противъ силы; изъ-за едва вѣроятнаго успѣха не можемъ жить въ постоянномъ безпокойствѣ, не можемъ дѣлать невозможнаго». Нѣтъ, истинные апостолы истины иначе разсуждали: измѣнять своему свидѣтельству, *связывать слово Божіе и держать его въ плѣну* недостойнымъ молчаніемъ о немъ—вотъ что было для нихъ невозможно! *Не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати.*

Вотъ какою силою побѣжденъ міръ! Что же? Эта сила можетъ быть только достояніемъ дѣтей и взрослаго дѣтства? А разумное мужество готово отказаться отъ этой силы? Тогда дѣтство сильнѣе мудраго мужества!

Должно быть, такъ и есть на самомъ дѣлѣ! Если не будемъ подобны дѣтямъ въ томъ, что дѣти не вѣдаютъ никакихъ предразсудковъ, препятствующихъ принятію истины,—въ томъ, что дѣти вѣрятъ въ правду и честь людскую,—въ томъ, что они не знаютъ никакихъ эгоистическихъ расчетовъ,—въ томъ, что дитя готово любить чисто, безкорыстно, довѣрчиво; *если* во всемъ этомъ и подобномъ этому *не будемъ какъ дѣти*: не достигнемъ славнаго царства истины, любви и свободы, царства божественнаго, которое предназначено человѣчеству и котораго видимо ищетъ человѣчество,—бьется изо всѣхъ силъ, отыскивая пути къ нему, а истинный путь, жизненный путь давно указанъ: *Азъ есмь путь и истина и животъ! Никто пріидетъ ко Отцу, токмо Мною.*

Н. Сергіевскій.

II. СВѢТСКОЕ ОРАТОРСТВО.

93. Изъ рѣчи Цицерона: о назначеніи Помпея полководцемъ.

Довольно, мнѣ кажется, я говорилъ, почему эта война необходима по самому существу своему, опасна по важности своей; остается сказать о выборѣ полководца для нея, такого полководца, которому можно было бы поручить столь важныя дѣла.

О если бы, Квириты, было у васъ такое изобиліе въ храбрыхъ и честныхъ людяхъ, чтобы вамъ трудно было рѣшить, кому лучше всего ввѣрить распоряженіе столь важными дѣлами и столь важною войною! Но такъ какъ одинъ только Помпей такой человѣкъ, котораго высокія качества затмили не только славу современниковъ, но и преданія древности, то что можетъ теперь сдѣлать кого нибудь нерѣшительнымъ въ этомъ дѣлѣ? Великій полководецъ долженъ обладать, по моему мнѣнію, слѣдующими четырьмя достоинствами: знаніемъ военнаго дѣла, доблестью, именемъ и счастіемъ. А кто когда нибудь былъ или долженъ быть человѣкомъ болѣе знающимъ, чѣмъ нашъ Помпей? Помпей, который прямо изъ дѣтской школы отправился къ войску отца и въ школу военной службы въ то время, какъ ведена была важная война и страшны были непріятели; который въ послѣдніе годы дѣтства служилъ въ войскѣ великаго полководца; который чаще сражался съ непріятелемъ, чѣмъ другой спорилъ съ своими врагами; который завоевалъ больше провинцій, чѣмъ другіе желали получить въ управленіе; котораго въ юности научила военному искуству не чужая опытность, а собственная практика въ качествѣ полководца, не пораженія, а побѣды, не походы, а тріумфы. Однимъ словомъ, можетъ ли быть такой родъ войны, въ которомъ не испытала его силы судьба государства? Война гражданская, африканская, трансальпинская, испанская, война, которая ведена была въ одно время и съ городами и съ необыкновенно воинственными племенами, война съ рабами, война съ морскими разбойниками; всѣ эти различныя и разнообразныя войны, не только веденныя, но и оконченныя безъ посторонней помощи, ясно свидѣтельствуютъ, что нѣтъ ничего въ военной практикѣ, что могло бы ускользнуть отъ его знанія.

Далѣе, что касается доблести Помпея, то можно ли найти приличныя ей выраженія? Что можетъ сказать кто нибудь достойное его, что было бы или для васъ ново, или кому нибудь неизвѣстно? Ибо не составляютъ единственныхъ достоинствъ полководца, которыя обыкновенно такими считаются, какъ-то: неусыпная дѣятельность, храбрость въ опасностяхъ, настойчивость въ дѣйствіяхъ, быстрота въ исполненіи, благоразумная предусмотрительность — достоинства, которыми въ такой степени обладаетъ онъ одинъ, въ какой не обладали всѣ остальные полководцы нашего и прошлаго времени. Тому свидѣтельница Италія, которая, по отзыву самого побѣдителя, всѣмъ извѣстнаго Суллы, была освобождена его храбрымъ содѣйствіемъ; тому свидѣтельница Сицилія, которую онъ избавилъ отъ множества опасностей, окружавшихъ ее, не ужасами войны, а быстротою соображеній; тому свидѣтельница Африка, которая въ то время, когда была тѣснима многочисленными войсками непріятельскими, обагрилась кровью ихъ самихъ; тому свидѣтельница Галлія, черезъ которую истребленіе Галловъ открыло легіонамъ нашимъ путь въ Испанію; тому свидѣтельница Испанія, которая такъ часто видѣла пораженіе и гибель многихъ непріятелей; тому свидѣтельница снова и опять Италія, ко-

торая когда была обуреваема жестокою и опасною войною съ рабами, обратилась къ нему, находившемуся тогда въ отсутствіи, съ просьбою о помощи,—и эта война ослабѣла и уменьшилась, какъ только стали ожидать его прибытія, а съ самымъ прибытіемъ и совершенно уничтожилась; а теперь уже свидѣтели тому всѣ прибрежныя страны и всѣ иностранные народы и племена—однимъ словомъ, всѣ моря не только вообще, но и въ отдѣльности въ каждой странѣ всѣ заливы и гавани. И дѣйствительно: было ли въ это время хотя одно приморское мѣсто такъ сильно защищено, чтобы оно находилось въ безопасности, или такъ удалено, чтобы оно оставалось скрытымъ? Не подвергалъ ли себя всякій мореплаватель опасности рабства или смерти, такъ какъ онъ долженъ былъ дѣлать рейсы или зимою или въ то время, когда море кишило пиратами? Кто когда предполагалъ, чтобы эта война, столь важная, столь постыдная, столь древняя, такъ широко раскинувшаяся и распространившаяся, могла быть окончена или какимъ угодно числомъ полководцевъ въ одинъ годъ, или однимъ полководцемъ въ какое угодно продолжительное время? Какая ваша провинція не подвергалась нападенію морскихъ разбойниковъ? Въ какихъ доходахъ съ налоговъ мы были увѣрены? Какого союзника вы защитили? Кому вы были охраною своимъ флотомъ? Какъ велико считаете число острововъ, которые сдѣлались пустынными? Какъ велико число союзническихъ городовъ, которые или были покинуты отъ страха, или были взяты морскими разбойниками?

Но къ чему я говорю объ отдаленныхъ событіяхъ? Прошло, къ сожалѣнію, время, когда вести войну далеко отъ отечества и защищать передовыми укрѣпленіями имперіи благо союзниковъ, а не свои домы—принадлежало къ отличительнымъ свойствамъ римскаго народа. А теперь? Говорить ли мнѣ, что нашимъ союзникамъ въ эти годы заперто было море, тогда какъ ваши войска переправлялись изъ Брундузіума только въ глубокую зиму? Горевать ли мнѣ о томъ, что посланные къ намъ отъ прибрежныхъ народовъ попадались въ плѣнъ, тогда какъ послы народа римскаго должны были быть выкупаемы? Говорить ли мнѣ, что море не было безопасно для купцовъ, тогда какъ двѣнадцать преторскихъ сѣкиръ достались къ руки морскихъ разбойниковъ? Упоминать ли мнѣ, что Книдъ, Колофонъ и Самосъ, одни изъ важнѣйшихъ городовъ, и множество другихъ были заняты, тогда какъ вы знаете, что ваши собственныя гавани и тѣ гавани, которыми вы живете и дышите, находились во власти корсаровъ? Или, можетъ, вы не знаете, что гавань Каіеты, наиболѣе посѣщаемая и загроможденная кораблями, была разграблена въ виду претора? а изъ Мизены дѣти того самаго, который тамъ прежде велъ войну съ морскими разбойниками, похищены ими? Но довольно. Ибо къ чему я стану оплакивать остійское пораженіе, это безславное пятно для республики, когда флотъ, подъ начальствомъ консула народа римскаго, былъ взятъ и уничтоженъ пиратами почти въ виду васъ. О боги безсмертные! Неужели неслыханная и удивительная доблесть одного человѣка могла въ столь короткое время придать государству столько жизни, что вы, которые недавно видѣли флотъ непріятельскій предъ устьемъ Тибра, теперь не слышите ни объ одномъ кораблѣ морскихъ разбойниковъ на устьѣ океана? И съ какою быстротою совершено было все это! Хотя вы знаете, но я не долженъ въ моей рѣчи пройти молчаніемъ это обстоятельство. Ибо кто когда могъ или съ торговою, или вообще съ какою нибудь корыстною цѣлію посѣтить столько мѣстъ и сдѣлать такіе длинные рейсы съ такою быстротою, съ какою подъ предводительствомъ Помпея носился по волнамъ этотъ страшный вихрь войны. Еще море не совсѣмъ было удобно къ плаванію, а онъ

уже прибылъ въ Сицилію, обшарилъ Африку, оттуда явился съ флотомъ въ Сардинію, и эти три хлѣбные магазина государства обезопасилъ сильнѣйшими войсками и флотами. Отсюда воротился въ Италію и, оградивъ Испанію и Трансальпинскую Галлію войсками и кораблями, а также пославъ въ то же время корабли къ иллирійскимъ берегамъ въ Ахаію и во всю Грецію, снабдилъ два моря Италіи громадными флотами и многочисленными войсками. Самъ между тѣмъ едва отправился изъ Брундузіума, уже на сорокъ-девятый день присоединилъ снова къ имперіи народа римскаго всю Киликію: всѣ, какіе гдѣ были морскіе разбойники, или были взяты и умерщвлены, или сдали себя во власть и распоряженіе этого одного. Также у жителей Крита, когда они послали къ нему умоляющихъ пословъ въ отдаленную Памфилію, онъ не отнялъ надежды на мирную сдачу и приказалъ имъ представить заложниковъ; такимъ образомъ Кней Помпей къ такой войнѣ, столь важной, столь продолжительной, столь широко и далеко раскинувшейся, приготовился въ концѣ зимы, началъ ее съ наступленіемъ весны, окончилъ въ срединѣ лѣта.

Дѣйствительно, это достоинство полководца и выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и превосходитъ всякое вѣроятіе. Но и другія, какъ я немного прежде упомянулъ, весьма важны и разнообразны. Не должно искать въ великомъ и превосходномъ полководцѣ одной только воинской доблести: есть еще многія отличныя качества, такъ сказать помощники и спутники ея. Во-первыхъ: какимъ безкорыстіемъ долженъ отличаться полководецъ! какимъ умѣньемъ сдерживать себя во всемъ! какою твердостью въ словѣ, какой доступностью, какимъ умомъ, какимъ человѣколюбіемъ! Разсмотримъ мелькомъ, каковы они въ Кнеѣ Помпеѣ. Всѣми ими, Квириты, обладаетъ Помпей въ самой высокой степени; но ихъ можно оцѣнить и понять лучше изъ сравненія съ подобными качествами въ другихъ, чѣмъ безотносительно. Можемъ ли мы считать достойнымъ имени полководца того, въ войскѣ котораго продажны, какъ это дѣйствительно было, мѣста центуріоновъ? Какія великія и возвышенныя убѣжденія объ общественномъ имуществѣ долженъ имѣть тотъ человѣкъ, который, получивъ деньги изъ государственнаго казначейства на военныя издержки, или изъ жадности къ должности раздалъ ихъ властямъ, или изъ корыстолюбія оставилъ ихъ въ Римѣ для оборотовъ? Вашъ одобрительный ропотъ, Квириты, доказываетъ, что, кажется, вы узнаете виновниковъ; я, впрочемъ, никого не называю по имени и потому никто не въ правѣ на меня сердиться, кто не хочетъ предупредить меня и самъ себя выдать. Кто не знаетъ, какія великія бѣдствія испытываютъ повсюду наши войска вслѣдствіе этого корыстолюбія полководцевъ? Вспомните только, какъ проходили недавно наши полководцы съ войсками по Италіи черезъ деревни и города римскихъ гражданъ: тогда легче представите себѣ, что дѣлается у иностранныхъ народовъ. Какъ думате, оружіе ли вашихъ солдатъ разрушило въ эти годы больше непріятельскихъ городовъ, или зимніе ихъ постои — союзническихъ государствъ? Естественно, тотъ полководецъ, который не сдерживаетъ самъ себя, не можетъ сдерживать войска; кто не хочетъ, чтобы другіе были строгими судьями его, тотъ самъ не можетъ быть строгъ въ своихъ приговорахъ. И мы еще удивляемся такому огромному превосходству этого человѣка предъ другими, котораго легіоны прибыли въ Азію, не сдѣлавъ, несмотря на свою многочисленность, мирнымъ жителямъ убытка, какъ говорятъ, не только грабежомъ, но даже самымъ маршемъ своимъ. Что же касается до поведенія солдатъ на зимнихъ квартирахъ, то объ этомъ ежедневно получаются письменныя и устныя извѣстія: не только никого не принуждаютъ дѣлать издержки на содержаніе солдатъ,

но даже не позволяютъ, еслибъ кто самъ того хотѣлъ; ибо наши предки желали видѣть въ домахъ друзей и союзниковъ убѣжище отъ зимы, а не пристанище для корыстолюбія.

Теперь посмотрите, какъ онъ умѣетъ сдерживать себя въ остальномъ. Откуда, думаете, явилась такая скорость, такая необыкновенная быстрота плаванія? Не перенесла же его такъ скоро въ отдаленнѣйшія земли чудесная сила его гребцовъ, или какое нибудь неслыханное искуство кормчаго, или какіе нибудь новые вѣтры; но не замедлило его и то, что обыкновенно задерживаетъ другихъ полководцевъ: не отозвало его отъ прямаго пути ни корыстолюбіе — къ какой нибудь добычѣ, ни страсть — къ удовольствію, ни прелесть мѣстоположенія—къ наслажденію, ни знаменитость города — къ осмотру, ни самый трудъ, наконецъ, къ отдыху; кромѣ того, онъ считалъ себя даже въ правѣ взглянуть на статуи, картины и прочія украшенія греческихъ городовъ, которыя другіе считаютъ своею обязанностью похитить. Такимъ образомъ всѣ тамошніе жители смотрятъ теперь на Кнея Помпея не какъ на человѣка, присланнаго изъ этого города, но какъ на посланника неба; теперь только начинаютъ вѣрить въ древнее безкорыстіе Римлянина, разсказы о которомъ стали уже казаться иностраннымъ народамъ невѣроятными и ложными; теперь блескъ вашего могущества началъ бросать благодѣтельные лучи свои на иностранные народы; теперь они начинаютъ понимать, что не безъ причины ихъ предки, видя нашихъ государственныхъ мужей, отличавшихся такимъ умѣньемъ сдерживать себя, лучше желали повиноваться народу римскому, чѣмъ повелѣвать другими. Далѣе: доступъ къ нему частнымъ лицамъ, говорятъ, такъ легокъ, такъ свободно они могутъ заносить свои жалобы на обиды другихъ, что тотъ, кто важностью своею превосходитъ вельможъ, по своей доступности кажется равнымъ послѣднимъ. Въ какой же мѣрѣ обладаетъ онъ мудростью въ дѣлахъ государственныхъ, силою и увлекательностью краснорѣчія—качествами, которыя необходимы въ нѣкоторомъ отношеніи для полководца — объ этомъ вы знаете, потому что часто имѣли случай видѣть его на этой самой каѳедрѣ. Какъ высоко должны цѣнить его слово союзники, когда это слово считали святымъ непріятели всевозможныхъ націй! Наконецъ, что касается до его человѣколюбія, то оно такъ велико, что трудно сказать, какое чувство у непріятелей было сильнѣе: страхъ ли передъ его храбростью въ битвахъ, или любовь къ его кротости послѣ побѣды. И послѣ этого будетъ еще кто нибудь сомнѣваться, должно ли поручить веденіе столь важной войны такому человѣку, который, можно сказать, назначенъ самимъ провидѣніемъ окончить всѣ войны нашего времени.

Такъ какъ имя тоже имѣетъ большое значеніе и при распоряженіи дѣлами войны и при командованіи войсками, то я долженъ сказать, хотя въ этомъ и никто не сомнѣвается, что имя этого полководца пользуется большою извѣстностью. Кто не знаетъ, что на ходъ войны имѣетъ весьма важное вліяніе то мнѣніе, какое составили себѣ о полководцѣ непріятели и союзники. Всѣмъ извѣстно, что люди, даже въ такихъ чувствахъ, какъ презрѣніе, страхъ, ненависть и любовь, руководствуются столько же слухомъ и молвою, какъ и несомнѣнными фактами. А какое въ мірѣ имя пользовалось когда нибудь большею извѣстностью? Чьи подвиги равняются его подвигамъ? О комъ высказали вы такъ лестно свое мнѣніе? — обстоятельство, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ имя человѣка. Или вы, можетъ быть, думаете, что есть гдѣ нибудь такая дикая прибрежная страна, куда не проникла бы молва о томъ днѣ, когда народъ римскій, наводнивъ площадь, наполнивъ всѣ храмы, съ которыхъ можно видѣть это мѣсто, въ одинъ голосъ потребовалъ, чтобы полко-

водцемъ для войны, общей всѣмъ націямъ, назначенъ былъ не другой кто, а Кней Помпей. Теперь, не говоря больше о значеніи имени полководца въ дѣлахъ войны и не доказывая того примѣрами изъ жизни другихъ людей, приведены примѣры изъ жизни самого Кнея Помпея, полной необыкновенныхъ подвиговъ. Въ тотъ самый день, когда онъ назначенъ былъ вами полководцемъ для войны съ морскими разбойниками, одно имя его, возбудивъ надежды, имѣло вдругъ такое вліяніе на пониженіе цѣнъ на хлѣбъ тотчасъ послѣ страшной дороговизны, что подобныхъ цѣнъ не могъ принести съ собою долговременный миръ при самомъ большомъ урожаѣ. Далѣе, когда мы въ Понтѣ потерпѣли пораженіе въ той битвѣ, о которой я долженъ былъ напомнить вамъ немного прежде, и сдѣлалъ это съ стѣсненнымъ сердцемъ, и когда, вслѣдствіе этого пораженія, союзники пали духомъ, провинція осталась почти безъ защиты, а силы и мужество непріятелей возрасли,—Квириты, вы потеряли бы Азію, еслибы, по волѣ боговъ, счастливая звѣзда народа римскаго не привела въ эти страны Кнея Помпея въ самую критическую минуту. Его прибытіе смирило Митридата, воодушевленнаго блистательною побѣдою, и остановило Тиграна, готоваго съ огромнымъ войскомъ вторгнуться въ Азію. Неужели и теперь будетъ кто нибудь сомнѣваться, много ли сдѣлаетъ своими достоинствами тотъ, кто успѣлъ столько совершить одною славою? и трудно ли будетъ ему, имѣя власть полководца и войско, сохранить намъ союзниковъ и данниковъ, когда онъ защитилъ ихъ однимъ громкимъ именемъ своимъ?

А то обстоятельство, что жители страны, отдаленной и лежащей на противоположномъ концѣ, передали себя въ такое короткое время всѣ въ руки его одного, развѣ не доказываетъ славу его имени у непріятелей народа римскаго? Я разумѣю поступокъ Критянъ, которыхъ послы, не смотря на то, что на ихъ островѣ былъ съ войскомъ нашъ полководецъ, явились къ Кнею Помпею почти на край свѣта и объявили свое намѣреніе передать ему власть надъ всѣми городами Крита. Наконецъ развѣ тотъ же самый ненавистный Митридатъ не отправилъ посла къ тому же самому Кнею Помпею въ отдаленную Испанію? Я говорю о человѣкѣ, котораго Помпей всегда считалъ посломъ, а недовольные отправленіемъ его именно къ Помпею болѣе склонны были видѣть въ немъ шпіона. На основаніи этихъ фактовъ, Квириты, вы можете теперь себѣ представить, какое значеніе будетъ имѣть его имя у царей и иностранныхъ народовъ, еще болѣе прославленное его послѣдними подвигами и вашимъ важнымъ порученіемъ.

Остается еще сказать о счастіи. Никто не можетъ ручаться за свое счастіе, но всякому можно вспомнить о счастіи другаго. Итакъ мы скажемъ объ этомъ предметѣ, но со страхомъ и въ немногихъ словахъ, какъ прилично людямъ говорить о волѣ боговъ. Что касается до меня, то я полагаю, что Максиму, Марцеллу, Сципіону, Марію и другимъ великимъ полководцамъ часто давали должность вождя и ввѣряли арміи не только за ихъ достоинства, но и за счастіе. Ибо дѣйствительно нѣкоторымъ избраннымъ людямъ назначено было свыше достигнуть значенія, славы и совершить какъ слѣдовало великія дѣла. О счастіи же того, о комъ теперь ведемъ рѣчь, я употреблю самыя умѣренныя выраженія, и потому не скажу, что оно находится въ его власти, но припомню только прошедшее и выражу надежды на будущее для того, чтобы слова наши не показались безсмертнымъ богамъ или непріятными, или неблагодарными. Итакъ, я не намѣренъ разглагольствовать о томъ, съ какимъ необыкновеннымъ счастьемъ совершилъ Помпей великія дѣла въ военное и мирное время на сушѣ и на морѣ, такъ какъ его волѣ не только подчинялись граждане, покорялись союзники, повиновались непріятели, но были послушны даже вѣ-

тры и бури; скажу только въ самыхъ немногихъ словахъ слѣдующее: никто никогда не былъ такъ безстыденъ, чтобы смѣлъ въ душѣ просить у безсмертныхъ боговъ столько и такихъ громадныхъ успѣховъ, сколько и какіе безсмертные боги сами дали Кнею Помпею: и такъ, Квириты, вы должны желать, какъ и дѣлаете, чтобы это счастіе сдѣлалось его собственностью и было при немъ вѣчно, и должны желать этого какъ ради общаго блага и блага государства, такъ и ради его самого.

Поэтому, когда война столь необходима, что оставить ее безъ вниманія нельзя, столь значительна, что вести ее нужно весьма дѣятельно, и когда вы можете назначить для нея такого полководца, который соединяетъ въ себѣ превосходное знаніе военнаго искуства, необыкновенную храбрость, величайшую славу, особенное счастье: неужели вы еще колеблетесь, Квириты, употребить въ дѣло для охраненія и увеличенія имперіи человѣка съ такими прекрасными качествами, предложеннаго и даннаго вамъ безсмертными богами?

Переводъ *И. Ростовцова.*

94. Слово похвальное Петру Великому.

Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское государство всемилостивѣйшія Самодержицы нашея празднуя, слушатели, подобное видимъ въ Ней и къ общему отечеству Божіе снисхожденіе, каковому въ Ея рожденіи и въ полученіи отеческаго достоянія чудимся. Дивно Ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ восшествіе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено пріятіе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на землѣ обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ; однако однимъ рожденіемъ великія Государыни нашея увѣриться о томъ должно, видя, что Она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическія сомнительныя гаданія, отъ положенія планетъ произведенныя, ниже другія по теченію натуры бывающія перемѣны и явленія, но ясные признаки Божія провидѣнія, послужатъ сему въ доказательство. Преславная надъ непріятелями Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденіемъ сея великія дщери его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ побѣдителя приходящая въ міръ встрѣтила Елисавета. Не перстомъ ли здѣсь указующій является промыслъ? не слышимъ ли мысленнымъ ухомъ вѣщающаго гласа: видите, видите исполненіе обѣтованнаго вамъ предзнаменованіями благоденства? Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ родилась тріумфовъ. Петръ, возвративъ законному государю корону, въ отеческій градъ шествовалъ; Елисавета въ общество человѣческое вступила для возвращенія себѣ потомъ отеческой короны. Петръ, сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха, принесъ безопасную и пресвѣтлую радость; Елисавета увидѣла свѣтъ, дабы пролить на насъ сіяніе отрады, избавивъ отъ мрака печалей. Петръ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушіемъ, нежели мужествомъ побѣжденныхъ; Елисавета отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнить сердца подданныхъ человѣколюбіемъ, кротостію, щедротою. Коль чудныя Божіи судьбы видимъ, слушатели! съ рожденіемъ побѣду; съ облегченіемъ родительницы избавленіе отечества; съ обыкновенными при рожденіи обрядами чрезвычайное торжественное шествіе; съ пеленами побѣдительные лавры и съ первымъ, младенческимъ гласомъ всерадостные плески и восклицанія! Не всѣми ли силами рожденной тогда Елисаветѣ пред-

возвѣщены отеческія добродѣтели, предвозвѣщено отеческое царство?

Въ доступленіи онаго сколь много всемогущій промыслъ споспѣшествовалъ Ея геройству, о томъ радостныя воспоминанія во-вѣки не умолкнутъ. Ибо, его силою и духомъ подвигшись, героиня наша Всероссійскому государству, достодолжной его славѣ, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердецъ нашихъ удовольствію и общему блаженству знатной части свѣта, принесла спасеніе и обновленіе. Велико дѣло есть избавленіе единаго человѣка; то коль несравненно больше спасеніе цѣлаго народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ поработилъ тебя нѣкогда чужому языку и на пораженное глубокими язвами твое тѣло наложилъ тяжкія вериги! Потомъ, стенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный, послалъ тебѣ храбрыхъ государей, свободителей отъ порабощенія и томленія, которые, соединивъ твои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паденія избавила россійскій народъ предводимая Богомъ на отеческій престолъ великая Елисавета; но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутренныя болѣзни бываютъ бѣдственнѣе наружныхъ; такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опасность вредительнѣе внѣшнихъ нападеній. Удобнѣе наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но, сличивъ исцѣленіе Россіи отъ пораженія варварскимъ оружіемъ, извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ кроющагося внутрь вреда врачеваніемъ, Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ. Тогда для исцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля и рѣки не меньше россійскою, нежели агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ томленій истребила въ краткое время и болѣзнущее отечество яко бы единымъ божественною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ: *возстани и ходи*; *возстани и ходи*, *Россія*. *Отряси свои сомнѣнія и страхи*, *и*, *радости и надежды исполненна*, *красуйся*, *ликуй*, *возвышайся*.

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляетъ намъ, слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оная усугубляется, когда помыслимъ, что мы не токмо отъ утѣсненія, но и отъ презрѣнія тогда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются-ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, Россіяне Петра Великаго забыли. За его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ дщерь его на престолъ отеческій; Она оставлена— не помогаютъ; Она отринута—не возвращаютъ; Она пренебрегаема—не отмщаютъ. О коль великъ стыдъ и посмѣяніе! Но несравненная героиня восшествіемъ своимъ отняла поношеніе отъ сынов россійскихъ и передъ всѣмъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія не доставало, но сносило Ея великодушіе; не наша ревность оскудѣвала, но Она не хотѣла пролитія крови; не нашему малодушію оное приписывать должно, но Божескому промыслу, который благоволилъ показать тѣмъ свою власть, Ея мужество—и нашу радость усугубить. Таковыя благодѣянія устроилъ намъ Вышній вступленіемъ на отеческій престолъ великія Елисаветы! Что жъ нынѣшній праздникъ? Верхъ и вѣнецъ преждереченныхъ. Вѣнчалъ Господь Ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтели. Вѣнчалъ благодатію, ободрилъ благонадежною радостію и благословилъ громкими побѣдами, восшествію Ея подобными. Ибо какъ внутренніе враги побѣждены безъ пролитія крови, такъ и внѣшніе съ малымъ урономъ преодолѣны были.

Облачается Монархиня наша въ порфиру, помазуется на царство, вѣнчается, пріемлетъ скипетръ и державу. Радуются Россіяне и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются супостаты и блѣднѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ россійскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота, но вездѣ утѣсняетъ ихъ сильная рука вѣнчанныя Елисаветы; отъ единаго Ея великодушія ослабу получаютъ. Коль ясныя предзнаменованія благословеннаго Ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ и вожделѣнному событію ихъ съ радостію чудимся! По примѣру великаго своего родителя, даетъ государямъ короны, успокоиваетъ мирнымъ оружіемъ Европу, утверждаетъ россійское наслѣдство; истекаетъ злато и сребро изъ нѣдръ земныхъ къ Ея и къ общему удовольствію, избавляются подданные отъ тягости; земля не обагряется россійскою кровію ни внутрь, ни внѣ государства; умножается народъ, и доходы прирастаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди государства, повсюду возлюбленная тишина и Монархинѣ нашей подобное время господствуетъ.

Итакъ, когда несравненная Государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержденное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ и украшенное преславными дѣлами отеческое царство возвысила, то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ его истинная наслѣдница. Слѣдовательно, похваляя Петра, похвалимъ Елисавету.

Давно долженствовали науки представить славу его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя; но, вѣдая, коль великое искуство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ ему равнаго; нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако, наконецъ, разсудилось лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толикими празднественными восклицаніями; наипаче, когда всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ государѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ всевожделѣнный залогъ Своея къ намъ божественныя милости, которую въ продолженіе Петрова племени почитаемъ. Итакъ, оставивъ боязливое сомнѣніе и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить или, паче, истощить на похвалу нашего героя. Сіе предпринимая, откуда начну мое слово: отъ тѣлесныхъ ли его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неисчетныхъ и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разные государства и города, которые, славою его движимы, во срѣтеніе стекались и дѣламъ его соотвѣтствующему и великимъ монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа приму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть, и что великій сей мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его исчислитъ, если-бы только исчислить возможно было.

Итакъ сколько сила, сколько крат-

кость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

Къ великимъ своимъ намѣреніямъ премудрый монархъ предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знаніе распространить въ отечествѣ и людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить; о чемъ его отеческое попеченіе хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то цѣлое мое слово еще къ тому недостанетъ. Ибо, неоднократно облетая, наподобіе орла быстропарящаго, европейскія государства, отчасти повелѣніемъ, отчасти важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое множество своихъ подданныхъ оставить на время отечество и искуствомъ увѣриться, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда отворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани, наподобіе прилива и отлива, въ пространномъ океанѣ бывающаго, то выѣзжающіе для пріобрѣтенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны россійскіе, то приходящіе съ разными искуствами, съ книгами, съ инструментами, иностранные безпрестаннымъ текли движеніемъ. Тогда математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вмѣненному, уже одѣянному порфирою, увѣнчанному лаврами и на монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣйное почитаніе въ освященной Петровой особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываетъ избыточествующее изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи просвѣтителя предки наши не токмо лишались, но о многихъ и понятія не имѣли. Коль многія нужныя вещи, которыя прежде изъ дальнихъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россію приходили, нынѣ внутрь государства производятся и не токмо насъ довольствуютъ, но избыткомъ своимъ и другія земли снабдѣваютъ! Похвалялись нѣкогда окрестные сосѣди наши, что Россія, государство великое, государство сильное, ни военнаго дѣла, ни купечества безъ ихъ спомоществованія надлежащимъ образомъ производить не можетъ, не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не токмо драгихъ металловъ для монетнаго тисненія, но и нужнѣйшаго желѣза къ пріуготовленію оружія, съ чѣмъ бы стать противъ непріятеля. Исчезло сіе нареканіе отъ просвѣщенія Петрова: отверсты внутренности горъ сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы и не токмо внутрь отечества обильно распростираются, но и обратнымъ образомъ, яко бы заемные, внѣшнимъ народамъ отдаются. Обращаетъ мужественное россійское воинство противъ непріятеля оружіе, пріуготованное изъ горъ россійскихъ россійскими руками.

О семъ для защищенія отечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутрь государства важныхъ предпріятій, о семъ нужномъ учрежденіи порядочнаго войска коль великое имѣлъ великій монархъ попеченіе, коль стремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способовъ путей изысканіе, тому всему когда надивиться довольно не можемъ, возможемъ-ли изобразить оное словомъ? Родитель премудраго нашего героя, блаженныя памяти великій государь Алексѣй Михайловичъ, между многими преславными дѣлами, положилъ начало регулярнаго войска, котораго спомоществованіемъ сколько на войнѣ имѣлъ успѣху, свидѣтельствуютъ счастливые его походы въ Польшѣ и пріобрѣтенныя обратно къ Россія провинціи. Но все о его военномъ дѣлѣ попеченіе съ жизнію пресѣклось. Возвратились старинные безпорядки, и россійское во-

инство больше въ многолюдствѣ, нежели въ искуствѣ показать могло свою силу, которая сколько потомъ ослабѣла, явствуетъ изъ бывшихъ тогда противъ Турокъ и Татаръ безполезныхъ военныхъ предпріятій, а болѣе всего изъ необузданныхъ и пагубныхъ стрѣлецкихъ возмущеній, отъ неимѣнія порядочной расправы и расположенія происшедшихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ кто могъ помыслить, чтобы двѣнадцати лѣтъ отрокъ, отлученный отъ правленія государства и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолюбивыя своея родительницы отъ злобы защищаемый, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами, на его родственниковъ и доброжелателей и на него самого обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, котораго могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непріятели, почувствовали и вострепетали, и которому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется? Кто могъ помыслить, чтобы отъ дѣтской, какъ казалось, игры, толь важное, толь великое могло возрасти дѣло? Иные, видя нѣсколько молодыхъ людей, съ младымъ государемъ обращающихъ равнымъ образомъ легкое оружіе, разсуждали, что сіе одна ему только была забава, и потому сіи новонабранные люди потѣшными назывались. Нѣкоторые, имѣя большую прозорливость и примѣтивъ на юношескомъ лицѣ цвѣтущую геройскую бодрость, изъ очей сіяющее остроуміе и въ движеніяхъ сановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго героя, коль великаго монарха могла уже тогда ожидать Россія! Но набрать многіе и великіе полки, пѣхотные и конные, удовольствовать всѣхъ одеждою, жалованьемъ, оружіемъ и прочимъ военнымъ снарядомъ, обучить новому артикулу, завести по правиламъ артиллерію полевую и осадную, къ чему немалое знаніе геометріи, механики и химіи требуется, а паче всего имѣть во всемъ искусныхъ начальниковъ—казалося, по справедливости, невозможное дѣло, ибо во всѣхъ сихъ потребностяхъ знатный недостатокъ и лишеніе государевой власти отняли послѣднюю къ тому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако, что потомъ послѣдовало? Паче общенароднаго чаянія, противу невѣроятія оставившихъ надежду, и свыше препинательныхъ происковъ и язвительнаго роптанія самой зависти, загремѣли внезапно новые полки Петровы и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ и паче всего — неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда сенатъ римскій на Траяна кесаря, стоящаго предъ консуломъ для принятія отъ него консульскаго достоинства, возгласилъ: *Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе!* Какія восклицанія, какіе плески Петру Великому быть долженствовали для Его безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли отцы наши вѣнчаннаго своего государя не въ числѣ кандидатовъ римскаго консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы, мѣста прекрасны, мѣста благополучны, которыя толь чуднымъ зрѣніемъ насладились! О, какъ вы удивлялись дружественному непріятельству полковъ единаго государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О, какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей, не для настоящія корысти, но ради будущей славы, не для усмиренія сопротивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учиненному! Мы нынѣ, озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ государю воспалялось начинающееся войско, видя его въ своемъ сообществѣ, за однимъ столомъ, тую же пріемлющаго пищу; видя лице его пылью и потомъ покрытое; видя, что отъ нихъ ничѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилежнѣе,

всѣхъ превосходнѣе. Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый государь, происходя по чинамъ съ подданными, доказалъ, что монархи ничѣмъ такъ величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось россійское войнство и въ двадцатилѣтнюю войну съ короною шведскою, и потомъ въ другіе походы наполнило громомъ оружія и побѣдоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое подъ Нарвою сраженіе было неудачливо, но противныхъ преимущество и россійскаго воинства уступленіе къ ихъ прославленію и къ нашему уничиженію больше отъ зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещію. Ибо хотя россійское войско было по большей части двулѣтное противъ стараго и къ сраженіямъ пріобыкшаго; хотя несогласіе учинилось между нашими полководцами, и злохитрый переметчикъ открылъ непріятелю всѣ обстоятельства нашего стана; и хотя Карлъ Вторыйнадесять скоропостижнымъ нашествіемъ не далъ времени Россіянамъ построиться: однако они и по отступленіи отняли у непріятеля смѣлость продолжать бой и докончать побѣду, такъ что оставшая въ цѣлости россійская лейбъ-гвардія и не мало прочаго войска за тѣмъ только напасть на непріятеля не отважились, что не имѣли главныхъ предводителей, которыхъ онъ, призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною, распустивъ знамена и ударивъ въ барабаны, въ Россію возвратились. Что сія неудача больше для показанныхъ несчастливыхъ обстоятельствъ, нежели для неискуства войскъ россійскихъ приключилась, и что Петрово новое войско уже въ младенчествѣ своемъ могло побѣждать привыкшіе полки противныхъ, доказали въ слѣдующее лѣто и потомъ многія одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди. Когда вы сіи похвалы военныхъ дѣлъ нашего героя, когда вы превозносимыя мною побѣды россійскаго воинства надъ вами услышите: не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо стоять долгое время противъ сильнаго россійскаго народа, стоять противъ Петра Великаго, противъ мужа, посланнаго отъ Бога на удивленіе вселенныя, наконецъ быть отъ него побѣжденнымъ есть славнѣе, нежели побѣдить слабые полки подъ худымъ предводительствомъ. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость героя вашего Карла и по согласію всего свѣта утверждайте, что едва бы кто возмогъ устоять предъ лицемъ его гнѣва, когда бы чудною Божескою судьбою не былъ въ отечествѣ нашемъ противъ него воздвигнутъ Петръ Великій. Его храбрые и введеннымъ регулярствомъ устроенные полки, воспослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами доказали, коль горяча ихъ ревность, каково въ военномъ дѣлѣ искуство, пріобрѣтенное отъ премудраго наставленія и примѣра. Оставляя многочисленныя побѣды, которыя россійское воинство сраженіями числить пріобыкло; не упоминая великаго множества взятыхъ гордовъ и твердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольное свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подъ Лѣснымъ и подъ Полтавою. Гдѣ болѣе удивилъ Господь Свою на насъ милость? Гдѣ явственнѣе открылось, коль сильные имѣли успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе и ревностное раченіе Петрово? что сего чуднѣе, что невѣроятнѣе могло воспослѣдовать? Войско, къ регулярству давно пріобыкшее, изъ областей непріятельскихъ дерзостію къ бою приведенное, подъ предводительствомъ славныхъ начальниковъ, въ воинскомъ упражненіи все время положившихъ; войско, всякими снарядами преизобильно снабженное, уклоняется отъ сраженія съ новыми россійскими полками, числомъ много

меньшими. Но они, не дая сопротивным отдохновенія, быстрымъ теченіемъ постигли, сразились, побѣдили; и главный ихъ предводитель съ малыми остатками едва плѣненія избылъ, чтобы принести своему государю плачевныя вѣсти, которыми хоть онъ сильно возмутился, однако, мужественнымъ и стремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся противъ Россіи; еще не могъ увѣриться, чтобы малолѣтное войско Петрово могло устоять противъ его возмужавшей силы, наступающей подъ его самого предводительствомъ, и, надѣясь на дерзостныя обнадеживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника, не усомнился вступить въ украинскіе предѣлы нашего отечества. Обращалъ высокомѣрными размышленіями Россію, и весь сѣверъ чаялъ уже быть подъ ногою своею. Но Богъ, въ награжденіе трудовъ неусыпныхъ, воздалъ Петру совершенною побѣдою надъ симъ презрителемъ его раченій, который, противу своего чаянія, не токмо очевиднымъ былъ свидѣтелемъ невѣроятныхъ героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ, но и бѣгствомъ своимъ не могъ избѣгнуть мечтающейся въ мысляхъ стройной храбрости россійской.

Толь знатными побѣдами прославивъ съ собою великій монархъ во всемъ свѣтѣ свое воинство, наконецъ доказалъ, что онъ сіе больше для нашей безопасности учредить старался. Ибо не токмо узаконилъ, чтобы оное никогда не распускать, ниже во время безмятежнаго мира, какъ то при бывшихъ прежде государяхъ нерѣдко, къ немалому упадку могущества и славы отечества, происходило, но и содержать всегда въ исправной готовности. О истинное отеческое попеченіе! Многократно напоминалъ онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ подданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, чтобы толь великимъ трудомъ и съ столь чуднымъ успѣхомъ предпріятое обновленіе Россіи, а паче военное искуство, не было послѣ него въ нерадѣніи оставлено. И въ самое то всерадостное время, когда благословилъ Богъ Россію славнымъ и полезнымъ миромъ со шведскою короною, когда усердныя поздравленія и должные ему титулы *Императора*, *Великаго*, *Отца Отечества* приносились, не преминулъ подтвердить публично правительствующему сенату, что, надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не симъ ли назнаменовалъ ясно, что ему сіи высокіе титулы не были пріятны безъ наблюденія и содержанія впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія и обученіе свое съ побѣдами соединившія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели; посмотримъ тамъ дѣла Господни и чудеса Его въ глубинѣ, Петромъ показанныя и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отвсюду великими морями окружается и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью россійскаго флота и въ глубокой пучинѣ огнедышащіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и наподобіе весны процвѣтающіе корабли, въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ, достигнувъ спокойнаго пристанища, плаватель удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ, для приращенія могущества и славы россійской; индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плыть дерзаетъ, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуда толикая слава и сила россійскихъ флотовъ по толь многимъ морямъ въ короткое время распространилась? откуда матеріи? откуда искуство? откуда махины и орудія, нужныя въ толь труд-

номъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвинулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ черезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, еслибы такое невѣроятное и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось и не было бы въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искуствомъ, дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать: подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ и на морской глубинѣ показать россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части, которыя, разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть невозможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что великій государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народо-множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ московскихъ, когда нашъ герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего царскаго дома, при знатныхъ чинахъ Россійскаго государства и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ, копая рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда сначала на малыхъ водахъ московскихъ, потомъ на большой ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубенскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства и, сокрывъ величество своея особы между простыми работниками, въ чужой землѣ корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россіянинъ толь скоро не токмо простой плотничной работѣ научился, не токмо ни единой части, къ строенію и сооруженію кораблей нужной, не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать, но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искуство, что Голландія не могла уже удовольствовать его глубокаго понятія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увидали, что не простой то былъ Россіянинъ, но самъ толь великаго государства обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ

великій государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ. Я вами свидѣтельствуюсь, великія россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь, счастливые берега, освященные Петровыми стопами и пóтомъ его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготованные члены, нерѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады! Коль чуднымъ и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались; когда неусыпный ихъ основатель и строитель, многократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотрѣнные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искуствомъ! Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась.

Коль радостны были великому государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства раченіемъ его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ собою, но и безчувственному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Покрываются невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ берега великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ махинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику, но въ новомъ и сильномъ первенствующемъ флотѣ! Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ.

Отъ краткаго сего и часть нѣкоторую трудовъ его содержащаго исчисленія, уже чувствую утомленіе, слушатели; но великое и пространное похвалъ его вижу поле предъ собою! Итакъ, дабы къ совершенію теченія слова моего силы и опредѣленнаго времени достало, употреблю возможную поспѣшность.

Къ основанію и произведенію въ дѣйство толь великой морской и сухопутной силы, сверхъ сего къ строенію новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленію пограничныхъ линій валами, къ долговременной войнѣ, къ толь частымъ и дальнымъ походамъ, къ строенію публичныхъ и приватныхъ зданій новою архитектурою, къ сысканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ придворныхъ и штатскихъ, коль великая казна требовалась—всякому ясно представить можно и разсудить, что къ тому не могли достать доходы Петровыхъ предковъ. Того ради премудрый государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутренніе и внѣшніе государственные сборы умножить безъ народнаго разоренія. И, по врожденному своему просвѣщенію, усмотрѣлъ, что не токмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ, но и общее подданныхъ спокойство и безопасность единымъ учрежденіемъ утвердится. Ибо когда еще не было число всего россійскаго народа и каждаго человѣка жилище извѣстно, своевольство

не пресѣчено, каждому, куда хочетъ, преселиться и странствовать по своему произволенію не запрещалось: наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великія рѣки нерѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не токмо села, но и города разорялись. Превратилъ премудрый герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилежаніе, разорителей въ защитниковъ, когда исчислилъ подданныхъ множество, утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать, чрезъ что умножилось и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ и число людей въ наборахъ, умножилось прилежаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ остались вредными грабителями, принудилъ готовыми быть къ смерти за отечество.

Сколько другія къ сему служащія премудрыя учрежденія спомоществовали, о томъ умалчиваю; упомяну о приращеніи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго промыслъноспѣшествовалъ добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Петровымъ: отворилъ рукою его новыя пристани на Варяжскомъ морѣ при городахъ, храбростію его покоренныхъ и собственнымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Совокуплены великія рѣки для удобнѣйшаго прохода россійскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И такъ прирастая внутрь и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учрежденій. Ибо, продолжая двадцать лѣтъ трудную войну, Россія отъ долговъ была свободна.

Что жъ? ужели всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О, коль много еще размышленію, голосу и языку моему труда остается! Я вамъ, слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія; учрежденіе правительствующаго сената, святѣйшаго синода, государственныхъ коллегій, канцелярій и другихъ мѣстъ присутственныхъ, съ узаконеніями, регламентами, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе внѣшнихъ признаковъ для оказанія заслугъ и милости; наконецъ политики, посольства и союзы съ чужими державами. Вы все сіе сами въ просвѣщенныхъ Петромъ умахъ вашихъ представьте. Мнѣ только остается предложить едино краткое всего изображеніе. Когда бы прежде начала Петровыхъ предпріятій приключилось кому отлучиться изъ россійскаго отечества въ отдаленныя земли, гдѣ бы его имя не загремѣло, буде такая земля есть на свѣтѣ; потомъ бы, возвратясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искуства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новый флотъ и войско; всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и теченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: чтобъ тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ толь краткое время общими силами человѣческаго рода, или творческою Всевышняго рукою; или, наконецъ, все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.

Изъ сего моего, почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго, слова видѣть можно, коль они велики. Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ, бывшихъ на пути исполинскаго его теченія? Больше похвалу его возвысили! Подвержено таковымъ перемѣнамъ состояніе человѣческое, что изъ благополучныхъ противныя, изъ противныхъ благополучныя слѣдствія раждаются. Что приращенію нашего благополучія могло быть сего противнѣе, когда Россію обновляющему Петру и купно отечеству извнѣ нападенія, извнутрь огорченія, отовсюду опасности грозили, пагубныя слѣдства пріуготовлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну отягощали, которая еще прежде па-

чала своего начала быть вредительна. Подвигнулся великій государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣть европейскія государства, познать ихъ преимущества, дабы, возвратясь, употребить ихъ въ пользу своихъ подданныхъ. Только лишь прешелъ владѣнія своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великія и тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣту извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность, приближающуюся къ россійской надеждѣ. Чувствовали струи двинскія, и будущему своему повелителю между густымъ льдомъ къ спасенію отъ устроенныхъ коварствъ стезю открыли и преодолѣнныя имъ опасности балтійскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣстили. Избывъ отъ опасности, поспѣшалъ въ радостномъ пути своемъ, довольствуя очи и сердце и обогащая разумъ. Но, ахъ! неволею пресѣкаетъ свое преславное теченіе. Какую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ одной стороны влечетъ любопытство и знаніе, отечеству нужное; съ другой стороны само бѣдствующее отечество, которое къ нему, къ единому своему упованію, простерши руки, восклицало: возвратися, поспѣшно возвратися! меня терзаютъ внутрь измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства: со благодареніемъ признаваю; но прежде укроти свирѣпыхъ! Ты разстался со своимъ домомъ, со своими кровными, для приращенія моей славы: съ усердіемъ почитаю; но успокой опасное настроеніе! Оставилъ данный тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ и простымъ видомъ скрываешь лучи своего величества, для моего просвѣщенія: съ радостною надеждою того желаю; но отврати мрачную грозу безпокойства съ домашняго горизонта! Такими движеніями сердца проницаясь, возвратился для утоленія страшныя бури. Таковыя противности воспящали герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отвсюду окруженъ былъ непріятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе восточные народы, Оттоманская Порта; извнутрь стрѣльцы, раскольники, казаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь его пріуготовились. Что все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно. Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній Петру преодолѣть всѣ тяжкія препятствія и Россію возвысить. Споспѣшествовалъ его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ его предпріятіяхъ извѣстны: первое его веселіе былъ домъ Господень; не слушатель токмо предстоялъ божественной службѣ, но самъ чиноначальникъ. Умножалъ вниманіе и благоговѣніе предстоящихъ своимъ монаршескимъ гласомъ и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ его благочестія, но одинъ нынѣ довлѣетъ. Выѣзжая въ срѣтеніе тѣлу святаго и храбраго князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи невскія. Чудное видѣніе! Гребутъ кавалеры, самъ монархъ на кормѣ управляетъ и къ простыхъ людей труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ; вѣры ради, ею укрѣпляясь, избылъ многократнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою его силою свыше въ день полтавскія брани и не допустилъ къ ней прикоснуться смертоносному металлу. Разсыпалъ передъ нимъ, какъ нѣкогда іерихонскую, нарвскую стѣну не во время ударовъ изъ огнедышащихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненно премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ, безпритворная въ словахъ кратность, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилежное вниманіе благораз-

умныхъ и полезныхъ разговоровъ; въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Чрезъ сіи Петровы дарованія приняла новый видъ Россія, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего отечества, и государямъ—иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непріятелями корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше влïянной ему премудрости споспѣшествовало его геройское мужество: оною удивилъ вселенную, симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ показалъ при военныхъ обученіяхъ безстрашіе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія, младый государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался и слезами своея родительницы, прошеніемъ братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ сдержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности для обновленія Россіи! Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило ему вмѣсто увеселенія. Коль много кратъ морскія волны, возвышая гордые верхи свои, непревратной смѣлости были свидѣтели, быстро текущимъ флотомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли и, съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокупляясь, его не устрашили! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ полтавскимъ въ устроенномъ къ бою своемъ войскѣ Петра, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ свой и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго? И ты, знойная Персія, ни быстрыми рѣками, ни топучими болотами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашествію нашего героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы.

Больше примѣровъ о геройскомъ его духѣ, для краткости, не предлагается, слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ, въ его присутствіе и его предводительствомъ бывшихъ; не представляю его великодушіе, великимъ героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды и больше движетъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ участіе храбрость воиновъ, споможеніе союзниковъ, мѣста и времени удобность, и больше всего присвояетъ себѣ счастіе, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ великій нашъ защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ, и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ его ополченный, но и безприкладная честь имъ показана. Скажите, шведскіе военно-начальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связанія, препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посажденія въ темницы, посаждены были за столомъ побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно есть правосудіе. Первое званіе постановленныхъ отъ Бога на землѣ обладателей есть управляти міръ въ преподобіи и правдѣ, награждать заслуги, наказывать преступленія. Хоть военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку, много препятствовали великому государю устано-

вить во всемъ непремѣнные и ясные законы: однако, сколько на то трудовъ его положено, несомнѣнно удостовѣряютъ многіе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленные дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна его лишили. Докончать и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому родителю дщери, въ безмятежное и благословенное Ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было совершенства, однако въ сердцѣ его написано было правосудіе. Хоть не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ его казнь стрѣлецкая. Представьте себѣ и помыслите, что ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила? Пролита неповинная кровь по домамъ и по улицамъ московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, воютъ жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествіе пресѣкли, вооружаясь явно противъ отечества. За все сіе ежели не отмщу и конечной пагубы не пресѣку казнію: уже вижу напередъ площади наполненны труповъ, расхищаемы домы, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ и любезное отечество поверженно въ дыму и пеплѣ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщетъ. Такого, конечно, правосудія наблюденіе принудило его къ строгости.

Ничѣмъ не могу я больше доказать его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ его подданнымъ. Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и рабολѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде государей рабы на плечахъ, на головахъ своихъ носили; его снисхожденіе превознесло выше самихъ государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями, и сколько время стола малымъ числомъ пищейсокращалось, столькопродолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ съ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое величество, и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ въ томъ больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости

всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что жъ его путешествія или, лучше, быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы, великія рѣки, южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите: я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ, какъ пріятель, обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ: такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, не многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя? Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда: предъ другими велики, однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства, но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на землѣ воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ землѣ пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся, однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ—разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима; но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, отъ первой пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели, то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и моря: дхнетъ духъ Его—и потекутъ воды; прикоснется горамъ—и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно: кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

За великія къ отечеству заслуги названъ онъ Отцемъ Отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ дщерь, всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила!

Услыши насъ Боже, награди Господи! За великія труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за воздыханіе, за слезы, которыя двѣ сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь, проливали, за не-

сравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и потомствомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ—наслѣдникъ; правнукъ, по желанію нашему, родился; мы тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, одобрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

Ломоносовъ.

95. О Гете.

Истекшій годъ ознаменованъ многими горестными утратами для наукъ и Академіи. Изъ числа иностранныхъ сочленовъ лишились мы Кювье, Гете, Сестини, Ремюза, Шамполліона, Цаха, Шапталя, Лодера. Смерть, сугубыми ударами поразивъ избранныхъ, истинно европейскихъ ученыхъ, повидимому уравняла въ бѣдствіяхъ міръ умственный съ міромъ гражданскимъ: ея уровень прошелъ по возвышенностямъ ума, между тѣмъ какъ другая власть, столько же роковая и могущественная, собирала десятину свою съ возвышенностей гражданственныхъ. Несмотря на это, за успѣхи всемірнаго просвѣщенія страшиться не должно: законъ совершенствованія есть всегдашнее, необходимое условіе жизни.

Простите, мм. гг., что я, при самомъ началѣ слова моего, удалился отъ рѣчи, обычной сему роду сочиненій. Согласитесь, что въ нашъ вѣкъ нельзя не искать пріюта въ сферѣ общихъ идей, началъ единства, когда внѣшній порядокъ, связывающій событія, явно нарушается въ ихъ странной нестройности.

Одному изъ знаменитыхъ мужей, похищенныхъ смертью изъ среды наукъ и Академіи, я почитаю себя обязаннымъ, въ качествѣ академика, принести нынѣ послѣднюю дань признательности и уваженія: я разумѣю Гете. Пусть другіе члены сего сословія представятъ сильное вліяніе Кювье на науки естественныя; изслѣдуютъ обширную ученость Шамполліона, Ремюза, Сестини: себѣ предоставляю я бесѣдовать съ вами, мм. гг., о Гете, коего изученіе составляло мои любимыя и, при всемъ томъ, чуждыя предразсудковъ занятія; котораго позналъ я изъ долговременныхъ и частныхъ сношеній; о томъ, котораго разбирать можно, какъ разбираютъ древнихъ, требующихъ одной истины, спокойствіемъ и безмолвіемъ своимъ внушающихъ благоговѣніе, безъ ненависти и пристрастія.

Не ожидайте отъ меня, мм. гг., подробностей касательно сего, поистинѣ великаго, мужа; время рожденія его и кончины, главнѣйшія происшествія въ жизни спокойной и вмѣстѣ многообъемлющей извѣстны всѣмъ; нѣтъ никого изъ присутствующихъ здѣсь, кто бы не вкушалъ сладости блистательныхъ и творческихъ созданій, отражающихъ разнообразный и, смѣю сказать, причудливый геній Гете, то проникающій во глубину сердца, то очаровывающій своенравною игрою воображенія, то убѣдительный прозорливостію философической.

Со вниманіемъ читалъ я большую часть жизнеописаній Гете: вообще сужденія о немъ нахожу я недостаточными и невѣрными. Многіе страстные почитатели возвеличиваютъ его и возносятъ до идеальной высоты, гдѣ физіономія писателя уже исчезаетъ отъ взоровъ критика; иные, напротивъ, умаляютъ его и ставятъ въ такія тѣсныя рамы, въ какихъ едва можно помѣстить и рядоваго грамотѣя. Одни сравниваютъ его съ Шекспиромъ, другіе съ Вольтеромъ; помнится, даже находили сходство Гете съ Магометомъ или Наполеономъ. Вы сами, мм. гг., можете изъ сего заключить о степени справедливости подобныхъ изображеній, обличающихъ недостатокъ наблюдательности.

Дабы основательно судить о вліяніи

Гете на страну его и вѣкъ, должно мысленно перенестись въ то время, когда явился онъ на поприщѣ словесности. Франція, гибнувшая въ неистовыхъ сатурналіяхъ 18-го вѣка, еще продолжала дѣйствовать на умы. Нѣмецкая словесность, заключенная въ первоначальныя жесткія формы свои и порываемая систематическимъ стремленіемъ къ подражанію зарейнскимъ образцамъ, подвергалась двоякой невыгодѣ враждебныхъ крайностей. Школа Бодмера, называемая въ Германіи швейцарскою, силилась воскресить подъ кровомъ патріархальнымъ древнюю эпопею. Школа лейпцигская требовала народной драмы и между тѣмъ ковала прозу, которой нескончаемыя причастія утомляли самый грубый слухъ и самый снисходительный вкусъ. Отличнѣйшіе умы, особенно Галлеръ и Клопштокъ, повѣдая мысли возвышенныя, настроивали лиру на ладъ невѣрный и нетвердый въ основаніи; тогда хотѣлось создать піитику съ тѣмъ же предубѣжденіемъ, съ какимъ искали народности въ баснословныхъ Тацитовыхъ преданіяхъ о германцахъ. Лессингъ первый прокладывалъ надежный путь; но его критическій талантъ не могъ озарить свѣтомъ тьму смѣшенія и безпорядка. Изъ среды сего литературнаго безначалія возвысился талантъ могучій, Виландъ; онъ пробилъ новую тропу и увлекъ послѣдователей своихъ къ подражанію французамъ, неподражаемымъ въ любезности, естественности и живости. Трудное и безплодное усиліе соединяло противоположныя стихіи; въ семъ жалкомъ сочетаніи безнравственность даже не приправлялась вкусомъ, а природныя свойства отечественнаго генія приносились въ жертву суетному желанію наряжаться въ чужія, преувеличенныя погрѣшности.

Замѣтимъ, мм. гг., что въ то время дѣятельность духа устремлена была на совершенствованіе стороны умственной; тогда нынѣшнія думы еще не волновали страстей общественныхъ. Перевороты, вскорѣ разразившіеся, конечно, зараждались въ безмолвіи; но, какъ чада времени, обстоятельствъ и идей, а не произведеніе человѣка или междоусобій, они созрѣвали вдали, подобно непримѣтнымъ на облакахъ пятнамъ, зародышамъ бури. Тогда книга почиталась важнымъ событіемъ, новая мысль — явленіемъ, философская система — эпохой, въ произведеніи искуства выражалася школа. Тогда законъ драматическихъ единствъ опровергался или былъ утверждаемъ какъ законъ государственный; Глюкъ казался нововводителемъ; на Шекспира смотрѣли какъ на варвара, угрожавшаго ниспроверженіемъ общественнаго порядка; энциклопедистовъ принимали за новыхъ вѣроучителей. Германія представляла единственное зрѣлище быстраго и непрерывнаго развитія мысли, замѣнявшаго всѣ прочіе признаки жизни, мышленія зрѣлаго, углублявшагося во внутреннее самосозерцаніе: тамъ, отъ Рейна до Спрее, иногда одинъ силлогизмъ изъ метафизики тревожилъ умы; неожиданный какой-либо выводъ, новая категорія раздѣляли общество, и даже состоянія народныя различались не по важности ихъ гражданственной, но по степени образованія, до какой они достигали, и по дѣйствію ума, какое производили на остальную часть народа.

Въ это время явился Гете. Одаренный всѣми необыкновенными силами духа, соединявшій качества противоположныя, окрыляемый вѣкомъ и самымъ обществомъ, онъ рано прозрѣвалъ мѣсто, какое призванъ былъ занимать. Долго, казалось, колебался онъ въ выборѣ пути, который бы привелъ его къ сему мѣсту; однако недоумѣніе не только не отдалило его отъ меты, но еще послужило къ раскрытію всѣхъ сокровищъ дивнаго его ума, подъ вліяніемъ частію обстоятельствъ времени, частію личнаго его характера. Предъ соотечественниками пламенными и добродушными, съ чистосердечною увѣренностію ожидавшими законодателя языка и вкуса, предсталъ Гете, безъ предубѣжденій литературныхъ, безъ вѣрованія въ фило-

софскія ученія, неустановившійся въ идеяхъ своихъ, безъ восторга и народности. Такими противоположностями, которыхъ, впрочемъ, онъ никогда не таилъ, распространилось его владычество, возрасло необъятное умственное могущество, и скипетръ литературный оставался въ его рукахъ до послѣднихъ дней жизни. Гете никогда не угождалъ требованіямъ общаго мнѣнія; чародѣйственною властію таланта своего онъ увлекалъ народное мнѣніе за собою и послѣ отталкивалъ его отъ себя въ противную сторону. Иногда, утомленное продолжительнымъ влеченіемъ, искало оно отдыха; хотѣло остановиться на данныхъ самого Гете: прихотливый геній немедленно истреблялъ свое произведеніе. Такъ аравитянинъ, среди пустыни, топчетъ шатеръ, защиту каравана отъ зноя, и терпѣливый, послушный караванъ тянется въ путь дальній. Лишь только разгадывали настоящее направленіе любимаго писателя, онъ уклонялся неожиданно, и уже находили его тамъ, отколѣ, повидимому, навсегда онъ удалялся. Это истинный Протей, но Протей самоуправный и упрямый, подобно Аріелю и Мефистофелю, всегда опережавшій современниковъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ и искуснѣйшій, неподражаемый, ничѣмъ не жертвовавшій народности и, при всемъ томъ, постоянный ея блюститель.

Когда духъ германскій, въ сущности мечтательный и страстный, въ припадкѣ отвращенія отъ людей и всего въ мірѣ, возносился въ идеальную область любви, искушаемой дѣйствительностью жизни: тогда Гете издалъ *Вертера*, величайшую драму своего времени, и на этомъ остановился. Совершенство творенія уничтожило подражанія; творецъ, довольный тѣмъ, что этотъ родъ сталъ для другихъ невозможнымъ, обращался къ нему только для того, чтобъ издѣваться надъ собственными своими внушеніями. Соотечественники его пустились въ вѣка рыцарства; на театрахъ и въ романахъ громоздились готическія башни, герои покрывались желѣзными латами, вооружались копьями; не видно было ни искуства, ни истины: Гете вознегодовалъ и поставилъ на сценѣ германской *Гетца фонъ-Берлихингена*—полное выраженіе природы, сильное, цвѣтъ родной земли: всѣ разлюбили въ другихъ то, что прежде нравилось. Но поэтъ, совершивъ превосходное созданіе, никогда не принимался за другое подобное. Стали восхищаться красотою греческой, любоваться утонченнымъ чувствомъ, врожденнымъ, нѣжнымъ вкусомъ, — потребностью греческихъ драматическихъ образцовъ, и Гете, сбросивъ съ себя нарядъ среднихъ временъ, написалъ *Ифигенію*, изящную и прелестную, подобную греческому изваянію, столь же благозвучную, сколь благозвучна пѣснь Сафы, чистую и непорочную, какъ чистъ бѣлый свитокъ, вырытый изъ-подъ пепла геркуланскаго. Онъ тогда же подарилъ читателямъ *Римскія Элегіи*, дышащія отравляющею нѣгою Тибулла и Проперція. Пристрастилась Германія къ богатой итальянской поэзіи; очаровалась прелестію ея гармоніи неистощимой, какъ неистощима въ обиліи ея родина, великолѣпной, какъ великолѣпно ея солнце, нѣжной и сладострастной, какъ человѣкъ въ этой странѣ: обновился и Гете — въ его *Торквато Тассѣ* отгласилась природа музыкальная, истинная, полуденная; раздался языкъ сладкій, благозвучный. До сихъ поръ никто изъ его подражателей даже не приближался къ этой усладительной игрѣ фантазіи.

Перейдемъ въ другую область идей: Гете и тамъ шелъ разными путями. Въ *Эгмонтѣ* представилъ онъ пророческую картину освобожденія народнаго, предвозвѣщеннаго утратою одного человѣка. Но послѣ, когда все восколебалось отъ бурныхъ переворотовъ, когда этимъ чадомъ отуманились и умозрительныя головы германцевъ, Гете не только не увлекся общимъ потокомъ, но даже пребылъ въ величественномъ безмолвіи. Онъ постоянно оставался аристократомъ

въ правилахъ своихъ, желаніяхъ, чувствованіяхъ, явно обнаруживалъ гордое презрѣніе къ торжествующимъ мнѣніямъ черни. Такъ и въ то время, когда безвѣріе проникло въ Германію, когда страсть къ отвлеченностямъ поколебала основанія нравственныхъ знаній, Гете сжалился надъ необузданною охотою соотечественниковъ къ метафизическимъ мечтаніямъ—и преслѣдовалъ грозными сарказмами ихъ суесловіе и пытливость. Среди порывовъ кантизма, онъ мало заботился о непроницаемыхъ, темныхъ произведеніяхъ кенигсберскаго мыслителя (*), въ тогдашнее время превознесенныхъ общимъ восторгомъ, а нынѣ едва извѣстныхъ по заглавіямъ.

Въ столь тѣсной рамѣ нельзя помѣстить многочисленныхъ твореній Гете; останавливаюсь только на нѣкоторыхъ для того, чтобъ представить различное направленіе его генія, показать пути, по которымъ шествовалъ онъ къ литературному диктаторству въ странѣ своей, пути новые, причудливые, затѣйливые, по которымъ онъ одинъ могъ проходить, и доказать, что сравненіе Гете съ Вольтеромъ и его братіею погрѣшительно. Умы своего вѣка покорилъ онъ не угодливостью, но открытымъ и постояннымъ противоборствомъ. Можетъ быть, дѣйствія его были напередъ расчитаны, и глубокою проницательностію разгадалъ онъ собственный характеръ народа своего, характеръ важный, созерцательный, страстный, искренній; можетъ быть, соотественникамъ его нуженъ былъ живой парадоксъ для полнаго развитія умственнаго: при всемъ этомъ Гете, не заботившійся о любви народной, былъ сорокъ лѣтъ идоломъ народа и баловнемъ; суровый и надменный, онъ безпрестанно вооружался противъ мимолетныхъ страстей и скоропреходящаго вкуса; въ противность Вольтеру, безъ обиняковъ объявлялъ, что рукоплесканія черни ему приторны и оледеняли его, что чернь и въ словесности, равно какъ въ политикѣ, неспособна управлять сама собою. *Фаустъ*, одно изъ дивныхъ произведеній его фантазіи, дѣйствительно, представляетъ грозную и ѣдкую иронію въ родѣ Рабеле и Шекспира, возвышенную сатиру на страсть нѣмцевъ копаться въ глубинахъ и пропастяхъ таинственности, разоблачать ея покровы, страсть, разумно воспитанную трансцендентальною философіею, разрушительное развитіе которой ускорили позднѣйшія мудрованія. Трудно изобразить впечатлѣніе отъ этого творенія—впечатлѣніе восторга и негодованія; соотечественники его, осмѣянные въ любимыхъ мечтахъ своихъ, глубоко уязвленные и со всѣхъ сторонъ низложенные, сознавались, что пророкъ ихъ (такъ называли тогда Гете) никогда не повѣдывалъ столь высокихъ тайнъ и вдохновеній, что они никогда не видывали столь проницательныхъ взглядовъ. Дѣйствительно, до Фауста никогда не объявлялъ Гете лютѣйшей вражды духу времени; никогда не нападалъ онъ на труды вѣка съ насмѣшкою столь язвительно. Никто изъ современниковъ Гете, при такихъ успѣхахъ Фауста, не дерзалъ вооружаться противъ него, противъ произведенія творческаго, противъ этой чудной фантастической прихоти; терпѣли бичеваніе, только приговаривая: «такъ сказалъ учитель».

Особенныя отношенія Гете къ публикѣ служили поводомъ ко множеству недоразумѣній, которыми забавлялся великій художникъ, предоставляя пытливымъ и добродушнымъ умамъ удовольствіе толковать таинственный смыслъ словъ его и разгадывать сокровенныя причины его образа мыслей. Сей способъ дѣйствованія и принужденное положеніе обратились въ привычку; не смотря на это, природныя свойства его всегда выказывались изъ-за приличій. Шлегель старшій разсказывалъ мнѣ, что однажды, переписывая стихотворный отрывокъ въ присутствіи самого Гете, остановился онъ, и скромно, почтительно осмѣлился спросить поэта о точномъ

(*) См. Briefwechsel mit Schiller.

смыслѣ стиховъ, на которые въ Германіи вышло множество противорѣчій. Гете разсмѣялся и сказалъ: «оставьте эти загадки; когда писалъ я, мнѣ казалось, въ нихъ былъ смыслъ; вотъ все, что могу я вамъ сказать».

Гете во всѣхъ предметахъ, даже въ грамматикѣ, показывалъ совершенное пренебреженіе положительными правилами и рѣшительными теоріями. Въ томъ періодѣ жизни, когда трудности возбуждаютъ къ большей дѣятельности, я пытался писать по-нѣмецки. Книга моя (*), о которой, можетъ быть, еще помнятъ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ слушателей, напечатана и издана подъ охраненіемъ Гете: онъ подстрекнулъ сочинителя. Въ посвященіи я говорилъ ему, что чудные плоды его генія, которые вкушалъ я въ Германіи, въ пылу юности, питали меня и въ лѣтахъ зрѣлыхъ, были отрадою и наслажденіемъ; что я представляю сочиненіе свое великому художнику и знатоку нѣмецкаго языка, надѣясь получить нѣкогда изъ его рукъ право гражданства въ его отечественной словесности. Это послужило мнѣ темою продолжительной переписки съ Гете. Посылая къ нему книгу, я писалъ въ особомъ письмѣ, что онъ вѣрно найдетъ въ ней выраженія иностранца, руссизмы, даже нѣсколько солецизмовъ, ускользнувшихъ отъ вниманія, присоединивъ, что я тщетно искалъ ученаго нѣмца, который бы принялъ на себя трудъ пересмотрѣть мою рукопись. На это Гете отвѣчалъ мнѣ: «Настоятельно прошу васъ, даже требую отъ васъ обѣщанія, никогда не повѣрять никому изъ нѣмцевъ такъ называемаго вами пересмотра рукописей вашихъ. Навѣрное, слогъ вашъ отъ этого потеряетъ все, что въ моихъ глазахъ драгоцѣнно, а въ замѣну пріобрѣтетъ прикрасы, о которыхъ я ни мало не забочусь. Пользуйтесь тою важной выгодой, что вы не знаете нѣмецкой грамматики; лѣтъ тридцать стараюсь я забыть ее». Не смотря на вниманіе великаго писателя, можно бы принять эти строки за легкую иронію, если бъ въ то же самое время не повторилъ онъ тѣхъ же похвалъ и не объявилъ бы того же мнѣнія въ изданномъ тогда сочиненіи: Kunst und Alterthum.

Возобновляя воспоминанія о продолжительной перепискѣ моей съ великимъ человѣкомъ, о которомъ имѣю честь бесѣдовать съ вами, мм. гг., я могъ бы распространиться и разсказать вамъ еще нѣсколько замѣчательныхъ изреченій его; но тогда надлежало бъ преступить предѣлы настоящаго слова. Не употребляя во зло снисхожденія вашего, ограничусь краткимъ исчисленіемъ трудовъ Гете, имѣющихъ тѣсную связь съ науками, коими Академія преимущественно занимается.

Чѣмъ болѣе чуждался вкусъ Гете искуственнаго синтезиса и въ умозрѣніи, и въ поступкахъ, тѣмъ болѣе прилѣплялся онъ къ естественнымъ наукамъ съ самыми мельчайшими подробностями, занимаясь ими страстно. Но и тутъ не преклонялъ онъ главы ни предъ одною системой, не покорялся ни одной теоріи: шелъ какъ наблюдатель, любилъ размышлять самъ съ собою и на просторѣ.

Такъ въ физикѣ, теорія свѣта или, лучше сказать, теорія цвѣтовъ была однимъ изъ любимыхъ предметовъ его изученія. Гете не довольствовался ни однимъ изъ извѣстныхъ объясненій: теорія *истеченія* казалась ему слабою и даже странною; теорія *сотрясенія*, которую принималъ онъ въ значеніи динамическомъ, также его не удовлетворяла. По его мнѣнію цвѣты раждаются въ парообразной средѣ, чрезъ которую проходитъ къ намъ свѣтъ. Явленія призмы представлялись ему въ формѣ болѣе піитической, нежели дидактической; по соображеніямъ поэта, кои можно извлечь изъ его сочиненій, а трудно изложить въ немногихъ словахъ ясно и опредѣленно, цвѣты не иное что, какъ встрѣча

(*) Nonnos von Ponopolis, der Dichter. Ein Beitrag zur Geschichte der Griechischen Poesie. St. Petersburg. 1826.

свѣта съ тьмою, родъ покрова, навѣваемаго мракомъ на свѣтъ. Не вступаясь за это мнѣніе, которое можетъ казаться болѣе замысловатымъ, нежели сколько основательнымъ, заключу тѣмъ, что, конечно, теорія Гете не принята; однако прекрасныя, многочисленныя наблюденія его надъ цвѣтами заслужили уваженіе людей просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ.

Перенеситесь мысленно, мм. гг., въ то время, когда въ первый разъ появилось геогностическое ученіе Вернера, и вы согласитесь, какимъ любопытствомъ, какимъ чувствомъ долженъ былъ воодушевиться такой умъ, каковъ умъ Гете, при воззрѣніи на теоріи новыя и привлекательныя. И дѣйствительно, онѣ составляли одно изъ самыхъ постоянныхъ занятій въ продолженіе всей его жизни. Онъ пріобрѣталъ огромныя собранія геогностическихъ рѣдкостей, особенно, когда требовалъ самъ отъ себя отчета въ двухъ явленіяхъ, сильно его поражавшихъ: въ происхожденіи металловъ и дѣйствіи огня на внѣшнюю оболочку земнаго шара. Касательно перваго предмета, замѣчанія его можно назвать предчувствіями, предвидѣніемъ, когда еще неизвѣстны были славныя открытія Деви, и, вѣроятно, не обнималъ онъ сцѣпленія всѣхъ явленій, служащихъ наукѣ основаніемъ. Что касается до другаго вопроса, изслѣдованія Гете вулканическихъ остатковъ, найденныхъ въ Богеміи, заимствованныя изъ того круга понятій, кои не подвержены противорѣчіямъ, свидѣтельствуютъ о силѣ ума и рѣдкой проницательности, особенно, если вспомнимъ, что онъ такъ мыслилъ въ то время, когда въ геологіи господствовало ученіе нептунистовъ.

Гете, въ Морѳологіи своей, говоритъ, что необыкновенное дѣйствіе, произведенное на него безсмертнымъ шведскимъ естествоиспытателемъ, состояло, между прочимъ, въ потребности совокупить въ одно цѣлое то, что у Линнея было столь тщательно раздѣлено, отыскать единство и сходство тамъ, гдѣ Линней находилъ множество и разнообразіе. Таково направленіе изученія его ботаники: всѣ изслѣдованія имѣли цѣлію открыть первоначальную пластическую форму въ безконечномъ разнообразіи растительнаго царства. По мнѣнію Гете, листъ представляетъ первообразъ, который развивается и получаетъ преобразованіе или восходящее, или нисходящее. Въ наше время эта теорія имѣетъ послѣдователей: ее принимаютъ славнѣйшіе ботаники (*). Замѣтимъ мимоходомъ, что Гете первый отдалъ справедливость одному изъ величайшихъ физіологовъ своего времени, Гаспару Фридриху Вольфу, члену нашей Академіи. Вамъ, мм. гг., извѣстны огромные труды его; вы знаете имъ цѣну, но также вѣдаете, что скромный и сознательный голосъ сего ученаго заглушаемъ былъ громкою знаменитостью: Гете призналъ его достоинства.

Зоологія не осталась чуждою пламенной его любви къ естественнымъ наукамъ: и въ ней показалъ онъ духъ наблюдательный и проницательный. Гете изучалъ всѣ части животнаго организма съ такимъ же любопытствомъ, съ какимъ изслѣдовалъ всѣ подробности жизни растеній. Здѣсь, также желая вывести первоначальную пластическую форму, онъ рѣшительно сказалъ, что для сего необходима помощь сравнительной анатоміи, и это указаніе нынѣ законъ и свѣточъ науки. Въ особенности Гете занимался остеологіей; онъ прежде всѣхъ почиталъ черепъ измѣненіемъ позвонковъ: это мнѣніе нынѣ общепринятое. Не оставимъ безъ вниманія новаго наблюденія, если не открытія, коимъ анатомія одолжена Гете. Долго полагали, что органическое отличіе человѣка отъ животныхъ состоитъ въ *междучелюстной* кости, въ которой у животныхъ сидятъ рѣзцы верхней челюсти и которая примѣтно выдается у обезьянъ. Гете

(*) Профессоръ Эрнестъ Мейеръ, въ Кенигсбергѣ.

не довольствовался симъ признакомъ: многими опытами и изысканіями онъ доказалъ существованіе сей кости и въ челюсти человѣка. Не показываетъ-ли это изслѣдованіе особенныхъ видовъ, кромѣ простаго любопытства? Или я ошибаюсь, мм. гг., или было какое-либо невѣдомое внушеніе Мефистофеля къ уничтоженію мнимаго вещественнаго отличія, которое гордость человѣческая хотѣла присвоить себѣ въ добавокъ къ духовному превосходству: такой умъ, каковъ умъ Гете, не останавливается долго на какомъ-либо изысканіи, если оно не содержитъ въ себѣ важной мысли.

Впрочемъ, мм. гг., было-бъ несправедливо разсматривать Гете въ одной какой-либо отрасли знаній или въ одномъ какомъ-либо временномъ направленіи отдѣльно: сей дивный умъ, сія необыкновенная способность къ знаніямъ, совершенно между собою различнымъ, должны быть наблюдаемы въ цѣлости и совокупности всѣхъ силъ душевныхъ, столь обширныхъ и блистательныхъ, въ ихъ дѣйствіяхъ общественныхъ; всему сословію просвѣщенныхъ мужей, каково сословіе академиковъ, прилично воздать послѣднюю почесть памяти того, чье вліяніе на свою страну и на всю Европу было столь велико, что его гробница, поставленная между гробницами Шиллера и Гердера, заключаетъ цѣлую эпоху, цѣлое столѣтіе. Вѣнецъ наукъ сплетается славою всѣхъ талантовъ; высочайшее ихъ торжество состоитъ въ изгнаніи изъ своей области частностей, всякой личности, всякаго пристрастія. Міръ умственный, подобно Елисейскимъ полямъ древнихъ, долженъ отдѣляться отъ міра дѣйствительнаго рѣкою забвенія.

Заключу слова мои еще однимъ замѣчаніемъ. Сравнивая міръ политическій съ умственнымъ, какое поразительное сходство въ нихъ открываемъ! Вездѣ почти и всегда по одному изъ нихъ можно судить о другомъ. Въ большей части Европы, кажется, вѣкъ аристократіи литературной уже проходитъ; въ словесности власть единаго таланта или немногихъ слабѣетъ: наступаетъ эпоха, которую одинъ умные писатель вѣрно изобразилъ названіемъ *эпохи безъименной*. Равнодушіе, замѣченное въ послѣднее время къ твореніямъ Гете и даже лично къ нему, происходитъ изъ сего же начала: это умственный взрывъ, грохотавшій у вратъ храма, въ которомъ столь долго приносились жертвы. Германія въ семъ знаменитомъ мужѣ утратила единственнаго и послѣдняго изъ своихъ повелителей въ области словесности, повелителя, надъ всѣми превознесеннаго на щитахъ законнымъ правомъ генія и единодушіемъ соотечественниковъ.

Уваровъ.

96. Рѣчь кн. П. А. Вяземскаго на пятидесятилѣтнемъ его юбилеѣ.

Первымъ чувствомъ и первымъ словомъ моимъ да будетъ глубочайшая моя благодарность Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ за высочайшую милость, которою Ихъ Величества меня осчастливили.

Искренняя признательность моя и вамъ, милостивые государи, за благосклонное вниманіе, которымъ вы меня удостоили. Теперь позвольте мнѣ объяснить вамъ, какъ я сознаю и понимаю это вниманіе.

Къ сожалѣнію, литературные юбилеи совершаются у насъ рѣдко. Смерть перебѣгаетъ имъ дорогу, и часто, еще далеко до цѣли, захватываетъ избранныхъ, которыхъ долгоденствіе было бы народной радостью и обогащеніемъ народной славы. Особенное тому исключеніе, встрѣченное вами съ лестнымъ вниманіемъ, пало на меня,—на меня, который менѣе многихъ другихъ заслуживалъ бы сей почести. Нынѣшнее собраніе и радушное привѣтствіе, которыми вы меня удостоиваете, служатъ доказательствомъ, во-первыхъ, моей живучести, за которую обязанъ я благодарить Провидѣніе,

дозволившее мнѣ дожить до настоящаго праздничнаго дня; во-вторыхъ, доказательствомъ вашей памяти—не сухой, строго подводящей всему итоги, но драгоцѣнной памяти сочувствія и благоволенія. За нее не умѣлъ бы я вполнѣ и достаточно выразить мою глубочайшую благодарность. Тѣмъ болѣе тронутъ я находчивостью вашей памяти, что я съ своей стороны ничего не сдѣлалъ, чтобы облегчить ее и указать ей путеводительные слѣды. Я даже не кончилъ тѣмъ, чѣмъ многіе спѣшатъ начать, а именно, собраніемъ и напечатаніемъ полныхъ своихъ произведеній. И донынѣ еще не собраны грамоты моего авторскаго мѣстничества, моя метрика, мой литературный послужной списокъ — все у меня находится въ большомъ безпорядкѣ. Предстою предъ вами безъ документовъ на лицо, безъ полновѣсныхъ книгъ и книжекъ, получившихъ осѣдлость и право гражданства въ библіотекахъ и книжныхъ лавкахъ. Самъ почтеннѣйшій Президентъ Академіи, котораго ученая, разнообразная и богатая память можетъ замѣнить полнѣйшую энциклопедію и подробнѣйшій каталогъ; самъ Управляющій Публичною Библіотекою, который привелъ наше народное книгохранилище въ такой удовлетворительный и блестящій порядокъ —и они затруднились бы возстановить вполнѣ и въ хронологической послѣдовательности родословное древо моего авторскаго достоинства, если и могла бы здѣсь рѣчь идти о какомъ нибудь достоинствѣ. Это древо, въ теченіе многихъ пропущенныхъ десятилѣтнихъ давностей, разбросано по широкому полю отдѣльными вѣтками и листьями. Кто дастъ себѣ трудъ отыскать въ дѣлахъ давноминувшихъ лѣтъ, подъ полувѣковою пылью забытыхъ журналовъ и сборниковъ, эти затерянные зародыши, попытки и матеріалы, изъ коихъ многіе уже успѣли сдѣлаться развалинами? Впрочемъ, такой подвигъ, послѣ оказываемаго мнѣ вами, мм. гг., снисхожденія, мнѣ и ненуженъ. Вы довѣряете мнѣ, такъ сказать, на слово; вы, по собственному побужденію вашего просвѣщеннаго и дружелюбнаго сочувствія, мимо всѣхъ формальностей и законныхъ видовъ, вы меня удостоиваете лучшаго отличія. Высоко цѣню эту честь, не обольстительно возвышая себя предъ собою, но сердечно умиляясь предъ высотою награды вашей. Вмѣстѣ съ тѣмъ понимаю и вѣрное ея значеніе. Здѣсь придется мнѣ повторить себя: со стариками это часто бываетъ. Нѣсколько лѣтъ тому, было мнѣ оказано въ Москвѣ вниманіе въ родѣ нынѣшняго, и тогда выразилъ я свое убѣжденіе. Съ тѣхъ поръ я въ глазахъ своихъ не выросъ: я только состарѣлся. Но съ тою же живою признательностію, съ тѣмъ же самосознаніемъ, какъ и тогда, скажу, мм. гг., и вамъ: вы во мнѣ радушно привѣтствуете и ласково провожаете живое и нечуждое сочувствіямъ вашимъ преданіе. Вы въ моемъ лицѣ празднуете умилительную тризну славнымъ покойникамъ, которыхъ нѣкогда былъ я питомцемъ, современникомъ и товарищемъ. Не мои дѣла, не мои труды, не мои побѣды празднуете вы. Вы заявляете сердечное слово, вы подаете ласковую руку простому рядовому, который уцѣлѣлъ изъ побоища смерти и пережилъ многихъ знаменитыхъ сослуживцевъ. На поприщѣ гражданина имѣлъ я также одинъ поэтическій и достопамятный день, который означаетъ особенною отмѣткой обыкновенную жизнь человѣка. Много ли насчитается нынѣ на-лицо изъ тѣхъ, которые были хотя и незамѣтными, но присутствующими участниками въ великой, эпической Бородинской битвѣ? Не ищите имени моего въ лѣтописи этой битвы; но я подъ ядрами находился въ сей день при Милорадовичѣ. Въ ушахъ моихъ еще звучитъ повелительный голосъ его; предъ глазами моими еще рисуется его спокойное и мужественное лице. На литературномъ поприщѣ равно я живое воспоминаніе великой эпохи. Я напоминаю вамъ, милостивые государи, имена ея, имена Карамзина, Жуковскаго,

Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ ея дѣятелей: сихъ воиновъ мирнаго, но побѣдительнаго слова. Я пережилъ ихъ, какъ пережилъ и многихъ изъ своихъ Бородинскихъ товарищей. Это не заслуга, но это право на сочувственное вниманіе ваше. Вы вмѣняете мнѣ въ заслуги счастіе, которое сблизило и сроднило меня съ именами, вамъ любезными и съ блескомъ записанными на скрижаляхъ памяти народной. Вы любите настоящее: вы горячо живете его жизнію, его заботами, успѣхами и надеждами; но вы не отрекаетесь отъ минувшаго и не остаетесь равнодушными къ тому и къ тѣмъ, которые честно отживаютъ. Вы сочувствуете и радуетесь новымъ дарованіямъ, новымъ труженикамъ науки, слова и искуства, которые нынѣ обогащаютъ литературу нашу; но вы того мнѣнія, что все новое хорошее, изящное, честное не должно насильственно замѣщать и уничтожать изящное и честное старое, а служить ему развитіемъ и пополненіемъ. Любовь, во всѣхъ возвышенныхъ и духовныхъ примѣненіяхъ къ явленіямъ жизни и дѣйствительности, есть чувство безсмертное и, слѣдовательно, всеобъемлющее. Ограничивать любовь одновременнымъ пристрастіемъ къ тому, что есть, къ тому, что на глазахъ и подъ рукою, значитъ унижать ее. Нѣтъ, любовь къ просвѣщенію, любовь къ добру, къ человѣчеству, объемлетъ и то, что есть, и то, что было, а безсмертнымъ предчувствіемъ и то, что будетъ. Все прекрасное, все доброе совмѣщается для нея въ одно разумное и стройное цѣлое, которое имѣетъ корни въ минувшемъ и незримые и таинственные зародыши и побѣги въ будущемъ. Любви не чужды ни колыбели потомковъ, ни могилы предковъ. Она, заботясь объ обязанностяхъ дня сего, привѣтствуетъ упованія завтрашняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ свято дорожитъ памятью и вчерашняго дня. Если не ошибаюсь, таковы значеніе и сокровенное чувство избраннаго и разнообразнаго общества, которое здѣсь собралось и удостоиваетъ меня честію, далеко превосходящею мои литературныя заслуги. Во мнѣ, пока еще живомъ, спѣшите вы, милостивые государи, заплатить долгъ любви и признательности нашимъ общимъ наставникамъ и друзьямъ, уже отжившимъ. За себя и за тѣхъ, которыхъ вы во мнѣ почтили, благодарю васъ отъ полноты умиленной и сладостно взволнованной души. Благодарю васъ и за настоящее поколѣніе, которое съ юными силами и мужественнымъ одушевленіемъ служитъ благородному дѣлу слова, искуства и истины. Оно также, въ свою очередь, уступитъ мѣсто молодому племени, которое по слѣдамъ его будетъ продолжать и довершать святую задачу просвѣщенія. Пускай изъ моего примѣра и нынѣшняго собранія почерпнетъ оно отрадное убѣжденіе, что общество, увлекаемое потокомъ настоящаго, умѣетъ съ благодарностію поминать прошедшее.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1 и 2. Рейнскій водопадъ (стр. 3).

Описывая предметъ, Карамзинъ имѣлъ въ виду изобразить впечатлѣніе, произведенное на него этимъ предметомъ. Напротивъ, въ описаніи того же водопада, Жуковскій только нѣсколькими словами упомянулъ о чувствахъ, которыя были имъ испытаны: «онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ». Цѣль его сочиненія—указать существенныя, характеристическія отличія предмета въ немъ самомъ, а не по отношенію его къ лицу разсматривающему. Описаніе дѣлится на двѣ части: первая передаетъ читателю полную картину паденія водопада; вторая—картину его паденія, когда смотришь на него вблизи—при солнцѣ или безъ солнца.

3. Водопады Иматрскій и Нарвскій (стр. 4).

Нарвскій водопадъ описывается: а) самъ по себѣ, безъ сравненія съ другими однородными предметами, и б) сравнительно съ водопадомъ иматрскимъ. Сравненіе открываетъ между ними четыре различія: по образу паденія воды; по впечатлѣнію, которое они производятъ на зрителя; по шуму того и другаго; по характеру ихъ окрестностей.

Представляемъ стихотворное описаніе «Нарвскаго водопада» изъ сочиненій кн. Вяземскаго.

Несясь съ неукротимымъ гнѣвомъ,
Мятежной влаги властелинъ!
Надъ тишиной окрестной ревомъ
Господствуй, бурный исполинъ!

Жемчужною кипящей лавой,
За валомъ низвергая валъ,
Сердитый, дикій, величавой,
Перебѣгай ступени скалъ!

Дождь брызжетъ отъ упорной сшибки
Волны, сразившейся съ волной,
И влажный дымъ, какъ облакъ зыбкій,
Вдали ихъ представляетъ бой.

Все разъяреннѣй, все угрюмѣй
Летитъ, какъ геній непогодъ:
Я мыслью погружаюсь въ шумѣ
Междоусобно-бурныхъ водъ.

Но какъ вокругъ все безмятежно,
И, утомленныя тобой,
Какъ чувства отдыхаютъ нѣжно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берегъ чуждъ смятенью,
На немъ цвѣтетъ весны краса,
И вмѣстѣ миру и волненью
Свѣтлѣютъ тѣ же небеса.

Но ты, созданье тайной бури,
Игралище глухой волны,
Ты не зерцало ихъ лазури,
Вотще блестящей съ вышины.

Противорѣчіе природы,
Подъ грознымъ знаменемъ тревогъ,
Въ залогѣ вѣчной непогоды
Ты бытія пріялъ залогъ.

Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный,
Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,
Какъ вдоль пустыни вихорь знойный,
Какъ страсть въ святилищѣ души.

Какъ ты, внезапно разразится,
Какъ ты, ростетъ она въ борьбѣ,
Терзаетъ лоно, гдѣ родится,
И поглощается въ себѣ.

4. Кивачъ (стр. 5).

Сличи эту статью съ Водопадомъ Державина (во 2-мъ т. Христоматіи, № 121, первыя семь строфъ).

*

Примѣч. Описанія четырехъ водопадовъ помѣщены съ тою цѣлію, чтобы учащійся, при разборѣ ихъ, видѣлъ, какимъ образомъ одинъ и тотъ-же родъ предметовъ можетъ изображаться разными писателями.

Въ содержаніи описанія надобно различать главную часть отъ частей второстепенныхъ.

А) Главное содержаніе заключается въ исчисленіи частей и свойствъ предмета, что иначе называется его *развитіемъ* или *различеніемъ*. Но такъ какъ свойства могутъ быть многочисленны, то выбираются изъ нихъ главныя, характеристическія, которыми онъ рѣзко отличается отъ другихъ предметовъ. Существенное и необходимое въ предметѣ — то, что постоянно принадлежитъ ему, при всѣхъ его измѣненіяхъ—даетъ о немъ ясное, полное понятіе; случайные же его признаки, сколько бъ мы ихъ ни взяли, никогда не приведутъ къ этому понятію.

В) Главнымъ содержаніемъ описанія предметъ отдѣляется отъ прочей дѣйствительности, показывается въ немъ самомъ; второстепеннымъ—показывается въ отношеніяхъ къ прочей дѣйствительности, къ другимъ предметамъ. Эти отношенія суть слѣдующія:

а) *Отношеніе къ формамъ бытія*—пространству и времени (описаніе мѣста, занимаемаго предметомъ, и времени, въ которое онъ былъ наблюдаемъ).

б) *Отношеніе причинности* — причинъ къ дѣйствіямъ, средствъ къ цѣлямъ, и наоборотъ. (Причины, произведшія предметъ, или дѣйствія, имъ производимыя; указаніе цѣли, для достиженія которой онъ служилъ средствомъ, или средствъ, которыя привели къ нему, какъ къ цѣли).

в) *Отношеніе тождества*, т. е. отношеніе описываемаго предмета къ роду (отношеніе подчиненія), къ другимъ предметамъ того же рода (отношеніе противоположности), къ предметамъ другихъ родовъ (отношеніе соотвѣтственности).

г) *Указаніе генетическое*, т. е. исторія происхожденія предмета (историческая часть въ описаніи).

д) *Отношеніе къ жизни*—практическое значеніе предмета (его польза, употребленіе, достоинства, и проч.).

е) *Отношеніе къ лицу разсматривающему* — впечатлѣніе, произведенное на автора (описаніе чувствъ, возбужденныхъ предметомъ).

6. Финляндія (стр. 7).

Любопытно сличить сочиненіе Батюшкова съ нѣкоторыми мѣстами изъ сочиненія Ласепеда: Ages de la nature. Сличеніе откроетъ, что поэтъ нашъ перевелъ многое изъ французскаго автора, особенно изъ того мѣста, которое помѣщено во всѣхъ почти французскихъ христоматіяхъ, подъ названіемъ: Les forêts et les habitans des régions glaciales. Подобное заимствованіе, конечно, нисколько не унижаетъ достоинства подражанія или даже перевода, изящнаго по изложенію. Батюшковъ, бывшій въ Финляндіи, прибѣгнулъ, для описанія видѣнной имъ стороны, къ сочиненію Ласепеда, которое говоритъ о природѣ и жителяхъ странъ, подобныхъ Финляндіи.

Выписываемъ нѣсколько отрывковъ для сличенія:

Sous un ciel toujours couvert d'épais nuages, où la clarté du jour pénètre avec peine, s'élèvent de vastes et antiques forêts. L'horreur, le silence et la nuit les habitent; des arbres presque aussi vieux que la terre qui les porte, s'y élèvent et s'y amoncellent, pour ainsi dire, sans ordre, les uns contre les autres. Leurs branches touffues et entrelacées n'offrent qu'avec peine des routes tortueuses, que des ronces embarassent encore; là des cimes énormes succombent sous le poids des années ou par la violence des vents; elles tombent avec effort sur des troncs antiques qui gisaient à leurs pieds, et recouvraient d'autres troncs à demi pourris; l'on n'entend dans ces affreuses solitudes,

dans ce séjour rude et sauvage, que les cris rauques et funèbres d'oiseaux voraces, les hurlemens des ours qui cherchent une proie, le fracas d'un torrent qui se précipite d'une roche escarpée, rejaillit en vapeur, et fait gronder les échos de ces lieux bruts et incultes ou le bruit des rochers que la main du temps fait rouler au milieu de ces forêts retentissants.

Лѣса финляндскіе непроходимы... въ теченіи своемъ деревья и камни.

Là habitent dans des cavernes des hommes durs, féroces, indomptables, ne vivant que de leur chasse, ne se nourrissant que de sang et ne desirant que de le boire dans le crâne de leurs ennemis. Lorsque l'hiver vient étendre ses glaces sur ces âpres contrées, qu'il répand à grands flots la neige, que les eaux cessant de couler se glacent et durcissent, que les fleuves sont changés en masse solide, capables de soutenir les plus lourds fardeaux, et que la mer ne présente plus qu'une plaine rigide de glace dure et compacte, ces hommes féroces sortent de leurs tanières. La massue d'une main et la hache de l'autre, ils partent pour aller au loin surprendre les animaux dont ils se nourrissent et enlever des bourgades entières pour servir à leurs repas inhumains. Pressés par la faim, agités par la férocité, pleins de courage, de cruauté et de force, s'animant par le souvenir de leurs victoires passées, cherchant à s'étourdir sur le danger qui les menace, ils profèrent à haute voix l'expression de leurs sensations profondes et horribles; ils crient, ils élèvent leurs voix avec effort et tachent d'en remplir tous les lieux qu'ils parcourent: un enthousiasme atroce s'empare de leur âme; une espèce de chant sauvage, une chanson barbare sort de leur bouche avec leurs paroles de mort et de carnage.

Существовали народы сіи.... и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ страшной пустынѣ.

7. **Дорога** (стр. 9).

Вѣрное, живописное изображеніе какъ мѣстностей, встрѣчающихся по дорогѣ, такъ и впечатлѣній, физическихъ и нравственныхъ, производимыхъ ими на путешественника. Тургеневъ подражалъ Гоголю въ своемъ, тоже художественномъ очеркѣ, лѣса и степей (сличи стр. 17).

8. **Садъ** (стр. 10).

Это мастерское описаніе намѣренно предпослано Гоголемъ, въ Мертвыхъ Душахъ, знакомству съ Плюшкинымъ—типомъ русскаго скряги. Природа является здѣсь въ яркомъ контрастѣ съ человѣкомъ. Какъ живописенъ садъ въ своемъ картинномъ запустѣніи, заросшій и заглохшій, такъ безобразенъ человѣкъ въ своемъ запустѣніи душевномъ, съ захлохшими чувствами, потерявшими способность воспринимать благое и прекрасное, съ отупѣвшимъ умомъ, занятымъ только дрязгами и мелочами. И если въ саду, оставленномъ безъ всякаго присмотра, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, то въ человѣкѣ, напротивъ, все бываетъ дурно, когда онъ дастъ волю однимъ животнымъ инстинктамъ, упразднитъ всякое самообладаніе, всякій надзоръ за собою, и не выучится искуству устроивать свою природу.

На этомъ же описаніи ясно видишь различіе между слогомъ и рѣчью, которые иногда смѣшиваются. Критика можетъ указать въ немъ кой-какія погрѣшности противъ словопостроенія и благозвучія (наприм.: обильное число придаточныхъ предложеній съ причастіями на «шій» и «щій», употребленіе, въ одномъ и томъ же предложеніи, глаголовъ въ разныхъ видахъ—«глушившій и пробѣжавшій», или словъ, происходящихъ отъ одного и того же корня — «пробѣжавшій» и «взбѣгалъ», что не совсѣмъ пріятно для слуха, равно какъ и неблагозвучное стеченіе словъ въ слѣ-

дующей фразѣ—«сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья»), которыя весьма легко устранить; но она выкажетъ крайнюю односторонность и мелочность, не замѣтивъ оригинальнаго слога, который есть душа, физіономія рѣчи, этой отчетливой живописи крупныхъ и мелкихъ предметовъ, набранныхъ не случайно, а съ художественнымъ тактомъ, и сгруппированныхъ въ одной яркой, совершенно полной картинѣ.

24. Битва на Куликовскомъ полѣ (стр. 42).

Для сличенія лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи съ Исторіей Карамзина, выписываемъ одно мѣсто изъ Русской Лѣтописи по Никонову списку (ч. 4-я, стр. 104 и слѣд.).

И уже осмому часу изшедшу и девятому часу наставшу, всюду Татаровѣ одолевающе. Тогда убо в дубраве стоящу князю Володимеру Ондрѣевичу, внуку Іванову, правнуку Данилову, праправнуку Александрову, брату изъ двоюродныхъ великому князю Дмитрею Івановичю в западномъ полку потаенно со избраннымъ воинствомъ, и с мудрымъ воеводою и удалымъ, з Дмитриемъ Боброкомъ Волынцемъ плачющеся и слезяще зело, видяще христианское воинство избиено. И еще вмалѣ нѣцы и шатающесь по побоищу, и речѣ князь Володимеръ Андрѣевичъ к Дмитрею Волынцу, что убо брате ползуетъ стояние наше, и кии успѣхъ отъ насъ имъ есть, кому убо намъ помощи, уже бо вси мертви лежаху Християнстии полцы. И речѣ великии и мудрыи воевода и удалыи богатырь Дмитрей Боброкъ Волынецъ: беда княже велика, грѣхъ ради нашихъ приде на насъ гнѣвъ Божии, и нѣсть намъ времяни сего еже изыти намъ на супостаты; сия еще убо терпимъ молитвы возылающе в сокрушении сердца к Богу, и тои низложитъ враги наша. Князь же Володимеръ Ондрѣевичъ восплака і воздѣвъ руцѣ на небо молящеся со слезами Господу Богу и пречистей Богородице, і всѣмъ святымъ. Егда хотяху изыти на враги своя, і вѣяше вѣтръ велии противу имъ в лицѣ, и бьяше зело і возбраняше; и речѣ Дмитрей Боброкъ Волынецъ, никако же никто же да не изыдетъ на брань, возбраняетъ бо намъ Господь, и подвиже всѣхъ на плачь, на слезы. І восплакашеся вси со слезами, моляшесь довольно Господу Богу и пречистей Богородице, і всѣмъ святымъ, и самъ Дмитрей Боброкъ Волынецъ горько проплака, и слезы излия многи.

И уже девятому часу исходящу, и се внезапу потяну вѣтръ со зади ихъ, понужая ихъ изыти на Татаръ. Тогда убо Дмитрей Боброкъ речѣ князю Володимеру Ондрѣевичю: господине княже, часъ прииде, время приближись. Таже и ко всему воинству речѣ: господие и отцы и братия и чада и друзи, подвизаитеся; време намъ благо прииде, сила бо Святаго Духа помогаетъ намъ. И тако вси изыдоша съ яростью и с ревностию божественныя на невѣрныя и противныя враги. Тогда убо Божественною помощию и пречистыя его Матери в великии страхъ и ужасъ впадоша нечестивии измаилтяне, отъ Божественныя силы невидимо устрашишась, і воскликнуша глаголюще: увы намъ, увы намъ, Християне упремудрили надъ нами, лучшия и удалыя князи і воеводы въ таю оставиша, и на насъ неутомлены уготоваша, наши же руки ослабѣша и плещи усташа, и колѣни оцепенѣша, и кони наши утомлени суть зело, и оружия наша изринушась, и кто можетъ противу ихъ стать. Горе тебѣ, великии Мамаю, вознеслъся еси гордостию своею до облакъ, изшелъ еси безумиемъ своимъ до ада, и насъ еси всѣхъ погубилъ всуе. И побегоша татарстии полцы, а християнстии полцы за ними гоняюще, биюще и секуще. Видевъ же Мамай, яко новыя полцы неутомленныя християнстии изыдоша на Татаръ его толико Божиею милостию и пречистыя Его Матери, яже показа на правовѣрнемъ Християнствѣ, тако убо видѣшась Мамаю и Татаромъ его, яко изыдоша из дубравы християн-

стии полцы тмочисленныя, и никтоже отъ Татаръ можаше стати противу ихъ. И побеже Мамай со князи своими вмалѣ дружинѣ, и мнози Татарове оружиемъ падоша отъ христианскаго воинства пособиемъ Божия Матери і великаго чюдотворца Петра, а друзи в рѣцѣ истопоша, и гониша ихъ до реки до Мечи; а княжи полцы гнашась за Татары и до становъ ихъ, и полониша богатства и имѣния ихъ много. І возвратишась вспять християнстии вои, і видеша яко всюду мертвии лежаху, и такова убо бысть побѣда и помощь Божия, и чюдеса, и знамения Божия Матере і великаго чюдотворца Петра, и преподобнаго игумена Сергия, и святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба и всѣхъ святыхъ, и родительская молитва православныхъ християнъ, яко и гдѣ и не доходиша християнстии полцы, тамо Татаровое избиени мертвы лежаху невидимою божиеюсилою, и пречистыя его Матере и святыхъ его. Возвративжесь князь Володимеръ Ондрѣевичъ и ста на костехъ, и виде множество избиенныхъ християнскаго воинства князей, и бояръ, і воеводъ, и слугъ и пѣшаго воинства, яко и число превзыде; всюду реки кровавыя протекоша. И нача князь Володимеръ искати брата своего великаго князя Дмитрея Івановича и не обретѣ его, и бияшесь главою своею и терзаше себя отъ многия печали. И повелѣ трубити собранными трубами, и снидошася елико осташа живи християнстии вои; і вопрошаше ихъ: кто гдѣ виде великого князя Дмитрея Івановича брата моего. И начаша ему глаголати нѣцыи, мы видѣхомъ его язвена зело, еда втрупе мертвыхъ будетъ; инже речѣ азъ видехъ его крѣпко бьющася и бежаша, і паки видехъ его с четырмя Татарины бьюшася и бежаша отъ нихъ, и не вѣмъ, что сотворися ему. Глагола князь Стеѳанъ Новаспльскии, азъ видехъ его пѣша с побоища едва идуща, язвенъ бо бысть вельми зело, и немогохъ помощи ему, понеже самъ гонимъ бѣхъ треми Татарины.

Тогда князь Володимеръ Ондрѣевичъ, иже издвоюродныхъ братъ великому князю Дмитрею Івановичу, собравъ всѣхъ и глаголаша имъ с плачемъ и со многими слезами сице: господие и братия и сынове и друзи, поищите прилѣжно великаго князя Дмитрея Івановича, и аще кто жива обрящетъ его, неложно, но истинну глаголю вамъ, аще кто будетъ славенъ и честенъ великъ, да наипаче прославится, да и возвеличится и чествуется; ащели кто будетъ отъ простыхъ и убогъ, в нищетѣ послѣднеи, да будетъ первыи богатствомъ, и честию и славою возвеличится. И разсыпашась вси всюду, и начаша искати; и ови наидоша Михаила Андрѣевича Бренка наперстника великого князя убита в проволоцѣ, і в доспѣхе і в шоломѣ великого князя и во всей утвари царской; инии наидоша князя Ѳедора Семеновича Белозерского чающе его великимъ княземъ, понеже приличенъ ему бѣяше; дважъ нѣкия отъ простыхъ воя уклонишась на десную страну к дубраве, единому имя Ѳедоръ Морозовъ, а другому имя Ѳедоръ Холоповъ, бѣху же сии отъ простыхъ суще, и наѣхаша великого князя бита вельми, едва точию дышуща под новосѣченымъ древомъ, подъ вѣтми лежаще аки мертвъ, и падше с конеи своихъ и поклонишася ему; и одинъ скоро возвратись ко князю Владимеру Ондрѣевичу, повѣда ему великаго князя жива.

25. Іоаннъ III (стр. 44).

Въ этомъ взглядѣ на Іоанна III, Карамзинъ уклонился отъ прежнихъ своихъ понятій о Петрѣ Великомъ и о значеніи реформы, имъ произведенной,—понятій, выраженныхъ при сужденіи о Русской Исторіи, Левека (Письма Русскаго Путешественника): «Монархъ (Петръ I) объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ, во первыхъ, для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ ино-

странныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать.... Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіогноміи или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые наши предки: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ!»

26. Покореніе Казани (стр. 46).

Покореніе Казани или «Взятіе Казанскаго царства» воспѣвается народомъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Середи было Казанскаго царства
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сонъ разсказала:

«А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
Что ночесь мнѣ царицѣ мало спалося,
Въ сновидѣньицѣ много видѣлося;
Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала;
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь московскій
А Иванъ, сударь Васильевичъ, прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными козаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булатъ рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя.
Воспалился тутъ великій князь московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,

И зачалъ канонеровъ тутъ казнити.
Что началася отъ канонеровъ измѣна,
Что большой за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
«Ты великій, сударь, князь московскій!
Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе».
Позадумался князь московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменныя палаты.
И бѣжалъ тутъ великій князь московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя;

И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя онъ,
И вынялъ ясны очи косицами;
Онъ взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царской костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

28. Кн. Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.

(стр. 52).

На смерть Шуйскаго народъ также сложилъ пѣсню (см. 2-ю ч. этой Хрестоматіи, 75).

33. Людовикъ IX (стр. 62).

Покойный профессоръ Московскаго университета, П. Н. Кудрявцевъ, превосходно опредѣлилъ качества Грановскаго, какъ писателя, въ «извѣстіи» о литературныхъ трудахъ его, которое служитъ предисловіемъ къ собранію его сочиненій. Объясняя причину, почему Грановскій, любя литературу, горячо сочувствуя ея интересамъ и мастерски владѣя даромъ слова, писалъ немного, Кудрявцевъ говоритъ:

«Въ Грановскомъ соединялись два качества, которыя не часто встрѣчаются вмѣстѣ: умъ его былъ столько же ясный и живой, сколько и основательный. Его не удовлетворяло поверхностное знаніе предмета, первое знакомство съ нимъ. Его не пугали самыя трудныя задачи науки; онъ любилъ брать ихъ «съ боя» (какъ самъ же онъ выразился въ одной своей статьѣ), но не довольствовался своею первою побѣдою. Не останавливаясь на первомъ полученномъ успѣхѣ, онъ находилъ въ немъ лишь новыя побужденія къ тому, чтобы усилить занятія предметомъ. Чѣмъ больше знакомился онъ съ вопросомъ, тѣмъ больше любилъ углубляться въ него. Однажды выработанная мысль не принимала въ немъ навсегда неподвижную форму, закрытую для всякаго дальнѣйшаго развитія. Каждое новое изслѣдованіе, соприкасающееся съ предметомъ его занятій, наводило его на новыя соображенія. Отъ того нерѣдко случалось, что Грановскій, уже обдумавши свой собственный планъ, или отказывался отъ него, или отлагалъ на неопредѣленное время его исполненіе, находя, что онъ еще недовольно соотвѣтствовалъ современнымъ требованіямъ науки. Время между тѣмъ наводило нашего ученаго на другіе вопросы, и возбужденная ими любознательность вызывала его на новыя занятія. Такимъ образомъ нѣсколько обширныхъ плановъ, задуманныхъ имъ еще во время пребыванія за границею, остались неисполненными, хотя для нихъ заготовлено уже было много матеріала. Въ эту раннюю эпоху одною изъ любимыхъ его темъ была, напримѣръ, исторія германскихъ учрежденій на римскихъ земляхъ. Эта задача обнимала въ себѣ почти всѣ начала новаго европейскаго общества. Она вытекала прямо изъ тогдашнихъ научныхъ занятій Грановскаго; она состояла въ тѣсной связи со многими жизненными для него вопросами философическаго свойства; она, казалось, имѣла за себя ручательство свѣжаго и бодраго таланта, который не отказывается легко отъ своей мысли, и однако осталась невыполненною, потому что, когда наступило время исполненія, молодаго ученаго сильно занимали уже многіе другіе научные интересы, и прежде задуманный планъ не удовлетворялъ болѣе возвысившимся требованіямъ ума его.

«Съ необыкновенною живостію переходя отъ одного вопроса науки къ другому, Грановскій никогда, впрочемъ, не терялъ изъ виду прежнихъ задачъ: напротивъ, онъ часто возвращался къ нимъ съ новымъ воодушевленіемъ,—но за то и съ большею взыскательностію къ самому себѣ. Не довольно было, чтобы мысль много занимала его: онъ не прежде приступалъ къ литературной обработкѣ ея, какъ давши ей созрѣть въ себѣ и достигнувъ яснаго пониманія ея въ самыхъ подробностяхъ. Выработанная напередъ ясность мысли избавляла его отъ излишества словъ при ея выраженіи. Грановскій былъ вовсе чуждъ этого литературнаго легкомыслія, которое спѣшитъ всякую случайно навернувшуюся мысль тотчасъ передать публикѣ. Онъ самъ хотѣлъ всегда оставаться первымъ отвѣтчикомъ за свои идеи, и былъ самымъ строгимъ ихъ судьею. Читающая публика, правда, много теряла въ обиліи матеріала отъ этой взыскательности автора къ самому себѣ; но за то она привыкла обращаться къ нему тѣмъ съ большимъ довѣріемъ. Она была увѣрена напередъ, что въ сочиненіи, или даже въ небольшой журнальной статьѣ, подписанной именемъ Грановскаго, не встрѣтитъ ничего

скороспѣлаго, необдуманнаго, парадоксальнаго; она знала заранѣе, что въ подобномъ чтеніи найдетъ для себя много поучительнаго и охотно возвращалась къ нему по нѣскольку разъ. Мы знаемъ по многимъ опытамъ, какъ всегда великъ былъ запросъ на тѣ книжки журналовъ, въ которыхъ помѣщались статьи Грановскаго. Въ ту эпоху нашей литературы, когда особенно много писалось съ плеча, когда наиболѣе чувствовался недостатокъ твердой мысли, сочиненія Грановскаго составляли одно изъ самыхъ отрадныхъ исключеній. Но мы не сомнѣваемся, что и въ лучшее ея время они также останутся образцовыми во многихъ отношеніяхъ.

«Говоря о Грановскомъ какъ о писателѣ, не надобно также забывать его въ высокой степени симпатичную природу, постоянно обращенную ко всѣмъ живымъ явленіямъ въ современности. Въ другомъ мѣстѣ говорили мы о томъ, какъ широкъ былъ кругъ его любимыхъ занятій. Можно сказать, что ни одно замѣчательное явленіе въ умственномъ мірѣ и въ общественномъ быту не ускользало отъ его вниманія. Мысль его устремлялась всюду, гдѣ только находила слѣдъ человѣческой дѣятельности. Онъ любилъ слѣдить за человѣкомъ на всѣхъ степеняхъ его развитія безъ различія мѣста и времени. Самыя отверженныя породы людей не оставались чужды его симпатическому сердцу. Неутомимо слѣдя за успѣхами гражданственности подъ всѣми географическими широтами, онъ не обходилъ, впрочемъ, и тѣхъ странъ, которыя остались за предѣлами ея распространенія, и вездѣ пытливо доискивался причинъ гражданскаго застоя. Нѣкоторые читатели были очень изумлены, увидѣвъ напечатанное въ одномъ журналѣ съ именемъ Грановскаго чтеніе «объ Океаніи и ея жителяхъ»: съ какой стати было ему говорить объ Океаніи? какимъ образомъ мысль историка могла быть завлечена въ такую неисторическую страну? Дѣло, однако, объясняется очень просто. Гдѣ только находилось какое нибудь людское общество, тамъ непремѣнно хотѣла присутствовать и неутомимая мысль нашего ученаго. Когда одни народы такъ неуклонно идутъ впередъ въ своемъ развитіи—спрашивалъ онъ самъ себя—отчего другіе такъ неизмѣримо отстали отъ нихъ и какъ будто навсегда окаменѣли въ своихъ формахъ? другими словами: чтò становится съ человѣческимъ обществомъ, даже съ цѣлою породою людей, если она, подобно океанійской, отрѣзана отъ сообщенія съ образованными народами и предоставлена лишь самой себѣ? и чтобы найти основательный отвѣтъ на эти вопросы, Грановскій принялъ на себя трудъ изучить самыя условія океанійскаго быта по извѣстіямъ европейскихъ путешественниковъ. Результатомъ этого изученія былъ цѣлый рядъ оригинальныхъ мыслей, которыя онъ думалъ передать небольшому обществу своихъ друзей въ видѣ простыхъ домашнихъ бесѣдъ. До насъ дошло лишь одно такое чтеніе, но читатель можетъ судить по немъ, какое обширное изученіе предмета авторъ обыкновенно полагалъ въ основаніе своихъ выводовъ.

«Если дальній и малоизвѣстный свѣтъ такъ много занималъ нашего ученаго, то можно себѣ представить, съ какимъ живымъ интересомъ слѣдилъ онъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось и происходило вокругъ него. Современныя общественныя явленія не имѣли между нами болѣе воспріимчиваго органа для себя. Все, что было въ нихъ какъ отраднаго, такъ и горькаго, все это находило самый искренній и горячій отзывъ къ его душѣ. Вездѣ вокругъ себя онъ любилъ отъискивать благороднѣйшія стороны природы человѣка, открывать истинно человѣческія черты,—и чѣмъ онѣ были неожиданнѣе, тѣмъ болѣе доставляли ему сердечнаго удовольствія. Нельзя было сдѣлать ему большаго подарка, какъ разсказавъ случай изъ современной жизни, въ которомъ бы правда торжествовала надъ грубою силою, или выходила наружу какая-нибудь малоизвѣстная свѣтлая сторона народнаго харак-

тера. За то густою тѣнью ложилась на его свѣтлую душу каждая новая туча, которая появлялась на горизонтѣ народной жизни. Тогда особенно сказывалась въ немъ эта глубокая чувствительность, которой не могли ослабить въ немъ ни обстоятельства жизни, ни многія испытанныя имъ лишенія, ни, наконецъ, продолжительныя кабинетныя занятія. Понятно, что при такой чувствительности къ современному, вопросы, предлагаемые наукою о прошлой жизни человѣчества, нерѣдко уходили на задній планъ. Это не значитъ, конечно, чтобы Грановскій вовсе терялъ ихъ изъ виду; но передъ лицемъ великихъ современныхъ событій они нерѣдко теряли тотъ животрепещущій интересъ, который тотчасъ ищетъ себѣ выхода въ литературу. Къ тому же Грановскій постоянно былъ окруженъ избраннымъ обществомъ, съ которымъ могъ и любилъ дѣлиться всѣми своими мыслями. Сообщительный отъ природы, онъ всегда находилъ около себя среду, готовую принять его идеи, какъ только онѣ зрѣли въ его головѣ. Любя болѣе всего живое, свободное слово, онъ часто довольствовался этимъ средствомъ сообщенія своихъ мыслей и за нимъ не искалъ усильно другаго, которое могло бы открыть имъ болѣе обширную сферу дѣйствія. Притомъ Грановскій имѣлъ свои понятія о литературныхъ требованіяхъ: онъ былъ врагъ литературнаго неряшества; и по врожденному чувству изящнаго, и по уваженію къ публикѣ, онъ не иначе хотѣлъ являться передъ нею, какъ въ приличной формѣ. Внѣшняя отдѣлка была въ его глазахъ необходимымъ условіемъ всякаго сочиненія, которое назначалось къ печати, и обыновенно брала у него много времени; но какъ онъ въ то же время принадлежалъ обществу, и жизнь въ обществѣ была одною изъ первыхъ его потребностей, то очевидно, не всегда отъ него самого зависѣло распредѣлять свое время и пользоваться имъ по желанію. Ему надобно было бы гораздо болѣе пренебрегать формою, чѣмъ сколько онъ хотѣлъ и могъ, чтобы увеличить въ значительной степени свою литературную производительность.

«Предупреждая критическій судъ, мы позволили себѣ причислить нашего автора къ числу «избранныхъ» писателей въ нашей литературѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно было бы сослаться на тотъ живой и всѣмъ извѣстный интересъ, который всегда возбуждали сочиненія Грановскаго въ образованной публикѣ. Но мы можемъ привести, сверхъ того, и нѣкоторыя другія основанія. Говоря объ избранныхъ писателяхъ, мы предполагаемъ въ нихъ прежде всего строгую разборчивость въ отношеніи къ самимъ себѣ. Въ авторѣ «Сугерія» и «Характеристикъ» не было недостатка въ этомъ качествѣ: его скорѣе можно было бы упрекнуть за излишнюю строгость къ своимъ литературнымъ произведеніямъ, но ужъ вѣрно никто не поставитъ ему въ упрекъ многорѣчивости и легкомыслія. Утверждаемъ смѣло, что между сочиненіями Грановскаго нѣтъ статьи, которая была бы случайнаго происхожденія и не служила бы выраженіемъ зрѣло обдуманной мысли. Многое оставалось неисполненнымъ со стороны автора, чего въ правѣ были желать отъ него читатели, но за то въ его произведеніяхъ нѣтъ тѣхъ праздныхъ страницъ, которыя часто наполняются разглагольствіями писателей о самихъ себѣ, а подъ часъ даже толками о своихъ собственныхъ заслугахъ литературѣ и о своемъ честномъ, усердномъ и безукоризненномъ служеніи ей. Литература была для Грановскаго «дѣломъ» въ настоящемъ смыслѣ слова, а не пустымъ парадомъ словъ, или искуствомъ самовосхваленія. Какъ ни ухаживала за нимъ литературная сплетня, какъ ни старалась задѣть его съ чувствительной стороны, ей ни разу не удалось ввести его на тотъ грязной дворъ литературы, гдѣ, для забавы публики, даются время отъ времени разныя потѣшныя зрѣлища, которыхъ матеріалъ нерѣдко берется изъ самой жизни современниковъ. Сочиненія

Грановскаго чужды всего личнаго. Рѣдко вдавался онъ въ полемику, да и въ ней всегда умѣлъ сохранить благородный тонъ. Называя писателя избраннымъ, мы имѣемъ также въ виду нѣкоторыя свойственныя ему особенности самаго изложенія, или внѣшней формы. И въ этомъ отношеніи Грановскій стоитъ особо въ нашей литературѣ. Самые порицатели его никогда не думали отрицать у него изящества рѣчи. Оно состояло главнымъ образомъ въ ясности, простотѣ и какомъ-то особенномъ благородствѣ языка, столько же мужественнаго, сколько и выразительнаго. Между многими внѣшними особенностями нашего автора замѣтимъ одну черту: начавши писать въ то время, когда у насъ были въ сильномъ ходу философическіе термины, заимствованные изъ чужаго языка, и самъ много занимаясь нѣмецкою философіею, онъ, однако, благодаря столько же своему вѣрному смыслу, сколько и чувству изящнаго въ языкѣ, умѣлъ сохранить свою рѣчь свободною отъ всякой посторонней примѣси. Не разъ приходилось ему касаться очень трудныхъ вопросовъ науки, а между тѣмъ рѣчь его никогда не теряла ясности и не пестрѣла неудобопонятными терминами. Le style c'est l'homme—говоритъ старая, очень умная поговорка; она вполнѣ прилагается и къ нашему автору. Въ самомъ дѣлѣ, мало сказать, что Грановскій умѣлъ сохранить чистоту и изящество рѣчи, когда объ этомъ думали всего менѣе, когда литература особенно страдала какою-то больною распущенностію языка. Онъ умѣлъ, сверхъ того, придать своей рѣчи какъ бы особенную физіономію; когда большинствомъ почти утраченъ былъ всякій смыслъ отчетливости и правильности въ выраженіи, онъ выработалъ для себя свой собственный слогъ, съ нѣкоторыми ему одному принадлежащими отличіями. Не говоримъ уже о выборѣ словъ,—читатели могутъ повѣрить это наше наблюденіе еще на свойственномъ нашему автору построеніи цѣлыхъ фразъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ умѣлъ онъ управляться съ нашими длинными причастіями, или какъ умѣлъ онъ избѣгать обыкновенныхъ, слишкомъ пошлыхъ оборотовъ, сохраняя, впрочемъ, связность и плавность рѣчи. Не приводимъ примѣровъ: они разсѣяны въ книгѣ. Вообще Грановскій не любилъ слишкомъ связнаго и сложнаго изложенія: онъ предпочиталъ рѣчь болѣе свободную, т. е. сжатую, нѣсколько даже отрывистую, но въ то же время сильную и выразительную. И всѣ эти особенности выработаны имъ въ такой періодъ развитія литературы, когда проведенный по ней общій однообразный уровень повидимому не оставлялъ въ ней много мѣста внѣшнимъ различіямъ между прозаическими писателями».

34. Германикъ и Агриппина старшая.
(стр. 72).

Въ pendant въ характеристикѣ Грановскаго присоединяемъ характеристику Кудрявцева, сдѣланную однимъ изъ его слушателей, заступившимъ его мѣсто въ московскомъ университетѣ, профессоромъ Ешевскимъ.

«Ученикъ Т. Н. Грановскаго, П. Н. Кудрявцевъ былъ и достойнымъ его товарищемъ. Привязанность и уваженіе молодаго поколѣнія, обращаясь къ нимъ обоимъ, привыкли постоянно соединять ихъ вмѣстѣ. И дѣйствительно, одинъ былъ какъ бы необходимымъ дополненіемъ другому. Послѣ блестящаго, картиннаго изложенія Т. Н. Грановскаго, послѣ лекцій, въ которыхъ рукою великаго мастера въ немногихъ словахъ обрисовывался характеръ цѣлой эпохи, указывалось значеніе того или другаго историческаго явленія или общественнаго дѣятеля, естественъ и необходимъ былъ переходъ къ спеціальнымъ курсамъ покойнаго П. Н. Кудрявцева. Здѣсь передъ слушателями являлась извѣстная эпоха во всѣхъ подробностяхъ, со всѣмъ многообразіемъ общественной жизни, со всѣми интересами, со всѣми страданіями. Тонкій анализъ изслѣдователя проникалъ въ

самую глубь общественнаго сознанія разсматриваемаго времени, слѣдилъ каждое историческое явленіе въ самыхъ первыхъ, почти незамѣтныхъ его началахъ, въ тѣсной связи со всѣми сторонами общественной жизни. Передъ пытливымъ умомъ историка раскрывались самыя сокровенныя побужденія того или другаго историческаго лица, потому что разгадка его дѣятельности достигалась цѣльнымъ изученіемъ всей его жизни и характера. Съ упорствомъ иногда привязывалась мысль П. Н. къ рѣшенію какого нибудь темнаго вопроса, со всѣхъ сторонъ подходила она къ нему, настойчиво требуя уясненія, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, по возможности получалось удовлетворительное рѣшеніе. Курсы П. Н. Кудрявцева имѣли поэтому чрезвычайно важное значеніе. Его слушатели не только знакомились съ современнымъ состояніемъ науки во всей ея полнотѣ, — они присутствовали при самомъ процессѣ ея развитія. Каждый курсъ былъ не однимъ сводомъ уже прежде добытыхъ результатовъ науки,—онъ былъ всегда дальнѣйшимъ шагомъ науки впередъ, ея новымъ пріобрѣтеніемъ. Для слушателей становилось яснымъ, на какіе вопросы еще не получила отвѣтовъ современная наука; имъ указывался и путь, какимъ можно было допроситься отвѣта изъ могилъ прошедшаго. Не холоднымъ изслѣдователемъ, не безучастнымъ зрителемъ являлся среди этихъ могилъ Петръ Николаевичъ. Неутомимо отыскивая разгадку современности въ минувшихъ судьбахъ человѣчества, онъ далекъ былъ отъ мысли разсматривать прошлое только какъ необходимый матеріалъ, изъ котораго строится наше настоящее. Переносясь мыслію въ извѣстную эпоху, онъ какъ будто самъ переживалъ ее, принимая горячо къ сердцу страданія отжившихъ поколѣній. Отъ того его лекціи были проникнуты такою задушевностію, такимъ теплымъ участіемъ, отъ того его характеристики историческихъ дѣятелей такъ полно и цѣльно воспроизводили ихъ нравственный обликъ. Слушатели Петра Николаевича помнятъ напр. его чтенія о Блаженномъ Августинѣ, о Лютерѣ. Эта способность понимать прошедшее не только умомъ, но и сердцемъ, всего сильнѣе поражала въ покойномъ П. Н. Кудрявцевѣ. Въ слѣдствіе этой способности онъ надолго не могъ оторваться отъ предмета, которому разъ посвятилъ свои занятія. Вспомнимъ, какъ навсегда приковали къ себѣ его вниманіе историческія судьбы многострадальной Италіи. Исторіи Италіи отдалъ онъ первый свой напечатанный трудъ; къ ней же возвратился онъ и въ самое послѣднее время. Скорбное чувство, съ которымъ слѣдилъ онъ трудную исторію общественнаго развитія, вѣковую борьбу человѣчества, не смягчалось въ П. Н. Кудрявцевѣ даже самою художественностію изложенія. На его лекціяхъ слушатель не разъ невольно отрывалъ свое вниманіе отъ изложенія историческихъ событій, чтобы всмотрѣться въ задумчивое, грустное лицо самого историка. Въ этомъ, по моему мнѣнію, существенное отличіе его историческаго таланта отъ таланта Т. Н. Грановскаго. Какъ античная статуя временъ процвѣтанія искуства, было художественно закончено каждое чтеніе Т. Н. Грановскаго. Даже касаясь самыхъ безотрадныхъ эпохъ исторіи, оно производило на душу слушателей примиряющее, успокоительное впечатлѣніе. Этого художественнаго совершенства не было столько въ трудахъ П. Н. Кудрявцева. Онъ слишкомъ близко подходилъ къ историческимъ дѣятелямъ, онъ весь проникался интересами разсматриваемой эпохи, на себѣ выносилъ весь трудъ и всѣ страданія того времени. Всегда вѣрный исторической истинѣ, чуждый всякихъ предубѣжденій и заранѣе составленныхъ взглядовъ, П. Н. не всегда могъ сохранить спокойствіе созерцанія на столько, сколько необходимо его для полной, художественной оконченности».

---

54. Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г. (стр. 190).

Читано въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова; напечатано въ 32 и 33 №№ «Сына Отечества» на 1813 г., вмѣстѣ съ письмомъ А. Н. Оленина къ автору и отвѣтомъ автора. Прилагаемъ оба письма:

Ваше Высокопреподобіе (*)!

Простите меня, что я вамъ докучаю письменно о томъ же предметѣ, о которомъ я безпокоилъ васъ изустно. Но что мнѣ дѣлать! Я день и ночь объ немъ мечтаю, и безпрерывно въ слухѣ моемъ отдаются звуки прекрасныхъ выраженій изъ сочиненной будто вами рѣчи или разсужденія: «о нравственныхъ причинахъ неимовѣрнаго нашего успѣха въ нынѣшней войнѣ»—въ войнѣ неистовой и неслыханной, подъятой на насъ цѣлою почти Европою, подъ предводительствомъ искони наглыхъ, жестокихъ и безбожныхъ Французовъ!

Я васъ утруждать не стану повтореніемъ всего, что мною по сему предмету было уже вамъ въ подробности объяснено на сихъ дняхъ во время пріятнѣйшей для меня съ вами бесѣды. Но повторю здѣсь только то, что, по моему мнѣнію, не было еще доселѣ удобнѣйшаго случая краснорѣчивому перу духовной особы смѣло вступить въ поприще свѣтской словесности. И въ самомъ дѣлѣ, кому же, если не служителю святаго алтаря, приличествуетъ доказать происшествіями нынѣшней войны, что неимовѣрные подвиги народа русскаго начало и основаніе свое имѣютъ въ безпредѣльной вѣрѣ къ Богу, въ природной, простой нравственности, суемудріемъ неискаженной, въ вѣрности къ Царю, не по умствованію, но по закону Божію, и въ любви къ отечеству. И такъ благочестивое перо ревностнаго служителя православной церкви не токмо на каѳедрѣ, въ храмѣ Божіемъ, но даже въ палатахъ и въ сонмѣ міранъ, да представитъ намъ въ живыхъ картинахъ, сколь могуществен народъ, несомнѣнно ожидающій новой жизни за предѣломъ гроба,—народъ, руководимый такимъ правительствомъ, въ коемъ Царь, въ видѣ чадолюбиваго отца, по самому естественному закону, безъ всякаго насилія управляетъ многочисленными дѣтьми своими—и дѣтьми дѣтей своихъ! Да изобразитъ оно намъ, что можетъ предпринять такимъ образомъ устроенное государство противъ коварныхъ и неистовыхъ усилій наглаго народа, управляемаго не любовію къ царю и отечеству своему, но единственно страхомъ жесточайшихъ и неминуемыхъ казней, — народа, движимаго не чувствомъ благороднымъ къ защищенію отечества своего отъ наносимыхъ ему обидъ, или къ предупрежденію оныхъ— но подстрекаемаго однимъ прельщеніемъ грабежа, подъ личиною мнимой славы! Да скажетъ оно намъ, что можетъ произвесть благочестивый духъ единаго народа противъ соединенныхъ силъ почти всѣхъ племенъ Европы, беззаконною властію въ многочисленную орду столпленныхъ, но дѣйствующихъ безъ правды, безъ вѣры и слѣдственно безъ Бога! Да изъяснитъ оно, какъ ничтожны силы ихъ противъ народа, который начинаетъ войну, съ упованіемъ восклицая: съ нами Богъ! и твердо держа въ умѣ заповѣдь прародителей своихъ: «умремъ или побѣдимъ, мертвіи бо срама не имутъ».

Вотъ что, по мнѣнію моему, предлежитъ описать краснорѣчивому перу вашему. Въ доказательствахъ вамъ недостатка не будетъ: на то могутъ служить съ излишествомъ происшествія нынѣшней войны. Согласитесь только на сей подвигъ, достойный вашего благочестія и любви къ отечеству. А мы уже съ дозволенія вашего прочитаемъ и, конечно, съ восторгомъ и умиленіемъ слушать будемъ произведеніе пера вашего въ свѣтскихъ нашихъ бесѣдахъ.

(*) Митрополитъ Филаретъ былъ въ то время архимандритомъ, С.-Петербургской Духовной Академіи ректоромъ, богословскихъ наукъ профессоромъ и членомъ Бесѣды любителей русскаго слова.

Отвѣтъ.

«Не знаю, какой духъ, въ опасномъ для меня мечтаніи представилъ вамъ, будто вы слышите мое «разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ настоящей войнѣ». Можетъ быть, то былъ величественный духъ любви къ отечеству, который вездѣ даетъ слышать ея отголоски, во всемъ представляетъ ея образы; можетъ быть, то былъ кроткій духъ любви къ отечественному слову, который желаетъ и связанные разрѣшать и косные возбуждать языки. Духъ благотворный, но для меня искусительный! что, если, послѣдуя вашему слишкомъ ласковому ко мнѣ мечтанію, возмечтаю и я, будто могу разсуждать въ слухъ общенародный о такихъ происшествіяхъ, о которыхъ теперь на всѣхъ образованныхъ языкахъ человѣческихъ не столько разсуждаютъ, сколько восклицаютъ, которыя сами о себѣ говорятъ выразительнѣе всѣхъ языковъ человѣческихъ, и въ которыхъ, по исповѣданію всѣхъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, даже по признанію нѣкоторыхъ безбожниковъ, самъ Господь возглаголалъ?

Разсуждать о такихъ происшествіяхъ царствъ, которыя, очевидно проходя подъ перстомъ Царя Царствующихъ, представляются въ позоръ и наставленіе міру, по моему мнѣнію, имѣютъ полномочіе токмо тѣ, которымъ Онъ Самъ изострилъ и расширилъ взоръ, дабы они могли проникать въ тайные законы міродержавства его и отчасти объимать безмѣрныя соображенія судовъ его. Тотъ, кто предприметъ скудною пядію своею измѣрить всю землю, будетъ только пресмыкаться и скоро кончитъ великій подвигъ великимъ утомленіемъ. Слабыя изслѣдованія не возвышаютъ и не усовершаютъ, если еще не разстроиваютъ и не унижаютъ впечатлѣнія, которое сами собою производятъ предметы величественные.

Съ другой стороны, когда мы находились среди такихъ событій, которыя, испровергнувъ чаяніе нашего врага, превзошли нашу собственную надежду и показали въ насъ надежду отчаянной Европы, какой сынъ отечества не обязанъ для себя и отечества восходить мыслію и сердцемъ къ источнику сихъ благословенныхъ событій, дабы всѣми силами охранять оный и, если можно, распространять его благотворныя изліянія?

Вы видите, что я колеблюсь между поражающею великостію предложеннаго вами предмета и между привлекающею занимательностію его; между порываніемъ исполнить желаніе ваше и между опасеніемъ не удовлетворить ожиданію. Помогите мнѣ рѣшиться. Пошлите мнѣ благотворнаго духа не для того, чтобы онъ обременилъ меня тяжкими оковами разсужденія, въ которыхъ бы я вскорѣ изнемогъ и палъ, но дабы въ легкомъ мечтаніи пронесъ онъ меня надъ необозримымъ поприщемъ неимовѣрныхъ событій и далъ бы мнѣ собрать непринужденно тѣ мысли, какія на пути мнѣ представятся.

Когда вы предлагаете мнѣ искать нравственныхъ причинъ для изъясненія неимовѣрныхъ событій настоящей войны: тогда вы уже признали, что ни естественное положеніе сражающихся силъ, ниже искуственный образъ ихъ дѣйствованія не даютъ вамъ всего желаемаго изъясненія на происшествія. Иначе какая была бы нужда помышлять о причинахъ нравственныхъ? Итакъ, послѣдуя вашимъ указаніямъ, на пути къ открытію истинныхъ причинъ, отъ которыхъ произошли неимовѣрные успѣхи оружія россійскаго, я долженъ прежде пройти нѣкоторыя обстоятельства, по которымъ сіи успѣхи казались неимовѣрными».

Окончивъ Разсужденіе, авторъ опять обращается къ Оленину:

«Вы видите, почтенный руководитель мой, какъ далеко увлекаетъ меня испрошенный у васъ духъ патріотическаго мечтанія. Время успокоить его и ввѣ-

рить вамъ сіи безпорядочныя строки. Если кто изъ строгихъ судителей въ вашей храминѣ услышитъ ихъ чтеніе, пусть услышитъ онъ и сіе: въ тѣ дни, когда и слабый полъ побораетъ брани отечества и когда военачальники въ повѣствованіи о браняхъ болѣе проповѣдуютъ о Богѣ, нежели многіе учители осьмагонадесять вѣка проповѣдали во храмахъ, — человѣкъ, не видѣвшій брани, думалъ, что ему позволительно въ уединеніи мечтать о земной и небесной судьбѣ браней».

55. О любви къ отечеству и народной гордости (стр. 196).

Построеніе. Самое заглавіе разсужденія показываетъ, что въ немъ двѣ главныя части: разсужденіе о любви къ отечеству и разсужденіе о народной гордости.

Часть 1: «о любви къ отечеству». Здѣсь различаются слѣдующія составныя части:

а) Раздѣленіе. Авторъ исчисляетъ три рода любви: физическая, нравственная и политическая. Опредѣленія нѣтъ, потому что самое названіе предмета (любовь къ отечеству) указываетъ ясно признаки общеизвѣстнаго чувства.

б) Первый отдѣлъ первой части: о любви физической. Опредѣленіе (любовь къ мѣсту), происхожденіе, названіе, причины (душевная — воспоминанія о первомъ возрастѣ, тѣлесная—организація, расположеніе нервовъ).

в) Второй отдѣлъ первой части: о любви нравственной. Опредѣленіе (любовь къ согражданамъ), причина (привычка), слѣдствія привычки (сообразность душъ), примѣры, свидѣтельство.

г) Третій отдѣлъ первой части: о любви политической (патріотизмъ). Опредѣленіе; причина, почему не всѣ имѣютъ его; причина, почему должно быть патріотомъ. Карамзинъ разсуждаетъ такъ: философія основываетъ должности человѣка на его счастіи, а гражданинъ тогда только счастливъ, когда счастливо его отечество.

Часть 2: «о народной гордости». Она развивается такъ:

а) Переходъ отъ 1-й части ко 2-й: любовь къ собственному благу производитъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе—гордость народную. Замѣчаніе о недостаткѣ въ насъ народнаго самолюбія. Любовь къ отечеству не должна ослѣплять насъ, но мы должны, однакожъ, чувствовать свое достоинство.

б) Изложеніе второй части. Право на благородную гордость человѣкъ пріобрѣтаетъ достоинствомъ своей жизни, прошедшей и настоящей. Тоже и въ народѣ: чтобы узнать его права на гордость, надобно разсмотрѣть прошедшую жизнь его (исторію) и настоящій бытъ. Поэтому Карамзинъ изображаетъ блистательныя дѣянія отечества, котораго несчастія служили только къ большему обнаруженію его величія. Потомъ онъ разсматриваетъ наше военное искуство, гражданскія учрежденія, людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни, естественное образованіе души, науки, языкъ.

в) Заключеніе. Въ жизни народа два періода: подражательный и самобытный. Первый для насъ конченъ; наступилъ второй. Девизъ нашъ: труды и надежда. Слава, пріобрѣтенная нами, есть право на счастіе.

56. О счастливѣйшемъ времени жизни. (стр. 200).

Построеніе. Разсужденіе состоитъ изъ четырехъ частей: вступленія, предложенія, главной части (доказательства предложенія) и заключенія.

а) Вступленіе. Опроверженіе мнѣнія Цицерона, хвалившаго старость; мнѣнія Ж. Ж. Руссо, предпочитавшаго младенчество прочимъ возрастамъ жизни; мнѣнія оптимистовъ: Лейбница и Попа, доказывавшихъ, что всѣ дѣйствія натуры и феномены ея для насъ благотворны, что въ мірѣ все идетъ къ лучшему, все «прекрасно» (отсюда названіе оптимиз-

ма, отъ латин. слова optimus). Карамзинъ, напротивъ, думаетъ, что здѣшній міръ есть училище терпѣнія, что вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки, что, однимъ словомъ, жизнь наша несчастна. Въ жизни нѣтъ блага, нѣтъ счастія. Слова: «благо и счастіе» имѣютъ только значеніе относительное: благо есть то, что лучше другаго; счастіе есть то, когда одному лучше, нежели другому. Поэтому вопросъ: «какой возрастъ жизни счастливѣйшій?» замѣняется другимъ, соотвѣтственно мысли автора: какой возрастъ жизни менѣе несчастливъ, или, что одно и то же, какой возрастъ счастливѣйшій по сравненію?

б) Предложеніе. На вопросъ этотъ Карамзинъ отвѣчаетъ прежде отрицательно (не юность,), а потомъ положительно (мужество). О старости и младенчествѣ здѣсь уже не говорится, потому что о нихъ сказано во вступленіи. Карамзинъ не призналъ ихъ счастливыми возрастами: слѣдов. выборъ остался между юношествомъ и возмужалостью.

в) Главная часть. Положеніе Карамзина подкрѣпляется слѣдующими доказательствами: 1) люди въ возрастѣ мужества большею частію наслаждаются вѣрнѣйшими радостями, семейственными, 2) научаются цѣнить здоровье, мало уважаемое въ юности, 3) въ это же время преимущественно дѣйствуетъ геній.

г) Заключеніе. Заключеніе, исполненное искреннимъ элегическимъ чувствомъ, совершенно соотвѣтствуетъ главной мысли Карамзина. Такъ какъ жизнь вообще несчастна, то слѣд. не было для него счастія въ юности и нѣтъ его въ возмужалости. Однакожъ не юношей, а мужемъ хотѣлъ бы онъ продлить жизнь (сказать солнцу: «остановися!»), еслибъ въ то же время могъ воскресить любезныхъ ему особъ, съ которыми былъ связанъ узами родства или дружбы (сказать мертвымъ: «возстаньте изъ гроба»).

Любопытно съ мнѣніемъ Карамзина, отдающимъ преимущество зрѣлому возрасту, сличить мнѣніе Батюшкова (въ статьѣ: «Воспоминаніе о Петинѣ, Москвит.» 1851, № 5), предпочитающаго молодость:

«Уваровъ написалъ посланіе—«о выгодахъ умереть въ молодости». Предметъ обильный въ красивыхъ и возвышенныхъ чувствахъ! Конечно, утро жизни—«молодость, есть лучшій періодъ нашего странствованія по землѣ». Напрасно краснорѣчивый Римлянинъ желаетъ защитить старость: всѣ цвѣты краснорѣчія его вянутъ при одномъ воззрѣніи на дряхлаго человѣка; опираясь на клюки свои, старость дрожитъ надъ могилою и страшится измѣрить взоромъ ея неприступные мраки. Опытность должна бы отучать отъ жизни; но въ нѣкоторыя лѣта мы видимъ тому противное. Одна религія можетъ согрѣть сердце старика и отучить его отъ жизни, тягостной, бѣдной, но милой до послѣдняго дыханія. «Это есть благо Провидѣнія», говорятъ нѣкоторые философы; можетъ быть! но за то великія движенія души, глубокія чувствованія, божественныя пожертвованія самимъ собою, сильныя страсти и возвышенныя мысли принадлежатъ молодости; дѣятельность—зрѣлымъ лѣтамъ; старости—одни воспоминанія и любовь къ жизни. И что теряетъ юноша, умирая на зарѣ своей, подобно цвѣту, который видѣлъ одно восхожденіе солнца и увянулъ прежде, нежели оно потухло! Что теряемъ мы, умирая въ полнотѣ жизни, на полѣ чести, славы, въ виду тысячи людей, раздѣляющихъ съ нами опасность? Нѣсколько наслажденій краткихъ; но за то лишаемся съ ними и терзаній честолюбія, и сей опытности, которая встрѣчаетъ насъ на срединѣ пути, подобно страшному призраку. Мы умираемъ, но за то память о насъ долго живетъ въ сердцѣ друзей, непомраченная ни однимъ облакомъ, чистая, свѣтлая, какъ розовое утро майскаго дня».

---

57. Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ (стр. 202).

Построеніе. а) Разсужденіе не имѣетъ приступа. Авторъ прямо отвѣчаетъ на вопросъ, выраженный въ заглавіи, и этотъ отвѣтъ составляетъ «предложеніе», основную мысль: «одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ». Слово «прямо» показываетъ, что, кромѣ истинной доброты, есть доброта ложная, а слово «слѣдовательно» соединяетъ неразрывно счастіе съ добродѣтелью, полагая первое во второй.

б) За предложеніемъ слѣдуетъ «развитіе», которое состоитъ изъ двухъ частей: 1) доказательства основной мысли сочиненія, какъ истинной, и 2) опроверженія мысли, ей противной, какъ ложной. Человѣкъ, способный наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и прямо счастливый человѣкъ—вотъ мысль истинная. Человѣкъ, который въ свѣтѣ слыветъ добрымъ и счастливымъ, есть прямо добрый и счастливый—вотъ мысль ложная. Такимъ образомъ семейство противополагается свѣту. Въ семействѣ человѣкъ «есть» таковъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ, потому что онъ не имѣетъ нужды притворяться добрымъ и счастливымъ; онъ дѣйствуетъ собственною силою, свободно предается своимъ склонностямъ. Въ свѣтѣ человѣкъ можетъ «казаться» такимъ, каковъ онъ не есть въ самомъ дѣлѣ, потому что дѣйствуетъ не собственною силою, а окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе—хранитель его добродѣтелей; источникомъ ихъ можетъ быть единственно честолюбіе. Итакъ, кто хочетъ узнать совершенно характеръ человѣка, тотъ долженъ посмотрѣть на него въ семействѣ, гдѣ человѣкъ никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета.

в) Изъ мысли развитой, слѣд. доказанной, вытекаетъ совѣтъ, гдѣ искать счастія. Искать его надобно въ семействѣ, гдѣ заключены самыя лучшія наслажденія, самыя драгоцѣнныя награды человѣка.

г) Поэтическою картиною добраго семьянина оканчивается доказательство выбраннаго предмета.

д) Послѣдняя часть сочиненія изображаетъ горестную сторону семейной жизни и предлагаетъ утѣшеніе. Замѣтимъ, что сужденія автора, здѣсь изложенныя, повторяются въ другихъ его сочиненіяхъ: «Теонъ и Эсхинъ» и «Ундина». Подобное повтореніе бываетъ нерѣдко, если развиваемая мысль принадлежитъ къ задушевнымъ мыслямъ автора, есть, такъ сказать, отрывокъ или даже сокращеніе его нравственной философіи, его взгляда на жизнь. Сличимъ всѣ три мѣста:

«Развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ...» и такъ далѣе, до словъ: «горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію». (Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ).

«Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще-ли столь были прелестны?
О нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:
Для сердца прошедшее вѣчно;
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ, свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же: все ею онъ полонъ.
По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ,—
Сихъ узъ не разрушитъ могила»,
(*Теонъ и Эсхинъ*).

... Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потеряннымъ благомъ сливаетъ
Насъ воедино, съ которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло».
(*Ундина*).

58. О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей (стр. 205).

Построеніе. А) «Задача воспитанія». Обязанность воспитанія состоитъ въ полномъ раскрытіи душевныхъ способностей. Но душевныя способности, равно какъ силы тѣлесныя, развиваются въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ: слѣд. воспитаніе должно согласоваться съ ихъ развитіемъ.

Способностей душевныхъ три: чувство, умъ и воля. Умственное пріобрѣтеніе знаній, нравственное облагородствованіе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни, согласно послѣдовательному развитію способностей. Въ дѣтствѣ образуется чувство, подъ руководствомъ матери; въ юности раскрывается и обогащается умъ подъ руководствомъ отца или наставника; возрастъ мужества назначенъ образованію воли, подъ руководствомъ закона внѣшняго, или общественнаго, и внутренняго, или нравственнаго.

Б) Опроверженіе мыслей, противоположныхъ истинной задачѣ воспитанія. Объяснивъ тему своего сочиненія, которое будетъ состоять въ раскрытіи истинныхъ психологическихъ законовъ воспитанія, авторъ показываетъ ложность и вредъ противоположнаго образа мыслей; другими словами: показываетъ источники недостатковъ въ воспитаніи.

В) Раздѣленіе сочиненія. Такъ какъ душевныя способности развиваются въ опредѣленныхъ возрастахъ, то основаніемъ дѣленія можетъ служить или различіе способностей или различіе возрастовъ. По числу послѣднихъ, сочиненіе раздѣляется на три части:

а) Въ дѣтствѣ преимущественно образуется чувство. Обращая особенное на него вниманіе, не должно, однакожъ, упускать изъ виду другихъ сторонъ жизни, такъ, чтобъ въ жизни дитяти были возбуждены три начала: религіозное, нравственное и умственное. Первоначальное проявленіе чувствованій должно состоять въ повиновеніи и благодарности, въ занятіи благороднѣйшихъ внѣшнихъ чувствъ—зрѣнія и слуха, чтобы первое пріучилось къ изящнымъ образамъ, а второе—къ изящнымъ звукамъ. Первоначальное проявленіе нравственности должно состоять въ умѣренности, воздержаніи, отсутствіи зависти. Первоначальное проявленіе ума—въ обращеніи вниманія на самого себя, въ выборѣ занятій.

б) Въ отрокѣ разумѣніе составляетъ главный предметъ воспитанія. Правило здѣсь заключается въ томъ, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Занятія живописью и музыкой, наукой числъ и протяженій, языками—вотъ предметы умственнаго образованія. Относительно нравственнаго чувства, здѣсь должно раскрыть признательность и уваженіе, возбудить чувства обязанностей общественныхъ чувства справедливости, готовности къ услугамъ, прямодушія, честности. Относительно религіознаго чувства, въ отрокѣ раскрывается страхъ Божій, начало премудрости.

в) Въ періодѣ юношества, изъ знаній образуются науки, чувствованія творятъ идеалы, склонности обращаются въ нравственныя направленія.

Г) Изложеніе особеннаго способа образованія, свойственнаго человѣку, кромѣ общихъ психологическихъ законовъ.

Д) Заключеніе. Здѣсь, во-первыхъ, авторъ сокращенно излагаетъ содержаніе своего разсужденія; во-вторыхъ, обращается къ родителямъ, воспитателямъ и наставникамъ.

а) Сокращенное изложеніе содержанія.

Два, повидимому, противоположныя правила представляются воспитателю: первое требуетъ, чтобы не останавливать въ юношѣ ни одного врожденнаго влеченія, не ослаблять ни одной способности; другое заставляетъ уничтожать одностороннее направленіе для того, чтобы согласіе цѣлаго непрестанно бо-

лѣе и болѣе развивалось. Долгъ истинно-полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ сообщеніи разнородныхъ свѣдѣній, но въ совокупности и образованія вкуса, и просвѣщенія ума, и благородствованія сердца.

б) Обращеніе. Въ немъ предлагаются два совѣта: напитать юныя сердца христіанскими добродѣтелями — надеждою, любовію и вѣрою, и наставлять юношу собственными добрыми качествами, благими примѣрами.

Построеніе дидактическихъ сочиненій, или расположеніе ихъ матеріала, производится по двумъ способамъ: аналитическому и синтетическому.

А) Аналитическій (раздробительный, возвратный) способъ поступаетъ отъ частнаго и развиваетъ изъ него общее. Онъ восходитъ отъ явленій къ сущности, отъ фактовъ къ закону, отъ случаевъ къ правилу, отъ дѣйствій къ причинамъ, отъ слѣдствій къ началамъ, отъ особеннаго къ родовому. Сущность, законъ, правило, причина, начало, родъ суть различныя названія общаго, соотвѣтственно различнымъ названіямъ и качествамъ частнаго (явленіе, фактъ, случай, дѣйствіе, слѣдствіе, особенность). При такомъ развитіи мыслей, главное дѣло не въ частномъ, а въ томъ, чтобъ достигнуть общаго, какъ совокупности частнаго. Пусть, напримѣръ, *добродѣтель* будетъ предметомъ сочиненія. Слѣдуя аналитическому способу, авторъ начнетъ съ частнаго, отъ котораго перейдетъ постепенно къ общему. Сначала онъ укажетъ разныя проявленія добродѣтели, ея примѣры, поступки добродѣтельныхъ людей; потомъ изъ нихъ составитъ понятіе о видахъ добродѣтели; а наконецъ изъ видовыхъ понятій образуетъ родъ, такъ что опредѣленіе добродѣтели, какъ форма общаго, составитъ заключительную мысль сочиненія.

В) Синтетическій (совокупительный, поступательный) способъ есть развитіе частнаго изъ общихъ понятій. Онъ переходитъ отъ сущности къ явленіямъ, отъ законовъ къ фактамъ, отъ правилъ къ случаямъ, отъ началъ къ слѣдствіямъ, отъ родоваго къ видовому и особенному. Цѣль такого развитія мысли — получить частное какъ слѣдствіе общаго. Въ анализѣ частное служитъ средствомъ для развитія общихъ понятій; въ синтезѣ, общее служитъ средствомъ для вывода частностей. Полагая общее въ основу своихъ изслѣдованій, синтезъ не только выводитъ изъ него частное, но и объясняетъ его, оправдываетъ: такъ въ данномъ примѣрѣ (о добродѣтели), авторъ, слѣдуя синтетическому способу, начнетъ съ общаго понятія о добродѣтели (съ опредѣленія), потомъ изложитъ различные ея виды, и наконецъ заключитъ указаніемъ проявленія каждой добродѣтели порознь, такъ что общая мысль сначала разлагается на мысли частныя, а частныя мысли, въ свою очередь, переходятъ къ болѣе частнымъ, и сочиненіе оканчивается случаями или примѣрами.

76. Сочувствіе природѣ и поэтическое его выраженіе (стр. 281).

Изъ 2-й части сочиненія Александра Гумбольдта: Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія. 4 ч. (Русскій переводъ Николая Фролова).

Первый отдѣлъ этой части излагаетъ «средства, побуждающія къ изученію природы:» а) эстетическое воспроизведеніе сценъ природы, помощью оживленныхъ описаній животнаго и растительнаго царствъ, образовавшее новую отрасль литературы (такъ называемую описательную); б) ландшафтная живопись, въ той мѣрѣ, какъ она старается схватывать физіономію растеній; в) воздѣлываніе тропическихъ растеній и группированіе ихъ противоположныхъ экзотическихъ формъ.

Эстетическое воспроизведеніе сценъ природы, какъ выраженіе нашего къ ней сочувствія, разсматривается авторомъ,

во-первыхъ, по различію временъ и, во-вторыхъ, по различію народныхъ племенъ. Мы взяли въ Христоматію первую половину втораго разсужденія (по различію племенъ).

Пэаны—древнѣйшая форма лирической поэзіи. Первоначально пѣлись въ честь Аполлона; потомъ изъ нихъ образовались вообще торжественные и религіозные гимны, и они послужили основаніемъ для другихъ позднѣйшихъ родовъ лирической поэзіи.

Эпиметей и Пандора.—Наказавъ Прометея, Зевсъ не былъ въ силахъ отвратить человѣческій родъ отъ указанной ему новой дороги, и потому желалъ возвратить людямъ все зло и вредъ, отъ которыхъ они были избавлены титаномъ. Для этого онъ повелѣлъ богамъ создать Пандору: всѣ боги принесли ей свои дары и отправили ее къ Прометееву брату Эпиметею, который, не смотря на предостереженія брата, очарованный красотою Пандоры, принялъ ее къ себѣ. Она раскрыла ящикъ (въ которомъ Прометей заключилъ всѣ бѣдствія людей и который находился у его брата) и снова высыпала ихъ на землю, причемъ слѣпая надежда осталась единственнымъ утѣшеніемъ рода человѣческаго.

Эмпедоклъ (жившій за 450 лѣтъ до Р. Х.), погибшій въ Этнѣ, извѣстенъ какъ философъ, поэтъ, государственный человѣкъ, вѣщунъ и чудесный врачъ. Поучительное стихотвореніе его: «о природѣ вещей», почти все потеряно.

Ноннъ (жившій около 400 лѣтъ по Р. Х.) отличался поэтическимъ талантомъ. Графъ С. С. Уваровъ написалъ на нѣм. яз. изслѣдованіе о немъ.

Мелеагръ (ок. 100 до Р. Х.) составилъ древнѣйшую антологію, т. е. сборникъ мелкихъ стихотвореній, эпиграммъ (надписей) и проч.

Эліанъ (ок. 250 по Р. Х.), авторъ «разныхъ разсказовъ» въ 14 книгахъ, составленныхъ изъ легендъ, басенъ и повѣствованій всякаго рода.

Дицеархъ (270 лѣтъ до Р. Х.) описалъ Грецію въ стихахъ.

Апулей (ок. 160 л. по Р. Х.)—неоплатоническій философъ, авторъ сатирическаго романа: «Превращенія или Золотой оселъ».

Хризиппъ (ок. 280 до Р. Х.) — стоическій философъ.

Силій Италикъ (род. въ 25 г. по Р. Х.)—авторъ эпической поэмы: «Пуническая война».

Мимнермосъ (630 г. до Р. Х.)—искусный флейтистъ, ввелъ въ греческую литературу элегическую форму для воспѣванія тоскующей любви и скоротечности жизни и ея наслажденій. Дошли до насъ отрывки изъ его стихотворенія «Нанно» (имя виртуозки на флейтѣ).

Алкмеонъ — одинъ изъ епигоновъ (послѣ рожденныхъ), отмстившихъ за смерть отцевъ, семи вождей, погибшихъ подъ Ѳивами.

78. **Бесѣда Іоанна Златоустаго** (стр. 300).

Событіе произошло въ 388 г. по случаю особенной подати, которую императоръ Ѳеодосій Великій велѣлъ собрать по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ. Жители Антіохіи возмутились; чернь, подстрекаемая злонамѣренными людьми, свалила статуи императора и умершей супруги его Флакиллы, влачила ихъ по городу и наконецъ разбила. Когда вѣсть объ этомъ дошла до императора, онъ, въ справедливомъ гнѣвѣ, положилъ предать виновныхъ казни; грозилъ отнять у Антіохіи всѣ преимущества, даже сжечь или разрушить ее до основанія. Между тѣмъ мѣстное правительство приняло строжайшія мѣры къ отысканію и наказанію виновныхъ; нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ-же преданы были смерти, множество даже знатнѣйшихъ гражданъ взято подъ стражу и заковано въ цѣпи; начались допросы, пытки, казни; народъ, въ ужасѣ и отчаяніи, бѣжалъ изъ города. Въ это тяжкое время св. Іоаннъ явился отцемъ - утѣшителемъ несчастныхъ соотечественниковъ своихъ, и особенно, когда престарѣлый епископъ Флавіанъ

вскорѣ оставилъ Антіохію и отправился въ Константинополь молить императора о пощадѣ виновнаго города. Въ продолженіе семи дней отъ начала возмущенія, Іоаннъ, терзаемый горестію, молчалъ; но когда умы гражданъ нѣсколько успокоились, онъ вышелъ на каѳедру и въ 19-ти бесѣдахъ излилъ потоки пастырской любви своей къ народу и пламеннаго краснорѣчія. Онъ утѣшалъ несчастныхъ, ободрялъ надеждою на милость Бога и государя, воодушевлялъ къ терпѣнію, укрѣплялъ противъ страха смерти и угрожавшихъ наказаній; въ то же время обличалъ ихъ пороки, особенно гордость и скупость богатыхъ, привычку клясться, убѣждалъ — самымъ тогдашнимъ бѣдствіемъ—исправиться и добродѣтельною жизнію заслужить помилованіе отъ Бога и разгнѣваннаго императора. Всѣ эти бесѣды произнесены въ теченіе великаго поста, такъ что первая сказана въ субботу или въ воскресенье сыропустной недѣли, а послѣдняя въ самый день пасхи, въ присутствіи уже Флавіана, возвратившагося къ этому свѣтлому дню съ радостнымъ извѣстіемъ о дарованномъ отъ императора прощеніи.

Предлагаемая здѣсь бесѣда надписывается такъ: «Бесѣда 2, произнесенная въ Антіохіи, въ церкви такъ называемой древней, когда онъ былъ пресвитеромъ,—о бѣдствіи, постигшемъ городъ по случаю низверженія статуй благочестиваго царя Ѳеодосія Великаго, и на слова Апостола: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати* (Тим. VI, 17), и противъ любостяжанія».

79. Слово на погребеніе Бецкаго (стр. 311).

Въ этомъ словѣ легко различить два элемента: общій и частный. Общій, или часть догматическая, состоитъ въ развитіи положенія, что «добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на нее, прекрасна, и что самая смерть добродѣтельныхъ служитъ доказательствомъ безсмертія»; частный заключается въ изображеніи добродѣтельныхъ подвиговъ Бецкаго. Здѣсь частное не противорѣчитъ общему, но согласуется съ нимъ: проповѣдникъ открываетъ это согласіе, и потому вторая часть слова (частная) принадлежитъ къ словамъ похвальнымъ.

Слово состоитъ изъ четырехъ частей: приступа, предложенія, изложенія и заключенія.

Приступъ. (Итакъ мужъ... одну совѣсть и Бога). Приступъ разлагается на двѣ части: въ первой авторъ изъясняетъ награды, которыми на землѣ можно увѣнчать добродѣтельнаго человѣка, и показываетъ ихъ ничтожность; во второй, обращается къ Богу и выражаетъ скорбь свою объ участи добродѣтели, которая лишена воздаяній въ здѣшней жизни.

Предложеніе. (Свѣтъ сей есть.... въ царствѣ вѣчности). Ораторъ выбираетъ для своего слова слѣдующую тему: «самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательство безсмертія и блаженства добродѣтели въ будущей жизни». Предложеніе связывается съ приступомъ мыслію, вытекающею изъ приступа: «свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ, но не въ немъ ея награда».

Изложеніе. (Добродѣтель, съ которой стороны.... любезнѣйшихъ слѣдовъ). Въ мысль, служащую предложеніемъ, входятъ два понятія: добродѣтель и безсмертіе; отсюда двѣ части изложенія: въ одной говорится о добродѣтели, въ другой—о безсмертіи души. А) «Первая часть». Содержаніе первой части выражено первыми словами изложенія: «добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна». Различныя стороны, или точки зрѣнія, образуютъ различные отдѣлы первой части. Добродѣтель разсматривается: а) въ отношеніи къ Богу, ближнимъ, самому добродѣтельному человѣку, б) въ отношеніи къ различнымъ состояніямъ людей, в) въ отношеніи къ уму, г) въ отноше-

нія къ сердцу, д) въ отношенія къ счастливой жизни. За симъ слѣдуетъ картина величія добродѣтельныхъ людей, въ человѣческомъ родѣ вообще и въ Россіи особенно (воскресите, воскресите.... принесть другой жертвы не можемъ). Б) «Вторая часть». (Такъ ужели мысль.... любезнѣйшихъ слѣдовъ). Изобразивъ красоту добродѣтели, ораторъ переходитъ къ доказательству необходимо-предоставленной ей награды въ будущей жизни, слѣд. къ доказательству безсмертія. Онъ не прямо доказываетъ истину своего предложенія, но выводитъ ее изъ ложности другаго предложенія, отрицательно-противоположнаго первому: если ложно, что душа не безсмертна, то истинно, что она безсмертна; невозможность небезсмертія показываетъ ясно необходимость безсмертія; умъ и сердце признаютъ послѣднее, потому что не могутъ признать противнаго. Поэтому вторая часть есть рядъ вопросовъ, выражающихъ невозможность мысли, противной предложенію; отвѣтовъ нѣтъ, потому что они ясны каждому слушателю. Оканчивается она изображеніемъ спокойной смерти праведника.

Заключеніе. (Такъ!... идѣ же праведные водворяются). Въ немъ двѣ части: первая (частный элементъ, согласный съ общимъ, или похвальное слово) есть исчисленіе благодѣтельныхъ подвиговъ Бецкаго; вторая — краткая молитва къ Богу объ успокоеніи души умершаго въ царствѣ праведныхъ.

82. Слово на случай присяги судей (стр. 319).

Святость нравственныхъ законовъ, которые обязанъ провозглашать духовный ораторъ, сообщаетъ нерѣдко его поученію тонъ рѣзкій, даже сатирическій, когда надо предать обличенію пагубный порокъ, великое отступленіе отъ правилъ нравственности. Руководствуясь тою мыслію, что одна только добродѣтель имѣетъ неотъемлемое право на благоговѣніе душевное, что одной только истинѣ должны воскуряться ѳиміамы сердецъ, онъ, не взирая на лица, не стѣсняясь никакими житейскими отношеніями, поражаетъ своимъ словомъ нарушеніе истины и добродѣтели. Этотъ строгій и обличительный тонъ измѣняется по свойству случаевъ и заблужденій, противъ которыхъ ораторъ направляетъ свое слово. Онъ имѣетъ видъ дружескаго выговора, отеческаго увѣщанія, когда слушатели впадаютъ въ погрѣшности не съ намѣреніемъ; легкой и добродушной ироніи (какъ въ поученіи св. Димитрія Ростовскаго на память св. великомученика Евстафія Плакиды, гдѣ св. учитель описываетъ перехожденіе царствія Божія съ мѣста на мѣсто), когда проповѣдникъ не находитъ нужнымъ прямо нападать на заблужденія народныя; обличенія, представленнаго въ общихъ чертахъ, когда нужно только предостерегать отъ пороковъ, побуждать къ ревностнѣйшему исполненію обязанностей. Но онъ же бываетъ грозенъ, когда пастырскія увѣщанія остаются безъ дѣйствія, когда ожесточеніе, безчувственность, злоупотребленія доходятъ до крайней степени: тогда слово становится словомъ суда и прещенія (таково слово Златоуста къ Византійцамъ, которые въ великій пятокъ ходили въ театръ; слово Василія Великаго противъ тѣхъ, которые во время пасхи предавались неумѣренному употребленію напитковъ). Къ числу такихъ строгихъ поученій принадлежитъ слово Амвросія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній нашего духовнаго краснорѣчія.

83. Слово въ великой пятокъ (стр. 324).

Слово начинается краснорѣчивымъ вступленіемъ: «чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей Слова! нѣтъ болѣе Слова! Слово, собезначальное Отцу и Духу, начало всякаго слова живаго и дѣйственнаго, умолкло, скончалось, погребено и запечатано». (Приступъ).

Сказавъ такимъ образомъ, что у служителей Слова какъ бы нѣтъ предмета для слова, ораторъ отыскиваетъ этотъ предметъ. Онъ говоритъ: «Слово Божіе не связуется смертію. Какъ устное слово человѣческое не совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда престаетъ звукъ его, но воспріемлетъ тогда новую силу и, прошедъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и сердцахъ слышавшихъ: такъ ипостасное Слово Божіе, въ своемъ спасительномъ вочеловѣченіи умирая плотію, въ то же время исполняетъ всяческая; умолкаетъ для того, чтобы сильнѣе глаголать къ намъ; умираетъ, чтобы даровать намъ свое наслѣдіе: «Азъ завѣщаю вамъ, яко же завѣща мнѣ Отецъ мой, царство». Но первые наслѣдники Его не обрѣли по Его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ Онъ пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ преподавали желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія (Переходъ отъ приступа къ предложенію).

Что жъ это значитъ! То, что христіанину многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе, которое завѣщалъ ему Христосъ; что какъ кресть Христовъ есть дверь царствія для всѣхъ, такъ крестъ христіанъ есть ключъ царствія для каждаго сына царствія. Вотъ сокращеніе «слова крестнаго». Принесемъ оное, какъ каплю мура, ко гробу Слова животворящаго (Предложеніе).

Итакъ предметъ для слова найденъ: это — слово крестное, слово о крестѣ. За симъ начинается «изложеніе», раздѣляемое на двѣ части: первая изображаетъ крестъ, понесенный Спасителемъ; вторая — крестъ, который должны нести христіане.

Часть 1-я. Прежде нежели Сынъ Божій понесъ крестъ свой, онъ принадлежалъ человѣкамъ. Въ началѣ своемъ онъ былъ сдѣланъ изъ древа познанія добра и зла. Едва прикоснулся къ нему первый человѣкъ, какъ тьма, скорбь, ужасъ, труды, болѣзни, смерть ополчились на него и низринулся бы сынъ гнѣва во адъ, если бы Сынъ Божій не усвоилъ Себѣ крестъ его. Кто измѣритъ всемірный сей крестъ, понесенный начальникомъ нашего спасенія? Кто извѣситъ его тяжесть?

Ораторъ показываетъ, что вся жизнь Іисуса, отъ воплощенія Его до дня вступленія въ служеніе спасенію рода человѣческаго и отъ дня вступленія до смерти, была единый крестъ. Это исчисленіе крестовъ, понесенныхъ Спасителемъ, есть образецъ духовнаго краснорѣчія, по глубинѣ богословскаго изслѣдованія, по краткости и силѣ изображенія Спасителевой жизни и по выраженію ораторскому. Оно начинается словами: «Божество соединяется съ человѣчествомъ»... и оканчивается обращеніемъ къ Богу: «Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ если возлюбленнаго Твоего?»... Нѣкоторыя мѣста суть особенно краснорѣчивыя, патетическія изліянія религіознаго вдохновенія; напр. «Почіешь ли ты, Божественный Крестоносецъ»... «Наше слово изнемогаетъ, слушатели»... «Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси возлюбленнаго Сына Твоего...?» Говоря о молитвѣ Спасителя въ саду геѳсиманскомъ, ораторъ входитъ въ объясненіе смертной скорби Іисуса, которая можетъ нѣкоторымъ показаться недостойною безстрастнаго: онъ доказываетъ, что эта скорбь есть дѣйствіе не человѣческаго нетерпѣнія, но Божескаго правосудія. Чаша, которую подалъ Спасителю Отецъ Его, есть чаша всѣхъ беззаконій, нами содѣянныхъ, и всѣхъ казней, намъ уготованныхъ.

Переходъ ко второй части. Сколь ни велика всепривлекающая сила Іисуса Христа, Онъ не иначе можетъ влещи насъ въ слѣдъ Себѣ, какъ чрезъ водруженіе креста своего въ насъ.

Часть 2-я. Въ ней развиты слѣдующія мысли: а) необходимость креста человѣку для спасенія, б) дары Божіи, пріобрѣтаемые несеніемъ креста, и примѣры великихъ ангеловъ, водителей и хранителей церкви, воспитанныхъ въ училищѣ креста (замѣтить здѣсь превосходное опредѣленіе таинственнаго креста: «Какъ видимый, вещественный

крестъ... пѣстунъ сыновъ царствія»), в) изображеніе людей, не желающихъ нести крестъ Христовъ.

Заключеніе. Поучительное наставленіе человѣку искать въ крестѣ средство изникнуть отъ міра и вознестися къ Богу. Ораторъ, видя во всемъ таинственную силу креста, указываетъ слушателямъ на человѣка, который спасается отъ потопленія, возобновляя въ членахъ своихъ образъ креста, и на птицу, которая, желая вознестись отъ земли, простирается въ крестъ.

87. Слово въ великій пятокъ (стр. 344).

Слово состоитъ изъ четырехъ частей: вступленія, предложенія, главной части (изложенія) и заключенія.

а) Приступъ. Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! Слѣдовательно есть еще фарисеи и книжники, есть еще Іуды, Пилаты и Ироды. Но есть ли вѣрные и мужественные Іоанны, благоразумные сотники, Іосифы и Никодимы, Соломіи и Магдалины? Господь взиралъ нѣкогда съ небесъ на сыновъ человѣческихъ и не нашелъ ни единаго, кто бы разумѣвалъ или искалъ Бога. Теперь Господь смотритъ не съ неба, а со креста, смотритъ не на сыновъ человѣческихъ, а на сыновъ благодати: что же Онъ зритъ между нами? лучше ли мы прежняго? Онъ видитъ поклоненія, слышитъ величанія, но и на Голгоѳѣ Онъ видѣлъ покиванія главою, и въ преторіи Пилата слышалъ: радуйся, царю іудейскій! Онъ видитъ слезы, слышитъ воздыханія, но и съ Голгоѳы многіе возвращалися, біюще въ перси своя.

б) Переходъ къ предложенію и предложеніе. Не поклоненія и величанія, не вздохи и слезы потребны теперь Господу нашему: «у гроба сего долженъ быть судъ міру».—Но прежде чѣмъ начать этотъ судъ, проповѣдникъ употребляетъ красивую драматическую форму: Спаситель обращается къ человѣкамъ съ исчисленіемъ благодѣяній, имъ оказанныхъ, и съ требованіемъ суда (смотрите, что я сдѣлалъ для васъ!... пріидите и истяжимся).

в) Изложеніе. Оно подраздѣляется на части, соотвѣтственно разнымъ классамъ людей. Такъ какъ нѣтъ надобности перебирать всѣ классы, то ораторъ зоветъ ко гробу и требуетъ отчета у служителей алтаря (часть первая), у властелиновъ судьбы ближнихъ (часть вторая), у наперсниковъ мудрости (часть третья), у всѣхъ христіанъ (часть четвертая). Каждая изъ первыхъ трехъ частей слагается изъ двухъ мыслей: судимый или исполнялъ свои обязанности — и тогда онъ имѣетъ право приблизиться ко гробу и лобызать язвы Господни; или не исполнилъ своихъ обязанностей—и тогда онъ долженъ удалиться отъ гроба. Послѣднюю мысль изложенія (такъ, братія... стрещи великую стражбу) можно назвать патетическимъ мѣстомъ слова: ораторъ находитъ присутствующихъ недостойными стоять на стражѣ у гроба Господня и призываетъ земныхъ и небесныхъ ангеловъ явиться и смѣнить недостойныхъ. Это мѣсто напоминаетъ, нѣкоторымъ образомъ, ораторскую выходку Массильона въ его словѣ: « О маломъ числѣ избранныхъ». Выписываемъ ее для сравненія:

«Итакъ я васъ спрашиваю, и спрашиваю, пораженный ужасомъ, не отдѣляя моего жребія отъ вашего и входя самъ въ то же расположеніе, въ какомъ желалъ бы васъ видѣть: отвѣтствуйте. Если бы Іисусъ Христосъ явился здѣсь, въ семъ храмѣ, среди сего собранія, воистину величественнѣйшаго въ мірѣ,— да судитъ насъ, да содѣлаетъ страшное разлученіе козлищъ отъ овецъ: думаете ли вы, что большая часть станетъ одесную? думаете ли, что обѣ части будутъ, по крайней мѣрѣ, равныя? думаете ли, что нашлось бы между нами хотя десять праведныхъ, которыхъ не могъ древле Господь обрѣсти въ цѣлыхъ пяти градахъ? Я васъ спрашиваю? вы не знаете.... и я самъ не знаю.... Ты единъ, о Боже! вѣси сущихъ Твоихъ. Но аще мы не вѣдаемъ, кто они тако-

вы, по крайней мѣрѣ знаемъ, что грѣшные не суть Твои. Кто же суть вѣрные, во св. храмъ сей пришедшіе?— Достоинства, чины, отличія отложимъ въ сторону: ибо мы безъ нихъ должны предстать предъ судилище Іисуса Христа.—Кто же они таковы? Много изъ нихъ грѣшныхъ, не желающихъ обратиться, болѣе хотящихъ и откладывающихъ обращеніе; еще болѣе обращающихся, и паки множицею согрѣшающихъ; наконецъ великое число таковыхъ, которые не почитаютъ за нужное обратиться. Вотъ часть осужденныхъ. Исключите сіи четыре рода грѣшниковъ изъ сего благочестиваго собранія: ибо они отлучены будутъ въ день страшнаго суда. Явитесь теперь, праведные, гдѣ вы? останки Израиля, станите одесную! пшеница Іисуса Христа, отдѣлися отъ сихъ плевеловъ, назначенныхъ къ сожженію!... О Боже! гдѣ убо Твои избранные? И что Тебѣ остается въ наслѣдіе?

г) Заключеніе. Что же должны сотворить мы, осужденные у гроба Господня, недостойные, по нашей нечистотѣ, находиться при немъ? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа: Покаемся и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь Господа и святаго закона Его.

93. Изъ рѣчи Цицерона о назначеніи Помпея полководцемъ (стр. 357).

Во вступленіи Цицеронъ объясняетъ, почему онъ говоритъ рѣчь къ народу, и разсказываетъ содержаніе дѣла. Середина, или главная часть рѣчи, дѣлится на три отдѣла: въ первомъ доказывается необходимость войны съ Митридатомъ, во второмъ—ея важность; третій, важнѣйшій, содержитъ въ себѣ похвалу Помпею. Этотъ третій отдѣлъ помѣщенъ въ Христоматію. Здѣсь ораторъ говоритъ о знаніи Помпеемъ своего дѣла, о его достоинствахъ, какъ полководца, которыя состоятъ не только въ дѣятельности, настойчивости, предусмотрительности, храбрости и быстротѣ дѣйствія, но и въ умѣніи обуздывать свои страсти, твердости въ словѣ, гуманности, умѣ; кромѣ того говорится о его славѣ и счастіи. На этомъ отдѣлѣ ораторъ сосредоточилъ все свое вниманіе; возлѣ него группируется все остальное. Тутъ обнаружилъ онъ все свое искуство. (Введеніе къ переводу г. Ростовцева).

94. Слово Петру I (стр. 360).

Слово состоитъ изъ четырехъ частей: приступа, раздѣленія, главной части и заключенія.

Приступъ развиваетъ мысль, что императрица Елисавета, принявъ скипетръ, явилась истинною наслѣдницею Петровыхъ дѣлъ: слѣдов., похваляя Петра, похвалимъ Елисавету (Предложеніе).

Раздѣленіе. Слово дѣлится на три отдѣла: изображеніе важнѣйшихъ дѣлъ Петра; изображеніе препятствій, имъ преодолѣнныхъ; изображеніе добродѣтелей, которыя были необходимы для совершенія важныхъ подвиговъ.

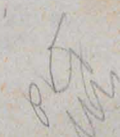
Всѣ эти отдѣлы разсмотрѣны въ главной части:

а) Дѣла Петровы: распространеніе наукъ въ Россіи, устройство войска, военные подвиги на сушѣ и на моряхъ, гражданскія учрежденія.

б) Преодолѣнныя препятствія: опасности путешествія, внутренніе непріятели (стрѣльцы, раскольники, предательство ближнихъ), внѣшіе враги (Шведы, Поляки, крымскіе Татары, Персіяне, Турки).

в) Добродѣтели: благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, правосудіе, снисходительность, трудолюбіе.

Въ заключеніе Петръ Великій уподобляется божеству, называется человѣкомъ богоподобнымъ.



[illegible]